ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи

А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 9. Сентябрь. 1913.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва.—1913.

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

II. Воспоминанія:

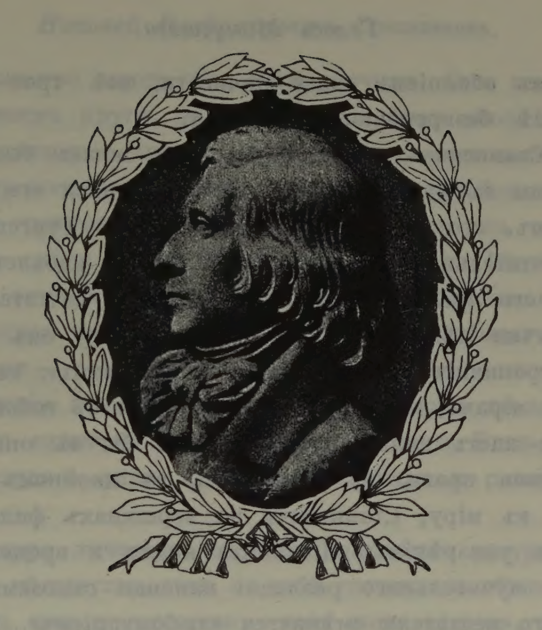
III. Романъ:

IV. Матеріалы:

V. Обзоръ журналовъ:

Николай Владимировичъ Станкевичъ.

(1813 — 1840).

Свѣтлой чредой встаютъ передъ нами дорогія тѣни и, оставивъ легкій слѣдъ въ зыбкомъ сознаніи убѣгающихъ дней, возвращаются подъ общую имъ сѣнь старыхъ деревьевъ Пятницкаго кладбища: Грановскій, Щепкинъ, теперь Станкевичъ...

Въ 1846 г. въ біографіи Кольцова Бѣлинскій писалъ о Станкевичѣ: «это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ кружка близкихъ къ нимъ людей». Въ этихъ интимныхъ кружкахъ, первыхъ оазисахъ зрѣющаго русскаго гуманизма, уже съ начала XIX вѣка четко намѣтился образъ идеалиста, чернокудраго «геттингенца», поэта и любомудра, сперва нѣсколько туманный и блѣдный, но постепенно заполнявшійся все болѣе живыми и яркими красками. Таковы на протяженіи полувѣка Андрей Тургеневъ, Веневитиновъ, Станкевичъ — благородные вдохновители кружковаго идеализма, такъ полно осуществившіе въ своей личности его послѣдовательно усложнявшуюся програму, носители одного и того же въ своей основѣ огня, всѣ неотразимо убѣдительные непо-

средственнымъ обаяніемъ своей личности, всѣ трое — въ поэтическомъ ореолѣ безвременнаго угасанія.

Н. В. Станкевичъ за свою недолгую жизнь быстро прошелъ главные этапы въ развитіи этого типа и явился его завершительнымъ звеномъ, его синтезомъ. Какъ Андрей Тургеневъ, сначала и онъ — «мечтательнаго зритель», котораго не удовлетворяютъ земныя грани; его *прекрасное* не отъ міра сего, мечтательное счастье для него лучше дѣйствительнаго, своему другу онъ совѣтуетъ въ письмахъ ограничиться «чувствомъ и искусствомъ»: «мы живемъ въ этихъ двухъ мірахъ, до другихъ міровъ намъ съ тобой дѣла нѣтъ». Но развитіе идетъ дальше; жизнь, хотя бы въ опытахъ любви, заявляетъ свои права, и, разрываясь въ двойномъ тяготѣніи — изъ міра и къ міру, Станкевичъ на вершинахъ философскаго созерцанія, въ умозрѣніяхъ Шеллинга ищетъ и временно находитъ выходъ изъ мучительнаго разлада: наивная самозамкнутость сентиментальнаго мечтателя смѣняется «любомудріемъ»...

Станкевичъ въ центрѣ кружка, одного изъ тѣхъ немногихъ, въ которыхъ «зарождалась Россія будущаго». Мало продуктивный самъ, онъ щедро излучаетъ въ другихъ свой богатый душевный міръ. Достаточно прочитать переписку Станкевича, чтобы видѣть, какъ его мысли и замѣчанія отозвались, напр., въ статьяхъ Бѣлинскаго: высокая оцѣнка Гоголя, какъ поэта жизни дѣйствительной, умѣющаго схватить «прекрасное чувство человѣческое въ пустой ничтожной жизни»; разоблаченіе поэтической фальши въ прославленныхъ твореніяхъ Кукольника, Тимоѳеева, Бенедиктова; взгляды на театръ, на игру Каратыгина и Мочалова, увлеченіе Гофманомъ и многіе другіе мотивы писемъ Станкевича явно говорятъ о крупной роли его личнаго вліянія въ выработкѣ воззрѣній кружка. Но самое главное, что и дѣлало Станкевича истинной сердцевиной идеалистическаго братства, заключалось не въ отдѣльныхъ его взглядахъ, какъ бы ни были они убѣдительны, не въ широкихъ и увлекающихъ принципахъ его общаго міровоззрѣнія, а въ свѣтлой красотѣ его цѣльнаго духовнаго облика, въ его высокой одухотворенности, въ «святомъ недовольствѣ» собою, въ неугасимой и бодрой жаждѣ идеальнаго міра. Онъ обладалъ счастливымъ даромъ, о которомъ мечталъ поэтъ: онъ умѣлъ «сказаться душой», и стройная организація его духа свободно организовала въ идейное цѣлое разнородныхъ членовъ кружка. «Въ существѣ его не было односторонности, — говоритъ К. Аксаковъ, — искусство,

красота, изящество много для него значили. Онъ имѣлъ сильное вліяніе въ своемъ кругу, но это значеніе было вполнѣ свободно и законно, и отношеніе друзей къ Станкевичу, невольно признававшихъ его превосходство, было проникнуто свободной любовью, безъ всякаго чувства зависимости». — Куда же онъ шелъ самъ и куда велъ за собою другихъ? Увлекался ли онъ Шеллингомъ, переходилъ ли затѣмъ къ Гегелю (съ 1836 г.), основная жизненная проблема, личная и въ то же время очередная общественная, была одна и та же — разработка и самоутвержденіе личности: найти свое опредѣленіе и осуществить его. Станкевичъ во всемъ «ищетъ *себя* и своего единства съ жизнью природы и Бога»; философія, наука, искусства — лишь средства раскрытія и развитія человѣческаго «я».

Эта культура личности, въ эпоху торжества всеуравнивающаго офиціальнаго мѣщанства, сама по себѣ составляла общественную заслугу: «беречь свое достоинство — вотъ наша задача», писалъ Станкевичъ. Но беречь и развивать себя надо не только для себя, но и для другихъ: для полноты счастья нужно что-то *отъ міра*. «Надобно или *дѣлать* добро, или *приготовлять* себя къ дѣланію добра»... Періодъ подготовки явно кончался, душа созрѣла для дѣятельности. Такъ переходилъ Станкевичъ,—и въ его лицѣ отчетливо обозначились этапы развитія цѣлаго общественно-литературнаго типа — отъ мечтательной и эгоистичной замкнутости въ своемъ «я» къ глубокому философскому самоопредѣленію, а это послѣднее, въ свою очередь, становилось точкой опоры для поворота къ той самой дѣйствительности, въ отрывѣ отъ которой культивировалась личность русскаго идеалиста.

Съ горныхъ высей философскаго созерцанія Станкевичъ все отзывнѣй и вдумчивѣй всматривался въ русскую жизнь; онъ и за границу поѣхалъ, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобы «освѣжить чувство тоскою по родинѣ, оживить эту любовь къ Россіи, гибнущую отъ тысячи обстоятельствъ». Какъ рѣшались Станкевичемъ животрепещущіе вопросы современности, можно видѣть изъ занесенныхъ въ его дневникъ (1837 г.) мыслей о народности: «Чего хлопочутъ люди о народности? — спрашиваетъ онъ...—Кто имѣетъ свой характеръ, тотъ отпечатываетъ его на всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; создать характеръ, воспитать себя можно только человѣческими началами. Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій, значитъ хотѣть продлить

для него время дѣтства: давайте ему общее человѣческое и смотрите, что онъ способенъ принять, чего недостаетъ ему? Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками, кваснымъ патріотизмомъ — это никуда не годится».

Живя за границей, Станкевичъ неустанно думаетъ о Россіи, скорбно вглядывается въ ея больныя стороны и вѣрно указываетъ средства къ ихъ излѣченію: возвращаясь одинъ разъ съ вечера отъ Фроловыхъ, еще съ неостывшимъ возбужденіемъ отъ поднятыхъ тамъ вопросовъ о судьбахъ родины, Станкевичъ горячо доказываетъ своимъ молодымъ друзьямъ, что «прежде всего надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія» и тутъ же беретъ съ нихъ — Грановскаго, Тургенева, Невѣрова — торжественное обѣщаніе посвятить всѣ свои силы на служеніе этой высокой цѣли. И самъ онъ, нѣжный, хрупкій, съ нездоровою грудью, «небесный» Станкевичъ готовъ былъ итти навстрѣчу русской жизни, готовился посвятить себя, по словамъ Тургенева, труду, необходимому для Россіи.

Такъ рано угасла эта прекрасная жизнь! Станкевичъ не успѣлъ вступить въ борьбу за свои идеалы, но зато и дѣйствительность не успѣла наложить своихъ пятенъ на его чистый ликъ. Слѣдъ его жизни, не закрѣпленный въ крупныхъ результатахъ общественнаго, литературнаго или научнаго творчества, остался, однако, яркій и неизгладимый, въ душѣ тѣхъ, кто былъ ему близокъ. А эти близкіе были — Грановскій, Бѣлинскій, Бакунинъ, Клюшниковъ, Красовъ, Боткинъ, Невѣровъ, Тургеневъ... Припомните Покорскаго (въ «Рудинѣ»), при созданіи котораго образъ Станкевича носился передъ Тургеневымъ, вчитайтесь въ письма Станкевича къ Невѣрову, Грановскому, — и вы безъ труда представите себѣ, сколько бодрости, сколько тонкой поэзіи и мысли, тепла и свѣта могъ перелить въ чужую душу тотъ, кто самъ

Пылалъ полунощной лампадой
Передъ святынею добра...

Бѣлинскій называетъ «геніальной» личность Станкевича и отмѣчаетъ его громадное вліяніе на окружающихъ: «подумай-ка о томъ, — писалъ онъ Боткину, — что былъ каждый изъ насъ до встрѣчи со Станкевичемъ или съ людьми, возрожденными его духомъ». Къ числу такихъ возрожденныхъ, несомнѣнно, принадлежалъ И. С. Тургеневъ; въ

этомъ отношенiи весьма выразительно недавно найденное въ бакунинскомъ архивѣ письмо Тургенева (отъ 8 сент. 1840 г.) [1]. «Въ Римѣ я нахожу Станкевича,—пишетъ онъ Бакунину.—Понимаешь ли ты переворотъ, или нѣтъ — начало развитiя моей души! Какъ я жадно внималъ ему,—я, предназначенный быть послѣднимъ его товарищемъ, котораго онъ посвящалъ въ служенiе Истинѣ своимъ примѣромъ, поэзiей своей жизни, своихъ рѣчей! Я его увидалъ — и прежде еще непримиренный, я вѣрилъ въ примиренiе: онъ обогатилъ меня тишиной, удѣломъ полноты, меня еще недостойнаго... Станкевичъ! тебѣ я обязанъ моимъ возрожденiемъ, ты протянулъ мнѣ руку и указалъ мнѣ цѣль»... Сочиненiя Станкевича, собранныя въ одномъ небольшомъ томѣ [2], не даютъ представленiя о полной мѣрѣ отпущенныхъ ему дарованiй; правда, мимо нихъ не пройдетъ тотъ, кто захотѣлъ бы подышать самымъ чистымъ и благоуханнымъ цвѣтенiемъ русскаго идеализма, но, во всякомъ случаѣ, то, что Станкевичъ *написалъ*, какъ поэтъ и мыслитель, ниже того, чѣмъ онъ *былъ*. Именно поэтому поистинѣ драгоцѣннымъ наслѣдiемъ Станкевича остается для насъ его переписка: она позволяетъ намъ подслушать подлинный тембръ его голоса, вжиться въ переливы его чувствъ и завѣтныхъ думъ, отозваться на всѣ многозвучныя струны его души; книга писемъ Станкевича въ своей неприкрашенной правдѣ сама по себѣ есть чудная поэма о благородномъ русскомъ идеалистѣ, безвременно взятомъ могилой [3].

Смерть Станкевича (24 iюня 1840 г.) произвела на его друзей громадное впечатлѣнiе. «Боже мой! Кто ждалъ этого? — писалъ Бѣлинскiй Боткину. — Не былъ ли бы, напротивъ, каждый изъ насъ убѣжденъ въ невозможности такой развязки столь богатой, столь чудной жизни. Да, каждому изъ насъ казалось невозможнымъ, чтобы смерть осмѣлилась подойти безвременно къ такой божественной личности и обратить ее въ ничтожество». Однако подошла и тѣмъ самымъ заново, со всей остротой, поднимала трагическую

---

[1]) См. «Р. Мысль», 1912 г., декабрь.

[2]) *Николай Владимировичъ Станкевичъ.* Стихотворенiя.—Трагедiя.—Проза. М. 1890 г.

[3]) Въ настоящее время можно съ нетерпѣливой радостью ожидать скораго выхода въ свѣтъ новаго изданiя переписки Н. В. Станкевича (раньше она входила, какъ часть, въ книгу П. В. Анненкова «Н. В. Станкевичъ». М. 1857 г., давно уже ставшую рѣдкой). Новое изданiе, подготовленное на основанiи матерiаловъ семейнаго архива А. И. Станкевичемъ, дастъ переписку въ болѣе полномъ и тщательно комментированномъ видѣ.

проблему индивидуализма: «что же стало съ нимъ?—вспоминаетъ Бѣлинскій о Станкевичѣ.—Нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, и буду спрашивать у него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало?» Безжалостный рокъ царитъ во вселенной и не щадитъ прекраснаго: смерть Станкевича показалась Бѣлинскому тѣмъ болѣе естественной, чѣмъ «святѣе, выше, геніальнѣе была его личность:

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ»...

Еще глубже, и потому тише, невыразимѣе была скорбь Грановскаго; онъ, дѣйствительно, чувствовалъ, что вмѣстѣ со Станкевичемъ «благороднѣйшая часть его самого сошла въ могилу».

Живой цементъ идеалистическаго кружка, Станкевичъ и по смерти какъ бы звалъ своихъ друзей къ единенію: «Мы не должны унывать и преклоняться, — писалъ Тургеневъ Грановскому,—сойдемся — дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ — быть-можетъ, лучшій. Но возникаютъ, возникнутъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій и рано ли, поздно — *свѣтъ побѣдитъ тьму*». Таковъ устами Тургенева посмертный завѣтъ Станкевича; и, конечно, для насъ не потерялъ еще призывности его голосъ, а его образъ, такъ свѣтло и благотворно отражавшійся въ современникахъ, вызывавшій преклоненіе даже у лицъ иного поколѣнія, иного общественнаго класса и міросозерцанія, какъ Добролюбовъ, продолжаетъ свѣтить и намъ изъ своей безвѣстной дали, озаряя мягкимъ свѣтомъ темные пути нашей личной и общественной жизни.

Н. Сидоровъ.

Старшіе и одинокіе новой бельгійской литературы.

(Ванъ-Гассель, Де-Костеръ, Пирме).

Современная бельгійская литература, какъ принято обыкновенно считать, беретъ свое начало со времени знаменитой революціи 1830 года, завоевавшей Бельгіи, маленькой странѣ съ великимъ прошлымъ, самостоятельность. Но въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ, и бельгійская литература, современная, съ которой считаются въ настоящее время литературы другихъ странъ, которую нѣкоторые представители чужой словесности ставятъ даже чуть ли не на первое мѣсто въ срецѣ западныхъ современныхъ литературъ [1]), далеко не такъ стара; ея начало, какъ самостоятельной, *національной* литературы, имѣющей отличительныя черты и свои цѣли, несвойственныя другимъ сосѣднимъ литературамъ, должно относиться только къ 1880 году. До этого года мы находимъ въ Бельгіи только одинокихъ лицъ, одаренныхъ, дѣйствительно, настоящимъ талантомъ, но еще несплоченныхъ между собою, неувлеченныхъ одной общей идеей и несоставляющихъ такимъ образомъ еще литературнаго движенія. Къ тому же годы, положеніе раздѣляли ихъ... Но эти одинокіе, эти старшіе являются предвозвѣстниками, предтечами тѣхъ, кто явился въ 1880 году и составилъ то яркое движеніе въ бельгійской литературной жизни, которое создалось журналомъ въ la Jeune Belgique (Молодая Бельгія). Вокругъ этого новаго журнала, благодаря стараніямъ и обаятельной личности редактора, юнаго поэта, Макса Вагнера, сгруппировалась цѣлая плеяда настоящихъ поэтовъ и романистовъ. И хотя

---

[1]) Jethro Bithell, Contemporary Belgian Poetry, 1904. Stefan Zweig — Emile Verhaeren, sa vie, son oeuvre (1910).

это не была опредѣленная школа поэтовъ, такъ какъ они прежде всего старались быть индивидуальными, они все же первые въ странѣ заговорили о *національной литературѣ;* они, первые, сплоченные группою, стремились создавать въ странѣ литературу и читателей, привлекать къ себѣ и журналу вниманіе большой публики. Они первые захотѣли бороться съ равнодушіемъ толпы, ничего не читавшей, кромѣ газетъ, и изъ ихъ среды вышли поэты, ставшіе теперь міровыми, какъ М. Метерлинкъ, Ж. Роденбахъ, Э. Верхарнъ. Ихъ группу, ихъ движеніе, извѣстное подъ именемъ движенія «*Молодой Бельгіи*», надо считать началомъ современной бельгійской литературы. До нихъ были только отдѣльные писатели, одиноко работавшіе, не желавшіе бороться съ индифферентизмомъ большой публики и словно умѣвшіе ждать. («Je suis de ceux, qui savent attendre», говорилъ о себѣ Де-Костеръ). Эти одинокіе, покорные таланты проводили свои дни въ полной неизвѣстности, умирали въ нищетѣ, кромѣ Пирме, имѣвшаго большое помѣстіе, и опять же это поколѣніе *Молодой Бельгіи* первое стремилось вызвать изъ мрака имена забытыхъ своихъ предшественниковъ.

Итакъ, до нихъ, до движенія *Молодой Бельгіи,* были только старшіе и одинокіе писатели: Ванъ-Гассель въ области поэзіи, Шарль Де-Костеръ въ области романа и Октавъ Пирме, нѣжный мечтатель, философъ въ духѣ Паскаля. Эти несчастные, одинокіе страдальцы работали въ самой ужасной обстановкѣ. Не было никого возлѣ нихъ, кто интересовался бы дѣйствительно искусствомъ; не было никого, кто ощущалъ бы потребность передать свои мечты и грезы на бумагѣ... Но развѣ никто и не мечталъ въ то время?.. Кругомъ, если и писали, если и печатали стихи, повѣсти и даже критическія статьи, то все было ужасно манерно, банально и, главное, скучно. Кто же писалъ? Профессіональныхъ литераторовъ еще не было; большею частью учителя, профессора, чиновники, возвращаясь изъ отпуска, послѣ лѣтнихъ каникулъ, привозили съ собою по роману, по тетрадкѣ стиховъ, и имъ прежде всего не доставало *оригинальности* и настоящаго таланта. Они въ своихъ произведеніяхъ были всегда только подражателями, они боялись новыхъ теорій и неизвѣданныхъ путей. И вотъ въ такой обстановкѣ, въ средѣ почтенныхъ ученыхъ той поры, какъ Стассарь, Лебрюссаръ, Потвэно, явился Ванъ-Гассель, поэтъ съ истиннымъ вдохновеніемъ и недюжиннымъ талантомъ. «Это былъ прежде всего умѣренный подражатель романтизма въ такую эпоху, когда, надо сознаться, даже это одно считалось необыкновенной смѣлостью въ Бельгіи» [1]). Да, Ванъ-Гассель весь былъ подъ вліяніемъ французскаго романтизма, но и теперь, въ его *Антологіи*, изданной въ Брюсселѣ, въ 1906 году, въ его

---

[1]) Eugène Gilbert. Les lettres françaises dans la Belgique d'aujourd'hui. 1906 г.

главномъ произведеніи, «Quatre Incarnations du Christ» (1867), можно найти вовсе неустарѣвшіе и для нашего времени стихи, хотя они были написаны въ тридцатыхъ, сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Ванъ-Гассель, родоначальникъ современной бельгійской литературы, родился въ Голландіи, въ Мастрихтѣ, 5-го января 1805 г.; родной его языкъ былъ голландскій, а французскому, которымъ онъ владѣлъ впослѣдствіи превосходно, онъ научился гораздо позднѣе. Первые его опыты были вполнѣ въ духѣ того времени, отличались банальностью и не представляли никакого интереса, но совершенно неожиданно, поѣздка въ Парижъ, гдѣ онъ познакомился съ В. Гюго, Сентъ-Бевомъ, переродила Ванъ-Гасселя. Эта встрѣча съ В. Гюго открыла въ немъ настоящее вдохновеніе. Правда, В. Гюго вызвалъ въ его душѣ нѣчто въ родѣ культа, отчасти даже поработилъ его талантъ, почему нѣкоторыя произведенія Ванъ-Гасселя какъ-то досадно близки къ произведеніямъ и пріемамъ Гюго; такъ, напримѣръ, его многія оды напоминаютъ *Оды и баллады* Гюго, его «*Восточные мотивы*». Онъ даже слѣдовалъ за своимъ учителемъ во всѣхъ фазисахъ эволюціи его таланта. Прекрасная ода *Кельнскому собору* Ванъ-Гасселя напоминаетъ *оду къ Колоннѣ* В. Гюго и пр. Можно смѣло утверждать, что Ванъ-Гассель не видѣлъ ничего позорнаго въ столь близкихъ подражаніяхъ своему учителю; онъ обожалъ его, и когда въ декабрѣ 1851 г. Гюго по необходимости жилъ въ Брюсселѣ, во время изгнанія, Ванъ-Гассель не зналъ, какъ выразить ему свой восторгъ. Онъ старался быть ему полезнымъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, онъ устраивалъ ему квартиру, онъ снабжалъ его даже сюжетами для его творчества, такъ какъ Ванъ-Гассель былъ не только поэтомъ, но и замѣчательнымъ лингвистомъ, археологомъ, критикомъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, у него были большіе труды по исторіи. Впрочемъ, надо оговориться, что не одинъ Гюго пользовался энциклопедическими знаніями Ванъ-Гасселя и его преданностью къ представителямъ поэзіи. Александръ Дюма-отецъ, впослѣдствіи, по примѣру Гюго, проѣздомъ бывая въ Брюсселѣ, всегда старался использовать для себя знанія Ванъ-Гасселя. То для Дюма было необходимо перевести какой-нибудь разсказъ съ голландскаго, нѣмецкаго, то переписать какую-нибудь греческую фразу, или перевести датскіе стихи, испанскій документъ. Ванъ-Гассель все это дѣлалъ очень охотно. Дюма-отецъ, въ благодарность, выхлопоталъ Ванъ-Гасселю орденъ почетнаго Легіона [1]). Но все это мелочи, и Ванъ-Гассель въ настоящее время какъ для насъ, такъ и для Бельгіи интересенъ исключительно какъ поэтъ, какъ родоначальникъ современной бельгійской поэзіи, какъ яркій примѣръ для молодого, теперешняго поколѣнія бель-

---

[1]) Augustin Filon. Les poètes français de l'étranger. Journal des Debats. 23 nov. 1904.

гійскихъ писателей того, что истинный поэтъ, въ средѣ банальности, бездарности и шаблона, могъ писать почти безъ всякой поддержки настоящіе, вдохновенные стихи, имѣющіе и теперь большую цѣну. Въ его поэтическихъ произведеніяхъ [1]) мы находимъ глубокую тоску, меланхолическія, искреннія ноты, трогательныя воспоминанія, тревожное и мучительное сознаніе своего одиночества и непонятости въ средѣ окружающихъ его людей. Его лирическія стихотворенія полны мечтаній о глубокой женской любви, о нѣжныхъ ласкахъ, о семейномъ очагѣ. Иногда Ванъ-Гассель словно жаждетъ забвенія, ищетъ *Цвѣтка забвенія...*

Цвѣтокъ забвенія.

(Le fleur de l'oubli).

Гдѣ мнѣ найти его? въ долинѣ ль необъятной,
Иль въ рощѣ, гдѣ пріютъ зеленый намъ готовъ,
Иль у подножья горъ, гдѣ пышный, ароматный,
Колышетъ маіоранъ волну своихъ цвѣтовъ?
Но Богъ свидѣтель мнѣ—я міръ прошелъ бы цѣлый,
Чтобъ лишь сорвать тебя въ краю, гдѣ ты цвѣтешь,
Чтобъ лишь сорвать тебя,—о розовый иль бѣлый
Цвѣтокъ, что ароматъ цѣлебный въ душу льешь!
И я къ моимъ губамъ, усталымъ отъ страданья,
И къ блѣдному челу прижалъ бы, если бъ могъ,
Тебя, что, какъ бальзамъ, смягчаешь всѣ терзанья,
Цвѣтокъ забвенія, чарующій цвѣтокъ!..

(Пер. *Юрія Веселовскаго*).

Иногда Ванъ-Гассель скорбитъ о себѣ, о покинувшихъ его близкихъ, мучится своимъ одиночествомъ. Онъ словно негодуетъ на свою ученость, онъ готовъ ненавидѣть всѣхъ грековъ, римлянъ, скандинавовъ, франковъ и саксовъ, наполнявшихъ его умъ, душу и слухъ (Le livre fermé). И хотя онъ сильно привязанъ къ нимъ, онъ хотѣлъ бы промѣнять ихъ на нѣжный, дѣтскій лепетъ, промѣнять всѣ эти книги на «одну живую книгу, гдѣ пѣлъ бы хоръ любимыхъ иллюзій», но эта книга молчитъ постоянно, и онъ еще мучительнѣе ощущаетъ свое одиночество. О той же мечтѣ и стремленіи къ живой книгѣ говорятъ и другія стихотворенія Ванъ-Гасселя, отмѣченныя истиннымъ вдохновеніемъ. (La tache de feu, Première neige, Les amis invisibles, L'Etcile couchée). Иногда онъ выбираетъ родные мотивы для своихъ стиховъ, воспѣваетъ родину, дорогіе пейзажи, передающіе разнообразную природу Бельгіи. Въ стихотвореніи La Source de le Solitude превосходное описаніе при-

[1]) Primevères, 1834 г. Poésies, 1852 г. Nouvelles poésies, 1857 г. Pcèmes, paraboles, odes et études rythmiques, 1862 г. Le livre des Ballades, 1872 г. Le livre des Paraboles, 1872 г. Les Quatre Incarnations du Christ, 1867 — 1872 — 1877 — 1908 гг. съ прекраснымъ предисловіемъ виднаго современнаго критика, G. Rency.

роды, гдѣ онъ отнынѣ хочетъ черпать свое вдохновеніе (humble source de poésie, où va boire ma fantaisie et mon coeur encore plus souvent); въ стихотвореніи L'Alouette Ванъ-Гассель удачно сдѣлалъ попытку примѣнить новый размѣръ во французскомъ стихотвореніи; въ иныхъ произведеніяхъ мы находимъ ноты полнаго отчаянія (Le furet, La cloche du soir, La brume du soir и др.).

Вечерній туманъ.

(La brume du soir).

Изъ темной долины туманная мгла
Плыветъ безпрерывной волною,—
И день угасавшій она обвила
Воздушной своей пеленою.
Все меркнетъ, блѣднѣетъ—и тьма все сильнѣй,
Что мрачнымъ покровомъ одѣла
И листья деревьевъ, и травы полей,
И птичку, что весело пѣла.
Окутай же вѣчною мглою, туманъ,
Весь міръ моихъ свѣтлыхъ видѣній!
Въ мечтахъ моихъ страстныхъ таился обманъ,
А жизнь—только рядъ заблужденій.

(Пер. *Юлія Веселовскаго*).

Иногда красивый видъ природы или наступленіе вечера вызываютъ въ его душѣ несбыточныя мечты о взаимной любви, и въ этихъ стихахъ звучатъ искреннія, глубоко страдающія чувства поэта. Какъ хорошо и просто у него выражено это обыкновенное сравненіе покинувшей его возлюбленной съ голубкой (La colombe envolée), улетѣвшей въ очаровательную страну, надъ голубымъ озеромъ-пропастью, гдѣ страдаетъ его сердце, унесшей съ собою его счастье и грезы и оставившей ему только тоску и сожалѣніе. Его глаза полны послѣднихъ слезъ (La dernière larme), а его душа обратилась въ какую-то гробницу воспоминаній о лицахъ прежнихъ друзей и возлюбленныхъ (Les visages connus). И ему иногда хочется вырвать всю эту муку изъ души, порвать со всѣмъ прошлымъ, но онъ сознаетъ, что это невозможно (Renonce à tout), что нельзя отрицать вѣры, руководящей человѣкомъ въ бурныя ночи, нельзя отрицать надежды, помогающей подниматься къ идеалу, нельзя отрицать любви, помогающей всему цвѣсти... Во всѣхъ стихахъ Ванъ-Гассель старался впервые ввести въ бельгійскую литературу чуждый французскому языку размѣръ, по образцу голландскихъ и нѣмецкихъ, и хотѣлъ ввести, хотя и безъ особеннаго успѣха, неизвѣстные до тѣхъ поръ жанры баллады и притчи (paraboles).

Самое интересное произведеніе Ванъ-Гасселя — Les Quatre Incarnations du Christ, выдержавшее нѣсколько изданій; несмотря на

нѣкоторые недостатки, мѣстами искусственную форму, нѣкоторую реторику, оно захватываетъ и теперь своими красивыми стихами, обращеніемъ къ вѣчной надеждѣ спасенія человѣчества. Отдѣльные эпизоды поэмы очень хороши. Поэма изображаетъ различные фазисы человѣческой исторіи, — нѣчто близкое къ *Легендѣ вѣковъ* В. Гюго, но съ болѣе глубокой философіей. Авторъ самъ говорилъ неразъ, что его поэма является только изображеніемъ послѣдовательныхъ фазисовъ соціальной жизни, передачею христіанскаго духа въ отдѣльныхъ историческихъ событіяхъ, вплоть до исполненія обѣщанія, даннаго Спасителемъ на землѣ. Ванъ-Гассель въ четырехъ отдѣльныхъ главахъ рисуетъ намъ исторію человѣчества послѣ рожденія Христа: первая часть говоритъ о земной жизни Христа и оканчивается знаменитой сценой встрѣчи двухъ страдающихъ угрызеніемъ совѣсти душъ: Іуды и Агасѳера, который является олицетвореніемъ преступленій человѣчества противъ Мессіи. Вѣчный жидъ, — человѣчество, — жаждетъ прощенія и проходитъ черезъ всю поэму мучительнымъ призракомъ. Вторая часть изображаетъ паденіе римской имперіи. Третья, наиболѣе удачная часть поэмы, говоритъ о крестовыхъ походахъ, какъ о великомъ стремленіи человѣчества къ идеѣ всемірнаго братства; здѣсь Агасѳеръ встрѣчается съ пустынникомъ, олицетворяющимъ собою исламъ... Пятая часть рисуетъ воцарившуюся новую эру на землѣ — всемірное братство.

Ванъ-Гасселя и теперь не забываютъ въ средѣ литераторовъ; въ 1911 году видный бельгійскій поэтъ, Ив. Жилькэнъ читалъ о немъ публичную лекцію. Ванъ-Гассель скончался въ 1874 г. въ полномъ одиночествѣ и не пользуясь никакой славой въ своей странѣ.

Такимъ же одинокимъ, непонятымъ своими современниками и оцѣненнымъ слѣдующими поколѣніями, какъ и Ванъ-Гассель, былъ и Шарль Де-Костеръ (1827—1879), авторъ національной библіи, легенды объ Эйленспигелѣ (La légende et les aventures héroïques, joyeuses et glorieuses à Uilenspiegel et de Lamme Goedzak au pays de Flandre et ailleurs, 1867, 1869, 1894 гг.). Только судьба Де-Костера была еще трагичнѣе при жизни, чѣмъ судьба Ванъ-Гасселя, но зато его слава продолжаетъ все время расти, а его творчество — вызывать все большее поклоненіе. Если при жизни Де-Костера можно было встрѣтить только двѣ, три статьи, посвященныхъ его творчеству, то теперь можно назвать ихъ десятки, и не только французскихъ, но и нѣмецкихъ, которыя были вызваны переводомъ его *Легенды* на нѣмецкій языкъ. Если теперь нельзя отыскать могилы Де-Костера, хотя и извѣстно, что онъ былъ похороненъ въ предмѣстіи Брюсселя, на кладбищѣ Ixelles'я, то зато теперь въ паркѣ этого предмѣстья воздвигнутъ ему красивый памятникъ съ изображеніемъ главныхъ героевъ его знаменитаго произведенія.

Де-Костеръ родился, какъ и Ванъ-Гассель, не въ Бельгіи, а въ Мюнхенѣ, гдѣ его отецъ служилъ у графа Даржанто, но еще маленькимъ былъ перевезенъ въ Брюссель. Этотъ графъ былъ его крестнымъ отцомъ и окружалъ мальчика большою роскошью въ дѣтствѣ. Но со смертью отца все измѣнилось: мальчикъ съ матерью и сестрой переѣхали въ Брюссель, гдѣ ихъ ожидала большая нужда. Де-Костеръ получилъ потомъ мѣсто въ банкѣ, но эта обстановка была ему не подъ силу, и онъ поступилъ въ университетъ, — здѣсь начинается его жизнь, полная лишеній, непонятаго почти никѣмъ труда и мучительнаго одиночества. Неудачи и вѣчныя лишенія положили отпечатокъ горечи на душу Де-Костера и придали меланхолическій оттѣнокъ его произведеніямъ. Онъ писалъ какъ-то своей подругѣ: «Я не такъ сильно люблю тебя, когда веселъ. Обыкновенно я меланхолически настроенъ, и моя веселость — или глупость или безуміе». Онъ написалъ одно изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ произведеній въ современной бельгійской литературѣ. Пусть онъ допустилъ въ своемъ произведеніи нѣкоторыя неточности и ошибки съ исторической точки зрѣнія, пусть онъ перенесъ своего главнаго героя изъ одного вѣка въ другой, изъ одной эпохи въ другую, пусть онъ даже надѣлилъ его многими, болѣе глубокими чертами характера по сравненію съ героемъ легенды, его *Эйленспигель* написанъ захватывающе, интересно и производитъ сильное впечатлѣніе. Де-Костеръ для своего сочиненія, надъ которымъ трудился десять лѣтъ, взялъ національнаго фламандскаго героя, веселаго болтуна, проказника, шутника, въ родѣ полишинеля, не удовлетворяясь простымъ разсказомъ изъ фламандскаго фольклора, превратилъ Эйленспигеля въ защитника всѣхъ обездоленныхъ, — усилилъ въ своемъ произведеніи мѣстный колоритъ, подчеркнулъ эпизоды религіозныхъ войнъ и борьбу Гезовъ, надѣлилъ героя наивностью и грустными чувствами, заставилъ его вѣчно помнить о томъ, что надъ нимъ тяготѣетъ кровь невинно убитаго отца. Затѣмъ Де-Костеръ заставилъ своего героя родиться совсѣмъ не тамъ, гдѣ предписываютъ ему мѣсто рожденія легенды и изслѣдованія (вмѣсто того, чтобы родиться ему въ Германіи, онъ указываетъ на Дамме, какъ на мѣсто рожденія Эйленспигеля), кромѣ того, онъ изъ XIII или XIV вѣка переноситъ его жизнь въ XVI вѣкъ, страшную и жестокую эпоху исторіи Фландріи, и вводитъ политическій элементъ. Все произведеніе Де-Костера не отличается цѣльностью, что всегда ставится ему въ вину критиками, хотя надо помнить, что онъ и не стремился никогда къ цѣльности, а задавался цѣлью нарисовать ужасную эпоху въ жизни Фландріи съ помощью отдѣльныхъ эпизодовъ, характеризуя паралельно жизнь верховъ и низовъ, дворъ при Карлѣ V и Филиппѣ II и скитанія національнаго безсмертнаго героя; *Легенда объ Эйленспигелѣ* написана

французскимъ старымъ языкомъ, который Де-Костеръ съ успѣхомъ изучилъ для этой цѣли, занимаясь въ архивахъ, читая французскіе и фламандскіе документы XVI вѣка. Къ тому же онъ находилъ, что этотъ языкъ, близкій къ стилю Раблэ, лучше всего подходитъ къ его произведенію. («Le vieux langage français est seul, qui traduira bien le flamand».) Съ первыхъ же страницъ *Легенды* Де-Костера, съ описанія рожденія и крещенія Тиля, предсказаній колдуньи Кателины, виденъ настоящій художникъ, большой талантъ и рѣдкій знатокъ той эпохи.

«Два ребенка,—возвѣщаетъ Кателина,—родились въ эту минуту: одинъ въ Испаніи, — это инфантъ Филиппъ, другой во Фландріи, сынъ угольщика Класа, котораго со временемъ назовутъ Эйленспигелемъ. Филиппъ, порожденіе Карла V, сдѣлается палачомъ, убійцею нашей страны; Эйленспигель обратится въ знатока шутокъ и юныхъ забавъ, но у него будетъ доброе сердце, полученное въ наслѣдство отъ отца, Класа, умнаго рабочаго, храбраго и честнаго, зарабатывающаго себѣ хлѣбъ. Императоръ Карлъ V и король Филиппъ II пройдутъ по жизненному пути, принося вредъ людямъ своими битвами, непосильными налогами и преступленіями. Класъ до конца дней будетъ работать, жить, сообразуясь съ закономъ и правилами, и сдѣлается образцомъ добрыхъ фламандскихъ рабочихъ. Эйленспигель останется всегда юнымъ, никогда не умретъ и будетъ вѣчно блуждать, нигдѣ не основываясь. Онъ будетъ деревенскимъ жителемъ, благороднымъ человѣкомъ, художникомъ, скульпторомъ, всѣмъ вмѣстѣ. Онъ будетъ блуждать по всему міру, прославляя хорошіе поступки, негодуя на глупость и коварство. Класъ олицетворяетъ твое мужество, благородный фламандскій народъ, а Суткинъ—твою добрую мать, Эйленспигель станетъ умомъ народа, его милая и красивая подруга Нель станетъ сердцемъ народа, а толстый Ламмъ Годзакъ—желудкомъ народа. Наверху будутъ истребители народа, внизу—жертвы; наверху паразиты, воры, внизу трудолюбивыя пчелы, а на небѣ будутъ истекать кровью раны Христа» (V гл. первой части).

На протяженіи всего произведенія Де-Костера мы видимъ двѣ жизни: дѣтство Филиппа, дворъ Карла V и юность Эйленспигеля на фонѣ жестокихъ страданій фламандскаго народа. Можно было бы, конечно, нѣсколько упрекнуть автора въ преувеличенности обрисовки Карла V, въ его постоянномъ подчеркиваніи обжорства, жестокости, грубаго цинизма по отношенію къ подданнымъ. «Клянись,—говоритъ Карлъ своему сыну,—клянись, какъ всегда, въ сохраненіи свободъ и привилегій, но если онѣ могутъ угрожать тебѣ, уничтожай ихъ сейчасъ же».

Но Де-Костеръ основывался на нѣкоторыхъ хроникахъ и историческихъ сочиненіяхъ...

Филиппъ II выростаетъ мрачнымъ, болѣзненнымъ, злымъ ребенкомъ, — очень характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Карла V съ сыномъ.

«Мой сынъ, какъ ты не похожъ на меня! Въ такіе юные годы, какъ твои, я любилъ лазить по деревьямъ и ловить бѣлокъ; съ помощью веревки я спускался съ какой-нибудь отвѣсной скалы, чтобы достичь гнѣзда, похитить дѣтеныша. Я могъ сломать себѣ кости при такой игрѣ; но онѣ стали отъ этого только крѣпче. На охотѣ хищные звѣри убѣгали въ чащу, когда видѣли, что я приближался съ моимъ мушкетомъ.

— Ахъ! — вздыхалъ инфантъ, — у меня болитъ животъ, отецъ мой!

— Пансаретское вино лучшее средство противъ этого, — сказалъ Карлъ.

— Я не люблю вовсе вина, — у меня болитъ отъ него голова, мой отецъ!

— Мой сынъ, надо бѣгать, играть, скакать, какъ всѣ дѣти твоего возраста.

— Ноги меня не слушаются, отецъ,

— Могло ли быть иначе,—сказалъ Карлъ,—если ты ими пользуешься такъ же мало, точно онѣ деревянныя? Я прикажу привязать тебя къ какой-нибудь быстрой лошади.

Инфантъ заплакалъ.

— Не привязывайте меня,—сказалъ онъ, — у меня болятъ бока, отецъ.

— Но, — сказалъ Карлъ, — у тебя все болитъ?

— Я не буду страдать, если меня оставятъ въ покоѣ,—отвѣчалъ инфантъ.

— Думаешь ли ты, — снова заговорилъ нетерпѣливый императоръ, — проводить твою королевскую жизнь въ мечтахъ, какъ клерки? Они нуждаются въ безмолвіи, одиночествѣ и задумчивости, чтобы начертать свои мысли на пергаментѣ, но тебѣ, сыну меча, надо имѣть теплую кровь, глазъ рыси, хитрость лисы, силу геркулеса. Почему ты крестишься? Чортъ возьми! львенокъ не долженъ подражать женщинамъ, перебирающимъ четки при молитвѣ.

— Звонятъ къ вечернѣ, отецъ,—отвѣчалъ инфантъ» (XVIII гл. I части).

И въ то время, когда «Филиппъ влачилъ по дворцу свое худенькое тѣло, дрожащія ножки, носившія съ трудомъ тяжесть большой головы», Эйленспигель выросталъ здоровымъ и веселымъ ребенкомъ. И когда Филиппъ проводилъ цѣлые часы въ темныхъ коридорахъ, вытянувъ ноги впередъ, чтобы придворные и слуги спотыкались, падали и ранили себя, Эйленспигель уже имѣлъ любовныя приключенія и вскорѣ полюбилъ свою милую, ласковую подругу Нель, среди цвѣтущихъ яблонныхъ деревьевъ, тепловатаго воздуха, яркаго солнца... Но авторъ и въ эту беззаботную пору жизни Тиля подчеркиваетъ нѣкоторую грусть, связанную съ будущими страданіями. Нель какъ-то спрашиваетъ его о причинѣ его грусти. «Я не знаю, — отвѣчаетъ Тиль, — я не знаю, почему я взволнованъ и готовъ всегда умереть? Мое сердце бьется такъ сильно, когда я слышу летающихъ птицъ на деревьяхъ и вижу возвращеніе ласточекъ; тогда мнѣ хочется уйти дальше, чѣмъ находятся солнце и луна. Мнѣ то холодно, то жарко. Ахъ, Нель, мнѣ не хочется больше существовать»... Эти неясныя предчувствія, эта необъяснимая боль въ сердцѣ вскорѣ находятъ себѣ оправданія. Страданія Тиля находятъ реальную причину: дорогая

родина, свободная Фландрія, теряетъ свою силу, значеніе, лишается счастливаго существованія. Эйленспигель не только присутствуетъ въ видѣ печальнаго зрителя при владычествѣ герцога Альбы, но онъ выноситъ на себѣ всю тягость царствованія своего ровесника, Филиппа II; онъ видитъ и сознаетъ всѣ гоненія фламандцевъ, конфискованіе имуществъ, гибель еретиковъ на кострахъ и пр., и все это вызываетъ въ его душѣ жажду мести. Извѣстія, одно ужаснѣе другого, поражаютъ его душу: бѣдную Кателину обвиняютъ въ колдовствѣ и подвергаютъ ужасной пыткѣ (описаніе этой пытки превосходно у Де-Костера!), послѣ которой она лишается навсегда разсудка. Затѣмъ его собственнаго отца, честнаго угольщика, Класа, обвиняютъ въ принадлежности къ еретикамъ и сжигаютъ живымъ на кострѣ. Эйленспигель покидаетъ временно Нель и возвращается въ Даммъ, отцовскій домъ, какъ разъ, когда свершается это убійство. Вся сцена сожженія отца, прощаніе его съ семьей, горе несчастной матери производятъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Его мать, Суткинъ, обожавшая мужа, тоже горитъ местью и шьетъ небольшую ладонку изъ краснаго и чернаго шелка, куда кладетъ пепелъ убитаго отца для своего сына, чтобы онъ помнилъ о мести. И сынъ много разъ вспоминаетъ и чувствуетъ, что останки отца вопіютъ къ нему! Онъ отправляется съ своимъ пріятелемъ, Ламмомъ Годзакомъ, по Фландріи искать удобнаго случая мести. Благодаря этому шатанію Эйленспигеля, мы встрѣчаемъ въ *Легендѣ* Де-Костера много отдѣльныхъ эпизодовъ, говорящихъ о жизни фламандскаго народа, такъ какъ самъ авторъ интересовался прежде всего народомъ, а не буржуазіей (voir le peuple, le peuple surtout. La bourgoisie est la même partout), его нравами и обычаями. На ряду съ бытовой стороной *Легенды*, не менѣе интересна историческая сторона и аллегорическая, или символическая. Въ исторической сторонѣ произведенія на ряду съ общей картиной эпохи, борьбы Гезовъ, очень характерны отдѣльные, совершенно живые портреты Филиппа, Эгмонта и др. Къ концу *Легенды* Де-Костеръ пришелъ къ банальному окончанію, гдѣ Фландрія изображалась освобожденной отъ испанскаго ига, отъ всѣхъ нашествій, а въ послѣднемъ эпизодѣ вымышленныхъ похоронъ Тиля чувствуется какое-то успокоеніе. «Развѣ можно похоронить Эйленспигеля, духъ Фландріи - матери и ея сердца — Нель? Она также можетъ уснуть, но умереть никогда!»

Много раздавалось толковъ о вліяніи другихъ писателей на произведеніе Де-Костера. Говорили всегда о вліяніи нѣмецкихъ писателей, такъ какъ Де-Костеръ съ дѣтства зналъ хорошо нѣмецкій языкъ, о несомнѣнномъ вліяніи Гете; «Вальпургіева ночь», дѣйствительно, довольно близка съ видѣніями Эйленспигеля и Нель въ LXXXV главѣ, затѣмъ характеръ Нель, возможно, навѣянъ

КНЯГИНЯ ЛИЗА БОЛКОНСКАЯ.

(Рис. Башилова).

милымъ образомъ Клерхенъ изъ «Эгмонта», хотя Нель и остается жить, олицетворяя собою неумирающую душу фламандскаго народа. Затѣмъ говорятъ многіе о вліяніи Шиллера; нѣкоторая идеализація, доброта и самоотверженность Тиля, возможно, навѣяна личностью Позы. Кромѣ того, изъ поэмы Рейнеке-Лисъ онъ заимствовалъ, говорятъ, хитрость и ловкость своего героя... Но, несмотря на возможныя вліянія другихъ писателей (надо еще упомянуть о Раблэ, Монтэнѣ, Бальзакѣ съ его Contes drolatiques), на заимствованія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценъ изъ старой легенды объ Эйленспигелѣ, произведеніе Де-Костера остается самостоятельнымъ, большимъ вкладомъ въ современную бельгійскую литературу и не даромъ считается теперь національной библіей. Де-Костеръ, при жизни гордая и независимая натура, жилъ въ страшной нищетѣ, полной неизвѣстности (если не считать появившагося при его жизни восторженнаго фельетона Дешанеля объ его раннемъ произведеніи «Legendes flamandes»), а черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ его смерти ему поставили въ Ixelles памятникъ работы скульптора Samuel, гдѣ фигура Эйленспигеля и Нель говорятъ такъ краснорѣчиво объ умѣ и сердцѣ когда-то могучей Фландріи.

Третьимъ старшимъ и одинокимъ въ бельгійской литературѣ былъ Октавъ Пирме (1832—1883 гг.). Это—единственный писатель въ своемъ родѣ въ бельгійской литературѣ; это чуть ли не единственный въ этой литературѣ мыслитель, философъ въ духѣ Паскаля. Всю свою жизнь онъ провелъ въ своемъ владѣніи, въ замкѣ Acoz, среди природы чуднаго парка, деревья котораго онъ не позволялъ подрѣзать, чуждался людей, не стремился къ популярности и славѣ, довольствуясь только своими размышленіями, мечтами, наблюденіями надъ жизнью природы, созерцаніемъ ея и братскою помощью близкимъ бѣднякамъ. «Я точно бенедиктинецъ безъ рясы, живу въ какомъ-нибудь монастырѣ безъ ограды,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ X. Коппэну,—словно монахъ безъ обѣта, среди полной свободы, ограниченной только совѣстью, предоставленный весь очарованію тишины, грезъ и стремленій». Отецъ Пирме былъ провинціальнымъ аристократомъ, любившимъ больше всего охоту; мать его была очень образованной женщиной, набожной христіанкой и оказала большое вліяніе на душу сына [1]). У Октава было два брата, изъ которыхъ Фернансъ жилъ вмѣстѣ со всѣми въ деревнѣ, умеръ тоже холостякомъ, отдавая подобно Октаву всѣ свои дни размышленіямъ и мечтамъ. Онъ трагически погибъ 28 лѣтъ, и Октавъ посвятилъ описанію его души одно изъ лучшихъ своихъ произведеній — Reino (1881 г.); другой братъ,

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія мы беремъ изъ прекрасной статьи извѣстнаго критика, профессора Висюмотта, приложенной къ Антологіи Пирме—1904 г.).

Эмиль, былъ женатъ, жилъ отдѣльно, и у него былъ сынъ, Морисъ Пирме, видный политическій дѣятель.

Съ самаго дѣтства Пирме чувствовалъ влеченіе къ деревенской жизни, тишинѣ. Мальчикомъ онъ любилъ гулять по обширному парку, откуда разстилался чудесный видъ [1]), «блуждать по полямъ, вдоль ручейковъ и рѣкъ, наблюдать за всѣмъ, вплоть до неуловимаго покачиванія травъ», сопровождать отца на охоту въ лѣсъ, присматриваться къ жизни птицъ, подмѣчать отличительныя черты зайцевъ, лисицъ и пр. Двѣнадцати лѣтъ его отдали въ Брюссельскій коллежъ, Saint-Michel, но онъ чувствовалъ себя столь несчастнымъ тамъ въ четырехъ стѣнахъ! Онъ казался слишкомъ гордымъ, мрачнымъ своимъ товарищамъ, онъ ужасно страдалъ отъ разлуки съ деревенской жизнью, — единственнымъ утѣшеніемъ для него въ коллежѣ были уроки музыки. Черезъ годъ родители согласились взять его домой, и его образованіе поручено старому воспитателю, который сталъ для него скорѣе другомъ, чѣмъ учителемъ. Отнынѣ онъ былъ снова предоставленъ природѣ, тишинѣ и одиночеству, которыя онъ цѣнилъ больше всего въ жизни, — изъ деревни онъ уѣзжаетъ изрѣдка: въ Брюсселѣ, достигнувъ совершеннолѣтія, онъ записывается въ университетъ послушать лекціи, но столичный шумъ мучительно отзывается на его душѣ, и онъ старается поскорѣе уѣхать оттуда, хотя и пріобрѣтаетъ тамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и друзей, какъ, напр., Ш. Де-Костера. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ путешествуетъ по Германіи, Италіи, гдѣ восторгается итальянской природой, южнымъ моремъ, исторической стороной Рима (Journal de Voyage). Все же остальное время онъ проводитъ въ своемъ замкѣ Acoz, который такъ хорошо «подходитъ къ его вкусамъ и былъ для его мысли источникомъ вдохновенія». Тамъ онъ пишетъ свои главныя сочиненія (Feuilles, 1862 г. Jours de solitude, 1869 г. Heures de Philosophie, 1873 г.); оттуда онъ посылаетъ своему другу Хозе де-Коппэну безконечное количество интересныхъ писемъ, гдѣ открывается его глубокая душа. Вотъ какъ онъ описываетъ начало своего дня въ одномъ изъ этихъ писемъ: «Въ шесть часовъ меня будитъ будильникъ, я молюсь недолго, встаю, одѣваюсь и въ то время, какъ слуга разводитъ огонь, я хожу по комнатѣ, занятый какою-нибудь мыслію. Я размышляю, развиваю, изучаю эту мысль, подыскиваю ей красивую форму; я вспоминаю о прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ и о нашей теперешней дружбѣ. Но я слышу какой-то стукъ въ окно. Это мои голуби стучатъ клювомъ, просятъ, чтобъ я ихъ покормилъ. Я бросаю на окно зерна, и вотъ они всѣ спѣшатъ и клюютъ,

---

[1]) Описаніе помѣстія Пирме, какъ оно сохранилось сейчасъ, мы находимъ въ трогательной статьѣ, посвященной Пирме, юнаго бельгійскаго поэта, Пьера Нотана, въ его книгѣ: «Figures et Contes», 1913.

сложивъ крылья, проголодавшись за ночь. Я снова возвращаюсь къ своимъ мыслямъ. Буду ли я размышлять сегодня? — Или писать что-нибудь? Буду писать! — Пусть сердце одерживаетъ побѣду надъ разумомъ!» Но вотъ стражъ приходитъ за приказаніями, надо ли подрѣзать деревья и строить изгороди. Дровосѣкъ говоритъ, что не насчитываетъ больше дровъ! Затѣмъ всякія житейскія и хозяйственныя заботы отнимаютъ у него много времени, и онъ готовъ уже проклинать свое состояніе и восхвалять бѣдность, какъ вдругъ приходятъ бѣдняки, одни за другими, и Пирме бѣжитъ съ лѣстницы, чтобы оказать имъ помощь и не спрашиваетъ даже ихъ имени. Затѣмъ, наконецъ, онъ возвращается въ свою комнату и начинаетъ работать или читать. (Dans mes livres je puis dire, que j'ai mis tout mon existence). Или, выбравъ книгу, онъ идетъ въ паркъ, такъ какъ «mes journées s'écoulent à contempler». Красивые пейзажи, растенія и животныя утѣшаютъ его въ одинокой жизни, и вмѣсто горькаго пессимизма мы встрѣчаемъ въ Пирме глубокаго меланхолическаго мечтателя. Пирме былъ мечтателемъ и вдумчивымъ созерцателемъ природы, которую онъ обожалъ. «*Есть одинокія и божественныя души, жизнь которыхъ состоитъ исключительно въ долгомъ созерцаніи*» (Pensées).—«*Только въ созерцаніи природы, въ изученіи собственной души надо искать почву для своихъ размышленій*» (Feuilleés). Онъ самъ и былъ такой одинокой душой, которая вся ушла въ созерцаніе природы и своей души. Вотъ почему онъ могъ переносить жизнь только въ своемъ помѣстьѣ, и вотъ почему вмѣсто оттѣнковъ горькаго отчаянія мы находимъ какую-то покорность передъ тѣмъ, что посылаетъ ему судьба. Правда, въ послѣднемъ отношеніи ему много помогала его религіозность, такъ какъ Пирме, въ особенности подъ конецъ жизни, былъ очень религіозенъ. Даже самая его грусть, его меланхолія, разлитая во всѣхъ его сочиненіяхъ, носили въ себѣ всегда оттѣнокъ религіозности, и въ его рыданіяхъ чувствуется какъ бы пѣніе псалмовъ [1]).

«Сегодня день всѣхъ усопшихъ: ихъ души, казалось, трепещутъ въ томъ шумѣ, который меня окружаетъ. Я протягиваю руки, чтобы прижать тѣхъ, которыхъ неумолимая судьба отняла у этого міра послѣ того, какъ предоставляла имъ жить въ скорби. Ахъ, умершіе, покойтесь тихо, гдѣ вы лежите, я скоро приду лечь рядомъ съ вами! Эта земля, способная все забывать, не стоитъ того, чтобы къ ней возвращаться. Правда, розы и маргаритки всегда расцвѣтаютъ, но всѣ вредныя насѣкомыя не умерли, а самое лучшее изъ нихъ только бабочка. Слышите ли вы меня, чудные цвѣты, и вы, дорогіе умершіе? Покойтесь тихо тамъ, гдѣ вы находитесь, я спускаюсь къ вамъ по лѣстницѣ времени. Послушайте, какъ

---

[1]) Eugène Gilbert. Les lettres françaises dans le Belgique d'aujourd'hui. 1906.

каждый мой шагъ отдается на колокольнѣ ближней церкви. Ахъ, какая разнообразная процессія сопровождаетъ меня по печальной лѣстницѣ! Всѣ эти пилигримы, рѣзвясь на ступенькахъ, могли бы подняться къ звѣздамъ, а куда они идутъ? Ахъ! умершіе, знаете ли вы это?»

«Вы всѣ, исчезнувшія поколѣнія, вы—недавно живыя существа, а я — будущій мертвецъ: насъ отдѣляетъ какой-нибудь день. Не показываться больше на поверхности, вотъ что приводитъ въ отчаяніе! Кто знаетъ, не есть ли жизнь точно колесо, наполовину находящееся въ тѣни, но всегда двигающееся? Мы спустимся въ мракъ, чтобы снова подняться въ яркій свѣтъ, и тѣ, которые разстались здѣсь, могли бы встрѣтиться снова тамъ, если бъ ушедшіе послѣдними ускорили свои шаги. Но итти, карабкаться, преслѣдовать—не значитъ ли всегда страдать? Я вижу въ небѣ счастье, никогда не нарушаемое желаніемъ или сожалѣніемъ. Развѣ это значитъ жить, если имѣть счастье, привязанное къ маятнику часовъ? Можетъ-быть, мы, жалѣющіе умершихъ, настоящіе призраки; мы, безпокойныя существа, живемъ въ туманѣ, ищемъ идеала и блуждаемъ въ лабиринтѣ мысли до той минуты, когда часъ пробьетъ. Какъ только послѣдняя секунда прозвонитъ, мы по волѣ судьбы постучимъ въ дверь вѣчности. Кто отворитъ намъ? Знаемъ ли мы чудесный законъ сродства? Развѣ у насъ нѣтъ друзей среди нѣмого собранія тѣней? Насъ встрѣтятъ тѣ, которые раздѣлятъ наши мечты. Развѣ не души умершихъ говорятъ сейчасъ со мною? Что такое я?—Измѣнчивый прахъ. Мои мысли приходятъ ко мнѣ извнѣ: можетъ-быть, изъ думъ всѣхъ тѣхъ, которые, по дуновенію Бога, блуждаютъ въ пространствѣ... Со словами «можетъ-быть» куда мы не зайдемъ? Я могъ бы сказать, куда мы зайдемъ? Куда угодно, только не къ счастью».

Чувство меланхоліи приводило Пирме къ смерти и любви (Mes seules compagnons sont l'Amour et la Mort). Онъ считалъ все тщетнымъ на землѣ, богатство, славу, только иногда онъ дѣлалъ исключеніе для любви. «*Одинъ голосъ говорилъ мнѣ: братъ, надо любить, а другой прибавляетъ: братъ, надо умирать*»... Иногда онъ мечталъ о большой глубокой любви на всю жизнь, но «*любить на годъ это очень мало! любить на десять лѣтъ мало: любить всю жизнь много ли это?*» (Pensées). Вся философія для Пирме состояла въ чувствѣ любви и разумѣ отчасти, —и эти понятія могли, казалось ему, уничтожить въ человѣкѣ дурныя наклонности, гордость и преступность. Пирме, хотя и любилъ Паскаля больше другихъ писателей, поклонялся Ж.-Ж. Руссо и Монтэню, но самъ въ своемъ творчествѣ на признавалъ никакой системы (la plus grande ennemie de l'inspiration c'est la méthode), все отдавая во власть чувству, не любилъ громкихъ фразъ и былъ простъ, какъ дѣти. «*Я люблю находиться въ обществѣ дѣтей*», такъ какъ «*мнѣ смѣшны, надуты и важны*

ученые; я даже радуюсь, когда они думаютъ, что я ослѣпленъ ихъ знаніями и разсужденіями. Я люблю казаться невѣждой въ ихъ глазахъ». Пирме къ тому же былъ застѣнчивъ и скрытенъ. Можетъ-быть, именно поэтому онъ и не былъ романтикомъ, какимъ иные критики считаютъ его и теперь. Любимымъ поэтомъ его оставался всегда Ламартинъ, онъ не любилъ ни Гейне, ни Бодлера, не зналъ ни Готье, ни Банвиля. Если онъ и былъ романтикомъ, — если уже допустить это — то на свой образецъ: ему чужды были позы, пріемы романтиковъ, онъ нашелъ бы смѣшнымъ надѣть красный жилетъ, наслаждаться собственными вздохами, мечтать о самоубійствѣ, онъ не признавалъ ни мелодрамы, ни театра вообще, и не ощущалъ желанія властвовать надъ толпой. «*Надо писать не для публики, вкусъ которой уже испорченъ, а выражать свое сердце только для нѣсколькихъ избранныхъ умовъ*»... И Пирме не былъ совсѣмъ извѣстенъ при жизни; правда, Сентъ-Бевъ очень хвалебно отзывался объ его творчествѣ, Saint-René Taillandier намѣревался помѣстить статью о немъ въ Revue des Deux Mondes, но не успѣлъ ея написать, такъ какъ вскорѣ умеръ. Но все-таки Пирме скончался въ полномъ одиночествѣ и полной неизвѣстности; Пирме умеръ жертвою своей любви къ природѣ, такъ какъ сырою ночью долго игралъ на скрипкѣ въ паркѣ и простудился. Его похороны въ Acoz носили трогательный характеръ: на ряду съ друзьями было очень много неизвѣстныхъ никому бѣдняковъ, которымъ онъ помогалъ при жизни.

Только около 1880 года, когда Пирме оставалось еще прожить два-три года, его имя вдругъ выплываетъ наружу: новая литературная струя «Молодая Бельгія» намѣренно стала выдѣлять Пирме, какъ своего предшественника, изъ среды ранѣе ихъ появлявшихся въ Бельгіи банальныхъ писателей. И на ряду съ Ванъ-Гасселемъ, Де-Костеромъ, Пирме сталъ пользоваться ихъ уваженіемъ, что они такъ ярко подчеркнули на банкетѣ Лемоннье, послѣ его кончины.

Эти трое одинокихъ и старшихъ въ бельгійской литературѣ очень интересны потому, что они лишній разъ показываютъ, какъ маленькая страна, Бельгія, только что зарождавшаяся самостоятельно или скорѣе только что получившая возможность успокоиться послѣ всѣхъ тяжкихъ бѣдъ и неурядицъ, смогла сейчасъ же выставить таланты въ области литературы. И всѣ тѣ, которые пришли послѣ нихъ, всѣ, принимавшіе участіе въ движеніи *Молодая Бельгія*, и теперешняя молодежь въ литературѣ могутъ съ гордостью считать ихъ своими провозвѣстниками, своими предтечами, которые, если при жизни и писали словно въ пустынѣ, то впослѣдствіи нашли и продолжаютъ находить и отклики, и сочувствіе, и благодарность.

Марія Веселовская.

Арестъ Грунера.

(Этюдъ изъ исторіи патріотическаго движенія въ Германіи 1812 г.).

Въ числѣ опубликованныхъ Альфредомъ Штерномъ документовъ, относящихся къ 1807—1815 гг., находится «копія проекта внутренняго устройства Пруссіи послѣ заключенія союза съ Франціею, представленнаго государственному канцлеру барону Гарденбергу кн. фонъ Гатцуфельдомъ» [1]). Авторъ этой записки, составленной 6-го янв. 1812 г., рекомендуя своимъ соотечественникамъ полную покорность волѣ Наполеона, настаиваетъ на устраненіи всѣхъ лицъ, которыя «обратили на себя вниманіе въ Парижѣ своею ненавистью къ французамъ и принадлежностью къ фанатической сектѣ Тугендбундъ», отъ занимаемыхъ ими должностей и на изгнаніи ихъ изъ предѣловъ Берлина. Любопытно отмѣтить, что въ вину патріотовъ вмѣняется не только ихъ «якобинство», но и враждебное отношеніе къ французамъ. Въ этомъ проскрипціонномъ спискѣ мы находимъ, на ряду съ именами Шарнгорста, Гнейзенау, Бойена, и имя Грунера, который въ мартѣ 1809 г. былъ назначенъ президентомъ Берлинской полиціи, а два года спустя—начальникомъ высшей секретной полиціи всей Пруссіи. «Статскій совѣтникъ Грунеръ, директоръ тайной полиціи, — читаемъ мы въ запискѣ Гатцуфельда,—извѣстенъ, какъ одинъ изъ видныхъ членовъ секты и какъ одинъ изъ наиболѣе ярыхъ ненавистниковъ Франціи. Удалить его необходимо, ибо нужно же, наконецъ, знать, что у насъ дѣлается, и положить предѣлъ нѣмецкому якобинству, чего, однако, нельзя добиться, какъ доказываютъ факты, пока г. Грунеръ сохранитъ свою должность и ему будетъ дозволено безконтрольно вліять на общественное мнѣніе». Но Грунеръ и самъ не нашелъ возможнымъ оставаться на своемъ посту послѣ заключенія Фридрихомъ Вильгельмомъ III союза съ Наполеономъ. Онъ выходитъ въ отставку и вступаетъ въ сношенія съ нашимъ посланникомъ въ Берлинѣ, гр. Ливеномъ. Въ главномъ

---

[1]) A. Stern. Abhaudlungen und Aktenstucke zur Geschichte der Preussischen Reformzeit 1885, p. 374—382.

архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ сохранилась докладная записка Грунера [1]), препровожденная канцлеру Румянцову гр. Ливеномъ, при донесенiи отъ 29-го февр. 1812 г. «Во всей Германiи,—писалъ Грунеръ, — настроенiе въ высокой степени враждебное французамъ. Порабощенные народы страстно ждутъ наступленiя момента, когда они будутъ въ состоянiи свергнуть съ себя иго, подъ которымъ они изнываютъ; и чѣмъ тяжелѣе становится это иго, тѣмъ сильнѣе растетъ озлобленiе, которое нуждается только во внѣшнемъ толчкѣ, чтобы вырваться наружу въ яркомъ пламени сопротивленiя и освободительной борьбы». «До сихъ поръ,—замѣчаетъ онъ далѣе,—всѣ благомыслящiе нѣмцы возлагали свои надежды на Пруссiю. Если Пруссiя заключитъ союзъ съ Францiею, то эти надежды потеряютъ всякое основанiе... тогда придется искать опоры только въ Россiи. Императоръ Александръ уже давно покорилъ сердца нѣмцевъ. Онъ привяжетъ ихъ къ себѣ еще тѣснѣе, когда выступитъ снова противъ общаго врага... Ясно, что Сѣверная война — послѣднiй моментъ освобожденiя, что Россiя — единственная держава, отъ которой Германiя можетъ ждать спасенiя». Основываясь на этихъ соображенiяхъ, Грунеръ предлагаетъ русскому правительству воспользоваться его услугами въ борьбѣ съ Наполеономъ и подробно излагаетъ планъ дѣятельности, которую онъ могъ бы проявить на пользу Россiи и косвенно на благо Германiи. Въ качествѣ главнаго агента, при содѣйствiи подчиненныхъ ему мелкихъ агентовъ, Грунеръ имѣлъ въ виду: 1) сообщить русскому правительству въ секретныхъ донесенiяхъ свѣдѣнiя о движенiи войскъ Наполеона, 2) подготовлять общественное мнѣнiе Германiи для борьбы съ общимъ врагомъ, 3) перехватывать донесенiя и приказы французскихъ военачальниковъ и всячески вредить врагу на германской территорiи, 4) вербовать офицеровъ и солдатъ для «Нѣмецкаго Легiона». Эти предложенiя, поддержанныя гр. Ливеномъ, были приняты. 13-го (25) марта 1812 г. гр. Ливенъ увѣдомилъ гр. Румянцова, что Грунеръ уже покинулъ Берлинъ и направился въ Прагу, избранную имъ своею резиденцiею, предварительно разославъ своихъ агентовъ по различнымъ мѣстностямъ Германiи. Дѣятельность Грунера въ Прагѣ была непродолжительна. Въ ночь съ 21 на 22-ое авг. 1812 г. онъ былъ арестованъ и 25-го октября того же года, по повелѣнiю австрiйскаго императора, заключенъ въ крѣпость Петервардейнъ [2]).

---

[1]) Эта записка напечатана по черновику Вѣнскаго архива въ статьѣ пр. Фурнье: «Stein und Gruner in Oësterreich. Deutsche Rundschau» 1887. Bd. 53, p. 227 — 229.

[2]) Кромѣ указанной статьи A. Fournier. Stein und Gruner in Oësterreich. Deutsche Rundschau 1887. Bd. 53, p. 120 — 292, 214 — 247, 248 — 362, см. Justus v. Gruner (внукъ патрiота) — Pr. Fournier und Gruners Aufunthalt in Oësterreich. Deutsche Rundschau 1890 г. Bd. 64, p. 294 — 302; Возраже-

Первоначально изслѣдователи полагали, что виновникомъ заключенія Грунера былъ Наполеонъ. Благодаря документальнымъ даннымъ, найденнымъ въ архивахъ Берлина и Вѣны, дѣло представляется въ иномъ видѣ. Пребываніе Грунера въ Прагѣ привлекло вниманіе гр. Меттерника, который почиталъ бывшаго начальника Прусской тайной полиціи однимъ изъ видныхъ дѣятелей столь ненавистнаго ему Тугендбунда. Хотя этотъ союзъ уже давно былъ закрытъ по распоряженію Фридриха Вильгельма (31-го дек. 1808 г.), но Меттерникъ былъ увѣренъ, что Тугендбундъ продолжалъ свое существованіе въ какой-либо другой патріотической организаціи. Надъ Грунеромъ былъ установленъ бдительный полицейскій надзоръ. Когда, послѣ отъѣзда русскаго посланника, гр. Штакельберга, изъ Вѣны, австрійскому министру полиціи, Гагеру, удалось перехватить нѣкоторыя бумаги, открывшія, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ, отношенія Грунера къ русскому правительству, Меттерникъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ удаленіи Грунера изъ предѣловъ Австріи. Это распоряженіе состоялось 11-го авг. 1812 г., но уже на слѣдующій день Меттерникъ отмѣнилъ свое распоряженіе, вслѣдствіе полученнаго имъ письма отъ Гарденберга, который извѣщалъ его о скоромъ прибытіи въ Вѣну спеціально командированнаго прусскаго чиновника, доктора Бервальда, имѣющаго сообщить австрійскому министру важныя данныя о тугендбундистахъ вообще и о Грунерѣ въ частности. Подъ именемъ д-ра Бервальда скрывался нѣкто Янке, бывшій воспитатель дѣтей кн. Радзивилла, одинъ изъ учредителей Тугендбунда и членъ «Нѣмецкаго Союза». Поступивъ 1-го авг. 1812 г. на службу въ канцелярію Гарденберга, Янке открываетъ свою дѣятельность доносомъ на «Нѣмецкій Союзъ», который, по его словамъ, представлялъ крайне опасную для государства организацію, и на находившагося въ сношеніяхъ съ этимъ союзомъ, Грунера. Этотъ доносъ былъ направленъ преемнику Грунера — директору тайной полиціи фонъ Бюлову, личному врагу послѣдняго и одному изъ непримиримѣйшихъ противниковъ патріотовъ [1]). Заручившись согласіемъ Гарденберга, Бюловъ командировалъ самого Янке въ Вѣну и Прагу. Отправляясь въ путь, Янке постарался охранить тайну командировки отъ своихъ бывшихъ друзей. Въ одномъ изъ своихъ отчетовъ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Я долженъ остаться въ

ніе Фурнье ibid., p. 302 — 305; Justus von Gruner. Die Grunde der Verhaftung v. Gruners. Deutsche Revue 1892. Bd. 1, p. 247 — 264; E. Janke. Zur Geschichte der Verhaftung Gruners in Prag. Rostocker Dissest. 1902 г.

[1]) A. Fournier. Stein und Gruner in Oësterreich, p. 351—352; E. Janke, op. cit., p. 50 — 53; о нѣмецкомъ союзѣ см. Harnisch Mein Lebensmorgen naehgelassene Schrift zur Geschichte der Jahre 1787—1822. Berlin, 1865, p. 220, 221, 370, 371, 374, а также Schultheiss. F. L. Jahn. Sein Leben und seine Bedeutung. 1894, p. 78, 79, 138 — 140.

Союзѣ, чтобы всякое его предпріятіе могло дойти черезъ меня до слуха нашего министерства, меня должны считать неблагонадежнымъ, чтобы противная партія сохранила ко мнѣ довѣріе. Тотчасъ по моемъ возвращеніи всѣ бумаги, находящіяся у меня на дому, должны быть конфискованы полиціею, я рекомендовалъ бы даже арестовать меня» [1]). По прибытіи въ Вѣну Бервальдъ-Янке передалъ гр. Меттернику письмо Бюлова, въ которомъ послѣдній просилъ австрійскаго министра арестовать Грунера, какъ члена опасной революціонной организаціи, и выдать его прусскому правительству. Произведенный, однако, обыскъ не подтвердилъ указанія Бюлова о принадлежности Грунера къ какому-либо тайному обществу. Изъ найденныхъ у Грунера бумагъ, австрійскія власти узнали только о служебныхъ его отношеніяхъ къ Россіи, о перепискѣ его съ гр. Ливеномъ, гр. Штакельбергомъ, съ Штейномъ, о тайныхъ шифрованныхъ отчетахъ его, о дѣятельности подчиненныхъ ему агентовъ, о томъ, что онъ вербовалъ прусскихъ и австрійскихъ офицеровъ для «Нѣмецкаго Легіона».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ крѣпости (17-го янв. 1813 г.) Грунеръ, разсуждая о причинахъ своего ареста, со свойственною ему проницательностью угадалъ, что главнымъ виновникомъ его заключенія былъ его личный врагъ и замѣститель по должности— Бюловъ. Одно лишь было непонятно ему, какъ могъ Гарденбергъ, котораго онъ такъ «любилъ и уважалъ, примкнуть къ его врагамъ». «Я ничего дурного Пруссіи не сдѣлалъ,—замѣчаетъ онъ,—это подтверждается выданнымъ мнѣ почетнымъ увольнительнымъ свидѣтельствомъ». (Извѣстно, что король при увольненіи Грунера въ отставку сохранилъ ему полное содержаніе.) «Если прусское правительство,—говоритъ Грунеръ далѣе,—могло подумать, что я, владѣя его важнѣйшими тайнами, способенъ его скомпрометировать, то мое поведеніе въ эти пять мѣсяцевъ должно было доказать противоположное. Судя по поставленнымъ мнѣ вопросамъ, я полагаю, что поводомъ къ моему аресту было подозрѣніе въ томъ, что я стою во главѣ какого-нибудь тайнаго союза. Канцлеръ зналъ, однако, вполнѣ опредѣленно, что я не состою членомъ никакого тайнаго общества, но мои противники либо убѣдили его въ этомъ, либо дѣйствовали помимо его» [2]). Отвѣтомъ на интересовавшій Грунера вопросъ о роли Гарденберга въ его арестѣ можетъ служить письмо прусскаго канцлера къ Меттернику отъ 4-го сент. 1812 г. «Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, дорогой графъ,—писалъ Гарденбергъ,—что не слѣдуетъ вмѣшивать въ это дѣло третьихъ лицъ (т.-е. французовъ)... нѣтъ надобности преслѣдовать, а нужно только предупредить тѣ неисчислимыя бѣды, которыя могли бы породить

---

[1]) E. Janke, p. 30 — 31.
[2]) Deutsche Rundschau 1887 г. Bd. 53, p. 359 — 360.

происки этихъ господъ (т.-е. Грунера и его агентовъ). Въ всякомъ случаѣ, Грунеръ заслуживаетъ наказанія, ибо онъ поступилъ крайне коварно по отношенію къ Пруссіи и въ особенности по отношенію ко мнѣ, увѣряя, когда это представлялось ему полезнымъ, что я тайно сочувствую его предпріятію».

Весьма вѣроятно, что Гарденбергъ [1]) изъявилъ свое согласіе на арестъ Грунера въ цѣляхъ огражденія себя отъ непріятностей, которыя могли произойти, если бы Грунеръ, благодаря случайности, попалъ въ руки французамъ, и если бы въ его бумагахъ нашлись какіе-нибудь компрометирующіе прусское правительство документы. Любопытно при этомъ припомнить слѣдующія строки изъ доклада Гагера гр. Меттернику отъ 7-го сент. 1812 г. «Безспорно, прусское правительство очень скомпрометировано Грунеромъ; повидимому, оно уже давно знало о сношеніяхъ его съ Россіей и на первыхъ порахъ молчаливо одобряло его дѣятельность» [2]). И въ самомъ дѣлѣ, изъ вступительной статьи Ф. Ф. Мартенса къ «соглашенію, заключенному съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ, относительно нейтралитета Пруссіи» 18—30 дек. 1812 г. [3]) видно, что извѣстная уже намъ докладная записка Грунера, представленная гр. Ливену, была «препровождена на заключеніе» не только въ Петербургъ, но и прусскимъ властямъ, что планъ Грунера былъ «одобренъ, какъ русскимъ правительствомъ, такъ и прусскимъ военнымъ министромъ», что, кромѣ того, передъ самымъ выѣздомъ гр. Ливена изъ Берлина (18—30 іюля 1812 г.) «прусскій канцлеръ согласился на назначеніе прусскаго подполковника Валентини секретнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ русскаго двора въ Пруссіи», который, подобно Грунеру, долженъ былъ «сообщать о всякихъ распоряженіяхъ французскаго военнаго начальства и въ особенности пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы разрушить союзъ между Пруссіею и Франціею», что, наконецъ, баронъ Врангель, адъютантъ короля Прусскаго, и г. Бейенъ, начальникъ канцеляріи секретной полиціи въ Берлинѣ, также «обѣщали доносить русскому правительству о грядущихъ событіяхъ».

Что касается гр. Меттерника, то, какъ мы знаемъ, онъ имѣлъ въ виду при арестѣ Грунера овладѣть цѣннымъ матеріаломъ для ознакомленія съ дѣятельностью тайныхъ организацій нѣмецкихъ патріотовъ. Есть основаніе предполагать, что заключеніе Грунера въ крѣпость было вызвано желаніемъ Меттерника укрыть русскаго агента отъ взоровъ французскихъ властей. По крайней мѣрѣ, такое предположеніе можно сдѣлать на основаніи письма

---

[1]) Deutsche Rundschau 1887. Bd. 53, p. 357.

[2]) Ibidem., p. 356 — 357.

[3]) Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключ. Россіею съ иностр. держ. Т. VII. СПБ. 1885, стр. 50 — 52.

австрійскаго министра полиціи отъ 25-го іюля 1813 г. Въ отвѣтъ на неоднократно обращенныя къ нему моленія истомившагося узника, Гагеръ писалъ: «Все это было сдѣлано для вашей же пользы, ибо вамъ пришлось бы очень плохо, если все, что было проектировано вами и отчасти уже приведено въ исполненіе, стало извѣстно чужой державѣ, и она потребовала вашей выдачи» [1]). О другомъ мотивѣ заключенія Грунера въ крѣпость и его продолжительнаго сидѣнія въ ней мы узнаемъ изъ сохранившихся въ Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ писемъ гр. Меттерника къ нашему послу гр. Штакельбергу.

«Грунеръ, — говоритъ онъ, — злоупотребилъ гостепріимствомъ Австріи, организовавъ такую систему шпіонства, которую ни одно государство не можетъ допустить». Меттернихъ обвинялъ Грунера въ пропагандѣ крайне опаснаго и безнравственнаго принципа, въ силу котораго подданные, и прежде всего военные, могутъ освободить себя отъ всякихъ обязанностей къ своимъ государямъ, если послѣдніе не согласятся итти по пути, начертанному заговорщиками»[2]). И въ самомъ дѣлѣ, Грунеръ, по собственному его признанью, дѣйствительно внушалъ офицерамъ, которыхъ вербовалъ въ «Нѣмецкій Легіонъ», что «разъ король и нѣмецкіе князья хотятъ быть только префектами Наполеона, то никто не долженъ считать себя связаннымъ присягою и вмѣнять себѣ въ обязанность поднимать оружіе за неблаговидное и вредное отечеству дѣло»[3]). Эта мысль, высказанная Грунеромъ, была въ это время очень распространена среди патріотовъ и раздѣлялась и Штейномъ, и Гнейзенау, и Арндтомъ, развившимъ ее особенно ярко въ своемъ «Катихизисѣ для нѣмецкихъ солдатъ», изд. въ Петербургѣ въ 1812 г.[4]).

Грунеръ былъ освобожденъ изъ крѣпости только въ октябрѣ 1813 г. по настоянію русскаго правительства и Штейна. Мѣсяцъ спустя онъ уже получилъ назначеніе временнаго генералъ-губернатора въ герцогствѣ Бергъ. Въ 1815 г. Грунеръ исполнялъ обязанности начальника полиціи въ занятомъ союзниками войсками Парижѣ. Къ тому же году относится его дѣятельность по «Гофманскому Союзу». Я имѣлъ уже случай въ другомъ мѣстѣ («Голосъ Минувшаго», № 2, въ статьѣ «Драма въ Мангеймѣ») сказать нѣсколько словъ объ этомъ союзѣ и письмахъ Грунера къ Гарденбергу, въ которыхъ первый убѣждалъ канцлера въ необходимости

---

[1]) Deutsche Rundschau 1887. Bd. 53, p. 360 — 361.

[2]) Письмо отъ 23-го нояб. 1812 г., № 494. См. также депешу гр. Штакельберга къ Румянцову отъ 26-го ноября того же года, № 495.

[3]) M. Lehmann. Stein. Bd. II, p. 136.

[4]) Ibidem., p. 175 — 177.; F. Thimme, Zu den Erhebungsplänen der Preussischen Patrioten, Historische Zeitschrift 1901. Bd. 86, p. 83.

даровать народу законную свободу и правовой строй, дабы тѣмъ расположить общественное мнѣніе въ пользу Пруссіи и подготовить почву столь цѣнной патріотамъ идеи объединенія Германскихъ государствъ подъ главенствомъ прусской монархіи. Въ послѣдніе годы жизни Грунеръ занималъ мѣсто прусскаго посланника при Швейцарскомъ союзѣ. Онъ умеръ 8 февраля 1820 г. 43 лѣтъ отроду въ Висбаденѣ, куда онъ прибылъ въ сентябрѣ 1819 г. въ надеждѣ на исцѣленіе отъ своихъ недуговъ. Но недуги не поддавались лѣченью и усугублялись тяжелымъ душевнымъ настроеніемъ. Карлсбадскія постановленія и вызванныя ими преслѣдованія патріотовъ глубоко возмущали и волновали больного. Онъ самъ былъ подвергнутъ допросу [1]). Смерть положила предѣлъ его физическимъ и нравственнымъ страданіямъ.

А. Чебышевъ.

---

[1]) Erlebtes aus den Jahren 1813 — 1820 von W. Dorow. I Th. Leipsig, 1843, p. 201 — 206.

Продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наканунѣ освобожденія.

Въ числѣ факторовъ, подготовлявшихъ паденіе крѣпостного права, немаловажное мѣсто занимаютъ затрудненія, которыя испытывали правительство и дворянство изъ-за продовольственной и иной помощи, оказываемой ими крѣпостнымъ въ неурожайные годы. Будущій историкъ крестьянской реформы, несомнѣнно, долженъ будетъ учесть вліяніе этого фактора при выясненіи совокупности причинъ, вызвавшихъ реформу. Къ сожалѣнію, въ настоящее время продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ крѣпостное время еще очень мало обслѣдованъ, и можно лишь слабо намѣтить картину тѣхъ отношеній, которыя создавались между правительствомъ, дворянствомъ и крѣпостной массой на почвѣ продовольственныхъ затрудненій.

Неурожаи, это «бытовое явленіе» нашихъ дней, были довольно обычны и въ первой половинѣ XIX вѣка [1]). Сельское населеніе сильно страдало отъ нихъ. Правительству приходилось принимать энергичныя мѣры для спасенія голодающихъ отъ болѣзней и смерти

---

[1]) Варадиновъ насчитываетъ за время отъ 1802 по 1852 г. только десять урожайныхъ лѣтъ, неурожайныхъ — 22 и голодныхъ — 12 (1821 — 1823 гг.; 1833 — 1834 гг.; 1839 — 1840 гг.; 1844 — 1846 гг.; 1848 г.; 1850 — 1851 гг.). (*Варадиновъ*, «Исторія Мин-ства Вн. Дѣлъ», см. также ст. *Весина*, «Неурожаи въ Россіи и ихъ главныя причины». «Сѣв. Вѣстникъ», 1892 г., № 1). Конечно, это дѣленіе довольно произвольно, ибо въ голодные годы бывали мѣстности съ хорошимъ урожаемъ, и наоборотъ, при хорошемъ въ общемъ урожаѣ нѣкоторыя мѣстности нуждались въ продовольственной помощи. Въ 1842 г. правительство утверждало, что неурожаи повторяются черезъ каждыя 6 — 7 лѣтъ, продолжаясь по 2 года сряду, а министръ внутр. дѣлъ, Д. Г. Бибиковъ, въ 1853 г. сообщалъ, что въ Бѣлоруссіи на каждыя 30 лѣтъ приходится по 10 неурожаевъ, которые возвращаются чаще и чаще (*А. Романовичъ-Славатинскій*, «Голода въ Россіи и мѣры правительства противъ нихъ». «Кіевск. Университ. Извѣстія», 1892 г., № 1). Въ послѣдніе годы передъ реформою, уже при имп. Александрѣ II, были также сильные неурожаи. Въ 1855 г. неурожай захватилъ сѣв.-западныя губерніи, южныя и часть центральныхъ. Наконецъ очень сильный неурожай поразилъ многія губерніи и въ 1858 году.

и для поддержанія разоряющихся крестьянскихъ хозяйствъ. Казалось бы, крѣпостное право, ставившее помѣщикамъ въ обязанность не допускать крестьянъ до нищенства, а слѣдовательно, заботиться о продовольствіи ихъ, должно было сильно облегчать правительство въ его продовольственной дѣятельности. Крѣпостная масса, какъ извѣстно, составляла по 10-ой ревизіи $37^1/_2{}^0/_0$ всего сельскаго населенія, а въ періодъ времени съ 1747 по 1837 г. достигала даже $45^0/_0$. Такимъ образомъ при условіи исполненія помѣщиками ихъ продовольственной обязанности правительство было бы освобождено отъ заботъ о продовольствіи почти половины сельскаго населенія въ первой четверти XIX столѣтія, и болѣе трети — наканунѣ освобожденія.

При финансовыхъ затрудненіяхъ, какія постоянно испытывало правительство, и при частомъ повтореніи неурожаевъ, такое переложеніе на помѣщиковъ продовольственныхъ заботъ о значительной части населенія должно было сильно облегчать государственный бюджетъ, и правительство было бы серьезно заинтересовано въ сохраненіи крѣпостного права. Въ дѣйствительности этого не было. Правительству приходилось все энергичнѣе и энергичнѣе вмѣшиваться въ продовольственную дѣятельность помѣщиковъ, затрачивать все большія и большія суммы на продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, крѣпостное право скорѣе мѣшало правильной постановкѣ продовольственной помощи населенію, чѣмъ облегчало правительство въ этой его дѣятельности. Бросая бѣглый взглядъ на исторію продовольственнаго вопроса въ помѣщичьихъ имѣніяхъ на протяженіи двухъ послѣднихъ столѣтій существованія крѣпостного права приходится отмѣтить, что по мѣрѣ приближенія къ реформѣ 1861 г. правительство все менѣе и менѣе настаивало на обязательности для помѣщиковъ продовольственной помощи крѣпостнымъ, и въ то же время доля участія правительства въ продовольственной помощи крѣпостному населенію постепенно возрастала.

Въ Уложеніи 1649 г. на владѣльцевъ холопей возлагалась обязанность кормить ихъ въ голодное время подъ угрозою лишенія права владѣть ими; помѣщикъ, впрочемъ, могъ освободиться отъ этой обязанности, добровольно отпустивъ холопа на волю. Черезъ два столѣтія, передъ реформою, отношеніе къ помѣщику, виновному въ непродовольствіи своихъ крѣпостныхъ, было значительно мягче. За допущеніе крѣпостного до нищенства по Своду Законовъ изд. 1857 г. помѣщику угрожалъ лишь штрафъ въ размѣрѣ 1 р. 50 к. Правда, за непродовольствіе крестьянъ могли наложить опеку на имѣніе виновнаго въ томъ помѣщика, но примѣненіе этой мѣры все болѣе и болѣе ограничивалось. Въ началѣ XIX вѣка вѣра въ цѣлесообразность и практичность этой мѣры была еще велика. Указомъ 21 февраля 1811 г., напримѣръ, опредѣленно предписывалось

брать въ опеку имѣнія всѣхъ тѣхъ помѣщиковъ, которые не выполняютъ обязательства, подкрѣпленнаго особою подпискою, прокормить крестьянъ до новаго урожая. Въ продовольственныхъ правилахъ 1822 г. проводилась та же точка зрѣнія на опеки. Однако и въ то уже время являлись сомнѣнія въ цѣлесообразности этой мѣры воздѣйствія на помѣщиковъ. Такъ, особый комитетъ, образованный въ 1823 г. для обезпеченія продовольствія жителей Могилевской, Витебской и Псковской губерній, терпѣвшихъ вопіющую нужду, указалъ на невозможность найти надежныхъ опекуновъ для всѣхъ тѣхъ имѣній, которыя поступали въ опеку, въ виду громаднаго количества таковыхъ; имѣнія эти были обременены долгами, и казнѣ приходилось издерживать на нихъ большія суммы; на возвратъ же этихъ ссудъ была плохая надежда, ибо, находясь въ опекѣ, имѣнія разорялись еще больше. Для возвращенія правительственныхъ средствъ, затраченныхъ на такія имѣнія, комитетъ предлагалъ продавать подобныя имѣнія съ торговъ. Въ 1833 году, подъ вліяніемъ практики голоднаго года, было даже постановлено брать въ опеку лишь тѣ имѣнія, помѣщики которыхъ растрачивали не по назначенію ссуду, полученную ими на продовольствіе крестьянъ. Впрочемъ, и по правиламъ 1834 г. имѣнія, которыя не могли служить обезпеченіемъ ссуды, выдаваемой помѣщику, должно было брать въ опеку. Болѣе снисходительное отношеніе правительства къ помѣщикамъ, неисполнявшимъ своей продовольственной обязанности, объясняется не только сознаніемъ безсилія заставить помѣщиковъ затрачивать средства на продовольствіе крестьянъ. Правительство вообще дѣлалось очень осторожнымъ въ примѣненіи репрессивныхъ мѣръ къ помѣщикамъ изъ опасенія расширить трещины, которыя постепенно обнаруживались въ крѣпостныхъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками. По мѣрѣ роста среди крестьянъ враждебности къ помѣщикамъ и духа протеста противъ крѣпостного права, правительство тщательно избѣгало всего того, что подрывало бы престижъ помѣщичьей власти и давало бы крестьянамъ поводъ увеличивать свои требованія. Обязанность помѣщиковъ кормить голодающихъ, хорошо извѣстная крестьянамъ, была однимъ изъ частныхъ поводовъ волненій среди крестьянъ, жалобъ на помѣщиковъ и требованій, предъявляемыхъ къ нимъ крестьянами въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Во избѣжаніе подобныхъ нарушеній обычнаго порядка въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, во имя охраны крѣпостного права, правительство было склонно смотрѣть сквозь пальцы на неисполненіе помѣщиками ихъ продовольственной обязанности, лишь бы не дать крестьянамъ поводъ предъявить помѣщику какія-либо требованія, выйти изъ безропотнаго, рабскаго повиновенія. Оно готово было скорѣе отказаться отъ основного принципа своей продовольственной политики, войти въ крупные расходы по продовольствію крѣпостныхъ,

чѣмъ подкрѣпить въ крестьянахъ сомнѣніе въ *безусловности* крѣпостного права помѣщиковъ. Отсюда проистекало стремленіе не только открыто не настаивать на строгомъ исполненіи помѣщиками ихъ продовольственной обязанности, но даже замаскировывать ее въ глазахъ населенія. Въ 1834 г., напримѣръ, помѣщикамъ рекомендовалось, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, внушать крестьянамъ «при удобномъ случаѣ, что они не имѣютъ никакого права ожидать безвозмездно пособія въ нуждѣ не только со стороны правительства, но даже и отъ помѣщиковъ своихъ, будучи обязаны безпрерывно во всемъ имъ повиноваться и исполнять возложенныя на нихъ работы за земли, коими они пользуются, и за доставляемое имъ отъ помѣщиковъ содержаніе» [1]. Косвенно разрѣшалось въ неурожайные годы увеличивать размѣръ барщины и другихъ работъ, разсматривая такое увеличеніе, какъ плату за продовольственную помощь. Такъ, въ тотъ же 1834 г. помѣщикамъ было предложено изыскать заблаговременно полезныя работы, «дабы въ неурожайные годы крестьяне ихъ за оказываемое отъ помѣщиковъ пособіе въ продовольствіи вознаграждали бы оное своею работою» [2]. Такимъ образомъ крестьяне должны были не только терпѣть нужду, разоряться, но еще исполнять лишнія работы на помѣщика за спасеніе отъ голодной смерти или отъ полнаго экономическаго разоренія. Еще въ 1833 г. Государственный Совѣтъ, подъ вліяніемъ ряда крестьянскихъ волненій, обратилъ усиленное вниманіе на глубокое убѣжденіе крестьянъ въ обязанности продовольственной помощи имъ со стороны правительства и помѣщиковъ. Онъ полагалъ необходимымъ, въ цѣляхъ борьбы съ этимъ убѣжденіемъ, организовать продовольственную помощь силами самого населенія. По этимъ мотивамъ наилучшимъ средствомъ разрѣшить продовольственныя затрудненія были признаны общественныя работы. Впрочемъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ система общественныхъ работъ получила характерное измѣненіе. Помѣщикамъ предоставлялось право поставить голодающихъ крестьянъ на работу прежде всего въ собственномъ имѣніи, и лишь въ случаѣ недостатка помѣщичьихъ работъ крестьянамъ должны были предлагать итти на общественныя работы. Опытъ убѣдилъ, однако, правительство въ убыточности и непрактичности этого средства кормить населеніе. Въ тѣхъ же цѣляхъ борьбы съ вышеуказаннымъ убѣжденіемъ крестьянъ министерство внутреннихъ дѣлъ долго носилось съ идеей повсемѣстнаго заведенія общественныхъ запашекъ.

Избѣгая открыто требовать точнаго выполненія помѣщиками ихъ продовольственной обязанности, правительство, въ силу го-

---

[1] «Историч. обзоръ правит. мѣропр. по народн. продовольствію въ Россіи». т. II, стр. 134.

[2] Ibid.

сударственной необходимости, должно было все же принимать тѣ или иныя мѣры къ спасенію населенія отъ болѣзней и вымиранія въ голодные годы. Въ этомъ направленіи наибольшее развитіе получили хлѣбные запасные магазины, продовольственные капиталы и правительственныя ссуды помѣщикамъ подъ ихъ отвѣтственностью за правильное расходованіе выданныхъ суммъ.

Первыя попытки создать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ запасные хлѣбные магазины на случай неурожаевъ относятся къ половинѣ XVIII вѣка: указомъ 14 февраля 1761 г. [1]), отмѣнившимъ опись хлѣба у частныхъ лицъ и раздачу его неимущимъ, вводились, какъ извѣстно, обязательные постоянные хлѣбные запасы. Этотъ указъ, имѣвшій важное значеніе въ общей исторіи продовольственнаго вопроса, внесъ мало новаго въ исторію въ помѣщичьихъ имѣній. Въ этомъ указѣ правительство лишь энергичнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ раньше, потребовало, чтобы помѣщики имѣли запасы хлѣба на случай неурожая. Несомнѣнно, важнѣе для исторіи продовольственнаго вопроса въ помѣщичьихъ имѣніяхъ высочайше утвержденный 29 ноября 1799 г. докладъ Сената объ учрежденіи сельскихъ запасныхъ магазиновъ [2]). Здѣсь уже довольно ясно выраженъ принципъ вмѣшательства правительства въ продовольственную помощь помѣщиковъ ихъ крестьянамъ. Отъ помѣщиковъ требовали не только опредѣленныхъ запасовъ хлѣба (3 четверти ржи и 3 четверти ярового на каждую ревизскую душу), но указывался и размѣръ сбора съ каждой ревизской души (по $^1/_2$ четверти ржи и $^1/_2$ гарнца ярового съ рев. души въ годъ); дѣлались указанія даже относительно способа храненія этихъ запасовъ, освѣженія ихъ и раздачи. Главный контроль надъ запасными магазинами на мѣстахъ поручался губернаторамъ; ближайшій надзоръ возлагался на предводителей дворянства. Такой контроль, конечно, не могъ быть достаточнымъ, ибо уѣздные предводители, какъ дворяне, были сами заинтересованной стороной, мѣстная же администрація, черезъ которую губернаторы могли осуществлять свое право контроля, при господствѣ взяточничества, въ значительной степени матеріально зависѣла отъ тѣхъ же дворянъ. Къ этому присоединялось отсутствіе санкціи въ законѣ. Неудивительно поэтому, что законъ 1799 г. фактически не исполнялся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Въ послѣдующіе годы правительство колебалось въ своемъ отношеніи къ запаснымъ магазинамъ и роли помѣщиковъ въ ихъ организаціи. Можно отмѣтить все же, что правительство отпредѣленнѣе и опредѣленнѣе разсматривало запасные магазины, какъ учрежденіе, служащее государственнымъ цѣлямъ, отрицая право

---

[1]) I. П. С. З. 1761 г., № 11203.
[2]) I. П. С. З. 1799 г., № 19203.

помѣщиковъ произвольно распоряжаться хлѣбными запасами. Эта точка зрѣнія была впервые опредѣленно развита въ указѣ 21 февраля 1811 г.

Вопросъ о назначеніи запасныхъ магазиновъ былъ рѣзко поставленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, кн. Куракинымъ, въ 1808 г. Обративъ вниманіе на жалобу минскаго губернатора, что помѣщики «не въ томъ смыслѣ понимаютъ учрежденіе магазиновъ», что «по ихъ разумѣнію *одни магазины* во всякое время должны обезпечивать продовольствіе крестьянъ, а со своей стороны мало о томъ заботятся», кн. Куракинъ сдѣлалъ представленіе Сенату о необходимости разсѣять такое ложное убѣжденіе помѣщиковъ. По его мнѣнію, раздача хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ въ урожайные годы была допустима лишь въ тѣхъ случаяхъ, если хлѣбъ въ магазинѣ почему-либо портился, или, когда, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, существовала самая крайняя нужда въ прокормленіи крестьянъ. Но и въ этомъ случаѣ можно было раздать лишь половину собраннаго съ крестьянъ хлѣба; «остальное же продовольствіе должно зависѣть отъ владѣльцевъ», въ чемъ они должны были давать соотвѣтствующую подписку. Въ случаѣ невыполненія ея, имѣніе виновнаго должно было браться въ опеку, а крестьянамъ, по распоряженію губернскаго начальства, должны были доставлять хлѣбъ за счетъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ только въ годы неурожая и крайней продовольственной нужды помѣщики могли разсчитывать на хлѣбъ, собранный ими же со своихъ крестьянъ въ запасные магазины. Но и въ этихъ случаяхъ никакихъ выдачъ хлѣба не могло быть безъ разрѣшенія губернатора. Сенатъ, утвердившій это представленіе кн. Куракина въ указѣ 21 февраля 1811 г. еще болѣе затруднилъ выдачу хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, поставивъ ее въ зависимость отъ согласія министра [1]).

Такимъ образомъ указъ 21 февраля 1811 г. установилъ правиломъ, чтобы помѣщики получали помощь изъ запасныхъ магазиновъ только съ разрѣшенія правительства въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Этимъ самымъ запасные магазины получили значеніе государственной собственности, а самый сборъ хлѣба въ эти магазины — значеніе государственной повинности. Но эти же условія полученія ссуды дѣлали помѣщиковъ еще болѣе равнодушными къ судьбѣ запасныхъ магазиновъ. При зависимости ссуды отъ губернскихъ и центральныхъ властей неизбѣжна была канцелярская волокита, изъ-за которой ссуда могла быть выдана нерѣдко тогда, когда экстренная нужда въ хлѣбѣ проходила. Кромѣ того, нужда крѣпостныхъ въ продовольственной и сѣмянной помощи далеко не исчерпывалась указанными закономъ случаями. Помѣщики принуждены были этимъ самымъ самостоятельно изыскивать

---

[1]) I. П. С. З. 1811 г., № 24525.

способы продовольствовать крестьянъ. Поэтому-то на ряду съ правительственной развивалась и помѣщичья организація продовольственной помощи въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, въ видѣ собственныхъ запасныхъ магазиновъ, особыхъ капиталовъ, общественныхъ запашекъ и т. под.

Продовольственныя правила 1822 г. [1]), предоставившія особымъ губернскимъ совѣщаніямъ рѣшать вопросъ, денежные или хлѣбные запасы должны въ каждой отдѣльной губерніи обезпечивать продовольствіе крестьянъ, очень стѣсняли помѣщиковъ въ пользованіи денежными запасами и допускали большую самостоятельность ихъ въ дѣлѣ распоряженія хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ. Такъ какъ большинство губерній (41) избрало систему хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, то фактически ближайшее распоряженіе продовольственными запасами зависѣло въ помѣщичьихъ имѣніяхъ отъ ихъ владѣльцевъ. Безпорядочное состояніе запасныхъ магазиновъ, явившееся разультатомъ такого порядка, заставило правительство уже въ началѣ 30-хъ годовъ возвратиться къ системѣ прежняго надзора за ними.

Голодъ 1833 — 34 гг. показалъ, однако, что и установленнаго контроля далеко недостаточно; помѣщики не выполняли предписаній правилъ 1822 г., хлѣбныхъ запасовъ было недостаточно; крѣпостные терпѣли страшную нужду и волновались, требуя отъ помѣщиковъ помощи, что заставляло правительство входить въ крупные расходы по продовольствію помѣщичьихъ крестьянъ. Въ правилахъ 1834 г. [2]), составленныхъ въ значительной степени подъ вліяніемъ правительственныхъ затрудненій и опыта во время голода 1833 — 34 гг., обращено было большое вниманіе на усиленіе надзора за помѣщиками во всѣхъ стадіяхъ продовольственной дѣятельности. За исправнымъ содержаніемъ магазиновъ должны были попрежнему надзирать уѣздные предводители дворянства. Въ помощь имъ избирались дворянами особые попечители. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было предводителей дворянства, за запасными магазинами должна была наблюдать земская полиція. Кромѣ того, чиновники, командируемые съ какими-либо цѣлями начальниками губерній, министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, обязаны были ревизовать помѣщичьи хлѣбные запасные магазины, если только послѣдніе встрѣчались по пути ихъ слѣдованія. Общій же надзоръ за содержаніемъ запасныхъ магазиновъ и за цѣлостью денежныхъ капиталовъ лежалъ на обязанности комиссій народнаго продовольствія. Распоряженіе хлѣбными запасами было изъято изъ рукъ помѣщиковъ. Даже мѣстное начальство было ограничено въ этомъ отношеніи. Частныя ссуды, выдаваемыя въ тѣхъ случаяхъ, когда

---

[1]) I. П. С. З. 1822 г. № 29000.
[2]) II. П. С. З. 1834 г., № 7253.

въ продовольственной помощи нуждались лишь нѣкоторыя семейства и немногія селенія, производились хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ только въ количествѣ, необходимомъ для обсѣмененія полей. Мѣстное начальство могло свободно распоряжаться лишь $^1/_4$ всего наличнаго хлѣба; если требовалась большая ссуда, необходимо было разрѣшеніе на нее отъ комиссіи народнаго продовольствія. Если же при сильномъ неурожаѣ необходимо было раздать болѣе половины хлѣба, то объ этомъ комиссія должна была доводить до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ законѣ предусматривалось лишь составленіе помѣщиками списковъ нуждающихся крестьянъ. Такимъ образомъ лишь опредѣленіе нужды среди крестьянъ зависѣло отъ помѣщиковъ, да и эти свѣдѣнія могли провѣряться черезъ чиновниковъ или уѣздныхъ предводителей. Отъ комиссіи народнаго продовольствія зависѣла также выдача денежныхъ пособій изъ продовольственнаго капитала [1]). Комиссія рѣшала выдавать эти пособія деньгами или покупать на нихъ хлѣбъ для раздачи нуждающемуся населенію. При выдачѣ такихъ пособій возвратъ ихъ долженъ былъ обезпечиваться имѣніемъ помѣщика; въ противномъ случаѣ имѣніе бралось въ опеку.

Однако стремленія правительства улучшить организацію помѣщичьихъ запасныхъ магазиновъ и усилить свой контроль надъ ними мало достигали цѣли. За все время своего существованія они далеко не удовлетворяли потребности помѣщичьихъ крестьянъ въ продовольствіи. Не говоря уже о томъ, что помѣщики очень дурно исполняли свои обязанности по устройству и пополненію запасныхъ магазиновъ, что контроль, установленный надъ ними, былъ недостаточенъ, хлѣбные запасы, по самому способу ихъ составленія, могли образоваться въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ не ранѣе какъ черезъ 15 лѣтъ (по правиламъ 1822 г., даже черезъ 30 лѣтъ), при условіи, чтобы въ теченіе этого времени не было ни одного значительнаго неурожая. Между тѣмъ фактически неурожаи при Николаѣ I повторялись очень часто и быстро съѣдали тѣ небольшіе запасы, которые могли скопиться въ урожайные годы. Неудивительно поэтому, что правительство, сталкиваясь съ все возрастающей нуждою среди помѣщичьихъ крестьянъ, принуждено было прибѣгать къ другимъ мѣрамъ обезпеченія ихъ продовольствія. Одною изъ такихъ мѣръ была выдача помѣщикамъ денежныхъ ссудъ не только изъ продовольственныхъ капиталовъ, образуемыхъ изъ денежныхъ сборовъ съ тѣхъ же крестьянъ, но и изъ общегосударственныхъ средствъ.

---

[1]) Въ 1834 г. была принята смѣшанная система: на ряду со сборомъ озимаго и ярового хлѣба въ опредѣленной пропорціи существовали денежные сборы для образованія капиталовъ народнаго продовольствія.

Въ эпоху Александра I денежныя ссуды выдавались помѣщикамъ вообще очень неохотно. Это отразилось и на правилахъ 1822 г. Такъ, правительственныя ссуды могли выдаваться лишь послѣ наложенія опеки за непродовольствіе крестьянъ, и то только въ томъ случаѣ, если доходовъ съ имѣнія не хватало на обезпеченіе нуждъ крестьянъ. Дѣйствительность быстро принудила правительство отказаться отъ строгаго исполненія правилъ 1822 г. Брать въ опеку всѣ имѣнія, гдѣ продовольствіе крестьянъ недостаточно обезпечивалось, было немыслимо. Легче было оказать ссуды и такимъ образомъ поддержать помѣщика, чѣмъ возиться съ имѣніемъ, взятымъ въ опеку, подыскивать опекуна и т. д. По этой причинѣ система выдачи денежныхъ ссудъ безъ предварительнаго наложенія опеки развивалась вопреки правиламъ 1822 г. Особенно сильное развитіе такихъ ссудъ замѣчается во время остраго неурожая 1833 г. Въ этомъ году, по 1 іюня 1834 г., на покупку хлѣба или для выдачи денежныхъ ссудъ изъ казны на продовольствіе, изъ разныхъ мѣстныхъ капиталовъ, заимообразно на счетъ земскихъ повинностей и изъ кредитныхъ учрежденій было выдано 29.768.712 р. 84$^1/_2$ к.; изъ этой внушительной суммы 20.435.040 р. 42$^1/_4$ к., или 68,7%, было выдано изъ суммъ государственнаго казначейства [1]). Сколько изъ этой суммы пришлось на долю помѣщичьихъ крестьянъ — нельзя сказать, но по частнымъ примѣрамъ можно думать, что выдачи эти были значительны.

Въ 1833 г. былъ изданъ рядъ распоряженій, увеличивавшихъ и регулировавшихъ выдачи ссудъ помѣщикамъ на продовольствіе ихъ крестьянъ. Такъ, положеніемъ комитета министровъ 11-го іюля было разрѣшено, помимо средствъ изъ капиталовъ народнаго продовольствія, выдавать ссуды наиболѣе нуждающимся помѣщикамъ непосредственно изъ казны. Главное вниманіе было обращено сначала на затруднительное положеніе мелкихъ помѣщиковъ. Положеніемъ 25 іюля 1833 г. было разрѣшено вмѣсто заготовленія нужнаго хлѣба и сѣмянъ отъ правительства въ натурѣ выдавать денежныя ссуды по 10 р. на душу помѣщикамъ, имѣвшимъ отъ 50 до 100 душъ, и по 15 р. — имѣвшимъ болѣе 50 душъ. Крупнымъ помѣщикамъ, имѣвшимъ болѣе 100 душъ, могли выдавать ссуды по особымъ представленіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ непосредственно изъ казны. Впрочемъ, дѣйствительность вскорѣ показала, что и крупные помѣщики нерѣдко оказывались безпомощными въ борьбѣ съ продовольственною нуждою, и интересы государственнаго спокойствія потребовали широкой правительственной помощи и имъ. Поэтому Положеніемъ комитета министровъ

---

[1]) *Середонинъ.* «Историч. обзоръ дѣят. комит. министровъ», т. II, ч. 272, стр. 302; см. также «Истор. обзоръ правит. мѣропр. по нар. продов. въ Россіи», т. I, стр. 226.

12 сентября 1833 г. было предписано въ подобныхъ случаяхъ заготовлять хлѣбъ, нужный для продовольствія, помимо помѣщиковъ, взыскивая съ нихъ затраченныя суммы при наступленіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того, такимъ крупнымъ помѣщикамъ должны были выдавать ссуды на общихъ основаніяхъ изъ мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ. Наконецъ, положеніемъ 25 сентября комитетъ разрѣшилъ выдавать особенно нуждающимся помѣщикамъ новыя ссуды, предпочтительно хлѣбомъ въ натурѣ, въ количествѣ 1 чтв. на рев. душу; по ближайшему же усмотрѣнію мѣстнаго начальства эта хлѣбная ссуда могла быть замѣнена денежною, но не превышающей стоимости $^1/_2$ четверти хлѣба на ревизскую душу. Измѣненъ былъ согласно требованіямъ дѣйствительности и вопросъ объ опекахъ надъ имѣніями, которыя нуждались въ ссудахъ. Вопреки правиламъ 1822 г., упомянутымъ положеніемъ 25 іюля въ опеку должны были брать лишь тѣ имѣнія, помѣщики которыхъ растрачивали ссуду не по назначенію.

Въ послѣдующіе неурожайные годы ссуды помѣщикамъ росли. Во время неурожая 1839 — 1840 гг., было затрачено на продовольствіе голодающаго населенія 35.387.101 р. асс. (въ 1839 г. — 9.539.918 р. асс. и въ 1840 г. — 25.847.183 р. асс.). Изъ нихъ на помощь помѣщикамъ ушло 17.460.492 р. асс., или 49% (въ 1839 г.— 5.303.427 р., или 55,6%, и въ 1840 г. — 12.157.065 р. асс., или 47%). Слѣдовательно, почти половина расходовъ, сдѣланная въ продовольственную компанію 1839 — 40 гг., была вызвана продовольственною нуждою среди помѣщичьихъ крестьянъ и нежеланіемъ или невозможностью для помѣщиковъ позаботиться о своихъ крѣпостныхъ. Что касается источниковъ, откуда черпались эти крупныя суммы, то 38,8% ихъ было получено изъ государственнаго казначейства и кредитныхъ установленій; остальная сумма (61,2%) была выдана изъ капиталовъ народнаго продовольствія [1]). Въ 1845 г. по 4 губерніямъ (Псковской, Витебской, Смоленской и Могилевской) было отпущено только для выдачи помѣщикамъ 1.770.000 р. (по 10 р. на душу); эта сумма была взята изъ Государственнаго Заемнаго банка частью на счетъ кредитныхъ установленій, частью на счетъ государственнаго казначейства. Въ томъ же году изъ приказовъ общественнаго призрѣнія въ Витебской, Виленской, Ковенской и Эстляндской губерніи было взято 1.148.000 р. сер. какъ для помѣщичьихъ имѣній, такъ отчасти для городскихъ жителей (Виленской губ.), для жителей мѣстечекъ и бѣдныхъ дворянъ (Ковенской губ.) [2]). Злоупотребленія помѣщиковъ при расходованіи этихъ ссудъ, самый ростъ ихъ сильно оза-

---

[1]) *Середонинъ.* «Историч. обзоръ дѣятельности ком. министровъ», т. II, ч. I, стр. 356, 365 и 366.

[2]) «Историч. обзоръ правит. мѣропр. по нар. продов.», ч. II, стр. 126—127.

бочивалъ правительство. Оно постепенно стало осторожнѣе при назначеніи денежныхъ ссудъ. Въ 1846 г. при плохомъ урожаѣ въ Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и Псковской губерніяхъ изъ государственнаго казначейства, государственнаго банка и изъ суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія для ссудъ помѣщикамъ перечисленныхъ губерній было ассигновано 1.159.000 р. сер. Въ 1851 году денежныхъ пособій изъ этихъ источниковъ почти не назначалось.

Ссуды выдавались не всегда деньгами. Получая денежныя ссуды на руки, помѣщики нерѣдко употребляли полученныя деньги, въ лучшемъ случаѣ на другія нужды своего имѣнія, а не на продовольствіе крестьянъ, въ худшемъ же случаѣ попросту проигрывали ихъ въ карты. Желая предупредить такія злоупотребленія, правительство старалось выдавать ссуды хлѣбомъ [1]).

Всѣ подобныя ссуды далеко не удовлетворяли продовольственныя нужды помѣщичьихъ крестьянъ, которая требовала новыхъ жертвъ со стороны правительства. Въ цѣляхъ помощи голодающему населенію дѣлались различныя облегченія при взиманіи государственныхъ податей, разсрочки и прощеніе недоимокъ, различныя льготы, по платежамъ въ кредитныя учрежденія, по уплатѣ продовольственныхъ ссудъ и т. д.; въ тѣхъ же видахъ отсрочивались рекрутскіе наборы; въ цѣляхъ развитія постороннихъ заработковъ выдавались безплатно паспорта; перемѣщались войска изъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы содержаніемъ ихъ не обременять населенія; отпускалась соль или заимообразно, или безъ акциза, запрещался вывозъ хлѣба за границу или разрѣшался безпошлинный ввозъ его изъ-за границы [2]).

Всѣ эти и т. под. мѣры примѣнялись, конечно, не исключительно въ цѣляхъ помощи помѣщичьимъ крестьянамъ. Большая часть изъ нихъ имѣла цѣлью оказать помощь всему голодающему населенію, но такъ какъ помѣщичьи крестьяне составляли значительную часть его, то косвенно расходы, въ которые входило

---

[1]) Какія суммы расходовались на такую форму помощи помѣщикамъ — неизвѣстно, но нѣкоторыя общія цифры затратъ на помощь различнымъ группамъ населенія показываютъ, что правительству не дешево обходилась подобная заготовка хлѣба для голодающаго населенія. Такъ, въ 1840 г., для Тульской губ. пріобрѣтено 37.000 четвертей, обошедшихся болѣе чѣмъ въ 1 милліонъ р. асс. Въ 1851 г. правительствомъ было пріобрѣтено для Псковской, Витебской, Могилевской, Лифляндской и Курляндской губерній до 500.000 четвертей на сумму свыше $2^1/_2$ милліона; впрочемъ, большая часть этихъ расходовъ была отнесена не на счетъ казны, а на счетъ продовольственныхъ капиталовъ этихъ губерній. («Историч. обзоръ правит. мѣропр. по нар. продов.», ч. II, стр. 127 — 128).

[2]) Послѣднія мѣры, впрочемъ, въ царствованіе императора Николая I примѣнялись очень рѣдко.

правительство при примѣненіи этихъ мѣръ, вызывались въ значительной степени нуждою среди помѣщичьихъ крестьянъ.

Такъ какъ всѣ эти мѣры мало помогали, и вопросъ о продовольствіи помѣщичьихъ крестьянъ вставалъ передъ правительствомъ во всей своей остротѣ при всякомъ крупномъ неурожаѣ, то неудивительно, что съ самаго начала царствованія Николая I начали возникать различные проекты реорганизаціи продовольственной помощи вообще и крѣпостнымъ крестьянамъ въ частности [1]).

Выше приходилось упоминать о попыткѣ правительства разрѣшить продовольственный вопросъ при помощи организаціи общественныхъ работъ [2]). Первые опыты этого рода относятся къ 1833 г. Въ 1840 году увлеченіе общественными работами было настолько сильно, что онѣ признавались «единственною, самой надежнѣйшей и удовлетворяющей всѣмъ видамъ правительства мѣрой». Однако обнаружившіеся на практикѣ недостатки общественныхъ работъ охладили, въ концѣ-концовъ, правительство. Въ 1852 г. уже самъ комитетъ министровъ призналъ, что открытіе общественныхъ работъ въ неурожайныхъ губерніяхъ можетъ быть допускаемо въ видѣ «воспособленія», для скорой же помощи нуждающимся нужны другія мѣры. Можно сказать, что эта попытка разрѣшить продовольственный вопросъ окончилась неудачно. Населеніе не шло работать; общественныя работы непроизводительно поглощали громадныя суммы казенныхъ средствъ. Не могли имѣть значеніе общественныя работы, и какъ средство разубѣдить кре-

---

[1]) Послѣ неурожая 1840 г. появилась масса проектовъ, вызванныхъ слухами о желаніи правительства реорганизовать продовольственное дѣло. Такъ, въ 1840 г. въ министерство внутреннихъ дѣлъ было представлено 12 болѣе или менѣе полныхъ проектовъ; въ 1841 — 2, въ 1843 — 4, въ 1844 — 9, въ 1845 — 9, въ 1846 — 6 и въ 1847 — 1, итого за 8 лѣтъ было представлено 43 проекта. Въ послѣдующіе годы неизвѣстно частныхъ проектовъ, но это въ значительной степени приходится объяснять реакціей въ правительственныхъ сферахъ по отношенію къ крестьянскому вопросу послѣ революціи 1848 г.

[2]) Объ общественныхъ работахъ см.: *Максимовъ*. «Очерки по исторіи обществ. работъ въ Россіи», С.-Петербургъ, 1905 г.; «Историч. обзоръ правит. мѣропр. по народ. продов. въ Россіи»; *Ермоловъ*. «Наши неурожаи»; *Середонинъ*. «Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ». Общественныя работы открывались въ различныхъ губерніяхъ въ 1833 — 34 гг., 1836 г., 1840 г., 1846, 1847, 1851 гг. На нихъ затрачивались значительныя суммы денегъ. Такъ, въ 1834 г. на общественныя работы было предназначено 2.616.000 р. асс. Въ 1840 г. стоимость работъ была исчислена въ 2.354.017 р. асс. Въ 1851 г. для той же цѣли было назначено 3.000.000 р. сер. Хотя эти расходы, въ теоріи, должны были возмѣщаться изъ средствъ, ассигнуемыхъ обыкновенно соотвѣтствующимъ вѣдомствомъ на такія сооруженія, какъ шоссейныя дороги и т. под., на которыхъ примѣнялись общественныя работы, однако въ дѣйствительности выполненіе ихъ при помощи общественныхъ работъ причиняло нерѣдко громадные убытки казнѣ и земскимъ сборамъ.

стьянъ въ обязательности продовольственной помощи для правительства и помѣщиковъ. При запаздываніи общественныхъ работъ и ихъ недостаточныхъ размѣрахъ тяжесть продовольственной помощи крѣпостнымъ крестьянамъ попрежнему должна была ложиться на правительство и помѣщиковъ. Населеніе попрежнему ожидало отъ нихъ этой помощи и волновалось, не получая ея.

Однимъ изъ проектовъ, который больше всего заинтересовалъ правительство и больше всего удовлетворялъ его требованіямъ, былъ проектъ заведенія общественныхъ запашекъ. Еще въ 1828 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, представилъ проектъ, въ которомъ, между прочимъ, предлагалъ замѣнить сборъ хлѣба съ каждой ревизской души учрежденіемъ особыхъ общественныхъ полей, урожай съ которыхъ долженъ былъ итти на пополненіе запасныхъ магазиновъ; другими словами, Ланской предлагалъ мѣру, принятую въ 1827 г. относительно удѣльныхъ имѣній, распространить на крестьянъ другихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и на помѣщичьихъ. По отношенію къ помѣщикамъ Ланской былъ очень остороженъ: онъ предполагалъ заведеніе общественныхъ запашекъ «предоставить помѣщикамъ по собственному ихъ произволу и распоряженію». Проектъ Ланского не встрѣтилъ сочувствія въ 1828 г. Новая попытка учредить общественныя запашки, какъ общегосударственную мѣру обезпеченія народнаго продовольствія, сдѣлалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Перовскій, въ 1841 г. Не нарушая крѣпостного права, проектъ гр. Перовскаго имѣлъ ту слабую сторону, что, требуя отвода части земли подъ общественныя запашки, посягалъ на неприкосновенность помѣщичьей земли, ибо влекъ за собою принудительно отчужденіе хотя бы ничтожной части ея. Гр. Перовскій думалъ примирить помѣщиковъ съ такимъ отчужденіемъ, установивъ поземельный сборъ въ размѣрѣ 10% съ урожая «для вознагражденія помѣщиковъ за отходящую подъ общественныя поля землю». Помѣщики могли примириться, по мнѣнію гр. Перовскаго, съ ничтожностью вознагражденія въ виду ничтожной величины отчуждаемыхъ участковъ; между тѣмъ самое полученіе платы за земли могло имѣть воспитательное значеніе для крестьянъ, пріучая ихъ къ мысли, что они живутъ не на своей землѣ, а на помѣщичьей.

Какъ ни ничтожны были бы участки земли, подлежавшие отчужденію въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, отрѣзка ихъ могла быть чувствительной въ малоземельныхъ имѣніяхъ или въ такихъ, гдѣ земля требовала усиленнаго удобренія. Поскольку удобреніе и обработка общественныхъ полей требовала труда крестьянъ, проектъ гр. Перовскаго посягалъ и на право помѣщиковъ на ихъ трудъ. Такимъ образомъ этотъ проектъ косвенно могъ вести къ уменьшенію объема помѣщичьей власти. Помѣщики врядъ ли спокойно примирились бы съ посягательствомъ на ихъ право собственности на

землю и на трудъ крестьянъ. Неудивительно, что и этотъ проектъ не встрѣтилъ большого сочувствія въ дворянскихъ сферахъ. Противъ него были сдѣланы вѣскія возраженія въ Государственномъ Совѣтѣ, куда онъ былъ переданъ на обсужденіе по волѣ государя. Тѣмъ не менѣе, министру внутреннихъ дѣлъ было поручено детальнѣе разработать и обосновать проектъ объ общественныхъ запашкахъ. Дѣло это затянулось до 50-хъ годовъ. За это время министерство внутреннихъ дѣлъ дѣлало частныя попытки распространить общественныя запашки, настойчиво приглашая къ тому помѣщиковъ. Однако дѣйствительность не оправдала надеждъ министерства. Помѣщики далеко не вездѣ считали выгоднымъ для себя заводить общественныя запашки, мѣстами уже заведенныя запашки уничтожались, крестьянское же населеніе относилось далеко несочувственно, и даже враждебно къ подобнымъ нововведеніямъ.

Примѣръ государственныхъ крестьянъ, отвѣтившихъ на принудительное введеніе картофельныхъ посѣвовъ бунтами, поучалъ, какъ опасно было не считаться съ народными взглядами и отношеніемъ крестьянъ къ тѣмъ или другимъ измѣненіямъ въ ихъ хозяйственной жизни. Гр. Киселевъ въ 1850 г. даже рѣзко возражалъ противъ введенія общественныхъ запашекъ въ Ставропольской губерніи среди казенныхъ крестьянъ, ставя вопросъ: «представляется ли въ общественной запашкѣ столько необходимости и пользы, чтобы пренебрегать неудовольствіемъ народа къ распоряженіямъ правительства?» [1]). Подъ вліяніемъ такихъ свѣдѣній и соображеній министерство внутреннихъ дѣлъ совершенно оставило мысль о повсемѣстномъ введеніи общественныхъ запашекъ, какъ лучшемъ способѣ разрѣшить продовольственный вопросъ. Въ 1853 г. на запросъ государя, почему проектъ гр. Перовскаго не былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, между прочимъ, что онъ не считаетъ общественную запашку мѣрою удобною и необходимою [2]).

Вопросъ о заведеніи общественныхъ запашекъ былъ поднятъ вновь передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ. Онъ былъ переданъ на обсужденіе дворянскихъ комитетовъ, а затѣмъ заключенія ихъ обсуждались въ особой комиссіи, которая также отрицательно отнеслась къ заведенію общественныхъ запашекъ. «Учрежденіе это,—разсуждала комиссія,—существуетъ по вѣдомству удѣловъ, оно существовало и отчасти существуетъ еще и теперь въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, преимущественно изъ числа тѣхъ, гдѣ крестьяне состоятъ на барщинѣ». Въ числѣ доводовъ противъ общественныхъ запашекъ указывалось на «ропотъ неудовольствія и,

---

[1]) «Историч. обзоръ правит. мѣропр. по нар. продов.», т. II, стр. 107.
[2]) Ibid., стр. 108 — 109.

быть-можетъ, даже опасное волненіе крестьянъ, несправедливо притѣсняемыхъ», ибо при общественныхъ запашкахъ вполнѣ возможенъ произволъ въ нарядѣ крестьянскихъ работъ и въ принятіи мѣръ къ взысканію за неисправность въ этихъ работахъ [1]).

Въ 50-хъ годахъ, когда правительство разочаровалось въ возможности разрѣшить продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ какъ при помощи общественныхъ работъ, такъ и при помощи общественныхъ запашекъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало новую попытку нѣсколько реформировать продовольственное дѣло, не измѣняя его по существу. Въ 1851 г. истекалъ срокъ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, изъ которыхъ, по правиламъ 1834 г., должны были составиться запасы, обезпечивающіе продовольствіе крестьянъ. Гр. Перовскій, желая по примѣру продовольственной организаціи у государственныхъ крестьянъ, ввести начало непрерывныхъ взносовъ, предложилъ продлить денежные сборы. Одинъ изъ преемниковъ гр. Перовскаго, Ланской предложилъ, наоборотъ, продлить хлѣбные сборы. Ни та, ни другая мысль не встрѣтила сочувствія, хотя фактически сборы деньгами и хлѣбомъ не прекращались и по истеченіи срока, опредѣленнаго правилами 1834 г.

Такимъ образомъ всѣ усилія правительства выйти изъ того тупика, въ которомъ оно находилось въ продовольственномъ отношеніи, были безрезультатными, и ко времени уничтоженія крѣпостного права продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оставался для правительства неразрѣшеннымъ.

II.

Продовольственный вопросъ былъ больнымъ мѣстомъ крѣпостной жизни. Если тяготилось имъ правительство, дѣлая тщетныя попытки обезпечить продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ, не нарушая цѣлости крѣпостного права и сохраняя по возможности государственные финансы, то не менѣе озабочивалъ онъ помѣщиковъ, принужденныхъ заботиться о продовольствіи крестьянъ не только по обязанности, но и по необходимости, не только въ неурожайные годы, но и въ несчастныхъ случаяхъ: при градѣ, пожарѣ, скотскомъ падежѣ и т. п. Крѣпостное помѣщичье хозяйство, на которомъ зиждилось экономическое благосостояніе большей части дворянъ, находилось въ большинствѣ случаевъ въ тѣсной зависимости отъ благосостоянія крѣпостныхъ крестьянъ. Помѣщики пользовались даровымъ крѣпостнымъ трудомъ, и по скольку трудъ есть принадлежность живой чувствующей личности, для помѣщика было необходимо, чтобы хотя первыя, необходимѣйшія потребности этой личности были удовлетворены. Поскольку эта лич-

---

[1]) Ермоловъ. «Наши неурожаи и продов. вопросъ», стр. 62.

ность имѣла цѣнность въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, жизнь ея нужно было охранить. Болѣзнь и вымиранiе населенiя при недостаточномъ продовольствiи въ голодные годы больно било по карманамъ самихъ помѣщиковъ, уменьшая количество рабочихъ силъ. Съ другой стороны, въ большинствѣ помѣщичьихъ хозяйствъ употреблялся крестьянскiй скотъ и инвентарь. По этому для правильнаго веденiя сельскаго хозяйства, нужны были сильныя крестьянскiя хозяйства, снабженныя хорошимъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Само собой разумѣется, что неурожайные годы, разорявшiе крестьянское хозяйство, нерѣдко лишавшiе его необходимаго скота и инвентаря, были истиннымъ бичемъ для барщиннаго помѣщичьяго хозяйства. Заботы о благосостоянiи собственнаго хозяйства заставляли всякаго мало-мальски благоразумнаго хозяина принимать энергичныя мѣры къ поддержанiю падающаго крестьянскаго хозяйства. Приходилось снабжать крестьянъ сѣменами, чтобы обсѣивались ихъ поля, скотомъ, чтобы эти поля и поля самого помѣщика обрабатывались должнымъ образомъ, нужно было приходить крестьянамъ на помощь въ поддержанiи всего инвентаря въ должномъ порядкѣ.

Немало заботъ требовали и оброчныя крестьянскiя хозяйства, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣлiе было главною основою платежныхъ силъ населенiя. Для поддержанiя оброка на желательной высотѣ приходилось оказывать поддержку колеблющимся въ неурожайные годы крестьянскимъ хозяйствамъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оброкъ добывался неземледѣльческимъ трудомъ; земледѣлiе и въ такихъ мѣстахъ составляло въ большинствѣ случаевъ столь существенную часть крестьянскаго хозяйства, что неурожай отражался на платежныхъ силахъ населенiя, вызывая оброчныя недоимки, отчего пустѣли и помѣщичьи карманы.

Наиболѣе обычной формой помѣщичьей помощи были ссуды деньгами или хлѣбомъ, съ возвратомъ или безъ возврата, съ процентами или безъ таковыхъ. Впрочемъ, при повторяющихся неурожаяхъ и усиливающемся разоренiи помѣщикамъ нерѣдко приходилось, волей-неволей, прощать долги, ибо крестьяне обращались въ безденежныхъ должниковъ [1]).

При пособiи хлѣбомъ помѣщики обыкновенно выдавали опредѣленное количество его на то или другое время. Трудно установить хотя бы приблизительный размѣръ его, но извѣстны случаи,

---

[1]) Бабиновецкому помѣщику Вакару, напримѣръ, приходилось постоянно помогать крестьянамъ хлѣбомъ и деньгами, покупать лошадей, уплачивать недоимки и т. д. Съ 1807 по 1812 г. за ними накопился долгъ помѣщику болѣе 5000 рублей. Въ 1812 году, войдя въ положенiе окончательно разорившихся крестьянъ, онъ простилъ этотъ долгъ. Но къ 30 годамъ за крестьянами успѣлъ накопиться опять болѣе, чѣмъ 15-тысячный долгъ. «Земледѣльческiй журналъ», 1832 г., № 5, Вакаръ. «О заведенiи мiрской пашни, какъ средства для улучшенiя состоянiя крестьянъ».

когда крестьяне требовали выдачи или «казеннаго», или «солдатскаго» пайка, указывая на недостаточность количества хлѣба, получаемаго отъ помѣщиковъ. Между тѣмъ казенный паекъ также былъ далеко недостаточнымъ для полнаго удовлетворенія продовольственной нужды населенія. Въ 1833 г. казенный паекъ состоялъ изъ 30 фунтовъ муки въ мѣсяцъ на душу для взрослаго и изъ 15 фунтовъ до 15 лѣтъ. Въ 1840 г. на душу также полагалось по 30 фунтовъ муки или по 5 гарнцевъ ржи. Такой размѣръ казеннаго пособія нѣкоторыми администраторами признавался недостаточнымъ. Полтавскій губернскій предводитель дворянства Капнистъ указывалъ въ 1840 году, что размѣръ пособія 1833 года «долженъ считаться недостаточнымъ, ибо если мѣра эта избавляетъ нуждающихся отъ голодной смерти, то, тѣмъ не менѣе, послѣдствіемъ столь скуднаго продовольствія были различныя болѣзни». Капнистъ полагалъ необходимымъ выдавать по 1 четверти или 1 пуду ржаной муки въ мѣсяцъ на каждую наличную душу мужескаго или женскаго пола безъ различія возраста. Только при такомъ размѣрѣ пособія, принимая во вниманіе излишекъ, который долженъ былъ оставаться отъ малолѣтнихъ, взрослые могли получить до 3-хъ фунтовъ въ день хлѣба. (Капнистъ считалъ, что изъ пуда муки получается $1^1/_2$ пуда хлѣба). «Это есть крайняя мѣра необходимаго пособія, и уменьшить оную невозможно, не подвергая нуждающихся гибельнымъ послѣдствіямъ скуднаго пропитанія» [1]). Предсѣдатель Тамбовской казенной палаты, генералъ Лешернъ, одно время въ 1840 г. замѣнявшій въ Тамбовской губерніи губернатора, признавая паекъ, выдававшійся въ имѣніи кн. Голицына, недостаточнымъ, распорядился выдавать по 1 четверику ржи въ мѣсяцъ на каждую наличную душу безъ различія возраста, другими словами, опредѣленный имъ размѣръ достаточнаго пайка сходился съ опредѣленіемъ Капниста. Козельскій уѣздный предводитель дворянства въ томъ же году предписалъ помѣщицѣ Пауль выдавать своимъ крестьянамъ также по 1 пуду ржаной муки въ мѣсяцъ на каждую мужского и женскаго пола душу.

Между тѣмъ многіе помѣщики ограничивали свою помощь голодающему населенію предѣлами крайней необходимости. Упомянутая помѣщица Пауль выдавала печеный хлѣбъ только тѣмъ крестьянамъ, которые работали на барщинѣ; при этомъ вначалѣ она давала по два фунта, и только послѣ начавшагося волненія крестьянъ увеличила паекъ до 3-хъ фунтовъ въ день. Въ имѣніи Балкполева Саратовской губ., въ 1833 г. выдавался хлѣбъ также только тѣмъ крестьянамъ, которые работали на суконной фабрикѣ, имѣвшейся въ имѣніи. Правда, выдавали болѣе 2 пудовъ въ мѣсяцъ на работника, но принимая во вниманіе семейства, содер-

---

1) «Историч. обз. прав. мѣропр. по нар. продов.», II, стр. 359.

жать которыя должны были тѣ же рабочіе, слѣдуетъ признать такой паекъ недостаточнымъ, ибо на каждую наличную душу приходилось менѣе 1 пуда въ мѣсяцъ.

При незначительномъ размѣрѣ продовольственнаго пайка крестьянамъ не всегда выдавали рожь или пшеницу, замѣняя ихъ яровымъ хлѣбомъ или какими-либо суррогатами. Не говоря о такихъ злоупотребленіяхъ, какъ выдача на человѣка по 1 пуду муки, состоявшей изъ 30 фунт. желудя или лебеды и лишь 10 фунт. ржаной муки или о кормленіи крестьянъ глиною и т. п. [1]), даже добросовѣстные помѣщики затруднялись въ годы сильныхъ неурожаевъ кормить крестьянъ настоящимъ хлѣбомъ. Въ 1840 г., при полномъ неурожаѣ озимаго хлѣба, многіе помѣщики выдавали крестьянамъ овесъ вмѣсто ржи. Мѣстная администрація не протестовала противъ такой замѣны въ виду необходимости сохранить рожь для озимыхъ посѣвовъ. Князь Голицынъ, помѣщикъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ., выдавалъ въ мѣсяцъ при 4 гарнцахъ ржи 1 четверикъ овса и 1 четверикъ мякины на душу. Помѣщица Пауль Калужской губ., Козельскаго уѣзда, съ разрѣшенія уѣзднаго предводителя дворянства, давала своимъ крестьянамъ вмѣсто ржи овесъ и коноплю. По свидѣтельству флигель-адъютанта Бутурлина IV, командированнаго въ Калужскую губ. въ 1840, «у многихъ помѣщиковъ вмѣсто чистаго ржаного хлѣба крестьяне употребляютъ въ пищу ржаную муку, смѣшанную съ овсяною, а въ иныхъ мѣстахъ мѣшаютъ муку съ щавелемъ, липовымъ, дубовымъ, кленовымъ и орѣховымъ листомъ и иногда даже съ тонкою пленою изъ-подъ березовой коры» [2]).

Питаніе крестьянъ хлѣбными суррогатами въ тѣ времена не ужасало и не возмущало. Напротивъ, многіе хозяева серьезно занимались изысканіемъ способовъ печь хлѣбъ изъ ржаной или овсяной муки съ болѣе или менѣе значительной примѣсью суррогатовъ, въ родѣ муки изъ исландскаго мха, соломы, картофеля и т. п. Такое серьезное общество, какъ «Московское Общество Сельскаго Хозяйства», помѣстило въ годы сильныхъ неурожаевъ (1822, 1833 и 1840 гг.) на страницахъ своего органа «Земледѣльческій Журналъ» рядъ статей, гдѣ предлагались для употребленія различные суррогаты хлѣба. Мало того, оно само дѣлало опыты печенія хлѣба изъ подобныхъ суррогатовъ и поручало своимъ членамъ дѣлать соотвѣтствующія изысканія. Такъ, въ 1822 г. была помѣщена статья Бранденбурга «О пользѣ употребленія въ пищу исландскаго мха». Доказывая питательность муки изъ исландскаго мха и дешевизну этого суррогата, Бранденбургъ полагалъ, что «при скудномъ урожаѣ» хлѣбъ, испеченный изъ подобной муки въ соединеніи со ржаной, «хорошо можетъ служить

---

[1]) «Записки сельскаго священника». «Р. Старина», т. XXVII, стр. 64.
[2]) Архивъ М. Вн. Д. Хоз. Деп. 1840 г., I отд., 1 ст., № 139.

для пропитанія крестьянъ», на что и обращалъ вниманіе помѣщиковъ. Московское общество заинтересовалось статьею и поручило нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ сдѣлать опыты печенія хлѣба изъ исландскаго мха [1]). Правда, заключеніе секретаря общества ст. Маслова было не совсѣмъ благопріятно: «Нѣтъ сомнѣнія, — писалъ онъ въ сообщеніи о своихъ опытахъ, — что во время неурожая, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ голодъ заставляетъ людей искать пищи по лѣсамъ и обдирать древесную кору для примѣси въ хлѣбъ, исландскій мохъ есть большое благодѣяніе, тѣмъ болѣе, что онъ растетъ по лѣсамъ безъ всякаго воздѣлыванія и, слѣдовательно, гдѣ его много, тамъ весь трудъ будетъ состоять въ томъ, чтобы собрать его и превратить въ муку» [2]). Другими словами, Масловъ сводилъ исландскій мохъ на степень древесной коры и т. п. суррогатовъ, которые все же позволяютъ наполнять чѣмъ-нибудь голодный желудокъ и спасаютъ отъ мученій голода. Тѣмъ не менѣе, въ правительственныхъ сферахъ жадно ухватились за способъ, изобрѣтенный Бранденбургомъ, и разослали брошюру съ описаніемъ предложеннаго имъ средства въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

Бранденбургъ не былъ единичнымъ лицомъ, занимавшимся изысканіемъ подходящихъ хлѣбныхъ суррогатовъ. Въ то же время другое лицо, докторъ Мухинъ, подъ вліяніемъ неурожаевъ нѣсколькихъ лѣтъ, принялся изыскивать «разные способы къ доставленію въ случаѣ подобныхъ нуждъ безбѣднаго людямъ и даже скоту пропитанія». Поиски привели его къ изобрѣтенію своего способа дѣлать муку изъ исландскаго мха и печь изъ нея хлѣбъ съ примѣсью ржаной муки. Мухинъ сообщилъ въ печати о своемъ изобрѣтеніи, считая его весьма важнымъ для помѣщиковъ въ дѣлѣ продовольствія ихъ крестьянъ [3]). Въ голодный 1833 — 1834 гг. въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» опять появилась статья о хлѣбныхъ суррогатахъ [4]). Мысль помѣщиковъ въ протекшее время, видимо, усиленно работала надъ пріисканіемъ суррогатовъ хлѣба. Въ своей статьѣ авторъ дѣлалъ обзоръ этихъ попытокъ, откровенно объясняя ихъ трудностью «кормить голодныхъ». Авторъ раздѣляетъ средства питать и кормить голодныхъ на годныя въ крайности и на годныя во всякое время. Къ первымъ онъ относитъ прибавленіе къ хлѣбу соломы, камыша, желудей, древесной коры и т. п.; ко вторымъ отнесены картофель, барда. Нѣкая П. А. Крюкова придумала печь хлѣбъ изъ барды, о чемъ она писала въ 1824 г. въ «Вольно-Экономическое Общество». Крюкова же придумала печь хлѣбъ съ

---

[1]) «Землед. Журн.», 1822 г., № 5, стр. 169—179.

[2]) «Земледѣльческій Журналъ», 1822 г., № 5, стр. 254.

[3]) Ibid., № 5, стр. 255—256. Статья Мухина была помѣщена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1822 г., № 65.

[4]) «Землед. Журналъ», 1834 г., № 1, «О подсобныхъ хлѣбахъ».

картофелемъ, свеклою и морковью. Ею было представлено въ министерство внутреннихъ дѣлъ 12 растеній съ крахмалистыми веществами, могущихъ, по ея мнѣнію, служить подсобнымъ средствомъ продовольствія. О своемъ изобрѣтеніи она сообщила и Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства. Изъ барды же выпекали хлѣбъ членъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства А. Д. Чертковъ (съ 1/3 ржаной муки) и нѣкто Лярскій, имѣвшій въ Смоленской губерніи винокуренный заводъ. Послѣдній выпекалъ изъ барды ежедневно до 200 пудовъ хлѣба и сухарей, продавая ихъ крестьянамъ, которые пріѣзжали за ними даже изъ другихъ губерній [1]). Въ 1833 г. печеніемъ хлѣба изъ барды съ примѣсью ржаной муки занимался также въ Костромѣ губернскій почтмейстеръ Демьяновъ съ купцомъ Хавскимъ; они продавали его до 200 пудовъ въ день по умѣреннымъ цѣнамъ въ видѣ благотворительности [2]). Чертковъ выпекалъ хлѣбъ не только изъ барды, но и изъ соломы; образцы такого хлѣба онъ представилъ въ Московское Общество Сельскаго Хозяйства. Такіе же соломенные хлѣбы представилъ управляющій имѣніемъ князя А. С. Меншикова, Тагостинъ. Послѣдній въ письмѣ изложилъ, кромѣ того, способъ печенія хлѣба изъ тростника. Пробы печенія хлѣба изъ соломенной муки Тагостинъ дѣлалъ въ Воронежской вотчинѣ кн. А. С. Меншикова. Пробные хлѣбы были представлены воронежскому губернатору Бѣгичеву [3]). Въ этотъ исключительный голодный годъ опять-таки не одни частныя лица изощрялись въ примѣненіи хлѣбныхъ суррогатовъ къ продовольствію крестьянъ: правительство также учило, какъ дѣлать хлѣбъ изъ винной барды или изъ картофеля съ нѣкоторою частью ржаной муки. Въ 1840 г. оно преподавало способъ приготовленія муки съ примѣсью свекловицы [4]). Въ этомъ году, подъ вліяніемъ сильнаго неурожая, мысль сельскихъ хозяевъ была опять направлена на изысканіе хлѣбныхъ суррогатовъ. Это отразилось опять-таки на «Земледѣльческомъ Журналѣ», гдѣ многіе помѣщики охотно помѣщали свои статьи. Въ № 5 за 1840 г. «Земледѣльческаго Журнала» мы находимъ статью о печеніи хлѣба изъ овсяной муки съ прибавленіемъ небольшого количества ржаной муки 1/4. Авторъ статьи, Токаревъ, считалъ бардяной хлѣбъ также «важнымъ пособіемъ для народнаго продовольствія». Въ томъ же номерѣ химикъ «Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства» рекомендовалъ способъ печенія хлѣба изъ картофеля съ ржаною мукой [5]).

[1]) Ibid.

[2]) «Историч. обз. правит. мѣропр.», т. I, стр. 277.

[3]) «Землед. Журн.», 1834 г., № 1, стр. 129.

[4]) Романовичъ-Славатинскій. «Голода въ Россіи...» «Кіевск. унив. изв.», 1892 г., № 1, стр. 35, 36. См. также Ермолова. «Наши неурожаи и продовольственный вопросъ», стр. 45.

[5]) «Землед. Журналъ», 1840 г., № 5, стр. 329—330.

Кн. А. М. ДРУБЕЦКАЯ проситъ за сына Кн. ВАСИЛІЯ КУРАКИНА.
(Рис. Башилова).

Тяготясь продовольственною помощью, помѣщики изыскивали всяческіе способы облегчить себѣ это бремя. Наиболѣе простымъ средствомъ было, конечно, переложеніе тѣмъ или инымъ способомъ расходовъ по продовольствію крестьянъ на правительство. Въ этомъ отношеніи между правительствомъ и дворянствомъ былъ постоянный антагонизмъ. Правительство, какъ мы видѣли, стремилось такъ организовать продовольственную помощь въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, чтобы она требовала какъ можно меньше затратъ отъ государства и производилась или на счетъ дворянства, или силами и средствами самого населенія. Дворянство со своей стороны стремилось сложить со своихъ плечъ расходы по продовольствію или на правительство, или опять-таки на населеніе. При ознакомленіи съ вопросомъ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, указывалось на стремленіе помѣщиковъ безконтрольно распоряжаться хлѣбными запасами въ этихъ магазинахъ. Въ началѣ XIX вѣка они были даже склонны разсматривать запасные магазины какъ свою собственность, и правительству приходилось съ немалыми усиліями внѣдрять въ сознаніе дворянъ, что запасные магазины служатъ общегосударственнымъ нуждамъ, и пользованіе этими хлѣбными запасами должно быть ограничено опредѣленными закономъ рамками. Не имѣя права самостоятельно распоряжаться хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ, помѣщики широко пользовались возможностью получать хлѣбныя и денежныя ссуды изъ средствъ комиссіи народнаго продовольствія. Не удовлетворяясь ими, они сплошь и рядомъ ходатайствовали о правительственныхъ ссудахъ, о различныхъ льготахъ по кредитнымъ операціямъ, по казеннымъ и земскимъ платежамъ, по исполненію государственныхъ повинностей и т. п. Получаемыя ссуды расходовались ими, впрочемъ, далеко не всегда на тѣ цѣли, которыя имѣлись въ виду при выдачѣ ссудъ. Возвращались онѣ крайне неаккуратно. За подобную неаккуратность въ 1826 г. по одной только Смоленской губерніи подлежало запрещенію 1907 помѣщичьихъ имѣній. Льготы по платежамъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ приносили мало пользы, ибо разсрочки платежей лишь увеличивали сумму капитальнаго долга и служили въ концѣ-концовъ къ еще большему обремененію помѣщичьихъ имѣній долгами. Тѣмъ не менѣе, помѣщики достигали временно успѣха, и хотя часть продовольственныхъ тяготъ въ годы острыхъ неурожаевъ правительство принимало на свой счетъ. Однако правительственная помощь, какъ бы абсолютно она ни была велика, оказывалась лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ тѣхъ только случаяхъ, когда, по мнѣнію правительства, нельзя было надѣяться на помощь помѣщиковъ. Признаніе же помѣщика неспособнымъ обезпечить продовольствіе крестьянъ грозило наложеніемъ опеки, ибо по закону, хотя далеко не всегда исполнявшемуся, имѣнія помѣщиковъ, уклонявшихся отъ продовольственныхъ обязанностей, дол-

жны были браться въ опеку. Примѣненіе этого закона во всей строгости фактически зависѣло отъ усмотрѣнія администраціи. Поэтому передъ всякимъ болѣе или менѣе дальновиднымъ помѣщикомъ продовольственный вопросъ, несмотря на широкую правительственную помощь, стоялъ во всей своей остротѣ, вызывая различныя попытки разрѣшить его наиболѣе выгоднымъ для помѣщика способомъ.

Въ попыткахъ помѣщиковъ такъ или иначе организовать продовольственную помощь во время неурожая и при др. несчастіяхъ, можно отмѣтить стремленіе заставить населеніе помогать самому себѣ, не требуя особыхъ затратъ со стороны помѣщиковъ. Эта задача разрѣшалась самымъ различнымъ образомъ. Сюда относятся попытки организаціи общественныхъ магазиновъ, общественныхъ (мірскихъ) запашекъ, отобраніе отъ крестьянъ урожая и выдача его по частямъ по мѣрѣ надобности, отдача крестьянъ на заработки и такъ далѣе.

Отобраніе отъ крестьянъ урожая, т.-е. фактическій, хотя бы временный, переводъ крестьянъ на мѣсячину, обыкновенно мотивировался помѣщиками неумѣніемъ крестьянъ экономно распоряжаться имѣющимися у нихъ запасами, въ результатѣ чего крестьяне, по ихъ мнѣнію имѣя запасъ хлѣба, достаточный для продовольствія ихъ самихъ и для обсѣмененія полей, распродавали его для удовлетворенія несущественныхъ потребностей и въ концѣ года требовали себѣ посторонней помощи. Бунинъ, одинъ изъ передовыхъ хозяевъ своего времени, въ 1833 г. продѣлалъ такую вещь. «Осенью въ прошломъ году, — писалъ онъ въ Московское Общество Сельскаго Хозяйства, — по сдѣланной подворной описи мы удостовѣрились, что у большой части нашихъ крестьянъ достаточно будетъ собственнаго хлѣба на ихъ продовольствіе и на кормъ скоту. У нѣкоторыхъ, мало надежныхъ, хлѣбъ былъ отобранъ, овесъ спрятанъ для сѣмянъ въ господскомъ амбарѣ, а рожь смолота въ муку, которая отпускалась еженедѣльно вѣсомъ въ достаточномъ количествѣ; на расходъ корма также было обращено вниманіе. Отъ сего распоряженія часть хлѣба осталась и была отдана крестьянамъ для продажи на ихъ нужды: корму же нѣсколько добавлено господскаго. Прочимъ крестьянамъ, болѣе надежнымъ, мы предоставили употребленіе хлѣба и корма собственному ихъ распоряженію». Бунинъ увѣрялъ, что у послѣднихъ отъ неаккуратнаго употребленія не хватило ни хлѣба, ни корма [1]). Въ имѣніи Глушковой, Юрьевскаго уѣзда, Костромской губ., бурмистръ, слѣдя за тѣмъ, чтобы крестьяне не продавали хлѣбъ безъ надобности, отбиралъ излишекъ, запиралъ въ общественные магазины и выдавалъ по мѣрѣ надобности на ѣду или для продажи на необходимыя нужды [2]). Помѣщица Пауль, Костромской губ., отобрала отъ кре-

---

[1]) «Землед. Журналъ», 1835 г., № 21 (1), стр. 54 — 55.

[2]) «Историч. Вѣстникъ», 1907 г., № 1, стр. 451.

стьянъ осенью 1839 г. овесъ и коноплю и заперла ихъ въ особомъ помѣщичьемъ магазинѣ съ цѣлью сохранить сѣмена для посѣва 1840 года. Я. И. Соловьевъ указывалъ на распространенное въ Смоленской губ. отобраніе ярового хлѣба сейчасъ послѣ урожая для того, чтобы сохранить хлѣбъ для обсѣмененія полей [1]). Самаринъ также свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые помѣщики послѣ уборки хлѣба отбирали у крестьянъ сѣмена для будущаго посѣва и держали ихъ у себя. Семеновъ въ своемъ «Руководствѣ» рекомендовалъ ссыпать хлѣбъ, собранный съ крестьянской земли, въ особые амбары и выдавать его крестьянамъ по мѣрѣ надобности.

Къ такого же рода предупредительнымъ мѣрамъ слѣдуетъ отнести всѣ заботы помѣщика поддержать силу крестьянскаго хозяйства, хотя бы это достигалось мелкою регламентаціей частной жизни крестьянъ. Помѣщики заботились о сохранности крестьянскаго инвентаря, о наличности необходимаго для сельскихъ работъ скота, слѣдили, чтобы крестьяне не обременяли себя долгами и т. д. Образцовый хозяинъ В. Л. Демидовъ учредилъ даже особыхъ надзирателей, которые должны были наблюдать, чтобы никто «не продавалъ, ни даромъ не давалъ, ниже въ милостыню не подавалъ: дровъ, сѣна, мякины, соломы; если же двухъ послѣднихъ у кого накопится много, то излишнія для продажи испрашивалъ бы позволенія у выборнаго, а безъ сего отнюдь бы не продавалъ. Равно свою тягловую землю внаемъ не отдавалъ, а засѣвалъ бы самъ для себя». Никто не смѣлъ безъ разрѣшенія отлучаться изъ села, ночью крестьяне не могли выходить со двора, никто не долженъ былъ знакомиться съ «подозрительными, шаталами, мотами, пропойцами», не принимать ихъ въ домъ и ихъ не навѣщать; нечего и говорить, что запрещалось пьянство [2]). Нѣкоторые помѣщики разрѣшали вступать въ бракъ крестьянину не раньше, чѣмъ онъ научался какому-нибудь мастерству и доказывалъ свое умѣнье, выполнивъ на господскомъ дворѣ заданный ему урокъ; этимъ убѣждались, что крестьянинъ можетъ содержать семью [3]). Подобная регламентація жизни крестьянъ и опека надъ ними, можетъ-быть, и предохранила нѣкоторыхъ крестьянъ отъ разоренія, а помѣщичьи карманы отъ опустѣнія, но тяжело отражалась на крестьянахъ, принижая ихъ самодѣятельность, энергію и лишая ихъ даже той ничтожной доли самостоятельности и свободы, которою они пользовались въ своей частной жизни внѣ барщины.

Помѣщики Бунинъ и Павловъ сдѣлали въ 1832 г. попытку обезпечить продовольствіе крестьянъ и скота, хотя бы въ страдное время, при помощи общественныхъ запашекъ. Это была любопыт-

---

[1]) Я. Соловьевъ. «Сельско-хозяйств. статистика Смол. губ.», стр. 254.

[2]) *Снѣжневскій.* «Быковская вотчина». Дѣйствія Нижегор. Уч. Арх. Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 128.

[3]) «Письмо пензенск. помѣщика». Труды В.-Э. Общества, 1845 г., № 5.

ная попытка вести общественное хозяйство силами самихъ крестьянъ подъ наблюденіемъ помѣщика въ цѣляхъ обезпечить для хозяйства сытыхъ рабочихъ и сытый скотъ во время полевыхъ работъ. Бунинъ и Павловъ отдѣлили къ одному мѣсту изъ крестьянской пашни по $1/2$ десятины въ каждомъ полѣ отъ каждаго тягла. Принимая во вниманіе, что на каждое тягло у этихъ помѣщиковъ полагалось по двѣ десятины, нельзя не признать, что отрѣзка $1/4$ надѣла подъ общественную запашку, урожаемъ съ которой крестьяне уже не могли свободно распоряжаться, не могло не быть для нихъ чувствительнымъ. Эту землю засѣяли господскою рожью полнымъ числомъ работниковъ; всѣ работы на ней должны были совершаться по наряду и распоряженію помѣщика или управляющихъ; $1/3$ этой мірской земли должна была ежегодно унаваживаться. Изъ урожая должны были отдѣляться сѣмена на посѣвъ въ текущемъ году и на слѣдующій про запасъ; остальная часть урожая должна была быть роздана крестьянамъ для приготовленія муки въ лѣтнюю рабочую пору. Яровой участокъ долженъ былъ засѣяться овсомъ и ячменемъ. Урожай долженъ былъ храниться въ магазинѣ для раздачи крестьянамъ на сѣмена, а остальное «употребится для ихъ лошадей во время возки навоза и метки пара, въ которую пору рѣдкій крестьянинъ самъ сумѣетъ сберечь овесъ для сей надобности»[1]).

Въ 30-хъ годахъ въ сельско-хозяйственной литературѣ выступилъ рядъ сторонниковъ организаціи общественныхъ запашекъ, въ защиту которыхъ приводились успѣшные опыты въ этомъ направленіи.

Такъ, въ началѣ 30-хъ годовъ бабиновецскій помѣщикъ Вакаръ, Могилевской губ., прійдя въ отчаяніе отъ необходимости почти безперерывно изъ-за неурожаевъ кормить крестьянъ на свой счетъ, ввелъ общественную запашку въ своемъ имѣніи. Онъ же указалъ на существованіе общественной запашки уже въ теченіе 10 лѣтъ въ красинскомъ имѣніи помѣщика Шестакова [2]). Тульскій помѣщикъ Мещериновъ усиленно рекомендовалъ въ 1831 г. заведеніе общественныхъ запашекъ, полагая, что такимъ образомъ возможно устранить непосильные для помѣщиковъ расходы на вспомоществованіе крестьянамъ въ случаѣ несчастій и недорода. Онъ считалъ ее лучшимъ средствомъ обезпечить продовольствіе крестьянъ и обсѣмененіе ихъ полей [3]). С. Масловъ, посвящая мірскимъ запашкамъ и мірскимъ кассамъ особую статью въ «Земледѣльческомъ Журналѣ», указывалъ, что при обязанности помѣщика продовольствовать крестьянъ и помогать имъ въ несчастныхъ случаяхъ,

---

[1]) *Н. Бунинъ* и *Ив. Павловъ*. «Опыты, наблюденія и нѣкоторыя размышленія, сдѣланныя въ продолженіе лѣта 1832 г.». «Землед. Журн.», 1833 г., № 9.

[2]) *Вакаръ*. «О заведеніи мірской запашки». «Земл. Ж.», 1832 г., № 5.

[3]) *Иванъ Мещериновъ*. «О способѣ къ улучшенію состоянія крестьянъ». «Земл. Журн.», 1831 г., № 1.

вопросъ о мірскихъ запашкахъ и мірскихъ кассахъ очень существененъ: по его мнѣнію, мірскія запашки и мірскія кассы, способствуя образованію денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ, нечувствительно для крестьянъ и для помѣщиковъ должны были оберечь помѣщиковъ отъ разоренія [1]). Идея общественныхъ запашекъ получала довольно быстрое распространеніе. Немало содѣйствовала популяризаціи этой идеи защита ея сначала управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Ланскимъ, въ концѣ 20-хъ годовъ, а затѣмъ въ 40-хъ годахъ гр. Перовскимъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ идея эта получила довольно широкое практическое примѣненіе. Такъ, къ 40-мъ годамъ она была введена многими помѣщиками въ своихъ имѣніяхъ Калужской, Оренбургской и Симбирской губ. [2]). Симбирское дворянство сдѣлало даже единогласное постановленіе о введеніи общественныхъ запашекъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ Московской губ. онѣ были учреждены въ 300 имѣніяхъ [3]). Какъ видно изъ отзывовъ губернскихъ предводителей дворянства, собранныхъ въ началѣ 50-хъ годовъ, въ Оренбургской губерніи онѣ все болѣе и болѣе распространялись. «Польза общественныхъ запашекъ, — писалъ оренбургскій губернскій предводитель дворянства, — такъ очевидна не только для помѣщиковъ, но и для крестьянъ, что они охотно содѣйствуютъ развитію запашекъ» [4]). Впрочемъ, въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ губернскими комитетами въ 1858 г. объ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, въ Симбирской губ. общественная запашка отмѣчена лишь въ 4-хъ имѣніяхъ; въ Самарской губ. указанія на общественную запашку встрѣчаются въ описаніяхъ 138 имѣній, что составляетъ 54% всѣхъ имѣній, о которыхъ были собраны свѣдѣнія [5]). Очень вѣроятно, что общественныя запашки въ дѣйствительности были болѣе распространены, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ губерніяхъ, но помѣщики, давая свѣдѣнія о своихъ имѣніяхъ, не считали нужнымъ отмѣчать ихъ существованіе. Однако повсемѣстнаго распространенія общественныя запашки не могли получить по экономическимъ причинамъ. Требуя отвода въ одномъ мѣстѣ большаго или меньшаго количества земли и извѣстной затраты труда по ея обработкѣ, онѣ были невыгодны для тѣхъ имѣній, гдѣ чувствовался недостатокъ земли и рабочихъ рукъ. Такъ, по этой причинѣ онѣ не могли получить распространенія въ

---

[1]) *С. Масловъ.* «О мірскихъ запашкахъ и мірскихъ кассахъ», «Земл. Журн.», 1834 г., № 19 (5).

[2]) «Историч. обзоръ правит. мѣропр.», II, стр. 99.

[3]) *Романовичъ-Славатинскій.* «Голода въ Россіи». «К. Унив. Изв.», 1892 г., № 1, стр. 66.

[4]) «Ист. обз. прав. мѣропр.», II, стр. 105.

[5]) И. Игнатовичъ. «Помѣщ. крестьяне наканунѣ освобожденія», стр. 7. Изд. II, 1910 г.

мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствовалъ въ 50-хъ годахъ и оренбургскій губернскій предводитель дворянства. По этой же причинѣ въ Херсонской губ. общественныя запашки были введены лишь въ болѣе значительныхъ имѣніяхъ. Въ Новгородской губ. распространенію общественной запашки помѣшалъ недостатокъ удобныхъ для хлѣбопашества земель. Въ Вологодской губ. даже уже введенныя общественныя запашки прекратили свое существованіе изъ-за разбросанности и мелкости селеній, почему общественныя поля по необходимости были крайне удалены отъ нѣкоторыхъ селеній, что сильно удорожало обработку [1]). Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ земли и рабочихъ рукъ было много, помѣщики съ удобствомъ могли вводить общественныя запашки, тѣмъ болѣе, что подъ послѣднія отводилась обыкновенно часть крестьянской земли, а не господской. Затрата же рабочихъ силъ на обработку мірской земли при ихъ избыткѣ въ имѣніи была нечувствительна.

Количество земли, отрѣзавшейся помѣщиками подъ общественныя запашки, было очень разнообразно и иногда относительно довольно велико. Помѣщикъ Мещериновъ рекомендовалъ отрѣзать по осминнику въ каждомъ полѣ при 6-десятинномъ тягловомъ надѣлѣ. Помѣщикъ Вакаръ при заведеніи общественной запашки выдѣлилъ въ одно мѣсто по осьминѣ изъ всѣхъ тягловыхъ участковъ. Наканунѣ реформы въ Симбирской губерніи на 1 душу мужского пола приходилось по 0,31 или по $^1/_3$ десятины мірской запашки; въ Самарской губерніи на 1 душу мужского пола приходилось даже только по 0,05 десятины общественной запашки [2]).

Обрабатывались эти общественныя запашки обыкновенно міромъ подъ надзоромъ и согласно распоряженіямъ помѣщика. Такъ какъ обработка мірскихъ запашекъ должна была отнимать рабочее время у крѣпостныхъ, то иные помѣщики старались экономическимъ способомъ обрабатывать ихъ, по возможности не отнимая времени отъ другихъ работъ въ имѣніи. Псковскій помѣщикъ Татищевъ обрабатывалъ мірскую запашку сгонами, которые устраивались сверхъ барщинныхъ дней; въ сгонахъ должны были участвовать не только барщинные работники, но и крестьянскія дѣти обоего пола отъ 15 лѣтъ [3]). У Бунина молотили хлѣбъ съ общественной запашки въ свободное время по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ; для сѣмянъ же крестьянамъ была обмолочена господская рожь особыми дворовыми работниками. Такимъ образомъ Бунинъ сохранялъ время для полевыхъ работъ крестьянъ. Помѣщикъ Вакаръ считалъ по-

---

[1]) «Ист. обз. правит. мѣропр.», II, стр. 105, 106.

[2]) И. Игнатовичъ. «Помѣщ. крес.», стр. № 7.

[3]) Архивъ М. Вн. Д., Д. П. И., 1826 г., № 359.

лезнымъ обмолачивать и вѣять мірской хлѣбъ машинами, чтобы возможно меньше увеличивать крестьянскія работы. Соблюденіе такой экономіи, конечно, имѣло мѣсто у тѣхъ помѣщиковъ, которые по какимъ-либо причинамъ чувствовали нужду въ рабочихъ рукахъ.

Помѣщики, ставя своею задачею при помощи общественныхъ запашекъ избавить себя отъ расходовъ на помощь крестьянамъ въ различныхъ несчастныхъ случаяхъ, старались, чтобы урожай съ мірскихъ запашекъ былъ достаточенъ для тѣхъ цѣлей, для которыхъ онѣ вводились. Отсюда проистекали заботы о правильной обработкѣ мірской земли, о своевременномъ обсѣмененіи ея и т. под. Бунинъ указывалъ, что въ Тамбовской губ. (въ 30-хъ годахъ) изъ крестьянскихъ земель унаваживались только мірскія десятины [1]).

Урожай съ общественныхъ запашекъ шелъ не только на помощь крестьянамъ при неурожаяхъ и въ несчастныхъ случаяхъ. По указанію Я. И. Соловьева, изъ сборовъ съ общественныхъ запашекъ дѣлали прежде всего узаконенные взносы въ запасные хлѣбные магазины, находившіеся въ вѣдѣніи правительства. Излишки поступали въ особые помѣщичьи общественные магазины, при чемъ въ то время какъ запасные магазины опустѣли, въ общественныхъ магазинахъ и въ серединѣ 50-хъ годовъ хранился хлѣбъ въ нѣкоторомъ количествѣ [2]). По мысли Мещеринова, съ доходовъ съ мірской земли должны были оплачивать подать и земскія повинности, а остатокъ долженъ былъ очищать рекрутскую повинность и итти на займы крестьянамъ въ случаѣ несчастій [3]). У псковскаго помѣщика Татищева урожай съ мірской земли ссыпался въ особый магазинъ, «устроенный при селѣ для вспомоществованія крестьянамъ въ надобностяхъ какъ - то: хлѣбомъ для посѣва, пищи, покупку лошадей и на пополненіе запасного казеннаго сельскаго магазина, которыми пособіями крестьяне пользуются ежегодно» [4]). По указанію Я. Соловьева, «при значительномъ накопленіи хлѣба въ общественныхъ амбарахъ, часть его продается и деньги обращаются для составленія мірскихъ капиталовъ». Ссуды изъ общественныхъ магазиновъ выдавались или безпроцентно или изъ умѣренныхъ процентовъ [5]).

Мірскіе капиталы, о которыхъ упоминаетъ Я. Соловьевъ, служили для помѣщиковъ также средствомъ избавить себя отъ тяжелыхъ расходовъ на помощь крестьянамъ. Мірскіе капиталы составлялись не только тѣмъ путемъ, о которомъ говоритъ Соловьевъ.

---

[1]) *Бунинъ*, «Отчетъ въ сельскомъ хозяйствѣ за 1833 г.». «Земл. Журн»., 1834 г., № 15 (1).

[2]) *Я. Соловьевъ*. «Сельско-хоз. статистика Смол. губ.», стр. 255.

[3]) *Ив. Мещериновъ*. «О способѣ къ улучшенію состоянія кр.», «Земл. Журн.», 1831 г., № 1.

[4]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 359.

[5]) *Я. Соловьевъ*. «Сельско-хоз. стат.», стр. 255.

Большею частью существовали особые денежные сборы съ души или съ тягла, шедшіе на составленіе такихъ капиталовъ. Въ имѣніи Машковѣ Борчовскаго уѣзда, напримѣръ, съ тягла собиралось ежегодно 2 рубля; помѣщикъ вносилъ столько же, сколько всѣ крестьяне вмѣстѣ (50 душъ). Деньги хранились въ мірскомъ ящикѣ за замкомъ старосты и печатью приказчика; одинъ безъ другого въ ящикъ ходить не могли. Собранныя деньги вносились въ Сохранную Казну Воспитательнаго дома. Помощь оказывалась по мірскому приговору съ возвратомъ или безъ возврата [1]). Въ свѣдѣніяхъ объ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, подобные капиталы обозначены въ 27 имѣніяхъ. Они назывались мірскими вспомогательными капиталами, крестьянскими, ссудными и т. д.; въ трехъ имѣніяхъ были мірскіе банки для вспомоществованія, былъ «общественный банкъ», «сиротскій банкъ»; эти свѣдѣнія не могутъ считаться полными, ибо вообще носятъ случайный характеръ; относятся они почти исключительно къ имѣніямъ очень крупныхъ помѣщиковъ, какъ гр. Шереметевъ, кн. Воронцовъ, гр. Шуваловъ и т. под. [2]).

Иные помѣщики, стремясь сложить съ себя расходы по продовольствію крестьянъ и помощи въ несчастныхъ случаяхъ, прибѣгали къ косвенному обложенію крѣпостныхъ. Помѣщикъ Ноинскій, напримѣръ, завелъ у себя въ имѣніи лавку, доходы съ которой «оставались въ конторѣ и обращались на вспоможеніе крестьянамъ» [3]). Пономаревъ въ 20-хъ годахъ остроумно использовалъ трудъ недоимщиковъ и часть крестьянской земли для организаціи продовольственной помощи въ своемъ имѣніи. Отъ каждыхъ 100 душъ было отрѣзано по 2 десятины въ каждомъ полѣ. Эта земля сдавалась недоимщикамъ въ обработку съ платою 40 рублей съ десятины. Хлѣбъ, собранный съ этой земли, ссыпался въ общій мірской магазинъ для раздачи крестьянамъ въ случаѣ нужды. Такимъ способомъ помѣщикъ избавлялъ себя отъ крупныхъ расходовъ по продовольствію крестьянъ, обрабатывая часть крестьянской земли въ счетъ недоимки, которую почти невозможно было собрать [4]).

Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ избавиться отъ затратъ на продовольственную помощь крестьянамъ были ихъ собственные заработки неземледѣльческимъ трудомъ. Правда, для этого приходилось отпускать крестьянъ на сторону, что не совмѣщалось съ барщинными работами, если таковыя были въ имѣніи. Найти же заработки на мѣстѣ было не всегда возможно. Въ такихъ случаяхъ помѣщики или отпускали крестьянъ въ такое время, когда не было работъ въ имѣніи, или же удерживали часть кре-

---

[1]) *С. Масловъ.* «О мірскихъ запашкахъ и мірскихъ кассахъ». «Земл. Журн.» 1834 г., № 19(5).

[2]) И. Игнатовичъ. «Помѣщ. крестьяне...», стр. 119.

[3]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 329.

[4]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 336.

стьянъ для выполненія необходимыхъ работъ. Такъ было, напримѣръ, въ имѣніи помѣщицы Пауль. Въ 1839 г., когда обнаружилась острая продовольственная нужда въ ея калужскомъ имѣніи, части крестьянъ (93-мъ челов.) предложено было итти на заработки, часть же осталась въ имѣніи выполнять господскія работы. Оставшимся помѣщица выдавала во время барщины печеный хлѣбъ, предоставивъ имъ въ то же время заработки въ своемъ имѣніи, а именно, рубку дровъ за плату [1]). Опекунъ малолѣтняго помѣщика Горяинова оказалъ продовольственную помощь крестьянамъ Саратовскаго имѣнія тѣмъ, что на ряду съ покупкою хлѣба для раздачи крестьянамъ многихъ изъ нихъ отправилъ въ Москву на заработки [2]).

Отпускъ на стороннія заработки въ годы острой продовольственной нужды, когда помѣщикамъ приходилось затрачивать большія суммы денегъ на помощь крестьянамъ, когда было трудно даже за деньги купить хлѣба, былъ желательной для помѣщиковъ формой продовольственной помощи. Вся трудность была въ подысканіи работы. Общественныя работы, открываемыя правительствомъ въ помощь голодающему населенію, могли бы очень облегчить помѣщикамъ задачу пріисканія заработковъ для своихъ крестьянъ, если бы онѣ были правильно организованы. Правда, вначалѣ помѣщики относились очень недовѣрчиво къ такимъ работамъ [3]).

Но дворянство скоро поняло выгоду, которую оно могло имѣть отъ общественныхъ работъ, и впослѣдствіи отношеніе къ нимъ измѣнилось. Во второй половинѣ 40-хъ гг. встрѣчались уже ходатайства дворянъ объ организаціи трудовой помощи въ той или другой губерніи [4]). Въ 1848 г., напримѣръ, симбирскій губернскій предводитель дворянства Аксаковъ обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ [5]) съ просьбою объ открытіи общественныхъ работъ въ Симбирской губ. «отъ лица всего дворянства». По словамъ Храповицкаго въ 1851 г., помѣщики не могли не цѣнить открываемыхъ работъ. «Въ прошедшіе еще годы многіе изъ помѣщиковъ Юхновскаго уѣзда, въ томъ числѣ и онъ», при недостаточныхъ урожаяхъ, «посылали крестьянъ своихъ на Московско-Брестское шоссе» [6]). Крестьяне Шубинскаго, «чтобы уплатить бездоимочно казенныя по-

---

[1]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1839 г., № 254.

[2]) Ц. А. М. Вн. Д. Хоз. Деп., 1833 г., I отд., 1 ст., связка 165, ч. I.

[3]) Смоленское дворянство, напримѣръ, уклонялось отъ обязанности распоряжаться поставкою камня на шоссе, такъ что комитету министровъ пришлось сдѣлать постановленіе, чтобы лица, назначаемыя для смотра и наблюденія за работами, не имѣли права отказываться отъ исполненія этого дѣла. *Максимовъ*. «Очерки по исторіи обществ. работъ въ Россіи». С.-Петербургъ. 1905 г., стр. 54—55; Середонинъ. «Историч. обзоръ дѣят. ком. мин.», II, ч. 1, стр. 192—195.

[4]) *Максимовъ*, стр. 47—48; *Середининъ*, II, ч. 1, стр. 195.

[5]) *Максимовъ*, стр. 48.

[6]) *Максимовъ*, стр. 64.

дати и повинности, зарабатывали для сего деньги возкою камня, лѣса и прочаго матеріала на шоссейныя дороги, проходящія въ уѣздахъ Рославльскомъ, Ельнинскомъ и Смоленскомъ». «Конечно, многіе помѣщики хотѣли приспособить общественныя работы исключительно къ своимъ интересамъ и сдѣлать изъ нихъ средство не только продовольствія крестьянъ, но и собственной наживы. Нѣкоторые помѣщики сами поставляли рабочихъ на общественныя работы, выдавая имъ лишь часть заработной платы и забирая себѣ львиную долю ея. Съ этой цѣлью заключали даже контракты съ подрядчиками о поставкѣ опредѣленнаго количества рабочихъ на общественныя работы. Хотя командированный отъ министерства внутреннихъ дѣлъ чиновникъ призналъ эти контракты «обременительными для крестьянъ» и «противозаконными», а генералъ-губернаторъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, распорядился уничтожить ихъ, —«трудно сомнѣваться, —пишетъ г. Максимовъ, спеціально изучавшій вопросъ объ общественныхъ работахъ, — что заключеніе этихъ послѣднихъ (контрактовъ) практиковалось въ значительныхъ размѣрахъ при организаціи общественныхъ работъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доходило до свѣдѣнія высшаго начальства» [1]).

Использовать общественныя работы въ полной мѣрѣ мѣшало помѣщикамъ прежде всего враждебное отношеніе крестьянъ къ общественнымъ работамъ. Кромѣ того, общественныя работы открывались, какъ уже говорилось, нерѣдко съ большими запозданіями, когда потребность въ нихъ уже проходила. Смоленскій губернскій предводитель дворянства, напримѣръ, объяснялъ отрицательное отношеніе дворянства къ работамъ 1834 г. тѣмъ, что онѣ запоздали и открылись въ неудобное для помѣщиковъ время. «Если бы,—писалъ онъ,—работы эти открыты были въ прошломъ 1833 г., онѣ могли еще принести пользу населенію; теперь же, по наступленіи поры полевыхъ работъ, онѣ не только безполезны, но и прямо невозможны: отвлекаютъ крестьянъ отъ дѣла и приносятъ имъ всевозможныя потери» [2]). Не забудемъ, что, кромѣ того, общественныя работы открывались сравнительно въ крайне незначительномъ количествѣ и не могли бы поглотить всѣхъ нуждающихся въ продовольственной помощи, если бы даже населеніе охотно шло на нихъ. Но больше всего отпугивала отъ общественныхъ работъ неаккуратность платежей и другія тому подобныя злоупотребленія. При такихъ условіяхъ не только крестьяне не желали работать, но и сами помѣщики отказывались высылать ихъ. Вышеупомянутый помѣщикъ Храповицкій, жалуясь, что крестьянамъ не заплатили заработанныхъ ими при общественныхъ работахъ денегъ, писалъ

---

[1]) Ibid., стр. 55.

[2]) *Середонинъ*, т. II, ч. 1, стр. 192.

въ 1851 г., что теперь, при вновь открываемыхъ въ этомъ году работахъ, онъ и другіе помѣщики лишены возможности рекомендовать крестьянамъ эти заработки [1]).

Всѣ описанные поиски помѣщиковъ такихъ формъ продовольственной помощи, которые требовали бы отъ нихъ самихъ минимальнаго количества матеріальныхъ средствъ, были, конечно, лишь слабыми попытками разрѣшить продовольственный вопросъ выгоднымъ для дворянъ способомъ, имѣвшими къ тому же ничтожные практическіе результаты. Продовольственная помощь крѣпостному населенію продолжала лежать тяжелымъ бременемъ на дворянскомъ сословіи. Вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ въ царствованіе Николая I продовольственный вопросъ дѣлался съ годами все больнѣе и острѣе. Въ годы неурожаевъ, когда требовались крупныя затраты на продовольствіе крестьянъ и обсѣмененіе ихъ полей, многіе помѣщики оказывались въ крайне затруднительномъ положеніи. Обыкновенныхъ доходовъ не хватало на продовольственную помощь, и помѣщикамъ приходилось или обращаться къ правительству за помощью, или добывать средства другими путями, главнымъ образомъ, путемъ займовъ въ тѣхъ или другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Тотъ и другой путь одинаково велъ къ задолженности помѣщичьихъ имѣній, а иногда и къ полному разоренію.

Въ крайне затруднительномъ положеніи оказывались не только мелкіе, но и крупные помѣщики. Мелкопомѣстные помѣщики нерѣдко сами нуждались въ продовольствіи и откровенно сознавались въ своемъ безсиліи обезпечить продовольствіе собственныхъ крестьянъ. Романовичъ - Славатинскій вспоминаетъ объ одномъ семействѣ небогатыхъ помѣщиковъ, которое само испытывало недостатокъ въ хлѣбѣ. Помѣщики Лавровы, Екатеринославской губ., не имѣвшіе даже собственной земли и принужденные селиться вмѣстѣ со своими крестьянами на арендуемой землѣ, сознавались въ своемъ безсиліи «упрочить благосостояніе крестьянъ», жаловавшихся на недостатокъ продовольствія, и сами просили о взятіи ихъ крестьянъ въ опеку [2]). Правительство считалось съ продовольственными затрудненіями мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ и, какъ указывалось,

---

[1]) «Какимъ образомъ,—задаетъ онъ вопросъ уѣздному предводителю дворянства,—я и другіе помѣщики можемъ внушить крестьянамъ нашимъ увѣренность, что они въ томъ, дѣйствительно, найдутъ существенную пользу. Не пользу, отвѣчаютъ они намъ, а этимъ довершимъ наше разореніе; производя работы въ прошлыхъ годахъ, остались неудовлетворенными, многіе потерпѣли большіе убытки, а другіе совсѣмъ разорились. Скажите, что намъ дѣлать, куда прибѣгнуть съ просьбами, чѣмъ поправить уже разорившихся и какими работами можемъ мы доставить пособіе крестьянамъ нашимъ (вдобавокъ) къ тѣмъ мѣрамъ, которыя каждый благомыслящій помѣщикъ предпринимаетъ изъ собственнаго своего достоянія для предупрежденія бѣдствій отъ голода произойти могущихъ». (Максимовъ, стр. 64).

[2]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1839 г., № 223.

охотнѣе разрѣшало имъ денежныя ссуды, чѣмъ крупнымъ помѣщикамъ. Но и послѣдніе испытывали нерѣдко серьезныя продовольственныя затрудненія. Генералъ-адъютантъ Дьяковъ, командированный въ Полтавскую губ. въ 1833 г., полагалъ даже, что положеніе мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ болѣе обезпечено, какъ вслѣдствіе большей ограниченности ихъ потребностей, такъ и въ силу большей возможности найти заработокъ для незначительнаго количества крѣпостныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Д. Блудовъ, также полагалъ въ 1833 году, что «при общемъ неурожаѣ хлѣба и недостаткѣ способовъ, значительное число душъ крестьянъ скорѣе иногда можетъ поставить помѣщика въ затрудненіе къ продовольствію ихъ, нежели имѣніе малолюдное». Въ подтвержденіе онъ приводилъ сообщенія малороссійскаго военнаго губернатора, ибо въ Полтавской губерніи крупные помѣщики, «не имѣя въ настоящее время ни наличныхъ денегъ, ни запасовъ, находятся въ крайнемъ затрудненіи». Подобныя же затрудненія испытывали помѣщики Воронежской губ. Даже у такого богатаго помѣщика, какъ гр. Шереметевъ, въ одной изъ самыхъ крупныхъ его вотчинъ, слободѣ Алексѣевкѣ, Бирючинскаго уѣзда, продовольственная нужда крестьянъ не была своевременно удовлетворена, что вызвало нѣкоторое броженіе среди крестьянъ, сильно напугавшее правительство. У другого крупнаго воронежскаго помѣщика, гр. Бутурлина, въ слободѣ Бутурлиновкѣ также произошло волненіе среди крестьянъ на почвѣ запозданія продовольственной помощи. Помѣщикъ Бедряга Богучарскаго уѣзда, Воронежской губ., дѣлалъ тщетныя усилія достать средства для продовольствія крестьянъ въ своей слободѣ Писаревкѣ. Онъ пытался продать лѣсъ, чтобы на вырученныя деньги купить хлѣба для продовольствія, но это ему не удалось. Попытка получить ссуду отъ правительства также не удалась. Министерство внутреннихъ дѣлъ предложило Бедрягѣ содѣйствіе для скорѣйшаго полученія ссуды изъ кредитныхъ учрежденій подъ залогъ его имѣнія, но переписка затянулась, и, кажется, губернское начальство, въ концѣ-концовъ, должно было само закупать хлѣбъ для продовольствія крестьянъ Бедряги. Продовольственныя затрудненія въ крупныхъ имѣніяхъ ожидались въ 1833 году также въ губерніяхъ слободско-украинскихъ, 3-хъ новороссійскихъ, въ Кавказской области [1]). Въ 1840 году въ Тамбовской губ. среди имѣній, гдѣ замѣчался наибольшій недостатокъ средствъ для продовольствія крестьянъ, были многія крупныя имѣнія: наслѣдника сенатора Посникова, графини Сухтеленъ, д. ст. сов. Зайцева, Пальчиковой; въ имѣніяхъ сен. А. Мих. и Григ. Безобразовыхъ, полковника Маслова, наслѣдн. кн. Голицына, княг. Челокаевой, Нарышкиной, Адамовичъ, братьевъ Огаревыхъ и Хрулева крестьяне также

[1]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Хоз. Деп., 1833 г., I отд., 1 ст., связка 165, ч. I.

жаловались на непродовольствіе [1]). Въ 1846 г. о ссудѣ просилъ даже такой крупный помѣщикъ, какъ бар. Корфъ, владѣвшій на правахъ аренды казеннымъ старостомъ, въ которомъ было 5998 рев. душъ. Онъ заявилъ, что не въ состояніи выполнить той статьи контракта, по которой онъ обязанъ былъ помогать крестьянамъ и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ [2]).

Съ каждымъ новымъ неурожаемъ положеніе помѣщиковъ дѣлалось все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Въ 1846 году, напримѣръ, обнаружилось, что вслѣдствіе двухгодичныхъ неурожаевъ владѣльцы имѣній въ пострадавшихъ губерніяхъ лишены были всякихъ доходовъ; падежъ скота, необходимость пріобрѣтать хлѣбъ и сѣмена по дорогой цѣнѣ привели въ упадокъ даже благоустроенныя имѣнія. Въ 40-хъ годахъ задолженность имѣній настолько возросла, что помѣщикамъ трудно было въ неурожайные годы платить проценты. Правительство принуждено было смотрѣть сквозь пальцы на накоплявшіяся недоимки, на непродовольствіе крестьянъ, ибо немыслимо было брать въ опеку всѣ имѣнія, которыя подлежали взятію въ опекунское управленіе: не хватило бы опекуновъ, потребовалось бы затрачивать слишкомъ много средствъ на продовольствіе крестьянъ въ разоренныхъ имѣніяхъ. Между тѣмъ помѣщики постоянно просили о новыхъ ссудахъ, о разсрочкѣ и отсрочкѣ прежнихъ ссудъ и т. д. Особенно затруднялись продовольствіемъ крестьянъ бѣлорусскіе помѣщики. Повторяющіеся здѣсь изъ года въ годъ неурожаи совершенно разорили не только крестьянъ, терпѣвшихъ вопіющую нужду, но и помѣщиковъ. «Можно утверждать, — говоритъ Середонинъ, — что съ 1820 г., перваго значительнаго неурожая въ XIX стол., западныя губерніи — Псковская, Витебская, Смоленская, Могилевская и Минская — не переставали озабочивать правительство, но всѣ принимаемыя мѣры мало помогали и привели эти губерніи къ разстройству» [3]). Угроза наложенія опеки за непродовольствіе крестьянъ была безсильна. Въ результатѣ Витебская губ., напримѣръ, очутилась въ 1851 г. въ крайне затруднительномъ положеніи: масса ежегодныхъ платежей давила ихъ, а между тѣмъ при неурожаяхъ запасовъ хлѣба не было, средствъ не было, и не было права брать новыя ссуды. Конечно, правительству, ради спасенія населенія отъ голодной смерти, пришлось давать новыя ссуды, новыя льготы и т. д. Въ 1853 году самъ комитетъ министровъ призналъ относительно Могилевской губ., что всѣ льготы, оказываемыя правительствомъ, только увеличиваютъ сумму долговъ по губерніи [4]). Это замѣчаніе

---

[1]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г., № 232.

[2]) *Середонинъ*, т. II, ч. I, стр. 205.

[3]) Ibid., стр. 204.

[4]) Ibid., стр. 211.

было, несомнѣнно, справедливо и относительно всей дворянской массы. Помѣщики хорошо сознавали безвыходность своего положенія; непосильность и въ то же время неизбѣжность затратъ на продовольственную помощь, поколѣ существовало крѣпостное право и благосостояніе помѣщиковъ, зависѣло отъ силы и крѣпости крестьянскихъ хозяйствъ. Они хорошо сознавали, что продовольственныя затраты неизбѣжно вовлекали ихъ въ неоплатные долги, результатомъ которыхъ являлось постепенное разореніе имѣній. Владѣніе крѣпостными было при такихъ условіяхъ большою обузою, освободиться отъ которой при нѣкоторыхъ условіяхъ было даже выгоднымъ для помѣщиковъ. При освобожденіи путемъ выкупа, напримѣръ, помѣщикамъ могла улыбаться возможность расплатиться съ долгами, избавиться отъ тягостной продовольственной обязанности и необходимости помогать крестьянамъ въ несчастныхъ случаяхъ, поддерживать ихъ хозяйство и экономическое благосостояніе и проч. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ незаселенныя земли въ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской и Саратовской продавались въ среднемъ выводѣ дороже заселенныхъ, что въ значительной степени слѣдуетъ объяснять непосильною для владѣльцевъ заселенныхъ имѣній нихъ отвѣтственностью за продовольствіе крестьянъ [1]). На разорительность для помѣщиковъ такой отвѣтственности указывали многіе помѣщики еще въ 30-хъ годахъ. Такъ, еще въ 1836 г. тульскій помѣщикъ Мещериновъ указывалъ, что помощь крестьянамъ при продовольственной нуждѣ и въ несчастныхъ случаяхъ приноситъ помѣщикамъ «значительный убытокъ, а иногда многіе помѣщики и не имѣютъ возможности къ пособію, отчего они терпятъ неминуемый уронъ» [2]). Мальцева побудило къ устройству свекло-сахарнаго завода «безплодіе почвы» и необходимость повысить собственные доходы, «нерѣдко въ неурожайные годы на пропитаніе крестьянъ обращаемые» [3]). Могилевскій помѣщикъ А. Вакаръ приходилъ въ отчаяніе отъ необходимости содержать крестьянъ фактически на свой счетъ послѣ разоренія, причиненнаго войною 12-го года и 4-лѣтними неурожаями, что грозило ему полнымъ разореніемъ и лишеніемъ имѣнія [4]). С. Масловъ указывалъ въ 1834 г., что помѣщикъ, имѣющій 50—100 дес., не располагаетъ обыкновенно такимъ запаснымъ капиталомъ, который онъ могъ бы затратить на помощь крестьянамъ въ случаѣ несчастья. Въ та-

---

[1]) *В. И. Семевскій.* «Кр. вопросъ въ Россіи во втор. половинѣ XVIII и перв. половинѣ XIX в.». Сборникъ «Крестьянскій строй.», стр. 293.

[2]) Ив. Мещериновъ. «О способѣ къ улучшенію состоянія крестьянъ». «Землед. Журн.», 1831 г., № 1.

[3]) «Отчетъ Ив. А. Мальцева о вновь устроенномъ при заводѣ для выдѣлыванія изъ свекловицы сахарнаго песку», «Землед. Журналъ», 1829 г., № 25.

[4]) *Вакаръ.* «О заведеніи мірской запашки». «Земл. Ж.», 1832 г., № 5.

кихъ случаяхъ приходилось дѣлать долги, откуда шло постепенное разореніе. «Было время,—писалъ онъ,—когда сія повинность (т.-е. помощь крестьянамъ) едва была замѣтна, а нынѣ стала обращать на себя особенное вниманіе» [1]). «Обязанности помѣщика относительно крестьянъ могутъ быть виною долговъ и разстройства дворянскаго состоянія». Приблизительно той же точки зрѣнія держались извѣстные хозяева крѣпостного времени П. Кикинъ и Вилькинсъ. Въ своей статьѣ «Взглядъ на настоящее положеніе дворянскихъ достояній» П. Кикинъ указываетъ «на всеобщее затруднительное, даже бѣдственное положеніе достояній дворянства, совершенное разореніе и уничтоженіе многихъ богатѣйшихъ фамилій, равно обремененіе долгами, можно сказать, почти всѣхъ помѣщиковъ». Причинами такого положенія Кикинъ, между прочимъ, считаетъ, съ одной стороны, постепенное уменьшеніе помѣщичьяго земельнаго фонда по мѣрѣ роста населенія, съ другой стороны, обремененіе его долгами «по существующему отношенію и обязанности дворянъ передъ правительствомъ: обезпечивать крестьянъ въ случаѣ недоимокъ, неурожая, падежа или пожара» [2]). Вилькинсъ также считаетъ неурожай одною изъ причинъ обѣднѣнія дворянства [3]).

Кромѣ указанныхъ чисто экономическихъ причинъ разорительности для помѣщиковъ продовольственной обязанности, были еще другія, о которыхъ помѣщики не могли говорить въ печати по цензурнымъ условіямъ, но которыя еще болѣе увеличивали эту разорительность. Такою причиною было, несомнѣнно, отношеніе самихъ крестьянъ къ продовольственной помощи помѣщиковъ. Крестьяне были хорошо освѣдомлены объ отвѣтственности помѣщиковъ за ихъ продовольствіе, а потому относились къ помѣщичьей помощи, какъ къ должной, принадлежащей имъ по праву. Это обстоятельство сильно понижало ихъ самодѣятельность, и они ожидали помощи отъ помѣщиковъ даже тогда, когда могли бы обой-

---

[1]) С. Масловъ. «О мірскихъ запашкахъ и мірскихъ кассахъ». «Землед. Журналъ», 1834 г., № 19 (5).

[2]) Эта помощь, по его словамъ, «не можетъ быть извлечена во время бѣдственныхъ случаевъ изъ того же имѣнія, которое уже не только не даетъ помѣщику должнаго дохода за тотъ годъ, но разстраивается само на нѣсколько лѣтъ. Слѣдовательно, помощь сія истекаетъ изъ капиталовъ стороннихъ и большею частью на счетъ займовъ и вотъ, по мнѣнію моему, пишетъ Кикинъ, важная причина накопленія, по крайней мѣрѣ, половины долговъ на дворянствѣ». П. К—нъ. «Взглядъ на настоящее положеніе дворянскихъ достояній». «Землед. Журналъ», 1831 г., № 3.

[3]) «Въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ,—писалъ онъ,—не проходило ни одного года, чтобы въ какихъ-нибудь губерніяхъ Россіи не жаловались на совершенный неурожай хлѣба; а сіи несчастные случаи, хотя, впрочемъ, и мѣстные, но, въ свою очередь, не истребляютъ ли дворянскихъ капиталовъ?» И. В—съ. «Замѣчанія на статью К—на о настоящемъ положеніи дворянскихъ имѣній». «Землед. Журналъ», 1832 г., № 5 и 6.

тись своими средствами. Въ жалобахъ помѣщиковъ, что крестьяне злоупотребляютъ ихъ помощью, небрежно ведутъ свое хозяйство, распродаютъ хлѣбъ раньше времени за безцѣнокъ, а потомъ требуютъ помощи, есть, несомнѣнно, доля истины. Но крестьяне не только просили помощи, но требовали ея, а при отказѣ со стороны помѣщика, жаловались правительственнымъ властямъ, отказывались отъ повиновенія, отъ исполненія крѣпостныхъ повинностей, вообще обнаруживали признаки волненія. Правда, въ николаевское время неизвѣстны крупныя волненія на продовольственной почвѣ, но легкія столкновенія крестьянъ съ помѣщиками и правительственными властями на почвѣ требованія помощи при неурожаѣ или въ несчастныхъ случаяхъ, бывали довольно часто, Какъ всякія волненія, они были невыгодны помѣщикамъ въ экономическомъ отношеніи, ибо правильное веденіе сельскаго хозяйства было возможно только при хотя бы относительномъ мирѣ въ крѣпостной ячейкѣ. Обязательная продовольственная помощь, обостряя отношенія между помѣщиками и крестьянами, этимъ самымъ была крайне невыгодна для помѣщиковъ. Во имя сохраненія соціальнаго мира между помѣщиками и крѣпостными нужно было устранить эту обязанность. Выше приходилось указывать, что правительство старалось стать именно на этотъ путь при попыткахъ реорганизовать продовольственную помощь въ крѣпостныхъ имѣніяхъ. Оно стремилось такъ поставить продовольственную помощь, чтобы крестьяне перестали видѣть въ ней обязанность помѣщиковъ, а, напротивъ, надѣялись бы только на свои силы въ добываніи средствъ къ существованію въ неурожайные годы. Но снять съ помѣщиковъ совершенно эту обязанность было невозможно. Невозможно это было потому, во-первыхъ, что для правительства было непосильно взять на себя всю продовольственную помощь. Невозможно это было и потому, что помѣщикамъ приходилось изъ самосохраненія поддерживать экономическое благосостояніе крестьянъ, а этимъ самымъ косвенно поддерживать убѣжденіе ихъ въ правѣ на помѣщичью помощь. Выходомъ изъ такого положенія была бы полная реорганизація помѣщичьяго хозяйства на условіи уничтоженія крѣпостного права. Несомнѣнно, что продовольственный вопросъ сыгралъ свою роль въ исторіи паденія крѣпостного права, подготовляя дворянъ къ признанію выгодности отмѣны его, хотя бы какъ способа избавиться отъ разорительной отвѣтственности за продовольствіе крестьянъ и ихъ благосостояніе, устранить одну изъ причинъ крайней задолженности помѣщичьихъ имѣній и разоренія многихъ изъ нихъ.

И. Игнатовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Во имя братства.

(Продолженіе[1]).

ГЛАВА VI.

Лиза Дурново.

Какъ давно все это было! Сколько типичныхъ, выразительныхъ лицъ прошло съ тѣхъ поръ передъ моими глазами и погибло въ темницахъ или исчезло гдѣ-то вдали! Сколько событій послѣ этого времени случилось! Прошли три томительныхъ года перваго заключенія, прошла кипучая дѣятельность въ Народной Волѣ, прошли безконечныя двадцать пять лѣтъ убійственнаго заключенія въ Алексѣевскомъ равеллинѣ Петропавловской крѣпости и Шлиссельбургѣ, прошло семь лѣтъ увлекательной научной дѣятельности, публичныхъ лекцій, докладовъ на конгрессахъ и засѣданій въ ученыхъ обществахъ, и вотъ я вновь сижу въ крѣпости и смотрю теперь сквозь желѣзную рѣшетку ея окна на короткій переулокъ передо мною, на низкое желтое зданіе пожарнаго депо по другую его сторону, съ его входами въ видѣ высокихъ арокъ, и на круглыя вершины липъ за его красной крышей на фонѣ тусклаго осенняго неба съ трехцвѣтнымъ національнымъ флагомъ, развѣвающимся на высокомъ шестѣ направо отъ этихъ вершинъ, надъ крышей комендантскаго дома. Часовой мѣрно ходитъ взадъ и впередъ подъ моимъ окномъ, а воспоминаніе снова «безмолвно предо мной свой длинный развиваетъ свитокъ». Многое потускнѣло и даже стерлось совсѣмъ въ этомъ свиткѣ отъ протекшаго времени, но многое и осталось, ярко и отчетливо, какъ будто только что сейчасъ записанное... И это всего лучше для моего теперешняго разсказа! Вѣдь въ памяти дольше всего остается самое яркое и интересное, а все не выдающееся, будничное быстро заливается водами забвенія!

[1]) См. № 8.

Ѣзжали ли вы когда-нибудь по морю среди архипелага живописныхъ островковъ? Какъ красивы ихъ вершины, поросшія деревьями! Вы глядите на нихъ и, если вашъ умственный взглядъ проникаетъ за предѣлы того, что видитъ вашъ физическій глазъ, то онъ представляетъ эти островки вершинами горныхъ цѣпей, тянущихся въ разныхъ направленіяхъ надъ поверхностью моря, по которому ѣдетъ вашъ пароходъ. Вы ясно представляете себѣ невидимое. Вы понимаете, что всѣ эти вершины связаны между собой причудливыми горными хребтами, перевалами и долинами въ глубинѣ моря, но вы не можете представить себѣ ихъ деталей. Они залиты для васъ моремъ.

Такъ теперь и въ моемъ воспоминаніи. Море забвенія залило въ немъ все будничное, ровное, и изъ поверхности его водъ выглядываетъ только то, что выдавалось сильно. Мой умственный взоръ видитъ лишь неясно, какъ бы подъ водой, связывающія ихъ болѣе обыденныя размышленія и событія. Я помню ясно лишь то, что особенно сильно волновало, трогало, интересовало меня. Такъ будетъ и съ вами, мои дорогіе юные читатели и читательницы, для которыхъ я, главнымъ образомъ, и пишу эту книгу. Я вѣдь знаю, что большинство книгъ читаете именно вы, а взрослые читаютъ мало. И у васъ потомъ запомнится только одно яркое. И если вашъ умъ будетъ полонъ интереса къ окружающему, будетъ сильно занятъ вопросами науки и жизни, то въ немъ запечатлѣется многое и вамъ будетъ о чемъ вспоминать; если же нѣтъ, то вѣчно поднимающееся въ душѣ море забвенія затопитъ у васъ прежде всего тѣ тусклыя знанья и идеи, которымъ васъ научили другіе, и затѣмъ не оставитъ ничего яркаго въ прошлой вашей жизни.

Не ходите же одними торными путями, не идите всегда въ толпѣ товарищей, не бойтесь по временамъ пойти и впереди ихъ, или въ одиночку, той дорогой, которую вы считаете хорошей. Но дѣлайте всегда лишь то, о чемъ вы были бы рады, чтобъ узнали и всѣ другіе, и не дѣлайте ничего, о чемъ вамъ было бы стыдно потомъ признаться всѣмъ вашимъ друзьямъ. Смѣлость должна быть только въ осуществленіи хорошаго, героическаго. Смѣлость въ дурномъ приводитъ къ потери уваженія къ самому себѣ и дѣлаетъ человѣка злымъ, завистливымъ, старающимся и въ другихъ увидѣть лишь пороки и недостатки и въ результатѣ онъ становится несчастнымъ при самыхъ лучшихъ жизненныхъ условіяхъ. А какъ мы лучше можемъ отличать хорошее отъ дурного, если не тѣмъ, что за первое, хотя бы оно и было сдѣлано втайнѣ, намъ не будетъ стыдно, когда о немъ всѣ узнаютъ, а за второе придется краснѣть?

Но я, конечно, не хочу сказать этимъ, что мы не должны дѣлать дурного только изъ стыда передъ другими, а предлагаю этотъ пріемъ лишь, какъ вѣрный способъ отличить добро отъ зла для самого себя. Есть много тусклыхъ душъ, которыя не своруютъ у

другихъ того, что имъ хочется имѣть, только потому, что боятся попасться. Они честны по трусости и не удержатся отъ поступка, котораго стыдятся, когда безнаказанность для нихъ обезпечена.

Въ Шлиссельбургской крѣпости среди различныхъ мечтаній мнѣ какъ-то пришло въ голову сдѣлать международную статистику человѣческой честности, и я думалъ: если у меня будетъ когда-нибудь много денегъ, то я куплю нѣсколько сотъ портмонэ и разбросаю ихъ въ разныхъ мѣстахъ по дорогамъ, вложивъ предварительно въ каждое мелкими деньгами рублей по сту и, кромѣ того, по маленькому письму, какъ бы пришедшему по почтѣ къ владѣльцу этого кошелька, съ адресомъ на конвертѣ, по которому его можно было бы тотчасъ же разыскать. Я сдѣлалъ бы это,—мечталъ я,—въ разныхъ странахъ, и потомъ по сравнительному количеству принесенныхъ мнѣ кошельковъ сдѣлалъ бы статистику истинной честности разныхъ народовъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ каждый нашедшій кошелекъ былъ бы убѣжденъ, что можетъ присвоить себѣ чужія деньги, не рискуя ничѣмъ, и если не сдѣлалъ этого, то, значитъ, онъ по натурѣ честенъ.

Сколько людей сдѣлали бы это? — думалось мнѣ. — Вѣроятно, меньше половины, потому что современные обычные, средніе люди больше дорожатъ уваженіемъ къ себѣ другихъ, чѣмъ своимъ собственнымъ. А между тѣмъ душевное счастье и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ собственнаго уваженія къ себѣ. Какъ можетъ быть счастливъ человѣкъ, который самъ себя не уважаетъ и думаетъ о себѣ: я плутъ! я обманщикъ! Каждому изъ насъ въ глубинѣ души хочется быть героемъ безъ страха и упрека, какъ въ старинныхъ романахъ, гдѣ еще описывались такіе герои, а не какая-то дрянь, какъ въ современныхъ; каждому хочется, чтобы жизнь его не прошла тускло, подобно тому, какъ живутъ растенія, и каждый, прибавлю, можетъ это сдѣлать, пока еще не поздно, пока еще онъ молодъ!

Но какъ это сдѣлать? Для этого нѣтъ рецепта, нѣтъ шаблона, и можно сказать только одно: не упускайте ни одного случая, когда вамъ представляется возможность сдѣлать что-нибудь выдающееся, хорошее, хотя бы и опасное! Нѣтъ человѣка, которому не было бы жутко въ ожиданіи приближающейся опасности, не разъ бывало жутко и мнѣ «передъ дверью тюрьмы и могилы», на порогѣ которыхъ, казалось, я не разъ стоялъ, но каждый разъ въ этихъ случаяхъ у меня мгновенно вставала въ глубинѣ души инстинктивная мысль: если ты отступишь, ты будешь всю жизнь презирать себя и всю жизнь будешь несчастенъ отъ этого самопрезрѣнія, а если смѣло встрѣтишь опасность и, сверхъ твоего ожиданія, не погибнешь, то потомъ каждый разъ, когда ты будешь вспоминатъ объ этомъ, у тебя будетъ минута счастья. А если погибнешь? Но вѣдь субъективно смерти нѣтъ. Всѣ умираютъ только для другихъ, а не для себя. Фразы «я умеръ» еще никто не говорилъ иначе, какъ въ

шутку. Истинная смерть, истинная гибель въ отступленіи, которое всю жизнь тебя будетъ мучить, а смерть будетъ только забвеніемъ всего «твоего» Да, истинная гибель въ отступленіи...

И я не отступалъ. Въ дѣтствѣ, желая преодолѣть внушенные мнѣ нянькой суевѣрные страхи привидѣній, появляющихся по ночамъ въ нашей банѣ, домовыхъ, живущихъ на чердакѣ нашего деревенскаго дома, и русалокъ, выходящихъ при лунномъ свѣтѣ на берегъ нашего озерка и готовыхъ утащить меня въ воду или защекотать на берегу,— я нарочно ходилъ по ночамъ въ эти самыя мѣста исключительно отъ внутренняго стыда за свою трусость и изъ желанья быть героемъ, какъ въ романахъ, а не тайнымъ трусомъ, который еще презрѣннѣе, чѣмъ явный, потому что онъ, кромѣ всего, еще и обманщикъ, и притомъ вредный: разсчитывая на его помощь въ опасности, люди идутъ на нее, а онъ ихъ въ рѣшительный моментъ оставляетъ погибать!

Въ тѣ дни, о которыхъ я пишу, мнѣ очень не хотѣлось погибать, но не хотѣлось и презирать себя, хотѣлось быть хорошимъ. И это послѣднее желаніе непреодолимо влекло меня на опасности, каждый день встававшія передо мной, благодаря начавшимся арестамъ, когда никто изъ насъ не зналъ, что черезъ полчаса его не замкнутъ въ одиночную камеру, какъ въ могилу. Послѣ перваго извѣстія о какомъ-либо арестѣ я уже ходилъ около его мѣста, зорко слѣдя, не осталось ли тамъ кого-нибудь, кого можно еще спасти? Было и жутко, и радостно, и горько за то, что всякій разъ спасать мнѣ было некого: въ домѣ была одна засада, и больше ничего.

Была ли эта моя логика эгоистичной? Такъ назвала ее мнѣ разъ дѣвушка-великанъ, Наташа Армфельдъ, мой новый другъ, когда я развивалъ ей эти свои мысли.

— Я не знаю, эгоистичны онѣ или нѣтъ,—отвѣтилъ я ей,—но я только чувствую, что о этихъ мысляхъ мнѣ не стыдно вамъ разсказать, значитъ, по моей мѣркѣ въ нихъ нѣтъ ничего дурного.

— Во всякомъ случаѣ,—отвѣтила она,—это хорошій эгоизмъ! Но мнѣ жаль, что вы совсѣмъ сдѣлались слѣдопытомъ, какъ въ романахъ Купера, и погибнете на этомъ пути.

— Не погибну!—отвѣчалъ я.—Я уже пріобрѣлъ большой навыкъ.

Этотъ разговоръ является моимъ первымъ яркимъ воспоминаніемъ, рельефно выступающимъ изъ низинъ, окончательно залитыхъ волнами забвенія. Къ тому времени прошли, должно-быть, недѣли три послѣ моего перваго дебюта у Армфельда. Тѣ изъ товарищей его кружка и моего, которые не разъѣхались далеко на каникулы, а жили у родителей лѣтомъ въ самой Москвѣ или на окрестныхъ дачахъ, попрежнему сходились на наши субботы, но ихъ было уже немного, и съ каждымъ днемъ становилось все менѣе и менѣе.

Тоска бездѣйствія начала овладѣвать мною. Когда Клеменцъ и Кравчинскій разсказывали окружающимъ свои впечатлѣнія при хожденіи въ народъ, ихъ дѣятельность казалась мнѣ такой выдающейся въ сравненіи съ моей жизнью въ потаповской лѣсной кузницѣ! При первомъ же собраніи немногочисленнаго московскаго отдѣленія нашего тайнаго общества я сказалъ:

— Мнѣ здѣсь совсѣмъ нечего дѣлать. Нельзя ли мнѣ пойти опять въ народъ, но только не въ одно мѣсто, а походить въ немъ, чтобъ видѣть настроеніе въ разныхъ мѣстахъ и распространять наши книжки?

— Куда же ты хотѣлъ бы?—спросилъ Шишко за всѣхъ.

— Мокрицкій говорилъ мнѣ, что въ селѣ (я теперь забылъ его названіе) почти посрединѣ между Курскомъ и Воронежомъ, гдѣ онъ давалъ урокъ въ прошломъ году лѣтомъ, есть очень интересный крестьянинъ, грамотный и интересующійся общественными и политическими вопросами. Очень возможно, что у него можно бы устроить пунктъ для дѣятельности въ окрестностяхъ.

— Это хорошо!—сказалъ Кравчинскій.—И даже лучше чѣмъ толочься здѣсь и осматривать шпіонскія засады въ пустыхъ домахъ, послѣ арестовъ.

— И я тоже думаю, — замѣтила Наташа Армфельдъ. — Если онъ долго не будетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, то всегда окажется далеко, когда слухи о немъ дойдутъ до станового.

И вотъ меня отпустили ходить въ народъ съ книжками.

Такъ кончается этотъ яркій островокъ моихъ воспоминаній, а затѣмъ выступаетъ другой. Вмѣстѣ съ Армфельдъ мы пошли въ ея домъ около Арбата, гдѣ меня ждалъ ея братъ.

— Съ тобой хочетъ познакомиться одна интересная барышня,—сказалъ онъ.

— Кто такая?

— Лиза Дурново,—племянница нашего губернатора, съ которымъ я знакомъ еще по моему отцу. Она только что окончила институтъ и тоже хочетъ участвовать въ революціи. Я разсказалъ ей о тебѣ, и она очень просила привести тебя. Она живетъ у губернатора, и онъ ее очень любитъ.

Я посмотрѣлъ на свой костюмъ. Онъ не вполнѣ подходилъ для губернаторской гостиной, хотя бы и въ лѣтнее время. На мнѣ была коричневая курточка въ охотничьемъ вкусѣ, которую откуда-то добылъ для меня Кравчинскій, и сѣрые панталоны, его же подарокъ послѣ моего возвращенія изъ деревни Потапова, такъ какъ передъ уходомъ въ народъ я роздалъ все свое имущество товарищамъ. Армфельдъ досталъ мнѣ чистую дневную рубашку и темно-красный галстухъ съ черными, какъ глаза, пятнами.

Мнѣ спеціально почистили сапоги, и мы отправились къ губернатору. Мнѣ было очень смѣшно, проходя въ его подъѣздѣ мимо по-

лицейскихъ и часового, думать, что въ этотъ самый моментъ меня по всей Россіи и даже здѣсь въ Москвѣ разыскиваетъ полиція, и это сразу придавало приключенію романтическій характеръ, который такъ мнѣ нравился въ заговорщицкой дѣятельности.

— Дома Елизавета Петровна?—спросилъ Армфельдъ лакея въ ливреѣ.

— Дома-съ! Пожалуйте!—отвѣчалъ тотъ ему, какъ знакомому, и послалъ кого-то доложить.

Мы вошли въ большую гостиную съ рядомъ высокихъ оконъ, выходящихъ на площадь. Передъ нами на полу стояли въ кадкахъ пальмы и другія вѣчно зеленыя растенія. Въ углу противъ двери находилась кушетка съ изящнымъ столикомъ передъ нею, а за ней было вдѣлано въ стѣну широкое большое зеркало, такъ что, полулежа на кушеткѣ, можно было смотрѣть въ зеркало и разглядывать все, что происходитъ въ комнатѣ, не дѣлая вида, что наблюдаешь. Во второмъ углу, у той же боковой стѣны, стоялъ другой диванъ, обитый малиновымъ бархатомъ, и передъ нимъ овальный столикъ и нѣсколько стульевъ. На столикѣ лежали какіе-то альбомы.

Нѣкоторое время мы въ одиночку разсматривали картины на стѣнахъ, но вотъ шумно отворилась внутренняя дверь, и къ намъ въ комнату вбѣжала высокая стройная барышня съ матово-блѣднымъ лицомъ и огромными, лучезарными глазами. Это и была Лиза Дурново, которой потомъ суждено было сыграть немаловажную роль въ начинавшемся освободительномъ движеніи.

— Вы, вѣрно, М.....ъ? — очень тихо сказала она, слегка смущаясь, такъ какъ очутилась со мною лицомъ къ лицу.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Присядьте въ уголку, тамъ будетъ всего удобнѣе!—добавила она, поздоровавшись съ подошедшимъ Армфельдомъ.

Она указала намъ на упомянутый уже малиновый бархатный диванъ, гдѣ мы и размѣстились уютно кругомъ столика. Несмотря на свою живость, она не была бойкой барышней. Въ ней было что-то слегка застѣнчивое, но не очень, и это дѣлало ее особенно симпатичной.

Мы начали говорить объ ушедшихъ въ народъ и о моихъ надеждахъ на скорое водвореніе федеративной республики, какъ въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ. Она особенно идеализировала наше крестьянство, о которомъ составила себѣ представленіе почти исключительно по стихотвореніямъ Некрасова. Она ихъ помнила почти всѣ, какъ помнили всѣ окружавшіе меня тогда.

Я нарочно отмѣчаю здѣсь этотъ фактъ. Чѣмъ болѣе я думаю теперь о причинахъ того, почему революціонное движеніе появилось у насъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ именно въ формѣ стремленія уйти отъ шумныхъ городовъ къ простому народу, какъ къ чашѣ всякихъ совершенствъ, тѣмъ больше я прихожу къ выводу, что

форма эта была дана вліяніемъ стиховъ Некрасова. Этому удивительному поэту-народнику, котораго съ увлеченіемъ читала и заучивала наизусть вся тогдашняя молодежь, и принадлежитъ, по моему, наиболѣе выдающаяся роль во всемъ движеніи въ народѣ, которое захватило меня и въ то время. Но какъ и часто бываетъ въ общественныхъ движеніяхъ, ни самъ невидимый вдохновитель его Некрасовъ, ни вдохновленная имъ молодежь, составившая по его стихамъ свои трогательные образы крестьянина, — не сознавали этого. Да и какъ было сознать?

За чтеніе его стиховъ, за ихъ разучиванье наизусть, за ихъ пѣнье на каждой вечеринкѣ, никого не сажали въ тюрьму, да и самого Некрасова не трогали. Нападеніе властей было сдѣлано, какъ и всегда бываетъ, не на главный фундаментъ зданія, постепенно закладывающагося гдѣ-то глубоко подъ поверхностью, и потому невидимый, а на возводимыя на немъ видимыя надстройки: на нелегальную литературу и на публицистическія статьи въ тогдашнихъ журналахъ. Незамѣтно, воспринимая свои идеалы прямо изъ Некрасовскихъ стиховъ, выгравировавшихъ въ юныхъ головахъ свои художественные образы и придававшихъ имъ яркость реальности, молодежь сама не въ состояніи была сказать, откуда у нея явилось это духовное идеализированье крестьянина, эта страстная любовь къ мужику, котораго она большей частью никогда близко не видѣла. Ей казалось, что симпатіи эти зародились у нея самой какъ-то самопроизвольно изъ глубины души, и не давала себѣ отчета, почему такія же души за пять, за десять лѣтъ назадъ не направляли своихъ идеаловъ именно въ этомъ направленіи? А разъ сама молодежь не понимала, что истиннымъ источникомъ, который влечетъ ее къ оставленію всего, что дала ей наука и культура, и къ сліянію съ простымъ народомъ, являются дивные образы Некрасова и народническая идеологія его стихотвореній въ родѣ «Желѣзная дорога» или «Размышленія у параднаго подъѣзда», то отъ кого же могло это узнать наше тогдашнее начальство, голова котораго никогда не могла связать причины со слѣдствіемъ, если объ этой связи ему не было сказано прямо кѣмъ-либо болѣе разумнымъ?

Итакъ, Лиза Дурново мнѣ прямо призналась, что любовь къ простому народу появилась у нея въ институтѣ послѣ заучиванья наизусть стихотвореній Некрасова.

— До нихъ, — сказала она, — я считала образованныхъ людей много выше, чѣмъ простой народъ. А послѣ нихъ убѣдилась, что образованные люди теряютъ то, что всего дороже, — душевную чистоту. Они же показали мнѣ, что все, что ни сдѣлано, сдѣлано руками простого народа.

— А вамъ не казалось, — возразилъ я и ей, какъ раньше у Алексѣевой Аносову, защищая науку, — что въ «Желѣзной дорогѣ»

Некрасова сдѣлано серьезное упущеніе, что на ряду съ образомъ землекоповъ, погибающихъ при постройкѣ желѣзно-дорожнаго полотна, ему слѣдовало бы для полноты прибавить и образы тѣхъ мыслителей, которые думали въ тишинѣ безсонныхъ ночей и нерѣдко при враждебномъ отношеніи окружающихъ, какъ воспользоваться силой пара, и, наконецъ, придумали это. Я бы на его мѣстѣ вспомнилъ и о тѣхъ инженерахъ, которымъ надо было много лѣтъ ученія, чтобы знать прочность матеріаловъ. Вѣдь не всѣ они потеряли человѣческій образъ. Тогда стихотвореніе вышло бы полнѣе.

— Но ихъ немного, а рабочихъ тысячи, къ ученымъ относятся всѣ съ уваженіемъ, а о простомъ народѣ всѣ забываютъ. Вотъ Некрасовъ и исправилъ это, указавъ, что главный трудъ во всемъ, что сдѣлано, принадлежитъ простому народу и что благодарить за все надо его.

— Это вѣрно,—согласился я. — Но я не хочу только забыть и тѣхъ, кто трудится не руками, а головой. Всякій, кто трудится такъ или иначе, имѣетъ право жить. Не имѣетъ права, лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.

Ея мать быстро вошла въ комнату, явно обезпокоенная, и, поздоровавшись съ нами, сѣла съ какимъ-то рукодѣльемъ на уже описанную мною кушетку подъ широкимъ зеркаломъ въ стѣнѣ.

— Мамѣ не слышно,—сказала Лиза Дурново, замѣтивъ мой вопросительный взглядъ.—Окно около нея открыто, и шумъ съ улицы не прекращается ни на минуту. Она знаетъ мои взгляды и сначала не хотѣла, чтобы я имѣла своихъ знакомыхъ, но я сказала, что убѣгу изъ дому, если мнѣ не будутъ давать видѣть людей однихъ со мною мнѣній. Она испугалась и уступила.

Взглянувъ по направленію къ окну, я замѣтилъ, что хотя ея мать и сидѣла къ намъ почти затылкомъ, но не спускала съ насъ глазъ черезъ зеркало. Ея отраженіе смотрѣло теперь оттуда прямо на меня и вызывало во мнѣ чувство неловкости.

ГЛАВА VII.

Путешествіе въ народъ изъ губернаторскаго дома.

Лиза Дурнова вновь возобновила нашъ тихій разговоръ.

— Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть васъ въ рабочемъ платьѣ. Гдѣ вы переодѣваетесь, когда ходите къ рабочимъ? Вѣдь прислуга и дворники могутъ замѣтить и донести. Приходите переодѣваться къ намъ. У насъ въ коридорѣ есть дверь въ комнату, гдѣ стоятъ разныя ненужныя вещи, и никто туда никогда не входитъ. Въ обыкновенномъ платьѣ вы будете входить и уходить съ параднаго подъѣзда, а въ рабочемъ изъ этой комнаты, по коридору, черной лѣст-

ницей. Она выходитъ въ переулокъ на другую сторону, а я буду сторожить въ коридорѣ и стучать вамъ пальцемъ въ дверь, когда можно безопасно уйти. Тамъ же будетъ складъ вашего платья.

Идея эта мнѣ понравилась, хотя я и опасался ея мамаши. Мнѣ очень хотѣлось показаться Лизѣ Дурново въ рабочемъ костюмѣ и потому я отвѣтилъ:

— Я завтра ухожу на нѣсколько недѣль въ народъ и, если это удобно, переодѣнусь у васъ.

— Хорошо! Моя горничная очень меня любитъ и не выдастъ. Я ее пошлю сегодня же къ Армфельдамъ. Отдайте ей ваше рабочее платье въ узелкѣ и книги для народа. А завтра... когда вы придете переодѣваться?

— Въ два часа дня. Затѣмъ я прямо въ курскій поѣздъ и буду ходить въ видѣ рабочаго по Курской и Воронежской губерніямъ.

— А потомъ, когда возвратитесь, можете прійти прямо ко мнѣ чернымъ ходомъ. А выйдете переодѣвшись опять по парадной лѣстницѣ!—улыбаясь прибавила она.

На слѣдующій день ровно въ два часа я уже былъ снова въ губернаторской гостиной.

Сейчасъ же явилась туда и Лиза Дурново.

— Пойдемте скорѣе,—сказала она.—Я боюсь, что опять войдетъ мама, и тогда будетъ неудобно переодѣваться.

Она повела меня въ коридоръ и въ свою комнату-складъ, гдѣ подъ запасными кроватями лежалъ уже и мой мѣшокъ для путешествія.

— Вы долго будете переодѣваться?

— Нѣтъ. Въ три минуты буду готовъ.

— Такъ я вамъ стукну въ дверь два раза пальцемъ черезъ три минуты, если можно будетъ выходить. А то ждите, пока не дамъ сигнала!—и она ушла въ коридоръ, затворивъ осторожно мою дверь.

Я подошелъ было къ двери, чтобы закрыть ее изнутри, но тамъ не было ни ключа, ни задвижки. Я живо началъ переодѣваться, но не прошло и двухъ минутъ, какъ по коридору послышались легкіе шаги, дверь быстро отворилась, и въ ней на мгновенье появилась ея мать, уже извѣстная читателю наблюдательница черезъ зеркало. Увидѣвъ меня въ полномъ дезабилье, она тотчасъ же закрыла дверь, послышались ея дальнѣйшіе быстрые шаги, затѣмъ какіе-то оживленные женскіе голоса, стукъ затворившейся двери, и все стихло...

Можно себѣ представить, каково было мое положеніе! Что мнѣ дѣлать?—думалъ я.—Окончить мое переодѣванье рабочимъ или опять надѣть свое платье? Инстинктъ подсказалъ мнѣ окончаніе начатаго, такъ какъ иначе нельзя будетъ объяснить, зачѣмъ я попалъ сюда. И вотъ и я вмигъ превратился въ рабочаго и перебросилъ за плечо свой путевой мѣшокъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, затѣмъ что-то скрипнуло въ коридорѣ, и раздались два тихихъ удара въ мою дверь. Я живо отворилъ ее и предсталъ передъ смущенной и покраснѣвшей Лизой.

— Это ужасно!—сказала она.—Мама опять почуяла, что вы пришли, и, не найдя насъ въ гостиной, вошла въ коридоръ, когда я стояла въ другомъ его концѣ и по пути нарочно заглянула въ эту комнату, въ которую цѣлый годъ не заглядывала. Она говоритъ, что это вышло случайно, но я ей сказала рѣшительно, что непремѣнно убѣгу изъ дому, если за мной и за моими друзьями будутъ такъ слѣдить! И вотъ увидите, я убѣгу, если она разскажетъ дядѣ или сдѣлаетъ еще разъ что-нибудь подобное! — воскликнула она съ отчаяніемъ.—Ну, а теперь пойдемте на черную лѣстницу, гдѣ намъ удобнѣе будетъ разговаривать.

Мы вышли и стали въ полутьмѣ на площадкѣ.

— Итакъ, непремѣнно приходите обратно ко мнѣ же. Ваше платье будетъ ждать васъ здѣсь. Вызовите меня черезъ кухню. А мамы не опасайтесь, она больше всего боится, что я убѣгу изъ дому и тоже пойду въ народъ.

Мы дружески распрощались, и она, нѣсколько успокоившись, успѣла внимательно и съ интересомъ осмотрѣть меня въ видѣ рабочаго.

Я вышелъ въ переулокъ и пошелъ, затерявшись въ сѣрой толпѣ рабочаго народа, по направленію къ Курскому вокзалу.

Въ душѣ было безпокойно. Я чувствовалъ, что, несмотря на возникшую во мнѣ большую симпатію къ Лизѣ Дурново, я не буду въ состояніи приходить въ ихъ домъ, чтобъ чувствовать вновь на себѣ наблюдательный и недружелюбный взглядъ ея мамы и вспоминать, какъ она застала меня переодѣвающимся въ комнатѣ.

— Нѣтъ! — думалось мнѣ. — Лучше провалиться сквозь землю! А съ Лизой надо будетъ назначать свиданія у Армфельдовъ или, гдѣ она сама укажетъ, но только не въ губернаторскомъ домѣ.

Однако раньше, чѣмъ я дошелъ до вокзала, эти мысли замѣнились у меня другими.

Странное чувство овладѣваетъ вами, когда, переодѣвшись въ простонародный костюмъ, вы идете въ видѣ рабочаго по знакомымъ вамъ улицамъ шумнаго города! Послѣ нѣсколькихъ первыхъ дебютовъ вамъ кажется, что вмѣстѣ съ вашимъ привилегированнымъ платьемъ, вы оставляете за собой и весь этотъ привилегированный міръ, въ которомъ до сихъ поръ вращались. Казалось, онъ вдругъ ушелъ отъ васъ куда-то далеко-далеко! Ни молодыя барышни, ни дамы и никто изъ прилично одѣтыхъ мужчинъ большею частью даже и не взглянетъ на васъ при встрѣчѣ, а если и взглянетъ, то ихъ взглядъ скользнетъ по вашей фигурѣ безъ всякаго интереса, какъ по предмету, совершенно ничтожному,

чужому и направится на кого-нибудь другого, лучше одѣтаго. Такая отчужденность невольно начинаетъ охватывать и васъ. Для васъ становится вполнѣ возможнымъ то, на что вы въ прежнемъ костюмѣ никогда бы не рѣшились. Никакая яркая заплата на локтяхъ, никакія брызги грязи или мазки штукатурки отъ свѣже выбѣленныхъ стѣнъ, къ которымъ вы прислонились, больше не смущаютъ васъ! Вы уже знаете, что ничей взглядъ не останосвится на нихъ съ интересомъ и ничей глазъ не спроситъ своимъ выраженіемъ: гдѣ это вы такъ выпачкались? Почувствовавъ, что сапогъ вамъ давитъ ногу, вы выбираете первое мѣсто, гдѣ мостсвики мостятъ улицу, садитесь около нихъ на землю и, снявъ сапогъ, поправляете скомкавшуюся подвертку, а то ложитесь въ предмѣстьѣ у забора или на берегу придорожной канавы и, подложивъ подъ голову свою протянутую руку, грѣетесь на солнцѣ.

И вотъ это чувство отчужденности отъ всего привилегированнаго міра такъ быстро охватило меня, что сразу заслонило и милую фигурку Лизы Дурново, и Алексѣеву, и Кравчинскаго, и Армфельда съ его сестрой, великаншей Наташей.

ГЛАВА VIII.

Іерусалимскій странникъ.

Горячее іюльское солнце уже высоко стояло на безоблачномъ небѣ, когда, черезъ день, я выходилъ изъ предмѣстій города Курска на большую дорогу, ведущую въ Воронежъ. Впереди разстилалась холмистая степь. Высока повсюду волновалась по ней пшеница направо и налѣво подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтерка, какъ безбрежное море. Прямо передо мной уходила куда-то, казалось, въ неизмѣримую даль, широкая зеленая лента большой дороги, съ извивающимися по ней желтоватыми колеями проѣзжихъ путей, и мнѣ невольно вспомнилось стихотвореніе:

Большая дорога, степная дорога,
Немало простора взяла ты у Бога...

— Когда-то я дойду по ней до окончательной цѣли своего пути — Воронежа, до котораго, по картѣ, около трехсотъ верстъ...

Никогда еще не приходилось мнѣ путешествовать на такое разстояніе пѣшкомъ и совершенно одному, затерянному во всемъ мірѣ! Было и жутко и радостно. Чувство безпредѣльной свободы по временамъ охватывало меня.

— Какъ хорошо,—думалось мнѣ,—хочу иду, хочу сижу, хочу лягу на краю дороги и буду лежать сколько мнѣ угодно, и никто этому не воспротивится, и никто не удивится и не обратить на

меня даже вниманія. Вѣдь я теперь простой рабочій! а ихъ такъ часто можно видѣть лежащими на землѣ, гдѣ попало!

Но мнѣ совсѣмъ не хотѣлось ни лежать, ни сидѣть. Мнѣ хотѣлось скорѣе бѣжать въ припрыжку, обнимать деревья, цѣловать ласковые, скромные, придорожные цвѣты. По временамъ вблизи пролетала голубая или коричневая бабочка, и мнѣ казалось, что въ этой огромной степи, живущей своей собственною жизнью, я лишь—такое же незамѣтное живое существо среди многихъ, какъ и эти мотыльки, какъ и ползавшія въ травѣ мелкія букашки.

Я чувствовалъ подъ собой громадность несущаго меня земного шара. Я старался представить внизу всѣ толщи его наслоеній, до самаго далекаго центра, и сквозь него до другой стороны, гдѣ катятся теперь волны Тихаго океана въ моемъ антиподѣ около береговъ Новой Зеландіи. Но какъ я ни старался, я не могъ охватить своимъ умомъ всей этой громады, не могъ, смотря вдаль, уловить даже кривизну земной поверхности, представить себѣ даже сравнительно небольшое разстояніе до Воронежа, куда долженъ итти еще много дней! Моя мысль, не стѣсненная разговорами окружающихъ людей, въ умственные и физическіе интересы которыхъ непремѣнно входишь, живя въ ихъ обществѣ, неслась своимъ естественнымъ путемъ, и ничто не возмущало ея хода. Все, казавшееся благодаря прежней близости такимъ большимъ и важнымъ, уходило вдаль и принимало естественные размѣры. Мнѣ уже не хотѣлось болѣе проваливаться сквозь землю, оттого, что за день передъ этимъ сестра московскаго губернатора застала меня полураздѣтымъ у себя на квартирѣ, вѣдь я тогда не дѣлалъ ничего дурного, и дочь ея уже растолковала ей это! Мнѣ даже стало вдругъ смѣшно, припомнивъ всю сцену, а вслѣдъ за тѣмъ и жалко эту бѣдную женщину, которая, естественно, боится за свою дочь и, вѣрно, воображаетъ о насъ, революціонерахъ и провозвѣстникахъ новыхъ идей, тѣ же небылицы, какъ и мой отецъ, какъ и всѣ остальные отцы и матери, и всѣ люди съ положеніемъ въ обществѣ, съ кѣмъ мнѣ ни приходилось встрѣчаться! И никогда они не поймутъ,—думалось мнѣ,—что главный врагъ ихъ дѣтей и всей Россіи это—тираническое правительство, этотъ «вѣчный врагъ всего живого!»

И вдругъ изъ глубины души вновь поднялся образъ моей матери. Что-то она дѣлаетъ теперь? Можетъ-быть, плачетъ обо мнѣ? И грустная волна поднялась къ самому моему сердцу...

Но солнце свѣтило такъ радостно на небѣ, длинные стебли пшеницы такъ привѣтливо кивали мнѣ своими колосьями, теплый степной вѣтерокъ такъ нѣжно ласкался по временамъ къ моимъ разгоряченнымъ отъ быстраго хода щекамъ, и пролетающія мимо бабочки, казалось, всѣ хотѣли поздороваться со мною, сдѣлавъ на пути кругъ или два около моей головы... Печальные мысли и образы быстро улетѣли куда-то вдаль и оставили мѣсто только

радостному и бодрому! Привычка переноситься отъ внѣшнихъ зрительныхъ ощущеній къ внутренней сущности предметовъ, выработавшаяся раннимъ интересомъ къ естественнымъ наукамъ, дѣйствовала и здѣсь, нашептывая мнѣ мысли о моей нераздѣльности съ окружающимъ міромъ.

— Вотъ она безбрежная голубая невѣдомая даль!—думалъ я, когда дорога поднялась на вершину холма.—Она такъ манила меня къ себѣ еще ребенкомъ, и теперь я, дѣйствительно, иду въ нее. И подумать только, что весь этотъ міръ, который кажется мнѣ внѣшнимъ, есть только рисунокъ на сѣтчатой оболочкѣ моего собственнаго глаза, а пѣнье жаворонка вдали это—звонъ слуховыхъ струнъ въ глубинѣ моего собственнаго уха! И, однакоже, они существуютъ и внѣ меня, потому что всякій другой человѣкъ также видитъ и слышитъ все это, и какъ прекрасна должна быть та сущность, которая находится за этимъ голубымъ небомъ, находящимся на внутренней оболочкѣ моего глаза, которая, откликаясь окружающему міру, производитъ такіе чудные образы. И я старался представить, что весь этотъ куполъ небесъ и вся земля въ моемъ собственномъ глазу, а за ихъ завѣсой находится тотъ реальный міръ, по которому я теперь иду. Но я чувствовалъ, что это не вѣрно, что по впечатлѣніямъ въ моемъ глазу и въ моихъ ушахъ мой умъ видитъ и слышитъ дѣйствительные образы и звуки, происходящіе внѣ меня, потому что, сказалъ я самъ себѣ: вотъ на дорогѣ камень, онъ внѣ меня, но я знаю о немъ и вотъ перескакиваю черезъ него въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежитъ, а не спотыкаюсь о него, какъ было бы ночью, когда я о немъ не зналъ бы по его отраженью въ моемъ глазу. И весь міръ представился мнѣ связаннымъ съ моимъ внутреннимъ *я* цѣлой паутиной невидимыхъ нитей, соединяющихъ меня иногда сознательно, а иногда безсознательно, со всѣми другими живыми существами и съ неодушевленными предметами во вселенной.

— Мысль и чувство, это колебательныя движенія частицъ въ мозгу,—вспоминались мнѣ слова Карла Фохта, или Сѣченова, или кого-то другого изъ тогдашнихъ физіологовъ.—А всякое колебательное движеніе производитъ волны въ свѣтовомъ эѳирѣ, и они несутся со скоростью свѣта повсюду и проникаютъ по пути во всѣ живыя существа. Онѣ, можетъ-быть, и вызываютъ ихъ настроенія. Вотъ волны отъ моихъ теперешнихъ мыслей уже долетѣли до Москвы, до Алексѣевой, и она, можетъ-быть, вспомнила обо мнѣ, а ея мысль, можетъ-быть, донеслась уже теперь до меня и вызываетъ во мнѣ воспоминаніе именно о ней... Всѣ живыя души связаны между собой и все, что происходитъ въ одной, вызываетъ таинственные отголоски въ другихъ.

Длинная высокая фигура странника съ посохомъ, въ черной поддевкѣ и въ скуфейкѣ, въ родѣ монашеской, котораго я уже давно

замѣчалъ вдали дороги, какъ перваго встрѣчнаго въ степи, гдѣ не было кругомъ видно ни одного селенья, ни одной другой живой души, ничего, кромѣ двухъ стѣнъ колосьевъ направо и налѣво. Онъ быстро направился прямо ко мнѣ.

— Здравствуй! Здравствуй!—живо, радостно воскликнулъ онъ.— Я давно тебя ждалъ!—и, подбѣжавъ, онъ крѣпко охватилъ меня своими длинными цѣпкими руками и влѣпилъ въ мои губы жирный мокрый поцѣлуй.

— Онъ ждалъ меня? — мелькнули суевѣрныя мысли.—Значитъ, онъ знаетъ, кто я и за чѣмъ иду?

Но какъ онъ могъ обо всемъ узнать? И какъ мнѣ теперь быть? Вдругъ онъ донесетъ?

— Пойдемъ! Пойдемъ во святой Іерусалимъ! Давно я тебя ждалъ!—и, вновь облобызавъ меня, какъ-то разомъ по всему лицу и заслюнявивъ мнѣ губы, щеки и весь носъ, онъ потащилъ меня въ сторону дороги раньше, чѣмъ я успѣлъ опомниться.

— Сумасшедшій... — мелькнула у меня мысль.

Въ то же мгновенье какъ будто электрическій ударъ прошелъ по всему моему тѣлу. Онъ рванулъ мои локти врозь съ такой невообразимой для меня силой, что руки іерусалимскаго странника, связывавшія меня какъ крѣпкой веревкой, мгновенно оторвались другъ отъ друга и разошлись въ обѣ стороны. Почувствовавъ свободу, я оттолкнулъ его отъ себя съ такой непостижимой для меня силой, что онъ кувыркомъ полетѣлъ на землю, а я, повернувшись на ногахъ, какъ на пружинѣ, пошелъ быстрымъ шагомъ далѣе по своему пути.

Что-то невѣдомое, находящееся въ области моего безсознательнаго, не позволяло мнѣ и въ этотъ разъ бѣжать, какъ не позволяло и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ опасности. Я шелъ быстро, но такъ, какъ я и продолжалъ бы свой прежній путь, только правая рука тотчасъ же опустилась въ карманъ и взялась тамъ за ручку револьвера, да глаза неотступно слѣдили за дорогой, по которой моя тѣнь тянулась прямо предо мной. Я былъ готовъ сейчасъ же отскочить въ сторону и защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, если около моей тѣни покажется и его тѣнь, обнаруживъ этимъ его близость сзади. Но пройдя сотни полторы или двѣ шаговъ и не видя у своихъ ногъ никакой чужой тѣни, я, наконецъ, оглянулся назадъ. Странникъ-богомолецъ сидѣлъ на дорогѣ, на своемъ прежнемъ мѣстѣ, его ноги были вытянуты впередъ и широко раздвинуты, а длинныя руки, какъ двѣ ножки циркуля, подпирали его откинутое слегка назадъ туловище, съ котораго съ какимъ-то тупымъ изумленіемъ еще смотрѣла на меня его облѣзлая, круглая, одутловатая голова съ рѣзкой всклоченной бородкой. Его скуфейка лежала на землѣ около него.

Я быстро пошелъ дальше, стараясь обтереть рукавомъ со своего носа и губъ его слюну.

Если вамъ случалось когда-нибудь встрѣтить послѣ долгаго отсутствія знакомую вамъ собаку, и она, съ радости прыгнувъ на вашу грудь, облизывала вамъ однимъ движеніемъ своего длиннаго языка ротъ и носъ до самаго лба, то вы только отчасти поймете мой порывъ сейчасъ же бѣжать и вымыться.

— Еще заражусь какой-нибудь неизлѣчимой скверной болѣзнью! — думалось мнѣ.

Уйдя изъ вида богомольца, я въ отчаяньи бѣгомъ побѣжалъ по дорогѣ, въ надеждѣ найти около нея какой-нибудь ручеекъ или хоть канаву, чтобы умыться. Но впереди, сколько ни хваталъ глазъ, была одна безводная, поросшая волнующимся хлѣбомъ степь. Потъ катился съ моего лба, и его струйки, казалось, только размазывали его слюну. Я досталъ изъ своего мѣшка сначала одну, потомъ другую тряпку, — такъ какъ носовыхъ платковъ въ моемъ положеніи не полагалось, — и, перестаравшись въ вытираніи, растеръ ими чуть не до крови свое лицо.

Я бѣжалъ, съ тоскою въ душѣ и съ запекшимися отъ жара губами, постоянно отплевываясь, все далѣе и далѣе, и вотъ, часа черезъ два передо мною открылась вдругъ удивительная мѣстность. Какъ-то разомъ, неожиданно такъ сказать, прямо, передъ моими ногами появилась среди желтѣющихъ хлѣбовъ глубокая, ярко-зеленая долина, посреди которой вилась широкая серебристая лента извилистой рѣки. Фруктовыя деревья росли повсюду внизу и склонялись своими вѣтвями надъ тихими водами, уходя направо и налѣво въ безконечную даль. Большія селенья съ бѣлыми хатами, совсѣмъ какъ на картинкахъ, въ разсказахъ изъ украинской жизни, виднѣлись вь разныхъ мѣстахъ, и одно изъ нихъ было прямо предо мной за деревяннымъ мостикомъ черезъ рѣчку. Бѣгомъ бросился я къ рѣчкѣ и, спустившись по ея крутому берегу, началъ обмывать ея тепловатой водой чуть не сотни разъ свое разгоряченное лицо. Это нѣсколько успокоило меня.

— Будь что будетъ! — рѣшилъ я. — Можетъ-быть, у того помѣшаннаго богомольца и нѣтъ никакой заразной болѣзни! Но неужели онъ, дѣйствительно, хотѣлъ меня задушить и ограбить, а потомъ замолить свои грѣхи въ Іерусалимѣ? Больше ничего другого не остается подумать, — думалъ я. — Насильно тащить меня всю дорогу въ Іерусалимъ ясно невозможно.

Я сѣлъ у рѣки въ прохладной тѣни прибрежной ивы. Глядя на село, въ которомъ я рѣшилъ сегодня переночевать и въ первый разъ попытать свои силы на самостоятельной работѣ въ народѣ, я вспомнилъ о той неожиданной силѣ, которая вдругъ появилась у меня, когда я оттолкнулъ странника. Вѣдь въ обыкновенномъ состояніи, — думалось мнѣ, — у меня нѣтъ и третьей доли такой силы!

Когда товарищи охватывали меня въ игрѣ обѣими руками кругомъ тѣла, я никогда не могъ высвободить своихъ локтей, а онъ много сильнѣе! Между тѣмъ, когда я рванулся, его руки порвались какъ гнилая мочала!

Я вспомнилъ, что въ своей жизни у меня былъ уже такой случай. Въ моемъ умѣ неслось то время, когда я только что поступилъ во второй классъ гимназіи, и отецъ опредѣлилъ меня въ семействѣ моего бывшаго гувернера Мореля. Тамъ были, кромѣ матери-польки, двѣ его сестры, прехорошенькія гимназистки среднихъ классовъ, два ихъ брата—мои товарищи по гимназіи, и длинный шестнадцатилѣтній, совершенно испорченный морально племянникъ Андрючикъ, готовившійся у нихъ въ юнкерское училище.

Выросшій въ деревнѣ среди полей и лѣсовъ и лишь недавно попавъ въ столичное общество, я былъ, конечно, очень застѣнчивъ, особенно въ присутствіи старшей гимназистки, которая казалась мнѣ неземнымъ существомъ, явившимся на землю изъ какого-то волшебнаго міра. Огромный и малоспособный Андрючикъ, волочившійся за нею, захотѣлъ показать въ ея присутствіи свое преимущество передо мною, и въ первый же вечеръ, какъ только мать ушла, потащилъ меня изъ моей комнаты въ гостиную, сказавъ, что Саша (старшая сестра) зоветъ меня посидѣть съ ними. Я вышелъ и скромно сѣлъ передъ столикомъ среди остальной компаніи, спиной къ комнатѣ, а за моимъ стуломъ сталъ Андрючикъ. Меня начали разспрашивать о моемъ домѣ въ деревнѣ, о родныхъ. Я отвѣчалъ такъ, какъ отвѣчаютъ на вопросы учителей въ гимназіи, а онъ, какъ оказалось потомъ, все время показывалъ имъ надъ моей головой рога изъ своихъ пальцевъ и выдѣлывалъ тамъ всякія смѣшныя фигуры. Это вызывало непонятныя для меня улыбки окружающихъ, которыя я принималъ на свой счетъ. Я думалъ, что говорю глупости, и потому былъ очень огорченъ за свою несвѣтскость и неумѣнье вести хорошіе разговоры. Моя видимая застѣнчивость еще болѣе поощряла Андрючика, и вдругъ я почувствовалъ на своемъ темени сильный щелчокъ. Совершенно непривыкшій къ чему-либо подобному и доброжелательный ко всѣмъ, я сначала даже ничего не понялъ и просто съ изумленіемъ взглянулъ назадъ. Тамъ никого не было, кромѣ Андрючика, стоявшаго бокомъ ко мнѣ, сложивъ руки, и, повидимому, разсматривавшаго картину, висѣвшую на стѣнѣ.

— Не почудилось ли мнѣ?—пришло мнѣ въ голову, и я продолжалъ далѣе свой разсказъ.

Черезъ минуту я почувствовалъ второй щелчокъ по темени и снова, взглянувъ назадъ, увидѣлъ ту же сцену.

— Значитъ, это онъ? и нарочно? — пришло мнѣ въ голову, и я почувствовалъ, словно что-то поднялось изнутри къ моимъ вискамъ, но природная сдержанность или просто незнанье, какъ

надо поступать въ такихъ случаяхъ, и то обстоятельство, что всѣ мои собесѣдники, судя по выраженьямъ ихъ лицъ, ничего не замѣчали, заставила меня тотчасъ же снова повернуться къ столу, чтобъ окончить свой разсказъ.

И вотъ черезъ минуту раздался третій щелчокъ по моему темени... Совершенно такой же внутренній гальваническій ударъ, какъ теперь въ цѣпкихъ объятіяхъ іерусалимскаго странника, словно пружиной приподнялъ меня со стула. Онъ повернулъ меня на моемъ мѣстѣ, сжалъ мои кулаки, и на грудь и животъ Андрючика посыпались ихъ удары съ совершенно неожиданной для меня молніеносной скоростью. Онъ былъ вдвое больше меня и вдвое сильнѣе. И я, и онъ, и всѣ окружающіе это знали. Онъ хваталъ меня за руки, но они сейчасъ же вырывались, казалось, безъ всякихъ моихъ усилій. Онъ пробовалъ бить меня, но я, какъ будто не ощущая боли, взамѣнъ каждаго удара наносилъ ему десять.

И вдругъ, взглянувъ на меня, онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно; закрывъ руками свою грудь, онъ началъ отступать черезъ всю комнату, пока, наконецъ, не уперся спиной о печку. Я далъ ему еще нѣсколько ударовъ и сразу, совершенно успокоившись, повернулся и пошелъ къ столу, намѣреваясь окончить прерванный разсказъ, какъ будто ничего не случилось.

Но вся публика у стола была на ногахъ, повскакавъ при самомъ началѣ нашей схватки. Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на меня, никому и въ голову не приходило, чтобъ я могъ справиться съ Андрючикомъ, который въ обыкновенной борьбѣ, этимъ самымъ утромъ, сейчасъ же бросалъ меня на землю.

Всеобщее сочувствіе было на моей сторонѣ.

— Такъ его и надо! такъ его и надо!—раздались голоса кругомъ. — Вотъ хорошо, что вы его проучили! Но кто бы могъ подумать, что вы такой сильный?

— И когда онъ далъ вамъ послѣдній щелчокъ,—сказала Саша,— у васъ изъ глазъ какъ будто посыпался цѣлый снопъ искръ, понимаете, искръ, настоящихъ, и вы совсѣмъ преобразились! Почему вы не всегда такой? — закончила она, наивно обнаруживая этимъ свой идеалъ героя, въ котораго она сейчасъ же готова была влюбиться, не позаботившись заглянуть въ глубину его души.

И вотъ теперь, сидя на берегу рѣки и сопоставляя оба случая, я припомнилъ разсказы, какъ въ припадкѣ бѣлой горячки даже слабый человѣкъ разбрасываетъ вокругъ себя нѣсколько сильныхъ, и никто не можетъ удержать его. Не такой ли же горячечный припадокъ происходилъ оба эти раза и во мнѣ въ моментъ сильнаго нервнаго напряженія? —думалъ я.—И, пробѣгая мысленно свою жизнь я припомнилъ и еще одинъ случай, но слабѣе, происшедшій въ нашемъ имѣньи, когда горничная Таня разъ сломала у меня рѣдкую единственную бабочку, которую я, засушивъ, показывалъ на

булавкѣ домашнимъ: я такъ схватилъ ее тогда за руку, что ей показалось,—говорила она потомъ, — будто ее обожгли желѣзными клещами, и она со страху тутъ же сѣла на землю.

Больше со мной никогда не было ничего подобнаго, но мысль, что въ минуту крайней необходимости это опять случится, придала мнѣ самоувѣренности. Мнѣ казалось, что если вмѣсто странника появится передо мной медвѣдь, то я своимъ толчкомъ свалю также и его. Взамѣнъ прежней тревоги я чувствовалъ себя такъ, какъ будто только что совершилъ какой-нибудь геройскій подвигъ. Комическая фигура богомольца, сидѣвшаго на землѣ, въ видѣ опрокинутыхъ козелъ для пилки дровъ, заставляла меня смѣяться. Теперь, когда я нѣсколько разъ вымылъ свое лицо въ рѣчной водѣ, страхъ передъ заразой совершенно прошелъ, и я, очнувшись отъ своихъ мыслей, сталъ смотрѣть на окружающую меня деревенскую жизнь.

ГЛАВА IX.

Ночь въ ясляхъ.

Крестьяне и дивчины въ своихъ бѣлыхъ рубашкахъ группами возвращались, поглядывая молча на меня, домой, съ длинными желѣзными косами въ видѣ граблей на плечахъ. Коровы мыча прошли по мосту въ деревню, и мнѣ вспомнилось стихотвореніе Никитина:

Жаръ свалилъ. Повѣяло прохладой.
Длинный день окончилъ рядъ заботъ.
Пастухи домой прогнали стадо,
И жнецы вернулися съ работъ.

— Какъ это у него все вѣрно! — думалось мнѣ, и поэзія окружающаго начала проникать мою душу.

Но это продолжалось недолго, такъ какъ голодъ скоро началъ давать себя знать. Поднявшись изъ-подъ своей прибрежной ивы и вытягивая усталые члены, я пошелъ въ деревню и постучалъ въ окно первой же хаты.

— Пустите переночевать, — говорю.

— А ты откуда буде? — раздался полухохлацкій голосъ выглянувшаго ко мнѣ благообразнаго дида. Другія, болѣе молодыя, лица выглядывали съ любопытствомъ изъ-за него.

— Изъ Курска иду въ Воронежъ.

— Охъ, какъ будто ты и не курскій! — сказалъ, покачивая головой, хозяинъ.

— Почему?

— А не чисто говоришь!

Эти слова заставили меня внутренно улыбнуться. Вотъ, думалось, этотъ старикъ, говорящій смѣсью русскаго и украинскаго, какъ, очевидно, и вся его мѣстность, считаетъ, что только его содеревенцы говорятъ чистымъ языкомъ, а интеллигенція и всѣ великоруссы — не чистымъ!

— Я говорю по-московски, потому что работаю съ десяти лѣтъ тамъ, на фабрикѣ, а въ Воронежъ иду навѣстить родныхъ.

Его не удивило, что изъ Москвы я поѣхалъ въ Воронежъ черезъ Курскъ, когда есть прямая дорога. Для деревенскихъ людей, всю жизнь проживщихъ въ своей деревнѣ и никогда не видавшихъ географическихъ картъ, можно было ѣхать въ Воронежъ изъ Москвы хоть черезъ Одессу. Старикъ совершенно удовлетворился моимъ отвѣтомъ, пригласилъ войти въ избу и усадилъ въ уголъ подъ образами.

До сихъ поръ я и не подозрѣвалъ, что фабричный въ глазахъ деревенскихъ людей — это уже народная аристократія, человѣкъ, у котораго многому можно поучиться, съ котораго молодежь должна брать примѣръ деликатнаго обращенья. Интеллигенція думала тогда совершенно наоборотъ. Всѣ окружающіе меня считали рабочихъ просто испорченными цивилизаціей крестьянами, но мои опыты хожденія въ народъ скоро показали мнѣ, что тамъ держатся иного мнѣнья.

Въ этотъ памятный для меня вечеръ, когда я впервые очутился одинъ въ крестьянской средѣ, я думалъ только объ одномъ, какъ бы чѣмъ-нибудь не шокировать моихъ хозяевъ. Вѣдь у нихъ свой собственный кодексъ приличій,—думалъ я,— съ нимъ нужно сообразоваться, а я его совсѣмъ не знаю. И я, дѣйствительно, скоро нарушилъ кодексъ и шокировалъ компанію. Хозяйка вынула изъ печки и принесла на столъ большую, круглую деревянную чашку съ варевомъ и затѣмъ рядомъ съ ней поставила деревянное блюдо съ большимъ кускомъ вареной говядины. Она положила на столъ въ разныхъ мѣстахъ деревянныя ложки по числу присутствующихъ и коровай хлѣба посрединѣ. Разговаривавшій со мной патріархъ всталъ, и за нимъ встала и вся его большая семья. Это были: старуха—его жена, двое взрослыхъ усатыхъ сыновей въ бѣлыхъ украинскихъ рубашкахъ, недавно возвратившіеся съ работы, вмѣстѣ со своими супругами, и нѣсколько человѣкъ внучекъ и внуковъ всевозможныхъ возрастовъ, молча слушавшихъ, сидя въ разныхъ мѣстахъ, неторопливый разговоръ со мной старика и мои разсказы о Москвѣ.

Всѣ начали креститься на иконы въ переднемъ углу надъ столомъ, и я замѣтилъ, что особенно пріятное впечатлѣніе произвело на всѣхъ то, что я крестился, какъ они, двумя перстами по-старообрядчески.

Меня пригласили сѣсть въ знакъ почета, какъ гостя, въ углу подъ иконами. Старикъ сѣлъ по лѣвую руку отъ меня и, взявши коровай хлѣба, медленно началъ рѣзать его на куски и раздавать каждому изъ насъ по одному. Потомъ онъ подвинулъ къ себѣ блюдо съ кусками говядины и также не торопясь разрѣзалъ ихъ на болѣе мелкіе куски, опрокинулъ ихъ всѣ въ варево и подвинулъ его на средину стола. Откусивъ кусокъ отъ своего хлѣба, онъ взялъ затѣмъ свою ложку, зачерпнулъ ею варево съ поверхности, безъ говядины, лежавшей въ глубинѣ, и поднесъ ее къ своему рту. Проглотивъ содержимое, онъ спокойно положилъ ложку вверхъ дномъ на прежнее мѣсто и пригласилъ меня взглядомъ сдѣлать то же. Я, въ простотѣ души, погрузилъ ложку на самое дно миски и, захвативъ тамъ кусокъ говядины, также важно и не торопясь, какъ и онъ, поднесъ къ своимъ губамъ, проглотилъ и обратно положилъ ложку на ея мѣсто вверхъ дномъ, стараясь подражать ему во всемъ. Но поднявъ затѣмъ глаза, я вдругъ замѣтилъ по смущенному выраженію всѣхъ лицъ семьи, опустившихъ глаза въ свои колѣни, что я сдѣлалъ какое-то страшное неприличіе.

Что это такое?—мелькнуло у меня въ головѣ.

И я сейчасъ же замѣтилъ, что всѣ сидящіе за мною повторяютъ другъ за другомъ то же самое, что и я, но за однимъ исключеніемъ: всѣ черпаютъ, какъ старикъ, съ поверхности и не берутъ говядины.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! — мелькнула у меня мысль. — Мнѣ надо было ждать, пока старикъ возьметъ говядины первый, а не выскакивать впередъ!

Мнѣ стало такъ стыдно, что я весь покраснѣлъ, и когда онъ, по окончаніи первой половины миски, зачерпнулъ себѣ, наконецъ, съ кускомъ говядины, я взялъ попрежнему безъ куска. Я пропустилъ говядину и во второй кругъ, когда всѣ остальные брали, и взялъ ее только въ третій, видимо, возстановивъ этимъ нѣкоторую долю уваженья ко мнѣ, какъ столичному жителю, которому, казалось имъ всѣмъ, слѣдовало бы знать хоть элементарныя правила приличій.

Но моя неблаговоспитанность все же очень смущала меня при разговорѣ, завязавшемся послѣ ужина, и, кромѣ того, было ясно, что въ присутствіи главы дома никто изъ семьи, за исключеніемъ старухи, его жены, вставлявшей по временамъ свои замѣчанія, не будетъ вмѣшиваться въ разговоръ.

Однако я все же попробовалъ начать «пропаганду:

— У насъ, въ столицахъ,—сказалъ я старику,—появились люди, которые стоятъ за насъ, рабочихъ и за крестьянъ, и хотятъ, чтобы всѣ государственныя дѣла рѣшались выборными отъ народа. Такъ ужъ и дѣлается давно во многихъ иностранныхъ государствахъ.

Всѣ сельскія и городскія власти и полиція отвѣчаютъ передъ народными избранниками за всѣ свои притѣсненья, и потому тамъ куда какъ свободнѣе жить, чѣмъ у насъ. Каждый ѣдетъ, куда хочетъ, не кланяясь о паспортѣ, каждый говсритъ и пишетъ, что думаетъ, не боясь, что его за это посадятъ въ тюрьму. Вотъ и у насъ хотятъ завести также.

— А кто же будутъ эти люди? — спросилъ онъ.

— Да и изъ насъ, рабочихъ, есть, и изъ господскихъ дѣтей, которые учатся, чтобъ стать докторами али учителями!

— Ничего имъ не сдѣлать, — покачавъ головой. скептически замѣтила хозяйка.

— Какъ же ничего, если весь народъ поддержитъ ихъ? Вѣдь сколько тысячъ простого народа на одного начальника, какъ же не можно поставить свое собственное выборное начальство?

— А потому, — отвѣтилъ старикъ, — что оно все вмѣстѣ, и у нихъ солдаты, а у насъ рознь. Вонъ за рѣкой въ деревнѣ бунтовали за землю противъ господъ, а какъ пригнали солдатъ, всѣ и разбѣжались по сосѣднимъ деревнямъ. А окрестныя-то деревни такъ перепугались, что гнали ихъ изъ избъ, чтобы и себѣ не вышло бѣды. А вѣдь всѣ хотѣли того же, что и тѣ!

— А можетъ, теперь люди стали умнѣе?

— Ужъ гдѣ умнѣе! — и старикъ съ сожалѣньемъ посмотрѣлъ на своихъ усачей-сыновей, молча и серьезно слушавшихъ нашъ разговоръ.

Очевидно, какъ и всѣ старики, онъ готовъ былъ считать ихъ несовершеннолѣтними до конца жизни. Мнѣ показалось безнадежнымъ продолжать съ нимъ разговоръ.

— А кто у васъ въ семьѣ грамотные? — спросилъ я, думая снабдить ихъ книжками изъ своего запаса.

— Да вотъ молодцы собираются посылать въ школу своихъ ребятишекъ. Что же, пусть поучатся! Выростутъ, выучатся, будутъ умнѣе насъ, стариковъ,—и онъ ласково, шутливо посмотрѣлъ на своихъ законфузившихся внуковъ.

— Не будемъ умнѣе тебя, дѣдушка!—запищали они, стыдливо заслоняя свои лица до самыхъ глазъ рукавами рубашекъ.

— Будете, будете, друзья мои! Будете умнѣе и смѣлѣе и свободнѣе, чѣмъ ваши отцы и дѣды, выросшіе въ рабствѣ! — хотѣлось мнѣ воскликнуть, но я, конечно, удержался.

— Какъ же теперь быть! — подумалъ я. — Здѣсь я не могу раздать даже и нѣсколькихъ изъ своихъ книжекъ! Неужели и дальше я буду наталкиваться на такую же поголовную безграмотность во взросломъ народѣ?

Мнѣ, пошедшему, главнымъ образомъ, не поднимать, а изучать народъ, было ясно, что все видѣнное здѣсь мало подходило для осуществленья затѣваемаго нами новаго строя, основаннаго на

всеобщемъ равенствѣ и братствѣ, но это меня нисколько не обезкураживало. Вѣдь я лично разсчитывалъ болѣе всего на свой собственный кругъ, на интеллигенцію... А эта мирная безграмотная, т.-е. все равно, что глухонѣмая семья, если и не поможетъ намъ, то не будетъ и противиться водворенію лучшихъ порядковъ. Старуха и тогда скажетъ, какъ теперь: у нихъ сила, ничего не подѣлаешь, надо жить по-новому! И старикъ согласится съ нею, а за нимъ и всѣ остальные повторятъ эти слова, какъ повторяли за ужиномъ все, что онъ дѣлаетъ. Но, несмотря на это разочарованье въ моей основной цѣли, новый своеобразный міръ, открывшійся предо мною не гдѣ-нибудь въ Тибетѣ или Туркестанѣ, а внутри нашей собственной страны, невольно увлекъ меня на дальнѣйшія изслѣдованія его, какъ увлекали меня до тѣхъ поръ астрономія, геологія, физика и другія науки. Мнѣ казалось, что происходящее кругомъ меня много занимательнѣе всякой сказки, и этотъ сказочный оттѣнокъ дошелъ до высшей степени, когда меня пригласили, наконецъ, итти спать.

— Въ избѣ душно, — сказалъ старикъ, — мы всѣ спимъ, кто въ сѣняхъ, кто на сѣновалѣ, а тебя положимъ въ ясляхъ на дворѣ, тамъ тебѣ будетъ хорошо.

Онъ повелъ меня черезъ сѣни на четырехугольный дворъ, одной изъ четырехъ стѣнъ котораго и служила ихъ длинная хата и ея ворота, а три другія стѣны состояли изъ высокихъ плетней съ идущими вдоль ихъ навѣсами въ защиту отъ дождя. Тамъ мѣстами была сложена солома, мѣстами стояли ясли, а вся средина была подъ открытымъ небомъ, съ котораго смотрѣла теперь на насъ почти полная луна и мерцали знакомыя мнѣ съ дѣтства созвѣздія лѣтней ночи. Вся внутренность двора была залита яркимъ серебристо зеленоватымъ луннымъ свѣтомъ, за исключеніемъ двухъ его сторонъ, съ которыхъ падали внутрь двора рѣзкія черныя тѣни, и за ними ничего нельзя было разсмотрѣть. Четыре лошади поднялись со средины при нашемъ приближеніи, и столько же коровъ, жуя, флегматично взглянули на насъ, не сходя со своего мѣста. Въ черной тѣни двора раздалось козлиное блеянье, но самого козла или козы не было видно во мракѣ, въ который и повелъ меня хозяинъ.

— Вотъ здѣсь ложись, — сказалъ онъ мнѣ, указывая въ ясли, уже полныя душистаго сѣна, и, вздохнувъ о чемъ-то своемъ, пошелъ обратно.

Я тотчасъ же взобрался въ ясли, разулся, чтобъ освѣжить уставшія ноги, прикрылъ ихъ своей чуйкой, положилъ свой мѣшокъ вмѣсто подушки и легъ въ полномъ восторгѣ отъ всей этой интересной обстановки, хотя и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— А что, если лошадь, придя сюда за сѣномъ, откуситъ мнѣ ухо, или корова боднетъ въ бокъ рогами? — подумалось мнѣ, но

я сейчасъ же успокоился: вѣдь если бъ было опасно, меня не положили бы сюда. Значитъ, они и сами такъ дѣлаютъ.

И вотъ не успѣло пройти и десяти минутъ, какъ къ моимъ яслямъ подошла сначала одна изъ четырехъ лошадей. Сначала показывался черный профиль ея головы, она осторожно приблизила ее ко мнѣ, обнюхивала и, фыркнувъ, отошла прочь, потомъ то же сдѣлали и другія три лошади... Затѣмъ подошли и коровы, и контуры ихъ роговъ въ тѣни, на темно-голубомъ звѣздномъ фонѣ ночи, придавали имъ что-то сверхъестественное. Онѣ всѣ осторожно отошли, не вытащивъ изъ-подъ меня ни клочка сѣна, и улеглись по различнымъ мѣстамъ двора.

— Что сказала бы Алексѣева, — подумалъ я, — если бъ она могла меня видѣть въ этой обстановкѣ? Что сказалъ бы Кравчинскій, который тоже любитъ все романтическое?

Мнѣ вспомнилась одна картинка рожденія Христа, гдѣ около яслей въ темнотѣ были изображены коровьи и лошадиныя головы, смотрящія на него. Какъ это похоже на мою теперешнюю ночевку!

Гдѣ-то вдали, несмотря на вполнѣ наступившую ночь, раздавался звонкій голосъ дѣвочки, пѣвшей беззаботно, какъ жаворонокъ, одну за другой какія-то украинскія пѣсни. И какъ музыкаленъ былъ ея голосъ!

— Почему у насъ, въ средней Россіи, не умѣютъ такъ пѣть? — съ грустью подумалось мнѣ.

Я взглянулъ вверхъ на звѣздное небо, на которомъ прямо надъ моей головой свѣтилось созвѣздіе Лиры съ яркой Вегой надъ двумя другими меньшими звѣздочками. Дальше къ сѣверу вилось созвѣздіе Дракона и виднѣлась Полярная звѣзда. Боже, какъ было хорошо въ этомъ тепломъ воздухѣ лѣтней украинской ночи, въ звонкихъ и далекихъ звукахъ этихъ пѣсенъ, въ этомъ душистомъ сѣнѣ, подъ звѣздами, смотрящими отовсюду на меня, и между этими добрыми животными, по временамъ шевелящимися на своихъ мѣстахъ!

Моя мечта улетала вдаль, Богъ знаетъ куда. Въ сознаніи перемѣшивались и родной, покинутый домъ, и кузница въ Коптевѣ, и Наташа - великанша...

На время я забылся крѣпкимъ бодрымъ сномъ, потомъ вдругъ проснулся, соображая, гдѣ я и что со мной было. Луна, вышедшая изъ-за крыши моего навѣса, уже цѣликомъ освѣщала мои ясли своимъ серебристымъ свѣтомъ и, казалось, нарочно смотрѣла на меня, приподнявшись надъ крышей забора. Это было удивительно хорошо. Вспомнивъ сразу все окружающее, я выглянулъ изъ-за края яслей: всѣ мои соночлежники—и коровы, и лошади—лежали на дворѣ въ разныхъ мѣстахъ и мирно спали. Глубокая тишина всеобщаго покоя царила кругомъ. Въ посвѣжѣвшемъ, но все еще тепломъ лѣтнемъ воздухѣ не проносилось ни малѣйшаго

вѣтерка, и только блѣдныя золотистыя звѣздочки, казалось, еще о чемъ-то разговаривали между собою.

Я снова радостно легъ въ свое душистое сѣно и снова замечтался:

То, что меня теперь окружаетъ—и на небѣ и на землѣ развѣ уступитъ въ чемъ-нибудь самой причудливой фантазіи? Вѣдь этого даже и не придумаешь! Да, каждый, кто хочетъ, чтобъ жизнь его была какъ въ романѣ, всегда можетъ это сдѣлать, пусть только отдается своимъ хорошимъ порывамъ, пусть не отступаетъ трусливо передъ еще не испытаннымъ подвигомъ, бросается спасать утопающаго, гибнущаго въ пожарѣ, пусть приметъ въ свое сердце все человѣчество, со всѣми его случайными недостатками и пусть отдѣльные уроды, въ родѣ того іерусалимскаго странника, не гасятъ въ немъ любви ко всему живому, которое въ сущности таково же, какъ и онъ самъ.

— Подумать только,—мечталъ я,—что у каждаго теперь такъ же бьется сердце въ груди, какъ и у меня, такъ же течетъ кровь въ жилахъ, такъ же хочется ѣсть и пить, и любить, быть счастливымъ и испытать необыкновенныя приключенія. Вотъ и Кравчинскій, и Алексѣева, и Шишко, и всѣ мои друзья теперь спятъ въ своихъ душныхъ комнатахъ и не видятъ въ природѣ того, что вижу теперь я, но всѣ они такъ же дышутъ, какъ и я теперь, и такъ же, вѣроятно, грезятся имъ чудесные сны. Да, всѣ люди одинаковы, кромѣ уродовъ, а уроды и нахалы всѣ лѣзутъ въ начальство, потому что, не любя людей, какъ же захотятъ они быть равными съ ними? Вотъ почему въ начальствѣ всегда ихъ и скопляется больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, и чѣмъ выше начальническая сфера, тѣмъ больше ихъ туда просѣется, потому что вѣдь они именно по природѣ своей больше всѣхъ туда и стремятся. А кто куда больше стремится, тотъ туда, естественно, больше и попадаетъ. Правда, они хитры, у нихъ, можетъ-быть, очень привѣтливая и любезная внѣшность, и на словахъ всѣ они будутъ очень хорошіе люди, но пусть кто-нибудь утопаетъ въ Невѣ передъ изъ глазами, и никто изъ нихъ, навѣрное, не бросится въ воду спасать его, хотя бы и хорошо плавалъ, а будетъ только командовать другими, чтобы они бросались. Такъ и въ театрѣ, если тамъ загорится, всѣ они вмигъ позабудутъ своихъ женъ и невѣстъ и начнутъ скакать къ выходу черезъ ихъ головы.

— Боже мой!—опомнился я,—и зачѣмъ это я думаю о такомъ скверномъ предметѣ въ эту чудную ночь, на глазахъ у луны и звѣздъ! Лучше буду мечтать о чемъ-нибудь необыкновенномъ!

Незамѣтно я заснулъ и проснулся лишь отъ мычанья коровы у самыхъ моихъ яслей на разсвѣтѣ. Все кругомъ было залито голубоватымъ сіяньемъ ранняго утра, а корова, поднявъ къ небу голову, повторила свое мычанье, какъ будто приглашая меня взгля-

нуть на окружающее. Затѣмъ она спокойно повернулась и отошла на середину двора.

И я дѣйствительно не былъ ей неблагодаренъ за такое вниманіе. Вѣдь мы, цивилизованные люди и полуночники, такъ рѣдко имѣемъ случай наслаждаться дивной красотой разсвѣта, когда голубой полумракъ, постепенно блѣднѣя, переходитъ, наконецъ, въ волшебно-алое сіяніе утренней зари, зажигающей, какъ брильянтъ, каждую росинку, а потомъ вдругъ брызнутъ яркіе лучи показавшагося солнца и зальютъ всю природу своимъ золотистымъ свѣтомъ. И все это видѣлъ теперь я, благодаря добротѣ разбудившей меня во-время коровы!

Я услышалъ и утреннее пѣніе жаворонка, и щебетанье пролетавшихъ ласточекъ, звонкое чириканье собравшихся воробьевъ, всѣ утренніе чарующіе звуки пробуждавшейся жизни. Вотъ къ нимъ присоединился вдали и звонкій голосъ тоже проснувшейся вчерашней пѣвуньи дѣвочки, раздалась свирѣль деревенскаго пастуха, и оба человѣческихъ звуки, казалось, составили одно нераздѣльное цѣлое со звуками окружающей природы.

Да, хороша была эта ночь въ деревнѣ, несмотря на неудачу моей главной цѣли — распространенія революціонныхъ книжекъ!

Но вскорѣ мнѣ и это удалось немного направить. Заскрипѣла дверь хаты, и на порогѣ показался одинъ изъ сыновей хозяина. Онъ зѣвнулъ два раза на порогѣ, пошелъ подъ навѣсъ, пошевелилъ сбруей и подошелъ къ моимъ яслямъ.

— Что ужъ, не спишь? — сказалъ онъ мнѣ. — Ничего тебѣ тутъ было?

— Хорошо! — отвѣчаю. — А ты теперь куда?

— Да вотъ надо закусить, да и на работу. Вставай и ты.

— Неужели у васъ въ деревнѣ нѣтъ ни одного грамотнаго? — спросилъ я вставая. — У меня есть хорошія книжки, и я далъ бы даромъ.

— Нѣтъ! Изъ большихъ никого! А изъ дѣтей ужъ нѣсколько человѣкъ учатся въ господской школѣ.

— Въ какой господской школѣ?

— Да за селомъ въ усадьбѣ молодая барыня выстроила.

— Что же она, барыня, ничего себѣ?

— Ничего, лѣчитъ даромъ. Вотъ и мнѣ дала пластырь на руку, порѣзалъ косой.

— Вѣрно, тоже изъ сочувствующихъ намъ! — подумалъ я. — Вѣдь наши враги не станутъ строить школъ.

И мелькнувшая мысль передать книжки учащимся дѣтямъ осталась не осуществленной. Она сама, — подумалъ я, — сдѣлаетъ это лучше меня.

— А другіе господа у васъ тоже ничего?

— Всякіе есть, а лучше бы и не было совсѣмъ. Изъ-за нихъ тутъ сколько народу передрали послѣ освобожденія.

— Да вѣдь начальство драло?

— Всѣ они — одна шайка! — и собесѣдникъ мой мрачно нахмурилъ брови.

— Вотъ тебѣ и патріархальность! — подумалъ я.—Подъ ней, очевидно, что-то кипитъ.

— А вотъ ты говорилъ вчера, — прибавилъ онъ, — что въ городахъ хотятъ перестроить жизнь по-новому. Много ихъ?

— Да порядочно.

— А самъ ты не изъ ихнихъ?

— Изъ ихнихъ.

— Такъ скажи имъ, что у насъ многіе ихъ поддержатъ, если увидятъ, что у нихъ сила.

— Хорошо, скажу! А пока вотъ тебѣ нѣсколько ихнихъ книжекъ. Раздай тѣмъ, кто грамотный, и пусть почитаютъ и тебѣ Узнаешь, чего они хотятъ, только не показывай начальству.

И я отдалъ ему нѣсколько штукъ изъ своего мѣшка. Онъ отошелъ и спряталъ въ сѣнѣ.

Вышелъ старикъ-дѣдъ и, справившись о моемъ снѣ, пригласилъ меня въ хату закусывать.

Теперь я былъ въ полномъ восторгѣ! Значитъ, до нѣкоторой степени осуществлена и цѣль моего путешествія! Чуть не прыгая отъ радости, вышелъ я черезъ полчаса изъ этой деревни въ дальнѣйшій путь на ту же самую, безконечно большую дорогу. Всѣ мои вчерашнія мрачныя мысли о неподготовленности крестьянъ исчезли изъ души: вѣдь такъ хотѣлось вѣрить, что народъ откликнется на нашъ призывъ! Мнѣ уже мечтался здѣсь маленькій деревенскій центръ огромной сѣти подготовительной работы для всеобщаго освобожденія народа. Я записалъ своимъ, только мнѣ одному понятнымъ способомъ, имя своего собесѣдника на дворѣ, и названіе деревни, отмѣтилъ, что тамъ есть популярная въ народѣ помѣщица, съ которой было бы желательно войти въ сношенія. Способъ моей записи заключался въ томъ, что я всѣ слова дѣлилъ пополамъ, заднюю ихъ половину ставилъ впереди, а переднюю сзади и дополнялъ обѣ половины какими-либо буквами. Такъ изъ деревни Коптево выходило тево'копъ, а потомъ окончательно и стеволъ'копаю. Зная, что надо начинать со средины и брать только первый слогъ, а потомъ читать вначалѣ безъ первой буквы, я легко разбирался въ написанномъ и не говорилъ своего способа ни одной живой душѣ, такъ какъ разсуждалъ: если я самъ не сумѣю удержать своего собственнаго секрета, то какое же право буду имѣть требовать, чтобы его хранили другіе, для которыхъ онъ — уже разболтанный секретъ, разъ я самъ его выболталъ? И кого другого я буду обвинять въ болтливости, если вдругъ окажется, что всѣ его кру-

гомъ знаютъ? — Только самого себя, перваго нарушителя, а вѣдь то, что я записываю, касается не меня!

Благодаря этой моей осторожности, ни одна изъ моихъ записныхъ книжекъ, захваченныхъ здѣсь или тамъ, не была разобрана!

ГЛАВА X.

На цыгарки!

Вдали показалась новая большая деревня, и при самомъ ея входѣ простонародная харчевня, у которой стояли двѣ телѣги.

— Надо испытать и эту народную столовую! — сказалъ я самому себѣ и, войдя въ ея двери, поклонился присутствующимъ, сѣлъ на скамьѣ за небольшимъ деревяннымъ некрашеннымъ столомъ, такъ чтобы мнѣ все было видно внутри. Тамъ сидѣло нѣсколько крестьянъ, одни пили чай, другіе закусывали.

Ко мнѣ сейчасъ же подошла хозяйка, полная женщина съ толстыми, оголенными до локтя руками и круглымъ лоснящимся лицомъ, какъ будто оно было только что смазано саломъ. Она молча встала передо мною.

— Есть что закусить? — спросилъ я.

— Есть шти (*щи*) съ хлѣбомъ — четыре копейки, и солонина пять копеекъ, — лаконически отвѣчала она.

— Такъ дайте на девять копеекъ, — отвѣчаю я.

— Сейчасъ, говоритъ.

И, уйдя въ сосѣднюю комнату, она вынесла мнѣ чашку горячихъ щей, съ нѣсколькими кусочками солонины внутри и большой ломоть чернаго хлѣба.

Солонина была не перваго сорта, но я съ аппетитомъ съѣлъ все и, подойдя къ хозяйкѣ, подалъ ей двугривенный, прося сдачи.

— Сейчасъ! — отвѣчаетъ она, кладя двугривенный въ свой широкій карманъ за фартукомъ.

Я отошелъ и сѣлъ на прежнее мѣсто, прислушиваясь къ разговору крестьянъ. Тамъ обсуждался вопросъ о сапогахъ: они даны были кому-то однимъ изъ присутствовавшихъ на время цѣльными, а возвращены съ дырками. Давшій все возмущался и ругался нецензурно, а присутствовавшіе сочувствовали ему. Прошло четверть часа, а хозяйка все стояла у прилавка и не думала размѣнивать моего двугривеннаго. Наконецъ, я всталъ и снова подошелъ къ ней:

— А что же сдачи?

— Какая еще тебѣ сдача? — отвѣчаетъ она, уставивши обѣ руки въ боки и смотря мнѣ прямо въ глаза.

— А какъ же съ двугривеннаго? — Вѣдь за щи съ солониной девять копеекъ.

— Какъ!!! — завизжала она. — За такія то шти да девять копеекъ! Ахъ ты, безстыжи твои глаза!!! Да ты что же эфто смѣяться надо мной вздумалъ!!! Ахъ ты, бродяга этакой! Да откуда еще ты пришелъ-то сюда! Да у тебя паспортъ то есть ли?

Я въ первую минуту былъ совершенно ошеломленъ ея нахальствомъ. Мнѣ не было жалко лишнихъ одиннадцати копеекъ, но мнѣ хотѣлось провалиться сквозь землю отъ стыда за нее, и я покраснѣлъ, какъ ракъ. Мнѣ никогда не случалось еще встрѣчать ничего подобнаго въ жизни. Замѣтивъ, что я краснѣю, она сейчасъ же заподозрила, что у меня, вѣрно, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ при себѣ паспорта.

— Подавай-ка сюда твой паспортъ!!! Подавай-ка сейчасъ же! — закричала она.

Я опустилъ руку въ карманъ чуйки и вытащилъ паспортъ. Онъ былъ крестьянскій на вымышленное имя и написанъ былъ Кравчинскимъ спеціально для меня передъ моимъ уходомъ въ народъ на полученномъ имъ гдѣ-то чистомъ паспортномъ бланкѣ.

— На что мнѣ твой паспортъ!!! — завизжала хозяйка, вдвое сильнѣе, увидѣвъ, что ошиблась.

Пара ребятишекъ, игравшихъ на улицѣ, прибѣжали къ открытымъ дверямъ харчевни и съ любопытствомъ уставились на меня. Присутствующіе прекратили обсужденіе вопроса о сапогахъ и тоже всѣ глядѣли на насъ.

— Смотрите, смотрите, люди добрые!!! Еще паспортомъ своимъ хотѣлъ меня испугать!!! Развѣ я не видала паспортовъ-то! Ахъ ты...

Дальше я не слышалъ. Я повернулся и, взявъ свой мѣшокъ на лавкѣ, вышелъ изъ корчмы, словно облитый кипяткомъ. Что то горькое поднималось у меня изъ глубины души. Такъ вотъ какіе люди существуютъ на свѣтѣ между остальными хорошими! Какъ же быть съ ними при всеобщемъ братствѣ, при общности съ ними всѣхъ имуществъ? Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобъ эта толстая женщина, съ круглымъ нахальнымъ лицомъ, какъ бы смазаннымъ саломъ, вдругъ какимъ-то волшебствомъ превратилась бы въ святую Цецилію при объявленіи нами всеобщаго братства и общности имуществъ! Значитъ, я былъ правъ, когда возражалъ Алексѣевой, что до полнаго осуществленія нашихъ идеаловъ и водворенья земного рая, о которомъ мы мечтали, должно пройти немало поколѣній, пока человѣчество не перевоспитается. Вотъ я хожу теперь въ народѣ, съ котомкой за плечами, какъ одинъ изъ его собственныхъ братьевъ, и въ первые же два дня пути встрѣтилъ два очень отрицательныхъ типа: іерусалимскаго паломника въ скуфейкѣ и эту женщину. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ все, что можно сдѣлать для современнаго поколѣнія, это осуществить то, что есть уже во многихъ иностранныхъ государствахъ, т.-е. демократическую республику или «буржуазную»,

какъ они ее презрительно называютъ? У меня на душѣ было такъ горько и обидно за человѣчество, что я нѣкоторое время не замѣчалъ ни красоты разстилавшихся передо мной полей, ни пѣнья жаворонковъ вверху. Скрипъ телѣги сзади вывелъ меня изъ раздумья. Мимо меня проѣхала рысцой сначала одна телѣга, а затѣмъ и другая.

— Садись, подвеземъ! — весело обратился ко мнѣ, останавливая лошадь, одинъ изъ двухъ, сидѣвшихъ тамъ и уже знакомыхъ мнѣ по корчмѣ, крестьянъ, тотъ самый, которому возвратили сапоги съ дыркой вмѣсто цѣльныхъ. — Садись, подвеземъ! — повторилъ онъ.

Я сѣлъ въ тряскую телѣгу на свой снятый съ плечъ мѣшокъ, и мы поѣхали.

— А-ахъ! стерва баба! Какъ она на тебя наскочила! — сказалъ онъ не только безо всякаго негодованья въ голосѣ, но какъ бы даже съ оттѣнкомъ похвалы и съ широкой улыбкой на лицѣ: вотъ, молъ, ловкая женщина, съ такой женой не пропадешь!

— Да! — говорю. — Я такихъ еще и не видалъ.

— Ну, поживешь, увидишь и почище! — сказалъ онъ. — Сколько тебѣ лѣтъ-то?

— Двадцать! — сказалъ я, прибавивъ лишній годъ для большей важности.

— А куда идешь?

— Въ Воронежъ.

— Зачѣмъ?

— Помолиться святымъ угодникамъ, — отвѣчаю, такъ какъ передъ самымъ приходомъ въ корчму рѣшилъ, что буду каждый разъ являться въ новой роли, чтобъ наблюдать отношеніе крестьянъ къ каждой профессіи.

— Хорошее дѣло! — поощрительно сказалъ онъ. — Помолись и за насъ, грѣшныхъ.

— А вы сами куда?

— Да верстъ за десять отсюда, дѣлить землю. Прикупили насъ восемь человѣкъ изъ деревни въ складчину у барина, а теперь хотимъ раздѣлить. Другіе наши ужъ тамъ.

— А зачѣмъ же дѣлить? Вы бы такъ и оставили общую.

— Ты городской, видно? — спросилъ онъ меня вмѣсто отвѣта.

— Изъ Москвы — фабричный.

— Я такъ и думалъ, — замѣтилъ онъ. — А ты запасись-ко самъ землей, тогда и увидишь, какъ хозяйничать на ней всѣмъ вмѣстѣ.

— Да вѣдь земля Божія? Общая? — задалъ я ему хитрый вопросъ, такъ какъ въ средѣ молодежи на всѣ лады повторялось, что простой народъ даже не понимаетъ, какъ это земля, которую создалъ Богъ для всѣхъ, можетъ быть въ частной собственности

— Божія тамъ, гдѣ никто не живетъ, — философски замѣтилъ онъ. — А гдѣ люди, тамъ она человѣческая.

Противъ этого я не нашелъ возраженія. Но мнѣ въ первый разъ пришла въ голову мысль: вотъ крестьяне и у насъ, въ Ярославской губерніи, сложившись по нѣскольку вмѣстѣ, а то и цѣлой деревней, прикупаютъ себѣ земли у помѣщиковъ. И у отца моего купили нѣсколько пустошей, и у сосѣдей, какъ я не разъ слышалъ, но они никогда не присоединяли ихъ къ общинѣ, а всегда дѣлили, какъ свое личное добро, и даже раньше, чѣмъ купить, уже уславливались, какой участокъ кому достанется. Значитъ, всѣ такіе прикупившіе крестьяне въ глубинѣ души предпочитаютъ свою частную собственной общинной. Иначе они, конечно, сейчасъ же присоединяли бы прикупленные участки къ общинѣ. А объ этомъ я еще ни разу не читалъ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Вѣдь видятъ же они, что община справедливѣе, что при частной собственности и наслѣдственной передачѣ среди ихъ внуковъ непремѣнно разовьется пролетаріатъ?

— Да вѣдь и человѣческая земля можетъ быть общей, — отвѣтилъ я ему. Вѣдь вотъ и въ общинѣ общественная же.

— И простота же ты, человѣкъ! — отвѣчалъ онъ. — Своя-то выгоднѣе, да и спору меньше.

— Итакъ, вотъ рѣшенье вопроса!—мелькнула у меня мысль.— Гдѣ сталкиваются между собою своя личная выгода и справедливость, тамъ даже и въ простомъ народѣ выгода часто беретъ верхъ. И при томъ выгода близорукая, только для даннаго момента, а не для будущаго. Хорошо, что я пошелъ въ возникшее теперь революціонное движеніе не потому, что считалъ крестьянъ идеальными людьми, а исключительно для водворенья гражданской свободы и великихъ республиканскихъ идеаловъ, въ которыхъ вижу единственное средство для дальнѣйшаго развитія человѣчества. Иначе теперь я сильно разочаровался бы, и жизнь моя была бы разбита. Какъ-то переживутъ это другіе, пошедшіе въ народъ, если они встрѣтятъ его такимъ же, какъ я въ Ярославской губерніи и здѣсь въ эти первые дни, совершенно неподготовленнаго къ жизни на соціалистическихъ или анархическихъ началахъ?

Я еще не вполнѣ сознавалъ тогда, что въ корнѣ начавшагося движенія лежало вовсе не простое ошибочное представленіе о необычныхъ совершенствахъ простого народа, а другая глубокая и реальная причина: общественное сознанье въ то время уже переросло стѣснявшія его мысль и дѣятельность, какъ желѣзнымъ обручемъ, деспотическія формы правленія, и смѣлая, честная молодежь рвалась, какъ и я, разорвать именно ихъ подъ своимъ идеалистическимъ знаменемъ... Да кромѣ того, за все общее разочарованье и дальнѣйшій мертвый застой нашей общественной

мысли мнѣ нечего было опасаться, такъ какъ сама администрація, какъ увидимъ далѣе, безсознательно, но усердно, старалась въ это время, чтобъ оно не затихло.

— А что же, помѣщикъ хорошія деньги съ васъ взялъ за землю?—спросилъ я своего компаніона, чтобъ возобновить разговоръ.

Крестьянинъ засмѣялся и махнулъ комически рукой:

— Да мы бы ему и вдвое дали, если бъ не видѣли, что все равно онъ ее не удержитъ!

— Почему не удержитъ?

— Да вишь ты, послѣ того, какъ умеръ въ Питерѣ его отецъ, онъ ужъ больно широко развернулся. Пріѣхалъ въ усадьбу, давай все перестраивать, такія палаты сдѣлалъ, что и въ Питерѣ не увидишь. Потомъ жену модную привелъ... фу-ты, ну-ты! Гостей кажинный день наѣзжало, и жили у него по недѣлямъ, лѣтъ пять подъ рядъ. А онъ-то всѣмъ старался показать, что у него денегъ— куры не клюютъ, швыряетъ и туда и сюда. И мы тоже ходили къ нему: дай, баринъ, двадцать пять рублей, отдадимъ къ осени! Кто поумнѣе, много набрали: выбирали время, когда идетъ куда съ пріѣзжими барынями. Тутъ-то къ нему, какъ будто невзначай, подойдешь, а ему конфузно барынь. Такъ и дастъ.

— И скоро прогорѣлъ?

— Скоро! Теперь продаетъ, кому лѣсъ, кому землю, да все равно не выпутаться ему изъ долговъ. Ужъ больно куролесилъ.

— А вотъ, — замѣтилъ я, — въ народѣ говорятъ, будто барскія земли отдадутъ въ общину. Вѣдь тогда и ваши прикупныя могутъ отдать?

— Развѣ можно! То барскія земли, а то наши, крестьянскія. Нашихъ нельзя отбирать.

Чувствовалось, что баринъ въ понятіи этого крестьянина совсѣмъ какъ бы и не человѣкъ, и я вполнѣ понималъ его точку зрѣнія. Помѣстные дворяне, считая себя по рожденію выше крестьянъ, смотрѣли на нихъ сверху внизъ. Они не роднились съ ними, ихъ дочери только разсмѣялись бы, если бъ самый лучшій изъ молодыхъ крестьянъ сдѣлалъ одной изъ нихъ предложеніе, ихъ сыновья пользовались крестьянскими дѣвушками лишь для эфемерныхъ развлеченій и затѣмъ безъ сожалѣнья бросали ихъ съ разбитыми сердцами. На крестьянъ они смотрѣли самодовольно, какъ на простыхъ рабочихъ животныхъ. Но воображаемая «низшая» раса не соглашалась считать себя такой и начинала сама смотрѣть на дворянъ вообще, какъ на шальную, тоже «низшую», ни на что не годную и притомъ лишенную всякихъ человѣческихъ чувствъ зазнавшуюся расу, совершенно такъ же, какъ среднія сословія презрительно относятся въ глубинѣ души къ «верхнимъ слоямъ» аристократіи, относящимся къ нимъ также, какъ помѣстное дворянство къ крестьянамъ. Все, что инстинктивно цѣнило кресть-

янство въ помѣщикахъ, въ чемъ не могло не считать ихъ выше себя, это былъ уровень образованья, хотя полнаго объема этого различія оно и не могло себѣ представить, будучи въ то время, которое я описываю, почти поголовно безграмотнымъ.

ГЛАВА XI.

Ночь въ степи подъ телѣгой.

Передняя телѣга, ѣхавшая все время передъ нами, свернула съ большой дороги на проселочную. Возница, все время жевавшій соломинку, сидя бокомъ къ намъ на облучкѣ телѣги и мало принимавшій участія въ нашемъ разговорѣ, выплюнулъ соломинку и обратился ко мнѣ.

— Ну вотъ намъ надо сворачивать къ нашей землѣ, а тебѣ въ Воронежъ итти надо далѣе по столбовой. А можетъ, хочешь взглянуть на нашу покупку? Тутъ недалеко.

— Да поѣдемъ-ко! посмотришь!—прибавилъ и мой словоохотливый собесѣдникъ.—Вѣдь тебѣ некуда торопиться, воронежскіе угодники тебя подождутъ, не убѣгутъ.

Было видно, что имъ очень хотѣлось похвастаться передо мною своимъ пріобрѣтеніемъ.

— Поѣдемте! — сказалъ я, очень довольный этимъ предложеніемъ.

Проѣхавъ версты три проселочной дорогой, вьющейся среди двухъ стѣнъ колосьевъ, склонившихся по обѣ стороны, мы выѣхали въ дубовый лѣсокъ къ рѣчной долинѣ. Тамъ на берегу сидѣло уже нѣсколько человѣкъ крестьянъ — украинскаго типа, босыхъ, усатыхъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и штанахъ. Два чугунныхъ котелка на треножникахъ изъ палокъ висѣли надъ тощими костерками изъ прутьевъ. Въ одномъ дымилась похлебка, въ другомъ каша.

— Пообѣдай сначала съ нами, — сказалъ мнѣ мой прежній сосѣдъ въ телѣгѣ, очевидно, самый вліятельный въ компаніи и принялся разсказывать всѣмъ со смѣхомъ, какъ меня отдѣлала корчмарка, а они меня потомъ догнали и подвезли.

Всѣ остальные весело смѣялись, приговаривая:

— Отъ баба!

И я тоже смѣялся, такъ какъ изображать какого-то Угрюма-Нсѣлова было неудобно, да и чувство прежней горечи за свои поруганные идеалы совершенно прошло во мнѣ. Я понималъ, что подобныя «отъ бабы» неизбѣжно будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока встрѣчаютъ такое благодушное отношеніе къ себѣ въ своей средѣ.

Поѣвъ похлебки и каши съ подсолнечнымъ масломъ изъ снятыхъ съ огня котловъ, мы всѣ отправились на купленное ими

поле, и я, какъ единственный, умѣющій писать, принялъ дѣятельное участіе въ его домашнемъ размежеваніи, записывая отсчитанное нами на лоскуткѣ бумаги и вбивая въ землю тычки и колышки.

Такъ прошло до вечера. Огненная полоса вечерней зари широко разлилась надъ степью по всему сѣверо-западу, а на востокѣ ясно и отчетливо зарисовался на небѣ темно-фіолетовый вечерній сегментъ земного шара, на голубой завѣсѣ разстилающейся вверху ея атмосферы.

Мы выкупались вечеромъ въ теплой водѣ тихой рѣчки, при чемъ меня поразило, что ни одинъ изъ этихъ степныхъ людей не умѣетъ плавать, но потомъ я понялъ, что это по причинѣ рѣдкости у нихъ большихъ озеръ и рѣкъ. Окончательно подружившись со всѣми, я завелъ опять, у вечерняго костра, свой обычный разговоръ о томъ, что въ чужихъ странахъ, за морями, люди управляются сами собой, и что у насъ, въ Россіи, появились въ столицахъ люди, желающіе того же, и предложилъ имъ изъ своего мѣшка нѣсколько экземпляровъ «Сказки о четырехъ братьяхъ», гдѣ говорится объ этомъ.

— Вотъ почитай!—и я подалъ ближайшему первую книжку.

— Спасибо,—сказалъ онъ, отказываясь,—не надо, я не умѣю читать!

— Бери, коли даютъ! — сказалъ ему мой прежній собесѣдникъ, — видишь, бумага-то какая чистая! На цыгарки нѣтъ лучше! Дай и мнѣ парочку, — обратился онъ ко мнѣ, протягивая руку.

— Что ты! Развѣ можно такія хорошія книжки рвать на цыгарки! — возразилъ я возмущенный. — На цыгарки не дамъ ни одной!

— Ну дай! — сказалъ онъ умильно. — Сынишкѣ отдамъ, онъ у меня грамотный, прочитаетъ, и я послушаю.

Я далъ ему съ великимъ сомнѣньемъ въ душѣ, такъ какъ видѣлъ, что онъ хитръ. Я не былъ увѣренъ вполнѣ, что правильно поступаю, но отказывать было неудобно.

Такъ прошелъ весь вечеръ у костровъ... Спустившаяся незамѣтно ночь взглянула на насъ милліонами своихъ глазъ. Невысоко стоящая луна протянула отъ деревьевъ черныя длинныя тѣни, и дубовый лѣсъ слился въ одну сплошную стѣну за нами.

— Будемъ спать! Полѣзай подъ мою телѣгу! — сказалъ мнѣ мой главный спутникъ, и я сейчасъ же исполнилъ его желанье. Я влѣзъ подъ его телѣгу и улегся на теплую землю, положивъ подъ голову свой мѣшокъ.

Я не усталъ и даже не желалъ спать, но мнѣ хотѣлось немного сосредоточиться. Меня сильно затронуло простодушное

объясненіе крестьянина, почему они предпочитаютъ раздѣлить купленную землю. «Своя-то выгоднѣе!» звучали у меня въ ушахъ его слова.

Если такъ разсуждать,—думалъ я,—то въ каждый историческій моментъ беретъ верхъ та форма пользованья землей, при которой земля становится въ среднемъ болѣе продуктивна. Не заключается ли въ этомъ какая-то высшая справедливость, ведущая человѣчество къ вѣчному усовершенствованью, какъ борьба за существованіе вызываетъ эволюцію животнаго міра по Дарвину?.

Я вспомнилъ, что мой любимый Дарвинъ былъ не популяренъ среди моихъ новыхъ знакомыхъ именно за открытіе этой борьбы за существованіе. Но если она есть и если она—вѣрное открытіе,—думалъ я,—то какъ же можно за него порицать человѣка? И кромѣ того, Дарвинъ вѣдь говорилъ, что эта же самая борьба за существованіе приводитъ къ образованью стада индивидуумовъ, гдѣ развивается въ каждомъ индивидуумѣ способность жертвовать собой для спасенья стада. Вѣдь Дарвинъ же говоритъ, что борьба за существованіе есть борьба за сохраненіе и совершенствованье всего своего *вида*, а не борьба со своимъ видомъ для индивидуальныхъ выгодъ, которыя и привели бы видъ къ гибели! Значитъ, Дарвинъ вовсе не говоритъ намъ: боритесь между собою, это — законъ природы! а говоритъ: боритесь за дальнѣйшее существованіе и благо всего человѣчества съ враждебными ему условіями. А это то самое, что дѣлаю и я теперь, идя въ народъ и желая осуществленія республики на всей землѣ. А что же касается до того, въ какой формѣ будетъ осуществлено крестьянами землевладѣнье, то, какъ справедливо и говорили уже мнѣ Кравчинскій и Алексѣева, намъ, пока мы не земледѣльцы, не слѣдуетъ въ это мѣшаться. Пусть устроятъ это тѣ, кто сами обрабатываютъ свои поля.

Эта мысль меня успокоила и потомъ такъ сильно пропитала меня, можно сказать, насквозь, что въ то время, какъ всѣ остальные изъ моихъ литературно-активныхъ товарищей посвящали вопросамъ землевладѣнья цѣлые ряды статей и рѣчей на большихъ собраніяхъ, я не обмолвился объ этомъ вопросѣ ни однимъ словомъ и не написалъ о немъ ни одной строки ни въ «Землѣ и Волѣ», ни въ «Народной Волѣ». Я всегда слушалъ съ интересомъ такіе дебаты, читалъ статьи объ этомъ, но вопросъ такъ и оставался для меня «предоставленнымъ на рѣшеніе самимъ земледѣльцамъ».

Если при настоящемъ моральномъ развитіи крестьянства,— думалъ я, — когда требованья личной выгоды берутъ у большинства верхъ надъ требованіями общей справедливости, *своя собственная земля* вызываетъ больше заботы и потому даетъ больше хлѣба, чѣмъ общественная, то земледѣльческій классъ рано или поздно фатально, неизбѣжно перейдетъ къ этому роду землевладѣнья.

При немъ оно будетъ жить зажиточнѣе и потому будетъ имѣть болѣе времени посвящать своему духовному развитію. А высшее духовное развитіе заставитъ его въ слѣдующихъ поколѣньяхъ цѣнить общее благо выше своего собственнаго и тогда осуществится, сдѣлавшись болѣе выгоднымъ, и оставаясь въ то же время и болѣе справедливымъ, и общее землепользованье вмѣстѣ со всѣми великодушными идеалами соціалистовъ.

— Значитъ, не столько психика человѣка вырабатывается общественными формами, какъ разъ выразился Кравчинскій, — думалось и мнѣ въ тотъ вечеръ въ степи подъ телѣгой,—сколько, наоборотъ, она сама вырабатываетъ наиболѣе выгодныя для даннаго поколѣнія людей формы общественной жизни... Или обѣ взаимно вліяютъ другъ на друга? Это всего вѣрнѣе...

Повысившійся тембръ разговора подъ сосѣдней телѣгой вдругъ отвлекъ мое вниманіе отъ этихъ мыслей.

— Я далъ ему мои сапоги итти въ городъ безъ дырки, а онъ возвратилъ мнѣ ихъ съ дыркой! — опять горько жаловался тамъ мой пріятель своему новому собесѣднику, и въ голосѣ его кипѣло неподдѣльное негодованіе.

А между тѣмъ,—пришло мнѣ въ голову,—когда корчмарка не отдала мнѣ сдачи при немъ съ моего двугривеннаго, онъ первый же смѣялся этому. Такъ первобытная мораль всегда одна и та же! И мнѣ вспомнился когда-то и гдѣ-то прочитанный мною разсказъ... Англійскій миссіонеръ въ Африкѣ спросилъ тамошняго дитю природы, первобытнаго негра, укравшаго у него одинъ сапогъ:

— Развѣ хорошо воровать?

— Хорошо, если я самъ сворую, — отвѣчалъ тотъ, подумавъ,— и нехорошо, если сворують у меня!

Но какъ же изъ этой первой морали выработалась наша новая? — продолжалъ я размышлять. — Вѣрно, сначала путемъ битья за воровство она была переведена въ новую форму: «Хорошо своровать, если не поймаютъ, но нехорошо, если поймаютъ и побьютъ!» Какъ многіе теперь еще и у насъ стоятъ на этомъ уровнѣ! Только въ послѣдній историческій періодъ, когда развивавшаяся душа новаго человѣка охватила въ себѣ весь человѣческій родъ, онъ потерялъ желаніе воровать, потому что любитъ всѣхъ, и одна мысль о воровствѣ ему отвратительна. Ему стало стыдно за такую мысль—уже не мнѣнья о себѣ другихъ, а мнѣнья самого себя.

Я взглянулъ на толстыя колеса по ту и другую сторону отъ моей головы, и еще не испытанное никогда ощущеніе человѣка, спящаго подъ телѣгой въ степной равнинѣ, охватило меня своей оригинальностью. Вѣдь весь міръ представляется намъ въ томъ или другомъ видѣ, судя по точкѣ зрѣнія, съ которой мы на него смотримъ. Я часто, напримѣръ, закидывалъ свои колѣни за крѣпкій сукъ дерева или за палку трапеціи и, вися вверхъ ногами,

созерцалъ окружающій меня ландшафтъ. Какъ не похожъ казался онъ мнѣ на обычный съ этой новой точки зрѣнія!

А теперь изъ-подъ телѣги міръ казался мнѣ еще своеобразнѣй. Сквозь спицы колеса смотрѣла на меня съ неба желтоватая, ярко мерцающая звѣзда—уже заходящій Арктуръ. А кругомъ меня — и за колесами и подъ самыми колесами тихо качались, подъ блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, длинные тонкіе колоски луговой травы... Душистый лугъ тянулся куда-то въ безбрежность, весь облитый серебристымъ сіяніемъ. Огни двухъ нашихъ костровъ, горѣвшихъ невдалекѣ, уже потухли, и около красноватыхъ дотлѣвающихъ углей лежали пластами мои товарищи по ночлегу. Казалось, что ихъ фигуры плотно-плотно прилегли къ груди ихъ кормилицы земли и составляли неотъемлемую часть ея огромной поверхности, какъ и окружающіе ихъ луговые цвѣты и травы.

Вотъ,—мечталось мнѣ,—внизу подъ нами, на разстояніи немногимъ болѣе того, которое могла бы достать моя рука, кончается уже органическая жизнь земли, и идутъ на невообразимо громадное разстояніе, до самой Новой Зеландіи и Австраліи, надо мною невѣдомыя никому наслоенія внутренности земного шара. Было бы хорошо, если бъ, надѣвъ какія-нибудь волшебныя очки, я могъ увидѣть тамъ внизу ихъ очертанія, а за ними никогда не виданныя мною удивительныя Магеллановы Облака и созвѣздія южнаго неба! Я повернулся лицомъ внизъ и, стараясь глядѣть сквозь землю, представлялъ, что вижу тамъ все это. И воображенье рисовало мнѣ, что еще ближе, чѣмъ Австралія и созвѣздіе Южный Крестъ за нею, я вижу подъ собой ряды хрустально прозрачныхъ земныхъ наслоеній, въ которыхъ повсюду заключены окаменѣвшіе остатки прежней жизни. И мысль подсказывала мнѣ, какъ органическая жизнь поднималась вмѣстѣ съ этими наслоеніями, вездѣ оставляя свои прошлые слѣды, но всегда, какъ и теперь, покрывала лишь очень тонкой пленкой одну поверхность земного шара....

Это было поэтическое начало одной изъ сотенъ книгъ, которыя такимъ же образомъ складывались тогда въ моемъ воображеніи, вѣчно работавшемъ и во снѣ и на яву,—книгъ, которыхъ мнѣ никогда не суждено было написать, потому что всегубящій абсолютизмъ уже раскрывалъ надо мною свои черные когти, и въ эту самую ночь, когда я лежалъ въ степи подъ телѣгой и пытался глядѣть сквозь земной шаръ на южныя созвѣздія, меня разыскивали его слуги по всей Россіи, какъ одного изъ опаснѣйшихъ для него людей.

Взошедшее солнце радостно улыбалось всей природѣ, когда я проснулся послѣ этой второй ночи своихъ «странствованій въ народѣ», разбуженный говоромъ моихъ компаньоновъ. Они уже развели огонь, и котелокъ снова дымился надъ нимъ на своемъ треножникѣ изъ палокъ.

— Вставай! Закуси съ нами, а потомъ и въ путь. Довеземъ назадъ до большой дороги! — обратился ко мнѣ одинъ изъ крестьянъ, увидѣвъ, что я приподнялся на локтяхъ подъ телѣгой и смотрю на нихъ.

Мой вчерашній пріятель, сидя на корточкахъ у котелка, мѣшалъ его содержимое ложкой и курилъ цыгарку, свитую изъ бумажки розоваго цвѣта, совершенно такой же, какая была на выпрошенной имъ у меня «для маленькаго сынишки» «Сказкѣ о четырехъ братьяхъ».

— Ты ужъ изорвалъ мою книжку—укоризненно говорю я ему, полный сожалѣнія за то, что вчера далъ ее.

— Да ужъ прости, родной! — отвѣтилъ онъ добродушно.— Больно покурить захотѣлось, а бумага-то такая чистая, хорошая..

Итакъ, вѣрно! Это она! Можете себѣ представить мое горе! Сколько честныхъ хорошихъ людей идутъ на гибель и уже гибли, чтобы внести, въ видѣ такихъ книжекъ, свѣтъ въ темное сознанье этихъ людей, а книжки ихъ идутъ на цыгарки! Я такъ дорожилъ каждымъ экземпляромъ нелегальной литературы, такъ оберегалъ ее, какъ святыню, всегда помня и живо чувствуя, при какихъ опасныхъ для людей условіяхъ приходится хранить ее и доставлять народу, что совершенно не могъ себѣ простить легкомыслія, съ которымъ я отдалъ ему вчера эту книжку, уже предчувствуя, что онъ такъ поступитъ съ нею. Я упрекалъ не его, а себя, и чувствовалъ себя страшно виноватымъ передъ своими друзьями.

— Дальше буду осторожнѣе! — рѣшилъ я, присаживаясь къ ихъ костру.

Потомъ они меня довезли до прежняго мѣста на большой дорогѣ.

— Ты теперь, значитъ, прямо къ святымъ угодникамъ? — спросилъ меня мой спутникъ, когда всѣ телѣги остановились.

— Прямо въ Воронежъ къ угодникамъ! — говорю.

Онъ вынулъ изъ кармана свою мошну и, вытащивъ изъ нея двѣ копейки, сказалъ:

— Такъ поставь свѣчку и за меня, грѣшнаго!

— И за меня! И за меня! — поддержали его другіе крестьяне, протягивая мнѣ, кто копейку, кто двѣ.

Какъ мнѣ тутъ было поступить? Я принялъ деньги отъ всѣхъ и зашагалъ далѣе, думая про себя:

— Бѣдные вы, добрые, простые люди! Я поступлю лучше, чѣмъ вы хотите! Эти собранныя отъ васъ, въ потѣ лица добытыя вами деньги, я употреблю на лучшее дѣло, — на ваше умственное и гражданское освобожденіе! Я отдамъ ихъ на дальнѣйшее изданіе такихъ же книжекъ, какую вы безсознательно выкурили, и да принесетъ она пользу хоть вашимъ дѣтямъ, которыя уже будутъ читать!

И я свято исполнилъ это. Я завернулъ полученныя отъ нихъ деньги въ особую бумажку и при возвращенiи въ Москву передалъ ихъ Кравчинскому, съ просьбой присоединить къ тѣмъ, которыя будутъ въ слѣдующiй разъ отправляться за границу на изданье народныхъ книгъ. И онъ исполнилъ это, хотя данныхъ мнѣ здѣсь денегъ и было всего лишь около пятнадцати копеекъ.

ГЛАВА XII.

Въ избѣ, недоступной для чертей.

Прошли цѣлыя сутки безъ особыхъ приключенiй. Я останавливался по деревнямъ, прося у крестьянъ дать чего-либо поѣсть, и они встрѣчали меня всегда очень гостепрiимно. Мнѣ давали хлѣба или щей, подолгу разспрашивая меня обо мнѣ самомъ и разсказывая мнѣ все попросту о своемъ житьѣ-бытьѣ, а я имъ несъ «добрую вѣсть» о уже существующихъ свободныхъ странахъ и о новыхъ людяхъ, желающихъ то же сдѣлать и у насъ.

Ночь въ этотъ разъ я провелъ одинъ. Мнѣ хотѣлось быть безъ людей, наединѣ съ природой.

Я ушелъ съ дороги въ прилегающее пшеничное поле, предварительно раздвинувъ сверху его колосья, чтобъ они замкнулись за мною снова и не оставили никакого слѣда. Я легъ въ немъ неподалеку отъ дороги въ полной увѣренности, что въ этой густой колосистой чащѣ никому не придетъ въ голову бродить и никто не наткнется на меня. Я чувствовалъ себя здѣсь какъ будто кочующимъ степнымъ звѣрькомъ, и это мнѣ нравилось.

Вотъ,—думалось мнѣ,—такъ я поступлю, когда, во время партизанской войны за освобожденiе, за мною будетъ близкая погоня, и, кромѣ того, я придумаю еще и другiе способы скрываться. Мечтательность снова разыгралась у меня, и, лежа между колосьевъ ржи, я вообразилъ себѣ, что враги народа гоняются за мной уже не здѣсь, а далеко по вологодскому лѣсу. Вотъ меня уже окружили со всѣхъ сторонъ, болѣе нѣтъ спасенья, передо мной лишь огромное непроходимое болото съ кочками кое-гдѣ. Я срываю руками одну изъ кочекъ, надѣваю ее себѣ на голову, сажусь въ болото до самой головы, а спускающiеся съ кочки корни и трава закрываютъ мое лицо и затылокъ. Я вижу сквозь промежутки листьевъ, какъ мои враги прибѣжали съ разныхъ сторонъ, мечутся и ищутъ меня повсюду вблизи, но никому и въ голову не приходитъ, что эта кочка въ болотѣ и есть именно я, и, вотъ, они удаляются съ разочарованiемъ!

Но если кочки нигдѣ не будетъ?—подумалось мнѣ.—Если я очутюсь прямо на берегу рѣки?

Тогда я возьму одинъ изъ трубчатыхъ камышей на ея берегу, сяду съ головой въ воду и буду дышать черезъ него или, еще лучше, всегда буду носить при себѣ гуттаперчевую длинную трубку съ поплавкомъ у одного конца, такъ чтобы можно было глубоко-глубоко сидѣть на днѣ рѣки и дышать черезъ эту трубку, второй конецъ которой будетъ плавать надъ водой и, конечно, издали не обратитъ на себя ничьего особеннаго вниманья. Кто догадается?

Я же буду въ состояніи даже ходить по дну съ такой трубкой и осматривать его, тамъ могутъ быть интересныя раковинки и окаменѣлости. Только въ водѣ плохо видно, потому что при переходѣ лучей свѣта изъ воды въ глазъ, они менѣе преломляются, но я устрою выпуклыя очки, и тогда въ водѣ будетъ видно такъ же хорошо, какъ и въ воздухѣ, если она прозрачна, а если съ мутью, то все тамъ будетъ какъ въ туманѣ. Это должно быть очень интересно. Надо непремѣнно сдѣлать такія очки, думалъ я, совершенно позабывая первоначальную нить своей фантазіи,— погоню за мной.

И, кромѣ того, надо сдѣлать еще вязаныя перчатки съ перепонками, какъ у утокъ, чтобы можно было плавать быстро-быстро. Я и безъ того могу плавать сколько угодно, но съ такими перчатками можно дѣлать въ водѣ удивительныя дѣла...

Мало-по-малу мои грезы перешли въ сновидѣнія, а затѣмъ и вновь настало утро. И вновь я пошелъ все далѣе и далѣе по степной безконечной широкой дорогѣ. Умылся въ первой рѣчкѣ, напился изъ нея воды, побывалъ въ ближайшей деревнѣ со своей «благой вѣстью» и огорчался всегда только однимъ, что почти поголовная безграмотность, царившая тогда въ этой мѣстности, помѣшала мнѣ за все время распространить въ народѣ болѣе пяти или шести книжекъ, такъ какъ я слишкомъ дорожилъ ими, чтобъ далѣе раздавать «на цыгарки».

А на слова мои о чужихъ странахъ и новыхъ людяхъ всѣ крестьяне отзывались сочувственно и обѣщали поддерживать «если у нихъ будетъ сила», т.-е. другими словами, «если они сами справятся съ произволомъ».

Приблизилась, наконецъ, и деревня, послужившая мнѣ первоначальнымъ поводомъ итти именно по этимъ мѣстамъ. Тамъ жилъ сочувствующій кузнецъ, по фамиліи, кажется, Орхименко, который,— по словамъ моего товарища Мокрицкаго, жившаго тамъ годъ на урокѣ у мѣстнаго помѣщика,—былъ очень выдающійся и вліятельный человѣкъ среди своихъ односельчанъ, и потому домъ его могъ бы служить однимъ изъ пунктовъ для пріюта моихъ товарищей, когда ихъ будетъ такъ много, что вся Россія будетъ покрыта сѣтью такихъ убѣжищъ, извѣстныхъ лишь имъ однимъ.

Деревня эта была въ сторонѣ отъ большой дороги, но по разспросамъ я легко дошелъ до нея по боковой проселочной вѣтви и вошелъ въ указанную мнѣ большую избу сельскаго кузнеца. Тамъ только что приготовлялись полдничать (т.-е. обѣдать). Хозяинъ, почтенный бѣлобородый старикъ, вытиралъ полотенцемъ свои только что вымытыя крѣпкія, смуглыя руки. «Мать» вытаскивала горшки изъ печки, и миловидная шестнадцатилѣтняя дочка помогала ей, держа заслонку отъ печи. Всѣ они, вдругъ остановившись въ тѣхъ позахъ, въ какихъ были, съ любопытствомъ смотрѣли на меня, только что вошедшаго въ двери. Перекрестившись нѣсколько разъ на икону двумя перстами,—такъ какъ я уже зналъ, что хозяинъ сектантъ,—я отвѣсилъ, какъ полагалось по ритуалу тогдашнихъ крестьянскихъ приличій, по поясному поклону на всѣ четыре пустыя стѣны, на которыхъ подъ каждымъ окномъ, надъ дверями и на разныхъ другихъ мѣстахъ были вычерчены мѣломъ кресты.

— Поклонъ тебѣ отъ учителя Александра Александровича изъ Москвы. Помнишь, жилъ весной?—обратился я къ хозяину.

— Помнимъ, помнимъ!—отвѣчалъ за всѣхъ хозяинъ.—Раздѣвайся, гостемъ будешь.

И онъ началъ меня разспрашивать о Мокрицкомъ, къ которому, видимо, питалъ большое уваженіе, а затѣмъ—и обо мнѣ самомъ. Распаковавъ свой дорожный сѣрый мѣшокъ, я вынулъ оттуда припасенные заранѣе подарки: ножницы хозяйкѣ, желѣзные клещи хозяину и узорный ситцевый платочекъ дочкѣ, раздавъ ихъ отъ имени Мокрицкаго каждому по принадлежности, и послѣ этого сразу какъ бы вошелъ въ ихъ семью.

Всѣ пріятно улыбались, разсматривая свои подарки, а дочка даже побѣжала къ небольшому дешевому зеркалу на стѣнѣ около меня, изъ котораго тотчасъ же и выглянуло, какъ въ карикатурѣ, все скошенное и вытянутое неровностями стекла, ея смѣющееся миловидное личико; она быстро начала примѣривать платокъ, явно любуясь собою и съ любопытствомъ поглядывая черезъ свое косое зеркало на меня.

— Покушай съ нами, что Богъ послалъ,—сказалъ хозяинъ.

Мы всѣ перекрестились, сѣли за столъ, и я, какъ гость, опять попалъ въ уголъ подъ образа.

— А что это у тебя, спрашиваю, вездѣ кресты написаны мѣломъ по стѣнамъ?

— Отъ чертей!—равнодушно замѣтилъ онъ.—Чтобъ не лазили попусту въ щели.

— А развѣ лазятъ?

— Вѣстимо, нечисть, гдѣ щель, туда и лѣзетъ. А крестъ имъ слѣпитъ глаза и обжигаетъ, какъ каленымъ желѣзомъ.

И сѣдой кузнецъ съ добродушнымъ видомъ осмотрѣлъ свои произведенія на стѣнахъ, а потомъ прибавилъ:

— Только непристойно говорить объ этомъ за обѣдомъ, а то *«они»* (онъ явно избѣгалъ слова «черти») сейчасъ же сбѣгаются туда, гдѣ услышатъ свое имя, и входятъ съ ѣдой въ человѣка.

Онъ перекрестилъ свой ротъ изъ опасенья, какъ бы кто-нибудь изъ прилетѣвшихъ на нашъ разговоръ нечистыхъ духовъ не вскочилъ въ него вмѣстѣ съ первымъ глоткомъ хлѣба.

Совсѣмъ,—подумалъ я въ восторгѣ отъ этого живого образчика минувшаго взгляда на всю природу,—совсѣмъ, какъ въ моемъ дѣтствѣ, когда няня Татьяна мнѣ объясняла совершенно такъ же урчаніе въ заболѣвшемъ животѣ!

— При обжорствѣ,—говорила она мнѣ,—нечистые духи невидимо вскакиваютъ черезъ ротъ вмѣстѣ съ лишнимъ глоткомъ и начинаютъ тамъ ссориться, драться и гоняться по кишкамъ другъ за другомъ, съ сердитымъ ворчаньемъ, и отъ ихъ возни происходитъ рѣзь въ животѣ. Нечистые духи тамъ сильно размножаются, число ихъ въ нѣсколько часовъ дѣлается легіонъ, какъ сказано въ писаніи. Имъ дѣлается тѣсно, и дѣти начинаютъ гнать вонъ своихъ родителей, а изгоняемые вопятъ, имъ не хочется уходить изъ живота, тамъ имъ хорошо. И потому,—прибавляла она въ нравоученье,—никогда не объѣдайся ни горохомъ въ огородѣ, ни недозрѣлыми яблоками въ саду до Спасова дня, а то вскочатъ съ ними въ горло и нечистые духи.

Но здѣсь, въ этой большой чисто вымытой избѣ, отовсюду защищенной крестами отъ нечисти, намъ нечего было опасаться ея вхожденія. Мы вчетверомъ спокойно продолжали свою трапезу, а я, уже наученный прежнимъ опытомъ, аккуратно клалъ послѣ каждаго глотка свою ложку вверхъ дномъ и не зачерпнулъ куска говядины раньше главы дома. Я теперь чувствовалъ себя не новичкомъ въ мѣстной крестьянской средѣ и сталъ ясно сознавать, что изучать народную душу можно именно только, подходя къ народу въ крестьянскомъ видѣ, только тогда съ тобой нисколько не стѣсняются и говорятъ все, что придетъ на душу.

Начавъ опять свой разговоръ о дальнихъ свободныхъ странахъ и о новыхъ людяхъ, я вдругъ почувствовалъ, что говорю это уже почти машинально, по выработавшемуся практикой образцу, оказавшемуся на опытѣ наилучшимъ. Мнѣ болѣе не приходилось чего-либо придумывать, какъ прежде, тутъ же на мѣстѣ. Готовыя фразы цѣликомъ выходили изъ моего рта, и я удивлялся самъ ихъ легкости. Я уже сталъ походить въ своихъ глазахъ на проповѣдника-профессіонала, который, произнося свои вдохновенныя фразы, передаетъ слушателямъ подъ видомъ настоящаго лишь впечатлѣнія своего прошлаго вдохновенія.

Слышащимъ въ первый разъ кажется, что всѣ его яркіе образы и обороты пришли ему на умъ въ эту самую минуту, и они удивляются силѣ и изворотливости его ума и разносторонности

знанія, а на самомъ дѣлѣ мысль такого профессіонала-проповѣдника летаетъ иногда совсѣмъ вдали отъ того, что онъ теперь говоритъ такъ хорошо, и только по временамъ возвращается къ предмету, чтобы тутъ же создать переходный мостикъ въ видѣ нѣсколькихъ подходящихъ фразъ отъ одного изреченія уже говореннаго имъ когда-то и гдѣ-то къ другому, то же говоренному гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ему остается только сдѣлать изъ всѣхъ говоренныхъ имъ вещей новую мозаику, спеціально подходящую для даннаго случая.

А при моей пропагандѣ въ народѣ мозаика эта оказалась такъ не сложна! Все однѣ и тѣ же не многочисленныя темы: гнетъ и стѣсненія администраціи, поборы духовенства, желательность имѣть побольше земли, отобравъ ее отъ помѣщиковъ, какъ отъ чужой касты, въ изнѣженныхъ и высокомѣрныхъ представителяхъ которой крестьянинъ не видитъ такихъ же людей, какъ онъ самъ!

Я началъ здѣсь разговоръ именно съ помѣщиковъ, такъ какъ уже зналъ отъ своего московскаго друга, что семейство сосѣдняго помѣщика было довольно либеральное и что въ домѣ тамъ были сочиненія и Некрасова, и Тургенева, и Кольцова, и Лермонтова, и Пушкина и получался лучшій изъ тогдашнихъ журналовъ «Отечественныя Записки».

— Вы были помѣщичьи?

— Помѣщичьи.

— А плохо, говорятъ, жилось при крѣпостномъ правѣ?

— Лучше, родной, жилось, чѣмъ теперь! Куда лучше!—быстро отвѣтила мнѣ хозяйка.

Ясно было, что вопросъ мой задѣлъ ихъ за живое.

— Да, въ старину куда лучше было, чѣмъ теперь!—согласился съ нею старикъ.

Дѣвушка, ихъ дочка, очевидно, не помнившая уже крѣпостного права, незамѣтно для нихъ посмотрѣла на меня и улыбнулась, какъ бы говоря: «не обращай вниманья, что говорятъ старики. Мы оба лучше знаемъ, что тогда было хуже, чѣмъ теперь». Но она не возразила родителямъ, она знала, какъ и я, что ей отвѣтили бы: «Ну, что ты можешь понимать, дѣвочка?»

А старики наперерывъ стали жаловаться, какъ все теперь вздорожало, какъ увеличились подати, какъ молодежь стала озорной и знать не хочетъ старшихъ.

— Братъ пошелъ на брата, сынъ на отца, наступили послѣдніе дни, о которыхъ сказано въ писаніи. Уже скоро-скоро будетъ второе пришествіе Христово, и тогда будетъ воздано каждому по дѣламъ его!

Впечатлѣніе, которое я получилъ въ этомъ домѣ, мало вязалось съ тѣмъ, которое вынесъ о немъ рекомендовавшій мнѣ его товарищъ, говорившій о старикѣ, какъ о человѣкѣ очень революціонно-настроен-

номъ. Онъ, казалось мнѣ, просто сектантъ, мысль котораго витаетъ больше въ мірѣ религіозныхъ вопросовъ и суевѣрій, какъ это и съ самаго начала было можно видѣть по мѣловымъ крестамъ на всѣхъ четырехъ стѣнахъ его избы.

Это первое впечатлѣніе, казалось, подтвердилось и вслѣдъ затѣмъ.

Когда мы кончили обѣдъ, я показалъ ему мою литературу. Онъ, повидимому, хорошо читалъ по-церковно-славянски и «разбиралъ», какъ онъ выражался, и «по гражданскому письму». Увидѣвъ названіе «Сказка о четырехъ братьяхъ», онъ замѣтилъ:

— Сказка? Ну, это дѣтское. Намъ, старикамъ, не подходитъ, ты лучше отдай ребятишкамъ.

— Да нѣтъ же!—отвѣчалъ я,—это только названіе такое, а въ ней описывается, какъ живется народу и какъ можно жить лучше.

— Значитъ, какъ бы басня, али притча... понимаю. Только все же какъ бы не увидѣли у меня сосѣди: зазорно будетъ, скажутъ: вотъ старикъ выжилъ изъ ума, сказки началъ читать. Нѣтъ, убери, не надо!—рѣшительно закончилъ онъ.

Я понялъ сразу все. Онъ былъ, какъ мнѣ и говорилъ Мокрицкій ранѣе, вліятельный сектантъ и потому дорожилъ своимъ престижемъ среди единовѣрцевъ.

— Такъ вотъ тебѣ другая книжка. Это ужъ не сказка.

Я далъ ему прокламацію Шишко: «Чтой-то, братцы, плохо живется на Руси?»

Эту онъ охотно взялъ и, прочитавъ одинъ, похвалилъ мнѣ потомъ вечеромъ, и вдругъ неожиданно для меня заговорилъ совсѣмъ дѣльно:

— Вся бѣда, — сказалъ онъ, — отъ темноты народной, да отъ...

— Значитъ, — отвѣтилъ я ему радостно, — если люди, ходящіе по народу, какъ я теперь, будутъ заходить къ тебѣ съ книжками и потомъ, то ты примешь ихъ?

— Пусть приходятъ, приму всѣхъ такихъ, какъ ты, и укрою!— твердо отвѣтилъ старикъ.

Это было совсѣмъ неожиданно для меня и какъ-то не вязалось съ предыдущими его разговорами о концѣ міра. Казалось, въ немъ жили двѣ человѣческія души: одна, глядящая назадъ и мечтающая о мистическихъ предметахъ и о добромъ старомъ времени, миломъ ему потому, что тогда онъ самъ былъ молодъ и жилъ полной жизнью, и другая душа, чередующаяся съ первой и смотрящая на жизнь и на людей такъ, каковы они есть. Входя въ первую, въ мистическую роль, онъ забывалъ о реальномъ; думая о реальномъ, забывалъ о мистическомъ.

— Я ужъ видѣлъ сначала, что ты, значитъ, тоже ходишь не спроста, а посланъ отъ тѣхъ людей, о которыхъ говоришь. Дай вамъ, Господи, сдѣлать все, какъ хотите. А ты кто же самъ-то?

Я не хотѣлъ выходить изъ роли простого человѣка и назвалъ себя мастеровымъ, сыномъ московскаго дворника, ходящимъ вмѣстѣ со многими товарищами по народу, чтобы поднимать его противъ деспотическаго образа правленія. Въ отвѣтъ я получилъ сочувственное предложеніе остаться у него въ домѣ до слѣдующаго дня.

— А нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ деревенской молодежи, на которыхъ можно было бы разсчитывать, когда въ столицахъ поднимутся, чтобы поддержали насъ?

— Что они понимаютъ, молодые-то? Глупый, нестоящій народъ! Ты лучше и не говори съ ними, а то разнесутъ вездѣ. Длинные больно у нихъ языки-то.

Тутъ я впервые обратилъ вниманіе, что и дѣйствительно во все это путешествіе мнѣ, безусому юношѣ, приходилось вести умные разговоры на общественныя темы почти исключительно съ сѣдыми стариками! Взрослая молодежь, если и присутствовала, то только могла слушать, а оставаясь со мной безъ старшихъ, сейчасъ же переводила разговоры на настоящую, а не на будущую жизнь: какія тамъ въ Москвѣ улицы, какіе большіе дома, экипажи и особенно увеселенья и очень ли учтиво надо обращаться съ тамошними людными дѣвушками... А дѣвицы въ деревняхъ, очевидно, старались составить по мнѣ представленье о столичномъ мастеровомъ, явно кажущемся имъ идеаломъ молодого человѣка изъ ихъ среды, въ которомъ чудятся всевозможныя знанья, благородныя чувства и всякія деликатности и совершенства.

— Неужели,—думалось мнѣ,—у безграмотныхъ людей склонность къ отвлеченному мышленію развивается лишь очень поздно, только въ зрѣломъ возрастѣ? Или она у нихъ только пріостанавливается послѣ юности?

И все кругомъ показывало мнѣ, что послѣднее заключеніе, повидимому, вѣрно: старики и дѣти вездѣ больше интересовались моими словами о будущемъ строѣ, чѣмъ взрослая молодежь, главная бѣда которой и здѣсь была та же, что повсюду на моемъ пути: все населеніе было сплошь безграмотно!

Ночевалъ въ этотъ разъ на скамьѣ, у стѣны подъ мѣловыми крестами, и, вѣроятно, потому ни одинъ чертенокъ не появлялся передо мной, кромѣ его хорошенькой дочки, которая на разсвѣтѣ, босая, въ одной рубашкѣ выбѣжала мимо меня въ сѣни изъ своего помѣщенья за печкой и затѣмъ возвратилась обратно, тихонько затворивъ за собой дверь и остановившись на нѣсколько мгновеній посмотрѣть на меня, думая, что я сплю.

— Какія мысли роятся въ этой хорошенькой головкѣ? — думалось мнѣ. — О чемъ она мечтала въ эту ночь? — Не о пришедшемъ ли къ нимъ молодомъ странникѣ, вѣроятно, совсѣмъ непохожемъ на тѣхъ, какихъ она до сихъ поръ видѣла? Или какъ всѣ

деревенскія дѣвушки, она воображаетъ теперь въ своемъ уголкѣ за печкой, что къ нимъ въ деревню пріѣдетъ заморскій принцъ и тотчасъ же влюбится въ нее, противъ воли своихъ родителей повѣнчается съ нею и научитъ ее всему, что надо знать царевнѣ, а потомъ она будетъ царицей и начнетъ переписываться со всѣми другими царицами. Можетъ-быть, теперь она мечтаетъ, что я и есть этотъ переодѣтый принцъ? Вѣдь всѣ деревенскія дѣвушки, особенно горничныя,—и я это хорошо зналъ по нескрывавшимся передомною въ дѣтствѣ нашимъ домашнимъ горничнымъ,—мечтаютъ непремѣнно быть царицами, а жизнь-то теперь идетъ совсѣмъ-совсѣмъ не въ эту сторону! Отстали, бѣдненькія, отъ вѣка! И всѣ крестьянскіе мальчики въ деревняхъ, я знаю по игравшимъ со мною въ дѣтствѣ тоже мечтаютъ сначала о военныхъ подвигахъ и о спасеніи ни кого иного, какъ царевенъ, а затѣмъ и о женитьбѣ на нихъ, и о собственомъ воцареніи съ ними!

Впрочемъ, я думаю, — возвратился я мыслью къ дочери кузнеца, — что на практикѣ она примирилась бы и съ тѣмъ, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ. Она такъ смотрѣла на меня, когда сейчасъ пробѣгала мимо, какъ если бъ ей трудно было оторваться... Но я не могу взять ее съ собою во всѣ опасности моей новой жизни, и пусть лучше она мечтаетъ о комъ-нибудь другомъ, а не обо мнѣ, уже обреченномъ на гибель за весь народъ...

Я вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ и я тоже мечталъ быть непремѣнно или святымъ пустынникомъ, сорокъ лѣтъ неподвижно сидящимъ на столбѣ въ веригахъ и въ пещерѣ, или великимъ полководцемъ, завоевателемъ всего міра, или «генераломъ-лейтенантомъ» съ двумя лентами и со множествомъ орденовъ на груди, а въ результатѣ изъ меня, вотъ, вышло нѣчто, совсѣмъ противоположное, и теперь мои дѣтскіе идеалы стали мнѣ казаться совсѣмъ неудовлетворительными.

Такъ будетъ и съ этой дѣвушкой, а что изъ нея выйдетъ— неизвѣстно. Никто не можетъ предсказать заранѣе судьбу дѣвушки.

Сильный храпъ на противоположной сторонѣ комнаты во тьмѣ перенесъ мою мысль и къ этому удивительному старику, ея отцу, по очереди ждущему конца міра и готовому принять участіе въ его обновленіи, не думая о близкой его кончинѣ! Можетъ-быть, и теперь онъ думаетъ о томъ добромъ старомъ времени, когда онъ былъ крѣпостнымъ?

«Нога, родившаяся въ рабствѣ, не можетъ вступить въ землю обѣтованную», вдругъ вспомнилось мнѣ мѣсто о Моисеѣ изъ священной исторіи.

Вотъ кузнецъ, родившійся въ рабствѣ, говоритъ, что при крѣпостномъ состояніи было лучше, и это же я слыхалъ и при другихъ разговорахъ со стариками, ходя въ народѣ. Возможно, что въ экономическомъ отношеніи и было лучше... Навѣрное, и побои въ

морду, и разныя Салтычихи, о которыхъ я читалъ въ книгахъ о крѣпостномъ правѣ, составляли вовсе не правило, а исключеніе между помѣщиками. Я вѣдь самъ выросъ въ этой средѣ и, вспоминая всѣхъ знакомыхъ дѣтства по нашему уѣзду, не нахожу между ними ни одного человѣка-звѣря. Большинство окружающихъ насъ помѣщиковъ были просто гостепріимные люди, совершенно, какъ описаны у Гоголя, Тургенева, Гончарова... Многіе выписывали журналы, мужчины развлекались больше всего охотой, а барыни читали романы и даже старались быть популярными среди крестьянъ, навѣщали ихъ больныхъ, давали даромъ лѣкарства и т. д.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что нужно пожалѣть о прошломъ, потому что теперешніе становые, къ которымъ попали крестьяне, въ общемъ обходятся съ ними хуже, чѣмъ прежніе помѣщики?—спрашивалъ я себя.—Конечно, ни въ какомъ случаѣ! Вѣдь это—начало паденія абсолютизма. Вѣдь и помѣщики считали себя лучшей породой людей, чѣмъ простой народъ, и заботились о немъ, какъ заботились о своей скотинѣ.

Мысль, что его дочь можетъ выйти за самаго лучшаго крестьянина, показалась бы помѣщику такъ же дикой, какъ если бъ она вышла замужъ за его лошадь, хотя бы дочь и была еле грамотна. Пригласить крестьянина къ себѣ за обѣденный столъ или поздороваться съ нимъ при встрѣчѣ за руку, какъ съ равнымъ, даже и въ голову не пришло бы никому изъ нихъ, а если бъ кто и дѣлалъ это, то его осудили бы всѣ другіе, говоря, что онъ ставитъ ихъ въ неловкое положеніе.

«Представьте себѣ, и *въ этомъ сословіи* тоже могутъ влюбляться!» вспомнилось мнѣ восклицаніе одной генеральши, пришедшей въ изумленіе оттого, что знакомая ей крестьянская дѣвушка отказалась отъ богатаго жениха изъ-за любви къ бѣдному.

Это всеобщее высокомѣріе дворянъ,—мечталъ я,—необходимо было уничтожить съ корнемъ раньше всего. Именно имъ старый крѣпостной строй и былъ отвратителенъ. Но вѣдь и послѣ его паденія дворяне-помѣщики остались почти такими же высокомѣрными?—Ну вотъ,—отвѣчалъ я самъ себѣ,—за то теперь крестьяне и считаютъ хорошимъ дѣломъ отобрать у нихъ земли и заставить ихъ уйти подальше отъ себя. На крестьянскія частныя земли никто изъ общинниковъ не зарится, какъ это я отлично понялъ вчера, когда былъ на ихъ дѣлежѣ, передъ тѣмъ, какъ ихъ главный руководитель, получившій сапоги съ дыркой, разорвалъ на цыгарки мою «Сказку о четырехъ братьяхъ».

Хозяинъ и хозяйка спали по другую сторону отъ меня на широкой кровати, отдѣленной отъ остальной комнаты ситцевой занавѣской, и оба храпѣли, каждый на свой тонъ, что составляло вмѣстѣ какъ бы оригинальный дуэтъ. Иногда они переваливались на другой бокъ, и тогда кровать скрипѣла. Дочка же въ своемъ

уголкѣ за печкой, отдѣленномъ пестрой ситцевой занавѣской, спала все время тихо, какъ мышка.

Раннимъ утромъ раздался стукъ въ окно около меня.

— Кто тутъ? — спрашиваю.

— Хозяина! кузнеца! подковать лошадь.

— Да вѣдь воскресенье!—отвѣчала съ укоромъ высунувшаяся изъ-подъ одѣяла голова хозяина.

— Да ужъ подкуй, родимый! Ѣхать надо, одна только подкова отворотилась!

Хозяинъ всталъ ворча.

— И въ Христовъ день не даютъ покою,

И я съ нимъ вышелъ въ качествѣ московскаго слесаря и молотобойца и съ видомъ знатока держалъ на низкой деревянной колодкѣ перевернутое низомъ кверху копыто подковываемой лошади. Она была какого-то проѣзжаго сельскаго торговца.

Я пошелъ бродить по окрестностямъ, не представлявшимъ ничего особеннаго, осмотрѣлъ по привычкѣ нѣсколько растеній, большею частью уже знакомыхъ мнѣ, и возвратился обратно домой къ обѣду.

— Не надо ли тебѣ помощника, молотобойца? — спросилъ я старика. — Я бы остался помогать тебѣ.

Его дочка быстро взглянула на меня и глаза ея заблистали. Она подумала, что это я дѣлаю для нея, не подозрѣвая, что истинная цѣль моего путешествія и была — остаться подъ видомъ молотобойца въ этой, уже извѣстной мнѣ кузницѣ.

— Самъ видишь, какая здѣсь работа, — отвѣчалъ ея отецъ, — и одному-то дѣлать нечего!

Глаза дочки опустились и потухли. Все ея миловидное личико выражало полное разочарованіе. Оно не могло ничего скрыть.

Я самъ еще ранѣе его отвѣта понималъ уже, что опредѣляться здѣсь молотобойцемъ безнадежно. Кузница представляла очень жалкій видъ, и главное занятіе хозяина было земледѣліе. Но мнѣ не было жалко своей неудачи, хотя начавшаяся съ безмолвныхъ взглядовъ дружба съ этой дѣвушкой и вызывала во мнѣ желаніе остаться здѣсь еще хоть нѣсколько дней. Не выйдетъ ли изъ нея что-нибудь хорошее въ идейномъ смыслѣ? Нельзя ли было бы повезти ее въ Москву, познакомить ее съ нашими, чтобы они выучили ее читать и писать и пріобщили къ нашему міру? Мнѣ казалось, что въ ней было что-то незаурядное, хотя мы и обмѣнялись лишь двумя, тремя незначительными фразами.

Однако отвѣтъ хозяина былъ рѣшителенъ...

Правда, онъ меня не гналъ и ни однимъ словомъ не намекнулъ на предстоящій уходъ, но мнѣ самому неловко было жить у него безъ дѣла. Кромѣ того, по мѣрѣ того, какъ я день за днемъ входилъ въ свою роль прохожаго рабочаго, яркость первыхъ впечатлѣній и новизны своего положенія начала постепенно теряться для него.

Я уже упоминалъ, что понемногу выработалъ наиболѣе удобный шаблонъ для начала разговоровъ; а затѣмъ у меня незамѣтно наступила тоска по своей средѣ, по оставленнымъ гдѣ-то вдали людямъ своего круга, вполнѣ раздѣляющимъ каждый мой душевный порывъ, каждое мое чувство, каждое настроеніе, съ которыми я говорилъ бы не по выработанному разъ навсегда шаблону, а такъ, какъ придетъ мнѣ на душу, обсуждая каждую возникшую мысль вмѣстѣ, какъ равный съ равнымъ.

— Что теперь съ ними? Не арестованы ли уже? Можетъ-быть, теперь, когда я хожу подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ и больше мечтаю, чѣмъ распространяю взятыя съ собою книжки (хотя это и не моя вина), Алексѣева, Кравчинскій, Клеменцъ, Шишко, Армфельдъ и остальные друзья сидятъ уже въ сырыхъ и холодныхъ тюрьмахъ, голодные, умирающіе, и никто не пытается ихъ освободить? А между тѣмъ, если бъ я былъ съ ними, можетъ-быть, мнѣ и удалось бы что-нибудь сдѣлать?

И вотъ, простившись съ хозяевами, проводившими меня, вмѣстѣ съ своей дочкой, за село, я вновь пошелъ по большой дорогѣ къ Воронежу, и міръ грезъ постепенно, все болѣе и болѣе овладѣвавшій мною по мѣрѣ моего пути, все сильнѣе и сильнѣе началъ заслонять передо мною міръ дѣйствительности. Нѣтъ! Собственно говоря, онъ нисколько не заслонялъ реальное. Картины, которыя рисовало въ моей головѣ романически настроенное воображеніе, чередовались попрежнему съ дѣйствительными впечатлѣніями и со стоявшими передо мною задачами, но когда реальность стала для меня болѣе привычной и тускнѣла по мѣрѣ того, какъ я входилъ въ колею своей дѣятельности, картины моего воображенія становились все болѣе и болѣе яркими. Такъ, когда заходитъ луна, звѣзды на небѣ становятся многочисленнѣе, и вы видите надъ вами причудливо развѣтвляющійся Млечный путь, совсѣмъ не замѣчаемый вашимъ глазомъ при лунѣ...

Читатель мой уже видѣлъ, какъ міръ грезъ началъ овладѣвать мною день за днемъ этого пути, сначала по ночамъ, а затѣмъ и днемъ, когда я оставался одинъ. Отчего это было? Оттого, что для дѣятельнаго по природѣ ума не доставало теперь болѣе реальной пищи. Когда я былъ въ городахъ и въ своей средѣ, я бралъ, оставаясь одинъ, какую-либо интересовавшую меня книгу. А меня живо интересовали всѣ естественныя, а затѣмъ и общественныя науки, и такимъ образомъ я ознакомился съ ними, и даже очень детально, изъ множества книгъ и руководствъ, доставаемыхъ отъ знакомыхъ студентовъ еще въ гимназіи и проглатывавшихся мною въ буквальномъ смыслѣ. Вѣдь, кромѣ чистой и прикладной математики и иностранныхъ языковъ, науки вообще не требуютъ никакихъ особенныхъ напряженій ума или памяти для того, чтобы можно было вполнѣ ознакомиться съ ними прямо изъ книгъ, особенно если у васъ

достаточно живое воображеніе, чтобъ представлять по рисункамъ физическіе приборы, органы тѣла животныхъ и растеній и все другое такъ, какъ если бъ передъ вами находились сами описываемые предметы. Но здѣсь, въ народѣ, все это было далеко отъ меня. Никакіе отголоски не доходили до моего уха изъ покинутаго мною цивилизованнаго міра. И вотъ на меня сначала напала мечтательность, а затѣмъ и тоска по привычной жизни.

Я рѣшилъ, наконецъ, не останавливаться нигдѣ подолгу, окончить путь черезъ недѣлю, чтобъ не показалось, что я возвратился слишкомъ быстро, и ѣхать прямо къ покинутымъ друзьямъ. Я велъ привычныя бесѣды съ крестьянами и ночевалъ еще много разъ въ самыхъ необычныхъ положеніяхъ, но волны забвенья оставили отъ нихъ лишь немногіе и незначительные островки, о которыхъ не стоитъ разсказывать.

Только фантазіи этого періода остались у меня хорошо въ памяти, такъ какъ потомъ, при первомъ, второмъ и третьемъ изъ моихъ одиночныхъ заключеній, я часто вспоминалъ о нихъ и продолжалъ ихъ развитіе далѣе, съ того мѣста, на которомъ остановился, какъ беллетристъ, отыскавшій тетради съ прерванными имъ романами, продолжаетъ далѣе писать ихъ, какъ только освободился отъ помѣхи.

Въ такомъ состояніи мечтательности я и вошелъ, наконецъ, въ пыльныя немощеныя улицы Воронежа, почувствовалъ носомъ его пряные лѣтніе запахи и, немедленно направившись къ вокзалу, взялъ себѣ билетъ третьяго класса и поѣхалъ въ Москву со страшнымъ безпокойствомъ за Алексѣеву и всѣхъ остальныхъ друзей, оставивъ на время за своей спиной впечатлѣнія отъ народной жизни и всѣ созданные мною фантастическіе романы.

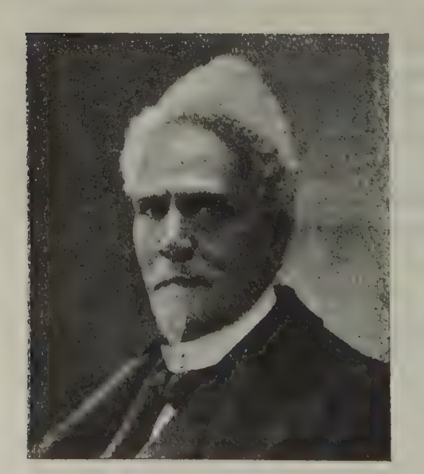
Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Анри Рошфора.

Умершій недавно знаменитый французскій памфлетистъ давно уже выпустилъ пять томовъ воспоминаній подъ заглавіемъ «Приключенія моей жизни» (Les aventures de ma vie). Книга эта, несмотря на свою растянутость и болтливость, несмотря на непріятный тонъ саморекламы, которымъ теряющій популярность публицистъ пытался гальванизировать свою славу, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ французской мемуарной литературы. Блестящій стиль, остроуміе, яркіе портреты людей, слабыя стороны которыхъ Рошфоръ умѣлъ подмѣчать, какъ никто, можетъ-быть, даже доля выдумки почти неизбѣжная въ мемуарной литературѣ, придаютъ «Приключеніямъ моей жизни» интересъ самаго увлекательнаго беллетристическаго произведенія.

Анри Рошфоръ.

Все это заставляетъ насъ думать, что читатели «Голоса Минувшаго» съ интересомъ ознакомятся съ тѣми небольшими выдержками, которыя переведены ниже. Изъ почти 2000 страницъ выбрать 20—25 задача, конечно, нелегкая. Мы рѣшились отбросить совсѣмъ два послѣдніе тома, въ которыхъ рѣчь идетъ о «приключеніяхъ» послѣ возвращенія изъ ссылки, и показать читателямъ только того Рошфора, который былъ красою французской демократіи въ эпоху имперіи, а послѣ ея паденія — жертвою такихъ палачей, какъ представитель буржуазіи Тьеръ и представитель монархической реакціи Макъ-Магонъ.

Въ эпоху имперіи и первый періодъ республики, когда власть была въ рукахъ монархистовъ, Рошфоръ боролся въ первыхъ рядахъ и много перенесъ гоненій: сидѣлъ въ тюрьмахъ, едва не попалъ подъ разстрѣлъ, выдержалъ каторжный переѣздъ черезъ океанъ, терпѣлъ ссылку подъ тропиками. Потомъ онъ постепенно сталъ другимъ. Боецъ противъ Наполеона III и Макъ-Магона сдѣлался пріятелемъ генерала Буланже, а позднѣе однимъ изъ самыхъ рьяныхъ гонителей Дрейфуса, который былъ

такой же жертвой реакціи націоналистической, какой самъ Рошфоръ былъ въ свое время реакціи монархической. Этотъ грустный періодъ жизни Рошфора, когда онъ перешелъ въ станъ враговъ демократіи, мы оставимъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ комкаетъ его въ воспоминаніяхъ. Чѣмъ бы ни сталъ, въ концѣ-концовъ, Рошфоръ, боевая пора его жизни—прочное достояніе исторіи.

Надъ свѣжей могилой редактора «Lanterne», жертвы версальскихъ лицемѣровъ, лучше вспомнить героическое время его жизни и забыть тѣ годы, когда онъ боролся противъ демократіи.

А. Дживелеговъ.

---

1. Изъ эпохи литературныхъ дебютовъ.

Вильмессанъ, издатель «Figaro», который не писалъ въ своей газетѣ по той простой причинѣ, что не умѣлъ писать, никогда не завидовалъ своимъ сотрудникамъ. Онъ постоянно искалъ такихъ, которые ему были нужны, и благодарилъ ихъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, когда они болѣе не были ему нужны... Бывало, спустя двѣ недѣли послѣ дебюта какого-нибудь сотрудника въ «Figaro», онъ говорилъ безъ обиняковъ:

— Дорогой мой, я каждый день получаю по поводу вашихъ замѣтокъ письма отъ подписчиковъ, гдѣ они говорятъ, что у васъ нѣтъ никакого таланта.

— Очень жалѣю,—отвѣчалъ ему однажды при мнѣ сотрудникъ, которому онъ сообщалъ съ такою безцеремонностью свое мнѣніе.

— А я-то!—сказалъ Вильмессанъ со смѣхомъ.—Если бы у васъ былъ талантъ, я бы васъ удержалъ, а теперь мнѣ приходится васъ замѣнить.

Эти плантаторскія манеры внушали мнѣ скорѣе отвращеніе, чѣмъ желаніе вступить въ его газету. И я былъ очень взволнованъ, когда Вильмессанъ предложилъ мнѣ сотрудничество:

— Я читалъ всѣ ваши статьи въ «Nain Jaune». У васъ много веселости и никакихъ претензій. Всѣ сотрудники, начинающіе писать въ «Figaro», имѣютъ такой видъ, точно собираются ставить свою кандидатуру въ Академію и становятся отъ этого невыносимо скучны. У васъ нѣтъ желанія быть академикомъ.

— О, нѣтъ!

— Ну, такъ валяйте. Не бойтесь отдаваться капризамъ вашего пера. Высмѣивайте всѣхъ и заставляйте всѣхъ смѣяться.

Эта узда, брошенная мнѣ на шею, была одной изъ причинъ успѣха моихъ первыхъ хроникъ. Но изъ-за четвертой я имѣлъ уже двѣ дуэли, что заставило сказать одного изъ собратьевъ-юмористовъ, что мнѣ удивительно везетъ....

Вильмессанъ, который былъ незаконнымъ сыномъ, при чемъ, я думаю, самъ не зналъ хорошенько, чьимъ, и перемѣнилъ много именъ, прежде чѣмъ окончательно остановиться на этомъ, питалъ большое почтеніе къ дворянскимъ титуламъ, что, несомнѣнно, поднимало его въ собственныхъ глазахъ. Хотя онъ раньше и торговалъ лентами и отдѣлками,—онъ внезапно сдѣлался легитимистомъ, вѣроятно, чтобы убѣдить самого себя, что онъ тоже принадлежитъ къ дворянству. Правда, его приземистый видъ, его разговоръ, его манеры не имѣли ничего дворянскаго. Своей головой тюремнаго надзирателя, ушедшей въ плечи носильщика, онъ скорѣе напоминалъ комми-вояжера, чѣмъ большого барина.

Но его ультра-роялистскіе взгляды нисколько не мѣшали ему поддерживать добрыя отношенія съ бонапартистскимъ правительствомъ, передъ которымъ онъ склонялся при всякомъ случаѣ. Всякій разъ, когда возникало затрудненіе между газетой и цензурой, онъ обращался къ Морни [1]), и тотъ, въ концѣ-концовъ, все устраивалъ; за это ему отплачивали рекламой, на которую этотъ сотрудникъ государственнаго переворота былъ какъ нельзя больше падокъ...

Очень незадолго до его послѣдней болѣзни я былъ на премьерѣ «Прекрасной Елены» въ ложѣ Вильмессана съ нимъ, его женой и его двумя дочерьми. Естественно, дамы сидѣли впереди, а я держался въ глубинѣ. Но въ первомъ антрактѣ Вильмессанъ сказалъ мнѣ:

— Свѣтъ люстры утомляетъ глаза моей дочери. Она хочетъ уступить вамъ свое мѣсто и занять ваше.

Я не разобралъ хитрости и усѣлся на яркомъ свѣтѣ. Скоро я замѣтилъ, что изъ ложи напротивъ на меня направленъ бинокль, который неотступно фиксируетъ меня. Это былъ Морни, который, желая познакомиться со мной хоть съ виду, упросилъ моего редактора посадить меня такъ, чтобы онъ могъ разсмотрѣть меня со всей обстоятельностью. Вильмессанъ показалъ мнѣ его, потому что я видѣлъ его только изъ трибуны журналистовъ въ палатѣ, а во второмъ антрактѣ онъ безъ церемоній вытащилъ меня въ фойе подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ложѣ душно. Потомъ онъ меня оставилъ, подошелъ къ группѣ, которая, повидимому, его поджидала, и, обмѣнявшись съ нею нѣсколькими словами, вернулся ко мнѣ.

— Морни, съ которымъ я только что говорилъ, очень хочетъ, чтобы васъ ему представили. Онъ совсѣмъ не въ претензіи на васъ

---

[1]) Сынъ королевы Гортензіи и генерала Флао, сводный братъ Наполеона III, дѣятельно помогавшій ему во время переворота 2 декабря 1851. Былъ предсѣдателемъ Законодательнаго Корпуса. *(Ред.)*

за то, что вы написали про одну изъ его пьесъ [1]). Пойдемте. Онъ въ двухъ шагахъ отъ насъ.

— Ни за милліонъ!—воскликнулъ я, отступивъ назадъ, что не укрылось отъ людей, сидѣвшихъ за Вильмессаномъ.

— Да что же онъ сдѣлалъ вамъ наконецъ?—спросилъ Вильмессанъ, совершенно смущенный.

— Онъ сдѣлалъ мнѣ Второе Декабря,—громко отвѣтилъ я.

И возбужденный окончательно, я прибавилъ:

— Это убійца! Терпѣть не могу, чтобы меня представляли убійцамъ.

Потомъ я вернулся въ ложу, а Морни прошелъ въ свою. Онъ не пропустилъ ни слова изъ діалога, тѣмъ болѣе, что я сдѣлалъ все, чтобы онъ меня слышалъ....

«Figaro» выходилъ сначала разъ въ недѣлю, потомъ два раза, потомъ сталъ выходить ежедневно, оставаясь чисто литературной газетой. Но я не могъ не касаться политики, такъ что никогда нельзя было угадать, не перейду ли я границы, не коснусь ли въ то же время исправительной полиціи. Правда, немного было нужно, чтобы внести смятеніе въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Представить только, что Вильмессанъ, котораго я разорялъ такимъ образомъ на извозчиковъ, былъ вызванъ и выслушалъ угрозы за то только, что я написалъ.

— Г-жа де Ламбаль, принцесса, имѣвшая отвратительную привычку выходить изъ дому съ головою на концѣ пики [2]).

Вильмессанъ, который былъ человѣкомъ сообразительнымъ, отвѣтилъ, что образъ ему и самому показался довольно неприличнымъ, но императору нечего быть въ претензіи, потому что если бы Людовикъ XVI и Марія Антуанетта сохранили свой тронъ, вмѣсто того, чтобы взойти на эшафотъ, государь Франціи назывался бы теперь Генрихомъ V, а не Наполеономъ III.

Пика г-жи Ламбаль прошла благополучно. Но я совершилъ рецидивъ по поводу воздушнаго шара, который г. Годаръ назвалъ «Орломъ» (L'Aigle) и который никакъ не могли заставить подняться. Я писалъ:

— Орлу рѣшительно трудно летѣть отъ колокольни къ колокольнѣ вплоть до башни Собора Парижской Богоматери.

Эта шутка, касающаяся знаменитаго изреченія главы династіи [3]), вновь разбудила гнѣвъ администраціи. Вильмессану было

---

[1]) Морни имѣлъ слабость считать себя драматургомъ. Рошфоръ жестоко высмѣялъ одну его пьесу, упомянувъ кстати и объ его участіи въ переворотѣ 2 декабря. *(Ред.)*

[2]) Принцесса Ламбаль, ближайшая подруга Маріи Антуанетты, была убита толпою въ 1792 году и голову ея, насаженную на пику, долго носили по Парижу. *(Ред.)*

[3]) Наполеона I, сказавшаго эту фразу послѣ возвращенія съ Эльбы. *(Ред.)*

объявлено, что если онъ не устроится такъ, чтобы покончить со мною, то будетъ покончено съ его газетой.

Наконецъ, статья, въ которой по поводу императорской охоты въ Компьенѣ я разсказалъ, какъ ставили въ восьми метрахъ отъ императора дрессированнаго зайца, который дѣлалъ видъ, что раненъ выстрѣломъ и черезъ пять минутъ появлялся вновь, чтобы вновь начать свою роль, — заставила не только пойти черезъ край, но прямо треснуть сосудъ, который тамъ кипятился на мою голову.

Вильмессанъ былъ вызванъ въ префектуру, гдѣ ему было указано, насколько оскорбительно для величія трона предполагать, что триста пятьдесятъ зайцевъ, значащихся по расписанію охоты, изображаются всего на все однимъ, который довольствуется тѣмъ, что представляется мертвымъ и потомъ снова появляется на сценѣ и снова исчезаетъ точь въ точь, какъ фигурантъ въ военныхъ пьесахъ.

Коротко говоря, съ нихъ меня было довольно. Это было либо мое изгнаніе изъ «Figaro», либо пріостановка. Вся хитроумная аргументація моего редактора встрѣчала рѣшеніе, заранѣе принятое и неизмѣнное... Я простился съ читателями газеты особой статьей.

2. „La Lanterne“.

Вечеромъ въ день этого сенсаціоннаго изгнанія я былъ на какой-то премьерѣ въ Водевилѣ, и когда я сталъ дѣлиться съ Пьеромъ Верономъ, моимъ старымъ товарищемъ по Charivari, своими безпокойствами о моемъ матеріальномъ положеніи, ибо ни одна газета не была настолько смѣла, чтобы дать пріютъ изгнанному— онъ мнѣ подсказалъ слѣдующее рѣшеніе.

— Такъ какъ вамъ не позволяютъ жить у другихъ, почему бы вамъ не обзавестись собственной обстановкой. Создайте себѣ газету, въ которой вы будете единственнымъ сотрудникомъ. Вы будете тогда воевать на собственный рискъ и страхъ, не боясь увлечь еще кого-нибудь въ случаѣ кораблекрушенія.

Я выработалъ планъ брошюры, не случайной, а періодической, которая обрушивалась бы, напримѣръ, каждую субботу на голову правительства. Рѣшеніе было принято немедленно, и я сталъ заниматься только подыскиваніемъ заглавія. На другой день я сообщилъ эту мысль Вильмессану, который со своимъ чутьемъ стараго газетчика одобрилъ ее съ энтузіазмомъ. Онъ даже предложилъ мнѣ внести деньги, необходимыя для первыхъ расходовъ по печатанію, по бумагѣ, по обзаведенію, и обѣщалъ на другой день привезти мнѣ штукъ двадцать заглавій, изъ которыхъ я могъ бы выбрать

наиболѣе подходящее для того рода оппозиціи, который я задумалъ. Въ тотъ же вечеръ я получилъ списокъ, гдѣ было и заглавіе «La Lanterne», которое я взялъ сейчасъ же. Вильмессанъ и Дюмонъ, одинъ изъ собственниковъ «Figaro», внесли каждый по 10.000 фр., чтобы пустить въ ходъ «Lanterne». Въ договорѣ было сказано, что я полный хозяинъ въ редакціонномъ отношеніи и что свобода моя — полная, безусловная и безконтрольная. Я, впрочемъ, добросовѣстно предупредилъ моихъ вкладчиковъ, что я рѣшилъ переть на рожонъ, что можетъ быть провалъ и что у нихъ есть еще время взять деньги свои назадъ. Но они держались твердо, оставалось только опредѣлить способъ выпуска и цѣну брошюры, въ которой должно было быть 64 страницы и которая должна была выходить еженедѣльно.

Я написалъ свой первый нумеръ при самыхъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ; меня безпокоила мысль, что читатели получатъ недостаточно за свои 40 сантимовъ, и съ полнымъ отчаяніемъ въ душѣ я отнесъ свою рукопись въ типографію Дюбюиссона, гдѣ печатался «Figaro». Когда мнѣ дали корректуру, произошелъ большой конфузъ. Въ залѣ, гдѣ я правилъ гранки, былъ Альберъ Вольфъ [1]). Я протянулъ ихъ ему, говоря:

— Пробѣгите эти листки и не скрывайте отъ меня ничего. Самъ я нахожу это нескладнымъ, неостроумнымъ, безсвязнымъ. Это одна изъ моихъ хроникъ, только болѣе длинная и хуже написанная, чѣмъ остальныя. Думаю, что придется нырнуть внизъ головою...

Вольфъ прочелъ и вернулъ мнѣ гранки со словами:

— Я не говорю, что это плохо. Но это, несомнѣнно, наименѣе удачное изъ того, что вы писали.

При моемъ недовѣріи къ себѣ, этого было достаточно, чтобы я бросилъ все. Я ворвался въ кабинетъ Дюбюиссона, человѣка спокойнаго, мало склоннаго къ энтузіазму, и объявилъ ему:

— Я прочелъ первый нумеръ. Это ниже всякой критики и по моему мнѣнію и по мнѣнію Альбера Вольфа. Въ концѣ-концовъ, вѣдь еще ничего не сдѣлано. Я постараюсь потомъ состряпать что-нибудь получше, но, вы понимаете, я не хочу показаться смѣшнымъ. Невозможно выпустить «Lanterne» завтра.

— Но мы уже не можемъ отступать,—замѣтилъ Дюбюиссонъ.— Теперь 11 часовъ вечера. Все готово, чтобы завтра пустить въ продажу журналъ. Смѣшно будетъ, если онъ не появится.

— А сколько вы думаете выпускать? — спросилъ я въ величайшемъ волненіи.

— Пятнадцать тысячъ, — отвѣтилъ мнѣ этотъ невозмутимый человѣкъ.

---

[1]) Одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Figaro». *(Ред.)*

— Какъ! Пятнадцать тысячъ! — воскликнулъ я.—Вѣдь это безуміе! У васъ останется на рукахъ десять тысячъ. Нужно было заказать четыре тысячи. Да и то!..

— Вовсе нѣтъ! Публика возбуждена и ждетъ. Я увѣренъ, что мы продадимъ пятнадцать тысячъ.

Я ушелъ, подавленный стыдомъ, и поѣхалъ домой. Послѣ ночи, полной лихорадочныхъ кошмаровъ, я всталъ часамъ къ 10 и сталъ очень медленно одѣваться. Я не рѣшался выходить, чтобы не увидѣть своими глазами черную печь, которая, какъ мнѣ казалось, неизбѣжно должна была меня поглотить. Однако часамъ къ 12 нужно было выйти, чтобы хоть позавтракать. Я жилъ тогда на rue Montmartre, пошелъ я на rue Joquelot, въ ресторанъ. Когда я выходилъ на площадь Биржи, то издали увидѣлъ женщину, сгорбившуюся подъ большимъ коробомъ, изъ котораго сыпались красненькія брошюры въ огромномъ количествѣ. Я подошелъ. Это была моя «Lanterne»; большая толпа рвала другъ у друга ея экземпляры. Весь тротуаръ былъ ими усыпанъ. Покупатели платили монетами въ 10, 20 и даже 40 су и убѣгали, не ожидая сдачи. Я подумалъ:

— Номеръ конфискованъ, его хотятъ получить за какую угодно цѣну. Тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ, честь спасена!

Тѣмъ не менѣе, я вскочилъ въ фіакръ, чтобы узнать новости въ типографіи. Я съ трудомъ поднимался по лѣстницѣ, загроможденной газетчиками, которые уходили изъ типографіи съ цѣлыми связками. Я проложилъ себѣ дорогу къ Дюбюиссону, который стоялъ въ одной жилеткѣ и спорилъ съ продавщицами изъ кіосковъ. Онъ закричалъ мнѣ:

— Ну! Хороши ваши предсказанія! Вы не дали мнѣ заказать больше пятнадцати тысячъ, а я теперь не знаю, что дѣлать. Всѣ требуютъ, и хотя мы не перестаемъ печатать съ пяти часовъ утра, я не могъ выпустить больше сорока тысячъ!

— Какъ! Сорокъ тысячъ! — воскликнулъ я ошеломленный.

— И это еще пустяки! Знаете, сколько требуютъ? Сто двадцать тысячъ. Къ сожалѣнію, у насъ не хватаетъ брошюровщицъ, чтобы сшивать листы. Живо! Берите карету и поѣзжайте по всѣмъ брошюровочнымъ заведеніямъ Парижа. Намъ непремѣнно нужны къ вечеру эти сто двадцать тысячъ!

Второго нумера разошлось не сто двадцать, а сто двадцать пять тысячъ. Нельзя было встрѣтить прохожаго, у котораго не была бы «Lanterne» въ рукахъ или не торчала бы изъ кармана: сдѣлалось признакомъ хорошаго тона заявить себя ея читателемъ.

Моя политическая profession de foi обошла Парижъ и департаменты. Я въ ней жаловался, что меня плохо понимаютъ, ибо я никогда не переставалъ быть бонапартистомъ.

«Однако,—прибавлялъ я,—мнѣ позволятъ, надѣюсь, выбрать въ династіи своего героя. Изъ легитимистовъ одни предпочитаютъ Людовика XVIII, другіе Людовика XVI, третьи, наконецъ, отдаютъ всѣ свои симпатіи Карлу X. Какъ бонапартистъ, я предпочитаю Наполеона II [1]). Это мое право.

«Я прибавлю даже, что онъ является для меня идеаломъ государя. Никто не станетъ отрицать, что онъ занималъ тронъ, потому что его преемникъ зовется Наполеономъ III. Какое царствованіе, друзья мои, какое царствованіе! Ни одной подати, никакихъ безполезныхъ войнъ съ чрезвычайными налогами, слѣдующими за ними! Ни одной далекой экспедиціи, на которыя тратятъ шестьсотъ милліоновъ, чтобы потребовать пятнадцать франковъ [2]). Никакихъ всепожирающихъ цивильныхъ листовъ, никакихъ министровъ, соединяющихъ въ своихъ рукахъ пять или шесть должностей — въ сто тысячъ франковъ штука. Вотъ монархъ такой, какимъ я его понимаю. О, да! Наполеонъ II, я люблю тебя, я предъ тобою преклоняюсь безъ оговорокъ... Кто же осмѣлится теперь утверждать, что я — не искренній бонапартистъ?»

Но, — неисповѣдимыя тайны людской низости, — придворные, которыхъ я донималъ, сами доставляли мнѣ документы, касающіеся тѣхъ, кого они хотѣли затронуть черезъ меня. Однажды я былъ заинтригованъ такимъ коротенькимъ письмомъ: «Хотите привести въ отчаяніе императора? Найдите средство сказать, что мотивъ Beau Dunois принадлежитъ не королевѣ Гортензіи, а Дальвимару».

Я поспѣшилъ воспользоваться указаніемъ, которое, казалось мнѣ, шло отъ женщины, вѣроятно, отъ какой-нибудь придворной дамы. Въ слѣдующемъ же нумерѣ «Lanterne» я написалъ:

«Всѣ сердца забились, когда оркестръ заигралъ мотивъ «Partant pour la Syrie» (музыка Дальвимара)».

Публика не разглядѣла въ этомъ большой насмѣшки. Но на другой день я получилъ написанный тѣмъ же почеркомъ подробный разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Тюльери этимъ простымъ упоминаніемъ. Дальвимаръ, авторъ и исполнитель романсовъ, былъ учителемъ игры на арфѣ Жозефины, давалъ уроки Гортензіи и состоялъ въ числѣ ея многочисленныхъ любовниковъ. Въ признательность за ея милости къ нему онъ составилъ похоронный и раздирательный мотивъ, который сталъ марсельезой второй имперіи и который подписала Гортензія.

---

[1]) Сынъ Наполеона I и Маріи Луизы, король Римскій, котораго бонапартисты называли Наполеономъ, а его дѣдъ, императоръ австрійскій, наградилъ скромнымъ титуломъ герцога Рейхштадтскаго. Соль рошфоровской деклараціи въ томъ, что Наполеонъ II никогда не царствовалъ. *(Ред.)*

[2]) «Войны»—крымская и ломбардская. «Экспедиція»—мексиканская. *(Ред.)*

«Наполеонъ, который думалъ, что онъ одинъ посвященъ въ этотъ секретъ Алькова и Рояля,—писалъ мнѣ мой корреспондентъ, или, вѣроятнѣе, корреспондентка,—былъ какъ громомъ пораженъ, увидѣвъ это забытое имя сразу воскрешеннымъ».

И мнѣ сообщали подробности сцены, отъ которой можно было умереть со смѣху и у которой было нѣсколько свидѣтелей. Императоръ держалъ еще въ рукахъ «Lanterne», когда къ нему подошелъ Персиньи [1]), требуя правосудія противъ меня и моей наглости. Тогда Наполеонъ, съ влажными глазами, протянулъ ему брошюру, говоря:

— Онъ оскорбляетъ тебя, а со мной онъ дѣлаетъ хуже: онъ оскорбляетъ мою мать...

Все мнѣ годилось для того, чтобы подрывать уваженіе, которымъ хотѣли окружить офиціальный манекенъ, называемый «особою его величества». Ахъ, эта несчастная «особа его величества». Я мялъ ее, какъ старое бѣлье. Я писалъ, напримѣръ:

«Государство только что заказало г. Бари конную статую Наполеона III. Извѣстно, что г. Бари—одинъ изъ нашихъ самыхъ знаменитыхъ ваятелей животныхъ».

Или еще:

«Г. Лашо, знаменитый адвокатъ, выставленъ офиціальнымъ кандидатомъ взамѣнъ Жильбера де Сегенъ. Выборъ великолѣпенъ. Всѣ знаютъ, что Лашо великолѣпно защищаетъ злодѣевъ».

Однако на восьмомъ нумерѣ былъ поднятъ вопросъ въ совѣтѣ министровъ о возбужденіи противъ меня преслѣдованія за подстрекательство къ убійству императора. Corpus delicti представляли слѣдующія строки:

«20 іюля 1868 г. Годовщина сраженія при Фарсалѣ, которое покончило съ римской республикой и положило начало царству того особеннаго деспотизма, который глушитъ мысль и сажаетъ въ тюрьмы людей подъ мотивъ «да здравствуетъ свобода!» Цезарь, исторію котораго написалъ недавно одинъ авторъ, болѣе извѣстный своими государственными переворотами, чѣмъ литературными работами (думаю, что комиссія уличной продажи произведеній печати дала ему свое разрѣшеніе), Цезарь, говорю я, который воскликнулъ, увидѣвъ Кассія: «меня безпокоитъ этотъ молодой человѣкъ: онъ слишкомъ худъ для сенатора»,—дѣйствительно, погибъ, заколотый въ засѣданіи Сената Кассіемъ и другими, которые унесли подъ своими плащами части тѣла убитаго тирана. Теперь сенаторы стары, очень жир-

---

[1]) Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, тоже постоянная мишень сарказмовъ «Lanterne». (*Ред.*)

ны, и если уносятъ что-нибудь подъ своимъ пальто, то развѣ только дыню» [1]).

Въ этомъ сожалѣніи, что среди членовъ сената нѣтъ больше Кассія, было усмотрѣно возбужденіе къ убійству его величества, котораго потомъ разрубили бы на части, какъ рубятъ дичь, а потроха роздали бы убійцамъ.

Но такъ какъ это злодѣйство, чтобы походить на то, кото рое освободило Римъ отъ Цезаря, должно было быть совершено сенаторами, то и рѣшили, что моя статья была безсильна вооружить ихъ руки противъ того, кто платилъ имъ 30.000 франковъ въ годъ.

Боялись стать въ смѣшное положеніе и стали ждать другого случая [2]).

3. Первое изгнаніе и возвращеніе.

Хотя я былъ осужденъ на цѣлую кучу каръ и эмигрировалъ за границу, законъ вполнѣ разрѣшалъ мнѣ продолжать изданіе «Lanterne» во Франціи. Но министерство устроилось такъ, чтобъ я не могъ издавать ес. Оно предупредило всѣ типографіи, что если онѣ рѣшатся тиснуть мои гнусности, то будутъ посланы полицейскіе, которые произведутъ погромъ или по меньшей мѣрѣ ихъ будутъ преслѣдовать за каждый нумеръ, который онѣ будутъ имѣть неосторожность выпустить.

Словомъ, еще разъ магистратура и сводъ законовъ опускали знамя передъ грубой силой и передъ собравшимися вмѣстѣ дубинами. Это былъ все тотъ же государственный переворотъ съ той только разницею, что полиція совершала нашествіе не въ палату депутатовъ, а въ кабинетъ журналистовъ.

Нужно было изощриться, чтобы парировать эти вѣроломные удары. Мы и придумали: Викторъ Гюго, Франсуа, Шарль и я [3]), что «Lanterne» будетъ издаваться въ двухъ форматахъ: одинъ — обыкновенныхъ размѣровъ для продажи въ Бельгіи и за границей,

---

[1]) Битва при Фарсалѣ въ 48 г. до Р. Х. была одержана Цезаремъ надъ Помпеемъ. «Исторія Юлія Цезаря» — сочиненіе Наполеона III, которому, конечно, помогали болѣе знающіе люди. «Lanterne» незадолго передъ этимъ получила запрещеніе уличной продажи; ее можно было теперь получать только въ магазинахъ; тиражъ ея отъ этого не упалъ. Что въ мартовскія иды 44 г. до Р. Х. сенаторы унесли съ собою части тѣла Цезаря—фантазія Рошфора. *(Ред.)*

[2]) Случай не заставилъ себя долго ждать. Рошфоръ былъ судимъ за оскорбленіе «особы императора» и «возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству», присужденъ къ 10000 фр. штрафу и году заключенія. Онъ предпочелъ уѣхать въ Бельгію. *(Ред.)*

[3]) Викторъ Гюго жилъ въ это время тоже въ Брюсселѣ, и Рошфоръ былъ съ нимъ очень близокъ; Франсуа и Шарль—сыновья Гюго. *(Ред.)*

другой — крошечный, легко помѣщаемый въ конвертахъ для писемъ и удобный для пересылки по почтѣ. Нумера маленькаго формата въ конвертахъ были адресованы нашимъ подписчикамъ въ Парижъ. Но почтовыхъ чиновниковъ скоро начало удивлять появленіе въ опредѣленный день такого огромнаго числа отправленій въ Парижъ. Полицейскій комиссаръ вскрылъ одинъ конвертъ; это побудило его конфисковать остальные. Провалившись на почтѣ, мы рѣшили прибѣгнуть къ контрабандѣ. Посланные, набитые маленькими «Lanterne», везли ихъ въ Парижъ и лично разносили по подписчикамъ. Но эта опасная игра, въ которой попались и были осуждены многіе изъ нашихъ разносчиковъ, сдѣлалась причиной такой упорной слѣжки, что пришлось прибѣгнуть къ способамъ болѣе сложнымъ.

У семьи Гюго былъ пріятель, богатый торговецъ сигарами, по имени Коэнасъ, состояніе котораго значительно увеличилось вслѣдствіе контрабандной доставки товара изъ Бельгіи во Францію. Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ: за соотвѣтствующую плату онъ подкупалъ служащаго во французскомъ посольствѣ и при его посредствѣ переправлялъ короба, полные сигаръ, которые, благодаря льготамъ, предоставленнымъ дипломатамъ, не подвергались никакому досмотру. Когда они приходили въ Парижъ, компаньонъ Коэнаса приходилъ въ посольство, бралъ сигары и распредѣлялъ ихъ по магазинамъ.

Коэнасъ и предложилъ въ наше распоряженіе одинъ изъ своихъ коробовъ, чтобы вложить туда кипу «Lanterne» съ тѣмъ, чтобы какой-нибудь вѣрный человѣкъ опустилъ ихъ по почтовымъ ящикамъ въ Парижѣ. Уловка дѣйствовала нѣсколько мѣсяцевъ, но однажды служащій въ посольствѣ по разсѣянности перепуталъ ящики и доставилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ пакетъ контрабанднаго табаку вмѣсто дипломатическихъ документовъ. «Lanterne» не была конфискована, но такъ какъ трюкъ былъ обнаруженъ, она, несомнѣнно, подверглась бы конфискаціи въ слѣдующій разъ.

Приходилось снова ломать голову, чтобы обезпечить доставку журнала.

Намъ повезло. Однажды Шарль и я увидѣли у одного итальянскаго формовщика бюстъ самого Наполеона. Не знаю, кому изъ насъ пришла въ голову мысль набить внутренность бюста такимъ количествомъ «Lanterne» мелкаго формата, какое способны будутъ вынести выгибы этого хоботовиднаго носа и этихъ надутыхъ щекъ. Изъ боязни привлечь на себя вниманіе многочисленныхъ сыщиковъ, которыхъ изъ-за меня содержала императорская полиція на бельгійской территоріи, мы поручили одному пріятелю заказать формовщику нѣкоторое количество копій бюста, которые должны были быть набиты брошюрами, а потомъ задѣланы гипсомъ. Понадобилось не меньше пятнадцати бюстовъ этой усатой особы, чтобы

спрятать туда всю посылку. Теперь уже никакъ нельзя было сказать, что у него ничего не было въ головѣ. Кромѣ того, подъ каждымъ эполетомъ было по шести «Lanterne», грудь колесомъ въ мундирѣ скрывала цѣлыхъ шестьдесятъ. Семь штукъ были разложены вдоль большой ленты Почетнаго Легіона. Отрава имперіи несла такимъ образомъ въ самой себѣ свое противоядіе.

Когда этотъ маневръ съ начинкой былъ законченъ, два вѣрныхъ человѣка съ двумя бюстами подъ мышкой каждый, побѣдоносно продефилировали мимо французскихъ таможенныхъ, которые почтительно склонились передъ изображеніемъ своего повелителя. Имъ наплели, что это былъ большой заказъ, назначенный для сельскихъ мэрій, ибо другія изображенія императора вышли изъ моды. Во Франціи было 36.000 коммунъ. У насъ впереди было такимъ образомъ еще обширное поле.

Но отъ одного неожиданнаго удара вдругъ пролился странный свѣтъ. Одинъ изъ бюстовъ, плохо укрѣпленный на подставкѣ, сорвался и раскроилъ себѣ черепъ, оттуда полилась струя свернувшейся крови въ формѣ маленькихъ красныхъ книжечекъ, происхожденіе которыхъ таможенные узнали съ перваго взгляда.

Никогда еще слезы не были такъ близки къ смѣху. Приключеніе, которое вызвало скандалъ, было такъ комично, что его смѣхотворность, излившаяся на человѣка изъ Тюльери, возмѣстила намъ вполнѣ наши обманутыя ожиданія. Мы сейчасъ же придумали новую комбинацію, которая на этотъ разъ удалась вполнѣ и до самаго конца обманывала полицейскія выслѣживанія.

Въ нашихъ странствованіяхъ по художественнымъ магазинамъ я видѣлъ у одного антикварія въ Малинѣ старую раму, широкую и ровную, которая навела меня на размышленія. Я просилъ торговца приготовить мнѣ ея копію съ тою разницей, что она должна была быть не цѣльной, а полой, чтобы въ ней во всю ея высоту помѣстилось извѣстное количество печатныхъ листовъ бумаги. Во фризѣ рамы, зачерненной и патинированной, какъ какая-нибудь драгоцѣнность временъ Ренессанса, былъ скрытъ деревянный цвѣтокъ; достаточно было отвинтить его, чтобы отскочила доска, служащая обдѣлкой, за которой безъ труда умѣщалось 1.550 штукъ «Lanterne».

Это было послѣднимъ крикомъ контрабанды.

Когда боевой снарядъ былъ наполненъ по самое горло, я попросилъ антикварія изъ Малина, города благочестиваго и не подозрѣваемаго въ разрушительныхъ стремленіяхъ, отправить его въ Парижъ, къ одному изъ своихъ собратьевъ на Boulevard Beaumarchais. На накладной я поставилъ имя матери моихъ дѣтей [1]),

[1]) Подруга Рошфора, съ которой онъ обвѣнчался позднѣе, незадолго до ея смерти. *(Ред.)*

которая должна была прійти за рамой, опорожнить ее и отправить назадъ въ Малинъ, съ тѣмъ, чтобы она черезъ недѣлю вновь поѣхала на Boulevard Beaumarchais. Рама путешествовала такимъ образомъ цѣлый годъ.

Но пропаганда при помощи этой псевдо-старинной рамы была для насъ недостаточна. Мы искали средства водвориться въ самомъ сердцѣ Франціи, но безъ необходимости перебираться за границу. Поль Мерисъ и Ваккери [1]) только что пріѣхали въ Брюссель, и мы обсуждали способъ бить имперію такъ, чтобы имперія не била насъ. Въ это время вошелъ маленькій человѣкъ съ краснымъ лицомъ и малымъ количествомъ волосъ. Мы познакомились. Это былъ Барбье, декабрьскій изгнанникъ, давно вернувшійся во Францію и хорошо знакомый съ семьей Гюго по Джерси. Хотя и безъ большого образованія, онъ пріѣхалъ спеціально, чтобы потолковать съ нами о газетѣ. У него не было ни заглавія, ни плана, но онъ предполагалъ — и это уже было нѣчто — что Викторъ Гюго, его два сына, Мерисъ, Ваккери и я можемъ составить интересную редакцію. Этотъ проектъ показался намъ тѣмъ болѣе заманчивымъ, что никакой законъ не возбранялъ мнѣ замѣнить опальную «Lanterne» статьями, которыя появлялись бы въ Парижѣ, съ моею подписью, какъ если бы я продолжалъ тамъ жить. Викторъ Гюго не долженъ былъ принимать активнаго участія, но можно было перепечатать въ видѣ фельетоновъ два его лучшихъ романа. Мы распредѣлили роли въ тотъ же вечеръ, и намъ осталось только найти заглавіе.

— Я вамъ принесу его завтра утромъ, — сказалъ Викторъ Гюго, поднимаясь, чтобы итти спать.

И, дѣйствительно, рано утромъ онъ спросилъ меня:

— Что бы вы сказали о заглавіи «Le Rappel» [2]).

Мы всѣ провозгласили его великолѣпнымъ. И правда, уже наступалъ часъ, когда нужно было бить *сборъ* всѣмъ убѣжденнымъ, всѣмъ энергичнымъ. Мы почувствовали, что вѣтеръ успѣха дуетъ въ наши паруса, и Барбье уѣхалъ вмѣстѣ съ Мерисомъ и Ваккери, чтобы, не теряя времени, найти типографію, помѣщеніе, поставщика бумаги,—словомъ, все, что нужно для изданія газеты.

Заглавію и газетѣ повезло... Она не могла появиться въ болѣе благопріятный моментъ. Общіе выборы 1869 года были близки, и оппозиція шла на нихъ лучше вооруженная, чѣмъ въ какое-либо другое время мрачнаго наполеоновскаго жонглерства. Комитеты образовывались во всѣхъ округахъ Парижа, откуда ждали освобожденія. Была выдвинута и моя кандидатура — о чемъ я почти и не думалъ — въ седьмомъ парижскомъ округѣ, гдѣ кандидатами

---

[1]) Видные журналисты. *(Ред.)*

[2]) Призывъ, сборъ.

уже были Жюль Фавръ, соціалистъ Кантагрель и какой-то офиціальный кандидатъ, имя котораго затерялось... Несмотря на силу и радикализмъ моей программы, я получилъ въ довольно умѣренномъ седьмомъ округѣ 10.500 голосовъ, а Жюль Фавръ — 12.000. Но Кантагрель, который шелъ третьимъ, съ 7.000 голосовъ отказался въ мою пользу. Положеніе Фавра становилось болѣе, чѣмъ критическимъ. Тогда офиціальныя газеты, покинувъ офиціальнаго кандидата, который замыкалъ шествіе съ 4.000 съ чѣмъ-то голосовъ, стали энергично совѣтовать всѣмъ должностнымъ лицамъ, даже городскимъ сержантамъ, присоединиться къ кандидатурѣ Фавра, чтобы доставить ей побѣду надъ моей. Фавръ не протестовалъ противъ этой поддержки и, такъ какъ, вдобавокъ, извѣстное количество избирателей, огорченное тѣмъ, что законодательный корпусъ лишится одного изъ самыхъ видныхъ ораторовъ, перешло на его сторону, онъ получилъ около 2.000 голосовъ больше, чѣмъ я.

Я думалъ, что я уже могу больше не безпокоиться. Но я ошибался. Гамбетта, который пріобрѣлъ громкую популярность своими грозными филиппиками на процессѣ Бодена, гдѣ онъ втопталъ въ грязь Наполеона III, былъ избранъ одновременно въ Парижѣ и Марселѣ. Это двойное избраніе въ двухъ крупнѣйшихъ городахъ Франціи человѣка, который не только публично заклеймилъ Второе Декабря, но направилъ свои удары на властителя, осуществившаго переворотъ, вызвало во всей Франціи и даже въ Европѣ чрезвычайное возбужденіе... А обычай былъ таковъ, что видный кандидатъ, избранный одновременно въ провинціи и Парижѣ, принималъ избраніе въ провинціи, чтобы оставить свободное мѣсто единомышленнику въ столицѣ, гдѣ успѣхъ былъ обезпеченъ. Такъ какъ Гамбетта принялъ избраніе въ Марселѣ, то первый округъ Парижа былъ свободенъ. Мое славное пораженіе противъ Жюля Фавра выдвигало меня почти неизбѣжно кандидатомъ оппозиціи. Комитетъ образовался безъ моего вѣдома, предложилъ мнѣ кандидатуру и почти заставилъ меня принять ее подъ угрозой обвиненія въ дезертирствѣ со стороны республиканско-соціалистической партіи. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сдаться. Тогда мнѣ былъ предложенъ вопросъ:

— Если избиратели потребуютъ васъ въ Парижъ, рѣшитесь ли вы пренебречь тюрьмою, чтобы поспѣшить на ихъ призывъ?

— Пренебрегу, хотя у меня скопилось ея на шесть лѣтъ, — отвѣтилъ я рѣшительно.

Призыва не пришлось ждать долго. Обнявъ всю семью Гюго, я вмѣстѣ съ Альбіо, делегатомъ комитета, сѣлъ въ парижскій поѣздъ. Разумѣется, я не разсчитывалъ пріѣхать въ Парижъ сразу и безъ помѣхи, но я лишь слабо предвидѣлъ событія.

До Феньи, первой французской станціи, путешествіе было очень веселое. Тамъ нужно было выйти изъ вагона, чтобы подверг-

нуться таможенному досмотру. Я не имѣлъ никакого желанія играть въ прятки съ жандармами и открыто прогуливался по станціи, думая, что если у полиціи есть приказъ арестовать меня, она всегда сумѣетъ меня найти.

Приказъ у нея, дѣйствительно, былъ. Господинъ, одѣтый въ похоронный черный костюмъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ почти что ласково:

— Вы господинъ Анри Рошфоръ?

— Да.

— Быть-можетъ, вы будете добры и потрудитесь слѣдовать за мною. — Это былъ пограничный комиссаръ, который привелъ меня въ свой кабинетъ и, чтобы показать свое вниманіе, подбросилъ три или четыре полѣнца въ каминъ.

— Скажите, — спросилъ я, — зачѣмъ я тутъ? — Я арестованъ?

— Не вполнѣ, — отвѣтилъ онъ. — Но вы и не свободны. У меня есть приказъ объ арестѣ, но такъ какъ онъ выданъ давно, то я телеграфировалъ лильскому префекту, чтобы узнать, приводить его въ исполненіе или нѣтъ.

Мы позавтракали въ буфетѣ въ ожиданіи отвѣта, который пришелъ черезъ полчаса. Онъ былъ положительный и заключалъ въ себѣ слѣдующія слова: «удержите г. Рошфора подъ арестомъ». Показывая мнѣ его, комиссаръ сдѣлалъ самую удрученную физіономію. Но я сказалъ ему, смѣясь:

— Вы не могли сообщить мнѣ извѣстія болѣе пріятнаго. Теперь мое избраніе обезпечено.

Мой спутникъ хотѣлъ раздѣлить мое заключеніе, но такъ какъ о немъ приказа не было, то ему, несомнѣнно, недолго позволили бы остаться подъ добровольнымъ арестомъ. Поѣздъ въ Парижъ долженъ былъ пройти въ 4 часа. Я просилъ его поѣхать. Онъ могъ прибыть на собраніе въ Монмартрѣ къ 9 часамъ вечера и сообщить избирателямъ о моемъ арестѣ, что, конечно, должно было произвести большее впечатлѣніе, чѣмъ самая яркая избирательная программа. Когда поѣздъ уходилъ, я шепнулъ Альбіо:

— Скажите же моимъ избирателямъ, что мой арестъ меня ни чуточки не смутилъ, что я ихъ не покину, въ надеждѣ, что и они не покинутъ меня. И отвезите имъ мой привѣтъ и мои симпатіи.

Пока я мѣрилъ шагами станціонный залъ въ Феньи, на Монмартрѣ, въ Grand Salon, собирались меня встрѣчать. Къ 7 часамъ вечера Boulevard de Clichy началъ загромождаться въ ожиданіи начала собранія. Помѣщеніе было просторное и могло вмѣстить до 3.000 человѣкъ... Вдругъ по рядамъ пронесся слухъ. Кто-то съ бульвара ворвался съ крикомъ:

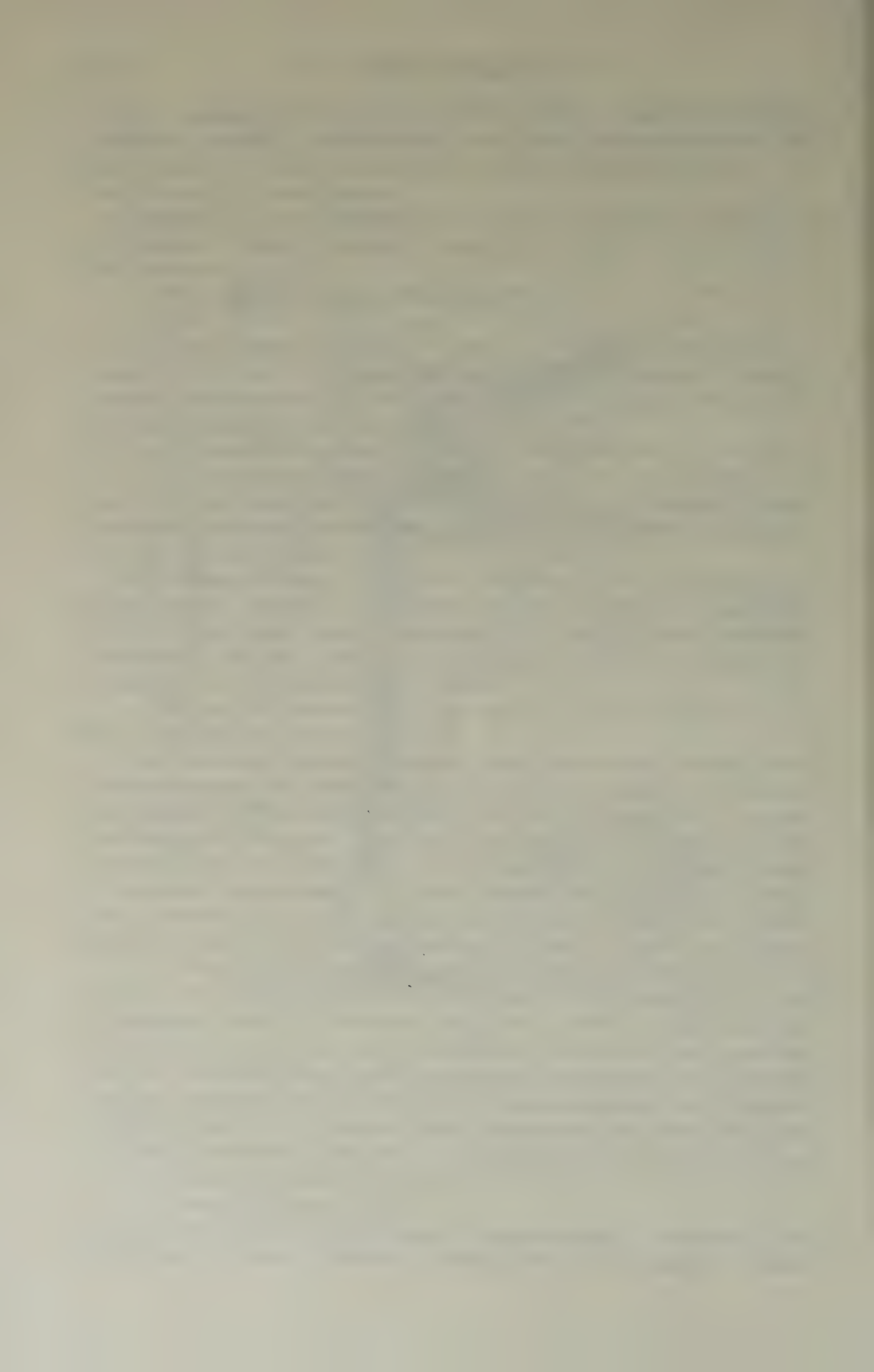
— Рошфоръ арестованъ!

И, пользуясь наступившимъ оцѣпенѣніемъ, сообщилъ, что гражданинъ Альбіо, делегатъ демократическаго комитета, стоитъ

ПЬЕРЪ, РАЗВАЛИВШІЙСЯ НА ДИВАНѢ.

(Рис. Башилова).

у входа въ залу, прося пустить его на трибуну для подтвержденія печальной новости.

Поднялась буря протестовъ противъ правительства, и Альбіо едва черезъ десять минутъ удалось заставить себя слушать.

При извѣстіи объ арестѣ мои соперники вошли въ залу, чтобы протестовать противъ такого способа устраненія кандидатовъ. И — рѣдкое зрѣлище! — они всѣ прошли черезъ трибуну, чтобы объявить, что они снимаютъ свои кандидатуры въ мою пользу.

Во время этой агитаціи, превратившей Большой Салонъ въ клубъ якобинцевъ, я продолжалъ свои разговоры съ персоналомъ буфета въ Феньи. Комиссаръ съ безпокойствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ шло время. Ему не хотѣлось вести меня на ночь въ тюрьму, а съ другой стороны ему было трудно смотрѣть на меня, какъ на арестованнаго на честное слово.

Наконецъ, около 9 часовъ вечера министерство внутреннихъ дѣлъ, очевидно, увѣдомленное о суматохѣ, произведенной моимъ арестомъ, рѣшилось отмѣнить первый приказъ — слишкомъ поздно, потому что впечатлѣніе было произведено — и отпустить меня на свободу немедленно.

Но, хоть и освобожденный изъ рукъ полиціи, я продолжалъ топтаться на вокзалѣ въ Феньи, ожидая перваго парижскаго поѣзда и не зная, что правительство путемъ ряда невѣроятныхъ промаховъ собственными руками уровняло почву вокругъ меня и убрало малѣйшіе камешки, способные затруднить мое движеніе впередъ. Я пріѣхалъ ночью...

Распайль, изолированный и избѣгаемый своими коллегами изъ тусклой демократіи, которую пугало его прошлое, сказалъ:

— Если Рошфоръ будетъ избранъ, соціальная революція не будетъ представлена однимъ только старикомъ. Насъ будетъ двое.

Я долженъ былъ войти въ Законодательный Корпусъ, какъ ядро сквозь тонкую стѣнку. Мое первое появленіе тамъ произвело сенсацію. Казалось, что я волоку за собою революцію. Я сѣлъ рядомъ съ Распайлемъ.

Чтобы быть болѣе свободнымъ, я основалъ «La Marseillaise», настоящую башибузукскую газету, въ которой мы ежедневно предавались сознательному поруганію имперіи и всѣхъ, кто имѣлъ съ нею какую-нибудь связь. Поглощенный газетой, постоянно занятый собраніями, депутаціями, делегаціями, парламентскими засѣданіями, я обезсилѣлъ такъ, что едва держался. Однажды въ декабрѣ я растянулся въ креслѣ передъ каминомъ въ большой залѣ конференціи Палаты и, истомленный до послѣдней степени, погрузился въ глубокій сонъ. Когда я открылъ глаза, меня окружала группа депутатовъ большинства, смотрѣвшая на меня съ видомъ сострáданія, необыкновенно комичнымъ.

Эти завсегдатаи Тюльери и Компьена, которые черезъ нѣсколько недѣль должны были вотировать за разрѣшеніе правительству судить и арестовывать меня, несмотря на защищавшую меня депутатскую неприкосновенность, изображали величайшую тревогу обо мнѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ самымъ нѣжнымъ тономъ:

— Ну, что это за существованіе, которое все проходитъ въ борьбѣ и усталости, дорогой господинъ Рошфоръ. А между тѣмъ вамъ было бы такъ легко получить спокойствіе и отдыхъ, въ которомъ вы такъ нуждаетесь...

И такъ какъ я дѣлалъ видъ, что не совсѣмъ проснулся и не понимаю, о какой легкости идетъ рѣчь, онъ прибавилъ:

— Отъ васъ не потребуютъ ничего противнаго вашей программѣ. Было бы достаточно, если бы вы оставили эту яростную оппозицію, которую вамъ навязываютъ соціалистическіе комитеты.

— Извините,—смѣясь отвѣтилъ я ему.—Это императоръ дѣлаетъ оппозицію по отношенію ко мнѣ. Онъ отказываетъ мнѣ во всемъ, что я у него прошу.

— Но вѣдь вы до сихъ поръ ничего у него не просили.

— Простите, — сказалъ я серьезнымъ тономъ,—я просилъ его уйти, а онъ упорно продолжаетъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

4. Убійство Виктора Нуара.

Получивъ письмо съ вызовомъ [1]), я просилъ Мильера и Артура Арну, двухъ моихъ сотрудниковъ, пойти къ нему и столковаться о немедленной встрѣчѣ съ оружіемъ. Но я до сихъ поръ не понимаю, въ какомъ угарѣ дѣйствовалъ нашъ сотрудникъ Паскаль Груссе, когда онъ отправилъ къ Бонапарту своихъ секундантовъ: принцъ его не вызывалъ. Викторъ Нуаръ былъ не моимъ секундантомъ, какъ думаютъ обыкновенно, а секундантомъ Груссе, который послалъ его въ Отейль къ принцу вмѣстѣ съ Фонвіэлемъ, не предупредивъ меня. Только днемъ я узналъ объ этомъ, но, увѣренный, что Пьеръ Бонапартъ не согласится на это новое требованіе удовлетворенія, я ждалъ въ Законодательномъ Корпусѣ возвращенія моихъ свидѣтелей, Мильера и Арну, которые должны были все рѣшить съ принцемъ относительно завтрашней дуэли.

Я показалъ многимъ членамъ лѣвой письмо съ вызовомъ, и Эммануэль Араго сразу заподозрѣлъ ловушку [2]).

---

[1]) Принцъ Пьеръ Бонапартъ, сынъ Люсьена и кузенъ императора, написалъ Рошфору дерзкое письмо, заключающее въ себѣ вызовъ на дуэль за то, что «La Marseillaise» нападала на императора. *(Ред.)*

[2]) Въ письмѣ была фраза, приглашавшая Рошфора явиться на домъ къ принцу. Это было противно всѣмъ дуэльнымъ обычаямъ. *(Ред.)*

— Будьте очень осторожны, — сказалъ онъ мнѣ, — и ни въ какомъ случаѣ не ходите къ нему. У него было уже нѣсколько печальныхъ дѣлъ.

Около пяти часовъ вечера я собирался уже уходить изъ Бурбонскаго дворца [1]), чтобы пойти размять руку въ какомъ-нибудь училищѣ фехтованія, когда я получилъ отъ Паскаля Груссе слѣдующую телеграмму: «Викторъ Нуаръ получилъ отъ принца Пьера Бонапарта револьверную пулю. Онъ уже умеръ».

Я не зналъ, что его свидѣтели опередили моихъ въ Отейлѣ, такъ что сначала телеграмма показалась мнѣ необъяснимой. Только въ редакціи «La Marseillaise», куда я бросился, сломя голову, я узналъ подробно всѣ фазы дѣла.

Мильеръ и Арну, которые явились къ дому, гдѣ совершилось преступленіе черезъ 10 минутъ послѣ Нуара и Фонвіэля, не были допущены туда толпою, которая тѣснилась передъ заломъ.

— Не входите туда,—кричали имъ.—Тамъ убиваютъ!

Они увидѣли бѣднаго Виктора Нуара распростертымъ на тротуарѣ съ грудью, пробитой пулей, и подобрали шляпу, выпавшую изъ его рукъ.

Очень разочарованный появленіемъ двухъ незнакомыхъ людей вмѣсто меня, котораго онъ ожидалъ, Бонапартъ, послѣ короткаго діалога съ ними, вынулъ изъ кармана десятизарядный револьверъ и выстрѣлилъ въ упоръ въ Нуара. Пустивъ двѣ пули также и въ Фонвіэля, у котораго онѣ затерялись въ платьѣ, Бонапартъ выдумалъ басню, приготовленную, несомнѣнно, для меня. Онъ увѣрялъ, что убитый далъ ему пощечину. Если бы я пошелъ къ нему на его приглашеніе, онъ бы говорилъ, что я его ударилъ.

Волненіе, произведенное въ Парижѣ этимъ гнуснымъ поступкомъ, было огромно. Я не знаю, примирилъ ли онъ Пьера Бонапарта съ Тюльери, но онъ навсегда поссорилъ Тюльери съ Франціей. Я узналъ о преступленіи въ 5 ч. вечера. Въ 6 ч. я написалъ статью, которая скорѣе была прокламаціей:

«Я имѣлъ слабость думать, что Бонапартъ можетъ быть чѣмъ-нибудь, кромѣ какъ убійцей.

«Я осмѣлился воображать, что честная дуэль возможна въ этой семьѣ, гдѣ убійства и ловушки входятъ въ традиціи и въ обычай.

«Нашъ сотрудникъ Паскаль Груссе раздѣлялъ мое заблужденіе, и сегодня мы оплакиваемъ нашего дорогого друга Виктора Нуара, умерщвленнаго бандитомъ, Пьеромъ Наполеономъ Бонапартомъ.

«Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ Франція въ окровавленныхъ рукахъ этихъ разбойниковъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что

---

[1]) Тамъ помѣщалась и помѣщается до сихъ поръ французская палата депутатовъ. *(Ред.)*

разстрѣливаютъ картечью республиканцевъ на улицахъ, завлекаютъ ихъ въ гнусныя западни, чтобы убивать ихъ у себя на дому.

«Французскій народъ, не находишь ли ты, что съ тебя этого довольно, наконецъ?»

Эта статья-набатъ немедленно была представлена въ судъ, какъ содержащая призывъ къ оружію. Въ то же время, чтобы дать удовлетвореніе общественному мнѣнію, арестовали и Пьера Бонапарта. Онъ былъ водворенъ въ Консьержери [1]), жилъ въ квартирѣ директора и ѣлъ за его столомъ. Оказалось, что сейчасъ же послѣ выстрѣла Бонапартъ послалъ за докторомъ, который натурально поспѣшилъ засвидѣтельствовать, что на щекѣ убійцы имѣется слѣдъ пощечины. Фонвіэлю, въ котораго Бонапартъ послалъ двѣ непопавшія пули, могло быть выгодно отрицать фактъ пощечины на судѣ, но мнѣ, своему товарищу и редактору, онъ сказалъ бы правду. А онъ всегда утверждалъ въ разговорахъ со мною, даю честное слово, что нашъ другъ не только не поднялъ руки на Бонапарта, но что, держа цилиндръ въ рукѣ, одѣтой въ перчатку, онъ все время сохранялъ спокойную позу и ни разу не сдѣлалъ жеста, дающаго основаніе заподозрить агрессивное намѣреніе.

При потрясающей вѣсти объ убійствѣ въ тотъ же день состоялось много собраній протеста. Амуру, который былъ потомъ членомъ Коммуны, протянулъ надъ трибуною широкое черное покрывало. Крики ярости стали раздаваться на улицахъ. Образовались группы, чтобы отправиться въ Нельи и привезти находившееся тамъ тѣло Нуара въ редакцію «Marseillaise», откуда должно было отправиться траурное шествіе. Это была бѣшеная жажда мести. Арестъ убійцы въ дѣйствительности имѣлъ только ту цѣль, чтобы оградить его отъ толпы, которая могла его линчевать. Уже говорили, что нужно итти въ Консьержери и тамъ предать смерти лже-арестованнаго.

На другой день, когда я, совершенно блѣдный и разстроенный, входилъ въ залу засѣданій палаты, я былъ встрѣченъ молчаніемъ, болѣе тревожнымъ для имперіи, чѣмъ для меня. Я зналъ уже, что Оливье [2]) натравилъ на меня своихъ лакеевъ изъ исправительнаго суда, и я слышалъ, какъ въ кулуарахъ онъ отвѣчалъ одному депутату, доказывавшему опасность привлеченія меня къ суду:

— Надо съ этимъ кончить. Съ Рошфоромъ невозможно управлять.

Я сейчасъ же попросилъ слова и представилъ запросъ министру юстиціи, почему убійцу судитъ не обычный судъ присяжныхъ, а спеціальный судъ. И такъ какъ предсѣдатель Шнейдеръ не давалъ мнѣ возможности объяснить мою мысль, я заявилъ:

---

[1]) Одна изъ парижскихъ тюремъ. *(Ред.)*

[2]) Эмиль Оливье, бывшій либералъ, въ то время министръ юстиціи. *(Ред.)*

— Ну, такъ я спрашиваю себя передъ фактомъ, какъ вчерашній, передъ фактами, происходящими съ давнихъ поръ, кто передъ нами: Бонапарты или Борджіа. (Восклицанія, крики: къ порядку, къ порядку!) Я приглашаю всѣхъ гражданъ вооружиться и самимъ свершить правосудіе.

Трусъ Оливье сдѣлалъ знакъ предсѣдателю, чтобы онъ закрылъ пренія, которыя начинали зажигать публику въ трибунахъ, и, попросивъ слова, онъ назвалъ преступленіе, совершенное наканунѣ, «прискорбнымъ происшествіемъ».

— Скажите, «убійство», — крикнулъ ему Распайль.

Министръ юстиціи объяснилъ, что законъ, изданный спеціально для членовъ императорской фамиліи въ 1852 г., не позволяетъ предать принца Пьера суду присяжныхъ. И, свидѣтельствуя свое уваженіе къ принципу равенства, закончилъ слѣдующей угрозою по нашему адресу:

— Мы—умѣренность, мы — свобода; если вы насъ принуждаете, мы будемъ силою.

Распайль въ негодованіи потребовалъ слова, чтобы отвѣтить наемникамъ изъ министерской своры.

— Совершено такое убійство,—говорилъ онъ,—что злодѣянія Тропмана [1]) не могли произвести такого впечатлѣнія, а судъ, которому вы его предаете, — не судъ. Намъ нуженъ судъ присяжныхъ, который не былъ бы навербованъ среди враговъ народнаго дѣла.

И такъ какъ ему стали говорить о независимости магистратуры, онъ воскликнулъ

— Знаю я ваши верховные суды. Прошелъ я черезъ нихъ. Въ одномъ засѣдалъ человѣкъ, осужденный на галеры.

Распайль былъ прерванъ предсѣдателемъ, который сообщилъ, что онъ только что получилъ отъ главнаго прокурора Граннере просьбу о разрѣшеніи начать противъ меня судебное преслѣдованіе за «оскорбленіе императора, возбужденіе къ возстанію и подстрекательство къ гражданской войнѣ». За пять минутъ передъ этимъ Эмиль Оливье объявилъ, что онъ презираетъ мои нападенія. Не похоже было все это на презрѣніе.

Похороны были назначены на слѣдующій день, и день съ самого начала казался чреватымъ ужасными волненіями. Съ самаго утра домъ на rue du Marché въ Нельи, гдѣ гробъ стоялъ на двухъ стульяхъ, былъ занятъ толпою, которая росла и грозила сдѣлать невозможнымъ какое-либо движеніе. Какимъ образомъ удастся подвести траурную колесницу къ дверямъ? Эту задачу нужно было рѣшить.

---

[1]) Извѣстный бандитъ, котораго какъ разъ въ это время судили. О казни его разсказалъ, какъ извѣстно, И. С. Тургеневъ. *(Ред.)*

Я пріѣхалъ туда уже совсѣмъ безъ силъ, не ѣвши три дня, не спавши три ночи: до такой степени держали меня въ тискахъ волненія всякаго рода. Я добрался до дверей, передаваемый по рукамъ. Поднявшись наверхъ, я нашелъ тамъ Делеклюза и Луи Нуара, извѣстнаго романиста, брата убитаго. Вскорѣ явился Флурансъ[1]) и завязался первый бой между сторонниками погребенія въ Парижѣ, въ Père Lachaise, куда, слѣдовательно, нужно было доставить тѣло, или въ Нельи. Сто тысячъ человѣкъ пѣхоты и кавалеріи были мобилизованы изъ всѣхъ сосѣднихъ гарнизоновъ, чтобы подавить въ крови всякую попытку возстанія. Впрочемъ, толпа была безоружна. Захваченная врасплохъ громовымъ ударомъ въ Отейлѣ, она не имѣла времени ни сопротивляться ни согласовать свои дѣйствія. Движимая гнѣвомъ, она пришла по своей волѣ, чтобы устроить манифестацію противъ двухъ убійцъ того, который былъ въ Тюльери, и другого.

Мы съ Делеклюзомъ убѣдили своихъ друзей, и огромное большинство присутствующихъ рѣшило послѣдовать нашему мнѣнію, но на половинѣ дороги къ Отейльскому кладбищу Флурансъ и нѣсколько человѣкъ, его окружавшихъ, схватили лошадей подъ уздцы и стали поворачивать ихъ въ сторону Парижа. Кучеръ не соглашался мѣнять путь. Тогда они обрѣзали постромки и впряглись сами въ мрачную колесницу.

Я сопровождалъ шествіе или, скорѣе, шествіе меня вело. Крѣпко стиснутый человѣческимъ моремъ, которое меня сдавливало, я нѣсколько разъ былъ подтолкнутъ на колеса и, если бы катафалкъ осадилъ назадъ хотя бы немного, я былъ бы подъ колесами. Тогда меня водрузили на самый катафалкъ, и я тамъ усѣлся, свѣсивъ ноги, рядомъ съ гробомъ. Съ высоты этой могильной обсерваторіи я видѣлъ, какъ колесница раздвигаетъ толпу, какъ люди падаютъ и встаютъ, какъ они проходятъ почти подъ ногами лошадей или пробираются между колесами, рискуя ежеминутно быть раздавленными.

Тщетно я кричалъ имъ изо всѣхъ силъ, чтобы они были осторожнѣе; мой голосъ не долеталъ до нихъ въ шумѣ шествія. Къ довершенію нервнаго возбужденія свѣжій воздухъ вызвалъ такой нестерпимый голодъ въ моемъ желудкѣ, который былъ пустъ уже три дня, что послѣднія силы покинули меня. Внезапно, безъ всякой видимой причины у меня закружилась голова, и я безъ чувствъ свалился съ катафалка.

Когда я вновь открылъ глаза, я находился въ фіакрѣ съ Жюлемъ Валлесомъ[2]) и двумя сотрудниками «Marseillaise». Мое первое слово было:

---

[1]) Делеклюзъ и Флурансъ—демократическіе писатели, впослѣдствіи оба коммунары. Флурансъ былъ убитъ версальцами послѣ подавленія коммуны, а Делеклюзъ погибъ на послѣдней баррикадѣ. *(Ред.)*

[2]) Талантливый журналистъ, авторъ знаменитыхъ очерковъ «Les réfractaires». *(Ред.)*

— Пошлите скорѣе принести мнѣ чего-нибудь поѣсть. Я умираю отъ голода.

Валлесъ самъ выскочилъ изъ кареты, побѣжалъ въ сосѣднюю булочную и купилъ двухфунтовый хлѣбъ. Я отломилъ половину и сталъ его ѣсть, запивая виномъ изъ бутылки. Мы уже были въ Парижѣ, въ авеню Елисейскихъ полей, около заставы Этуаль. Я смутно помню, что меня возили въ аптеку, гдѣ терли мнѣ виски и откуда послали за фіакромъ, въ которомъ я очнулся.

Здравый смыслъ между тѣмъ взялъ верхъ, и погребеніе состоялось на кладбищѣ Нельи.

Въ то время, какъ процессъ постояльца Коньсьержери двигался черепашьимъ шагомъ, мой шелъ адскимъ темпомъ. Обсужденіе требованія прокурора о преданіи меня суду было назначено на другой день послѣ подачи его заявленія. Оливье, который поддерживалъ его, объявилъ, что онъ не желаетъ, чтобы безполезно проходили дни.

— А день 2 декабря? Его-то вы желаете,—крикнулъ я ему съ мѣста.

Обманщикъ Оливье торжественно обѣщалъ палатѣ, что процессы по дѣламъ печати будутъ отданы на рѣшеніе суда присяжныхъ, а на другой день я получилъ повѣстку о вызовѣ въ судъ исправительной полиціи. Такъ что министръ не только мошенническимъ способомъ вынудилъ вотумъ палаты, но еще призналъ очень хорошимъ для депутата, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ, тотъ законъ о печати, который онъ находилъ никуда негоднымъ по отношенію къ частному лицу или къ журналисту.

Я не далъ себѣ труда явиться въ шестое отдѣленіе и объявилъ министру юстиціи, что его осужденіе не только не опорочитъ меня, но не будетъ даже имѣть достаточно значенія, чтобы принести мнѣ честь. Предсѣдатель суда прочелъ рѣшеніе, присланное ему изъ министерства, которое присуждало меня, Паскаля Груссе и нашего завѣдующаго и сотрудника Дерера къ шестимѣсячному заключенію. Индюкъ-Оливье самъ освѣдомилъ меня въ кулуарахъ палаты объ исходѣ процесса, которымъ я не пожелалъ заинтересоваться. Я прошелъ мимо него въ тотъ моментъ, когда этотъ большой глупецъ, которому его естественная нечистоплотность и зеленые очки придавали видъ писца или агента по сомнительнымъ дѣламъ, нагло говорилъ въ одной группѣ:

— Шесть мѣсяцевъ тюрьмы и 3000 фр. штрафу. Мы не хотѣли показаться черезчуръ суровыми.

Это было самое неприкрытое признаніе лакейства суда передъ правительствомъ, ибо «мы не хотѣли» ясно показывало, что не правосудіе, а министерство осудило меня. Я былъ осужденъ заочно. и на другой день послѣ истеченія срока для подачи кассаціонной жалобы я получилъ отъ прокурорскаго надзора «приглашеніе»

сѣсть подъ арестъ. Но не признавая судей, я не обратилъ вниманія на ихъ приглашеніе. На ихъ наглость я отвѣтилъ слѣдующей наглостью.

«Нужно думать, что я, дѣйствительно, былъ приговоренъ надняхъ къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Я, правда, читалъ въ газетахъ, что два или три старичка въ черныхъ юбкахъ [1]) пробормотали между собою нѣсколько словъ, меня касающихся. Но такъ какъ я очень занятой человѣкъ, то мнѣ некогда было думать объ этихъ пустякахъ.

«Сегодня я получаю письмо отъ прокурорскаго надзора, подписанное какимъ-то товарищемъ прокурора, имя котораго я не могъ прочитать. Эти господа такъ стыдятся своего ремесла, что прячутся подъ неразборчивой подписью. Черезъ этого чиновника Оливье приглашаетъ меня сѣсть подъ арестъ... Если бы я принялъ это приглашеніе, можно было подумать, что я приму также и другія, которыя послѣдуютъ изъ Компьена и Фонтенебло [2]). Этого недоразумѣнія нужно избѣжать во что бы то ни стало. И если бы, г. Оливье, я оторвался отъ своихъ работъ, чтобы исполнить ваше желаніе, изложенное въ письмѣ, подпись котораго неразборчива, ваши газеты стали бы говорить, что я заискиваю передъ вами.

«Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, двое изъ городовыхъ, которые васъ окружаютъ, должны потрудиться лично прійти и схватить меня за воротникъ. Будетъ хорошимъ примѣромъ, если оправданію принца Бонапарта будетъ предшествовать публичный арестъ одного изъ тѣхъ, кого онъ хотѣлъ убить, въ особенности если принять во вниманіе, что арестуемый—народный представитель. Это даетъ его отправкѣ въ тюрьму легкій вгородекабрьскій привкусъ, полный пріятныхъ воспоминаній.

«Вы воскликнули въ одномъ изъ вашихъ торжественныхъ выступленій: «если вы насъ принуждаете, мы будемъ силой».

«Такъ будьте же силой. Я васъ принуждаю».

Это принужденіе, заставлявшее правительство прибѣгнуть къ акту полицейской суровости, ставило его въ большое затрудненіе. Прошелъ день, потомъ другой, а оно все не рѣшалось дѣйствовать, а каждый часъ замедленія заставлялъ народъ все больше настораживаться. Кромѣ того, разъ я отказывался отдаться въ руки полиціи добровольно, становилось необходимымъ просить у Законодательнаго Корпуса разрѣшенія меня арестовать. Пренія, еще болѣе бурныя, хотя съ заранѣе предопредѣленнымъ концомъ, завязались по этому вопросу въ палатѣ. Оливье оспаривалъ необходимость разрѣшенія и воспротивился отсрочкѣ, хотя бы до конца сессіи, на которой настаивалъ Гамбетта. Палата, которая лежала на брюхѣ

---

[1]) Во Франціи судьи носятъ длинныя черныя тоги. *(Ред.)*

[2]) Императорскія резиденціи. *(Ред.)*

восемнадцать лѣтъ, не могла подняться вдругъ. Она согласилась, какъ глухая, на все, что требовалъ министръ-отступникъ. Я былъ выданъ.

Я думалъ, что буду арестованъ при выходѣ изъ засѣданія, на самомъ порогѣ Бурбонскаго дворца, но мнѣ дали уйти спокойно. Въ половинѣ девятаго я долженъ былъ встрѣтиться съ моими избирателями въ залѣ «Марсельезы»... Я медленно подвигался ко входу, сквозь густую толпу, посреди бурныхъ привѣтствій, какъ вдругъ два гражданина, которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшей причины остерегаться, схватили меня съ двухъ сторонъ подъ руки. Я понялъ, что схваченъ. Агентъ, который стоялъ у фіакра, поджидавшаго меня, сказалъ:

— Вы дѣйствительно г. Рошфоръ?

И, не дожидаясь отвѣта, показалъ на карету, предлагая мнѣ войти въ нее.

Когда въ собраніи было доложено о моемъ арестѣ, Гюставъ Флурансъ, который предсѣдательствовалъ, воскликнулъ:

— Всеобщее избирательное право не существуетъ болѣе. Я провозглашаю революцію и начинаю съ ареста комиссара.

Комиссаръ рѣшилъ, что послѣдній его часъ пробилъ, и пробормоталъ умоляющимъ голосомъ:

— Сударь, у меня жена, дѣти...

Когда эти господа вталкиваютъ въ участокъ и подвергаютъ истязаніямъ человѣка, который двигается по улицамъ недостаточно быстро, они никогда не спрашиваютъ у него, есть ли у него жена и дѣти. Зато, когда имъ грозитъ малѣйшая опасность, они сейчасъ же объявляютъ, что у нихъ имѣется то и другое.

Держа подъ руку своего плѣнника, Флурансъ вышелъ изъ зала. Но не зная, что съ нимъ дѣлать, онъ вручилъ его вѣрному человѣку, который принялъ его тѣмъ охотнѣе, что, какъ мы узнали нѣсколько поздно, былъ однимъ изъ пенсіонеровъ префектуры.

Ночью была арестована вся редакція «Марсельезы» [1]).

5. Въ Новой Каледоніи.

Послѣ четырехмѣсячнаго путешествія, день въ день, ибо, выѣхавъ изъ Франціи 10 августа, въ республиканскую дату, мы при-

[1]) Пропускаемъ разсказъ о пребываніи въ Sté Pelagie, о провозглашеніи республики, объ освобожденіи, объ избраніи въ члены временнаго правительства, о коммунѣ, о новомъ арестѣ и о новыхъ мытарствахъ по тюрьмамъ и крѣпостямъ. Въ заключеніе дадимъ лишь разсказъ о пребываніи въ Новой Каледоніи, куда Рошфоръ былъ сосланъ въ компаніи съ Паскалемъ Груссе и Оливье Пэномъ и поселенъ на полуостровѣ Дюко близъ Нумеи. Въ пропущенномъ много интереснаго, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ быть скупыми. *(Ред.)*

были 10 декабря, въ дату бонапартистскую — мы пристали къ берегу. Море было совершенно спокойно и увѣренность, что мы скоро ступимъ на землю, вернула мнѣ почти мгновенно силы, здоровье и хорошее настроеніе.

Полуостровъ Дюко, границы котораго были отмѣчены столбами, за которые запрещено было заходить, представлялъ довольно пріятное зрѣлище. Цѣпь холмовъ съ заостренными вершинами и со скатами, покрытыми тропической растительностью, дѣлила его на двѣ части, отдѣляя одну отъ другой двѣ долины.

Хижина Паскаля Груссе и Оливье Пэна [1]) была сложена изъ глины, смѣшанной съ соломой, и укрѣплена вѣтками, срѣзанными въ лѣсу, куда всѣ ходятъ искать прохлады. Она состояла изъ трехъ комнатъ, открытыхъ всѣмъ вѣтрамъ, ибо входъ былъ безъ дверей, и окна—безъ стеколъ, что дѣлало это сооруженіе, скорѣе похожимъ на сарай, чѣмъ на жилое помѣщеніе. Правое его крыло было неокончено и осталось бы неоконченнымъ, если бы газеты, полученныя на полуостровѣ, не возвѣстили мой скорый пріѣздъ. Ссыльные, которые построили эту соломенную мазанку, принялись вновь за дѣло, чтобы окончить ее. Когда я высадился, работа была въ полномъ разгарѣ.

Въ нѣсколько дней мои стѣны были сухи, а крыша достаточно толста и пропускала дождь только въ особо исключительныхъ случаяхъ.

Первыя три недѣли ушли на географическія изслѣдованія, которыя, впрочемъ, мнѣ было трудно простирать очень далеко, ибо неумолимый столбъ вставалъ передъ изслѣдователемъ черезъ три четверти часа ходьбы. То, что наши судьи нагло называли «изгнаніемъ въ колонію», имѣло въ окружности едва 8 верстъ, двѣ трети которыхъ приходились на прибрежные пески, гдѣ самый искусный садовникъ не сумѣлъ бы вырастить что-нибудь. Даже рыбная ловля, отъ которой ждали изобилія, ограничивалась только тѣми сортами рыбъ, которыя живутъ въ щеляхъ подводныхъ скалъ и выходятъ оттуда только въ поискахъ за пищей. Когда ихъ поймаютъ, углубленія, гдѣ онѣ прячутся, остаются пустыми, и нужно ждать мѣсяцами, пока они найдутъ новыхъ постояльцевъ.

Поэтому Оливье Пэнъ, лучшій рыболовъ нашего полуострова, вначалѣ ни разу не закидывалъ свою лесу толщиною въ полпальца, безъ того, чтобы не принести намъ дораду, миногу или вьюна. Позднѣе подводныя углубленія лишились своего населенія и лишь случайно ему удавалось увеличить нашъ обычный столъ какимъ-нибудь заблудившимся морскимъ угремъ. Я почти всегда ходилъ вмѣстѣ съ нимъ на его ночныя экспедиціи и почти всегда воз-

---

[1]) Два друга Рошфора, доставленные на Нумею ранѣе него. *(Ред.)*

вращался ни съ чѣмъ. Но фосфоресцирующее море въ блѣдныя ночи, когда луна сіяла такъ, что почти можно было читать, открывало намъ зрѣлище захватывающей поэзіи.

Очень часто, если въ вечернемъ воздухѣ было хоть немного влаги, я видѣлъ лунныя радуги, лучи которыхъ складывались совершенно такъ же, какъ лучи солнечной радуги. Я растягивался во всю длину на большихъ базальтовыхъ камняхъ, выглаженныхъ и какъ бы отполированныхъ волною, и любовался не сѣверной медвѣдицей нашего полушарія, а южнымъ крестомъ, собраніемъ звѣздъ, расположенныхъ довольно безпорядочно, въ которомъ христіане непремѣнно хотѣли видѣть крестъ. Звѣзды въ ясныя ночи словно готовы были упасть намъ на голову, настолько онѣ казались близкими. Небесный сводъ подъ этими широтами гораздо ниже, чѣмъ подъ нашими.

Закатъ солнца напоминалъ обыкновенно чудесную картину Тэрнера «Одиссей, покидающій Полифема» въ Лондонской національной галлереѣ. Это было жидкое золото или расплавленный аметистъ. Я видѣлъ такіе великолѣпные закаты, что хотѣлось кричать отъ восторга. Потомъ, послѣ этой удивительной сверкающей игры огня, вечеръ спускался, какъ занавѣсъ послѣ апоѳеоза въ какой-нибудь феерія. Безъ десяти минутъ 8 небо пылало. Въ 8 ровно оно было черное. Сумерки—вещь тамъ почти незнакомая.

Кромѣ рыбной ловли, которая почти уже ничего не приносила, наше единственное развлеченіе заключалось въ прогулкахъ вплавь по морю, которыя длились часто отъ 8 часовъ до 12, когда мы выходили изъ моря голодные съ перспективою полакомиться какими-нибудь гнилыми объѣдками. Плаванье не причиняло намъ большого утомленія, потому что океанская волна очень плотна и поддерживаетъ человѣка почти безъ всякихъ усилій съ его стороны. Несмотря на постоянныя безчинства акулъ, которыя за недѣлю до нашего прибытія сожрали смотрителя острога на островѣ, мы удалялись на такія разстоянія, что насъ не было видно съ берега.

Все болѣе и болѣе волнуясь объ участи своихъ дѣтей, я охотно попытался бы написать что-нибудь, хотя бы впечатлѣнія ссылки. Но трудно передать то ощущеніе лѣнивой истомы, въ которую повергаетъ человѣка сорокаградусная жара. Перо таетъ въ рукахъ, мозгъ — въ головѣ. Это все равно, что требовать отъ трехъ молодыхъ людей въ пещи огненной, чтобы они сочиняли романъ.

... Въ концѣ-концовъ, ссылка, какъ и шутка, хороша только тогда, когда она коротка. И однажды утромъ, проснувшись, я сказалъ своимъ двумъ товарищамъ:

— Теперь я хотѣлъ бы знать, черезъ какую дверь выходятъ отсюда.

Они сейчасъ же посвятили меня въ секретъ многочисленныхъ попытокъ бѣгства, организованныхъ въ теченіе года и окончившихся

очень печально. Одинъ только способъ представлялъ нѣкоторые шансы на успѣхъ, и было бы безуміемъ не понять этого и не попробовать имъ воспользоваться съ перваго же дня: соглашеніе съ капитаномъ какого-нибудь иностраннаго судна, австралійскаго или американскаго, которыя отъ временъ до времени заходили въ портъ Нумеи.

Главное затрудненіе состояло въ цѣнѣ, которую могъ потребовать командиръ судна, чтобы отдать себя въ распоряженіе ссыльныхъ. Хотя у нихъ въ Нумеѣ было и немного денегъ, но во Франціи у нихъ остались семьи, которыя въ крайнемъ случаѣ могли сложиться, чтобы достать необходимую сумму...

Однажды я попросилъ одного торговца въ Нумеѣ, котораго звали Дюссеръ, прислать намъ кое-какой провизіи. И вотъ я увидѣлъ человѣка, который закричалъ мнѣ издали, какъ только меня увидѣлъ:

— Здравствуйте, гражданинъ Рошфоръ. Ахъ, какъ я счастливъ снова увидѣть васъ!

У него была длинная темная борода, и я его не узналъ. Это былъ мой сосѣдъ по матрацу въ казематахъ Олерона [1]). Онъ былъ водворенъ въ Нумеѣ и теперь служилъ у нашего поставщика. Его звали Бастьенъ Грантиль.

Что бы ни говорили и ни разсказывали потомъ, именно ему и никому другому мы были обязаны успѣхомъ нашего побѣга. Онъ объявилъ мнѣ:

— Гражданинъ Рошфоръ, я вашъ душою и тѣломъ. Если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, располагайте мною. Я въ точности исполню всѣ ваши указанія.

Я понялъ, что нашъ спаситель найденъ. Я сказалъ ему, что предложенныя имъ услуги какъ нельзя болѣе кстати, и далъ ему такія предписанія.

— Когда вы увидите, что въ портѣ Нумеи бросилъ якорь американскій или, еще лучше, англійскій корабль, постарайтесь добраться до капитана и, если вы увидите, что онъ поддается, предложите ему принять на бортъ нѣсколько ссыльныхъ, пять или шесть человѣкъ, напримѣръ, за вознагражденіе, которое вы назначите сначала въ 10.000 франковъ. Если онъ потребуетъ 20.000— соглашайтесь, 40.000 — все-таки соглашайтесь. Идите вплоть до 100.000. Разъ я буду свободенъ, я сумѣю ихъ заработать.

Мой планъ заключался въ слѣдующемъ. На морской картѣ, которую далъ мнѣ капитанъ судна, доставившаго насъ сюда, былъ изображенъ небольшой утесъ. Онъ былъ постояннымъ предметомъ моихъ мыслей. Иногда мы доплывали до него, чтобы запомнить его

---

[1]) Крѣпость, въ которой содержался Рошфоръ передъ отправкой въ Новую Каледонію. *(Ред.)*

очертанія и удобныя для приставанія мѣста. Я возвращался каждый разъ все болѣе увѣренный, что на этой гранитной глыбѣ, безопасной отъ таможенныхъ объѣздовъ и огражденной базальтовыми скалами, мы должны ждать лодку-спасительницу, которая доставитъ насъ на корабль, готовый выйти въ море.

Нѣсколько дней прошло послѣ разговора съ Грантилемъ, и не было отъ него никакихъ новостей. Ежедневно я съ Пэномъ взбирался на гору, откуда мы устремляли глаза на корабли, стоящіе на якорѣ въ Нумеѣ. Который изъ нихъ повезетъ насъ въ Европу?

Наконецъ Грантиль появился съ запасомъ овощей для виду и съ запасомъ новостей, которыя были его настоящей цѣлью. Австралійскій корабль изъ Ньюкэстля привезъ въ Новую Каледонію уголь. Нашъ другъ сейчасъ же отправился къ его капитану и по случайному, но очень благопріятному совпаденію засталъ его въ каютѣ за чтеніемъ иллюстрированнаго журнала «Bowbels», раскрытаго на моей біографіи, въ началѣ которой красовался мой портретъ. Грантилю было нетрудно дать понять капитану, что именно это и былъ человѣкъ, котораго ему нужно спрятать на своемъ кораблѣ, вмѣсто названія имѣвшаго только иниціалы: P.-C.-E. Онъ предложилъ ему 10.000 фр. отъ моего имени и 5.000 отъ моихъ товарищей. Капитанъ Ло принялъ эту сумму безъ торгу, но ему нужно было пробыть въ Нумеѣ еще восемь дней, чтобы сдать свой уголь и закончить счета. Онъ посовѣтовалъ не говорить ничего экипажу, ибо надежда на вознагражденіе со стороны администраціи могла побудить кого-нибудь къ доносу. Основаніе побѣгу было положено.

Журдъ и Бальеръ, которые тщетно пытались бѣжать за нѣсколько времени передъ этимъ изъ Нумеи, гдѣ они служили, продолжили переговоры съ капитаномъ, чтобы установить день и часъ отъѣзда и способъ доставки на корабль трехъ бѣглецовъ изъ шести, которые жили на полуостровѣ Дюко, т.-е. за нѣсколько километровъ отъ P.-C.-E. Капитанъ сказалъ, что ему невозможно будетъ послать за ними свою лодку. Онъ хотѣлъ, чтобы въ случаѣ неудачи, результатами которой были бы разслѣдованіе и процессъ, имѣть право утверждать, что мы взобрались на корабль безъ его вѣдома и такимъ образомъ устранить всякое доказательство соучастія.

И снова Грантиль выручилъ насъ изъ затрудненія. Онъ почти каждое утро доставлялъ съѣстные припасы на полуостровъ въ лодкѣ своего хозяина. Утромъ, въ назначенный день онъ оставитъ у себя въ карманѣ ключъ отъ лодочнаго замка и пріѣдетъ за нами туда, куда мы ему скажемъ, и гдѣ мы его будемъ ждать.

Пунктъ былъ точно обозначенъ: маленькій гранитный утесъ, о которомъ я говорилъ. Мы не могли надѣяться на что-нибудь лучшее. Намъ казалось, что дни, предшествующіе великому моменту,

безконечны. Наканунѣ я съ Пэномъ проплылъ до завѣтной скалы, а днемъ Паскаль Грессе получилъ отъ Журда изъ Нумеи записку слѣдующаго содержанія.

— Завтра, въ четвергъ, я пришлю тебѣ восьмой томъ «Исторіи консульства и имперіи», обѣщанный мною.

На языкѣ собирающихся бѣжать это означало:

— Завтра въ восемь часовъ вечера бросайтесь въ воду и ждите насъ на скалѣ.

Мы почти не спали послѣднія ночи, и въ самую послѣднюю не разсчитывали на очень глубокій сонъ. Мы воспользовались этимъ безсоннымъ настроеніемъ, чтобы пойти въ послѣдній разъ въ гости къ Генри Бауеру, съ которымъ играли въ карты почти до трехъ часовъ утра. Какъ нетрудно понять, я относился съ весьма поверхностнымъ вниманіемъ къ моимъ козырямъ и проигралъ, помню, четырнадцать бутылокъ пива, которыя я обѣщалъ заплатить въ теченіе 24 часовъ.

Наканунѣ мы отправили съ Грантилемъ пакетъ съ одеждою, которую лодка должна была привезти намъ на скалу, такъ какъ мы рѣшили пуститься вплавь только въ купальныхъ костюмахъ.

Мы раздѣлись на травѣ, при свѣтѣ молніи, которая начинала сверкать на небѣ и спрятали подъ кустами все, что мы сняли съ себя, ибо было опасно оставить въ домикѣ снятую одежду изъ страха вызвать комментаріи.

Мы были уже въ купальныхъ костюмахъ, когда было еще свѣтло. Потомъ, сразу, за нѣсколько минутъ до восьми покрывало ночи развернулось и наступила темнота. Небо, къ счастью, было черно, какъ чернила, ибо луна наканунѣ исчерпала свою послѣднюю четверть. Мы прошли гуськомъ маленькую тропинку, которая вела къ морю и гдѣ мы не очень боялись быть застигнутыми, такъ какъ по виду мы были болѣе приспособлены къ купанью, чѣмъ къ побѣгу.

— Прощай, домъ,—сказалъ Груссе, когда прошли мимо него.

Этотъ привѣтъ долженъ былъ быть послѣднимъ на этой землѣ тревоги, истощенія и нищеты.

Въ это утро, когда я съ Бауеромъ проходилъ по берегу, я увидалъ между нашимъ полуостровомъ и островомъ Ну огромную акулу, которая играла въ водѣ, очевидно, удовлетворенная какимъ-нибудь очень основательнымъ обѣдомъ. Я показалъ ее Бауеру и сказалъ:

— Это, можетъ-быть, та, которая ночью съѣстъ насъ.

Но, когда мы вошли въ воду, тучи были черны, хотя дождь еще не начинался. Морскія чудовища, которыхъ пугаютъ удары грома и молнія, прячутся въ глубинахъ. Возможно, что шумъ грозы портитъ имъ аппетитъ.

Такъ какъ утесъ, на который мы держали путь, былъ сравнительно далеко въ морѣ, которое въ этотъ моментъ вздымалось до-

вольно высоко, мы почти рисковали заблудиться. И хотя я много разъ совершалъ эту экскурсію, она мнѣ показалась необыкновенно длинной. Приливъ, обычно мало замѣтный, въ эту ночь закрывалъ почти цѣликомъ маленькій островокъ, и мнѣ трудно было разглядѣть его сквозь свинцовую ризу, которая все сгущалась надъ нами. Я начиналъ уже спрашивать себя, гдѣ я, ибо я плылъ нѣсколько впереди моихъ товарищей, когда мое колѣно коснулось острія скалы и, ставъ на ноги, я почувствовалъ подъ собой твердую почву.

Болѣе ловкіе, чѣмъ я, Оливье Пэнъ и Паскаль Груссе, взобрались на отвѣсное возвышеніе, которое разсѣлось, и я полетѣлъ бы въ трещину, если бы не удержался за стволъ дерева, которое повисло надъ нею. Мы укрѣпились безъ всякой опасности быть замѣченными. Но время, потраченное нами на достиженіе острова, казалось такимъ длиннымъ, что я готовъ былъ думать, что лодка пришла и ушла, не найдя своихъ пассажировъ.

Мы изнемогали отъ нетерпѣнія, сидя въ углубленіяхъ скалъ уже минутъ двадцать, и говорили о томъ, чтобы пуститься въ обратный путь, думая, что Грантилю не удалось достать лодку. Пять газовыхъ фонарей на берегу острова Ну, у входа въ острогъ, одни блестѣли въ окружавшей насъ темнотѣ, когда вдругъ одинъ огонь погасъ, потомъ появился вновь, а погасъ слѣдующій. Очевидно, между нами и островомъ проходило непрозрачное тѣло. Вскорѣ мы улышали слабый звукъ веселъ, и предосторожности, принимаемыя гребцами, показали намъ, что наши друзья были близко. Послышался голосъ:

— Вы тутъ?

— Да.

— Ну, такъ бросайтесь вплавь. Лодка не можетъ пристать. Она наткнется на подводную скалу.

Мы скользнули въ воду, и въ нѣсколько взмаховъ повисли на лодкѣ. Насъ втащили по очереди. Если бы мы влѣзли сразу, лодка могла опрокинуться. Журдъ, Бальеръ, Грантиль, который рѣшилъ бѣжать вмѣстѣ съ нами, развернули нашъ пакетъ съ платьемъ и мы кое-какъ одѣлись, не давъ себѣ труда, какъ слѣдуетъ, вытереться. Бальеръ сѣлъ на руль, мы повернули, и лодка пошла въ портъ Нумеи, гдѣ трапъ Р.-С.-Е. былъ спущенъ, чтобы насъ принять.

Бальеръ днемъ нарочно былъ въ порту, чтобы точно установить положеніе нашего корабля, ибо въ порту стояло много трехмачтовыхъ судовъ и между ними два военныхъ авизо, которые въ случаѣ побѣга должны были гнаться за ссыльными и каторжниками. Но осмотрѣнный утромъ въ отливъ, Р.-С.-Е. во время прилива повернулся вокругъ себя и нашъ товарищъ объявилъ, что не можетъ его найти. Тогда, продолжая изслѣдовать портъ, мы увидѣли спущенный трапъ,

который звалъ насъ къ себѣ такъ любезно; мы рѣшили, что цѣль достигнута. Кто-то уже поднялся на двѣ первыя ступеньки, когда мы услышали на мостикѣ голоса, обмѣнявшіеся словами на такомъ чистомъ французскомъ языкѣ, который былъ для насъ какъ нельзя болѣе опасенъ. Мы чуть не угодили въ одно изъ правительственныхъ авизо. Можно себѣ представить, съ какой быстротой мы притаились снова въ нашей лодкѣ. Трехмачтовый корабль капитана Ло стоялъ какъ разъ рядомъ съ французскимъ. На этотъ разъ нечего было бояться ошибки, и мы поднялись на бортъ въ полной безопасности. Когда я ступилъ на палубу, въ Нумейской церкви пробило полночь.

Насъ ожидало маленькое разочарованіе. Капитанъ Ло, который не довѣрялъ себѣ до такой степени, что не бралъ съ собою никогда въ плаванье вина, наверстывалъ свое при остановкахъ и не выходилъ изъ окрестныхъ кафе. По обыкновенію онъ забылъ обо всемъ и о насъ между прочимъ. И мы были очень удивлены, когда насъ встрѣтилъ старшій поваръ, единственный человѣкъ во всемъ экипажѣ, который еще не ложился, и удивленіе котораго было больше нашего, когда передъ нимъ появились шесть молодцовъ весьма безпокойнаго вида, которые взяли корабль приступомъ. Никто изъ насъ не зналъ настолько англійскаго языка, чтобы вступить съ нимъ въ разговоръ, и мы недоумѣвали, подъ какими псевдонимами велѣть доложить о себѣ, когда капитанъ Ло появился, наконецъ.

Онъ, несомнѣнно, былъ на взводѣ, но не настолько, чтобы потерять соображеніе. Первымъ долгомъ онъ отправилъ повара въ его каюту и, простившись съ нами, какъ будто мы должны были уѣхать, онъ повелъ насъ къ другому трапу, по которому мы спустились въ корабельный трюмъ. Вмѣсто постелей мы нашли тамъ связки канатовъ, и, хотя отъ нихъ сильно болятъ бока, но намъ онѣ показались самыми лучшими пружинными матрацами,— настолько перспектива свободы украшала все. Хотя опасность совсѣмъ еще не миновала, а, наоборотъ, едва начиналась, моя усталость побѣдила всѣ канаты и я проспалъ, какъ бревно, до того момента, когда покачиваніе корабля показало, что поднимаютъ якоря.

Каждую минуту мы ожидали появленія какого-нибудь морского комиссара, который потребуетъ, чтобы мы сдались и приведетъ насъ въ кандалахъ въ покинутый нами домикъ. Часъ, два прошли безъ появленія юстиціи, но и безъ малѣйшаго симптома движенія впередъ.

Почему мы качаемся, стоя на мѣстѣ, и почему не двигаемся, когда намъ такъ нужно двигаться быстро?

Нѣсколько словъ, набрасанныхъ карандашомъ, упавшія къ намъ сверху, освѣдомили насъ къ великому нашему огорченію. Капитанъ Ло писалъ:

— Ни малѣйшаго дуновенія. Лоцманъ увѣряетъ, что сегодня невозможно будетъ уйти.

Въ 11 ч. утра мы еще не двигались. Мы переживали ужасныя минуты. Наконецъ новая записка упала сверху, съ неба, могли бы мы сказать.

— Я настаиваю чтобы выйти. Лоцманъ совѣтуетъ оставить всякую надежду выйти обыкновеннымъ проходомъ изъ рифовъ, потому что мы будемъ имѣть вѣтеръ противъ.

Слѣдовательно, былъ вѣтеръ, разъ онъ былъ противъ. Эти указанія скоро были пополнены слѣдующимъ:

— Вѣтеръ сталъ крѣпче. Я попытаюсь выйти изъ рифовъ проходомъ Балари. Мы огибаемъ полуостровъ Дюко съ попутнымъ вѣтромъ.

Я выглянулъ наружу и увидѣлъ нашихъ товарищей, смотрѣвшихъ, какъ въ нѣсколькихъ метрахъ отъ нихъ бѣжитъ трехмачтовый корабль. Какъ были они далеки отъ мысли, что онъ уноситъ насъ!

Пока мы не миновали брешь, продѣланную волнами въ коралловомъ поясѣ, окружающемъ Новую Каледонію на разстояніи приблизительно 40 верстъ, мы были еще во французскихъ водахъ, и англійскій корабль былъ подчиненъ праву досмотра. Наоборотъ, разъ кораллы остались позади, Р.-С.-Е. былъ въ свободномъ морѣ, и всякая попытка войти на корабль была уже покушеніемъ на англійскій флагъ. Поэтому никогда еще нѣжная записка не была получена съ большой радостью, чѣмъ та, которая, кружась, опустилась на насъ. Она гласила:

— Мы внѣ рифовъ. Больше бояться нечего. Вы можете подняться на палубу.

Было около 4 часовъ, и, начиная съ 7 утра, насъ терзали конвульсіи безпокойства.

Увидѣвъ наши опальныя головы въ отверстіе трапа, матросы были очень удивлены, капитанъ Ло сдѣлалъ видъ, что онъ удивленъ еще больше. Онъ обратился къ намъ по-англійски по поводу нашей неосторожности съ упреками, которыхъ мы не поняли. Мы дали ему по-французски отвѣтъ, котораго онъ не понялъ. Потомъ, послѣ этихъ лойяльныхъ объясненій, онъ указалъ каждому изъ насъ каюту и велѣлъ накрыть намъ завтракъ.

...Наконецъ сквозь океанскую волну и прыжки корабля я увидѣлъ холмъ, по склону котораго лѣпились бѣлые, залитые солнцемъ дома. Это былъ Ньюкэстль.

На этотъ разъ мы были какъ слѣдуетъ спасены.

Изъ встрѣчъ съ Бебелемъ.

Съ Бебелемъ я познакомился въ іюнѣ 1906 года.

Я задумалъ тогда издать русскій переводъ избранныхъ рѣчей Бебеля. Для этого изданія необходимо было не только «предисловіе» Бебеля, но его участіе въ подборѣ рѣчей, редактированіи и сокращеніи ихъ, и мнѣ поэтому не хотѣлось явиться къ нему, что называется, «съ улицы», я отправился къ Каутскому, чтобы взять у него пару рекомендательныхъ словъ къ Бебелю.

— Въ данномъ случаѣ рекомендація излишня! — сказалъ мнѣ Каутскій. — Предложеніе ваше само за себя говоритъ: русскій переводъ парламентскихъ рѣчей Бебеля, какъ нельзя болѣе, кстати для даннаго момента и даже для отдаленнаго будущаго «für unabsehbare Zeit» можетъ оказать огромную услугу развитію русскаго парламентаризма. Да и, кромѣ того, Бебель, вѣроятно, помнитъ ваше имя: скажите ему, что вы тотъ русскій товарищъ, у котораго гостила наша любимая голландская писательница (Роландъ-Гольстъ).

Не безъ нѣкотораго волненія я постучалъ въ дверь кабинета Бебеля и, услышавъ его звонкое «herein!», вошелъ и пожалъ руку этого великаго въ своей простотѣ человѣка, котораго я до сихъ поръ видалъ только на трибунѣ рейхстага или народныхъ собраній.

Поражаетъ скромность обстановки всей квартиры и рабочаго кабинета Бебеля, про «милліонное состояніе» и любовь къ роскоши котораго создалось столько нелѣпыхъ легендъ, въ особенности въ связи съ его знаменитой виллой на Цюрихскомъ озерѣ въ Кюснахтѣ.

Характерно въ скромной обстановкѣ его кабинета отсутствіе мягкой мебели, столь обычной даже въ квартирѣ простого нѣмецкаго рабочаго. Даже кресло у письменнаго стола — обычное вѣнское, съ низкой спинкой, а вмѣсто стульевъ — табуреты — характерная подробность, показывающая, какъ интенсивно работаетъ и какъ мало отдыхаетъ этотъ неутомимый труженикъ.

Есть что-то чарующее въ глазахъ этого рѣдкаго человѣка, во всемъ его существѣ. Безграничная доброта и ласка отражается въ его глазахъ, слышится въ его мягкомъ бархатномъ голосѣ, но

въ то же время какая-то суровость, печать закаленной жизнью твердости и прямоты. Отсутствіе внѣшней чисто нѣмецкой вѣжливости, но вмѣсто нея какое-то неподдѣльное радушіе. Непреклонность воли этого человѣка даетъ себя чувствовать съ перваго момента, сразу видишь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, котораго трудно переубѣждать въ маломъ, какъ въ великомъ. Съ первыхъ же словъ для меня стало ясно, чего можно будетъ добиться отъ него, чего ни подъ какимъ видомъ—нѣтъ.

Ободренный словами Каутскаго о необходимости для Россіи изданія рѣчей Бебеля, я изложилъ ему проектъ изданія.

Бебель, однако, гораздо скромнѣе Каутскаго смотрѣлъ на значеніе своихъ рѣчей для Россіи. Это была, конечно, скромность великаго человѣка, подкупающая своей искренностью.

Выслушавъ мое предложеніе, онъ отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ проектируемаго мною изданія избранныхъ его рѣчей, но искренне недоумѣвалъ, почему это я для намѣченной цѣли остановился на его рѣчахъ, составляющихъ «лишь незначительную часть» парламентской дѣятельности нѣмецкой соціалъ-демократіи, почему я не беру «болѣе интересныхъ» рѣчей Либкнехта, Зингера, Ауэра и др.? Доказывать ему обратное, что болѣе интересныхъ, чѣмъ его рѣчи, нѣтъ, было не совсѣмъ удобно: это могло быть понято, какъ обычная лесть. Но дѣлать было нечего, я долженъ былъ прибѣгнуть къ этому невыгодному для меня аргументу, тѣмъ болѣе, что я, дѣйствительно, былъ убѣжденъ въ превосходствѣ его рѣчей надъ Либкнехтовскими, и я указалъ, что для начала необходимо выбрать наиболѣе яркія по формѣ и наиболѣе типичныя по теоретическому отраженію парламентской тактики нѣмецкой соціалъ-демократіи, поэтому я остановился на его рѣчахъ...

Но тутъ Бебель, со свойственной ему экспансивностью и рѣзкостью, перебилъ меня:

«Все это, быть-можетъ, очень лестно для Августа Бебеля, но это далеко еще не говоритъ въ пользу объективности вашего выбора».

Я не рѣшился возразить ему, что и скромное умаленіе своего значенія иногда также удаляетъ отъ объективности, хотя въ противоположномъ направленіи, но я передалъ ему слова Каутскаго о значеніи его рѣчей для Россіи; наконецъ я сослался на тотъ безспорный фактъ, что имя Бебеля наиболѣе популярное въ Россіи, и его рѣчи поэтому будутъ имѣть большее распространеніе и, слѣдовательно, большее вліяніе, чѣмъ рѣчи Либкнехта. Противъ этого Бебель не сталъ возражать, но ошибочно было думать, что онъ согласился со мною насчетъ превосходства его рѣчей надъ всѣми остальными.

Это видно изъ письма, полученнаго мною отъ него спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Онъ обѣщалъ мнѣ дать свое предисловіе къ первому тому его рѣчей *непремѣнно* и краткую свою автобіографію, «если позволитъ

время». Что же касается размѣровъ его участія въ редактированіи подбора рѣчей, сокращеній ихъ и т. д., то онъ впослѣдствіи сдѣлалъ больше, чѣмъ обѣщалъ.

Впрочемъ, до ознакомленія съ матеріаломъ и предварительной разработки его, вопросъ о его редактированіи можно было отложить.

Это было наканунѣ отъѣзда Бебеля «въ отпускъ», и онъ предложилъ мнѣ явиться къ нему по возвращеніи его оттуда, когда у меня уже будетъ готовый планъ. Пока же онъ снабдилъ меня карточкой къ директору партійнаго архива и секретарю фракціи Грунвальду, о допущеніи меня работать въ архивѣ и пользоваться его библіотекой и о доставленіи мнѣ изъ канцеляріи рейхстага необходимыхъ стенограммъ.

Извлеченіе его рѣчей изъ стенограммъ и предварительная систематизація ихъ оказалась задачей болѣе сложной, чѣмъ я представилъ себѣ: оглавленія рѣчей по содержанію нѣтъ въ стенограммахъ. Пришлось внимательно проштудировать и проконспектировать содержаніе всѣхъ его рѣчей (иногда и рѣчей его оппонентовъ, которыя онъ упоминалъ) за весь 40-лѣтній періодъ его парламентской дѣятельности. Богатство содержанія Бебелевскихъ рѣчей представляетъ большое затрудненіе для систематизаціи ихъ. Но самое большое затрудненіе представляло собою обиліе его рѣчей: если издать всѣ имѣющія историческую цѣнность рѣчи, произнесенныя Бебелемъ съ 1867 года, то пришлось бы взять не 3—4 тома, какъ предлагало русское издательство, а 10 томовъ.

Возникла необходимость ограничиться только частью его рѣчей, извѣстнымъ періодомъ, но какимъ? Первымъ, отъ 1867 г. до паденія закона о соціалистахъ, т.-е. до 1890 г., или 2-мъ послѣдующимъ періодомъ?

Я не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность за рѣшеніе этого вопроса, а также и вопроса о томъ, распредѣлять ли рѣчи въ хронологическомъ порядкѣ или по отдѣльнымъ затрагиваемымъ ими темамъ. Хотя не могло быть двухъ мнѣній о превосходствѣ новѣйшаго періода послѣ 1890 г. и о преимуществѣ распредѣленія рѣчей по темамъ, я обратился къ Бебелю за совѣтомъ и распоряженіемъ. Отвѣчая на мои вопросы, онъ, между прочимъ, возражаетъ на приведенные мною выше доводы о важномъ значеніи его рѣчей съ точки зрѣнія исторіи парламентской борьбы нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Вотъ что онъ мнѣ пишетъ:

Шенебергъ-Берлинъ, 15 окт. 1906 г.

Уважаемый товарищъ!

Прежде всего я хотѣлъ бы замѣтить, что если при Вашемъ изданіи моихъ рѣчей дѣло идетъ о парламентской борьбѣ—*нашей партіи*, то совершенно невозможно ограничиваться моими рѣчами.

Тогда Вы должны принять во вниманіе и рѣчи другихъ моихъ товарищей въ теченіе даннаго періода.

Какъ высоко Вы ни цѣнили бы моихъ рѣчей, онѣ все же не исчерпываютъ ситуацію.

Если же Вы ограничитесь моими рѣчами, тогда Вы можете дать только картину моихъ воззрѣній, моей парламентской дѣятельности.

Но такъ какъ Вы, вѣроятно, связаны опредѣленными предложеніями издателя, то предоставляю Вамъ рѣшеніе вопроса по Вашему усмотрѣнію. Само собою разумѣется, что я не предписываю Вамъ никакихъ требованій относительно выбора періода. Я хотѣлъ бы только прибавить, что, ограничиваясь однимъ періодомъ (1890—1905), Вамъ слѣдуетъ и изъ рѣчей этого періода выбирать только извѣстную часть, такъ какъ не всякая рѣчь вѣдь имѣетъ историческую цѣнность, а нѣкоторыя и не могутъ быть поняты безъ поясненія.

Распредѣленіе рѣчей по темамъ я считаю необходимымъ, а также не слѣдуетъ смѣшивать рѣчей парламентскихъ съ рѣчами, произнесенными при другихъ случаяхъ.

Съ партійнымъ привѣтомъ
А. Бебель.

Партійный архивъ, гдѣ я работалъ, находится въ смежныхъ комнатахъ съ кабинетомъ «партейфорштанда», гдѣ часто занимался Бебель, и онъ, проходя черезъ архивъ мимо моего стола, часто заглядывалъ въ ходъ работы и спрашивалъ, «wie geht's?» (какъ идетъ дѣло)? Я пользовался такими случаями, чтобы спросить его совѣта относительно включенія или исключенія той или иной рѣчи, сокращенія или не сокращенія длиннотъ или не представляющихъ интереса для русскаго читателя мѣстъ. Его отвѣты въ такихъ случаяхъ были всегда категоричны и большей частью отрицательны:

— «Einfach ausmerzen!» (просто вычеркнуть).

— «Kann weg» (можно опустить).

— «Können es ruhig wegschmeissen!» (можете спокойно выбросить) и т. п. Когда, наконецъ, я представилъ ему готовый подробный планъ изданія его рѣчей (въ 4 томахъ, изъ котор. 3 тома парламентскихъ и 1 томъ внѣпарламентскихъ), я попросилъ его отвѣта, одобряетъ ли онъ мой подборъ.

Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ:

Шенебергъ-Берлинъ, 24 окт. 1906 г.

Уважаемый товарищъ!

Какъ я уже Вамъ разъ писалъ, я предоставилъ Вамъ право составить подборъ рѣчей по Вашему усмотрѣнію.

Въ этомъ отношенiи мое соучастiе излишне. Вы, какъ русскiй, лучше моего можете рѣшить, какiя изъ рѣчей и что въ нихъ наиболѣе подходитъ для печатанiя въ Россiи и для *агитацiоннаго успѣха ихъ* тамъ же.

Въ этомъ вѣдь и вся суть.

Я согласенъ съ Вами также и въ томъ, что нѣтъ необходимости итти дальше 1890 года назадъ, и разъ рѣчи у Васъ уже распредѣлены по темамъ, которыя онѣ затрагиваютъ, то я прошу Васъ передать ихъ въ такомъ видѣ въ печать безъ моего дальнѣйшаго соучастiя.

Съ партiйнымъ привѣтомъ

А. Бебель.

Предисловiе онъ обѣщалъ доставить въ декабрѣ. Русскому издательству, однако, не по вкусу пришлась скромность Бебеля, оно настоятельно требовало болѣе активнаго участiя его въ редактированiи подбора, болѣе опредѣленной, конкретной санкцiи плана.

Притязанiя издательства дошли до того, что оно пожелало ни больше ни меньше, какъ санкцiи каждаго сокращенiя Бебелемъ и даже вставки связующихъ фразъ тамъ, гдѣ пропуски образуютъ слишкомъ несвязные отрывки, и мнѣ пришлось лишнiй разъ потревожить старика. Сообщивъ ему требованiя издателя, извиняясь за лишнее безпокойство не по моей винѣ, я попросилъ его разрѣшенiя представить ему для просмотра и провѣрки конспекты всѣхъ его рѣчей, и самый текстъ ихъ по стенограммамъ.

Онъ любезно согласился, пригласивъ меня для этой цѣли въ зданiе рейхстага, въ залъ засѣданiй фракцiи.

Когда я притащилъ туда весь матерiалъ и представилъ ему подсчетъ печатныхъ листовъ (всѣ рѣчи за перiодъ 1890—1906 занимаютъ 295 листовъ печати, изъ нихъ я выбралъ 80 листовъ, по 20 листовъ томъ), онъ воскликнулъ: «Donnerwetter! habe ich denn wirklich so einen Haufen zusammengeredet!» (Чортъ возьми! неужели это я такую уйму наговорилъ).

Два «засѣданiя рейхстага», въ которыхъ его присутствiе не нужно было, онъ посвятилъ просмотру матерiала, изъ котораго были извлечены 4 тома его рѣчей.

Что же касается сокращенiй, онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «передайте своему издательству, что рѣчи—не сочиненiе, ихъ нельзя дополнять, вы можете ихъ сокращать, выбрасывать половину, приводить одни отрывки. Но если я вставлю хоть одну фразу, я этимъ нарушу характеръ рѣчи, это уже будетъ не рѣчь, а сочиненiе, составленное къ тому еще въ разное время».

Къ началу декабря я ждалъ обѣщаннаго предисловiя, отлично я зналъ, что Бебелю нечего напоминать о его обѣщанiи, и былъ увѣренъ, что онъ пришлетъ предисловiе къ сроку. Но тутъ неожи-

данно распустили рейхстагъ, и наступила предвыборная агитація, къ которой не были подготовлены ни партія, ни пресса. Потребовалась спѣшная мобилизація всѣхъ партійныхъ силъ форсированнымъ маршемъ; работали съ удвоенной энергіей всѣ, а Бебелю, всегда работавшему за троихъ, пришлось теперь особенно интенсивно работать въ Форштандѣ, въ «Vorwärts'ѣ» и какъ агитатору. Политическій моментъ былъ очень серьезный. Націоналъ-либералы и всѣ либерально-буржуазныя партіи подняли голову, поддерживая національную политику новаго министра колоній Дернбурга. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ позиціи соціалъ-демократіи были серьезны, гдѣ требовалось выдвинуть противъ противниковъ тяжелую артиллерію, туда пріѣзжалъ Бебель. Такимъ пунктомъ былъ тогда и Лейпцигъ, куда я переѣхалъ въ то время. Я зналъ, что Бебель долженъ быть въ Лейпцигѣ, но мнѣ и въ голову не могло прійти въ такое горячее время приставать къ нему насчетъ предисловія. Но издательство бомбардировало меня телеграммами, требуя предисловія Бебеля къ сроку. Оно опасалось измѣненія настроенія на книжномъ рынкѣ и въ цензурныхъ сферахъ и поэтому торопилось издать заблаговременно рѣчи Бебеля, выпустило проспектъ и объявило подписку на изданіе. Дѣлать было нечего: пришлось взять на себя непріятную роль безтактнаго русскаго переводчика и побезпокоить Бебеля, попросить у него дать небольшое письмо о причинѣ задержки его предисловія.

5 декабря пріѣхалъ Бебель въ Лейпцигъ, и я обратился къ предсѣдателю Форштанда, чтобы онъ сообщилъ мнѣ, когда и гдѣ я могу видѣть Бебеля по неотложному дѣлу.

— Да Господь съ вами! Куда тамъ еще теперь неотложныя ваши дѣла!—отмахиваясь возразилъ мнѣ добродушный саксонецъ.— Мы никого не должны пускать къ нему; онъ ужасно усталъ, вторую недѣлю въ разъѣздахъ, пріѣзжаетъ на собраніе прямо съ вокзала, переночуетъ, а завтра утромъ уѣзжаетъ въ Берлинъ. Нѣтъ, это невозможно, мы должны его беречь.

— Отъ души вамъ сочувствую,—сказалъ я,—берегите его и не пускайте никого къ нему; я и самъ не хотѣлъ бы его тревожить. Только передайте ему мою карточку; онъ ужъ знаетъ по какому дѣлу.

— Хорошо, я передамъ. Сядьте поближе къ трибунѣ, чтобы я могъ вамъ передать его отвѣтъ. Но я думаю, что вамъ придется отложить на другой разъ свиданіе съ нимъ.

Въ 7 часовъ залъ Альбешгалле въ т. наз. «хрустальномъ дворцѣ», вмѣщающій 5 тысячъ человѣкъ, былъ переполненъ. Въ 8 часовъ Бебель началъ говорить и говорилъ ровно 2 часа безъ перерыва. Онъ говорилъ объ ура-патріотахъ, о разорительной для казны колоніальной политикѣ, нужной для отвода глазъ отъ нуждъ народа и для прикрытія и оправданія милитаризма, говорилъ о тѣхъ

классахъ «верхнихъ десятковъ тысячъ» («Oberen Zehentausend»), которымъ эта политика выгодна, но которые поддерживаютъ ее за счетъ чужого кармана, а когда дѣло доходитъ до подоходнаго налога на капиталы и налога на наслѣдство, они вопятъ: «анархизмъ! соціалъ-демократы хотятъ государственнаго переворота!» Это патріотизмъ собственнаго кармана, политика шкурныхъ интересовъ...

Много разъ приходилось мнѣ слушать Бебеля въ рейхстагѣ и на народныхъ собраніяхъ и во время предвыборной компаніи 1903 года, но никогда его рѣчь не казалась мнѣ столь блестящей, яркой и убѣдительной. Удивительное дѣло! Темы, затрагиваемыя имъ въ рѣчахъ, вѣдь общеизвѣстныя, старыя, иногда даже избитыя, но сколько свѣжести, новизны и глубокаго, захватывающаго интереса въ томъ освѣщеніи, которое даетъ имъ Бебель, разсматривающій ихъ каждый разъ подъ новымъ угломъ зрѣнія, подъ новыми тепловыми лучами чувства любви и ненависти, любви къ обездоленнымъ и угнетаемымъ и ненависти къ угнетателямъ.

Никогда, до личнаго знакомства съ нимъ, мнѣ не было такъ ясно и понятно, почему рѣчи Бебеля такъ волнуютъ умъ и сердце всѣхъ его слушателей, сторонниковъ и противниковъ, отъ канцлера Бюлова до послѣдняго смазчика: секретъ обаянія его рѣчей кроется въ *безграничной искренности ихъ;* этотъ величайшій въ мірѣ ораторъ не знаетъ вѣдь *ораторскаго паѳоса* и никогда не прибѣгаетъ къ ораторскимъ пріемамъ; когда онъ стучитъ по пюпитру, онъ дѣйствительно охваченъ *непосредственнымъ* чувствомъ гнѣва и возмущенія. Заражаетъ и увлекаетъ слушателей не паѳосъ, а *самый неподдѣльный энтузіазмъ*. Вотъ откуда высокій интересъ ко всѣмъ его рѣчамъ, безразлично говоритъ онъ о «личномъ режимѣ» (Das persönliche Regiment) Вильгельма II, о «неслыханной дерзости молодого человѣка» (кронпринца), который «туда же лѣзетъ ругать соціалъ-демократію» [1]), или о «83-хъ дѣйствительныхъ клопахъ» и другихъ разновидностяхъ паразитовъ, пойманныхъ имъ на тюремной койкѣ, въ теченіе одного «ночного нападенія ихъ на с.-д. депутата рейхстага» [2]). Говоря о самыхъ обыденныхъ вещахъ, онъ все-таки умѣетъ возноситься надъ ними ввысь, зажечь въ васъ огонь любви къ «лучшему будущему» и ненависти къ возмутительнымъ явленіямъ настоящаго.

На этотъ разъ оппонентовъ изъ лагеря противниковъ не было. Кандидатъ буржуазныхъ партій Юнкъ, похваставшій было «дать сраженіе самому Бебелю», трусливо не явился на собраніе, которое послѣ короткой «дискуссіи» рано кончилось.

Послѣ окончанія собранія ко мнѣ подошелъ секретарь «Форштанда», Байеръ и сообщилъ:

---

[1]) Въ парлам. рѣчи отъ 22 янв. 1903 г.
[2]) » » » 22 » 1892 г.

— Завтра утромъ, $^1/_2$ 8-го, въ гостиницѣ «Саксонскій дворъ». «Also doch», — прибавилъ онъ.

Мы вышли вмѣстѣ. У главнаго входа толпа запрудила улицу, дожидаясь выхода Бебеля. Появленіе его встрѣтили дружнымъ, долго несмолкаемымъ «Hoch».

Бебель направился было къ трамваю, но Байеръ подозвалъ крытую карету.

— Зачѣмъ?—воскликнулъ Бебель.—«Красная» [1]) вѣдь подъѣзжаетъ прямо къ гостиницѣ.

— Погода собачья («ein Hundewetter»), дождикъ мороситъ, въ вагонѣ, пожалуй, сквозитъ, поѣдемъ, — съ отеческой заботливостью сталъ убѣждать его «старшій товарищъ», депутатъ рейхстага отъ Лейпцига, Юліусъ Мотелеръ, старый ветеранъ, извѣстный подъ кличкой «неуловимый красный почтальонъ». (За его удачную организацію распространенія соц.-дем. литературы во время дѣйствія «закона противъ соціалистовъ») (Der unerwimechbare rote Postillion).

— Gut, meinetwegen (хорошо, по мнѣ пусть),—согласился Бебель и сѣлъ въ карету вмѣстѣ со старикомъ Мотелеромъ.

Предвыборная борьба партій была тогда въ самомъ разгарѣ. Въ особенности неистовствовали тогда націоналистическія, шовинистскія партіи. Они вовлекли «въ политику» студенчество, къ содѣйствію котораго никогда раньше ни одна партія не прибѣгала, и организовали ихъ для такъ называемаго «Schlepperdienst», т.-е. ихъ роль состояла въ томъ, чтобы въ день выборовъ «тащить» національно настроенныхъ индиферентныхъ избирателей къ урнамъ. Эти «молодые люди» совсѣмъ обнаглѣли, скандалили, доходило до битья стеколъ въ народномъ домѣ. Въ коридорахъ университета, гдѣ обыкновенно студенты мирно и спокойно толпились, теперь происходили шумные споры на политическія темы. Націоналисты-шовинисты призывали сплотиться на борьбу противъ единственнаго врага отечества — противъ «партіи переворота», партіи безъ отечества («Umsturzpartei», «Partei der vaterlandlosen Gesellen»).

Я наблюдалъ предвыборную компанію 1903 года. Соціалъ-демократія всегда была въ центрѣ борьбы партій, вокругъ нея и ея политики вертѣлись всѣ споры. Не было недостатка въ грязныхъ инсинуаціяхъ и клеветническихъ выпадахъ противъ «партіи демагоговъ» и т. д. Но до такого обнаглѣнія, какъ теперь, тогда не доходили. Во всѣхъ нападкахъ на с.-д. партію и инсинуаціяхъ противъ отдѣльныхъ ея вождей, личность Бебеля всѣ партіи противниковъ считали *неприкосновенной*. Это считалось обязательнымъ для всѣхъ, — какъ бы велѣніемъ неписаннаго закона общепринятой

---

[1]) Въ Лейпцигѣ двѣ трамвайныя компаніи, и саксонцы для краткости называютъ одну линію «красной», др. «синей».

этики, которая соблюдалась болѣе строго, чѣмъ параграфы объ... «оскорбленіи Величества»...

Но этого нельзя сказать относительно предвыборной кампаніи 1907 года.

Какая-то уличная берлинская газета пустила утку, что кто-то видѣлъ Бебеля вмѣстѣ съ Зингеромъ въ винномъ погребкѣ (это изъ категоріи предосудительныхъ ресторановъ, посѣщаемыхъ пьяницами) за бутылкой шампанскаго.

Правда, на слѣдующій день с.-д. газетами было доказано alibi Бебеля и Зингера, но легенда эта въ связи съ другими тому подобными небылицами, тѣмъ не менѣе, была подхвачена и долго циркулировала въ буржуазной прессѣ и варьировалась и дополнялась разными неразборчивыми на средства агитаторами враждебныхъ партій. Особенно падки на такія инсинуаціи были «академическіе» агитаторы.

Вращаясь въ средѣ лейпцигскаго студенчества, я то и дѣло слушалъ небылицы про роскошь пресловутой Бебелевской виллы, выстроенной якобы имъ (въ дѣйствительности же полученной имъ въ наслѣдство отъ одного почитателя), о его «разъѣздахъ» за счетъ партіи и т. д. и т. д.

И это говорилось въ Лейпцигѣ, почти родномъ городѣ Бебеля, гдѣ всѣ знаютъ его, его скромный образъ жизни и экономію каждаго партійнаго пфеннига [1]).

Это показалось мнѣ особенно смѣшнымъ, когда на слѣдующее утро я поднялся на 5-й этажъ отеля «саксонскій дворъ» и увидѣлъ скромный номеръ, занимаемый Бебелемъ (въ марку 75 пфенниговъ—80 коп.).

На мой вопросъ, здѣсь ли остановился Бебель, старый кельнеръ не безъ гордости отвѣтилъ мнѣ:

— Бебель всегда *у насъ* останавливается! — и указалъ мнѣ его номеръ, предъ дверьми котораго стояли вычищенные ботинки — знакъ, что онъ еще не всталъ.

— Онъ уже всталъ! — сказалъ мнѣ кельнеръ. — Вы слышите, онъ чиститъ костюмъ.

— Что же вы не могли услужить старику?!— съ шутливой укоризной спросилъ я.

— Да, такъ онъ вамъ и позволилъ. Онъ всегда самъ чиститъ свой костюмъ. Хорошо, что хоть ботинки выставляетъ. Этого еще недоставало.

Въ это время пріотворилась дверь и оттуда высунулась сѣдая голова Бебеля, который нагнулся, чтобы взять ботинки. Черезъ

[1]) Дѣло въ томъ, что всѣ расходы по агитаціон. разъѣздамъ должны быть за счетъ партіи и это обязательно одинаково для богатыхъ и бѣдныхъ агитаторовъ. Разъѣзды за свой счетъ недопустимы изъ принципа равенства.

минуту онъ открылъ дверь и, замѣтивъ меня, попросилъ меня войти.

— Вы, конечно, насчетъ предисловія? — спросилъ онъ здороваясь, — но теперь объ этомъ вѣдь и думать нечего.

На лицѣ и въ движеніяхъ его замѣтны были слѣды усталости.

Я извинился предъ нимъ, что въ такое горячее время безпокою его, передалъ ему опасенія издательства, побуждающія его торопиться объявленіемъ подписки на изданіе рѣчей, которыя необходимо выпустить изъ печати, какъ можно, раньше, и попросилъ его дать коротенькое письмо о причинахъ замедленія его предисловія.

Онъ охотно согласился и предложилъ мнѣ сойти съ нимъ внизъ въ ресторанъ, гдѣ за утреннимъ кофе онъ написалъ мнѣ слѣдующее:

Лейпцигъ, 6 января 1907 года.

Многоуважаемый г. Л-нъ.

Вслѣдствіе неожиданнаго роспуска рейхстага и наступившей вслѣдъ за тѣмъ предвыборной агитаціи, я до такой степени занятъ, что совершенно не имѣю возможности прислать Вамъ обѣщаннаго предисловія для русскаго изданія моихъ рѣчей къ сроку. Но мѣсяцъ спустя послѣ окончанія выборовъ я исполню свое обѣщаніе.

Съ партійнымъ привѣтомъ
А. Бебель.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вчерашней рѣчи его, у меня явилась мысль издать отдѣльнымъ томомъ (5-мъ) его рѣчи въ народныхъ собраніяхъ. Я спросилъ его совѣта.

— Я ничего не имѣлъ бы противъ этого, но бѣда въ томъ, что стенографической записи этихъ рѣчей, — за рѣдкими исключеніями, — почти нѣтъ. А записи газетныхъ репортеровъ я мало довѣряю: они часто совершенно искажаютъ смыслъ моихъ рѣчей.

— Но неужели нѣтъ средства возстановленія первоначальной формы этихъ рѣчей? — спросилъ я.

— Мнѣ самому некогда бываетъ возиться съ этимъ, да и не стоитъ, такъ какъ изъ этого все равно вышло бы мало толку: я въ десять разъ хуже любого репортера измѣнилъ бы первоначальную форму и содержаніе произнесенной мною рѣчи, если бы вздумалъ исправить ее даже на слѣдующій день. — Къ тому же это была бы уже не рѣчь, а сочиненіе или смѣсь того и другого. — Нѣтъ, ужъ лучше оставьте эту мысль.

Я заговорилъ съ нимъ насчетъ обѣщанной автобіографіи.

— Это обѣщаніе придется отложить въ еще болѣе долгій ящикъ, чѣмъ обѣщанное предисловіе, — сказалъ онъ, — для автобіографіи нужно время, ея не напишешь въ одинъ присѣстъ, какъ

предисловіе. А тутъ имѣвшееся въ моемъ распоряженіи время урѣзано на три мѣсяца настоящей предвыборной кампаніей, а ваше издательство торопится. Во всякомъ случаѣ,—добавилъ онъ, — автобіографію я могъ бы написать не раньше приведенія въ порядокъ моихъ мемуаровъ, а до этого еще далеко. Вотъ если бы мои мемуары были бы готовы, вы сами могли бы извлечь изъ нихъ матеріалъ для краткой біографіи.

Мы покончили съ нимъ на томъ, что послѣ того, какъ его мемуары будутъ «druckfertig» (готовы къ печати), онъ либо представитъ рукопись въ мое распоряженіе, для біографіи, либо самъ напишетъ автобіографію.

Необходимо было въ 1-й томъ рѣчей помѣстить портретъ Бебеля, но ни одинъ изъ имѣющихся въ продажѣ портретовъ и фотографическихъ карточекъ не удовлетворялъ меня съ точки зрѣнія сходства.

Есть что-то орлиное во взглядѣ Бебеля, есть что-то, напоминающее царственную мощь и величіе льва, какая-то стальная суровость въ его глазахъ, которые въ то же время выражаютъ безграничную міровую скорбь. Таковъ Бебель въ дѣйствительности, и есть только одинъ портретъ, сдѣланный голландскимъ художникомъ, который похожъ на него въ этомъ смыслѣ, и этотъ портретъ я выбралъ. Но у меня имѣлась рѣдкая фотографическая карточка Бебеля, когда ему было 35 лѣтъ, которую подарилъ мнѣ мой квартирный хозяинъ; я показалъ ее Бебелю. Онъ сразу не узналъ ея:

— Кто же это? Я? Не можетъ быть.

Но всмотрѣвшись онъ вспомнилъ:

— Да, такъ я выглядѣлъ 30 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ,— сказалъ онъ, все еще продолжая держать карточку въ рукахъ.

Снабдивъ ее своей надписью, онъ вернулъ ее мнѣ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ окончанія выборовъ, онъ прислалъ мнѣ предисловіе (занимавшее 7 страницъ) въ сопровожденіи слѣдующаго письма:

Шенебергъ-Берлинъ, 21 марта 1907 года.

Многоуважаемый товарищъ!

«Наконецъ-то я могу прислать Вамъ для рѣчей коротенькое предисловіе. Но на мою автобіографію Вы *теперь* не должны разсчитывать. Она покоится еще, нерожденная, въ утробѣ времени, и когда она увидитъ Божій свѣтъ, — этого не знаютъ сами боги. Да, кабы я могъ сдѣлать изъ каждаго года — два!

Съ партійнымъ привѣтомъ

А. Бебель.

Предисловіе написано, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ выборовъ въ рейхстагъ. Оцѣнивая *внѣшнее* пораженіе с.-д. фракціи, онъ говоритъ *о единствѣ партіи*, которая послѣ такихъ пораженій только тѣснѣе сплачивается и крѣпнетъ.

Особенно рѣзко онъ осуждаетъ въ этомъ предисловіи внутрипартійные раздоры и дробленіе на теченія и секты, имѣя въ виду, очевидно, борьбу «меньшевизма и большевизма», но не называя его.

Предисловію, этой въ высшей степени интересной оцѣнкѣ Бебелемъ русскихъ политическихъ теченій, не суждено было еще до сихъ поръ увидѣть свѣтъ. До полученія предисловія издательство бомбардировало меня письмами и телеграммами, требуя скорѣйшей присылки перевода рѣчей и предисловія. Когда же почти весь матеріалъ былъ отосланъ, не успѣлъ я перевести и отправить въ Россію предисловіе, какъ получилъ телеграмму отъ издательства, что «изданіе рѣчей пріостановлено впредь до улучшенія конъюнктуры на книжномъ рынкѣ».

Издатель потомъ сообщилъ мнѣ, что со стороны цензуры рѣчи не внушали никакихъ опасеній.

И не удивительно: Бебель вѣдь былъ мастеръ слова, равнаго которому не зналъ міръ, и, какъ никто, былъ неуловимъ даже для предсѣдателя рейхстага, даже, когда онъ, Бебель, читалъ нотаціи «словоохотливому» Вильгельму II, противопоставляя ему себя: «я вѣдь тоже экспансивная натура, у меня вѣдь тоже темпераментъ, однако я лишняго не говорю, и меня рѣдко призываетъ къ порядку даже графъ Баллестремъ»...

Такъ лежатъ наполовину напечатанныя, но неизданныя 4 тома рѣчей Бебеля въ ожиданіи болѣе предпріимчиваго русскаго издателя.

С. Ливитинъ.

Профессоръ А. Г. Брикнеръ.

Когда приходится въ послѣднее время читать и слышать о некрасивомъ положеніи дѣлъ въ Новороссійскомъ университетѣ, невольно вспоминается пріятное былое. Живо мнѣ представляется моя «alma mater» въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, молодая еще тогда «alma mater», такъ какъ самое открытіе въ Одессѣ университета, названнаго «Новороссійскимъ», свершилось 1 мая 1865 года.

На всѣхъ факультетахъ (медицинскаго только еще не было) извѣстны уже были въ то время имена нѣсколькихъ профессоровъ, изъ которыхъ одни уже дѣйствовали сравнительно давно на поприщѣ науки, другіе же только начинали свою научную дѣятельность и вскорѣ получили широкую извѣстность.

Я поступилъ въ Новороссійскій университетъ въ 1871 г., имѣя притомъ уже маленькое учительское право — преподавателя исторіи и географіи уѣзднаго училища, поэтому естественно было мнѣ избрать историко-филологическій факультетъ (историческое отдѣленіе).

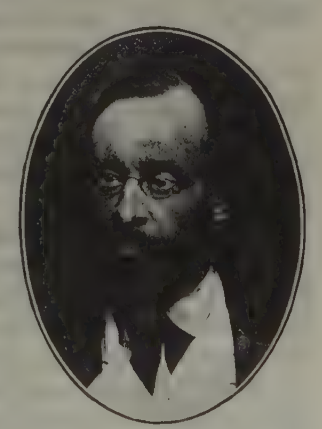
Пріѣхалъ я въ Одессу около половины августа, а въ сентябрѣ началось уже въ университетѣ чтеніе лекцій. Первое чтеніе, какое пришлось мнѣ услышать на избранномъ мною факультетѣ, была лекція проф. А. Г. Брикнера, которою онъ открывалъ, такъ сказать, свой годичный курсъ «исторіи французской революціи». Небольшая аудиторія, гдѣ происходило это чтеніе, была полна слушателей, потому что читался общій курсъ для всего историческаго отдѣленія, а затѣмъ интересъ самого предмета лекціи и живость изложенія ея такимъ прекраснымъ лекторомъ, какимъ былъ А. Г. Брикнеръ, привлекали студентовъ и изъ другихъ факультетовъ.

Кромѣ курса собственно политической исторіи, проф. Брикнеръ читалъ намъ еще «Исторію хозяйства» и «Энциклопедію исторіи». Оба эти курса представляли для насъ, студентовъ-историковъ, громадный интересъ: въ энциклопедіи исторіи знакомились мы, главнымъ образомъ, съ теоріей исторической науки, а въ курсѣ «Исторіи хозяйства» — съ постепеннымъ развитіемъ экономической жизни Западной Европы, что было для насъ существенно полезно при от-

сутствіи на историко-филологическомъ факультетѣ каѳедры политической экономіи.

Громадную пользу приносили также и «практическія занятія» у проф. Брикнера. Это были тѣ же историческія семинаріи, и на означенныя занятія профессоромъ обращалось особое вниманіе. Какъ его лекціи, такъ и практическія занятія по исторіи охотно посѣщались студентами, такъ какъ при искусномъ руководительствѣ профессора происходитъ обыкновенно живой обмѣнъ мнѣній и взглядовъ при обсужденіи сочиненія, написаннаго кѣмъ-либо изъ студентовъ на извѣстную историческую тему.

Я упомянулъ выше, что живость изложенія невольно привлекала вниманіе слушателей проф. Брикнера. Вмѣстѣ съ живостью, какъ бы присущей его природѣ, была также въ изложеніи и картинность, образность, въ каковую облекались слова симпатичнаго лектора. Особенно эта художественная сторона рѣчи сказывалась при изображеніи имъ, напримѣръ, какого-либо интереснаго засѣданія въ Національномъ собраніи или же въ характеристикѣ выдающагося дѣятеля эпохи французской революціи. Жадно внимала всегда аудиторія словамъ любимаго профессора и, помню я, какъ досадно становилось въ тотъ моментъ, когда звонокъ, раздававшійся по коридору, означалъ, что интересная лекція уже окончилась.

А. Г. Брикнеръ.

Я не стану касаться научной дѣятельности проф. Брикнера, о чемъ давно уже сказано другими его слушателями, которые сами стали впослѣдствіи подвизаться на поприщѣ исторической науки. Я намѣренъ только лишь подѣлиться съ читателемъ тѣми впечатлѣніями далекаго прошлаго, которыя оставили по себѣ неофиціальныя отношенія къ намъ, студентамъ, дорогого профессора, внѣ стѣнъ университета.

Мнѣ было извѣстно, что проф. Брикнера такъ же, какъ и проф. Григоровича, посѣщаютъ на дому студенты, встрѣчая всегда при этомъ радушный пріемъ и всегдашнюю готовность быть существенно полезными. Объ этомъ говоритъ и проф. Маркевичъ, ученикъ Брикнера, въ юбилейномъ трудѣ своемъ «Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго университета» (стр. 199). Естественно, что и я желалъ, познакомиться ближе съ профессоромъ, такъ расположившимъ къ себѣ простотой обращенія съ его слушателями, но не рѣшался наносить своего визита безъ достаточнаго къ тому повода, какъ въ скоромъ времени счастливая случайность предоставила мнѣ эту возможность.

Первая моя квартира, по пріѣздѣ въ Одессу, была на Кузнечной улицѣ, близъ лютеранской церкви, тамъ же при лютеранской церкви находилось и лютеранское училище, къ которому имѣлъ отношеніе и проф. Брикнеръ. И вотъ, идучи однажды изъ университета къ себѣ домой, встрѣчаю по пути тоже направляющагося по Кузнечной улицѣ проф. Брикнера. Отвѣтивъ любезно на мой поклонъ, профессоръ самъ вступилъ со мной въ бесѣду.

— Вы, кажется, изъ Екатеринослава? — спросилъ онъ меня.

— Да, служилъ тамъ въ уѣздномъ училищѣ преподавателемъ исторіи и географіи, — отвѣтилъ я, нѣсколько удивленный тѣмъ, что ему извѣстно прежнее мое мѣстожительство.

— Мнѣ говорилъ о васъ А. И. Балыкъ [1]), преподаватель 3-ей гимназіи, — продолжалъ свою рѣчь А. Г. Брикнеръ. — Вы вѣдь женаты? Какъ устроились теперь здѣсь?

Я сталъ разсказывать профессору о своемъ житьѣ въ Одессѣ на первыхъ порахъ, о томъ, что надѣюсь найти здѣсь уроки, а также разсчитываю и на полученіе стипендіи.

— Конечно, — замѣтилъ А. Г., — полученіе стипендіи возможно будетъ со второго семестра, по сдачѣ вами контрольныхъ испытаній.

Разговоръ нашъ прекратился, когда мы подошли къ зданію училища при лютеранской церкви. Простившись съ любезнымъ профессоромъ, я пришелъ къ себѣ домой весьма довольный такой пріятной встрѣчей и той небольшой бесѣдой, въ которой сказалось не простое любопытство, а живое участіе ко мнѣ съ его стороны.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи мнѣ удалось присутствовать на практическихъ занятіяхъ по исторіи, о которыхъ я упомянулъ выше. Эти занятія велись, собственно, со студентами старшихъ курсовъ, но могли, конечно, бывать на таковыхъ и первокурсники, кто желалъ, и такъ какъ мнѣ было вѣдомо, что эти занятія проф. Брикнера со студентами велись весьма интересно, то я и не замедлилъ посѣтить ихъ. Попалъ я на чтеніе однимъ изъ студентовъ его сочиненія, касающагося вопроса объ удѣльной системѣ и связанныхъ съ ней княжескихъ усобицъ. Хотя тема была довольно сложная, но, тѣмъ не менѣе, дебаты шли, по прочтеніи сочиненія, очень оживленно. Въ горячемъ спорѣ, обмѣнѣ мыслей и взглядовъ бесѣда затянулась незамѣтно довольно надолго; самъ профессоръ, видимо, былъ очень доволенъ такимъ активнымъ отношеніемъ студентовъ къ предмету исторической бесѣды и, прощаясь съ нами, при выходѣ изъ аудиторіи, замѣтилъ съ присущей ему добродушною улыбкой:

---

[1]) А. И. Балыкъ, бывшій затѣмъ инспекторомъ 3-ей гимназіи, закончилъ свою педагогическую службу директоромъ гимназіи въ г. Николаевѣ.

«Вотъ видите, какъ сегодня у насъ интересно прошла бесѣда. Даже и первый курсъ принималъ въ ней участіе». Эти слова профессора, сказанныя по нашему адресу, не могли не подѣйствовать ободряюще на меня, какъ на неофита исторической науки.

Въ концѣ октября мирное теченіе университетской жизни было внезапно прервано. Чтеніе лекцій временно прекратилось, такъ какъ нашъ молодой университетъ былъ закрытъ тогда почти на цѣлый мѣсяцъ. Произошла памятная для всѣхъ насъ, студентовъ той поры, «Богишичевская исторія», какъ называли тогда печальный инцидентъ между проф. Богишичемъ и студентами-юристами. Дѣло въ томъ, что профессоръ славянскихъ законодательствъ Б. П. Богишичъ, при всей его учености, не могъ привлечь къ себѣ расположеніе студентовъ ни какъ лекторъ ни какъ человѣкъ. «Читалъ онъ лекціи, плохо владѣя русскимъ языкомъ, а затѣмъ на экзаменѣ былъ педантично требователенъ, отъ слушателей держалъ себя далеко, — все это не могло привлечь къ нему студентовъ», говоритъ проф. Маркевичъ [1]). Отношенія постепенно натягивались и обострялись, и удаленіе проф. Богишичемъ изъ аудиторіи во время лекціи одного изъ студентовъ перваго курса было толчкомъ, послужившимъ къ активному протесту не только со стороны студентовъ-юристовъ, но и со стороны всего студенчества, усмотрѣвшаго въ фактѣ удаленія профессоромъ изъ аудиторіи своего слушателя— оскорбленіе всѣмъ слушателямъ университета. На слѣдующій день проф. Богишичъ, направлявшійся въ аудиторію для чтенія лекціи, былъ освистанъ стоявшими въ вестибюлѣ и въ коридорѣ студентами. Немедленно состоялась въ самомъ зданіи университета студенческая сходка, а затѣмъ послѣдовало временное его закрытіе.

Въ это «безвременье» я и другіе студенты-филологи посѣщали на дому проф. Брикнера и, при всегдашнемъ его радушіи и гостепріимствѣ, получали отъ него каждый разъ что-либо новое, интересное для насъ изъ области исторіи, а иногда и новую книжку, предложенную намъ для чтенія. Заходили мы къ профессору иногда и вечеромъ, и вотъ тогда, за вечернимъ чаемъ, слушали мы съ удовольствіемъ интересные разсказы Александра Густавовича о времени пребыванія его за границей, а затѣмъ о знакомствахъ его съ тогдашними представителями исторической науки въ Германіи. Не менѣе интересны были его сообщенія о жизни въ Петербургѣ, о началѣ его университетской дѣятельности въ качествѣ привата-доцента С.-Петербургскаго университета. Эти бесѣды на дому у профессора были для насъ своего рода компенсаціею за нежданный перерывъ его занимательныхъ лекцій.

---

[1]) А. И. Маркевичъ. «Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго университета», 1895 г., стр. 427.

Къ концу ноября слѣдствіе и самый судъ по дѣлу проф. Богишича были закончены, послѣдовало затѣмъ открытіе университета, и мы опять имѣли удовольствіе видѣть на каѳедрѣ нашего любимаго профессора и слушать его полныя жизни лекціи изъ области политической исторіи, а также и изъ исторіи хозяйства.

Въ началѣ 1872 года, по счастливой случайности, послѣдовало для меня одно важное обстоятельство, содѣйствовавшее значительному улучшенію моей экономической жизни. Въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ открылась тогда вакансія на должность учителя исторіи и географіи, а такъ какъ я имѣлъ право преподаванія и былъ раньше преподавателемъ означенныхъ предметовъ въ Екатеринославскомъ уѣздномъ училищѣ, то могъ разсчитывать на полученіе уроковъ исторіи и географіи въ Одесскомъ училищѣ, конечно, по найму, какъ студентъ; нужно было только заручиться солидной рекомендаціей.

Въ то время уѣздныя училища не были еще подчинены директорамъ народныхъ училищъ, а находились пока въ вѣдѣніи директоровъ гимназій. Въ Одессѣ уѣздное училище было подчинено директору второй гимназіи А. К. Циммерману. Тогдашній штатный смотритель училища И. А. Чечетъ подалъ мнѣ благой совѣтъ обратиться за требуемой рекомендаціей къ профессору Брикнеру, который зналъ хорошо директора Циммермана.

На мою просьбу объ этомъ добродушный профессоръ выразилъ полную готовность помочь мнѣ въ данномъ дѣлѣ и пообѣщалъ лично поговорить съ директоромъ второй гимназіи.

Черезъ день—другой послѣ разговора о моемъ дѣлѣ съ профессоромъ, прихожу я въ университетъ. Швейцаръ, увидѣвши меня, подаетъ письмо, сказавъ при этомъ: «отъ профессора Брикнера». Вскрываю конвертъ и читаю: «М. Г. я не могъ видѣться съ директоромъ Циммерманомъ, какъ обѣщалъ вамъ, потому что у меня въ домѣ корь, но послалъ ему письмо, въ которомъ говорю ему, что нужно, о васъ и о вашемъ дѣлѣ. Полагаю, что письмо мое будетъ для васъ достаточной рекомендаціей. Совѣтую немедленно отправиться къ Циммерману».

Когда на слѣдующее утро отправился я во вторую гимназію, и директору доложили о моемъ приходѣ, то, послѣ обычнаго привѣтствія, онъ обратился ко мнѣ съ такими словами: «Я получилъ относительно васъ письмо отъ проф. Брикнера. Для меня въ данномъ случаѣ его рекомендація имѣетъ важное значеніе. Подавайте скорѣе мнѣ прошеніе, а я сдѣлаю тогда представленіе о васъ попечителю учебнаго округа».

Поблагодаривъ директора, я тутъ же, въ его канцеляріи, настрочилъ ему прошеніе, а спустя недѣлю послѣдовало отъ попечителя разрѣшеніе на занятіе мною мѣста учителя исторіи и географіи въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ, и это мѣсто оставалось за

мною до самой поры окончанія университетскаго курса. Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію проф. Брикнера, я матеріально сталъ такъ обезпеченъ въ теченіе всей своей студенческой жизни, какъ и не ожидалъ того, отправляясь изъ небольшого и дешеваго тогда Екатеринослава въ многолюдную и дорогую Одессу.

Не могу не вспомнить при семъ одну интересную частность. Когда получено было изъ округа упомянутое разрѣшеніе преподавать мнѣ въ уѣздномъ училищѣ, то нѣкоторые изъ знакомыхъ педагоговъ совѣтовали, чтобы я отправился къ попечителю и поблагодарилъ его за предоставленіе учительскаго мѣста. Объ этомъ совѣтѣ я сообщилъ проф. Брикнеру.

— Что же, пойти, конечно, слѣдуетъ, но только когда будете у Голубцова [1]), то ничего ему не говорите о моей рекомендаціи васъ директору Циммерману, а то еще, пожалуй, можетъ вамъ только послужить во вредъ моя рекомендація, — замѣтилъ на мое сообщеніе проф. Брикнеръ.

— Почему же? — спросилъ я, крайней удивленный тѣмъ, что услышалъ.

— А видите ли, я принадлежу къ числу тѣхъ лицъ, которыя сочувственно отнеслись къ бывшему директору Ришельевской гимназіи Стратонову, такъ Голубцовъ не можетъ забыть этого сочувствія его противнику.

«Стратоновская исторія», какъ называли тогда одесскіе педагоги конфликтъ между попечителемъ Одесскаго учебнаго округа Голубцовымъ и директоромъ Ришельевской гимназіи Стратоновымъ, была причиною крупныхъ впослѣдствіи непріятностей для многихъ изъ одесскихъ преподавателей, сочувственно отнесшихся къ директору Стратонову, оставившему по себѣ вообще въ Одессѣ добрую память. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось совсѣмъ уйти изъ Одесскаго округа, въ числѣ таковыхъ былъ и Колосовъ, извѣстный тогда уже преподаватель русскаго языка; онъ перешелъ на службу въ Варшаву, гдѣ вскорѣ магистровался и сталъ затѣмъ профессоромъ Варшавскаго университета.

Вскорѣ по полученіи уроковъ въ училищѣ мнѣ пришлось говорить по этому поводу съ деканомъ нашего факультета, проф. М. П. Смирновымъ. Въ разговорѣ съ нимъ я коснулся того неудобства, соединеннаго съ полученіемъ упомянутыхъ выше уроковъ, что мнѣ приходится изъ-за утреннихъ занятій въ уѣздномъ училищѣ пропускать немало лекцій въ университетѣ.

— Да вѣдь посѣщеніе лекцій необязательно, — послѣдовалъ такой категорическій отвѣтъ со стороны незабвеннаго декана, весьма чутко относившагося къ нуждамъ своихъ студентовъ, хотя и строгаго, какъ профессора русской исторіи.

---

[1]) Тогдашній попечитель Одесскаго учебнаго округа.

Въ приведенныхъ мною словахъ почтеннаго нашего декана звучала именно та академическая свобода, которая существовала почти полвѣка тому назадъ въ обиходѣ университетской жизни. Куда же она дѣвалась теперь?.. Однакожъ я все-таки имѣлъ возможность посѣщать лекціи потому, что не всѣ же учебные часы были заполнены у меня въ уѣздномъ училищѣ, и оставалось нѣсколько часовъ свободныхъ отъ уроковъ, которые я и посвящалъ слушанію интересныхъ для меня лекцій, и особенно лекцій проф. Брикнера. А было немало и такихъ студентовъ, которые, внеся плату за слушаніе лекцій, пребывали себѣ спокойно на урокѣ въ деревнѣ у какого-либо помѣщика, запасаясь при этомъ своевременно лекціями соотвѣтствующаго курса и являлись въ университетъ только лишь на экзаменъ.

И никто изъ профессоровъ, а тѣмъ паче тогдашняя инспекція (проректоръ и его помощники) не возбуждали ни малѣйшаго на этотъ счетъ вопроса. Таковы были старыя времена университета и порядки въ немъ.

Между тѣмъ время быстро неслось. Ужъ проходила добрая половина второго семестра. Попрежнему, съ увлеченіемъ слушали мы лекціи проф. Брикнера, которыя для насъ теперь становились тѣмъ привлекательнѣе, а личность самого профессора тѣмъ дороже, что мы были уже освѣдомлены о предстоящемъ для насъ печальномъ фактѣ. Узнали мы о томъ, что любимый нашъ профессоръ покидаетъ насъ совсѣмъ и переходитъ на службу въ Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ. Уже въ концѣ перваго семестра и во время рождественскихъ святокъ стали циркулировать слухи о томъ, что профессоръ Брикнеръ оставляетъ нашъ университетъ; но чѣмъ болѣе подходило время къ экзаменамъ, тѣмъ чувствительнѣе становилась для насъ неизбѣжность этого факта.

Помню я хорошо послѣднюю лекцію проф. Брикнера... Хоть это было очень давно, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, но какъ сейчасъ вижу предъ собою на каѳедрѣ нашего незабвеннаго профессора. Живо представляется мнѣ и наша небольшая аудиторія, буквально биткомъ-набитая студентами, не только филологами, но и студентами другихъ факультетовъ, пожелавшими присутствовать на прощальной лекціи популярнаго профессора, каковымъ былъ А. Г. Брикнеръ, услышать его послѣднее слово въ стѣнахъ нашего университета. Закончивъ читанный имъ въ теченіе года курсъ исторіи французской революціи, профессоръ посвятилъ нѣсколько минутъ прощальной бесѣдѣ съ нами, студентами. Нечего говорить о томъ, какъ сердечно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно звучала его рѣчь; будто теперь слышатся послѣднія слова этой прощальной рѣчи: «Мнѣ дорога эта аудиторія, съ которой я долженъ, къ сожалѣнію, разстаться навсегда». Какъ дрогнулъ голосъ профессора при послѣднихъ словахъ, и какъ его дрогнувшій голосъ тронулъ всѣхъ

насъ, опечаленныхъ слушателей! У многихъ замѣтны были слезы на глазахъ. Дружные аплодисменты раздались въ аудиторіи, когда профессоръ закончилъ свое прощальное слово. Весь растроганный направился онъ подъ громъ этихъ рукоплесканій отъ каѳедры къ дверямъ; но и по выходѣ изъ аудиторіи рукоплесканія провожали его еще и по коридору.

Тяжело было на душѣ у всѣхъ насъ при мысли о томъ, что не услышимъ больше живого слова нашего любимаго профессора, не будемъ имѣть душевнаго общенія съ нимъ.

Когда я изъ университета отправился домой, тягостное чувство еще стало усиливаться при приближеніи къ училищу, въ зданіи котораго находилась и моя квартира. «Вѣдь и этимъ матеріальнымъ положеніемъ,—думалось мнѣ въ тотъ моментъ,—я обязанъ, главнымъ образомъ, содѣйствію профессора Брикнера», и, ступивъ на порогъ своего жилища, я просто разрыдался.

— Что съ тобой? — спросила меня жена, изумленная такимъ душевнымъ моимъ состояніемъ.

— Только что мы простились на лекціи съ дорогимъ нашимъ профессоромъ А. Г. Брикнеромъ, — отвѣчалъ я, стараясь побороть свое нервное разстройство.

Вскорѣ наступило время экзаменовъ, которые начались въ томъ году немного раньше, и первый экзаменъ у насъ былъ по предметамъ проф. Брикнера. Вмѣстѣ съ подготовкою къ предстоящему экзамену всѣ мы, слушатели Брикнера, были озабочены вопросомъ о томъ, чѣмъ и какъ выразить намъ сердечное расположеніе наше къ оставляющему насъ профессору и какъ чествовать его на прощанье. Рѣшили было, во-первыхъ, просить Александра Густавовича сняться въ группѣ со всѣми его слушателями, а во-вторыхъ, устроить ему прощальный обѣдъ, въ чемъ пожелали принять участіе и прежніе слушатели проф. Брикнера, находившіеся тогда въ Одессѣ, большею частью преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній. Прекрасно помню я тотъ торжественный день, когда всѣ мы, участники обѣда, собрались въ ресторанѣ Алексѣева, находившемся въ городскомъ саду, гдѣ и былъ устроенъ прощальный пиръ. Группа участвовавшихъ въ этомъ обѣдѣ была сравнительно небольшая, около сорока человѣкъ, но тепло, задушевно, прошла наша дружная трапеза. Въ тотъ моментъ всѣ мы, и младшіе и старшіе слушатели проф. Брикнера, чувствовали, что мы близкіе другъ другу, именно какъ бывшіе ученики того дорогого профессора и наставника, который теперь отъ насъ уходитъ.

Много говорилось на этомъ памятномъ обѣдѣ интересныхъ рѣчей, въ которыхъ каждый ораторъ старался оттѣнить въ своей рѣчи ту или иную симпатичную сторону А. Г. Брикнера какъ профессора и какъ человѣка. За давностію времени не могу я, конечно, припомнить теперь самаго содержанія тѣхъ прощальныхъ словъ, изъ

коихъ особенно выдѣлялась и красотою формъ и особой сердечностью рѣчь Г. Е. Аѳанасьева, а затѣмъ интересна была рѣчь недавно умершаго писателя С. Н. Южакова, бывшаго тогда вольнослушателемъ на историко-филологическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета. Кромѣ рѣчей, сказанныхъ слушателями проф. Брикнера болѣе ранней поры, были также произнесены рѣчи и позднѣйшими его учениками, которыхъ онъ оставлялъ, не закончивъ съ ними своей преподавательской работы. Довелось и мнѣ выступить со скромной рѣчью отъ студентовъ перваго курса. Въ своемъ краткомъ словѣ я, главнымъ образомъ, старался высказать наше сугубое огорченіе, какъ самыхъ младшихъ слушателей Александра Густавовича. Въ концѣ же своей рѣчи я не могъ не выразить моей благодарности за его участливое ко мнѣ отношеніе.

Въ отвѣтъ на всѣ упомянутыя рѣчи послѣдовало замѣчательное слово незабвеннаго профессора, растрогавшее всѣхъ насъ своей сердечностью до глубины души. Опять же, за давностію времени, я не могу, конечно, воспроизвести самаго содержанія, но хорошо запечатлѣлись въ памяти заключительныя слова профессора въ его отвѣтной рѣчи [1]).

Выразивъ чувство благодарности за добрыя и сердечныя отношенія къ нему бывшихъ слушателей, Александръ Густавовичъ закончилъ свою прекрасную рѣчь такими словами: «Меня называютъ «pontifex maximus», но я не «максимусъ» (при этомъ А. Г. жестомъ указалъ на свой малый ростъ), а затѣмъ и не «понтифексъ». Моя фамилія «Брикнеръ» значитъ въ переводѣ «строитель мостовъ» и я, гг., искренно желаю, чтобы прочно устроился мостъ, который соединялъ бы студентовъ съ профессоромъ. Я не жрецъ науки, господа, я не профессоръ, а студентъ, потому что «studium»—значитъ—«любимое занятіе». Да здравствуютъ же студенты!» Громкое и дружное «ура» было отвѣтомъ на такую сердечную рѣчь профессора. Тотчасъ, лишь закончилъ онъ послѣднія слова, всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и направились къ нему съ бокалами, выражая при семъ каждый свою личную благодарность, а затѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ, подняли на руки своего любимца и съ крикомъ «ура» несли его по залѣ, усадивши затѣмъ на мѣстѣ за столомъ.

---

[1]) Для надлежащаго поясненія этихъ интересныхъ словъ профессора считаю необходимымъ сказать слѣдующее. Фамилія Брикнеръ въ переводѣ съ нѣмецкаго означаетъ «строитель мостовъ», что также соотвѣтствуетъ (въ буквальномъ смыслѣ) латинскому «pontifex». Этимъ же словомъ именовалась и цѣлая священная коллегія жрецовъ «Понтифексовъ», во главѣ съ ихъ первосвященникомъ (pontifex maximus). Къ этому нужно еще добавить, что проф. Брикнеръ былъ очень низкаго роста, и это обстоятельство вызывало иногда добродушную иронію со стороны нѣкоторыхъ его коллегъ при переводѣ слова «Брикнеръ» на латинское «pontifex» и при сочетаніи послѣдняго со словомъ «maximus».

Чувствительная потеря эта сказалась сейчасъ же послѣ каникулъ, съ началомъ новаго учебнаго года. Преемникъ проф. Брикнера по каѳедрѣ явился нескоро. Прошло цѣлыхъ два года, когда прибылъ, наконецъ, изъ Петербурга молодой доцентъ Ѳ. И. Успенскій, уже пріобрѣвшій тогда извѣстность въ исторической наукѣ, какъ византивистъ [1]). До пріѣзда же къ намъ Успенскаго читалъ въ теченіе двухъ лѣтъ профессоръ русской исторіи М. П. Смирновъ курсъ «новѣйшей исторіи Пруссіи»...

Въ 1881 году состоялся VI археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ, куда прибылъ, какъ одинъ изъ членовъ археологическаго общества А. Г. Брикнеръ. Члены съѣзда посѣтили Кутаисъ, гдѣ я служилъ учителемъ исторіи, и тутъ мнѣ пришлось вновь повидать Брикнера.

Затѣмъ прошло около пятнадцати лѣтъ со времени VI археологическаго съѣзда и пребыванія А. Г. Брикнера въ Кутаисѣ, какъ пришлось узнать мнѣ изъ газетъ о смерти незабвеннаго профессора, послѣдовавшей 3 ноября 1896 г. въ г. Іенѣ, гдѣ поселился онъ еще въ 1891 г., вскорѣ послѣ перевода его въ Казань, куда онъ, однакожъ, не поѣхалъ, а переселился за границу, гдѣ продолжалъ работать неустанно почти до послѣднихъ дней своихъ на любимомъ поприщѣ исторической науки.

Съ грустнымъ чувствомъ прочелъ я вскорѣ по смерти А. Г. Брикнера обстоятельный некрологъ, составленный г. Шмурло («Журналъ М. Н. П.», февр. 1897 г.), гдѣ, между прочимъ, сказано: «Профессорская дѣятельность Брикнера оставила по себѣ добрую память среди его слушателей. Собственно, чтеніе лекцій онъ обыкновенно велъ рука объ руку съ практическими занятіями, которымъ всегда удѣлялъ много времени, придавая имъ большое значеніе. Семинаріи Брикнера охотно посѣщались; онъ умѣлъ привлечь слушателей и заставить ихъ работать».

Объ увлеченіи аудиторіи лекціями нашего профессора говоритъ и проф. Маркевичъ, ученикъ Брикнера [2]): «читалъ проф. Брикнеръ очень живо и горячо, самъ увлекаясь на лекціяхъ, почему лекціи его были всегда полны слушателей». Относительно самаго характера чтенія лекцій А. Г. Брикнеромъ я достаточно сказалъ въ началѣ моего воспоминанія о немъ, замѣчу только теперь, что я не могу согласиться съ тѣмъ, что говоритъ далѣе (въ выноскѣ) проф. Маркевичъ: «Пишетъ Брикнеръ лучше, чѣмъ говоритъ» [3]). Конечно, съ удовольствіемъ читается и каждое его пе-

---

[1]) Въ настоящее время Ѳ. И. Успенскій—директоръ археологическаго института въ Константинополѣ.

[2]) А. И. Маркевичъ. «Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго университета», стр. 198.

[3]) Тогда еще былъ живъ проф. Брикнеръ, когда праздновалось двадцатипятилѣтіе со дня открытія Новороссійскаго университета (1890 г.).

чатное слово, но еще больше удовольствія получалось отъ его слова *живого*. Объ А. Г. Брикнерѣ можно сказать тоже, что говоритъ тотъ же г. Шмурло о проф. Бестужевѣ-Рюминѣ: «Насколько спокоенъ, выдержанъ, мѣстами даже сухъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, настолько же полонъ оживленія и энергіи въ устной бесѣдѣ. Онъ никогда не говорилъ покойно, онъ ни къ чему не относился индиферентно. Въ былые годы, едва появляясь въ дверяхъ аудиторіи, еще не дойдя до каѳедры, онъ уже начиналъ свою лекцію» [1]).

Кромѣ живости изложенія, зависящаго, какъ сказано раньше, отъ самой природы А. Г. Брикнера, много способствовало и то обстоятельство, что онъ превосходно владѣлъ русскою рѣчью. Считаю не лишнимъ замѣтить, что и самый переводъ его въ Дерптскій университетъ обусловленъ былъ тѣмъ, чтобы чтеніе лекцій по русской исторіи происходило на русскомъ языкѣ [2]).

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о проф. Брикнерѣ я долженъ сказать, что доброе пожеланіе Александра Густавовича, выраженное имъ въ прощальной рѣчи на счетъ моста, который связывалъ бы студентовъ съ профессорами, не осталось только лишь пожеланіемъ, а вошло въ жизнь Новороссійскаго университета, о чемъ говоритъ тотъ же ученикъ проф. Брикнера проф. А. И. Маркевичъ: «Какъ бывшій питомецъ здѣшняго университета, а затѣмъ и преподаватель, и въ то же время недурно освѣдомленный съ существовавшими въ другихъ университетахъ обычаями, я укажу только на то, что, какъ мнѣ кажется, нигдѣ отношенія между учащими и учащимися не были такъ просты, нигдѣ преподаватели не были такъ доступны, какъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Позволю себѣ сказать, что въ другихъ университетахъ къ профессорамъ близки только избранные. Чичерины были тамъ какъ исключеніе. У насъ Григоровичъ и Брикнеръ были господствующимъ явленіемъ».

А. Колянковскій.

---

[1]) *Е. Ф. Шмурло* «Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина». «Журн. М. Н. П.», февр., стр. 181.

[2]) Е. Ф. Шмурло. «А. Г. Брикнеръ». «Ж. М. Н. Пр.», 1897 г., февраль, стр. 119.

Эпизодъ изъ посѣщенія Берлина Петромъ Великимъ.

(Разсказанный маркграфиней Вильгельминой Байретской въ ея мемуарахъ [1]).

Я чуть не забыла упомянуть, что въ 1719 году въ Берлинъ пріѣхалъ царь Петръ. Его пребываніе у насъ такъ сильно смахиваетъ на анекдотъ, что заслуживаетъ, чтобы я его описала въ моихъ мемуарахъ. Петръ очень любилъ путешествовать и направлялся къ намъ изъ Голландіи. Но по дорогѣ ему пришлось остаться на нѣкоторое время въ Клевэ, потому что царица заболѣла (у нея былъ выкидышъ). Такъ какъ онъ не любилъ большого общества и не терпѣлъ торжественныхъ пріемовъ, онъ попросилъ, чтобы король распорядился отвести для него помѣщеніе въ увеселительномъ замкѣ королевы, расположенномъ въ предмѣстьѣ Берлина. Королеву это очень мало обрадовало, такъ какъ замокъ былъ лишь недавно выстроенъ, а кромѣ того, она положила много заботъ и затратъ, чтобы побогаче и покрасивѣе убрать его. Тамъ была великолѣпная коллекція фарфора, на стѣнахъ повсюду висѣли дорогія зеркала, и домъ сталъ, дѣйствительно, походить на сокровище, откуда и произошло его названіе [2]). Домъ былъ окруженъ садомъ, неподалеку отъ него протекала рѣка, а это еще болѣе увеличивало

---

1) Для русскаго читателя въ значительной степени будутъ новы воспоминанія сестры Фридриха II, маркграфини Вильгельмины Байретской (старшей дочери прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I, 1709—1758 гг.), напечатанныя впервые въ 1810 г., но еще ни разу не переводившіяся. Въ одной изъ послѣдующихъ книгъ «Голоса Минувшаго» мы остановимся подробнѣе на личности Вильгельмины и на ея мемуарахъ. Пока же беремъ лишь небольшой отрывокъ, касающійся Россіи и сообщающій небезынтересные бытовые штрихи, хотя и не новые, для петровскаго времени. Надо помнить, что автору воспоминаній въ описываемое время было 10 лѣтъ.

Ред.

2) Замокъ носитъ имя Monbijou; теперь тамъ находится Hohenzollern-museum.

красоту его мѣстоположенія. Чтобы уберечь вещи отъ порчи, которую русскіе гости производили повсюду, куда бы они ни пріѣхали, королева приказала вывезти изъ дома всю дорогую мебель и тѣ изъ украшеній, которыя легко могли разбиться. Царь, его жена и весь ихъ дворъ пріѣхали въ Берлинъ по рѣкѣ, и были встрѣчены королемъ и королевой на берегу. Король помогъ царицѣ сойти; какъ только царь ступилъ на землю, онъ крѣпко пожалъ королю руку и сказалъ: «Я радъ видѣть васъ, братъ Фридрихъ!» Потомъ онъ подошелъ къ королевѣ и хотѣлъ было обнять ее, но она оттолкнула его. Царица начала съ того, что принялась цѣловать у королевы руки, при чемъ она продѣлала это много разъ. Затѣмъ она представила ей герцога и герцогиню Мекленбургскихъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ ними, а также и сопровождавшихъ ихъ 400 дамъ, изъ которыхъ состояла ея свита, собственно говоря, всѣ онѣ были горничными, кухарками и прачками, каждая изъ нихъ имѣла на рукахъ богато одѣтаго младенца и на вопросъ, чей это ребенокъ, отвѣчала, отвѣшивая низкій поклонъ, какъ это принято въ Россіи, что это дитя у нея отъ царя. Королева не удостоила этихъ женщинъ и взгляда. Тогда царица, какъ бы отплачивая ей за это, обошлась весьма высокомѣрно съ нѣмецкими принцессами, но король послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ заставилъ ее все-таки поклониться имъ. Я увидѣла этихъ гостей лишь на слѣдующій день, когда они пришли къ королевѣ; королева рѣшила принять ихъ въ залѣ, гдѣ обыкновенно бывали большіе пріемы; она встрѣтила ихъ чуть ли не у входа во дворецъ, гдѣ расположена стража, и, взявъ царицу за лѣвую руку, повела ее въ этотъ аудіенцъ-залъ. За ними слѣдовали король вмѣстѣ съ царемъ. Какъ только царь меня увидѣлъ, онъ тотчасъ же узналъ меня, такъ какъ мы видѣлись уже пять лѣтъ тому назадъ. Онъ взялъ меня на руки и исцарапалъ поцѣлуями все мое лицо. Я била его по щекамъ и старалась изо всѣхъ силъ вырваться изъ его рукъ, говоря, что терпѣть не могу нѣжностей и что его поцѣлуи меня оскорбляютъ. При этихъ словахъ онъ громко расхохотался. Потомъ онъ сталъ бесѣдовать со мной; меня еще наканунѣ заставили выучить все, что я должна была сказать ему. Я говорила о его флотѣ, о его побѣдахъ, и это привело его въ восторгъ; онъ нѣсколько разъ повторилъ, что охотно отдалъ бы одну изъ своихъ провинцій въ обмѣнъ на такого ребенка, какъ я. Царица тоже приласкала меня. Она была мала ростомъ, толста и черна; вся ея внѣшность не производила выгоднаго впечатлѣнія. Стоило на нее взглянуть, чтобы тотчасъ замѣтить, что она была низкаго происхожденія. Платье, которое было на ней, по всей вѣроятности, было куплено въ лавкѣ на рынкѣ; оно было старомоднаго фасона и все обшито серебромъ и блестками. По ея наряду можно было принять ее за нѣмецкую странствующую артистку. На ней былъ

поясъ, украшенный спереди вышивкой изъ драгоцѣнныхъ камней, очень оригинальнаго рисунка въ видѣ двухглаваго орла, крылья котораго были усѣяны маленькими драгоцѣнными камнями въ скверной оправѣ. На царицѣ было навѣшано около дюжины орденовъ и столько же образковъ и амулетовъ, и, когда она шла, все звенѣло, словно прошелъ наряженный мулъ. Напротивъ, царь былъ человѣкъ высокаго роста и красивой наружности, черты его лица носили печать суровости и внушали страхъ. На немъ было простое матросское платье. Его супруга плохо говорила по-нѣмецки и едва-едва понимала, что королева говорила ей; она подозвала къ себѣ свою шутиху, княгиню Голицыну, чтобы поболтать съ нею по-русски. Эта несчастная женщина согласилась исполнять шутовскія обязанности ради спасенія своей жизни; она участвовала когда-то въ заговорѣ противъ царя и дважды подвергалась за это битью кнутомъ. Неизвѣстно, что она говорила царицѣ, но та каждый разъ разражалась громкимъ хохотомъ. Наконецъ всѣ усѣлись за столъ; царь занялъ мѣсто возлѣ королевы. Какъ извѣстно, въ дѣтствѣ его пытались отравить, отчего вся его нервная система отличалась крайней раздражительностью и легкой возбудимостью; онъ былъ къ тому же подверженъ частымъ припадкамъ конвульсій, которые онъ не могъ преодолѣть. За столомъ съ нимъ приключился одинъ изъ такихъ припадковъ, а такъ какъ именно въ тотъ моментъ онъ держалъ въ рукахъ ножъ, то такъ усиленно началъ размахивать имъ передъ королевой, что послѣдняя перепугалась и хотѣла вскочить съ мѣста. Царь началъ ее успокаивать, увѣряя, что не причинитъ ей вреда; при этомъ онъ взялъ ее за руку и такъ крѣпко пожалъ, что королева взмолилась о пощадѣ. На это Петръ, громко смѣясь, замѣтилъ, что ея кости нѣжнѣй, чѣмъ у его Катерины. Послѣ ужина долженъ былъ состояться балъ, но царь, какъ только встали изъ-за стола, тайкомъ улизнулъ и прошелъ пѣшкомъ до самаго Monbijou. На слѣдующій день ему показали всѣ достопримѣчательности Берлина и, между прочимъ, собраніе медалей и античныхъ статуэтокъ. Среди нихъ была одна самая цѣнная въ очень непристойной позѣ. Какъ мнѣ потомъ стало извѣстно, такими статуэтками въ древнемъ Римѣ украшали комнаты новобрачныхъ. Царь очень любовался ею и вдругъ приказалъ царицѣ поцѣловать ее. Она не захотѣла; тогда онъ разсвирѣпѣлъ и крикнулъ ей на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Ты головой заплатишь за свой отказъ!» Какъ видно, онъ собирался казнить ее, если она ослушается его. Царица въ испугѣ поцѣловала статуэтку. Царь, нисколько не церемонясь, выпросилъ у короля какъ эту статуэтку, такъ и нѣсколько другихъ. Ему также понравился дорогой шкапъ изъ чернаго дерева, за который король Фридрихъ I заплатилъ огромныя деньги, и онъ увезъ его съ собой въ Петербургъ ко всеобщему отчаянію. Наконецъ,

черезъ два дня; весь этотъ варварскій дворъ покинулъ Берлинъ Королева поспѣшила въ Monbijou, гдѣ все выглядѣло словно послѣ разрушенія Іерусалима. Никогда ничего подобнаго не было видано! Все до того было испорчено, что королевѣ пришлось заново перестроить весь дворецъ.

Пер. *С. Клейнеръ*

1794 годъ.

Владислава Реймонта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОСЛѢДНІЙ СЕЙМЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

Историческая повѣсть, переводъ *Евг. Загорскаго*, единственный разрѣшенный авторомъ.

ГЛАВА II [1]).

Богослуженіе происходило у бокового алтаря.

Костелъ былъ наполненъ золотыми лучами солнца, кадильнымъ дымомъ и звуками органа. Богослуженіе было съ органомъ, но безъ хора. Толстый настоятель монастыря служилъ довольно поспѣшно, повидимому, торопясь и всякій разъ, когда обращался въ сторону молившихся, взглядъ его съ любопытствомъ направлялся къ двумъ согнувшимся фигурамъ, едва замѣтнымъ среди скамей и на видъ очень горячо молившимся. То и дѣло, произнося «Dominus» или перелистывая страницы богослужебной книги, онъ украдкой подозрительно поглядывалъ на лица молившихся.

Народу сегодня было немного, какія-то пышно разодѣтыя дамы разсѣлись въ скамьяхъ, какъ индѣйки, мѣщанки въ цвѣтныхъ кафтанахъ и черныхъ платкахъ позванивали четками и нѣсколько простыхъ бабъ вполголоса читали молитвы, уставившись на ксендза слезливыми глазами.

Нѣсколько старцевъ въ кунтушахъ, какъ бы для декораціи, стояло на колѣняхъ передъ алтаремъ, за ними нѣсколько кафтановъ, а въ глубинѣ подъ колоннами жались оборванныя свитки, липовые лапти и весь простой народъ. А когда какой-нибудь нищій, постукивая костылемъ, лѣзъ впередъ, тыкая подъ носъ стоявшимъ на колѣняхъ свою тарелочку, настоятель грозно морщилъ лобъ и

1) См. № 8.

готовъ былъ его громко выругать. Его раздражалъ также тихій разговоръ о чемъ-то споравшихъ монаховъ, которые вмѣстѣ съ мальчиками, одѣтыми также въ рясы бернардиновъ, декорировали главный алтарь цвѣтами и коврами. Казалось, что онъ все время къ чему-то прислушивается и чего-то нетерпѣливо выжидаетъ.

— Нѣтъ,—шепталъ Ясинскій, склонившись надъ раскрытымъ молитвенникомъ,—мнѣ говорилъ Тенгоборскій, секретарь сейма, что сегодняшнее собраніе будетъ отложено на завтра. Необходимо раньше приготовить довѣренность делегатамъ, которые будутъ вести переговоры съ Бухгольцомъ. Къ тому же Сиверсъ послѣ вчерашняго торжества лежитъ въ кровати, другіе тоже не прочь отдохнуть.

Заремба, облокотившись на скамейку и закрывъ лицо ладонями, внимательно слушалъ.

— Я получилъ спѣшное письмо изъ Вильна и долженъ немедленно ѣхать, вернусь черезъ нѣсколько дней.

Пронзительно зазвонили колокольчики, понеслись вздохи молящихся, и всѣ склонили головы. Началось вознесеніе Св. Тайнъ.

Ясинскій опустился на колѣни, подавая въ то же время Зарембѣ сѣрую тетрадку.

— «Отрывки изъ произведеній китайскаго философа Гоодъ»,— шепнулъ онъ едва слышно.

И когда затихли колокольчики и органъ снова заигралъ свою молитву, Ясинскій, придвигаясь еще ближе, шепталъ:

— Это нашъ конспиративный катихизисъ, въ приложеніи ты найдешь ключъ къ его пониманію и планъ расквартированія русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Гродна. Запомни это наизусть и уничтожь. Шпіоновъ полно на каждомъ шагу, уже самъ не знаешь, кому вѣрить, будь остороженъ. Отъ патріотовъ сторонись, потому что за ними слѣдятъ. Скаршинскій окруженъ хорошей опекой, шагу не можетъ сдѣлать безъ ангела-хранителя. Играй роль кутилы и мота и только съ такими води компанію. Отправляйся съ поклономъ къ Мошинскому, онъ былъ in titulo вице-комендантомъ кадетовъ и столько лѣтъ кормился на нашъ счетъ, что, можетъ-быть, не откажетъ тебѣ въ протекціи.

— Я полагалъ, что надо раньше итти къ Ожаровскому, говорятъ, будто онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

— Сказки! Его не было вчера на балу, но онъ сидитъ въ Гроднѣ. Уѣхалъ гетманъ Коссаковскій. Предупреждаю, однако, тебя, что Ожаровскій очень много обѣщаетъ, но исполняетъ только то, что прикажетъ ему жена или Сиверсъ. А каковъ былъ результатъ стараній Гаумана?

— Онъ сейчасъ подъ командой Дялынскаго и уже назначенъ полковникомъ; нѣсколько дней тому назадъ самъ король хлопоталъ за него на сеймѣ, а сандомирскій посолъ Гославскій передъ всѣмъ собраніемъ прославлялъ его вѣрность отечеству и мужество.

— Я видѣлъ, какъ онъ еще начиналъ подъ Заславьемъ. Онъ вмѣстѣ съ моей батареей былъ тогда въ полку Малчевскаго въ качествѣ подполковника. Затѣмъ я его видѣлъ и подъ Зеленцами.

— Ты прошелъ всю кампанію?

Заремба приподнялъ отворотъ кафтана, изъ-подъ котораго блеснулъ крестъ Virtuti Militari, и сказалъ:

— Я получилъ его подъ Дубенкой вмѣстѣ съ чиномъ поручика.

— Не показывай!—сердито замѣтилъ Ясинскій.—Развѣ не знаешь, что генералитетъ запретилъ носить знаки отличія, полученные въ этой войнѣ.

— Я полагалъ, что подобнымъ приказаніямъ никто не подчинится.

— Конечно, если бы императрица не приказала силой срывать съ каждаго, кто осмѣлится носить. Уже многіе жестоко поплатились.

Заремба съ грустью снялъ крестъ и спряталъ въ карманъ.

— Ты не долженъ обращать на себя вниманіе,—внушительно добавилъ Ясинскій.—Да, Гауману удалось, удастся, можетъ-быть, еще нѣсколькимъ имѣющимъ протекцію, но останутся сотни изъ распущенныхъ бригадъ, которыя не желаютъ служить врагу, а Рѣчи Посполитой служить не могутъ. Такихъ мы должны привлечь.

— Я увѣренъ, что на зовъ командира явятся всѣ, кто остался вѣрнымъ родинѣ. Гораздо хуже дѣло обстоитъ съ гемейнами. Ихъ тысячи шатаются сейчасъ, прося милостыню.

— Что же съ ними будетъ?

— Я долженъ ихъ собирать, насколько это возможно, и отправлять въ полкъ Водицкаго и за русскую границу. А остальныхъ расквартируемъ по усадьбамъ и въ Варшавѣ. Здѣсь мнѣ приказано сдѣлать сборный пунктъ, потому что при такомъ многолюдіи легче скрыть работу и сообщаться съ другими.

— Но надо торопиться. За Нѣманомъ у Тизенгаузовской корчмы ежедневно гремятъ барабаны, льется водка и вербовщики открыто производятъ свою работу. Вчера я даже видѣлъ, какъ казаки гнали въ свой обозъ сотню человѣкъ. Страшно было смотрѣть. Мнѣ говорили, что вербуютъ и для прусскаго короля. Гродно превратилось въ ярмарку солдатскаго мяса, покупаетъ, кто желаетъ, и вывозитъ, какъ жирныхъ барановъ.

— Кто вербуетъ въ отторгнутыхъ отъ Польши воеводствахъ?

— Копэцъ и Вышковскій. Вскорѣ ты ихъ здѣсь увидишь. Въ Вильнѣ Гросмани поддерживаетъ съ ними отношенія. У тебя есть подходящіе люди для вербовки?

— Пріѣхалъ капитанъ Качановскій, сейчасъ спитъ у меня на квартирѣ.

— Знаю его. Порядочный забіяка и ловкій парень. Вретъ не хуже князя Пане Коханку. Только денегъ ему давай поменьше. онъ страшный игрокъ и кутила.

Мнѣ приказано давать ему по счету за каждую голову и лошадь отдѣльно.

— Онъ и чорта обманетъ, настоящій ученикъ Мировскаго. Лодарь, оболтусъ, пьяница, но вѣрная солдатская душа. Кланяйся ему отъ меня. А ты не познакомился на балу съ княземъ Циціановымъ?

— Первый разъ слышу о такомъ.

— Ухаживалъ за прекрасной камергершей.

— Низкій, длинноносый, съ какими-то заплѣсневѣвшими глазами. Помню.

— Ты долженъ съ нимъ познакомиться, онъ свой человѣкъ въ домѣ камергерши.

— Я никогда не переступлю ея порога, — горячо возразилъ Заремба.

— Это необходимо для дѣла,—послышался суровый отвѣтъ.

Глаза Зарембы блеснули отчаяніемъ, затѣмъ онъ мужественно произнесъ:

— Подчиняюсь.

— Программу дѣйствій получишь послѣ. Я думаю, что при помощи камергерши ты можешь войти съ нимъ въ болѣе близкія отношенія. Она вѣдь твоя кузина?

— И бывшая невѣста,—произнесъ онъ, точно выплевывая кусокъ запекшейся крови.

Ясинскій понялъ его тяжелое положеніе, но не уступилъ.

— Тѣмъ легче будетъ тебѣ столковаться съ ней. Она тебя помнитъ. Вчера я слышалъ, какъ она жаловалась на тебя Войнѣ.

— А Война съ нами? — пытался Заремба перемѣнить непріятный разговоръ.

— Пока еще нѣтъ. Испытай его и постарайся привлечь. Это человѣкъ очень нужный.

— Умѣетъ только острить и насмѣхаться,—отвѣтилъ тотъ недружелюбно.

— Намъ и такое оружіе пригодится. Злой языкъ достаетъ дальше, чѣмъ пуля. Мнѣ пора уже итти. Какъ-нибудь въ сумерки я проберусь къ тебѣ на квартиру, тогда поговоримъ болѣе подробно. Здѣсь опасно.

Онъ покосился на какого-то господина въ черномъ кафтанѣ, который, казалось, прислушивался къ ихъ разговору.

— Ты пріѣхалъ прямо изъ Парижа?—шепнулъ онъ еще тише.

— Да, но я заѣзжалъ въ Липецкъ и Дрезденъ.

— Что революція въ самомъ дѣлѣ такъ страшна, какъ о ней пишутъ?

— Какъ возмущеніе, месть и преступленіе. Но въ то же время какъ необходимость.

— И ты думаешь...—онъ вдругъ замолчалъ, поглядывая на господина въ кафтанѣ.

— Думаю, что и въ Польшѣ вскорѣ порадаетъ топоръ.

— Послѣ ты мнѣ объ этомъ подробно разскажешь.—Ясинскій всталъ, намѣреваясь уйти.—Но къ тебѣ кое-то придетъ, покажетъ знакъ, и ты ему вѣрь. Онъ знаетъ о нашей почтѣ и о сообщеніи съ командами. Не забудь о Циціановѣ.

Заремба продолжалъ сидѣть, ошеломленный этимъ порученіемъ.

— Приказъ! надо подчиняться!—рѣшилъ онъ, наконецъ, съ солдатскою прямолинейностью. Онъ почувствовалъ вдругъ глубокое облегченіе, въ которомъ таилась тихая радость. — Это тотъ, о которомъ сплетничали тѣ дамы. Свой человѣкъ у нея въ домѣ, нѣжный наперсникъ,—думалъ онъ, хмуря брови, и жало вонзалось въ его сердце.—И мнѣ приказываютъ завести съ нимъ знакомство. Хорошо, буду радъ подружиться, можетъ-быть, въ чемъ-нибудь удружу ему! Хорошо!—думалъ онъ, тая какіе-то смутные замыслы мести.

Погруженный въ эти размышленія, онъ не замѣтилъ, какъ окончилось богослуженіе. Очнулся онъ только тогда, когда затихъ органъ и начался стукъ разставляемыхъ передъ большимъ алтаремъ креселъ. Слышно было, какъ къ костелу подъѣзжали экипажи, шуршали шелковые наряды. Лакеи, отгоняя простой народъ, покрывали коврами скамьи, несли подушки, шали и молитвенники.

Расфранченныя дамы и мужчины занимали мѣста передъ алтаремъ въ креслахъ, разставленныхъ полукругомъ, какъ въ театрѣ. Блестѣли лорнеты, люди предлагали другъ другу табакъ и конфеты, запахъ духовъ разносился по воздуху, какъ изъ кадильницъ, какой-то черномазый красивый монахъ кокетничалъ, показывая бѣлые зубы, подавалъ дамамъ сосудъ съ освященной водой и побрякивалъ копилкой. Собиралось свѣтское общество, раздавалось французское щебетанье, сіяли милыя улыбки, прикрываемыя вѣерами. Стало немного тише, когда епископъ Скаршевскій вышелъ служить обѣдню, но то и дѣло срывались отдѣльныя фразы и сверкали вызывающіе взгляды подведенныхъ глазъ. Лакеи, стоя у входа, также забавлялись, подшучивая надъ нищими, осаждавшими церковное крыльцо, и обмѣнивались такими шутками, что не разъ какое-нибудь грубое слово доносилось до сидѣвшаго на скамьяхъ общества и до алтаря.

Заремба, улучивъ соотвѣтствующую минуту, поднялся со скамьи и пошелъ черезъ монастырь, но въ первомъ же коридорѣ его поджидалъ настоятель и почти насильно затащилъ въ свою келью.

— Только на минуточку, на одну молитвочку, ангелъ мой золотой,—говорилъ онъ, обнимая его за талію.—Садись, сударь, Іосифъ, дай кресло! Ну и какъ же вы рѣшили?

Но Заремба не могъ отвѣтить ни слова, такъ какъ въ большой сводчатой кельѣ поднялся невообразимый крикъ, пискъ и хлопанье крыльевъ. Поднялись на воздухъ цѣлыя стаи канареекъ, дроздовъ, зябликовъ, жаворонковъ, стали порхать надъ головой настоятеля и съ радостнымъ щебетаніемъ садились ему на голову, плечи и всюду, гдѣ только могли зацѣпиться.

— Тише! тише!—кричалъ тотъ, размахивая краснымъ платкомъ, но это вызывало еще большій крикъ птицъ.

— Что мнѣ дѣлать съ этой оравой! Размножаются, не дай Богъ!—жаловался настоятель, вытирая жирное потное лицо.—Тише вы тамъ! Успокой ихъ,—обратился онъ къ краснощекому монаху.

Раздалось вдругъ зловѣщее карканье, до того похожее на настоящее карканье хищной птицы, что Заремба оглянулся, а птицы точно провалились сквозь землю.

— Ну и напугалъ онъ ихъ!—смѣялся настоятель, опускаясь въ глубокое кресло передъ дымившейся миской съ горячимъ пивомъ со сметаной.—А, можетъ-быть, сударь, выпьешь чашку кофе, или этакъ по-солдатски рюмочку и ветчинки? Прошу, ангелъ мой золотой! По Божьей милости, кое-что въ запасѣ есть! Іосифъ! дубина! бѣги скорѣе въ буфетъ. Правду сказать, сегодня пятница...

— Спасибо, но меня ждутъ товарищи завтракать.

— Храпятъ еще такъ, что стѣны дрожатъ,—замѣтилъ монахъ, прячась за спину настоятеля.

— Пана Гласку я знаю давно, человѣкъ онъ, повидимому, порядочный, но большой ловеласъ. Смотритъ на женщинъ, какъ котъ на сало. Я не думаю...

— Это другъ Прозора и человѣкъ всей душой преданный родинѣ.

— Правда, въ немъ есть какая-то величественность. Точно сенаторъ... Можетъ, у васъ на квартирѣ чего-нибудь не хватаетъ, я велю дать. Чтобы вы не жаловались на бернардиновъ, что васъ морили голодомъ. Да, довѣренный обознаго гетмана...—говорилъ онъ про себя, запуская ложку въ миску и поглядывая исподлобья на дрозда, который вскочилъ на столъ и подкрадывался къ кускамъ сыра, плававшимъ въ пивѣ.

— И когда же должно начаться?.. Ахъ ты, воръ!—закричалъ онъ на птицу, улетавшую съ кускомъ сыра и грозя ей ложкой.

— Объ этомъ знаетъ только совѣтъ,—тихо отвѣтилъ Заремба, недовѣрчиво взглянувъ на монаха, посвистывавшаго на спрятавшихся птицъ.

— Чего таращишь глаза, какъ котъ на горячихъ угольяхъ!—заоралъ на него настоятель.—Принеси воды птицамъ!—И когда монахъ ушелъ, онъ сказалъ:

— Это мой довѣренный. Хотя о такихъ планахъ лучше не говорить и при самыхъ вѣрныхъ людяхъ. Я тебя не стану разспрашивать. Я служу родинѣ, слушаясь и исполняя приказанія. Теперь

я хочу тебѣ, ангелъ мой золотой, дать человѣка, который, какъ мнѣ кажется, пригодится тебѣ. На видъ ничего особеннаго, обыкновенный бернардинецъ, но это настоящее золото, умница, языки знаетъ и въ военномъ искусствѣ свѣдущъ. Охотливъ и ко всему способенъ. Правда, любитъ иногда приложиться къ бутылочкѣ, но не лѣнивъ ни въ работѣ, ни въ молитвахъ.

— А языкъ за зубами умѣетъ держать?

— Ручаюсь за него головой.

— Если такъ, я очень радъ съ нимъ познакомиться.

— Іосифъ!.. Это настоящій кладъ... Гдѣ же этотъ дуракъ?.. Іосифъ!..

Вбѣжалъ испуганный монахъ и смиренно всталъ за настоятельскимъ кресломъ.

— Гдѣ же ты пропадалъ? Проси сюда отца Серафима.

Монахъ, выходя изъ комнаты, дулъ во всѣ клѣтки, разставленныя вдоль стѣны на длинныхъ столахъ. Поднялся невѣроятный крикъ и пискъ.

— Не дай Богъ съ этими озорниками, только и думаютъ, какъ бы какую-нибудь шалость устроить. А на молитву и палкой не загонишь!—заявилъ настоятель и, насыпавъ на столъ большую кучку зерна и крошекъ, протяжно свистнулъ.

Птицы слетѣлись и тихо усѣлись по краямъ стола, размахивая крылышками, чтобы удержать равновѣсіе.

— Ни съ мѣста! ждать!—крикнулъ настоятель отодвигаясь.

Птицы сидѣли въ рядъ, подымая носы и какъ бы готовясь къ атакѣ.

— Впередъ! шагомъ! стой! цѣлься! пали!—раздавалась команда, и стая въ полномъ боевомъ порядкѣ бросилась на зерно и стала яростно молотить.

Настоятель весь трясся отъ смѣха, вытиралъ потное лицо и, обходя столъ, гладилъ птицъ по крылышкамъ, нѣкоторыхъ цѣловалъ и все время ворчалъ, поучалъ и грозилъ платкомъ.

— Тише, ребятушки, тише! ѣда не убѣжитъ! А то подавится еще какой-нибудь прожора, опять придется лѣчить. Ты, дроздъ, не дави другихъ, а то получишь. А ты, маленькій жавороночекъ, отчего такой печальный? мамаша наказала? погоди я тебѣ дамъ отдѣльно! Не ссорьтесь, миленькіе! А ты, зябличиха, роброновъ тутъ своихъ не распускай! Ахъ ты, оболтусъ!—закричалъ онъ снова на дрозда.—Съѣлъ мой сыръ, такъ не объѣдай другихъ! Боже мой, какая это прожорливая орава! Жадные, ссорятся,—совсѣмъ какъ люди. Ангелъ мой золотой,—обратился онъ къ Зарембѣ,—ты надо мной не смѣйся!

— Я только удивляюсь, какъ можно было такъ хорошо выучить эту стаю. Это не малый трудъ. Но скажите относительно отца Серафима, не можетъ ли онъ быть сборщикомъ?

— Хоть сейчасъ, ангелъ мой золотой!

— Но чтобы онъ могъ свободно ходить по всей сторонѣ.

— Великолѣпная идея! Эта работа какъ разъ для него. Я похлопочу, чтобы ему дали разрѣшеніе. А пока бери его себѣ и помни, что это не простой бернардинецъ...

— Какого же онъ происхожденія?

— Долго объ этомъ говорить. Бѣгу въ костелъ, загляну, не кончаетъ ли епископъ обѣдню... In saecula saeculorum. Amen!— произнесъ онъ по привычкѣ, когда скрипнула входная дверь.—А вотъ и отецъ Серафимъ. А теперь—смирно! по гнѣздамъ, ребятушки, маршъ!—командовалъ онъ, размахивая платкомъ, и крылатая орава въ одно мгновеніе расзѣлась по клѣткамъ.—Іосифъ! эти жулики мнѣ весь столъ загадили, не дай Богъ!

— Птицы счастье приносятъ,—отозвался Серафимъ.

— Ангелъ мой золотой, у всякаго шута свой нарядъ,—шутливо отвѣтилъ настоятель.

Заремба съ любопытствомъ смотрѣлъ на смиренное лицо монаха, и когда настоятель ушелъ, приблизился къ нему, протягивая руку.

— Мнѣ настоятель очень рекомендовалъ васъ.

— Я уже знаю, въ чемъ дѣло. Мнѣ давно хочется вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Я охотно пойду подъ команду, — говорилъ тотъ, быстро подымая на него голубые умные глаза.

Онъ былъ очень худъ, на видъ ему могло быть лѣтъ и пятьдесятъ, и тридцать, ходилъ сгорбившись, ряса висѣла на немъ, какъ на вѣшалкѣ, голова была короткая, квадратная, поросшая желтыми щетинообразными волосами, лобъ высокій и очень бѣлый, носъ хищно загибался внизъ, губы до ушей, нижняя челюсть выступала впередъ и все лицо было испещрено коричневыми веснушками.

— Загляните ко мнѣ на квартиру, тамъ поговоримъ.

Вмѣсто отвѣта монахъ показалъ кольцо и прошепталъ тайныя слова.

— Какъ я радъ, братъ и товарищъ!—воскликнулъ Заремба, горячо обнимая его.

— Панъ Солтанъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ.

— Настоятель объ этомъ знаетъ?

— Я ему отчета въ этомъ не отдавалъ. Жалко бальзама на капусту, а розоваго масла на сапоги,—иронически отвѣтилъ тотъ.

— Онъ хорошій человѣкъ и очень преданъ дѣлу.

— Чей хлѣбъ ѣшь, того и пѣсенки поешь. Я васъ провожу.

— Что это съ вами случилось, что вы ногу волочите?

— Это милыя воспоминанія послѣ пытокъ,—засмѣялся монахъ, сверкнувъ бѣлыми зубами.

Заремба поглядѣлъ съ недовѣріемъ,

— Когда-нибудь еще разскажу объ этомъ,—промолвилъ монахъ, ведя его по коридору.

Они шли одно время молча, Заремба разсматривалъ его съ любопытствомъ.

— Значитъ, я жду васъ сегодня къ ужину. Это намъ будетъ удобнѣе.

— Спасибо за угощеніе, но и дома сытъ. Приду, когда мнѣ удастся вырваться.

«Странный какой-то человѣкъ», подумалъ Северъ, когда тотъ удалялся, и, вспомнивъ о порученіи Ясинскаго, сталъ думать о немъ, повернувъ по коридору налѣво и направляясь къ монастырскому саду, расположенному на холмѣ у крутого обрыва надъ Нѣманомъ.

День былъ жаркій, и уже наступилъ зной, хотя было всего десять часовъ. На небѣ не было ни одной тучи. Безупречно чистая лазурь сіяла, какъ раскинутый бархатный навѣсъ, ласточки носились въ воздухѣ съ неугомоннымъ крикомъ.

Заремба углубился въ тѣнистыя аллеи сада. Садъ былъ старый и разросшійся. Надъ блѣдной травой сѣрѣли ряды корявыхъ изборожденныхъ стволовъ, желтѣли цѣлые острова заячьей капусты, сіяли солнечные блики. Въ тѣни вѣтвей стоялъ холодокъ и царила тишина. Далекіе звуки органа сливались съ нѣжнымъ жужжаніемъ пчелъ и оводовъ. Иногда съ Нѣмана доносились протяжные крики сплавщиковъ или сердитые голоса о чемъ-то ссорившихся людей.

Заремба блуждалъ по заросшимъ травой тропинкамъ и, наконецъ, попалъ на широкую дорогу, бѣжавшую вдоль холма къ монастырскимъ постройкамъ. Дорога была усыпана желтымъ пескомъ. По бокамъ въ четыре ряда росъ низко подстриженный кустарникъ, а между рядами этой живой изгороди подымалъ головки цѣлый рядъ цвѣтовъ. Георгины свѣшивали тяжелыя разноцвѣтныя головы, кокетничали нарядныя мальвы, благоухали розы и левкои, маки сіяли снѣжно-бѣлыми цвѣтами, а низко надъ землей росли какъ бы запуганныя настурціи. Низко свѣшивавшіяся развѣтвленныя деревья бросали на песокъ дороги сѣтчатыя тѣни. Кое-гдѣ дорогу преграждали, словно протянутыя руки, опустившіяся до земли вѣтви, обремененныя красными яблоками. Зрѣлыя вишни манили губы и глаза, но Заремба ничего не видѣлъ, шелъ, создавая въ своемъ воображеніи сцену первой встрѣчи. Онъ уже представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ холоденъ, сдержанъ и непреклоненъ съ Изой. «Да, буду только вѣжливъ, поскольку это необходимо. Ни одного намека на прошлое! Пусть это будетъ похоронено въ памяти!» рѣшалъ онъ непреклонно. Но наступали мгновенія, когда онъ начиналъ проклинать Ясинскаго, или, какъ

Пилатъ, умывалъ руки, сваливая на него всю вину: «Я самъ никогда не приблизился бы къ ней, никогда!»

Такъ думалъ онъ, шагая изъ конца въ конецъ по песчаной дорогѣ, какъ вдругъ наткнулся на какого-то монаха, который появился неизвѣстно откуда и медленно шелъ, нащупывая посохомъ дорогу. Онъ казался безконечно старымъ, отъ него пахло гробомъ, глаза его были покрыты бѣльмами, лицо какъ бы поросло плѣсенью. Онъ имѣлъ видъ трупа. То и дѣло онъ останавливался, прикасался сухими пальцами къ цвѣтамъ и, улыбаясь провалившимся ртомъ, тащился среди великолѣпія залитой солнцемъ природы, какъ заблудившійся холодный призракъ. Повидимому, онъ былъ глухъ, такъ какъ не отвѣтилъ на привѣтствіе, и, остановившись на томъ мѣстѣ дороги, гдѣ не было по бокамъ деревьевъ и открывался великолѣпный видъ, прошамкалъ:

— Чудесно, чудесно! Слава Тебѣ, Господи! — и глядѣлъ вдаль, помня ее наизусть, какъ вѣчно живой восхитительный сонъ.

Дѣйствительно, видъ былъ чудесный. Нѣманъ сверкалъ въ глубинѣ обрыва серебристо-голубой лентой и бѣжалъ вдаль, извиваясь среди крутыхъ береговъ. За нимъ, направо подымались башни и стѣны Францисканскаго монастыря, окруженнаго кольцомъ садовъ и сѣрыхъ низкихъ домиковъ. Широкая песчаная дорога подымалась отъ Нѣмана въ гору, окружала монастырь, извивалась среди полей и деревень, тонувшихъ въ зелени деревьевъ, и исчезала въ темной массѣ лѣсовъ, чернѣвшихъ на горизонтѣ. Кое-гдѣ двигались люди, занятые уборкой хлѣба, ѣхали высокіе возы, золотились стога, и столбы пыли висѣли въ воздухѣ надъ дорогой.

Заремба внимательно осмотрѣлъ всю окрестность и затѣмъ направилъ подзорную трубку на заросли, расположенныя направо отъ монастыря на крутомъ берегу, гдѣ бѣлѣло множество палатокъ и блестѣли на солнцѣ пушки.

— Шесть штукъ, цѣлая батарея, направленная прямо на замокъ! Вѣроятно, двѣнадцатифутовыя орудія могутъ снести замокъ до основанія. За палатками земляныя укрѣпленія, на берегу казачьи патрули. Берегъ охраняется какъ слѣдуетъ, это не шутки,—думалъ онъ, пряча подзорную трубку.—Теперь не время для любви,—строго произнесъ онъ, поспѣшно направляясь въ квартиру.

Онъ квартировалъ въ монастырскомъ домѣ, отдѣленномъ отъ сада высокой стѣной и выходившемъ фасадомъ на улицу, которая вела на рынокъ. Онъ занималъ здѣсь двѣ маленькія комнаты, раздѣленныя коридоромъ, и какую-то клѣтушку со стороны двора, гдѣ помѣщался Кацперъ со своей кухней.

Весь домъ, длинный, неуклюжій, полный всякихъ уголковъ и пристроекъ, представлялъ изъ себя страшную развалину, прогнившую отъ сырости, съ ободранной штукатуркой, съ выбитыми

стеклами и съ крышей, какъ рѣшето. Ему было приказано здѣсь квартировать, такъ какъ этотъ домъ стоялъ въ сторонѣ и легче было изъ него пробраться къ Нѣману.

— Что, еще спятъ? — спросилъ онъ Кацпера, открывшаго ему дверь.

— Не приказали будить, я и не будилъ,—выпрямился тотъ по-солдатски.

— Какъ, они пріѣхали?

— На почтовыхъ, на перекладныхъ, прямо изъ Варшавы.

— Ну, въ такомъ случаѣ имѣютъ право отдохнуть. Мнѣ надо переодѣться... А!.. — воскликнулъ онъ, съ удовольствіемъ замѣтивъ на кровати уже приготовленное бѣлье и платье. Туалетный ящикъ стоялъ открытый на столѣ у окна, и Кацперъ уже принялся взбивать мыло и острить бритвы.

— Ну, что слышно? — спросилъ онъ, поспѣшно раздѣваясь.

— Буланка захромала, я велѣлъ ее перековать, но не помогло. Къ счастью, сегодня утромъ заглянулъ въ конюшню какой-то бернардинецъ, велѣлъ ей ноги мазью смазать, говоритъ, что до завтра будетъ здорова.

— Осмотри повозки. Въ зеленой спицы, кажется, расшатались, не замѣтилъ?

— Колеса разсохлись,—ужъ мокнутъ въ прудѣ.

— Ну, еще что? — онъ одѣлъ халатъ и сѣлъ передъ туалетомъ.

— Мацусь опять напился.

— Уже успѣлъ? съ кѣмъ же это онъ?

— Вчера подъ вечеръ вертѣлись тутъ какіе-то, будто кого-то ища, и все разнюхивали.

— Можетъ-быть, сыщики?

— Одинъ говорилъ, что онъ торгуетъ лошадьми, одѣтъ былъ по-господски, — шепталъ Капцеръ, намыливая щеки господина,— другой на видъ солдатъ. Я ихъ прогналъ. Но Мацусь успѣлъ съ ними снюхаться, и они пошли въ бернардинскую корчму. Напился, какъ свинья.

— Въ слѣдующій разъ получитъ пятьдесятъ плетей и пойдетъ домой. Еще, пожалуй, спьяна наболтаетъ, чего не слѣдуетъ.

— Нѣтъ, это не опасно, у него такой характеръ, что когда пьянъ, то не говоритъ ни слова, а только все смѣется, — говорилъ тотъ, брея исправно, какъ парикмахеръ.

— Хорошій парень, жаль, что такой пьяница.

Кацперъ, выбривъ Зарембу, одѣлъ его въ шелковый халатъ вишневаго цвѣта, расшитый золотомъ и съ желтой подкладкой, затѣмъ прибралъ столъ, подалъ утренній кофе и сталъ въ сторонкѣ, глядя на него вѣрными, преданными глазами. Парень былъ высокій и красивый, зеленая артиллерійская куртка, только безъ кантовъ, плотно прилегала къ его мускулистой фигурѣ.

— Долго мы еще здѣсь будемъ стоять? — робко спросилъ онъ, пододвигая кастрюльку.

— А куда же это ты такъ торопишься?

— Домой, давно уже не видѣлъ своихъ, — тихо сказалъ тотъ, пощипывая стриженые усы.

— Соскучился, небось, безъ экономской плетки.

— Кто же смѣетъ меня оскорбить! Я солдатъ, получилъ крестъ отъ самого князя! — онъ выпрямился, сѣрые глаза его гордо заблестѣли.

— Я уже писалъ отцу, чтобы онъ далъ тебѣ свободу, но съ этимъ еще будетъ много хлопотъ.

— Да, старый панъ не уступчивъ, любитъ дѣлать по-своему. Но я могу выкупиться. Я не пропилъ того, что мнѣ офицеры дали подъ Зеленцами.

— Не смѣй говорить объ этомъ отцу. Ужъ я постараюсь, чтобы ты былъ свободенъ.

Кацперъ потянулся къ его рукѣ, но Заремба не позволилъ поцѣловать.

— Я тебя не оставлю, будь увѣренъ.

— Но позвольте спросить, господинъ поручикъ, не было ли въ послѣднемъ письмѣ чего-нибудь о моей матери или о паннѣ Досѣ.

— Я такъ и зналъ! ха-ха-ха! панны Доси захотѣлось? Высоко, братъ, лѣзешь.

Кацперъ ужасно сконфузился и сталъ говорить что-то несвязное.

— Не заметай хвостомъ, какъ лисица, — засмѣялся Заремба, набивая трубку. — Я уже давно не имѣлъ извѣстій изъ дому.

— Я бы могъ поѣхать, — шепнулъ тотъ, подавая огонь. — Я уже высчитывалъ, черезъ недѣлю былъ бы обратно. — И онъ дрожалъ, ожидая отвѣта.

— Мы пріѣхали сюда не для развлеченій, къ тому же у меня есть для тебя важная работа.

— Слушаю, господинъ поручикъ.

Онъ выпрямился, хотя сердце его мучительно сжалось.

— Гдѣ-то за Нѣманомъ есть корчма, въ которой ловятъ, какъ барановъ, нашихъ гемейновъ. Корчма называется Тизенгаузовская. Узнай, много ли такихъ въ Гроднѣ, гдѣ они собираются, и куда ихъ гонятъ вербовщики. Денегъ на угощеніе не жалѣй.

— Не подмажешь, не доѣдешь. Притворюсь, будто самъ хочу итти къ русскимъ.

— Штука хорошая, только пусть тебя въ самомъ дѣлѣ не сцапаютъ и не погонятъ.

— Подавится чортъ раньше, чѣмъ меня перехитритъ.

— И приступай къ этому дѣлу сейчасъ же.

Высокій желтый кабріолетъ, запряженный по-англійски, загрохоталъ подъ окномъ. Кацперъ вышелъ изъ дому и вернулся съ визитной карточкой.

— Новаковскій! проси, проси! — воскликнулъ Заремба, разсматривая съ иронической улыбкой карточку, на которой окруженная красной виньеткой чернѣла фамилія и три строчки титуловъ.

Вскорѣ въ комнату вошелъ нарядно одѣтый господинъ въ остроконечной шляпѣ и въ длинномъ желтомъ фракѣ, звеня цѣпочками и брелоками, бросилъ шляпу на кровать, тросточку на столъ, перчатки на печь и, широко разставивъ руки, бросился въ объятія Зарембы.

— Какъ живешь? Я тебя едва отыскалъ! Что съ тобой случилось на балу?

— Скучалъ, какъ собака, на балетѣ, и ушелъ раньше.

— А я этого не сдѣлалъ и очень жалѣю. Проигралъ Войнѣ все до послѣдняго дуката. Удивительно ему везло.

На его тонкомъ лицѣ появилась какая-то особенная улыбка, и Зарембѣ захотѣлось вытолкать его за дверь, но онъ отвѣтилъ съ искусственной веселостью:

— Не играй, не проиграешься.

— Ты, навѣрное, не знаешь новости, о которой сейчасъ говоритъ все Гродно.

Заремба, хотя и не интересовался новинками, взглянулъ на него вопросительно.

— Камергерша разошлась со своимъ ami.

— Съ Циціановымъ?

Онъ едва могъ скрыть свое волненіе.

— Да. Онъ устроилъ ей какую-то грубую сцену, за что красавица, говорятъ, ударила его по лицу вѣеромъ. Это было въ присутствіи очень многихъ лицъ.

— Помирятся, — шепнулъ Заремба, желая узнать про это подробнѣе.

— Неизвѣстно! Для него это не слишкомъ большая обида, но она любитъ мѣнять друзей, а такъ какъ она очень горяча и капризна, то расправляется собственноручно. Во всякомъ случаѣ временно открылась вакансія, а это лакомый кусочекъ.

— Только немного дегтемъ разитъ, — злостно замѣтилъ Северъ.

Новаковскій засмѣялся и, отгоняя душистымъ платкомъ мухъ, жужжавшихъ надъ головой, сдѣлалъ серьезное лицо и таинственно сообщалъ:

— Балъ былъ совсѣмъ неудаченъ. Возникло множество сплетенъ и недоразумѣній. Весь городъ кипитъ, сплетни разрастаются до скандальныхъ размѣровъ.

— Что же случилось? Я ничего не замѣтилъ, — удивился Заремба.

— Ну, конечно, — отвѣтилъ тотъ снисходительно. — Прежде всего Бухгольцъ уѣхалъ сейчасъ же послѣ ужина злой, ни съ кѣмъ не прощаясь.

— Чего же этотъ нѣмчура такъ разсердился.

— Не было тоста за здоровье его короля. И въ этомъ онъ совершенно правъ. Я совѣтовалъ, но маршалъ боялся всеобщей ненависти къ пруссакамъ. Кто-нибудь могъ громко запротестовать и вышелъ бы скандалъ.

— Не велика бѣда, — произнесъ Заремба, подсмѣиваясь надъ его важнымъ видомъ.

— Но ты только подумай, что можетъ выйти изъ всего этого!

— Новая прусская нота нашему королю. Можно будетъ выдержать!

— Можно все обратить въ шутку. А я говорю, что кто не имѣетъ силы, тотъ не долженъ даже пальца подымать, — произнесъ онъ недопускающимъ возраженій тономъ. — Я увѣренъ, что теперь отношенія обострятся еще болѣе.

— И Пруссія за такой конфузъ украдетъ у насъ воеводствомъ больше.

— Такъ или иначе мы за это заплатимъ имъ, это фактъ, — ораторствовалъ онъ, точно на сеймѣ.—Въ нашемъ положеніи слѣдуетъ не раздражать враговъ, но располагать ихъ къ себѣ доброжелательствомъ и вниманіемъ.

Онъ ударилъ пальцемъ по золотой табакеркѣ, торжественно понюхалъ табакъ и поморщился, собираясь чихнуть.

— Я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Разсказывай мнѣ лучше, что было на балу.

— Хорошо,—снисходительно поглядѣлъ на него Новаковскій.— Такъ вотъ, графъ Анкевичъ такъ поругался съ Коссаковскимъ, что они чуть не бросились другъ на друга. Епископъ, вѣроятно, поѣдетъ сегодня жаловаться Сиверсу.

— Какое же дѣло до этого русскому послу?

Заремба былъ въ самомъ дѣлѣ изумленъ.

Новаковскій отвѣтилъ на такую наивность только сострадательной улыбкой.

— Не перебивай! Затѣмъ пани Платеръ показала спину генеральшѣ Дуниной. Пани Нарбутъ назвала графиню Камелли искательницей приключеній. Очень многіе слышали это. А пани Деконвская, дама съ горячимъ темпераментомъ, выругала на весь залъ какого-то офицерика, который позволилъ себѣ что-то неприличное во время танца. Вдобавокъ прекрасная Люлли потеряла необыкновенно дорогую жемчужную цѣпь и при такихъ обстоятельствахъ, что дѣло это должно разрѣшиться у Сиверса. Однако врядъ ли она отыщетъ свой жемчугъ.

— Найдутъ его гдѣ-нибудь на Волгѣ среди семейныхъ драгоцѣнностей.

— И столовое серебро въ бесѣдкахъ поворовали. Кондитеръ, который взялъ это серебро въ Варшавѣ напрокатъ и привезъ сюда, предъявляетъ теперь маршалу довольно солидный искъ. А въ концѣ-концовъ, пьяные босняки избили казаковъ, изъ чего вышла цѣлая исторія. Въ результатѣ страшная каша, взаимныя обиды, претензіи и недовольство.

— Не было печали, балъ устроили!—смѣялся Заремба.

— На то были соображенія высшаго порядка, и маршалъ обязанъ былъ это сдѣлать, не жалѣя издержекъ.

— На счетъ того, чьи издержки, говорятъ разно.

— Подлая клевета! Кого только не закидаютъ грязью!—печально вздохнулъ Новаковскій.—Дошло до того, что такіе господа, какъ Скаржинскій, Микорскій и ихъ товарищи, публично обвиняютъ даже высшихъ сановниковъ, будто тѣ получаютъ жалованье отъ иностранныхъ посольствъ. Это ложь, порожденная завистью. Къ счастью, внесенъ уже проектъ, который укротитъ безнаказанность этихъ господъ.

— Развѣ еще мало всякихъ запрещеній объявилъ генералитетъ?

— Мало! не можешь себѣ представить, сколько ходитъ по рукамъ всякихъ пасквилей, писанныхъ отъ руки газетъ, ядовитыхъ стишковъ и эпиграммъ, порочащихъ нашихъ сановниковъ. Возбуждается ненависть и недовѣріе къ этимъ жертвамъ своего долга, желающимъ спасти отечество. Это все интриги Коллонтая!

— Неужели?—воскликнулъ Заремба съ поддѣльнымъ удивленіемъ.

— Я знаю, что говорю. Уже перехватили нѣсколько транспортовъ этихъ подлыхъ листковъ. Ксендзъ—подканцлеръ, какъ и во время прошлаго сейма, пускаетъ въ ходъ всякое оружіе противъ тѣхъ, которые стоятъ на пути его честолюбію.

— Честныхъ это уязвить не можетъ,—наивно замѣтилъ Заремба.

— А кто же честенъ въ глазахъ этихъ бѣшеныхъ якобинскихъ волковъ?

Нечего было на это отвѣтить, и Заремба сталъ говорить ему комплименты:

— Я всегда считалъ тебя способнымъ человѣкомъ, но теперь ты говоришь, какъ настоящій государственный мужъ.

— Потому что я не оставался на мѣстѣ и всегда готовилъ себя къ болѣе отвѣтственной роли,—гордо прошепталъ тотъ, подымаясь на цыпочкахъ.—У кого голова въ порядкѣ, и кто подвигается впередъ осторожно и разсудительно, тому недалеко и до высшихъ чиновъ.—Онъ какъ бы нехотя сталъ хвастать своими связями и вліяніемъ.

Заремба слушалъ, вѣря ему наполовину, и затѣмъ перебилъ:

— А что подѣлываетъ отецъ? все еще у гетманши?

— Теперь уже сидитъ на своемъ кускѣ земли,—отвѣтилъ тотъ, не смущаясь вопросомъ.—Но твои дѣла, вижу, неважны?—перемѣнилъ онъ разговоръ и сталъ озирать комнату.

— По-солдатски. Саблей карьеры не сдѣлаешь.

— А панъ меченосецъ попрежнему мѣшка изъ рукъ не выпускаетъ?

— Ты угадалъ,—подтвердилъ Заремба и сталъ разсказывать о своемъ желаніи вновь получить потерянную команду.

— Трудно будетъ, роспускъ войскъ уже почти рѣшенъ. На каждое свободное мѣсто въ остающихся полкахъ имѣется по сто кандидатовъ.

— Плохо мое дѣло.

— Проектъ уже внесенъ на обсужденіе, не сегодня—завтра будетъ обсуждаться и получитъ большинство голосовъ.—Онъ понизилъ голосъ:—Петербургъ поддерживаетъ этотъ проектъ и требуетъ, чтобы онъ былъ принятъ раньше, чѣмъ начнутся переговоры съ Пруссіей. Да и высшія соображенія заставляютъ провести его возможно скорѣе, ради всеобщей безопасности. И такъ уже ходятъ слухи, будто нѣкоторыя бригады задумываютъ образовать конфедерацію. Важно не допустить до этого,—пояснялъ онъ съ необыкновенной важностью.

– Но если бы ты не отказалъ мнѣ въ своей протекціи?—спросилъ Заремба, какъ бы не слыша сказаннаго.

— Для друга и для сына моего благодѣтеля я сдѣлаю все, что могу. Хотя не ручаюсь, удастся ли мнѣ. А не желаешь ли получить какую-нибудь должность? Теперь въ делегаціяхъ будетъ нуженъ человѣкъ, владѣющій перомъ, пришлось бы дать Боскампу за хлопоты, и я ручаюсь, что дѣло будетъ сдѣлано. А мѣсто не безвыгодное, такъ какъ обѣ стороны не поскупятся ни на рубли, ни на талеры.

— Я совершенно непригоденъ къ этому, я умѣю только припечатывать лбы пушечными ядрами,—шутилъ Заремба.

— А не желаешь ли поискать счастья на службѣ у императрицы?

Заремба вдругъ утонулъ въ клубахъ дыма и послѣ долгаго молчанія, отвѣтилъ:

— Я тамъ никого не знаю.

— Ручаюсь тебѣ, что шутя получишь капитанскій чинъ, могъ бы квартировать даже въ польскихъ областяхъ. А спустя нѣкоторое время перейдешь на гражданскую службу, гдѣ легче добиться ордена и хорошаго надѣла. У нихъ сколько угодно земли для раздачи. Меня уже многіе благодарили за хорошій совѣтъ.

— Какъ? служить чужимъ? и, можетъ-быть, даже противъ родины?—проговорилъ Заремба, едва сдерживая гнѣвъ.

— Говорятъ: богатый, какъ хочетъ, а бѣдный, какъ можетъ! Впрочемъ, никогда этого не будетъ, чтобы Россія пошла противъ насъ. Мы живемъ въ союзѣ и, дастъ Богъ, отдадимъ себя вполнѣ подъ ея покровительство. Я тебя познакомлю съ Раутенфельдомъ или съ Касталинскимъ, ты съ ними поговоришь и рѣшишься. Я тебѣ даю дружескій совѣтъ, спасайся, пока еще пора. А такъ какъ неизвѣстно, кому что предназначено, то можешь попасть и въ кавалергарды. Въ Петербургѣ красивые офицера очень высоко цѣнятся,—подмигнулъ онъ красными глазками и цинично расхохотался.—Счастье ходитъ колесомъ, кто во-время схватится за спицы, тотъ идетъ вверхъ. Я объ этомъ кое-что знаю.

И онъ снова захохоталъ.

Заремба переносилъ настоящую муку, сдерживаясь, чтобы не плюнуть ему въ лицо, но, къ счастью, въ комнату вошли Гласко и Качановскій. Онъ сталъ ихъ представлять.

— Новаковскій! да мы знакомы, какъ лысыя кобылы!—гаркнулъ Качановскій.

— Да, дѣйствительно, помню, что когда-то и гдѣ-то съ вами встрѣчался,—отвѣтилъ тотъ ледянымъ тономъ, поспѣшно собирая шляпу, тростъ и перчатки и держа его взглядомъ на такомъ разстояніи, что капитанъ потерялъ способность говорить.—Ad videndum, господа! Очень сожалѣю!—величественно простился онъ.

Заремба проводилъ его на крыльцо.

— Я живу во дворцѣ гетмана Жевускаго, приходи къ намъ обѣдать. Познакомишься съ милой и веселой компаніей. Что же касается твоихъ плановъ, я самъ напишу тебѣ прошеніе. Кстати, ты давно знакомъ съ Качановскимъ?

— Я познакомился съ нимъ сегодня ночью.

— Держись отъ него подальше. Это лгунъ и мошенникъ,—предостерегъ онъ Зарембу, влѣзая въ кабріолетъ, и, взявъ возжи отъ вытянувшагося въ струнку кучера въ красномъ фракѣ, чмокнулъ на лошадей, кивнулъ головой и поѣхалъ, подпрыгивая на ухабахъ.

— Ну и угостилъ меня этотъ балбесъ!—жаловался Качановскій, дергая въ смущеніи усы.—Важничаетъ писаришка, точно большая фигура, а вѣдь помню, какъ онъ въ Люблинскомъ судѣ бѣгалъ за каждымъ дукатомъ, какъ лягавая собака за куропатками! А теперь держится свысока и едва благоволитъ узнавать порядочныхъ людей! Ха-ха-ха! Можно лопнуть отъ смѣха!

Но онъ не смѣялся, его давило безсильное бѣшенство.

— Да онъ и въ самомъ дѣлѣ сталъ важной персоной,—спокойно замѣтилъ Гласко, высокій солидный шляхтичъ въ синемъ кунтушѣ военнаго покроя и такъ же, какъ Качановскій, съ простой черной саблей, что при штатскомъ костюмѣ было отличіемъ офицера.—Репутація его не совсѣмъ чистая, Коссаковскій протащилъ

его въ послы и пользуется имъ для своихъ цѣлей. Онъ способенъ на все и держится такихъ убѣжденій, что одинаково любитъ и рубли и талеры. Вы съ нимъ въ дружбѣ?—обратился онъ къ Зарембѣ.

— Я знаю его съ дѣтства. Онъ одно время учился вмѣстѣ со мною въ кадетскомъ корпусѣ? За него платилъ мой отецъ. Затѣмъ онъ устроилъ его у гетмана Браницкаго, а когда тотъ умеръ, я потерялъ его изъ виду.

— Такой не пропадетъ! Его черти выручатъ изъ всякой бѣды. Я въ свое время встрѣчалъ его въ Люблинѣ, онъ тамъ устроился при судьѣ Козмянѣ, но обдѣлывалъ дѣлишки и на собственный страхъ и рискъ. Меня онъ долженъ помнить, потому что однажды мы, подвыпивъ съ паномъ Грановскимъ, топили его въ Быстрицѣ.

— Кровная обида! въ особенности если хорошенько напился лягушечьяго вина.

— Гольцъ едва дощупался у него пульса. Онъ хотѣлъ вызвать на поединокъ всю компанію, но окончилась эта исторія только пьянствомъ и новой шуткой. Онъ тогда ухаживалъ за одной...

— Можетъ-быть, мы бросимъ разсказывать анекдоты,—мягко замѣтилъ Гласко.

— И то правда! Тѣмъ болѣе, что здѣсь ничѣмъ хорошимъ не пахнетъ...

— Я заболтался, простите, господа! Кацперъ!

— Только я предупреждаю, что отъ кофе я болѣю, шоколадъ приводитъ меня въ бѣшенство, а чаемъ я обыкновенно мочу копыта своихъ лошадей.

— Найдется что-нибудь и болѣе соотвѣтствующее вашему вкусу!

— А я вамъ, господа, кое-что посовѣтую. Есть здѣсь недалеко одинъ богатый купецъ, который насъ недурно угоститъ, хотя сегодня и постная пятница. У него имѣются бутылочки очень хорошихъ сортовъ. Офицерской кухнѣ я не слишкомъ довѣряю! Простите, сударь, но у меня по старой пословицѣ: не вѣрь губамъ, вѣрь зубамъ,—говорилъ Гласко, оправляя поясъ на толстомъ животѣ.

— Лишь бы скоро, много и вкусно,—я не привередливъ!—шутилъ Качановскій и вдругъ выбѣжалъ изъ комнаты. Вернувшись, онъ съ очень серьезнымъ видомъ обратился къ Кацперу:

— Куда ведетъ проходъ между конюшнями со двора?

— Къ рѣкѣ. Тропинка крутая, но лошадь сойти можетъ,—выпрямился тотъ по-солдатски.

— А дорога противъ дома?—допрашивалъ тотъ начальственнымъ тономъ.

— Налѣво въ городъ, а направо въ поля и дальше подходитъ къ Городницѣ.

— Довольно, можешь уйти!—и онъ обратился къ Зарембѣ:

— Я хотѣлъ знать, обезпечено ли отступленіе. Толковый малый, но надежный ли?

— Безусловно. Это мой молочный братъ и неотступный товарищъ, къ тому же замѣчательный солдатъ. Былъ раненъ, защищая пушки, и награжденъ крестомъ.

— Такой храбрый, скажите, пожалуйста! Въ хамѣ и столько рыцарства!

— Самъ князь хвалилъ его. Онъ безусловно заслужилъ присоединенія къ дворянству.

— Да, если своей кровью написалъ себѣ грамоту, государство должно утвердить.

— Вскорѣ всѣ будутъ дворянами, изъ мужицкаго воеводства, изъ земли хамской и съ гербомъ «Пареная рѣпа», — проворчалъ Гласко.

— Защищая отечество, всѣ имѣютъ равныя права на равныя заслуги.

— Я не отрицаю. Назначеніе дворянскаго титула такъ низко уже упало, что его будутъ давать всякому, кто поцѣлуетъ королевскаго коня въ хвостъ,—возмущался Гласко.

Качановскій захохоталъ, но Заремба вскочилъ возмущенный и сталъ горячо и быстро говорить:

— Такъ вы противитесь уравненію сословій и справедливости?

— Нѣтъ, но на практикѣ я бы предпочелъ не дождаться такого всеобщаго рая.

— Изъ-за чего же мы подымаемъ возстаніе? вѣдь изъ-за свободы, равенства и братства!

— Это якобинскій принципъ. Нашъ польскій лозунгъ: нераздѣльность, свобода и независимость! И за это я дамъ изрубить себя на куски, отдамъ послѣднюю каплю крови, отдамъ даже спасеніе души! — онъ поблѣднѣлъ отъ волненія.

Заремба, не желая ссориться, затихъ и сталъ переодѣваться, но, завязывая на шеѣ галстукъ, не выдержалъ и тихо произнесъ:

— Вѣдь мы преслѣдуемъ только одну цѣль — всеобщее счастье.

— Нераздѣльность, свободу и независимость!—настаивалъ Гласко, сопя отъ волненія.

— Ну и ладно!—добродушно замѣтилъ Качановскій.—Какая красота!—удивился онъ, замѣчая цвѣтной халатъ, и, не обращая вниманіе на возмущеніе Гласка, надѣлъ его и сталъ очень комично присѣдать и раскланиваться. — Этимъ и султаншу можно прельстить! Должно-быть, очень дорого стоитъ.

— Тысячъ пятнадцать франковъ,—поспѣшилъ отвѣтить Заремба.

— Дорога штука, цѣлое состояніе!—и онъ бережно снялъ халатъ.

— Но это ассигнаціями, а золотомъ выходитъ три дуката. Я его купилъ въ Парижѣ у уличнаго продавца. Это, кажется, настоящая китайская матерія.

— Навѣрное, отнята у какого-нибудь несчастнаго, котораго гильотинировали.

— Я уже готовъ. Вы обѣщали насъ вести.

— Идемте. Я проведу васъ кратчайшимъ путемъ, къ тому же сторонкой и не такъ замѣтно,—отвѣтилъ Гласко и пошелъ впередъ.

Качановскій шелъ сзади всѣхъ, окидывая все по обыкновенію своимъ проницательнымъ взглядомъ. Они пошли по узкому переулку, направляясь къ собору. По бокамъ стояли небольшіе домики, и было много садовъ и заборовъ. Большія толпы дѣтей играли среди уличной пыли, куры рылись въ пескѣ и толстыя свиньи кряхтѣли, прячась въ тѣни построекъ. Жара была невыносимая.

— Жарко будетъ ѣхать,—замѣтилъ Гласко.

— Какъ, развѣ вы уѣзжаете?

— Сейчасъ же послѣ обѣда, четвертаго числа мы должны быть въ Зельвѣ, тамъ большая лошадиная ярмарка, мы тамъ застанемъ множество людей съ разныхъ сторонъ и должны ихъ устроить. Тамъ приготовлены уже хорошіе запасы, а князь Сапѣга, генералъ литовской артиллеріи, обѣщалъ доставить лошадей.

— Въ такомъ случаѣ идите впередъ медленнѣе, а я побѣгу распорядиться насчетъ лошадей.

— Мы ѣдемъ на почтовыхъ, лошади уже заказаны,—удержалъ его Качановскій.—Это безопаснѣе, къ тому же можно свободно кутить на станціяхъ, завязывать знакомства, разспрашивать обо всемъ, будто нехотя, и дѣлать свое дѣло. Почтовый трактъ—это своего рода незапечатанное письмо. Все выдастъ, надо только умѣть его прочесть.

— Черезъ недѣлю будемъ обратно,—заявилъ Гласко.—Что вы дѣлаете?—обратился онъ къ Качановскому, который вдругъ припалъ лицомъ къ какому-то забору.

— Тише! великолѣпныя курочки! посмотрите сами!—шепталъ тотъ возбужденно и вырвалъ изъ забора кусокъ доски.

Они заглянули въ щель и онѣмѣли отъ удивленія. Въ глубинѣ стоялъ бѣлый домъ, прячась въ тѣни громадныхъ березъ. На ступенькахъ крыльца, украшеннаго цвѣтами, сидѣлъ старикъ съ трубкой въ зубахъ, а передъ нимъ гуляла необыкновенной красоты женщина. Золотистая прозрачная одежда позволяла видѣть почти все ея тѣло, черные волосы были украшены жемчугомъ, лицо было продолговатое и смуглое, губы красныя, глаза большіе, грудь упругая и вся фиугра необыкновенно красивая. Она лѣниво прохаживалась, покачивая бедрами, какъ въ танцѣ. Нѣсколько служанокъ или подругъ, тоже едва прикрытыхъ цвѣтными тканями, передвигались съ мѣста на мѣсто среди цвѣтниковъ, полныхъ розъ. Доносились отдѣльныя слова и смѣхъ. Вся эта картина разжигала кровь и туманила голову.

— Курочки, ципъ-ципъ-ципъ! — тихо подзывалъ Качановскій, сѣменя ногами.

— Молчите! Это гетманъ Ожаровскій. Онъ бы намъ задалъ за такое подглядываніе. Идемте, лучше не лѣзть добровольно въ волчью пасть,—шепталъ Гласко.

Они неохотно двинулись съ мѣста, только Качановскій нѣсколько разъ возвращался и причмокивалъ.

— Прелесть! конфетки! пусть меня пуля убьетъ, если я не заберусь въ этотъ рай.

— Лучше не суйтесь въ гетманскій курятникъ, тамъ, должно-быть, устроены капканы на воровъ. Мнѣ давно уже разсказывали по секрету о томъ, какъ онъ забавляется, я, конечно, не вѣрилъ, а теперь вотъ случай помогъ убѣдиться. Первая—это гречанка, родственница или даже сестра Виттовой, теперешней любовницы Щенскаго.

— Я никогда въ жизни не видѣлъ женщины прекраснѣй,—вздыхалъ Качановскій.

— Она по красотѣ напоминаетъ графиню Камелли,—замѣтилъ Заремба.

— Ну, куда тамъ равнять! Подобной красоты найти невозможно! Настоящая Венера! Чортъ возьми, такіе лакомые кусочки всегда достаются старымъ грибамъ!

— Прикажите себѣ кровь пустить, это оттягиваетъ,—смѣялся Гласко.

— А остальныя, должно-быть, служанки,—замѣтилъ Заремба.— Говорятъ, что онъ ихъ держитъ для своихъ пріятелей.

— Я готовъ поклясться ему въ вѣчной дружбѣ,—заявилъ Качановскій.

— Предложите ему, можетъ-быть, васъ онъ приметъ въ свою семью.

— Обойдусь безъ его протекціи. Даю честное слово, что я у него изъ улья медъ выберу.

— Какъ бы васъ при этомъ пчелы не покусали.

— Можетъ-быть, и покусаютъ, но вспухнетъ отъ этого кто-то другой.

— Ожаровскій и такъ привыкъ носить рога, а вы ему готовите новое несчастье,—шутилъ Гласко.

— Если я даю честное слово, то всегда исполняю его,—говорилъ тотъ, глядя вызывающе, а Гласко продолжалъ дружески шутить:

— Совѣтую поставить вамъ на спину піявокъ, это самое хорошее средство противъ слишкомъ веселаго настроенія. Здѣсь недалеко находится аптекарь Крейбихъ.

— Вотъ увидите, я далъ слово, увидите!

Шутя такимъ образомъ, они повернули въ городъ.

Благодаря жарѣ и обѣденному времени, улицы были почти совсѣмъ пусты и точно варились въ солнечномъ знoѣ. Кое-гдѣ си-

дѣли простолюдины, прячась въ узкихъ полоскахъ тѣни или проходилъ какой-нибудь еврей въ бѣлыхъ чулкахъ, постукивая туфлями. На перекресткахъ болѣе широкихъ улицъ стояли вооруженные патрули, иногда проѣзжали казачьи наряды, подымая цѣлыя тучи пыли.

— Это наши друзья, не разжигайте, сударь, своего аппетита!— смѣялся Гласко.

— Я уже отвѣдалъ союзнаго мяса,—отвѣтилъ Заремба, окидывая волчьимъ взглядомъ солдатъ.—Но ребята рослые, на подборъ, и экипированы хорошо.

— И удивительнѣе всего то, что за все платятъ наличными,— замѣтилъ Качановскій.

— Здѣсь, подъ бокомъ у самого короля, сейма, иностранныхъ посольствъ, имъ приказано вести себя смирно. Но поѣзжайте за русскую границу и вы увидите такое своеволіе и такія насилія, что волосы на головѣ встаютъ дыбомъ. Я видѣлъ окрестности Каменца, гдѣ даже недозрѣвшіе хлѣба были вытоптаны и скормлены лошадямъ. Тамъ нельзя найти ни одной избы, ни одного человѣка, котораго бы не изувѣчили и не ограбили. Это завзятый народъ удивительно жадный до чужого, но хуже всего то, что часто они производятъ опустошенія безъ нужды, лишь изъ какой-то непонятной жажды издѣваться надо всѣмъ. Но пруссаки, пожалуй, еще хуже.

— Рѣчь Посполитая — словно какой-то глиняный горшокъ межъ двухъ обрушивающихся стѣнъ.

— Выдержитъ! Не безпокойтесь, панъ Качановскій! Никакая адская сила не одолѣетъ ее

— Но въ такомъ тяжеломъ положеніи она еще никогда не была.

— Давно эти егеря разгуливаютъ здѣсь по улицамъ?—обратился Заремба къ Гласкѣ.

— Съ того времени, какъ начался сеймъ. Вѣдь они присутствуютъ на засѣданіяхъ, оберегаютъ членовъ сейма отъ всякихъ непріятностей. Полкъ Мировскаго и литовская гвардія несутъ службу только при королѣ и при канцеляріяхъ, и то безъ штыковъ и безъ патроновъ, — говорилъ Гласко, злобно подергивая усы и сжимая въ рукѣ рукоятку сабли.—И няньчатъ они насъ по-своему, ласками заставляютъ быть сговорчивыми. 17-го іюля, когда обсуждался проектъ союзнаго договора и когда группа болѣе честныхъ изо всѣхъ силъ противилась этому, я видѣлъ, какъ вывезли пушки и направили ихъ на замокъ. Видѣлъ, какъ канониры стояли съ зажженными фитилями, какъ Раутенфельдъ проявлялъ свою власть въ присутствіи короля, а егеря со штыками на перевѣсъ выгоняли изъ зала арбитровъ. Собственными глазами видѣлъ!

— Отъ этого позора, отъ бѣшенства можно было опьянѣть на всю жизнь,—шепнулъ Заремба.

— Хватитъ этого на цѣлые вѣка, для многихъ поколѣній.

— Но теперь тише, господа!

Они подошли къ двухъэтажному каменному дому, гдѣ былъ большой винный погребъ Дальковскаго и черезъ вымощенныя ворота вошли въ большой сводчатый залъ.

Тамъ было полно народу, какъ на ярмаркѣ, и почти темно отъ дыма. За длинными столами вдоль стѣнъ сидѣли посѣтители, пили вино и громко вели разговоры. За прилавкомъ, на которомъ стояли оловянные и фарфоровые сосуды, величественно возсѣдала жирная дама съ лицомъ, круглымъ, какъ луна и съ грудью, похожей на большой коровай. Она вязала чулокъ, шопотомъ считая петли, но ея глазки двигались быстрѣе, чѣмъ спицы, и то и дѣло раздавался тоненькій голосокъ, понукавшій прислуживающихъ мальчиковъ и мужа, худого, маленькаго, покорнаго человѣка въ зеленомъ фартукѣ и черной ермолкѣ на головѣ. Онъ встрѣчалъ входившихъ, кланялся, провожалъ на мѣсто, какъ по нотамъ читалъ меню и затѣмъ кричалъ въ кухню черезъ окошко.

Гласко потребовалъ отдѣльную комнату, но имъ пришлось удовольствоваться только отдѣльнымъ столомъ, который нашелся въ одной изъ комнатокъ съ окнами во дворъ.

— Свѣжая навага, щука въ шафранѣ, линь въ капустѣ, лѣнивые пироги,—пересчитывалъ хозяинъ, пронизывая ихъ хитрыми глазками.

— Скажите, пожалуйста! пятница и сюда успѣла пріѣхать! — весело жаловался Качановскій.

— Въ молодости и пятница любила колбасой полакомиться, — произнесъ хозяинъ, кланяясь до земли.

— Старъ ты, сударь, а въ головѣ глупыя остроты! — прикрикнулъ Гласко. — Подавай постный обѣдъ, я не лютеранинъ.

— А я могу и постный, могу и скоромный, лишь бы съ бургундской подливкой.

—А мнѣ давай куропатку, я не придерживаюсь предразсудковъ, — заявилъ Заремба.

— И не забудь селедки къ водкѣ,— напомнилъ ему Качановскій.

Хозяинъ быстро поставилъ все необходимое, но когда они принялись ѣсть, онъ не переставалъ жужжать надъ ихъ головами.

— Соусъ къ щукѣ сдѣланъ по рецепту кухмистера англійскаго короля.

— И воняетъ лягушками, — пытался осадить его капитанъ.

— А куропатки изъ подлѣсія, натерты имбиремъ, необыкновенный запахъ.

— Съѣшь, сударь, самъ чорта съ шафраномъ, а намъ не мѣшай!—заоралъ на него Гласко и обратился къ Качановскому, который ѣлъ за троихъ и пилъ за десятерыхъ.

— Не злоупотребляй, сударь, въ такую жару можетъ ударъ приключиться дорогой.

Качановскій расхохотался, выслушавъ такое предостереженіе, выпилъ до дна все, что было, и побѣжалъ въ главный залъ, гдѣ онъ увидѣлъ какихъ-то знакомыхъ.

— Черезъ полчаса перезнакомится со всѣми.

— Такъ легко завязываетъ знакомства? Счастливый характеръ!

— Вотъ увидите, сколько новостей принесетъ. Онъ у всякаго все выдавитъ изъ самаго нутра, даже тайну, хранимую подъ присягой. На видъ шутникъ и пьяница, но въ то же время очень тонкій человѣкъ. Я его очень цѣню.

— Ясинскій его хвалилъ, но съ извѣстными оговорками.

— Спросите Дялынскаго, чего этотъ человѣкъ стоитъ,—зашепталъ Гласко, перегибаясь черезъ столъ.—На Онуфріевской ярмаркѣ въ Бердичевѣ онъ въ продолженіе недѣли вложилъ въ нашу кассу болѣе пяти тысячъ дукатовъ. Такъ стяжалъ себѣ всеобщую симпатію шутками, смѣхомъ и пьянствомъ, что шляхта его на рукахъ носила. У кого не было при себѣ денегъ, тотъ долженъ былъ давать натурой. Накопилъ цѣлый амбаръ кожъ, полотна, олова, не считая большого табуна лошадей. Начальникъ не можетъ имъ нахвалиться. И у женщинъ имѣетъ успѣхъ.

— Но, кажется, и врать умѣетъ.

— Еще какъ! Иногда я не могу надивиться! Интересно, какую онъ штуку устроитъ Ожаровскому?

— Этотъ курятникъ у него вывѣтрится изъ головы. Сейчасъ не время на такія шутки.

— Онъ далъ слово и я увѣренъ, что онъ что-нибудь устроитъ. Остроумія у него достаточно.

Заремба отвѣчалъ все короче, наблюдая людей, такъ какъ черезъ открытую дверь комнаты былъ виденъ цѣлый рядъ слѣдующихъ комнатъ, переполненныхъ посѣтителями. Нѣсколько пословъ сейма сидѣли недалеко и о чемъ-то разговаривали.

Гласко сообщилъ ихъ фамиліи, презрительно замѣтивъ:

— Тѣ, которые всегда голосуютъ съ большинствомъ. «Marais»! Въ Парижѣ такихъ зовутъ «болотомъ»,—добавилъ онъ, наполняя рюмки.

— А на сеймѣ что слышно?

— Все одно и то же. Рѣжутъ пѣтуха,—онъ взглянулъ на красные кунтуши пословъ,—уже отрѣзали ноги, отрубили крылья, отгрызли грудь, остался только хвостъ, но этимъ любителямъ жаркого все еще мало, протягиваютъ когти и за остальнымъ.

— Разлакомились, потому что легко давалось. Дальше будетъ труднѣе.

— А кто же имъ запретитъ? Посмотрите, что творится въ захваченныхъ воеводствахъ: балы, собранія, пиры, устраиваемые вскладчину въ честь губернаторовъ, благодарственные адреса. Вѣдь въ Житомирѣ послѣ присяги новой государынѣ шляхта пи-

ровала цѣлую недѣлю. Въ Познани Меллендорфъ долженъ былъ надѣлать долговъ, закупая ѣду и напитки, столько съѣхалось подписывать вѣрноподданство. Въ другихъ мѣстахъ тоже. А здѣсь, въ Гроднѣ, на сеймѣ распродаютъ отечество въ розницу, на фунты. Если бы не то, что я еще вѣрю въ наши планы, я бы себѣ пулю въ лобъ пустилъ,—мрачно говорилъ Гласко.

Заремба молчалъ, подавленный тяжелымъ настроеніемъ. Не помогало даже вино. Они заглядывали время отъ времени другъ другу въ глаза, въ которыхъ была глубокая печаль, и пили рюмку за рюмкою, какъ бы стараясь забыться.

Вокругъ звенѣло стекло, звучали пьяные голоса и такъ горячо велись споры, что дрожали стѣны. Всѣ комнаты были биткомъ-набиты и все еще приходили новые посѣтители.

Здѣсь все перемѣшалось; и воеводскіе контуши, и фраки, и чамары, и синіе контуши военнаго покроя, и полотняные кителя, и рясы священниковъ, и даже кое-гдѣ засаленные сюртуки мѣщанъ. Здѣсь собирались всѣ сословія и все это ѣло, пило и громко разговаривало. Въ концѣ-концовъ, не хватало столовъ и стульевъ и люди стояли въ проходахъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, такъ какъ то и дѣло кто-нибудь расталкивалъ ихъ, пробиваясь впередъ и вертясь среди столовъ. То какой-нибудь сборщикъ, побрякивавшій копилкой, то сѣдой еврей въ бархатной ермолкѣ и въ атласномъ сюртукѣ, опоясанный краснымъ платкомъ, то служители, разносившіе блюда и напитки, то длинноволосый пилигримъ съ крюкообразнымъ костылемъ, обвѣшанный образочками, принесенными отъ Гроба Господня, продававшій какіе-то амулеты и вравшій притомъ безъ мѣры, то венгерецъ, расхваливавшій на ломаномъ языкѣ свои помады, духи и трубки, то, наконецъ, собаки, путавшіяся между ногами, визжавшія и грызшіяся между собою. По временамъ возникала какая-нибудь ссора, или сердитый шляхтичъ колотилъ кулакомъ объ столъ такъ, что звенѣли оловянныя миски.

Вдругъ изъ главнаго зала донесся такой ревъ, хохотъ и топанье, что Гласко поднялъ голову и шепнулъ:

— Это Качановскій веселитъ компанію, даже топочутъ отъ радости.

Онъ вдругъ замолчалъ и согнулся, какъ бы желая залѣзть подъ столъ, такъ какъ къ нимъ проталкивался дородный шляхтичъ съ тарелкой въ рукахъ и бутылкой подъ мышкой. На немъ былъ синій кунтушъ и бѣлый запятнанный жупанъ, животъ у него былъ огромный, висѣли три подбородка и оттопыривались сладострастныя губы, носъ былъ красный, щеки отвисшія, усы щетинистые, а небольшіе глазки были юркіе и проницательные. Онъ озирался по сторонамъ и гудѣлъ, какъ труба:

— Кельнеръ! давай хоть боченокъ, чтобы сѣсть! Хамъ этакій!

Но такъ какъ никто не торопился на его зовъ, онъ обратился прямо къ нимъ.

— Позвольте присѣсть!—и, не ожидая отвѣта, всей своей громадной тушей повалился на табуретку.

— У меня въ животѣ, какъ ножами стало рѣзать, хе-хе!

Гласко поглядѣлъ на него съ нескрываемымъ отвращеніемъ.

— Адамъ Подгорскій, волынскій посолъ,—произнесъ тотъ, протягивая потную лапу, покрытую рыжею шерстью. Имъ пришлось тоже назвать свои фамиліи.

— Заремба, того же герба? Погодите-ка, сударь! Такъ вы изъ великопольскихъ странъ, а, можетъ-быть, изъ Подлѣсья? Эй ты, балбесъ, давай больше бутылокъ! Отецъ вашъ Онуфрій?

— Это мой дядя.

— Скажите, пожалуйста! гора съ горой не сходится, хе-хе!

— А морда съ палкой всегда,—прибавилъ Гласко.

— Можетъ быть и такъ! А вѣдь мы съ нимъ вмѣстѣ были въ барской конфедераціи, хе-хе!—указалъ онъ на Зарембу.—Ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Подъ Ченстоховскимъ знаменемъ, хе-хе!—хохоталъ онъ.

Гласко, будучи не въ силахъ скрыть отвращенія, отвернулся и сталъ глядѣть въ глубину комнаты.

— И всегда былъ человѣкъ стремительный и никогда не отказывался пустить саблю въ ходъ и водочки выпить. Его звали панной, забіяка былъ ужасный, перепортилъ столько непріятельскаго мяса, сколько и цѣлый отрядъ не сумѣетъ. Вдвоемъ со своимъ Кубусемъ хаживалъ! Ну, а сейчасъ какъ здоровье?

— Здоровъ, спасибо!

— Такая жара, выпьемъ, что ли! А вы какъ думаете, панъ Гусько?

— Гласко, если позволите,—поправилъ тотъ, покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Глухъ я немножко, простите, а можетъ-быть, вы здѣсь посломъ, я не разслышалъ.

— Некому было протащить меня,—отвѣтилъ тотъ вызывающимъ тономъ,—не всякій имѣетъ на протекцію дукáты и штыки, господинъ волынскій посолъ,—рѣзалъ тотъ, уже не сдерживаясь и окидывая его презрительнымъ взглядомъ.

Заремба испугался и опустилъ ладонь на рукоятку сабли.

— Вы ничего не потеряли,—засмѣялся Подгорскій, нисколько не смущаясь,—хлопотъ и непріятностей безъ конца, а пользы никакой, хе-хе! Жарко мнѣ, точно черти поджариваютъ! А можетъ-быть, мы теперь на другую ногу встанемъ! А?.. А потомъ по селедочкѣ и по кусочку щуки съ шафраномъ. Кельнеръ, иди сюда, балда!

— Вашъ патронъ плохо васъ кормитъ, если здѣсь приходится доѣдать.

— Плохо, не плохо, но чортовски скучно на его обѣдахъ,—цинично признался тотъ.—Я съѣмъ, что угодно, лишь бы въ ком-

паніи. Принципъ у меня мудръ, какъ молитва: не привередничать ни въ питьѣ, ни въ обществѣ. По мнѣ всякій человѣкъ—Божье творенье, а напитокъ—даръ Божій, хе-хе! И никогда меня этотъ принципъ не привелъ къ дурному.

Они такъ упорно молчали, что Подгорскій сталъ говорить все возбужденнѣе и веселѣе.

— Поставятъ шампанское, пью съ удовольствіемъ, потому что отъ него пріятно щекочетъ языкъ. Дадутъ венгерское, тяну вовсю, какъ Богъ приказалъ. Случится рейнское или бургундское, я не спрашиваю, кто за него платитъ, лишь бы боченокъ былъ побольше, а компанія поменьше. Пожелаетъ меня медомъ кто-нибудь угостить или настойкой, я нѣжно присаживаюсь и пью, хотя бы изъ жестяной кружки, хе-хе!—болталъ онъ, глядя на нихъ юркими глазками, но видя, что они сидятъ, какъ на нѣмецкой проповѣди, сердито произнесъ:

— Я вижу, господа, вы не слишкомъ мнѣ рады!

— Отчего же, только у всякаго своя непріятность.

— А что же у васъ непріятнаго?—спросилъ онъ благодушно, наливая рюмки.

— Поганое общество!—отрѣзалъ Гласко, точно нанося пощечину.

Подгорскій вскочилъ и, схватившись рукой за саблю, зашипѣлъ, какъ змѣя, которую придавили.

— Ты мнѣ за это отвѣтишь, негодяй! Я тебя еще отыщу!

Гласко тоже поднялся съ мѣста и, придвигая поблѣднѣвшее лицо къ его лицу, отрѣзалъ, какъ ножомъ:

— Поищи, прусскій наемникъ, найдешь хорошую палку! этого тебѣ не миновать!

Толстякъ онѣмѣлъ и стоялъ съ открытымъ ртомъ, посинѣвъ отъ гнѣва, но спустя нѣкоторое время допилъ рюмку, взялъ свою бутылку и ушелъ, не говоря ни слова.

Къ счастью никто не обратилъ вниманія на эту ссору. Заремба, немного успокоившись, строго замѣтилъ:

— Это могло бы повредить дѣлу.

— Моя вина, но я не могъ выдержать! Впрочемъ, такому прохвосту плюнь въ лицо, такъ онъ скажетъ, что дождь идетъ. Слюны жалко. Гуляетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Дѣйствительно, Подгорскій шатался изъ комнаты въ комнату, бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ и пилъ со всякимъ желающимъ.

— Если бы онъ былъ близокъ къ Сиверсу, то уже сегодня ночью я бы ѣхалъ въ Калугу. Глупая исторія, никогда себѣ этого не прощу,—волновался Гласко.

Какой-то худощавый нѣмецъ въ желтомъ фракѣ и громадномъ парикѣ, вертѣвшійся уже нѣкоторое время въ толпѣ, предложилъ имъ вырѣзать ихъ силуэты.

— Вырѣзай, нѣмчура,—согласился Заремба,—у меня никогда не было карточки.

— И мнѣ сдѣлай! Одинъ французъ лѣпилъ меня изъ воску, но не удалось.

Нѣмецъ сѣлъ такъ, чтобы видѣть ихъ въ профиль со стороны окна и, разложивъ на доскѣ голубоватую бумагу, сталъ ножомъ вырѣзать съ такой ловкостью и быстротою, что не болѣе, какъ въ четверть часа силуэты были готовы и вышли очень удачно.

— Мнѣ уже пора. Четвертый часъ, а въ четыре мы выѣзжаемъ.

Они вышли черезъ боковую дверь во дворъ, наполненный экипажами и прислугой.

— Качановскому трудно будетъ разстаться съ веселой компаніей.

— Явится во-время, не опоздаетъ ни на одну минуту, хотя бы былъ пьянъ, что съ нимъ, впрочемъ, очень рѣдко случается. Итакъ, до свиданія. Приблизительно черезъ недѣлю увидимся.

Заремба купилъ въ лавочкѣ извѣстія о пріѣзжающихъ въ Гродно, переодѣлся дома и, нанявъ экипажъ, поѣхалъ дѣлать визиты разнымъ лицамъ, къ которымъ онъ имѣлъ рекомендательныя письма.

Вернулся онъ поздно вечеромъ такой усталый и угнетенный, что Кацперъ со страхомъ сталъ ему отдавать отчетъ о своей экскурсіи въ Тизенгаузовскую корчму. Но по мѣрѣ того, какъ тотъ разсказывалъ, Заремба пришелъ въ себя и рѣшилъ:

— Хорошо, поѣдемъ туда какъ-нибудь ночью. Ты говоришь, тамъ человѣкъ сто будетъ?

— Можетъ-быть, и больше, попрятались, какъ крысы по угламъ, многіе служатъ въ городѣ, а нѣкоторые...

— Еще что?—рѣзко перебилъ его Заремба, такъ какъ Кацперъ слишкомъ любилъ разглагольствовать.

Тотъ вытянулся въ струнку и подалъ ему письмо.

Камергерша очень любезно приглашала Зарембу къ себѣ.

— Еще что?—спросилъ онъ, какъ-то тише, пряча въ карманъ душистое письмо.

Какъ бы въ отвѣтъ на это въ дверяхъ появился отецъ Серафимъ.

— Очень кстати, вы мнѣ какъ разъ будете нужны, есть важныя дѣла.

Они сѣли за столъ и бесѣдовали всю ночь.

Кацперъ бдительно караулилъ около дома.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Неизданные университетскіе курсы Грановскаго[1]).

Всѣмъ извѣстны слова Некрасова, сказанныя имъ о Грановскомъ, что «говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ». И тѣмъ не менѣе, мы до сихъ поръ больше знаемъ Грановскаго по тому, что онъ писалъ, чѣмъ по тому, что онъ говорилъ. Университетскіе курсы Грановскаго, студенческія записи его лекцій, до сихъ поръ никѣмъ не изданы; только отрывки изъ нихъ, немногіе и небольшіе по размѣру, имѣются въ печати. Эти отрывки приводятся въ статьяхъ, посвященныхъ Грановскому проф. П. Г. Виноградовымъ и проф. П. Н. Милюковымъ; оба почтенныхъ историка пользовались студенческими записями его курсовъ и ихъ цитировали: «Т. Н. Грановскій», статья П. Г. Виноградова въ «Русск. Мысли», 1893 г., кн. IV; его же — «Задачи всеобщей исторіи», въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира», 1895 г.; П. Н. Милюковъ «Университетскій курсъ Грановскаго», въ сборникѣ «Братская помощь», 1897 г., перепечатано въ книгѣ его же «Изъ исторіи русской интеллигенціи», 1903 г. Ссылается на эти записи въ своей брошюрѣ о міросозерцаніи Грановскаго и проф. Н. И. Карѣевъ. Въ статьяхъ П. Г. Виноградова и П. Н. Милюкова указано, какія именно записи лекцій были въ рукахъ у авторовъ, какими рукописями они оба пользовались; П. Г. Виноградовъ пользовался студенческой записью, составлённой слушателемъ Грановскаго, бывшимъ впослѣдствіи профессоромъ, К. К. Герцемъ, и относящейся къ 1843—4 ак. году; П. Н. Милюковъ имѣлъ въ рукахъ другую запись, принадлежащую перу другого слушателя

---

[1]) Докладъ, читанный въ засѣданіи Исторической Комиссіи при Учебномъ Отдѣлѣ М. О. Р. Т. З. 22 марта 1913 г., съ нѣкоторымъ дополненіемъ по новымъ даннымъ.

Грановскаго, служившаго потомъ въ Рязанскомъ судѣ, М. М. Латышева; эта запись 1845—6 года. Сверхъ того, у П. Г. Виноградова въ рукахъ былъ еще собственноручный конспектъ введенія къ первому, читанному Грановскимъ курсу 1839 г., тотчасъ по возвращеніи изъ заграничной командировки. Всѣ эти три рукописи, по свидѣтельству П. Г. Виноградова и П. Н. Милюкова, должны хранитъся въ библіотекѣ Московскаго Историческаго музея; такъ, проф. Виноградовъ пишетъ: «Въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ хранится нѣсколько тетрадей составленнаго Грановскимъ курса по средневѣковой исторіи». Проф. Милюковъ, говоря о записи М. М. Латышева, замѣчаетъ: «Въ настоящее время (1897 и 1903 г.) этотъ курсъ Грановскаго переданъ мною съ согласія уважаемаго М. М. Латышева въ собственность Историческаго музея, въ библіотекѣ котораго хранятся и другія рукописныя записи курсовъ Грановскаго». Наконецъ, еще одна запись была использована еще въ 60-хъ годахъ проф. Бабстомъ, напечатавшимъ четыре первыхъ лекціи изъ курса Грановскаго, неизвѣстнаго года, въ журналѣ М. Достоевскаго «Время», 1862 г., кн. 4 и 6. (Введеніе въ ист. среднихъ вѣковъ, Юлій Цезарь, Состояніе Римскаго міра въ I вѣкѣ, Римскіе императоры кончая Нерономъ.) Вотъ все, что до сихъ поръ было извѣстно объ университетскихъ курсахъ Грановскаго.

Приступивъ къ составленію настоящаго доклада, я направилъ свои стопы, естественно, прежде всего въ Московскій Историческій музей, въ библіотекѣ котораго должны храниться не одна, а нѣсколько записей этихъ курсовъ. Каково же было мое удивленіе, когда изъ бесѣды съ А. И. Станкевичемъ выяснилось, что въ настоящее время въ Ист. музеѣ никакихъ записей курсовъ Грановскаго нѣтъ. Нѣтъ ни Герцевской записи, ни записи Латышева, вообще ничего, относящагося къ этимъ курсамъ. Запись Герца, которой пользовался въ 90-хъ годахъ проф. Виноградовъ, оказалась отосланной, вмѣстѣ со всѣми бумагами проф. Герца, въ Академію Наукъ, такъ что теперь придется искать тамъ Грановскаго не подъ Грановскимъ, а подъ Герцемъ, что, конечно, затруднитъ такія поиски; что касается записи М. М. Латышева, то, по свидѣтельству А. И. Станкевича, она и совсѣмъ въ музей не поступала. Какова судьба этой рукописи, гдѣ она теперь находится, — остается пока неизвѣстнымъ. Таковы результаты поисковъ, произведенныхъ мною въ библіотекѣ Историческаго музея.

Совершенно иными оказались результаты такихъ же поисковъ въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Здѣсь, въ рукописномъ отдѣленіи музея, оказался цѣлый рядъ рукописей, воспроизводящихъ курсы Грановскаго разныхъ лѣтъ. Въ Отчетѣ директора музея министру народнаго просвѣщенія за 1910 годъ, въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній музея, подъ № 3598, значатся 30 рукописей, пред-

ставляющихъ собой записи лекцій различныхъ профессоровъ Московскаго университета, и въ ихъ числѣ 9, озаглавленныхъ «Лекціи Т. Н. Грановскаго», и 6 другихъ, на коихъ такого заглавія нѣтъ, но которые при внимательномъ разсмотрѣніи должны быть тоже отнесены къ записямъ его лекцій, какъ по сходству плана и точки зрѣнія, такъ и по буквальному повторенію нѣкоторыхъ страницъ. Итого 15 отдѣльныхъ рукописей, изъ которыхъ однѣ, несомнѣнно, являются записями лекцій Грановскаго, а другія, съ большимъ или меньшимъ правомъ, тоже могутъ быть приписаны ему.

Эти 15 рукописей относятся къ 8 различнымъ курсамъ, читаннымъ въ разные года Грановскимъ. Три изъ нихъ—по древней исторіи, 7 — по средневѣковой и 5 — по новой. Изъ записей лекцій по древней исторіи 2 относятся къ одному и тому же курсу 1848 года; записи эти сдѣланы, какъ это видно изъ имѣющихся на нихъ надписяхъ, П. Самаринымъ (рукопись № XIII) и Ник. Соколовымъ (№ XVII). Изъ нихъ одна, XIII, отмѣчена на самой рукописи, какъ «лекціи Грановскаго». Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь два варіанта курса 1848 года, дополняющихъ и исправляющихъ другъ друга. Въ общемъ этотъ курсъ состоитъ изъ обширнаго введенія, посвященнаго выясненію значенія исторіи и исторіи самой этой науки, прослѣженной отъ древности и до XIX вѣка; затѣмъ слѣдуетъ очеркъ исторіи Китая, Индіи, Иранскихъ народовъ, Ассиріи и Вавилона, Финикіи. Третья запись (№ XIV) помѣчена Ф. Крахтъ (былъ студентомъ въ 1851—55 гг.). Въ этой записи имѣется и исторія Греціи, доведенная до Платейской битвы.

По среднимъ вѣкамъ имѣются 7 рукописей, относящихся къ 4 разнымъ курсамъ. Первый изъ этихъ курсовъ—1849—50 года, имѣется въ двухъ записяхъ, обѣ — неизвѣстно кѣмъ сдѣланныхъ, но обѣ надписанныхъ именемъ Грановскаго, какъ его именно лекціи (рукописи №№ XVIII и XXI). Обѣ записи открываются характеристикой Римской имперіи IV—V вѣковъ, а заканчиваются — одна исламомъ и крестовыми походами, другая прибавляетъ къ этому еще 4 лекціи о рыцарскихъ орденахъ, схоластикѣ и Европѣ XIV и XV вѣковъ; въ первой записи всѣхъ лекцій 39, во второй 43. Рукопись № XVIII—одна изъ лучшихъ записей Грановскаго Румянцевскаго музея. Три другихъ рукописи относятся къ курсу среднихъ вѣковъ, помѣченному тѣмъ же 1849—50 годомъ, но до такой степени отличаются отъ предшествующей записи этого года, что никоимъ образомъ не могутъ быть приняты за варіанты того же курса, за записи, сдѣланныя только другими студентами. Это, несомнѣнно, совсѣмъ иной курсъ, и какъ объяснить наличность двухъ разныхъ курсовъ для одного и того же года, неизвѣстно; быть-можетъ, просто датированіе того или другого курса не вѣрно, и одинъ изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ другому году. Записи этого второго средневѣковаго курса сдѣланы неизвѣстно кѣмъ. Обѣ за-

писи отмѣчены, какъ «лекціи Грановскаго». Третья запись (рук. № XXXа) является, собственно, фрагментомъ, передающимъ довольно близко одну изъ лекцій (7-ю) рукописи № XIX. Записи эти начинаютъ изложеніе среднихъ вѣковъ съ Римской Имперіи, но не IV—V вѣковъ, а съ самаго ея начала; рукопись № XX начинается введеніемъ въ исторію среднихъ вѣковъ, затѣмъ даетъ характеристику Юлія Цезаря и первыхъ императоровъ и заканчивается главой о римскомъ правѣ и римской литературѣ I вѣка, съ Сенекой, Тацитомъ и другими; рукопись № XIX открывается 5-й лекціей («послѣ Нерона»), даетъ обзоръ состоянія Рим. Имперіи и культуры и характеристики римскихъ императоровъ I—III вѣковъ, — лекціи 5—8-я, а послѣ этого, съ пропускомъ цѣлаго ряда лекцій, завершается 17—18—19-й лекціями, посвященными Гусу и гуситамъ. Фрагментъ (рук. № XXXа) относится къ той части курса, гдѣ рѣчь идетъ о римской культурѣ I вѣка имперіи, о переводѣ Энніемъ Эвгемера, а также о римскомъ колонатѣ. Третій курсъ среднихъ вѣковъ представленъ одной записью кн. И. М. Голицына и относится къ 1853—4 (кн. Голицынъ, студ. 51—55 гг.) году; судя по всему, это тоже курсъ Грановскаго, хотя имя его на записи нигдѣ и не обозначено; но въ принадлежности курса именно ему убѣждаетъ и планъ, и изложеніе, и просвѣчивающія на каждомъ шагу идеи. Въ этой записи 30 лекцій; за обычнымъ, типичнымъ для Грановскаго введеніемъ, слѣдуютъ 16 лекцій, посвященныхъ Римской имперіи; остальныя 14 лекцій доводятъ курсъ до Византіи VIII вѣка и кончаются смертью имп. Константина Копронима. Наконецъ къ четвертому курсу среднихъ вѣковъ относится небольшой фрагментъ, объемлющій рядъ лекцій, начиная норманнами и кончая Ѳомой Бекетомъ; фрагментъ этотъ никакъ не обозначенъ, и, однако, въ текстѣ его замѣчается такое, доходящее до буквальнаго повторенія, сходство съ отрывками изъ записи Герца, цитированными проф. Виноградовымъ (какъ разъ о Ѳомѣ Бекетѣ), что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ курсомъ Грановскаго, хотя и неизвѣстно какого года.

По новой исторіи имѣется 5 рукописей, относящихся къ 3 курсамъ. Первая запись помѣчена 1849—50 годомъ и принадлежитъ Бартеневу (безъ указанія иниціаловъ; на рукописи отмѣчено, что это—лекціи Грановскаго (рук. № XXVI). Эта запись объемлетъ время съ конца XV вѣка и до половины XVII, и заканчивается изложеніемъ первой англійской революціи и разсказомъ о взятіи въ плѣнъ Карла I Стюарта [1]).

---

[1]) Это одна изъ лучшихъ записей. Будущій издатель «Русск. Архива» записывалъ за Грановскимъ особымъ способомъ: во время самой лекціи заносилъ въ тетрадь однѣ начальныя буквы и слоги отдѣльныхъ словъ, оставляя между

Другая запись, Ив. Сѣнецкаго, тоже отмѣчена, какъ курсъ Грановскаго (рук. № XXV), и относится къ 1850 году, — полугодіе точно не указано. Излагается исторія XV—XVI вѣковъ, начиная Орлеанской Дѣвой и кончая Лютеромъ. Затѣмъ идутъ три записи 1853—4 года, изъ нихъ одна—Руднева (рук. № XXVI), другая — сдѣланная неизвѣстнымъ (рук. № XXVIII), третья—фрагментъ, передающій начало курса. Запись Руднева и фрагментъ помѣчены именемъ Грановскаго. Въ первой рукописи находимъ XV вѣкъ и Лютера, во второй дѣло начинается съ средины, — лекціи 18—36-я, начинаясь Гуттеномъ, заканчивается въ разгаръ Шмалькальденской войны. Фрагментъ содержитъ въ себѣ начало курса.

Передъ нами, такимъ образомъ, цѣлый рядъ студенческихъ записей, цѣлый рядъ университетскихъ курсовъ Грановскаго, охватывающихъ всеобщую исторію, начиная съ Китая и Индіи и кончая Шмалькальденской войной и Карломъ I Англійскимъ, и относящихся къ десяти слишкомъ годамъ университетской дѣятельности Грановскаго, съ 1843 до 1854 года, — почти до самаго конца этой дѣятельности (два послѣднихъ курса по ср. вѣкамъ и новому времени 1853—4 года). Изъ всего этого обширнаго матеріала напечатаны были доселѣ лишь первыя 4 лекціи изъ записи № XX (1849—50 года), потому что именно 4 лекціи изъ этой записи напечатаны въ журналѣ «Время» 1862 года. Все остальное хранящееся въ Румянцевскомъ музеѣ наслѣдіе Грановскаго нигдѣ до сихъ поръ не было напечатано, и ждетъ еще своего издателя.

Происхожденіе всѣхъ этихъ записей Румянцевскаго музея таково. Вскорѣ послѣ смерти Грановскаго одинъ изъ его слушателей послѣднихъ лѣтъ, Н. И. Алябьевъ, задумалъ издать его курсы по разнымъ записямъ. Съ этой цѣлью онъ собралъ рядъ такихъ записей, сдѣланныхъ слушателями разныхъ лѣтъ, часть ихъ приготовилъ уже къ печати, — среди рукописей есть и черновики, и переписанные съ нихъ набѣло экземпляры, — такъ рукопись № XIX является, если я не ошибаюсь, бѣловой копіей для № XX, — и приступилъ уже къ печати; въ это именно время были напечатаны въ журналѣ «Время» за 1862 г. 4 лекціи изъ курса средней исторіи, посвященной Римской имперіи, по рукописи № XX; въ бѣловой копіи № XIX изложеніе начинается какъ разъ съ 5-й лекціи, такъ что можно думать, что начало XIX и было передано въ редакцію для печати. Однако этими 4-мя первыми лекціями дѣло и должно было ограничиться; изданіе вышло не совсѣмъ

ними пустые промежутки; потомъ, послѣ лекціи, но подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ возстанавливалъ всѣ пропущенные концы словъ, заполнялъ всѣ оставленные промежутки. Слѣды этой работы видны въ закручивающихся внизъ и вверхъ концахъ словъ, не помѣстившихся въ промежуткѣ и часто написанныхъ другими чернилами. Такимъ путемъ достигалась большая точность записи.

удачно, при перепискѣ и корректированіи лекцій вкрался рядъ крупныхъ ошибокъ, объясняемыхъ тѣмъ, что во время подготовки лекцій къ печати Алябьевъ уѣхалъ за границу (лѣтомъ 1861 г.) и выпустилъ дѣло изъ своихъ рукъ. Когда же лекціи были напечатаны, допущенныя въ нихъ погрѣшности вызвали, повидимому, сильныя нападки въ критикѣ, и это такъ подѣйствовало на Алябьева, что онъ рѣшилъ совсѣмъ отказаться отъ всего предпріятія. Рукописи, собранныя имъ, такъ и остались ненапечатанными, и послѣ смерти Н. И. Алябьева въ 1910 г. достались его сыновьямъ, которые и отдали ихъ въ Румянцевскій музей.

Всѣ эти свѣдѣнія любезно сообщилъ мнѣ сынъ покойнаго московскій преподователь-историкъ Н. Н. Алябьевъ. Онъ же помогъ мнѣ установить среди рукописей Румянцевскаго музея, какія именно изъ нихъ писаны, или переписаны рукой его отца. Оказалось, судя по почерку, что Н. И. Алябьевымъ были писаны рукописи №№: XX, XXIX, 2-я тетрадь, и XXXa, которая по всѣмъ остальнымъ признакамъ принадлежитъ къ числу записей Грановскаго, и сверхъ того, еще рукопись № XV, посвященная древней исторіи, именно исторіи Востока, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на данныя раскопокъ Лейярда, Лепсіуса и другихъ; въ текстѣ упоминаются раскопки 1848 года и употребляется выраженіе: «въ 40-е годы»; это свидѣтельствуетъ, что рукопись можетъ относиться ко времени 50-хъ годовъ. Принадлежитъ ли эта рукопись къ числу записей Грановскаго, не ясно; такъ какъ Алябьевъ готовилъ къ печати именно лекціи Грановскаго, то есть основаніе думать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ его курсомъ, хотя курсъ этотъ и стоитъ особнякомъ среди другихъ курсовъ Грановскаго: нигдѣ больше не выдвинуто такъ на первый планъ значеніе раскопокъ.

Кромѣ 15 рукописей Румянцевскаго музея, есть еще одна, 16-я по счету, запись лекцій Грановскаго, находившаяся въ моемъ распоряженіи; эта запись сдѣлана, какъ надо думать, судя по надписи на ней, В. Лакіеромъ, бывшимъ, конечно, слушателемъ Грановскаго, и относящаяся къ курсу 1846—7 г.; курса этого года у насъ нѣтъ пока ни въ какой другой датированной опредѣленнымъ годомъ записи. Запись Лакіера представляетъ собою тетрадь въ четвертую долю листа, состоящую изъ 17 сшитыхъ вмѣстѣ тетрадей, и объемлющая всего до 330 страницъ текста. Мнѣ эта рукопись досталась изъ библіотеки моего дѣда, московскаго профессора старыхъ лѣтъ, Федора Лукича Морошкина. Вѣроятно, дѣдъ мой просилъ Лакіера дать ему записанныя имъ лекціи Грановскаго, чтобы познакомиться съ курсомъ своего коллеги по профессурѣ, а затѣмъ студенческія записки остались въ его библіотекѣ среди другихъ его книгъ и бумагъ и не были взяты назадъ ихъ составителемъ.

Надо сказать, что какъ разъ обладаніе этой рукописью и было тѣмъ толчкомъ, который побудилъ меня заняться изысканіями въ области студенческихъ записей Грановскаго, дабы сравнить ихъ съ имѣвшейся въ моихъ рукахъ записью и найти ей подобающее мѣсто въ ряду другихъ записей. Теперь эта запись, какъ я уже сказалъ, присоединена къ другимъ 15 записямъ Грановскаго, хранящимся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Запись Лакіера въ первыхъ ея листахъ дѣлится правильно на лекціи, и эти лекціи датируются точно (5—16 сентября). Потомъ, начиная съ 5 лекціи, это дѣленіе прекращается, и подзаголовки идутъ по темамъ, напр.: Обзоръ Римской имперіи той или другой эпохи, Стихіи средневѣковаго общества, и т. п. Въ разныхъ частяхъ курса помѣчены даты 5 отдѣльныхъ лекцій, однако безъ ихъ нумераціи, — 24 октября, 2 и 7 ноября, 8 февраля, 7 апрѣля. Курсъ объемлетъ всю римскую исторію,—и римскую республику, начиная этрусками, патриціями и плебеями, — и Римскую имперію и ея культуру, и всѣ средніе вѣка, кончая переходомъ къ новому времени, съ «разложеніемъ королевской власти» и «движеніемъ идей»; заканчивается курсъ на эпохѣ возрожденія характеристикой Гуттена и другихъ дѣятелей той эпохи. Исторія римской республики является тѣмъ отдѣломъ этого курса, коимъ онъ отличается ото всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ записей, — другой записи для исторіи республиканскаго Рима у насъ нѣтъ.

Съ внѣшней стороны курсъ 1846—7 года записанъ очень четко, и толково составленъ по существу: конечно, это не стенографическая запись курса, но студенческая, сокращенная запись, обычнаго студенческаго типа; мѣстами краткость доходитъ даже до того, что выбрасываются сказуемыя, и идутъ одно за другимъ одни подлежащія; впрочемъ, такихъ мѣстъ немного. Изложеніе все почти время идетъ связное, а мѣстами, повидимому, приближается едва ли не къ дословной записи, судя по силѣ отдѣльныхъ тирадъ и по художественности выраженія. По существу бросается въ глаза въ этой записи обиліе интересныхъ аналогій, какія устанавливаетъ Грановскій между тѣмъ или другимъ явленіемъ въ жизни одной страны или эпохи — съ явленіями иныхъ эпохъ и народовъ. Такъ, характеристика римскаго общества поздней императорской эпохи даетъ ему поводъ вспомнить о состояніи французскаго общества XVIII вѣка передъ французской революціей; указывая начатки французской централизаціи въ эпоху Карла VII и Людовика XI, Грановскій сейчасъ же проводитъ связь съ централистскими тенденціями Конвента; а говоря о государствѣ Меровинговъ и Каролинговъ, не можетъ удержаться, чтобы не указать ихъ сходства съ порядками удѣльнаго періода въ исторіи Россіи. И такъ разсыпаны по всему курсу большія и мелкія аналогіи и параллели, удачно связывающія отдѣльныя историческія эпохи въ одну боль-

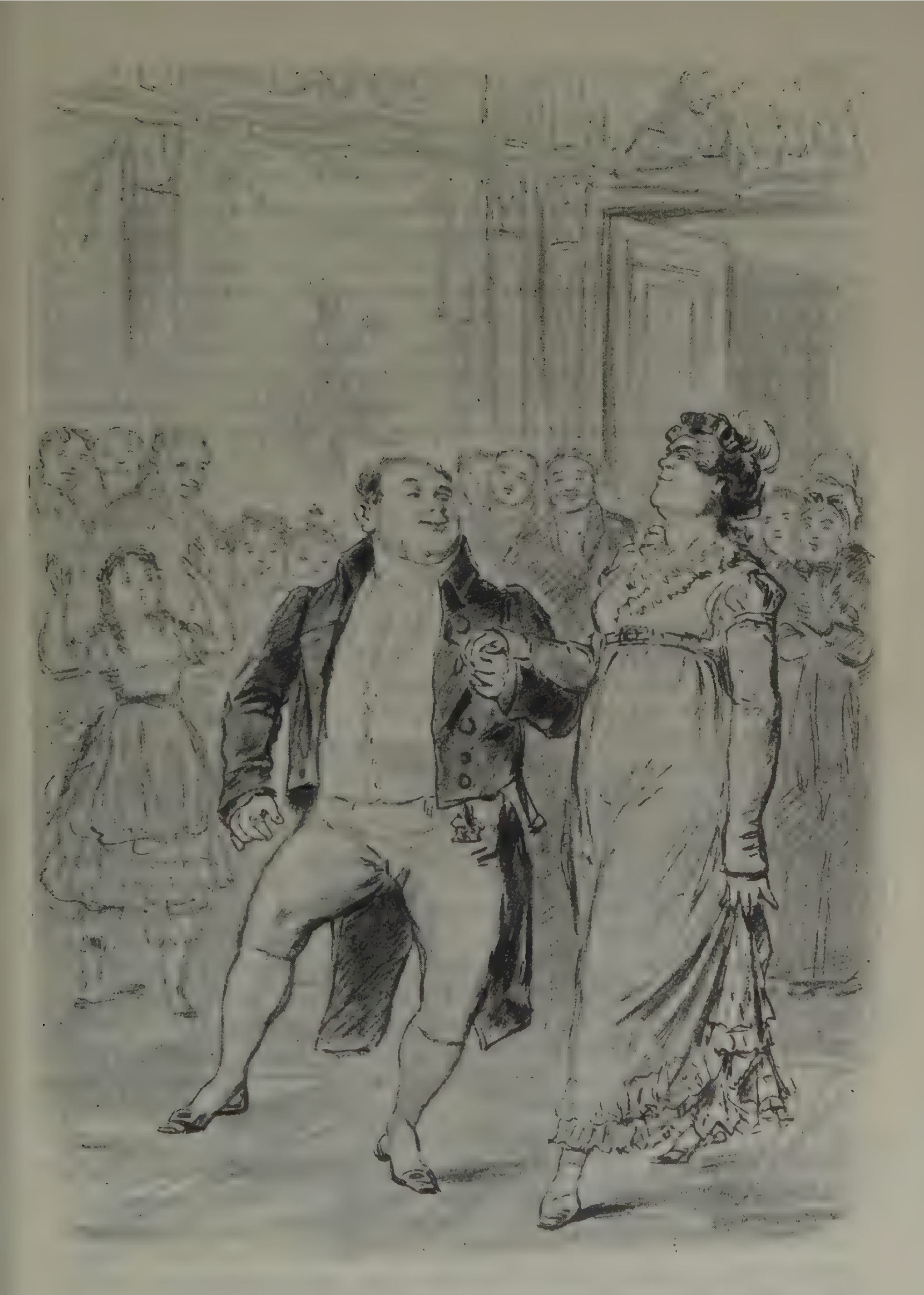
шую историческую картину [1]). Не лишенъ этотъ курсъ и нѣкотораго полемическаго элемента: полемика идетъ, и довольно обширная и основательная, съ Венелинымъ, доказывавшимъ славянское происхожденіе и готовъ, и гунновъ, — вездѣ въ Европѣ, по выраженію Грановскаго, старавшимся отыскать славянъ. Эта полемика должна была имѣть большую важность въ глазахъ Грановскаго: по крайней мѣрѣ, онъ не разъ возвращается къ ней въ разныхъ своихъ курсахъ.

По счастливой случайности, въ моихъ рукахъ оказалось также и расписаніе лекцій въ Московскомъ университетѣ, относящееся къ тому же 1846—7 году, какъ и курсъ Грановскаго, записанный Лакіеромъ. Судя по этому пожелтѣвшему отъ времени, какъ и сама рукопись Грановскаго, росписанію, и д. э. о. п. Грановскій читалъ въ этомъ ак. году на I и II курсахъ филологамъ I-го философскаго отдѣленія и юристамъ, читалъ имъ древнюю исторію (на I курсѣ, 3 часа въ недѣлю), по пятницамъ и субботамъ,—на II курсѣ—среднюю и новую исторію, 6 часовъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ,—а всего по 9 часовъ въ недѣлю. Интересно отмѣтить нѣкоторыя другія имена, красующіяся въ этомъ расписаніи: здѣсь встрѣчаемъ среди другихъ адъюнкта Соловьева и кандидата Буслаева...

Кое-какія данныя, помогающія разобраться во всемъ этомъ рукописномъ матеріалѣ, находятся въ Отчетахъ Московскаго университета за года профессорства Грановскаго (1839—55 г.). Изъ этихъ отчетовъ почерпаемъ свѣдѣнія о томъ, какіе именно историческіе курсы читалъ въ различные года Грановскій, узнаемъ и нѣкоторыя подробности о его чтеніяхъ и объ обстановкѣ, въ какой приходилось ему читать, а въ спискахъ студентовъ за разные года находимъ указанія на тѣхъ изъ нихъ, именами которыхъ подписаны отдѣльныя записи лекцій. Такъ, оказывается, что до 45—46 г. Грановскій читалъ постоянно курсъ средней и новой исторіи, а древнюю читалъ Крюковъ, и только разъ, въ 41—42 г., за отъѣздомъ Крюкова за границу, начатый имъ курсъ древней исторіи доканчивалъ Грановскій. Въ 45—6 и 46—7 гг. Грановскій читалъ всѣ три курса, а съ 47—8 г. сталъ дѣлить съ нимъ работу Кудрявцевъ, при чемъ этотъ дѣлежъ производился каждый годъ почти по-новому: Грановскому приходилось читать то древнюю и среднюю исторію, то древнюю и новую, то среднюю и новую. Эти данныя отчетовъ въ общемъ совпадаютъ съ помѣтками на записяхъ Рум. музея, кромѣ только 49—50 г., когда Грановскій, по отчету, читалъ древнюю и новую исторію, а среднюю читалъ Кудрявцевъ, и даже указано, до какой эпохи успѣлъ довести свои курсы этого

---

[1]) Подобное же обиліе аналогій и сопоставленій наблюдается въ курсѣ по исторіи Греціи (запись Ѳ. Крахта, рук. № XIV) 50-хъ годовъ.

Гр. И. А. РОСТОВЪ и МАРЬЯ ДМ. АХРОСИМОВА.
Танцуютъ «Данилу Купора».
(Рис. Башилова).

года Грановскій,—древнюю до Персидскихъ войнъ, а новую до 1560 г.,—а между тѣмъ цѣлый рядъ записей его лекцій по среднимъ вѣкамъ датируется какъ разъ 49—50 годомъ. Какъ примирить это противорѣчіе—неизвѣстно; можетъ быть ошибка въ датированіи данныхъ записей, а возможно и то, что ошибка допущена въ отчетѣ; по крайней мѣрѣ, въ отчетахъ есть совершенно подобная ошибка для 40—41 г., когда на одной страницѣ отчета значится, что́ древнюю исторію читалъ Крюковъ, новую—Грановскій, а про среднюю ничего не сказано,—а въ вѣдомости о посѣщеніи отдѣльныхъ курсовъ студентами отмѣчено, что среднюю исторію слушали въ этомъ году 137 студентовъ. Стало-быть, показанія отчетовъ не всегда могутъ внушать довѣріе.

О самыхъ курсахъ—Грановскаго въ отчетахъ имѣются любопытныя свѣдѣнія. Такъ, для 47—48 г. находимъ такую характеристику его курса: «Преподаватель не держался особенно никакимъ руководствомъ; знакомя слушателей своихъ съ главными произведеніями современной исторической литературы, онъ преимущественно обращалъ вниманіе на непосредственные источники. Съ этой цѣлью онъ не только излагалъ вкратцѣ содержаніе важнѣйшихъ памятниковъ древней и средневѣковой литературы, но приводилъ значительныя объемомъ извлеченія изъ нихъ. Къ концу семестра онъ довелъ исторію древнихъ народовъ до героическаго періода Греціи, а исторію среднихъ вѣковъ—до паденія Каролинговъ». Та же характеристика дана и въ отчетѣ слѣдующаго года, когда Грановскій довелъ древнюю исторію—«до обзора греческихъ колоній, а новую—до 1732 г.». Въ 49—50 г. древняя исторія была доведена Грановскимъ до Персидскихъ войнъ, новая до 1560 г., а начиная съ 50—51 г. идутъ однѣ стереотипныя фразы: «все предположенное пройдено, безъ всякихъ уклоненій отъ программы». Интересно также число студентовъ, составлявшихъ аудиторію Грановскаго. Аудиторія эта, вмѣщавшая вплоть до 49 года отъ 80 до 150 и до 270 студентовъ, съ 49 г., благодаря введенію комплекта, рѣзко падаетъ, сначала на первомъ курсѣ: послѣ 189 оказывается всего 19 человѣкъ, изъ нихъ 5 филологовъ и 11 юристовъ, затѣмъ 14 (8 и 5). Съ 50—51 г. цыфры эти, однако, снова начинаютъ расти, доходя къ концу жизни Грановскаго до сотни слушателей съ небольшимъ. Всего тяжелѣй были въ этомъ отношеніи 49 и 50 годы, когда приходилось — и это Грановскому — читать передъ почти пустою аудиторіей... А между тѣмъ этими годами датированы нѣсколько весьма интересныхъ курсовъ.

Таково обширное, и такъ мало еще использованное наслѣдіе Грановскаго. Студенческія записи, изъ коихъ оно состоитъ, не могутъ, конечно, замѣнить намъ лекцій самого Грановскаго, его живого слова; записанныя къ тому же не имъ самимъ, эти лекціи носятъ неминуемо на себѣ обычные признаки всякой студенческой, неопытной работы; онѣ не могутъ вполнѣ точно и полно передать то, что говорилъ и что хотѣлъ сказать Грановскій. Тѣмъ не менѣе,

въ этихъ записяхъ, сдѣланныхъ со словъ самаго Грановскаго, дошло до насъ его собственное живое слово,—и если оно нѣсколько искажено студенческою записью, то не надо забывать, что по этой записи не прошелся безпощадный (особенно въ ту эпоху) цензорскій карандашъ. Мы имѣемъ въ этихъ записяхъ если не полнаго, то чистаго Грановскаго, не уложеннаго на Прокрустово ложе николаевской цензуры. Это уже одно повышаетъ до высочайшей степени интересъ къ хранящимся въ Румянцевскомъ музеѣ рукописямъ, относящимся къ лекціямъ Грановскаго.

Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, что собою представляютъ эти студенческія записи Грановскаго, я дамъ полностью двѣ лекціи Грановскаго — по Римской имперіи (умственная жизнь имперіи I вѣка), изъ записи № XIX, и характеристику Макіавелли, по записи Бартенева № XXVI, съ варіантами изъ записи № XXVIII, 1853—4 г. [1]).

Михаилъ Коваленскій.

Изъ лекцій Т. Н. Грановскаго. 1840—50 г.

Запись XIX. Курсъ Средней Исторіи 1849—50 г. Лекція 7-я.

Теперь приступимъ къ обозрѣнію умственной жизни римскаго общества, литературы въ связи съ обществомъ; мы не имѣемъ въ виду излагать литературу собственно, какъ литературу, т.-е. эстетическую оцѣнку помятниковъ; для всеобщей исторіи литература имѣетъ значеніе мѣрила политическихъ и религіозныхъ понятій. Историку предстоитъ трудъ соединить въ одну картину разныя явленія и нѣсколько господствующихъ въ это время направленій. Въ I и II столѣтіяхъ представляется намъ нѣсколько группъ, связанныхъ единствомъ времени и идей: центромъ первой группы—Сенека, второй—Тацитъ, третьей—императоръ Адріанъ, хотя мало писавшій, но выразившій цѣлое направленіе, четвертой—Лукіанъ. Постараемся показать, какъ главныя явленія римской литературы отражали на себѣ характеръ общества и дѣйствовали на него.

Показавши точку нашего отправленія, теперь укажемъ на источники. Въ новое время явилось два сочиненія: одно написано французомъ Шампаньи, другое—нѣмцемъ Шмидтомъ—Geschichte der Glaubensfreiheit. Оба сочиненія не похожи одно на другое. Нѣмецкое сочиненіе, основанное на точномъ изслѣдованіи, написано съ знаніемъ дѣла; напротивъ, французское отличается блестящимъ, хотя не всегда вѣрнымъ изложеніемъ. Впрочемъ, въ обоихъ есть нѣчто

---

[1]) Статья эта была уже приготовлена къ печати, когда обнаружилось, что, кромѣ всѣхъ указанныхъ въ ней записей Грановскаго, имѣются еще 8 записей, находящихся въ частныхъ рукахъ. Эти записи остаются мнѣ еще неизвѣстны, но я надѣюсь, что при любезномъ согласіи владѣльца получу возможность ознакомиться и съ этими интересными экземплярами.

общее, оба написаны съ цѣлью имѣть въ виду западную жизнь и ея явленія. Шампаньи и Шмидтъ хотѣли показать современникамъ сходное положеніе въ исторіи, научить ихъ понимать прошедшее, чтобы Европа XIX в. могла видѣть себя въ исторіи I в. римской исторіи. Дѣйствительно между ними много аналогіи, но не должно слишкомъ ею увлекаться. Трудная задача для историка—умѣть управлять исторической перспективой: исторія прежнихъ временъ слишкомъ туманна, ея явленія вдали отъ насъ и потому темны; тамъ другіе люди и иныя идеи; между нами и ими нѣтъ общаго; отдѣльныя событія разрываютъ живой [1]) организмъ на частныя исторіи. У французскаго историка найдется противорѣчіе: онъ придвигаетъ къ намъ отдаленную старину, сближаетъ настоящее съ прошедшимъ; его разсказъ живъ, но много теряетъ истины. Человѣкъ тотъ же, свойства ему данныя не измѣнились, его можно изучать во всѣхъ періодахъ развитія, но въ каждой эпохѣ человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ современныхъ ему идей. Здѣсь (не) *и* надо искать видоизмѣненій, которымъ онъ подвергается и которыя даютъ новое направленіе. Въ этомъ умѣньѣ построить событія такъ, чтобы они въ отдаленіи не потеряли связь между собой, и состоитъ весь трудъ. Вотъ почему Шампаньи и Шмидтъ нашли въ римскомъ обществѣ I ст. много чудныхъ явленій и толковали ихъ не такъ, какъ бы слѣдовало, смотря глазами XIX в. Во всякомъ случаѣ оба сочиненія любопытны, поучительны и могутъ быть прочтены съ большимъ интересомъ. Еще извѣстно неконченное нѣмецкое сочиненіе Дюмлера (?) о паденіи язычества, въ которомъ добросовѣстно, хотя не совсѣмъ правильно, изложены послѣднія судьбы языческой науки и сознанія [2]).

Исторія умственнаго развитія римскаго міра въ I ст. должна остановиться на одной ея латинской половинѣ, дѣятельность Греціи слабо проявляется: она живетъ прошедшимъ, а не настоящимъ [3]). О греческой нравственности можно не говорить много, потому что давно уже народъ греческій утратилъ доблести своей исторіи, которыя нѣкогда стяжали ему такое высокое мѣсто; вѣрованія религіозныя разложились, патріотическія доблести прошли безъ слѣда,—отъ прежняго осталось единственно одно богатство дарованій, долго сохранявшееся. Настоящая дѣятельность у нихъ почти не существовала, а печальная наслѣдственная наклонность къ спорамъ и распрямъ внушала римлянамъ презрѣніе къ греческимъ городамъ. Императоры мирили ихъ строгими мѣрами. Несравненно сложнѣе и поразительнѣе было духовное состояніе *римскаго* общества въ концѣ республики и въ началѣ имперіи: древ-

---

1) Въ рукописи: «животный».

2) Весь абзацъ, взятый въ скобку, зачеркнутъ въ рукописи.

3) *Въ рук. XXX вставка, зачеркнутая потомъ:* съ другой стороны, цвѣтущее состояніе литературы при Августѣ есть не что иное, какъ продолженіе прежде начатаго развитія; сѣмя брошено въ предшествующую эпоху, жатва взошла при Августѣ. Поэтому въ сочиненіяхъ Августова времени мы увидимъ противоборство ему; всѣ эти писатели выражаютъ обращеніе къ прежнимъ, еще республиканскимъ формамъ, на совершающійся порядокъ смотрятъ какъ на преходящее явленіе, незаконные замыслы; оттого замѣчательные писатели и были заподозрѣны въ ненависти къ династіи Цезарей и новому порядку вещей. Вообще римская литература долго не могла съ нимъ помириться и стать на одну точку зрѣнія съ міромъ оффиціальнымъ, и стоитъ во враждѣ съ настоящимъ и неопредѣленнымъ стремленіемъ къ будущему. Приступя къ изложенію идей, выраженныхъ писателями избранной нами эпохи, мы должны коснуться вѣрованій и убѣжденій римскаго общества.

нія доблести были изжиты, въ настоящее время не было великаго республиканскаго патріотизма; даже великіе патріоты, являвшіеся въ концѣ республики, стояли не на римской почвѣ, а извлекали свои теоріи изъ греческой философіи. Конечно, приверженцы какъ Цезаря, такъ и Помпея, мало вѣрили въ формы, за которыя они стояли. Такъ, въ письмахъ Цицерона мы находимъ любопытное мѣсто, относящееся до этого. Цицеронъ республиканецъ, другъ коренныхъ республиканскихъ учрежденій, отправился къ Помпею, но, прибывъ туда, ужаснулся заносчивости молодыхъ патриціевъ и ихъ кровожадности; онъ воротился запуганный, упавшій духомъ, и жилъ въ своемъ помѣстьѣ во все время междоусобной войны. Здѣсь онъ посѣщалъ поселянъ и узналъ образъ ихъ мыслей; узналъ, что въ сущности имъ все равно, кто бы ни побѣдилъ, только бы скорѣе водворился миръ; слѣдовательно, матеріальныя выгоды въ нихъ берутъ верхъ надъ идеями. Цицеронъ, не предвидя ничего подобнаго, пораженъ былъ этимъ. Брутъ и другіе сошлись съ этимъ воззрѣніемъ; они стремились свести свои философскія понятія съ приверженностью къ древнимъ римскимъ историческимъ преданіямъ, чего нельзя было сдѣлать, ибо древній Римъ не любилъ философію и не допускалъ изслѣдованія; все у него было опредѣлено, и сомнѣніе въ какой-либо истинѣ считалось отпаденіемъ отъ боговъ и отечества, измѣной государству.

Мы сказали—отпаденіемъ отъ боговъ и отечества, ибо въ Римѣ учрежденія политическія связаны съ религіозными, и нигдѣ въ древности не было между ними такой связи, какъ въ Римѣ. Съ упадкомъ религіозныхъ вѣрованій падали и политическія. Мы говорили о мнѣніи, обнаруженномъ Цезаремъ въ концѣ республики, что нѣтъ жизни загробной; на это возсталъ Катонъ и обвинялъ Цезаря—не въ томъ, что онъ говоритъ несправедливо, а что возстаетъ противъ религіи. Замѣчательно это отдѣленіе истины отъ государственной религіи, показывающее, что въ это время не было внутреннихъ вѣрованій, да и трудно бы было ихъ сохранить: подъ нихъ давно сдѣлали подкопъ. Не знаю, какимъ образомъ греческое сочиненіе Эвгемера было переведено на латинскій языкъ. Эвгемеръ жилъ во время Кассандра и написалъ шуточное путешествіе къ святымъ островамъ, на которыхъ нашелъ памятники греческихъ боговъ.

Здѣсь узнаемъ всю ихъ исторію: они были простые люди, обоготворенные или за услуги, оказанныя міру, мудрыя открытія, или за обманъ. Такое грубое и пошлое объясненіе прекрасныхъ миѳовъ греческой религіи было принято за хорошее, вѣрованія утратили свой смыслъ и, не понимая религію, хотѣли дать о ней отчетъ. Это сомнѣніе нашло себѣ послѣдователей и въ Римѣ; книга Эвгемера переведена Энніемъ на латинскій языкъ и доставляла особенное удовольствіе римскимъ писателямъ, переносившимъ ея идеи на свою почву. Насмѣшки надъ богами рано встрѣчаются у поэтовъ римскихъ. Книга Лукреція была настольною у римлянъ. Лукрецій былъ эпикуреецъ, отрицавшій боговъ и выводившій всѣ законы управленія міромъ изъ физики, плохо еще тогда извѣстной, а основаніемъ человѣческихъ поступковъ считалъ эгоизмъ. Поэма Лукреція не безъ таланта и занимаетъ почетное мѣсто; но для насъ она важна по взгляду на прошедшія вѣрованія, которыя, очевидно, прошли для Рима. Поэтъ жалуется на опустѣніе храмовъ, жертвенники которыхъ за отсутствіемъ жертвъ покрылись паутиной. Римъ признаетъ боговъ всѣхъ побѣжденныхъ народовъ, ставитъ

имъ храмы, желая умилостивить ихъ и купить прощеніе за обиды; но чѣмъ болѣе боговъ, тѣмъ менѣе вѣры и понятія толпы запутаннѣе. Въ Римъ приходитъ восточное суевѣріе и оказываетъ вліяніе на массу. Недостатокъ древнихъ вѣрованій еще болѣе увеличился, когда вслѣдствіе повелѣнія Августъ былъ заживо обоготворенъ и всѣ императоры еще при жизни приказывали ставить себѣ жертвенники и приносить жертвы наравнѣ съ другими богами. Одинъ Тиверій хотѣлъ отклонить это, но преемники его Калигула, Клавдій и Неронъ считали себя богами; послѣдній даже по смерти своей порочной супруги Поппеи заставилъ признать ее богинею.

Слѣдовательно, въ 1-мъ вѣкѣ имперіи въ римскомъ обществѣ было отсутствіе положительныхъ вѣрованій; мѣсто ихъ въ низшемъ классѣ занимало суевѣріе, а въ высшемъ—философскія мнѣнія, заимствованныя изъ Греціи и проникшія въ латинскую половину имперіи. Намъ предстоитъ познакомиться съ содержаніемъ и характеромъ главнѣйшихъ философскихъ системъ, господствовавшихъ тогда въ римскомъ мірѣ.

Эти системы были: стоицизмъ, эпикуреизмъ и эклектизмъ. Оба основателя философскихъ системъ, Зенонъ и Эпикуръ, жили одновременно въ IV ст. до Р. Х. и были представителями греческой мысли въ эпоху ея ослабленія и упадка. Аристотель не успѣлъ еще закрыть глазъ, какъ у грековъ явились признаки утомленія. Вслѣдъ за напряженнымъ и упорнымъ исканіемъ истины, одушевлявшимъ Сократа, Платона и Аристотеля, у Эпикура и Зенона находимъ стремленіе другого рода: они хотятъ внѣшними признаками замѣнить стремленія философіи. Если вникнемъ въ это, то поймемъ, что оно обличаетъ упадокъ мышленія. Платонъ и Аристотель искали истину безъ-устали, а Зенонъ и Эпикуръ давали ей [1]) слѣды вѣрованій, здѣсь видно отчаяніе человѣка найти истину, и онъ ищетъ ея признаки внѣшніе. Вторая цѣль искателей есть стремленіе опредѣлить высшее благо; здѣсь виденъ тотъ же упадокъ: пока общество было въ нормальномъ положеніи, крѣпкое религіозное развитіе и здоровое философское ученіе понимали, въ чемъ оно состоитъ; но когда эти начала ослабли, человѣкъ сознался въ своемъ незнаніи и сталъ задумываться, въ чемъ состоитъ благо. Этотъ вопросъ не занималъ грековъ до персидскихъ войнъ, и они откровенно скажутъ, въ чемъ оно состоитъ; но въ эпоху владычества македонскаго смущенные умы не знали, что есть благо.

Каждый основатель школы опредѣлялъ истину и благо своимъ признакомъ, и хотя у нихъ есть нѣкоторое сходство, но въ общей суммѣ они расходятся.

Зенонъ училъ, что міръ отъ начала подчиненъ неизмѣннымъ законамъ и въ согласіи съ ними, въ гармоніи и сліяніи заключаются всѣ правильныя явленія внѣшней природы. Боги живутъ согласно съ этими неизмѣнными законами; но человѣкъ подвергаетъ ихъ вліянію законы воли, живетъ согласно съ верховнымъ закономъ, узнавъ его необходимость; потому человѣкъ, живущій согласно съ законами міра, выше боговъ: боги исполняютъ законъ безъ знанія, напротивъ, человѣкъ подчиняется ему, познавъ законъ. Зенонъ признается, что постояннымъ вліяніемъ слабой природы невозможно достигнуть этого идеала, и показываетъ путь, которымъ слѣдуетъ итти къ нему; весь результатъ нравственнаго ученія состоитъ въ двухъ словахъ: «воздержись и переноси». Эта

1) Въ рук. XX: «признакамъ ея».

задача человѣка на землѣ; надо имѣть въ виду смерть и превратность судьбы; надо обратить душу въ камень; но тогда человѣкъ не дѣйствуетъ и живетъ не согласно съ природой. Зенонъ не воспрещалъ ученикамъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, напротивъ, стоики принимали въ нихъ дѣятельное участіе; его ученики не должны были связывать себя семействомъ; вознагражденіе имъ предстоитъ послѣ,—а жизнь на землѣ есть безотрадное воздержаніе и перенесеніе. Самый міръ загробный не представляетъ вознагражденія; его идея противорѣчитъ признанію боговъ: они праздны и недостойны уваженія, ибо если ихъ жизнь чиста, то единственно потому, что они не подвергаются искушеніямъ. Идеи стоической философіи были рано перенесены въ Италію; въ послѣднемъ вѣкѣ республики онѣ имѣли многихъ приверженцевъ, состоявшихъ въ рядахъ республиканской партіи.

Катонъ Утическій и Брутъ были стоики, а считали себя защитниками древнихъ преданій, вѣрованій и учрежденій; но между ними и стоицизмомъ не было ничего общаго.

Другая система, эпикуреизмъ, отличалась слѣдующимъ ученіемъ: все въ жизни человѣка переходчиво; міръ не проченъ и не вѣренъ; все въ немъ переходитъ. Человѣку остается одно—извлекать наслажденія изъ окружающаго его міра, чтобы жизнь не прошла даромъ; за ея предѣлами нѣтъ ничего, и потому наслажденіе есть цѣль нашего бытія; но это наслажденіе должно состоять въ умѣренности и добродѣтели. Часто мнѣнія объ Эпикурѣ бываютъ противоположны; въ немъ признаютъ мудрость и добродѣтель; но его добродѣтель недостаточна и пошла; наслажденіе состоитъ въ умѣренномъ пользованіи; кто много наслаждается, тотъ притупляется и бываетъ подверженъ печали (dolor); отъ невозможности достигнуть наслажденія, даже умѣреннаго, происходитъ страсть.

Это добродѣтель; но нигдѣ нѣтъ ученія о долгѣ, о любви. Уже ближайшій ученикъ Эпикура Метродоръ завершилъ результатъ его ученія, ограничивъ себя наслажденіями міра чувственнаго: удовольствіе, чувственная потребность суть высшее благо. Въ Греціи ученіе это оставалось отвлеченнымъ; но въ Римѣ получило прямое примѣненіе. Эпикуръ совѣтовалъ ученикамъ воздерживаться отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, въ семейной жизни, въ религіи и наукѣ; они не стоятъ вниманія разумнаго человѣка. Стоицизмъ и эпикуреизмъ свидѣтельствуютъ объ упадкѣ нравственности греческаго общества; въ нихъ видно раздвоеніе. Стоики хотѣли служить обществу, по мѣрѣ силъ, эпикурейцы отрицались отъ него.

Третье ученіе нельзя назвать настоящимъ. Во всѣ времена являлись попытки собрать изъ прежнихъ системъ новую; время уже болѣе не можетъ развивать мысль и потому остается обратиться къ прошедшему, выбирать изъ разныхъ системъ и связывать ихъ логическимъ процессомъ. Таковъ былъ эклектизмъ, направленіе болѣе мистическое, о которомъ скажемъ далѣе.

Нельзя не сказать, что системы греческой философіи, перенесенныя въ Римъ, обнаружили здѣсь болѣе вліянія, нежели на родной почвѣ, особенно стоицизмъ, проникнувшій въ право, литературу и общество. Его вліяніе частью было благотворно, ибо стоицизмъ господствовалъ въ сердцахъ лучшихъ и благородныхъ римскихъ гражданъ. Оттого стоики были непріязненны императорамъ и гоненія на нихъ, начавшіяся при Тиверіи, продолжались до Нервы. Императоры

смотрѣли на нихъ подозрительно; но съ Нервой прекратились гоненія, ибо императоры стали раздѣлять мнѣнія этой школы, и Маркъ Аврелій былъ самый благородный представитель стоицизма. Римъ не развилъ новой философіи; ему принадлежитъ одна заслуга—популяризація ея началъ, сообщеніе имъ практическаго характера. Но этотъ трудъ его былъ двусмысленнаго достоинс ва. Прочтите сочиненія Цицерона—вы будете поражены поверхностнымъ легкимъ взглядомъ его на философію. Въ эпоху имперіи философія получила болѣе практическій, чѣмъ чисто-ученый характеръ. Сильно принялись у нихъ стоическая и эпикурейская школа. Не смотря на всю противоположность этихъ двухъ ученій, въ основѣ ихъ лежитъ одна глубоко-затаенная мысль,—это недовѣріе къ настоящему. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было углубиться въ философію и въ то же время не стать во вражду съ дѣйствительностью, во всѣхъ частяхъ ея, начиная съ лицемѣрія власти. Въ Римѣ все было ложь, и величайшая ложь—это было обоготвореніе императоровъ. Императоры, наслѣдники того, кто разрушилъ римское счастіе, римскую республику,—старались освятить свою украденную власть, свое положеніе религіознымъ характеромъ,—и религія имѣла всегда характеръ политическій. Но въ этомъ было глубокое противорѣчіе. Верховнымъ жрецомъ явился императоръ; древняя религія пропала. Немудрено представить то отношеніе, въ которомъ философія стояла къ этимъ вымысламъ: она должна была вызвать эту дѣйствительность на бой. Но это былъ трагическій протестъ противъ всего, что совершалось, что шло кругомъ въ исторіи. Разсматриваемые съ этой стороны, стоики заслуживаютъ глубокаго уваженія: строгіе исполнители обязанностей, они стали противъ всей развратной дѣйствительности и съ гордостью презирали все окружающее; отъ дѣйствительности этой бѣжали и эпикурейцы, бѣжали въ страшныя оргіи того времени. Но стоики и эпикурейцы римскіе были болѣе школы нравственныя, чѣмъ умозрительныя; умозрительныя начала ихъ были слабы и ничего не прибавили къ древнему развитію мысли: потому-то часто они противорѣчили другъ другу изъ одной и той же школы [1]).

Въ связи съ этими школами находились скептики. Этотъ протестъ, который вносили въ общество стоики и эпикурейцы, вносили и скептики, на свой ладъ: они отказались отъ всякаго убѣжденія, и отъ вѣры знать что-либо. Такіе періоды упадка вѣрованій, періоды разочарованія наступаютъ всегда послѣ долгихъ періодовъ, которые прошло человѣчество [2]). Здѣсь умы сильные спасаются однимъ—вѣрою въ несокрушимую силу человѣчества, въ неистощимое богатство силъ и формъ, въ немъ живущихъ.

Таковы были философскія школы римлянъ. Стоической школы преимущественно держались государственные люди, патріоты, мечтавшіе еще о возстановленіи прежнихъ гражданскихъ формъ въ Римѣ. У Тацита мы найдемъ много эпизодовъ, которые показываютъ

---

[1]) *Изъ рук. XVIII вставка:* но большинство римскаго образованнаго общества держалось эклектизма, ибо онъ по плечу всякому; начала и основы сшивались изъ всѣхъ возможныхъ системъ.

[2]) *Изъ рук. XVIII вставка* ...съ развитіемъ однихъ какихъ-либо началъ, и въ которые оно прожило всѣ эти начала.

Изъ рук. XXI: ... всегда, когда человѣчество прожило уже долгій періодъ на однихъ началахъ, когда съ ужасомъ оно смотритъ на прошедшее и не видитъ ничего, изъ чего могло бы возсоздать что-либо въ будущемъ.

стоиковъ въ этой живой борьбѣ [1]). Но эти философскія идеи носились только на вершинахъ общества: низшіе слои были равнодушны къ философіи. Скажемъ болѣе. Войско—главный элементъ, на который опиралось общество, не было проникнуто никакими идеями, не уважало философіи, мало того—ругалось надъ ней. Философіи здѣсь, какъ и прежде, явилось противоположеніе здраваго смысла. Вообще нужно замѣтить, ясный признакъ временъ упадка—это недовѣріе къ философіи, обращеніе къ здравому смыслу. Довѣріе къ ней дается человѣку природою: оно то главное условіе, при которомъ растетъ богатое дерево науки. Этотъ-то недостатокъ живого довѣрія встрѣчаемъ мы въ писателяхъ того времени, особенно проникнутыхъ матеріализмомъ. Но все общее вліяніе философскихъ ученій неотразимо; они проникаютъ во всѣ другія науки, составляютъ ихъ внутреннюю жизнь, ихъ духовное содержаніе [2]). Посмотримъ же, какъ проникала философія въ другія науки...

Надобно сказать здѣсь окончательно объ отношеніи тогдашней философіи къ религіи западной имперіи [3]). Отношеніе это было чрезвычайно странное. Греческая философія стояла въ этомъ отношеніи гораздо выше: она шла прямо къ вопросу и не боялась рѣшить его въ ту или другую сторону, безъ опасенія результатовъ. Въ Римѣ напротивъ: только самые смѣлые умы останавливались на отрицаніи, на отрицаніи скромномъ. Возьмите Сенеку: онъ скорбитъ о мірѣ, который разрушается передъ его глазами; онъ страшно боленъ, боленъ невѣріемъ и безнадежіемъ. Отъ древняго политеизма онъ отрекся; въ немъ замѣтны какъ будто какія-то идеи христіанскія. Но эти мысли въ немъ мертвы и безплодны; недолго онѣ у него держатся, и мы тотчасъ рядомъ съ ними видимъ Сенеку—благочестиваго уважателя и почитателя боговъ. Вѣра пропадаетъ, но держится лицемѣрное уваженіе къ предмету вѣры. И когда христіанство обѣщало человѣчеству новую жизнь, тогда эти самые философы отвернулись отъ христіанства и стали противъ него за политеизмъ, противъ котораго они столько прежде враждовали. Человѣчеству трудно было облечься въ новаго человѣка, отрекшись отъ стараго; а первое христіанство совершенно отреклось отъ всего древняго. Отрицательно, впрочемъ, язычники еще готовы были принять христіанство, т.-е. поскольку оно уничтожало политеизмъ, но не догмы. Оттого-то часто встрѣчаемъ мы на престолѣ римскомъ людей чрезвычайно геніальныхъ (Маркъ Аврелій), но гнавшихъ христіанскую религію: они не вѣрили въ древнихъ боговъ своихъ, но имъ трудно было постигнуть новое.

Разсмотрѣвъ эти философскія мнѣнія, коснемся предварительно вопроса, какимъ образомъ они распространялись въ древнемъ мірѣ. Въ настоящее время это совершается посредствомъ книгопечатанія; но древній міръ въ этомъ отношеніи былъ бѣденъ. Важнымъ пособіемъ для этого служили рабы. Рабъ въ древности замѣнялъ машину; въ наше время стараются машиною замѣнить работу человѣка,

---

1) *Изъ рук. XVIII—вставка:* ... со средою, ихъ окружающею, и гибнущихъ въ этой борьбѣ.

2) *Въ рук. XXI—вставка:* Вліяніе философскихъ ученій неотразимо; это не есть наше личное убѣжденіе, но это — фактъ историческій; каждый ученый, занимаясь наукой, служитъ черезъ это самое какой-нибудь философской системѣ, коей, можетъ-быть, и самъ не знаетъ. Посмотр(имъ? ите?), какъ философія проникла въ другія науки... Но, оканчивая этотъ обзоръ, скажемъ объ отношеніи философіи къ религіи.

3) Тутъ, повидимому, пропускъ.

но въ древности работы производились рабами, замѣнявшими (и) типографскій станокъ. Когда являлось какое-нибудь замѣчательное произведеніе, то авторъ давалъ его своимъ знакомымъ; у каждаго достаточнаго гражданина свои грамотные рабы переписывали рукопись, и книгу можно было, списавъ, поставить въ книгохранилище. Помпоній Аттикъ, другъ Цицерона, человѣкъ образованный, жилъ сначала въ Аѳинахъ; но, видя непрочность отжившаго народа, перешелъ въ Италію и былъ знакомъ со всѣми партіями. Его связи съ Цицерономъ мы обязаны извѣстіемъ о книжной торговлѣ. Цицеронъ посылалъ къ нему свои рѣчи; рабы Аттика дѣятельно писали подъ диктовку одного, и съ помощью сокращеній, употребительныхъ у древнихъ, рукописи скоро переписывались въ 30 или 40 экземплярахъ для знакомыхъ или на продажу. Въ I столѣтіи было много книжныхъ лавокъ; извѣстныя рукописи продавались недорого, и библіотеку можно было составить безъ большихъ издержекъ. Многіе о Римѣ судятъ такъ, какъ о среднихъ вѣкахъ, когда рукописи были драгоцѣнностью, но это происходило отъ того, что тогда рукописи переписывались въ монастыряхъ, въ одномъ экземплярѣ, ибо внѣ стѣнъ монастыря онѣ не были нужны; книжная промышленность не находила потребителей, число переписчиковъ было ограничено, и рукописи въ XIV и XIII ст. очень рѣдки.

Но въ древности въ каждомъ значительномъ городѣ были книжныя лавки, гдѣ можно было достать точныя и правильныя рукописи, ибо знаменитые книгопродавцы гордились отсутствіемъ ошибокъ и чистотою письма. Распространеніе сочиненій греческихъ и римскихъ писателей производилось скоро и въ большомъ количествѣ. Мы приведемъ факты, сообщаемые Пдиніемъ Младшимъ; онъ разсказываетъ, что одинъ римскій аристократъ, именемъ Регулъ, написалъ сочиненіе на смерть своего малолѣтняго сына и разослалъ его въ числѣ 1000 экземпляровъ по провинціямъ.

Кромѣ этого былъ способъ публичныхъ чтеній, которыя не должно смѣшивать съ публичными лекціями въ наше время. Въ Римѣ было обыкновеніе читать свои сочиненія избраннымъ любителямъ; это дѣлалось въ общественнымъ зданіяхъ. Такъ, сами императоры, Неронъ и Домиціанъ, читали свои сочиненія. Если авторъ не обладалъ декламаторскимъ искусствомъ, то за него читали другіе, или рабы. Объ этихъ чтеніяхъ до насъ дошло много подробностей; они были въ большомъ употребленіи, сдѣлались умственною потребностью; молодые писатели, не одаренные большими дарованіями, особенно были къ нимъ пристрастны. Плиній разсказываетъ множество анекдотовъ: одни изъ слушателей до окончанія чтеній выходили на цыпочкахъ, и другіе стояли у дверей, чтобы войти по окончаніи чтенія. Этимъ чтеніямъ иногда препятствовала цензура надъ сочиненіями, содержащими что-нибудь непозволительное; ихъ подвергали гоненію, писателей высылали, даже казнили; сочиненія тоже преслѣдовали и жгли, какъ указываетъ на это Тацитъ въ жизни Агриколы.

Были еще способы распространенія, такъ театръ, который былъ въ тѣсной связи съ греческой жизнью и имѣлъ большое вліяніе на народъ; но въ настоящую, описываемую эпоху это прекратилось. Трагедіи Сенеки служатъ лучшимъ доказательствомъ состоянія драматической поэзіи въ Римѣ; это произведенія незаконченныя, неестественныя, хотя и проникнутыя идеями стоической философіи. Они не имѣли почти никакого вліянія на публику, которая неохотно ихъ посѣщала; она не любила суроваго представленія, предпочитая *имъ*

мелодрамы, со всѣми фантастическими декораціями, циническія представленія, балетъ; все это показывало упадокъ вкуса.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ философскія идеи, взятыя изъ Греціи, прививались къ Риму и выражались въ жизни общественной, а особенно въ литературѣ. Первый представитель стоицизма былъ Анній Сенека. Не онъ первый началъ говорить о философіи по-латыни; сочиненіе Эвгемера было уже переведено Энніемъ. Говоря о философіи, онъ составилъ слѣдующее понятіе о религіи: есть три рода религіи: 1) миѳическая, которой преданы поэты и толпа; 2) государственная, отразившаяся въ государственныхъ учрежденіяхъ, которую уважаютъ, хотя и не вѣруютъ въ нее; 3) религія естественная, основанная на знаніи законовъ природы. Въ миѳахъ Варронъ видитъ болѣе или менѣе отраженіе символизма силъ природы, и только для толпы они остаются миѳами; люди государственные смотрятъ на религію, какъ на государственную силу, а философы доходятъ до убѣжденія, что кромѣ силъ природы другого божества нѣтъ.

Наиболѣе блистательнымъ представителемъ колебанія римской мысли былъ Цицеронъ: мнѣнія о немъ много разъ измѣнялись; какъ въ средніе вѣка, такъ и въ эпоху Возрожденія наукъ онъ пользовался большою славой и былъ изучаемъ гуманистами. Отъ XVIII ст. до нашего времени Цицеронъ подвергался нареканіямъ, не вполнѣ заслуженнымъ; его нельзя назвать человѣкомъ глубокомысленнымъ; онъ мыслитъ поверхностно; усвоивъ разныя познанія, не входитъ въ глубину системы, но умъ его *подвиженъ*, и онъ передаетъ свои мнѣнія публикѣ блистательнымъ образомъ. Для насъ онъ поучителенъ тѣмъ, что въ немъ видно колебаніе общества; въ немъ видно сначала негодованіе на новое, скорбь объ утратѣ стараго; но вліяніе греческой философіи отразилось и на его сочиненіяхъ. Вообще это вѣрное зеркало современныхъ явленій, не *состоявшихъ* [1]) *ни передъ чѣмъ*.

Анній Сенека былъ приверженецъ стоической философіи, лицо любопытное, показывающее всю противоположность римской жизни съ этими идеями. Онъ былъ родомъ изъ Испаніи, откуда его отецъ, славный риторъ, прибылъ въ Римъ. Молодой Сенека рано обратилъ на себя вниманіе знаніемъ и даромъ слова; но еще смолоду былъ обуреваемъ страстями, несогласными съ его теоріею. Онъ рано достигъ виднаго положенія и былъ квесторомъ, когда Клавдій послалъ его въ Корсику въ ссылку за связь съ Агриппиной, онъ отправилъ къ другу императора Полибію письмо по случаю смерти его брата, въ которомъ расточалъ самую гнусную лесть Клавдію, и за это получилъ позволеніе возвратиться въ Римъ. По смерти Клавдія Сенека написалъ на этотъ случай сатирическій плачъ, въ которомъ ругается надъ лучшими его намѣреніями. Ему было поручено воспитать Нерона, и во все это время онъ находился въ тѣснѣйшей связи съ Агриппиной. Мы не будемъ упрекать Сенеку въ томъ, что его ученикъ сталъ чудовищемъ; Агриппина сдѣлала невозможнымъ всякое вліяніе на Нерона,—слѣдовательно, отвѣтственность въ этомъ случаѣ не падаетъ на Сенеку. Но Сенеку нельзя оправдать въ томъ, что онъ оправдывалъ своего ученика передъ современниками; по убіеніи матери Неронъ произнесъ въ сенатѣ рѣчь, написанную Сенекой. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ корыстолюбивый; его состояніе было огромно; но онъ жилъ просто и копилъ деньги, пріобрѣтая ихъ безъ разбора; былъ ростовщикъ и

---

[1]) Въ рук. XX: «стоявшихъ».

пускалъ въ Испаніи деньги въ оборотъ. Въ послѣднее время поступки Нерона довели Сенеку до отчаянія—въ немъ *послышались* угрызенія совѣсти, и онъ, отступивъ отъ своего воспитанника, истощавшаго мѣру его терпѣнія, сталъ смѣло смотрѣть на будущее и ожидать смерти. Неронъ представилъ ему выбрать родъ смерти, и Сенека, избравъ его, перенесъ спокойно и твердо, искупивъ этимъ свою прежнюю жизнь, недостойную мудраго и честнаго человѣка. Другое извѣстіе показываетъ, что Сенека былъ человѣкъ съ сердцемъ, но слабымъ; сначала онъ дѣйствовалъ благородно, но не имѣлъ твердости быть вѣрнымъ своимъ философскимъ убѣжденіямъ. Такія явленія очень часто попадаются въ эпохи общаго распаденія; въ здоровыя эпохи ихъ нѣтъ; когда человѣкъ отдается общему распаденію, то при слабомъ характерѣ не можетъ противиться его вліянію; таковъ былъ Сенека.

Сочиненій его много; они показываютъ человѣка образованнаго. Квинтиліанъ сказалъ о немъ, что это писатель изысканный, повредившій многимъ молодымъ римскимъ писателямъ, чуждый простоты, любившій высказывать свои мысли парадоксами, старающійся писать кратко,—но это не краткость Ѳукидида или Тацита, а искусственная, поддѣльная. Содержаніе его сочиненій гораздо важнѣе формы; оно чрезвычайно разнородно. Не говоря о письмахъ къ Марціалу, Полибію и матери, писанныхъ для облегченія ихъ несчастія, мы укажемъ на важнѣйшія сочиненія его объ естественныхъ наукахъ, показывающія состояніе ихъ въ Римѣ. Для исторіи болѣе важны философскія (его) сочиненія. У Сенеки нѣтъ научнаго изложенія; встрѣчаемъ у него глубокія и превосходно высказанныя (выраженныя?) мѣста, но строгихъ понятій нѣтъ. Онъ не умѣлъ систематически излагать идеи въ научномъ порядкѣ; мысль переходитъ отъ одного къ другому, связи логической нѣтъ; замѣтны однѣ отдѣльныя идеи. Относительно къ понятіямъ древняго Рима, надо замѣтить, что Сенека вполнѣ показываетъ, до какой степени воззрѣніе Рима измѣнилось; онъ, лучшій писатель, нерѣдко высказываетъ идеи космополитизма, говоритъ, что его родина не Кордуба, а весь міръ, смѣется надъ народными понятіями о *мѣстѣ*, надъ тѣмъ, что границей Истріи считается Истръ, а Ѳракіи—Стримонъ, говоритъ, что если бы муравьи участвовали въ безуміи человѣка, то также раздѣлили бы землю на нѣсколько частей. *Высказывая понятія* объ отечествѣ римскомъ, онъ смотритъ съ негодованіемъ на игры, и такъ говоритъ, обращаясь къ зрителямъ: «Вы заставляете бѣгать передъ вами преступниковъ; но кто приговорилъ васъ быть зрителями этого?» Еще въ свѣтлыя минуты онъ говоритъ, что всѣ люди суть дѣти одного родоначальника и такимъ образомъ пришелъ къ мысли, что не слѣдуетъ стыдиться своей родословной, ибо всѣ имѣютъ одного родоначальника и составляютъ одинъ родъ. О богахъ онъ говоритъ частію съ уваженіемъ, частію отрицаетъ ихъ — это сущность стоицизма. Идеи Сенеки заставили думать, что онъ знакомъ съ христіанствомъ, когда (если?) отрицаетъ римскія понятія объ отечествѣ; но новые изслѣдователи нашли, что онъ развивался подъ вліяніемъ идей греческой философіи, ибо если бы былъ христіаниномъ, не отвергъ бы отечества.

Кромѣ Сенеки, въ Римѣ можно найти нѣсколько другихъ представителей мысли, изъ которыхъ Плиній Старшій занимаетъ первое мѣсто. Онъ составилъ изъ многихъ прежде извѣстныхъ сочиненій огромную компиляцію, извѣстную подъ именемъ «Естественной исторіи»; эти сочиненія погибли, а его компиляція даетъ понятіе о тогдашнемъ воззрѣніи на науку. Естественная исторія состоитъ изъ 34 книгъ,

заключающихъ въ себѣ не одно свѣдѣніе о наукахъ естественныхъ; тутъ находимъ исторію искусства, біографіи, этнографію и миѳологію. Все это составлено по выпискамъ изъ 2000 потерянныхъ сочиненій; выписки дѣлались рабами, а Плиній связалъ ихъ своими размышленіями, проливающими печальный свѣтъ на состояніе римскаго общества. Они показываютъ науки съ невыгодной стороны; видно, что со временъ Аристотеля онѣ пошли назадъ. У Плинія виденъ грубый матеріализмъ: онъ не приводитъ новыхъ извѣстій, а повторяетъ то, что находитъ у другихъ писателей; многое у него сомнительно, нелѣпо и ничтожно, какъ сказки и вымыслы народные. Этотъ человѣкъ, не вѣря ни богамъ, ни жизни загробной, исполненъ жалкихъ суевѣрій и принимаетъ на слово все, что ему ни скажутъ. Онъ въ своихъ собственныхъ наблюденіяхъ еще отступилъ назадъ, приводя нелѣпыя басни о чудесныхъ свойствахъ растеній, чудовищныхъ животныхъ и неточныя понятія географическія За 30 лѣтъ до Плинія Страбонъ описалъ всѣ страны извѣстнаго міра; онъ имѣлъ умъ глубокій и ясный, все изслѣдовавшій; но у Плинія нѣтъ ничего подобнаго; много извѣстій, но нѣтъ настоящихъ географическихъ понятій. Книга его имѣетъ огромное значеніе, во-первыхъ, какъ сокровищница матеріаловъ, которыхъ иначе и не было бы; во-вторыхъ, отъ нея вѣетъ воззрѣніемъ на жизнь, дающимъ понятіе о римскомъ обществѣ, находившемся въ печальномъ положеніи. Плиній отрекается отъ исторіи, не вѣритъ въ будущую жизнь, въ боговъ, хотя онъ суевѣренъ; его любовь къ природѣ обличаетъ печальный взглядъ на жизнь человѣка. Мы находимъ у него выраженія, показывающія мрачное настроеніе духа, насмѣшки надъ вѣрованіями въ жизнь загробную, надъ участіемъ боговъ въ нашемъ благополучіи, надъ созданіемъ ими вселенной, которой они не могли ничего даровать по своему невсемогуществу, потому что они сами лишены надежды на совершенное уничтоженіе. Болѣе мрачное воззрѣніе на жизнь трудно себѣ представить.

Какъ у Сенеки, такъ и у Плинія мы видимъ разрывъ человѣческой мысли съ гражданскимъ обществомъ. Съ этой стороны лучшіе умы Рима ничего не ждутъ себѣ; Плиній ищетъ въ природѣ удовлетвореніе своей любознательности; Сенека порывается къ будущему, но это не приводитъ его къ цѣли; но у Сенеки мы находимъ выраженія, обличающія крѣпкую привязанность къ прошедшему, а не отрѣшеніе отъ него, даже и тогда, когда онъ говоритъ о нашемъ общемъ происхожденіи отъ одного отца, признаетъ въ рабѣ брата и, сознавая священное назначеніе человѣка, возстаетъ противъ игръ цирка. Разбирая эти выраженія, увидимъ преобладаніе мрачной мысли такъ же, какъ у Плинія. Такъ, описывая яркими красками загробную жизнь и блаженство души, онъ заключаетъ, что все это мечта, не имѣющая сбыться, сонъ.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отрадномъ чувствѣ, доставляемомъ вѣрой, признается, что она ни на чемъ не основана и ее поддержать трудно. Онъ приводитъ всѣ утѣшенія мудреца, но они безплодны, ибо стоическая добродѣтель заключалась въ исполненіи долга, на насъ возложеннаго, въ холодномъ отношеніи ко всему, насъ окружающему; кто не умѣетъ переносить страданія, тотъ теряетъ единственную пользу, ими доставляемую, укрѣпленіе сердца, которое иногда требуетъ страданія. Вникая въ смыслъ ученія, мы найдемъ въ *римской исторіи* преобладаніе фатализма; человѣкъ признаетъ надъ собою власть неотразимыхъ силъ, въ

борьбѣ съ которыми онъ долженъ пасть; но стоики требовали, чтобы человѣкъ уступилъ этой силѣ не безъ боя, съ честію, и говорили: вы смотрите на бойца, сражающагося съ животными, но съ этимъ зрѣлищемъ не сравнится зрѣлище мужа, борящагося съ рокомъ и не уступающаго ему безъ сильнаго сопротивленія. Изъ Сенеки и Плинія мы можемъ составить понятіе о настроеніи умовъ римскаго общества: презрѣніе къ жизни, холодное исполненіе долга, безъ любви, которой въ стоицизмѣ нѣтъ.

Стоицизмъ былъ не философская система, а скорѣе нравственное ученіе; онъ излагалъ не науку, а нравственныя начала. Каково же было его вліяніе на общество? У Сенеки мы встрѣчаемъ жалобы и сокрушенія объ упадкѣ нравственномъ, хотя самъ Сенека не отличался нравственной жизнью и представляетъ противорѣчіе теоріи съ практикой. Въ письмахъ Сенеки мы находимъ указанія на состояніе нравственности; онъ говоритъ о молодыхъ людяхъ, пріѣзжающихъ изъ провинцій, объ ихъ положеніи въ аристократическомъ обществѣ и насмѣшкахъ дамъ римскихъ надъ чистотою ихъ понятій и вѣрой въ супружесскую вѣрность; женщины отвергали обязанности брака, считая ихъ устарѣлыми.

Болѣе печальный характеръ представляютъ римскіе сатирики въ I ст. по Р. Х.; мы укажемъ на нѣкоторыя явленія сатиры, проливающія свѣтъ на нашъ предметъ. Персій былъ приверженецъ стоическаго ученія, холодный, достойный лучшей участи; ему было 20 лѣтъ, когда онъ умеръ; друзья разнесли его славу по римскому міру и она постепенно увеличивалась. Онъ поражаетъ скорбнымъ чувствомъ къ дѣйствительности, и его чистая юношеская душа изливалась въ темныхъ картинахъ, не лишенныхъ, впрочемъ, красоты. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ Персій поражаетъ насъ истиной. Подробное изложеніе сатиры невозможно, и потому укажемъ только нѣкоторыя явленія, знакомящія насъ съ состояніемъ римской *философіи*. Римляне жалуются на недостатокъ занятій; литература уже не удовлетворяетъ благороднымъ потребностямъ ума, она есть только препровожденіе времени; общество читало отъ скуки, ища не идей, но средства убить время; переходя къ состоянію философіи, Персій показываетъ, какъ высшее общество смотрѣло на философовъ, презирало ихъ и осыпало насмѣшками.

Другой сатирикъ Ювеналъ ближе знакомитъ насъ съ пороками общества, и можно думать, что онъ самъ былъ съ ними знакомъ. Много говорятъ о развратѣ нашего общества; но стоитъ только прочесть Ювенала, чтобы убѣдиться въ чистотѣ нашего общества сравнительно съ обществомъ римскимъ. Наши пороки существуютъ тайно, скрытые отъ общественнаго мнѣнія; напротивъ, въ Римѣ они выходятъ наружу. Ювеналъ говоритъ о *нравахъ* женщинъ, обжорствѣ аристократовъ, униженіи низшихъ классовъ народа, гордости высшихъ, отрицавшихъ понятія, на которыхъ держится гражданское общество.

Марціалъ писалъ эпиграммы и мелкія стихотворенія сатирическія; онъ выше Персія и Ювенала по достоинству, но у него нѣтъ негодованія, одушевляющаго Персія и иногда видимаго у Ювенала; онъ только подсмѣивается надъ недостатками общества, въ угоду своимъ покровителямъ, а самъ не лучше тѣхъ, надъ которыми смѣется. Источникъ его поэзіи—корысть; онъ говоритъ: «стихи мои читаются на берегахъ Альбіона, а мнѣ что проку отъ этого? Денегъ не прибываетъ въ мой кошелекъ».

Еще въ худшемъ видѣ представляются отношенія Марціала къ Домиціану: онъ осыпаетъ послѣдняго похвалами и ласкательствомъ, и мы встрѣчаемъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Если бы боги пригласили меня къ своей трапезѣ и въ то же время я получилъ приглашеніе отъ Домиціана, то предпочелъ бы послѣднее»; но, когда Домиціанъ умеръ, Марціалъ сталъ ругаться надъ нимъ. Идея его жизни состояла въ желаніи спокойнаго, вѣчнаго удовольствія, чувственныхъ наслажденій и денегъ; въ этомъ выразилось все современное общество.

Изъ приведенныхъ словъ Марціала видно, что римскіе писатели трудились не даромъ, не такъ, какъ прежде. Вопросъ о воздаяніи, которое получалъ писатель, важенъ, касаясь не только внѣшней стороны существованія литераторовъ, но имѣя вліяніе на самое внутреннее достоинство ихъ произведеній. Въ I ст. въ Римѣ въ положеніи писателя произошла перемѣна: прежде занятіе литературой было свободно; аристократы посвящали свои досуги на чтеніе литературныхъ произведеній, которыми дѣлились другъ съ другомъ; люди низшихъ сословій, занимавшіеся литературой, находили покровителей; обезпеченные ихъ милостями ученые стекались въ Римъ. При Веспасіанѣ нѣкоторые изъ нихъ возбудили недоброжелательство, и вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось ихъ отношеніе къ обществу и государю. Въ Римѣ существовала книжная торговля, обогащавшая однихъ торговцевъ, которые доставали рукописи, снимали съ нихъ снимки, не заботясь о правахъ литературной собственности. Оттого писатели, думавшіе о выгодахъ и жившіе своими трудами, должны были прибѣгать къ покровительству богатыхъ гражданъ, жить у нихъ, обѣдать за ихъ столомъ и питаться ихъ подаяніемъ. При такомъ положеніи отъ нихъ нельзя было требовать независимаго характера; и ихъ состояніе отозвалось на самихъ литературныхъ произведеніяхъ этой эпохи. Въ настоящее время литераторы, получая воздаяніе за свой трудъ, не имѣютъ надобности прибѣгать къ прежнимъ средствамъ; но подобное независимое, совершенно обезпеченное состояніе литераторовъ не было извѣстно въ Римѣ, и даже впослѣдствіи, до самаго XVIII ст.; оно есть плодъ новыхъ понятій и новыхъ обычаевъ.

О вліяніи литературы на общество можно составить себѣ понятіе по самому характеру ея и общему изображенію сатиры римской.

Но никто такъ хорошо не понялъ общественныхъ недуговъ, какъ Петроній, которому приписываютъ «Сатириконъ». Можно думать, что это сочиненіе написано лицомъ, неизвѣстнымъ современникамъ; оно не полно и состоитъ изъ отрывковъ, которые еще издаются. Авторъ былъ человѣкъ талантливый, мастерски владѣвшій языкомъ, знакомящій насъ съ жизнію какъ высшаго, такъ и низшаго класса людей. Онъ вполнѣ раздѣляетъ современные пороки и развратъ и, не оскорбляясь ими, только смѣется; душа его испорчена, но умъ ясенъ; онъ могъ сердцемъ участвовать въ порокахъ, но стоять выше ихъ умомъ. Онъ обличаетъ упадокъ литературы. Вообще книга Петронія заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, въ ней встрѣчаемъ мы невѣроятный цинизмъ. Наше время обвиняютъ въ развращеніи; но, всмотрѣвшись въ книгу Петронія, мы видимъ, что наши писатели далеко отстали въ безстыдствѣ отъ древнихъ. Цинизмъ Петронія—не та простота греческаго искусства, которая цѣломудренно называла вещи собственнымъ именемъ: онъ охотно, нарочно приводитъ соблазнитель-

ныя сцены. Но съ другой стороны, на ряду съ этими страницами, мы находимъ превосходно высказанныя и чрезвычайно вѣрныя идеи объ искусствѣ, о воспитаніи, объ его результатахъ [1]).

...Говорю о состояніи краснорѣчія и воспитанія въ Римѣ. Во время республики въ воспитаніе всѣхъ гражданъ входило краснорѣчіе. Въ наше время трудно понять всю важность того значенія, какое имѣло краснорѣчіе у древнихъ. Каждый гражданинъ обязанъ былъ положеніемъ въ обществѣ своему слову. Юноши римскіе стекались въ школы для изученія краснорѣчія; это было необходимо для каждаго гражданина; каждый долженъ былъ служить, слѣдовательно, долженъ былъ усвоить себѣ одно изъ главнѣйшихъ орудій государственной службы—слово. Конечно, не всякій былъ привязанъ къ произнесенію рѣчей о великихъ политическихъ событіяхъ; но всякому приходилось или рѣшать, или самому вести тяжбу,—а все это дѣлалось словомъ. Въ эпоху имперіи краснорѣчіе должно было получить совсѣмъ иной характеръ, нежели какой имѣло оно во времена республики. Замѣчательно постоянное повтореніе слѣдующаго явленія: когда падаетъ одинъ порядокъ вещей и наступаетъ новый, то самая мучительная, самая тяжкая часть наслѣдія, которое переходитъ отъ стараго къ новому, это—обычаи, идеи стараго порядка, которыя никакъ не могутъ быть приложены къ новому и отъ которыхъ, однако, общество не въ силахъ отрѣшиться. Древній міръ республики завѣщалъ имперіи много такого, что для послѣдней было постоянною ложью, постоянною причиной внутренняго безпокойства. Таково было краснорѣчіе. Къ чему было римлянамъ при императорахъ изученіе этого искусства, когда прежнихъ благородныхъ цѣлей республики у нихъ уже не было? А между тѣмъ оставались школы краснорѣчія, и туда тысячами посылали юношей. Можно сказать, что это не имѣло великаго значенія, это была педагогическая ошибка; но эта ошибка была въ тѣсной связи съ нравственностію, но эта ошибка показала, что ее нельзя совершать безнаказанно; мы видѣли, къ чему приводило римлянъ это безполезное изученіе искусства. Очень часто случалось молодымъ римскимъ гражданамъ начинать свое служебное поприще республикѣ [2])—публичнымъ обвиненіемъ сановниковъ ея; это былъ доносъ, но доносъ не въ нынѣшнемъ его подломъ смыслѣ; это было торжественное обвиненіе во имя нарушенія правъ и оскорбленія народа; здѣсь впервые обнаруживался талантъ молодыхъ людей. Въ эпоху имперіи, мы видимъ, этотъ родъ краснорѣчія пріобрѣлъ вездѣ значительный успѣхъ. Поводовъ къ обвиненію было достаточно, особенно послѣ Тиверія, который перенесъ законъ объ оскорбленіи народа на лицо императора. Тогда-то явилась эта страшная толпа ораторовъ, которыхъ имена предалъ позору безсмертный Тацитъ: ихъ дѣло было—обвинять гражданъ, не соблюдшихъ должнаго уваженія къ императору. Разумѣется, дѣло оправданія было гораздо труднѣе обвиненія: раболѣпные судьи не смѣли оправдывать,—они не надѣялись на успѣхъ. Любопытенъ для насъ оставшійся памятникъ тогдашней риторики;—это собраніе темъ, задачъ и рѣчей на возможные случаи, употреблявшееся въ школахъ. Они всѣ взяты изъ порядка вещей, исчезнувшихъ безвозвратно; это было какое-то искусство, возвратившееся къ прошед-

---

1) Тутъ, повидимому, пропускъ.

2) Раньше стояло въ рук.: «свое поприще служенье(ія?) республикѣ».

шему, въ которомъ не было никакой жизни. Въ отрывкѣ Петроніева романа находимъ мы много язвительныхъ выходокъ противъ тогдашней риторики. Риторъ обыкновенно предлагалъ слушателю для упражненія или примѣра случаи изъ республиканской жизни: оправдать убійцу тирана, обязаннаго раньше чѣмъ-либо послѣднему, и т. п.; приводятся вымышленные законы, въ нарушеніи которыхъ одинъ обвиняетъ, другой защищается. Однимъ словомъ, это былъ міръ какихъ-то вымышленныхъ, несуществующихъ отношеній, въ которомъ вращались посѣщавшіе школы.

Преподаваніе у древнихъ было свободное, не подчиненное гражданскому правительству; мы видимъ часто государственное гоненіе на учителей, но здѣсь дѣйствовалъ не надзоръ правительства за преподаваніемъ, а дѣйствовала вражда противъ нѣкоторыхъ философскихъ мнѣній. До самаго Веспасіана преподаватели были свободны; при немъ они начали получать жалованье. Съ одной стороны, это, конечно, обезпечило ихъ, но съ другой—принесло страшный вредъ наукѣ: наставники вошли въ составъ чиновниковъ, сдѣлались орудіями власти, относительно которой они были столько независимы, сколько можно было это сдѣлать въ римской имперіи. Но это было еще не главное зло: главное зло лежало въ томъ раздвоеніи—убѣжденія и рѣчи, мысли и выраженія, сущности и формы,—раздвоеніи, которое должно было, безъ сомнѣнія, проглядывать и наружу. Большая часть наставниковъ, разумѣется, отложилась уже отъ офиціальныхъ вѣрованій государства, не признавала его законныхъ формъ, а между тѣмъ въ школѣ, на каѳедрѣ, должны были исповѣдывать истинность государственныхъ учрежденій. Это опять была новая ложь,—ложь, которой нельзя было не узнать, какъ только она появилась на устахъ. Осторожному и честному наставнику оставалось одно—молчать о важнѣйшихъ вопросахъ человѣчества и государства; а отъ того между нимъ и ученикомъ оставалось всегда нѣчто недосказанное, полупонятое, полувымолвленное.

Но число юношей, желавшихъ учиться, увеличивалось болѣе и болѣе, потребность формальнаго образованія дѣлалась болѣе и болѣе общею; наука должна была все болѣе и болѣе популяризироваться, получать болѣе и болѣе утилитарный характеръ, ибо вела только къ занятію мѣстъ. Опять обращаемся къ Петронію; книга его превосходно характеризуетъ падающее древнее общество, и показываетъ его съ той стороны, съ какой мы не увидимъ его въ другихъ сочиненіяхъ. У него одинъ изъ гостей на пиршествѣ разсказываетъ ритору о своемъ сынѣ, о воспитаніи котораго онъ особенно заботится. Разсказъ живъ и прекрасенъ; но, главное дѣло, мы видимъ отсюда, какъ понимали тогда воспитаніе; главная забота состояла въ томъ, чтобы достать кусокъ хлѣба,—о нравственной сторонѣ нѣтъ и помину. Есть еще одна странность въ этомъ воспитаніи,—странность, которой не откажетъ въ примѣрахъ и наше время. Это торопливость родителей научить дѣтей чему-нибудь и какъ-нибудь, лишь бы видѣть ихъ поскорѣе пристроенными.

Слѣдствія всѣхъ этихъ явленій внутренней жизни римской не замедлили обнаружиться. Мы говорили уже выше о панегирикахъ: это послѣдняя форма римскаго краснорѣчія, которой оно заключалось, это послѣдній плодъ, достойный своего корня, своего времени и поколѣнія. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе, печальнѣе, какъ это злоупотребленіе слова, какъ эта способность отдавать слово въ служеніе какой угодно мысли. Это признакъ вообще эпохи развраще-

нія—игра словомъ, наслажденіе въ парадоксѣ. Это не блестящая греческая софистика, имѣвшая глубокій смыслъ, великое значеніе, плодомъ ея былъ самъ Сократъ, величайшій софистъ своего времени; совсѣмъ другое представляетъ римская риторика временъ упадка, расточавшая свои средства на темы жалкія, льстившая матеріальному направленію времени, преклонявшаяся передъ властью, угождавшая сильному. Чтеніе памятниковъ этого времени будетъ для насъ полезно. Оно покажетъ, до чего можетъ дойти злоупотребленіе слова, гдѣ не дорожатъ имъ, гдѣ нѣтъ къ нему уваженія, нѣтъ благородныхъ и рѣзкихъ убѣжденій. Съ этой стороны жалкія произведенія риторики [1]) имѣютъ высокое значеніе, какъ характеристика современнаго общества. При изученіи какого бы то ни было общества не безполезно обращаться назадъ къ этимъ временамъ, для аналогіи...

Изъ записи XXVI. Нов. Ист. 49 — 50 г. Изъ лекцій 11 окт. и 17 ноября. Характеристика Макіавелли.

...Такъ глубоко входилъ въ жизнь и дѣйствіе итальянскихъ гражданъ древній міръ.—Но Италія закончила это направленіе въ лицѣ секретаря флорентійской республики Никколо *Макіавелли*.

Мы должны посвятить этому явленію нѣсколько подробное разсмотрѣніе. Причина этому въ томъ, что, не зная Макіавелли, трудно понять характеръ XVI столѣтія: онъ стоитъ на закраинѣ между среднимъ и новымъ міромъ; онъ положилъ основаніе новымъ политическимъ идеямъ Европы.

Макіавелли родился въ 1469 году; отецъ его былъ юристъ, жилъ службою; онъ далъ сыну литературное образованіе. Макіавелли былъ еще очень молодъ, когда Флоренція свергнула надъ ней тяготѣвшее иго Медичисовъ. Петръ Медичи, сынъ Лаврентія, далеко не равнялся своимъ предшественникамъ въ достоинствахъ и талантахъ. Когда французы въ 1469 году пришли въ Италію, флорентинцы воспользовались этимъ случаемъ и выгнали Петра. Прежнія чисто-республиканскія формы правленія были возстановлены. Макіавелли получилъ мѣсто; сначала онъ былъ секретаремъ совѣта, потомъ секретаремъ республики. Особенно дѣятельность его была обращена на дипломатическія отношенія Флоренціи; въ теченіе 14 лѣтъ служенія своего въ качествѣ секретаря, онъ 23 раза былъ посланъ къ иностраннымъ дворамъ съ разными порученіями отъ республики. Здѣсь онъ коротко познакомился съ дѣлами современной Европы. Но въ 1512 г. Медичисы *вслѣдствіе* насильственныхъ переворотовъ, подкрѣпляемые вліяніемъ Карла V, воротились во Флоренцію. Приверженцы падшей партіи всѣ подверглись жестокому гоненію. Макіавелли подозрѣвали въ заговорѣ на жизнь Медичиса; онъ былъ взятъ, жестоко пытанъ; «меня пытали,— говоритъ онъ, — еще бы немного, я бы умеръ». Но онъ при пыткѣ ничего не показалъ. За недостаткомъ уликъ его освободили, но уже не давали болѣе никакихъ порученій. Онъ переѣхалъ въ небольшое помѣстье, недалеко отъ Флоренціи; наслѣдство отца онъ почти все истратилъ на службѣ; здѣсь онъ началъ свою литератур-

---

[1]) Въ рук.: «риторики III—IV ст.».

ную дѣятельность. Здѣсь написалъ онъ свою знаменитую книгу «Del Principe»; потомъ часто посѣщалъ Флоренцію, гдѣ въ садахъ Козьмы Ручелаи, одного богатаго молодого человѣка, собирались образованные люди Флоренціи. Для этихъ друзей своихъ Макіавелли написалъ свои бесѣды о первой декадѣ Тита Ливія и разговоръ о военномъ искусствѣ. Онъ умеръ въ 1527 году. Въ послѣдніе годы Медичисы обращались къ нему за совѣтами, но должности никакой ему не поручали. Онъ умеръ, измученный неудовлетворенной потребностью практической дѣятельности, оставивъ по себѣ странное, двусмысленное имя. Съ словомъ макіавеллизмъ соединено понятіе о лживой, коварной политикѣ. Самое его имя сдѣлалось браннымъ именемъ. Но Италія причислила его къ числу величайшихъ гражданъ своихъ. Въ новой Европѣ, много пострадавшей отъ ученія Макіавелли, нашлись голоса въ его пользу, и голоса благородные. Нынѣ споръ рѣшенъ: честь Макіавелли возстановлена: это былъ безспорно одинъ изъ геніальныхъ характеровъ, какіе производила Италія.

Сочиненія его раздѣляются на: 1) *письма*, донесенія флорентійской республикѣ въ качествѣ посланника; 2) книга о князѣ; 3) бесѣды о первой декадѣ Тита Ливія; 4) мелкія сочиненія и поэтическія сочиненія, мало важныя для насъ. Донесенія Макіавелли своему правительству принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ той эпохи. Два донесенія присланы—одно изъ Германіи, другое изъ Франціи. Макіавелли ѣздилъ по дѣламъ Флоренціи къ Максимиліану. Онъ описывалъ страны, имъ видѣнныя; болѣе превосходнаго, отчетливаго извѣстія о Германіи и Франціи въ столь краткомъ объемѣ мы не найдемъ во всей современной литературѣ; но Макіавелли не довольствовался одною внѣшностью; онъ взглянулъ глубже *и сказалъ* много вѣрныхъ глубокихъ замѣчаній, оправданныхъ послѣ исторіею. Еще важнѣе донесеніе Макіавелли изъ итальянскихъ государствъ: самое важное донесеніе изъ Рима, гдѣ онъ находился при особѣ Цезаря Борджіа, сына папы Александра VI. Сначала папа произвелъ сына въ кардиналы и далъ ему архіепископство Валенцію; потомъ, когда братъ его умеръ (не безъ его содѣйствія), онъ перешелъ къ міру и сложилъ санъ кардинала. Это было безспорно одно изъ самыхъ типическихъ лицъ той эпохи. Пользуясь средства(ми) отца, Цезарь задумалъ основать могущественное государство въ средней Италіи. Въ средствахъ онъ былъ неразборчивъ. Открытыя убійства, тайныя отравы, измѣна, война, гдѣ нужно,—все было для него средствомъ; въ короткое время онъ успѣлъ составить лучшее войско въ Италіи, преданное ему, превосходно обученное. Самъ онъ былъ человѣкъ необыкновенно даровитый, потерявшій всякое различіе между добромъ и зломъ, но образованный, изящный въ формахъ своихъ, любившій искусства и науки, справедливый тамъ, гдѣ справедливость не противорѣчила его интересамъ. Народъ любилъ его; удары его падали не на народъ, но на высшія сословія. Въ 1502 году онъ стоялъ на высотѣ своего могущества: но у него завязалась распря съ могущественными домами Веттори и Орсини. Флорентійская республика тоже питала непріязнь къ этимъ фамиліямъ. Она отправила Макіавелли въ Римъ, чтобы слѣдить за поступками Цезаря и увѣдомлять ее о ходѣ дѣла. Донесенія Макіавелли отъ 1502 г.

---

[1]) Въ рук.: «средства».

заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія вообще въ историческомъ отношеніи, какъ характеристика человѣка, въ высшей степени оригинальнаго. Оба, и Цезарь, и Макіавелли, не довѣряютъ другъ другу, хотя и понимаютъ другъ друга; изъ отдѣльныхъ словъ, изъ улыбокъ выводитъ Макіавелли заключенія и доноситъ объ нихъ своей республикѣ. Послѣдствія показываютъ, что онъ рѣдко ошибался. Макіавелли понималъ Цезаря вполнѣ. Одно изъ этихъ донесеній навлекло на Макіавелли страшное нареканіе. Макіавелли доноситъ, что Цезарь сбылъ съ рукъ разомъ своихъ противниковъ, пригласивши ихъ къ себѣ для совѣщанія. Этотъ кровавый поступокъ, заставившій содрогнуться всю Италію, не вызвалъ у Макіавелли ни слова укоризны; онъ поздравляетъ республику, что и она отдѣлалась этимъ отъ противниковъ своихъ. Человѣкъ отдѣльный не можетъ освободиться изъ-подъ вліянія вѣка, коего нравственное вліяніе признаетъ всякій, связанный съ нимъ. Для Макіавелли была одна только нравственность: политическая. Подобно древнимъ онъ говорилъ, что благо народовъ выше всѣхъ законовъ. Съ другой стороны, характеръ Цезаря составляетъ для него тайную прелесть; онъ смотритъ на этого человѣка съ надеждою. Когда пресѣклась для Макіавелли пора политической дѣятельности, онъ предался занятіямъ литературнымъ. Въ 1513 (онъ) написалъ свою книгу «Del Principe», въ которой онъ явно подаетъ уроки самой преступной политики, въ которой высказываетъ, что преступленія дѣлятся на два рода: безполезныя и полезныя, и что первыя только вредны, а вторыя—благотворны. Здѣсь рѣзко отдѣлена частная нравственность отъ нравственности политической. Эта-то книга преимущественно доставила Макіавелли ту печатную извѣстность, которой онъ пользовался такъ долго. Но самое происхожденіе этой книги является загадкою. Онъ написалъ ее черезъ годъ послѣ удаленія отъ дѣлъ; написалъ человѣкъ, который далъ много опытовъ отважности, смѣлости, который могъ вытерпѣть пытку,—и что же? книга посвящена Лаврентію Медичи, сыну Петра, воинственному, но жестокому и хитрому князю, на бѣду или къ счастію Италіи рано погибшему. Одни говорятъ, что Макіавелли написалъ эту книгу, какъ низкій льстецъ; другіе видятъ въ ней скрытое намѣреніе обличить этими совѣтами страшную политику большей части князей той эпохи, заклеймить ихъ предъ цѣлою Италіей этою исповѣдью, которую онъ кладетъ имъ въ уста; третьи, наконецъ, обращаются къ дѣлу проще, соображаясь съ жизнью Макіавелли. Чтобы покороче познакомиться съ дѣломъ, мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ писемъ, которыя онъ написалъ къ одному изъ друзей своихъ, флорентійскому послу при Римскомъ дворѣ — онъ былъ нѣкогда товарищемъ Макіавелли при посольствѣ къ Максимиліану. Въ письмѣ къ нему Макіавелли [1]) разсказываетъ свой образъ жизни въ деревнѣ; онъ жалуется на тяжкую бѣдность, на недостатокъ денегъ; «утромъ съ разсвѣтомъ,— говоритъ онъ,—я въ полѣ занимаюсь полезнымъ дѣломъ, ловлею птицъ, потомъ рублю лѣсъ и продаю его—и бываю обманутъ; въ полдень иду въ трактиръ, узнаю новости, прислушиваюсь къ говору, иногда ухожу въ лѣсъ и беру съ собою кого-нибудь изъ древнихъ писателей или Данта и читаю ихъ. Мнѣ пріятно вспоминать о дняхъ молодости, о дняхъ, когда я дѣйствовалъ. Послѣ

---

[1]) Въ рук.: «онъ».

скуднаго обѣда опять отправляюсь въ тотъ же трактиръ и сажусь играть въ какую-нибудь игру съ хозяиномъ трактира, съ мѣдникомъ или двумя каменщиками. Такова моя жизнь». Въ другомъ мѣстѣ: «Мнѣ остается бѣжать отсюда, я не могу выносить этой жизни, не имѣю возможности подать помощь своему семейству; я хочу спасти его отъ стыда, и пойду давать уроки въ школу; ему лучше будетъ, когда оно не видитъ меня. Но когда наступаетъ ночь, я ухожу въ уединенную комнату, на порогѣ слагаю крестьянскую нечистую одежду, налагаю на себя тѣ одежды, въ которыхъ являлся при дворѣ: я вступаю въ святилище равныхъ мнѣ великихъ мужей древности и смѣло говорю я съ ними; съ ними говорю я о прошедшемъ, о будущности нашей Италіи». Здѣсь-то онъ написалъ свою книгу «О князѣ»; она исполнена самой страшной безнравственности; она написана холодно, спокойно; у автора не дрожала рука, когда онъ давалъ свои страшные совѣты, и вдругъ—что же?—это произведеніе заключается диѳирамбомъ, исполненнымъ восторженныхъ похвалъ Медичису. Какое бы ни было средство—избавленіе Италіи отъ варваровъ. Здѣсь высказывается роковая мысль Макіавелли: онъ жаждетъ одного—диктаторства. Онъ вынесъ это ученіе изъ Римской исторіи, гдѣ въ минуты бѣдствія народнаго только неограниченная власть одного служила спасеніемъ. Такимъ диктаторомъ могъ быть по его мнѣнію Медичисъ. У Макіавелли глубокое презрѣніе къ иностранцамъ, и это презрѣніе понятно съ точки зрѣнія тогдашней образованной Италіи. Справедливо сказалъ о Макіавелли Ранке: «Макіавелли поступаетъ съ Италіею, какъ врачъ поступаетъ съ больнымъ, ему любезнымъ: видя отчаянное положеніе больного, врачъ ему даетъ ядъ».

Мы уже сказали о томъ значеніи, какое имѣла книга «о князѣ». Мы видѣли, насколько несправедливы обвиненія, падавшія и падающія доселѣ на сочиненіе Макіавелли. Оно было написано вовсе не съ какою-нибудь мелкою личною цѣлью,—это было выраженіе патріотическихъ желаній Макіавелли.

Изъ прочихъ его сочиненій особенно замѣчательна его «*Бесѣда о первой декадѣ Тита Ливія*»; это политическая исповѣдь Макіавелли, и многое, что кажется загадочнымъ въ книгѣ «О князѣ», здѣсь уясняется. Отсюда мы видимъ, что онъ былъ республиканецъ по убѣжденію, но республиканецъ въ античномъ смыслѣ, не понимавшій потребностей новаго общества, не понимавшій тѣхъ нравственныхъ измѣненій, которыя христіанство произвело въ Европѣ. Поэтому онъ принимаетъ только одну гражданскую доблесть, одну гражданскую, политическую религію. Внутренній міръ, раскрытый христіанствомъ, остался чуждъ Макіавелли. На эти внутреннія, субъективныя требованія отдѣльнаго человѣка смотрѣлъ Макіавелли съ сожалѣніемъ, съ презрѣніемъ. Онъ обвинялъ христіанство въ ослабленіи общественныхъ доблестей, смѣшивая такимъ образомъ христіанство съ Римскою іерархіей, которая, конечно, принесла много вреда Италіи. Онъ не зналъ другого христіанства, кромѣ католическаго, и къ этому-то католическому христіанству относятся всѣ его нападки. Но, съ другой стороны, у него было темное сознаніе, что христіанство можетъ быть побужденіемъ къ великому, и въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ: «Только народы, глубоко религіозные, способны къ совершенію великихъ историческихъ подвиговъ». Конечно, за этимъ тотчасъ же слѣдуетъ опредѣленіе религіи: онъ

допускаетъ религію только политическую, какъ побужденіе гражданское къ совершенію гражданскихъ подвиговъ. Идеаломъ такой религіи была для него религія римская. Нигдѣ, можетъ-быть, какъ въ этой книгѣ, не видно, до чего онъ былъ проникнутъ античными элементами, до какой степени онъ стоялъ на античной почвѣ. Для него исторія magistra vitae,—что и для Цицерона; онъ вѣритъ еще въ силу историческихъ примѣровъ. Многіе, смѣло можно сказать—легкомысленные ученые — смѣялись надъ Макіавелли, обнаруживая его недостаточное знаніе древней исторіи. Конечно, онъ не былъ антикваріемъ; въ ссылкахъ его на древнихъ писателей мы найдемъ не одинъ промахъ; но нетрудно убѣдиться, что онъ глубоко изучалъ древнихъ, что онъ оттуда вынесъ свои воззрѣнія. Здѣсь дѣло идетъ не о фактахъ, а о разсужденіяхъ, которыя вставляетъ онъ между фактами.

Цѣль, съ которою написаны «бесѣды о Титѣ Ливіи», также чисто практическая. Онъ хочетъ показать своимъ согражданамъ римскую республику, какъ идеалъ гражданства. Онъ скрываетъ отъ нихъ, можетъ-быть, даже неумышленно, темныя стороны античной свободы, рабство, утѣсненіе всѣхъ сословій однимъ господствующимъ. Онъ былъ ослѣпленъ славою Рима.

Съ тою же цѣлью написаны 7 книгъ о военномъ устройствѣ. Военный духъ въ то время упадалъ въ Италіи. Граждане, занятые другими интересами, другими стремленіями, предоставляли войну наемникамъ, кондотьерамъ. Этими наемными дружинами велись всѣ войны отдѣльныхъ итальянскихъ державъ. Начальники *кондоттъ* условливались напередъ въ успѣхѣ битвы: та кондотта, которая получала болѣе денегъ, та и одерживала побѣду. Въ концѣ XV в. открылись всѣ слѣдствія такого порядка вещей; Италія, стоявшая во главѣ Европы относительно просвѣщенія, гдѣ было такъ много благородныхъ идей, политическихъ умовъ, не могла противопоставить даже слабаго сопротивленія врагамъ; французы прошли ее вдоль до Мессинскаго пролива, не встрѣтивъ сопротивленія; потомъ пришли испанцы, нѣмцы, швейцарцы; Италія была для всѣхъ открыта. Она не могла выставить національнаго войска, кондотты же оказались недостаточны противъ этихъ иноплеменниковъ, которые вели войну серьезно. Макіавелли доказываетъ именно необходимость національнаго войска, говоритъ, какъ должно образовать его, какимъ духомъ оно должно быть напитано.

Въ связи съ этимъ сочиненіемъ, которое возникло во время пребыванія его во Флоренціи, когда онъ бесѣдовалъ въ садахъ Ручелаи съ юношами флорентійскими о возможности независимости отечества, стоитъ другое сочиненіе — жизнь Луккскаго князя Кастручіо Кастракане, подавшее поводъ къ самымъ неосновательнымъ толкамъ. Еще въ концѣ XVI вѣка знаменитый книгопродавецъ Альдо Манучи, издавъ о немъ небольшое сочиненіе съ огромными коментаріями, предпринималъ нарочно поѣздку въ Лукку—и къ глубокой скорби убѣдился, что въ этой біографіи, написанной Макіавелли, мало исторической истины. Въ послѣдующее время эта біографія подала поводъ къ новымъ обвиненіямъ; говорили, что онъ не уважаетъ исторіи, искажаетъ историческіе факты и т. д.,—но мы должны остаться вѣрны тому воззрѣнію, которое разъ приняли относительно Макіавелли. Онъ былъ человѣкъ по преимуществу практическій, гражданинъ. Онъ написалъ не настоящую исторію Луккскаго князя, а изложилъ опять средства, какими князь маленькой

республики можетъ достигнуть власти, утвердить эту власть, распространить ее. Кастручiю Кастракане усилился только посредвомъ войны; слѣдовательно, здѣсь, съ одной стороны, Макiавелли показалъ, какъ надо практически осуществлять тѣ правила, которыя онъ изложилъ въ сочиненiи о военномъ искусствѣ; съ другой стороны, этотъ князь получилъ первенство надъ всѣми окрестными областями,—Макiавелли принимаетъ это въ большемъ объемѣ относительно всей Италiи. Однимъ словомъ, между всѣми сочиненiями Макiавелли мы видимъ тѣсную, глубокую связь: всѣ они вышли изъ одного источника, изъ одной потребности.

Мы закончимъ обзоръ литературныхъ трудовъ Макiавелли его «Исторiею Флоренцiи», которая послѣ книги «О князѣ» наиболѣе извѣстна. Если мы приступимъ къ изученiю Флорентiйской исторiи Макiавелли только съ требованiемъ богатыхъ фактовъ, критическаго изложенiя ихъ, вѣрности ихъ, то наши ожиданiя не оправдаются. Но, тѣмъ не менѣе, «Исторiя Флоренцiи» можетъ стать на ряду съ величайшими историческими произведенiями всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Макiавелли предпосылаетъ исторiи города Флоренцiи обзоръ исторiи среднихъ вѣковъ. Для него вся исторiя разрѣшается въ Флорентiйской исторiи; онъ ставитъ Флоренцiю въ центрѣ всего мiра и объясняетъ Флорентiйскую исторiю въ этомъ отношенiи. Уже эта одна точка зрѣнiя имѣетъ великое значенiе. Въ исторiи Флоренцiи Макiавелли показываетъ, какъ въ исторiи каждаго отдѣльнаго государства совершаются тѣ же самые законы, какiе совершаются въ исторiи всего человѣчества; онъ проводитъ между исторiею Флоренцiи и всѣми извѣстными ему государствами аналогiю; онъ видитъ вездѣ повторенiе однихъ и тѣхъ же явленiй, но отсюда онъ переходитъ къ воззрѣнiю чисто-античному, къ фатализму: «Народамъ нельзя избѣжать судьбы своей; имъ даны напередъ извѣстные моменты развитiя, чрезъ которые они должны пройти. Генiальностью великихъ гражданъ и чистотою нравовъ моментъ паденiя можетъ быть отсроченъ, но отвратить его нельзя». Все, что допускаетъ Макiавелли,—это временное уклоненiе отъ гибели, но избѣгнуть гибели невозможно. Онъ принимаетъ общество, сначала какъ скопище людей, соединенныхъ подъ гнетомъ внѣшнихъ нуждъ; потомъ изъ среды ихъ возникаютъ лучшiе, сильнѣйшiе, наиболѣе мудрые, возникаетъ аристократiя; аристократiя становится тягостною, за ней слѣдуетъ демократiя, и демократiя наконецъ уступаетъ мѣсто монархiи». Онъ беретъ свои примѣры преимущественно изъ Римской исторiи; съ Греческою исторiей онъ гораздо менѣе знакомъ, отъ этого, можетъ-быть, развилось это исключительное благоговѣнiе предъ политическою жизнью къ ущербу всѣхъ другихъ сторонъ жизни народной.

Поэтическiя произведенiя Макiавелли не войдутъ въ составъ этого изложенiя, хотя мы должны указать на одну сторону ихъ, на эту ядовитую иронiю, съ которой обращается онъ ко всѣмъ явленiямъ средневѣковой жизни, на этотъ стоическiй, гордый и твердый взглядъ на жизнь. Стоитъ прочесть три слѣдующихъ стиха, чтобы понять эту сторону. Макiавелли говоритъ, какъ надобно встрѣчать несчастiя: «Встрѣчая несчастiе, не принимай его по каплѣ, проглоти его разомъ; глупъ тотъ, кто отвѣдываетъ его понемногу».

Сочиненiя Макiавелли имѣли влiянiе не въ одной Италiи. Въ Италiи онъ былъ признанъ великимъ гражданиномъ, проникнутымъ

трагическимъ чувствомъ скорби при видѣ порабощенной родины. Поэтому Италія въ правѣ такъ высоко ставить секретаря Флорентійской республики. Но, съ другой стороны, послѣ того, какъ мы указали лучшія стороны сочиненій Макіавелли, мы должны сознаться, что остальная Европа имѣетъ право горько сѣтовать на Макіавелли. Макіавелли оторвалъ политическія воззрѣнія отъ нравственныхъ, отрѣшилъ частную нравственность отъ нравственности общественной, государственное право—отъ религіозныхъ основъ; Макіавелли поставилъ высшимъ закономъ благо народа, но прибавилъ къ этому правило, пріобрѣвшее страшную извѣстность въ устахъ іезуитовъ, что всякое средство къ достиженію общественнаго блага оправдывается цѣлью.

Книга «О князѣ» сдѣлалась настольною книгою европейскихъ государей XVI столѣтія. Ее читали Филиппъ II, Екатерина Медичи, ее читалъ пользующійся незаслуженной славой правоты и прямодушія Генрихъ IV французскій. Можно сказать, что ученія Макіавелли отравили, вошли ядовитою примѣсью въ политическія идеи XVI столѣтія. Безнаказанно такихъ идей и совѣтовъ нельзя давать народу; какъ бы ни велика была цѣль, безнравственныя средства вредятъ цѣли.

Личность Макіавелли остается въ томъ же уваженіи, сочиненія его исполнены великихъ достоинствъ, но они оказали не то вліяніе, какого, вѣроятно, ждалъ Макіавелли.

Къ характеристикѣ Макіавелли — дополненія и варіанты по записи XXVIII (1853—54 г.).

I. *Въ началѣ.* Извѣстно, какою двусмысленною славой пользуется Макіавелли; какъ много нареканій соединено съ этимъ именемъ. Если бы я имѣлъ возможность представить подробное изложеніе судебъ Макіавелли и его твореній, вы увидали бы, что въ европейской литературѣ послѣднихъ трехъ столѣтій ни одинъ значительный писатель не прошелъ мимо Макіавелли, не остановившись на немъ и не сказавъ о немъ хоть нѣсколько словъ. Одни являются горячими защитниками великаго историка, другіе—его порицателями; но равнодушно мимо него пройти нельзя. Постараюсь объяснить характеръ Макіавелли какъ судьбами страны, въ которой онъ жилъ, такъ и временемъ, въ которое онъ былъ поставленъ.

II. *О книгѣ «О князѣ».* Можетъ-быть, въ литературѣ народовъ нѣтъ книги болѣе откровенной и болѣе ужасной, какъ книга Макіавелли «О князѣ». Немудрено, что надъ ней задумывались величайшіе умы; они не понимали, что могло побудить человѣка подписать свое имя подъ такимъ произведеніемъ. Но вникая глубже въ смыслъ этого явленія и сравнивая его съ историческою обстановкою, мы, можетъ-быть, найдемъ, если не полное оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, объясненіе его. Во-первыхъ, идея, выраженная въ книгѣ, не принадлежитъ Макіавелли; эта идея была въ Италіи, многократно приводилась она въ исполненіе итальянскими тиранами. Конечно, Макіавелли не могъ научить ни миланскихъ Висконти, ни Сфорца, ни Фердинанда Аррагонскаго; все высказанное имъ въ книгѣ было уже давно знакомо и приведено въ исполненіе. Въ книгѣ высказаны только политическія идеи, которыя были въ

ходу между властителями несчастнаго полуострова. Съ какою же цѣлью высказаны были эти идеи, съ какою цѣлью ставилъ Макіавелли эту страшную теорію? Не достаточно ли было одного строгаго приговора? зачѣмъ переносить на почву науки эти понятія, къ чему учить этимъ жестокостямъ, къ чему оправдывать ихъ сочиненіемъ? Страннымъ образомъ здѣсь проступокъ Макіавелли совпадаетъ съ цѣлью великаго гражданина и патріота. Книгу эту Макіавелли посвящаетъ Медичисамъ; онъ писалъ ее во время своего заточенія, въ бѣдности, въ борьбѣ съ потребностями великаго гражданина и мыслителя. Говорятъ, что онъ хотѣлъ у него купить постыднымъ образомъ право на возвращеніе во Флоренцію и на участіе въ судьбахъ государства. Обвиненіе это не заслуживаетъ вниманія и не оправдывается данными. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что Медичисовъ нечего было учить такимъ образомъ. Онъ хотѣлъ указать на одну только цѣль, говорилъ прямо властителямъ: усильте власть—и не поставятъ вамъ въ укоръ средства, но употребите эти средства на пользу Италіи, для освобожденія ея отъ ига варваровъ, соедините полуостровъ въ одно великое государство,—и тогда все будетъ прощено совершившему это. Макіавелли требуетъ диктатуры геніальнаго человѣка и прощаетъ ему его нравственныя прегрѣшенія; отсюда у него разладъ между нравственностью и политикою. Цѣль Макіавелли ясно высказана въ послѣднихъ главахъ, заключающихъ сочиненіе. Макіавелли поступилъ съ Италіею, какъ съ отчаянною больной; всѣ средства къ выздоровленію истощены, и тогда на помощь разлагающемуся организму онъ подноситъ яду. Макіавелли поднесъ яду Италіи.

Итальянцы сами питаютъ къ Макіавелли глубокую любовь; они видятъ въ немъ великаго писателя и съ снисхожденіемъ смотрятъ на его недостатки; они видятъ въ немъ великаго патріота.

Болѣе трагической участи трудно представить: на Макіавелли пали самыя страшныя и не лишенныя нѣкотораго основанія обвиненія. Вы знаете, что разумѣется подъ именемъ макіавеллизма: система предательствъ, измѣнъ, всегда находящихъ оправданіе, лишь бы достигнута была цѣль; и здѣсь исторія даетъ великій спасительный урокъ. Тѣнь Макіавелли оправдывается передъ потомствомъ; цѣль его была благородная, средства были не хороши, но они были употреблены съ такимъ жаромъ, съ такимъ самоотверженіемъ, съ такою любовью, что нельзя произнести страшнаго приговора надъ великимъ писателемъ. Въ Италіи книга не произвела желательнаго дѣйствія; не по плечу была она мелкимъ княжескимъ *цѣлямъ*, на которыя указываетъ Макіавелли. Князья Италіи отличаются частными, династическими цѣлями; они заняты ими такъ, что упускаютъ изъ виду блага Италіи. Но, съ другой стороны, книга Макіавелли быстро разошлась по остальной Европѣ; она отразилась на европейской политикѣ XVI и XVII ст. Есть люди, которые отрицаютъ вліяніе книги на событія; мы знаемъ только, что Екатерина Медичи не разставалась съ книгою Макіавелли; протестанты называли эту книгу святцами Генриха IV, который стоитъ не ниже славы своей, который совершилъ великія дѣла; Генрихъ читалъ Макіавелли. Въ XVII ст. идеи Макіавелли получили теоретическое и практическое преобладаніе. Теперь еще услышимъ нечестивые отзывы, что между политикою и нравственностью нѣтъ ничего общаго; это — печальное наслѣдіе отъ Макіавелли. Великій человѣкъ не думалъ о вредѣ и язвѣ, которую его сочиненія могли нанести

европейскому обществу; а между тѣмъ исторія на каждомъ шагу изобличаетъ Макіавелли въ безнравственности политической. Нѣтъ успѣха прочнаго, твердаго и невозможенъ онъ на тѣхъ началахъ, какія указалъ Макіавелли, и это не однѣ пустыя сентенціи. Всякое беззаконіе, совершенное отцомъ, наказывается на дѣтяхъ, внукахъ, въ 3-мъ и 4-мъ колѣнѣ искупаются грѣхи отцовъ.

Такимъ образомъ Макіавелли правъ передъ отечествомъ—Италіею, но виноватъ передъ Европою; передъ лицомъ остальной Европы онъ заслужилъ тѣ проклятія, которыя сыпались на его имя.

Изъ записи XXVI. Вел. открытія и Европа.

...Два великія открытія (Америки и морского пути въ Индію), измѣнившія совершенно ходъ торговли и имѣвшія великія слѣдствія на жизнь народовъ, совершились почти въ одно время и совершенно въ одномъ направленіи. Умы были возбуждены, средневѣковыя оковы распались. Ни доминиканцы, ни инквизиція, ни схоластика, ни старые европейскіе университеты не могли удержать человѣчество въ прежнемъ положеніи. Какъ будто для новыхъ идей, для новыхъ вѣрованій тѣсенъ становился старый міръ. Есть что-то несказанно торжественное въ томъ чувствѣ, съ какимъ Европа встрѣтила извѣстіе объ этихъ открытіяхъ. Къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ принадлежитъ переписка тогдашнихъ ученыхъ между собою, замѣнявшая собою журналы и всѣ средства литературныхъ сообщеній. Эта переписка исполнена чувства какого-то неописаннаго ожиданія, восторга: новый нежданный, невѣдомый міръ открылся европейскому человѣчеству, новыя произведенія, новые пути для наукъ. Никогда человѣкъ не чувствовалъ себя такъ сильнымъ, никогда не выступалъ такъ гордо на борьбу со всѣми вопросами, какіе окружаютъ нашу жизнь,—и было чѣмъ гордиться, отчего получить такую силу.

Сообщилъ *Михаилъ Коваленскій.*

Замѣтки о Гоголѣ.

I.

Гоголь о петрашевцахъ.

Несмотря на изслѣдованія Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, исторія II тома «Мертвыхъ Душъ» до сихъ поръ очень мало выяснена. Сохранившіеся и разобранные Шевыревымъ черновые наброски Тихонравовъ, напр., склоненъ пріурочить къ 1840—1842 гг. Между тѣмъ многое въ ихъ содержаніи заставляетъ относить ихъ къ болѣе позднему времени, къ концу 40-хъ годовъ.

Рядъ намековъ, видимо, направленъ противъ Бѣлинскаго и Грановскаго. Выходки противъ перваго, конечно, стоятъ въ связи съ его письмомъ по поводу «Выбранныхъ мѣстъ»; недружелюбные отзывы о второмъ вызваны, несомнѣнно, его борьбой со славянофилами и, въ частности, столкновеніями съ Шевыревымъ, другомъ Гоголя.

Вотъ эти намеки обѣихъ сохранившихся редакцій.

«Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ своемъ изложеніи и логическую связь, и слѣдованіе за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченія; но—увы!—не было только жизни въ самой наукѣ». (Соч. Гоголя, изд. «Просвѣщенія», V, стр. 31, 188). Тентетниковъ слушалъ «всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только *прочесть введеніе* да *развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ*» (ib., стр. 32, 188). Съ нимъ былъ знакомъ «рѣзкаго направленья *недоучившійся студентъ*, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и книгъ» (стр. 42).

Въ рядѣ другихъ намековъ я вижу отголоски дѣла петрашевцевъ, какъ оно преломилось въ головѣ Гоголя, судившаго о немъ только по слухамъ и отзывамъ своихъ консервативно настроенныхъ московскихъ, главнымъ образомъ, друзей (изъ ихъ переписки можно было бы подобрать любопытныя параллели къ словамъ Гоголя).

«Въ числѣ друзей Андрея Ивановича (Тентетникова), которыхъ у него было довольно, попалось два человѣка, которые были то, что называется огорченные люди [1]). Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же

---

[1]) Срв. характеристику петрашевцевъ въ «Быломъ и Думахъ» Герцена.

время исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованья противъ общества» (ib., стр. 34—35, 190). Тентетниковъ «въ молодости своей было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да не докончившій учебнаго курса эстетикъ (Бѣлинскій?) [1]), да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то *филантропическое общество*, подъ верховнымъ распоряженьемъ стараго плута и масона и тоже карточнаго игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью — *доставить прочное счастіе всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки*. Касса денегъ потребовалась огромная; пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло, зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затянули его два пріятеля [2]), принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и *будущихъ одолженій человѣчеству*, сдѣлались потомъ формальными пьяницами... Общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, *даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину*, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей» (стр. 48, 201).

Въ этихъ фразахъ есть намѣренное смѣшеніе Гоголемъ Dichtung und Wahrheit; но исходить онъ могъ *только изъ дѣла петрашевцевъ*. Н. В. вращался въ московскихъ кругахъ, точку зрѣнія которыхъ на это дѣло достаточн характеризуетъ слѣдующее мѣсто изъ письма Хомякова гр. Блудовой (см. мою книгу «Петрашевцы», стр. 154):

«Въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое боевое время!.. Что вамъ сказать про здѣшніе толки о вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ? Слухи о намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ — состраданіе... Вообще разсказы очень темны, и иные забавны. Я уже не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр., и пр. *(очевидно, имѣется въ виду иносказательная рѣчь Ахшарумова о разрушеніи старыхъ столицъ и городовъ);* но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни, къ несчастью, не тетки моей, что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ русскихъ до единаго, и для заселенія Россіи выписать французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то [3]), котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ»...

Характеристика «огорченныхъ» друзей Тентетникова, сдѣланная Гоголемъ, по своему духу, очень близка къ этимъ московскимъ «толкамъ о сѣверномъ коммунизмѣ»...

II.

Пушкинъ и Гоголь.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Пушкина и Гоголя давно уже нуждается въ коренномъ пересмотрѣ. Обычное представленіе чуть ли не о тѣсной дружбѣ, связывавшей ихъ, главнымъ образомъ, основывается на данныхъ позднѣйшихъ писемъ Гоголя, который, по

---

[1]) Варіантъ: Недоучившійся студентъ.
[2]) Ниже въ текстѣ: «Благодѣтели человѣчества».
[3]) Вѣроятно, Сенъ-Симонъ и его «церковь».

склонности своей къ преувеличенію вообще и по естественной человѣческой слабости переоцѣнивать свои отношенія къ великимъ людямъ въ частности, далъ не совсѣмъ вѣрную характеристику своего знакомства съ Пушкинымъ.

Пушкинъ, несомнѣнно, высоко цѣнилъ талантъ Гоголя: объ этомъ свидѣтельствуютъ его многочисленные отзывы печатные, записанные современниками и встрѣчающіеся въ перепискѣ [1]). Тонъ его писемъ къ Гоголю во всякомъ случаѣ не дружескій, а въ общемъ довольно холодный, дѣловой; стоитъ только сравнить ихъ съ письмами А. С. къ его друзьямъ, чтобы убѣдиться, что особой близости между нимъ и Н. В. не было, да и не могло быть, вслѣдствіе слишкомъ большой разницы характеровъ, воспитанія и пр.

Больше всего ихъ связалъ «Современникъ», въ которомъ Гоголь принялъ было живое участіе, но и это привело къ треніямъ, до сихъ поръ совершенно не выясненнымъ.

21 февраля 1836 г. Гоголь писалъ Погодину (Письма Гоголя, 366): «о журналѣ Пушкина, безъ сомнѣнія, уже знаешь. *Мнѣ извѣстно только то*, что будетъ много хорошихъ статей, потому что Жуковскій, князь Вяземскій и Одоевскій приняли живое участіе. Впрочемъ, узнаешь подробнѣе о немъ отъ него же самого, потому что онъ, *кажется*, на-дняхъ ѣдетъ къ Вамъ въ Москву».

Итакъ, къ центральному кружку «Современника», при его зарожденіи, онъ не примкнулъ [2]). Позднѣе онъ даетъ для журнала рядъ статей и замѣтокъ. Извѣстно, что многія изъ нихъ не были приняты Пушкинымъ и остались въ бумагахъ Гоголя; напечатанное подверглось большимъ сокращеніямъ и передѣлкамъ по указаніямъ Пушкина. Почти вся первая и вторая книжка «Современника» печаталась во время отсутствія А. С. изъ Петербурга. Наблюденіе за печатаніемъ перешло къ друзьямъ Пушкина; главную роль въ библіографическомъ отдѣлѣ игралъ, повидимому, Гоголь. Если такъ, на его отвѣтственность падаетъ недоразумѣніе, которое Пушкину пришлось выяснять въ III книгѣ «Современника» (стр. 331—332): «обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала; вкрались *нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная*, происшедшая *отъ недоразумѣнія*:

---

[1]) Интересно, что Гоголя, какъ человѣка, они совершенно не касались.

[2]) Позднѣе Н. В. нѣсколько иначе освѣщалъ этотъ вопросъ. Въ большомъ письмѣ о «Современникѣ» П. А. Плетневу Гоголь писалъ (ib., т. IX, 93—94): «Современникъ» даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненью. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе въ родѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшенье на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ».

Срв. письмо Гоголя А. О. Смирновой 1844 г. («Русская Старина», 1899, мартъ, стр. 481): «Ему (Плетневу) вообразилось, что онъ, по смерти Пушкина, долженъ защищать его могилу издаваніемъ «Современника», къ которому самъ Пушкинъ и при жизни своей не питалъ большой привязанности, хотя издавалъ его собственными руками, и хотя я тоже съ своей стороны подзадоривалъ его на это дѣло. Журналъ опредѣленной цѣли не имѣлъ никакой даже и при немъ, а теперь и подавно».

публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить—сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ «Новыя книги», что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ со временемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ; многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ».

14 апрѣля 1836 г. Пушкинъ писалъ Погодину объ анонимной замѣткѣ Гоголя (Письма Пушкина III, 300): «Журналъ мой вышелъ безъ меня, и, вѣроятно, Вы его ужъ получили. Статья о Вашихъ афоризмахъ писана *не мною*, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. *Не сердитесь на меня— если вы ею недовольны*». Когда статью «О журнальной литературѣ» стали приписывать А. С., онъ нашелъ себя вынужденнымъ заявить («Современникъ», III, стр. 329): статья «О движеніи журнальной литературы» напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя *съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ*, были совершенно сходны съ моими собственными. *Во всякомъ случаѣ она не есть и не могла быть программою «Современника»*. Въ такихъ фразахъ Гоголь не могъ не почувствовать *нѣкотораго осужденія*, очень сдержаннаго, отдѣльныхъ мыслей своей статьи.

Послѣ I книжки Гоголь очень мало участвуетъ въ «Современникѣ»; въ письмахъ его конца 1836 и начала 1837 г. почти нѣтъ упоминаній о Пушкинѣ; не упоминаетъ почти совсѣмъ за это время о немъ и Пушкинъ—какъ *будто признакъ взаимнаго охлажденія*. Изъ Гамбурга 16 іюня 1836 г. Н. В. писалъ Жуковскому (Письма Гоголя, I, 385—386): «даже съ Пушкинымъ *я не успѣлъ и не могъ проститься*; *впрочемъ, онъ въ этомъ виноватъ*. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ нѣмецкой жизни» (это обѣщаніе не было выполнено).

Для характеристики взаимныхъ отношеній писателей, съ легкой руки Тихонравова, часто пользовались и пользуются однимъ мѣстомъ въ «Мысляхъ на дорогѣ» Пушкина: «я *отыскалъ* въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано *однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ*, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: «Москва и Петербургъ». Выраженіемъ «великій меланхоликъ» часто злоупотребляли въ характеристикахъ Гоголя. Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, 10-е изд., т. V, стр. 655—656) «не сомнѣвался», что эти слова относятся къ началу «Петербургскихъ записокъ 1836 года» Гоголя, не попавшему, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, скорѣе всего цензурнымъ, въ печать (онѣ были напечатаны въ «Современникѣ», *послѣ смерти Пушкина)*. Противъ этого предположенія можно выдвинуть рядъ фактовъ: 1) всѣмъ своимъ содержаніемъ «Петербургскія Записки» относятся къ 1836 г., между тѣмъ какъ «Мысли на дорогѣ» пишутся въ 1833—1834 или 1835 гг.; 2) нѣтъ никакихъ указаній на *отдѣльное* существованіе ихъ начала подъ названіемъ «Петербургъ и Москва»; 3) вообще очень щепетильный въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ, Пушкинъ не могъ дать въ приложеніи къ своей статьѣ *большого* и *очень существеннаго отрывка* изъ статьи Гоголя, предназначенной для «Современника» (тѣмъ болѣе, что этотъ

отрывокъ, повидимому, могъ встрѣтить серьезныя по тому времени цензурныя затрудненія, а Пушкинъ очень хотѣлъ провести въ печать свои «Мысли» [1]).

Къ сожалѣнію, это приложеніе въ бумагахъ Пушкина не сохранилось. Подготовивъ статью къ печати, онъ этого отрывка совсѣмъ не далъ—можетъ быть, вслѣдствіе внутреннихъ колебаній. Они, кажется мнѣ, всего скорѣе могли быть по поводу *стихотворнаго отрывка* «Петербургъ и Москва», принадлежащаго кн. П. А. Вяземскому: забавный самъ по себѣ, онъ отличался не совсѣмъ цензурнымъ характеромъ. Въ «Полномъ собраніи сочиненій» кн. П. А. Вяземскаго (т. III, стр. 289) онъ долженъ былъ попасть въ число стихотвореній 1822 г. подъ названіемъ: «Сравненіе Петербурга съ Москвой». Редакція не рѣшилась его напечатать и сдѣлала такое примѣчаніе: «шуточное стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ никогда не предназначалось для печати и въ оставленныхъ покойнымъ княземъ П. А. Вяземскимъ сборникахъ и прочихъ бумагахъ не сохранилось». Оно указано въ концѣ тома, въ примѣчаніяхъ (стр. VI) такъ: «Рук. сборн. кн. Долгорукова, стр. 509, помѣч. 1821 г.». Ссылка эта объясняется словами предисловія: «матеріаломъ для изданія служили... рукописные сборники, составленные покойнымъ княземъ Н. А. Долгоруковымъ и В. И. Межовымъ».

По всей вѣроятности, сборники кн. Долгорукова сохраняются у гр. С. Д. Шереметева. До ихъ опубликованія, которое можетъ дать болѣе точный текстъ, мы можемъ сообщить это стихотвореніе [2]) по копіи, любезно сообщенной намъ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ. Оригиналъ его хранится въ рукописномъ отдѣлѣ харьковскаго университета. Въ немъ есть посвященіе *А. Г. Родзянко* и подпись—*Д. Давыдовъ*. Такія произвольныя пріуроченія шуточныхъ стихотвореній и эпиграммъ — обычное явленіе въ исторіи нашей литературы начала XIX в. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ авторствѣ Вяземскаго или Давыдова (для выясненія его нѣтъ еще данныхъ), мы *предположительно* ставимъ это стихотвореніе въ связь съ «Мыслями на дорогѣ». Пушкина. Въ 30-хъ годахъ Вяземскій то сильно хандрилъ, то прорывался шутками; слова Пушкина: «одинъ изъ моихъ пріятелей» и «веселый меланхоликъ» всего скорѣе могутъ относиться къ нему. «Веселый меланхоликъ» мало приложимъ къ Давыдову, но на него больше, чѣмъ на Вяземскаго, указываютъ посвященіе Родзянко и самая фактура стиховъ.

Текстъ стихотворенія, доставленный намъ проф. Сумцовымъ, таковъ:

У васъ Нева,
У насъ Москва;
У васъ Княжнинъ [3]),
У насъ Ильинъ [4]).

Согласенъ въ томъ;
Но желтый домъ
Зато здѣсь есть.
Въ чахоткѣ честь,

---

[1]) Слово «отыскалъ», кромѣ того, совершенно нейдетъ къ только что написанной и переданной Гоголемъ статьѣ, если стать на точку зрѣнія Тихонравова, немного произвольно отодвигающаго оба произведенія къ 1835 г.

[2]) Оно встрѣчалось намъ въ старинныхъ сборникахъ съ подписью кн. П. А. Вяземскаго, подъ заглавіемъ: «Петербургъ и Москва».

[3]) Алекс. Як., драматургъ (1771—1829).

[4]) Вѣроятно, Ник. Ив., также драматургъ начала XIX в.

У васъ Хвостовъ [1]).
У насъ Шатровъ [2]).
У васъ плутамъ,
У васъ глупцамъ,
Больнымъ, ...,
Дурнымъ стихамъ
И счету нѣтъ.
Божусь, и здѣсь
Не лучше смѣсь:
Здѣсь воръ въ звѣздѣ,
Монахъ . . . .
Оселъ въ судѣ,
Дуракъ вездѣ.
У васъ совѣтъ [3]),
Его здѣсь нѣтъ,
А съ брюхомъ лесть
Какъ на Невѣ,
Такъ и въ Москвѣ.
Мужей въ рогахъ,
Дѣвицъ въ родахъ,
Мужчинъ въ чепцахъ,
А бабъ въ порткахъ
Найдешь у васъ,
Какъ и у насъ,
Не пяля глазъ.
У васъ «авось»
Россіи ось
Крутитъ, вертитъ,
А кучеръ спитъ...

По содержанію, и начало «Петербургскихъ Записокъ» Гоголя, и это стихотвореніе одинаково могли примкнуть къ «Мыслямъ на дорогѣ» Пушкина, какъ заключительный аккордъ его сравненія Петербурга съ Москвой. Изъ послѣдняго Пушкинъ могъ дать, конечно, только отрывки.

Вл. Каллашъ.

---

[1]) Гр. Дм. Ив., извѣстный метроманъ, о которомъ Пушкинъ писалъ Плетневу: «посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ, Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ».
[2]) Авторъ слабыхъ духовныхъ стихотвореній.
[3]) Вѣроятно, Государственный Совѣтъ.

Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому.

1863 — 1864.

Въ распоряженіе редакціи «Голоса Минувшаго» предоставлена довольно обширная переписка Мих. Ник. Муравьева съ Александр. Алексѣев. Зеленымъ, обнимающая періодъ съ 1852 по 1864 г.; мы получили ее изъ собранія автографовъ Л. К. Стефанскаго при любезномъ посредствѣ Н. І. Шатилова. Родной внукъ гр. М. Н. Муравьева, гр. Н. Л. Муравьевъ, не встрѣтилъ препятствій къ напечатанію переписки его дѣда. Откладывая пока первую, менѣе объемистую, часть переписки съ 1852 по 1862 г., мы печатаемъ теперь коллекцію писемъ М. Н. Муравьева за время польскаго возстанія 1863 и 1864 гг., въ виду 50-лѣтней годовщины этого событія.

М. Н. Муравьевъ.

А. А. Зеленой, по словамъ Бутковскаго, служившаго подъ его начальствомъ, «получилъ свое высокое назначеніе» (на постъ министра государственныхъ имуществъ) «не столько въ силу своихъ государственныхъ способностей, сколько потому, что былъ близокъ къ М. Н. Муравьеву». Онъ... имѣлъ безграничное довѣріе въ безошибочность взглядовъ Михаила Николаевича; занимая прежде постъ товарища его въ министерствѣ, а потомъ замѣнивъ его въ званіи министра, Зеленой всегда сохранялъ относительно Муравьева подчиненное положеніе... Онъ имѣлъ какое-то особенное нерасположеніе ко всему польскому; безусловно честный человѣкъ, онъ даже отказывался отъ предложеннаго ему государемъ увеличенія содержанія. Ему, впрочемъ, можно бы поставить въ упрекъ то, что, будучи слишкомъ консервативнаго направленія, онъ имѣлъ узкій взглядъ на дѣло, считая полезнымъ защищать казенные интересы въ ущербъ государственнымъ. Къ великому вопросу освобожденія крестьянъ онъ, согласно съ идеями Муравьева, относился неблагопріятно, и впослѣдствіи, какъ при измѣненіи быта государственныхъ крестьянъ, такъ и при введеніи судебныхъ уставовъ и земскихъ учрежденій, неохотно уступалъ

нововведеніямъ («Историч. Вѣстн»., 1883 г., № 10, стр. 80—81). Понятно, что Муравьевъ, въ своихъ запискахъ дающій о немъ самый лестный отзывъ, выговорилъ себѣ право чрезъ него, а не чрезъ Валуева (министра внутреннихъ дѣлъ), докладывать государю о дѣлахъ Сѣверо-западнаго края.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на предшествующей жизни М. Н. Муравьева и ограничимся лишь указаніемъ на главнѣйшія черты его дѣятельности въ періодъ польскаго возстанія.

Кн. Имеретинскій, служившій подъ его начальствомъ, такъ описываетъ его наружность: «Муравьевъ былъ роста выше средняго, но казался ниже отъ полноты и сутуловатости. Курносое лицо съ широкими скулами, большіе, умные, сѣрые глаза, чрезвычайно проницательные..., небольшіе, щетинистые усы... Когда Муравьевъ сердился, онъ только краснѣлъ, пыхтѣлъ и теребилъ свой чубъ...; голосъ никогда не возвышался до крикливости, а напоминалъ зловѣщее рычанье льва, идущаго на добычу [1]). Это былъ человѣкъ, несомнѣнно, умный, умѣвшій «распознавать людей по первому взгляду», но «людей способныхъ и самостоятельныхъ онъ не долюбливалъ». При своемъ огромномъ властолюбіи, Мур. «не выносилъ никого умнѣе, тверже, энергичнѣе себя» и требовалъ безпрекословнаго повиновенія. На ряду съ властолюбіемъ, другими выдающимися чертами его характера были замѣчательное трудолюбіе, грубость и жестокость. Онъ работалъ съ утра до поздней ночи, не зная утомленія. Но въ обращеніи съ людьми онъ не стѣснялся. Такъ, на письмо августовскаго католическаго епископа, жившаго въ Сейнахъ, гр. С., съ просьбою пріѣхать въ Вильно для представленія государю во время его проѣзда черезъ Вильну, Муравьевъ, по его словамъ, отвѣтилъ: «Сиди въ Сейнахъ, покуда цѣлъ» («Р. Ст.», т. XXXVII, стр. 320). Онъ съ немалымъ цинизмомъ говорилъ о своей безцеремонной расправѣ съ поляками, такъ, напр., кн. В. А. Черкасскому онъ сказалъ: «Очень часто я ихъ сажаю безъ малѣйшей вины, даже подозрѣнія нѣтъ; въ такомъ случаѣ я всегда рѣшаю: пусть посидитъ подъ замкомъ, да подолѣе, можетъ-быть, что-нибудь и отыщется. И что жъ вы думаете? Я былъ такъ счастливъ, что всегда что-нибудь за сидѣльцемъ-то моимъ и отыскивалъ. Ну, тогда и подай его сюда!» И говорилось это Муравьевымъ тихимъ, мягкимъ голосомъ, съ самою добродушною улыбкою и съ видимымъ душевнымъ самоуслажденіемъ («Русск. Стар.», т. XXXVI, 638—639). Если докладывавшій дѣло пытался смягчить рѣшеніе, Муравьевъ «вырывалъ у него изъ рукъ бумагу и быстро подписывалъ. Слова: «повѣсить», «разстрѣлять» выходили у него всегда разборчивѣе другихъ, какъ будто писались съ особенною любовью» («Р. Ст.», XXXVIII, 225).

По вѣдомости объ осужденныхъ и наказанныхъ, составленной по приказанію самого гр. М. Н. Муравьева, за все время его двухлѣтняго управленія Сѣверо-западнымъ краемъ, было казнено 128 человѣкъ, сослано въ каторжныя работы 972, сослано на поселеніе въ Сибирь 1.427, отдано въ солдаты 345, сослано въ арестантскія роты 864, выслано во внутреннія губерніи 1.529, переселено на казенныя земли внутри имперіи 4.096, итого 9.361 человѣкъ. Осталось, хотя и причастныхъ мятежу, но прощеныхъ и освобо-

[1]) По словамъ другого лица, когда Муравьевъ сердился, «губы его тряслись и круглые тигровые глаза наливались кровью; но кричалъ онъ мало и рѣдко» («Русск. Стар.», т. XXXVIII, стр. 225).

жденныхъ 9.229 («Русск. Стар.», т. XXXVII, стр. 617; ср. 1902 г., № 6, стр. 507). Однако это число казненныхъ Муравьевымъ, повидимому, ниже дѣйствительнаго: по крайней мѣрѣ, русскій историкъ польскаго возстанія, Н. В. Бергъ, говоритъ, что по приговорамъ, утвержденнымъ Муравьевымъ, казнено, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 240 лицъ («Р. Ст.», т. XXV, 251); это приходится по одному человѣку на каждые три дня управленія Муравьева [1]).

Въ октябрѣ 1863 г. Муравьевъ давалъ такія наставленія одному начальнику уѣзда: «Не вѣрьте ничему, что вамъ будутъ говорить о снисхожденіи, гуманности, недоказанности вины... неправда! Всѣ они виноваты болѣе или менѣе, и самое малое наказаніе—если кто посидитъ въ каменномъ мѣшкѣ!... Я далъ военнымъ начальникамъ самыя широкія полномочія... Поэтому не бойтесь отвѣтственности, не стѣсняйтесь тѣмъ, что скажетъ слѣдственная комиссія... Все это для васъ необязательно, и соображаться съ тѣмъ, что могутъ или могли бы сказать, вамъ не слѣдуетъ... А если увидите пристанодержательство, пособничество или хоть малѣйшую поблажку этимъ мерзавцамъ, приказываю вамъ все сжечь, сравнять съ землею—будь то деревня, усадьба, что бы то ни было! Особенно строго присматривайте за панами и ксендзами, а съ этими шляхетскими околицами» (селенія, гдѣ жила мелкая шляхта) «не слѣдуетъ церемониться по ихъ многолюдству: напишите мнѣ, и я ихъ выселю всѣхъ до единаго!»... («Ист. Вѣстн.», 1892 г., № 12, стр. 628—629).

Подчиненные Муравьеву и не стѣснялись! Одинъ изъ наиболѣе отвратительныхъ его прислужниковъ, Гогель, членъ особой слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ [2]), говорилъ Л. Ѳ. Пантелѣеву: «Въ политическихъ процессахъ нельзя обойтись безъ пытки»! («Былое», 1907 г., № 1, стр. 56) [3]). Бутовскій, хотя и съ нѣкоторымъ конфузомъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ онъ производилъ допросъ при сѣченіи допрашиваемаго нагайкою («Ист. Вѣстн.», 1883 г., № 11, стр. 351) [4]). Жандармскій офицеръ Вороновъ былъ свидѣтелемъ того, что военный начальникъ уѣзда приказалъ уряднику бить допрашиваемаго «въ морду или брюхо», и когда урядникъ сталъ отъ этого уклоняться, самъ далъ пощечину арестованному, сыну помѣщика. По свидѣтельству того же офицера, этотъ военный начальникъ за время своего управленія уѣздомъ немало «натворилъ всякихъ несправедливостей: вѣшалъ и ссылалъ почти зря» и «тѣмъ заслужилъ общую ненависть..., его фамиліей пугали дѣтей» («Воспоминаніе Н. И. Воронова по Западному краю», Влад., 1907 г., стр. 41—42). Это послѣднее свидѣтельство показы-

---

[1]) Есть извѣстіе, что въ послѣдніе мѣсяцы дѣятельности Муравьева смертныя казни были прекращены по секретному повелѣнію государя. Этимъ объясняется, что въ декабрѣ или въ самомъ началѣ 1865 г. Муравьевъ конфирмовалъ членовъ революціоннаго виленскаго комитета (А. Оскерке, Гедройцъ, Еленскій и друг.) не къ смертной казни, а въ каторжныя работы. *Л. Пантелѣевъ.* «Дѣла давно минувшихъ дней». «Былое», 1907 г., № 2, стр. 218—219.

[2]) См. свѣдѣнія о немъ и разсказъ о томъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгалъ онъ для вынужденія показаній въ статьѣ B. Dybowskiego «Pamięci Iózefata Ohryzki». «Biblioteka Warszawska», 1907, t. II, 210—212, 242—251.

[3]) Удивляться этому нечего, если даже въ III отдѣленіи розгами вымогали показанія о переводѣ и напечатаніи польскаго гимна на самогимскій языкъ. «Колоколъ», 1863, № 153, стр. 1276.

[4]) Офицеръ, по фамиліи Графъ, билъ кулаками въ лицо одного студента Московскаго университета и приказалъ бить его нагайками, чтобы вынудить у него показаніе о повстанцахъ («Колоколъ», 1863 г., 10 іюня, № 165, стр. 1359).

ваетъ, что смертныя казни производились не только по приговорамъ, утвержденнымъ Муравьевымъ, и возможно, что количество казненныхъ было въ дѣйствительности болѣе указаннаго выше. Не даромъ, по свидѣтельству Никитенка (II, 411), петербургскій генералъ-губернаторъ Суворовъ называлъ Муравьева «людоѣдомъ», эпитетъ же «вѣшателя» онъ заслужилъ издавна, сказавъ еще въ 1830-хъ годахъ, что онъ «не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ».

Муравьевъ признаетъ въ своихъ запискахъ, что «приказывалъ уничтожать до тла помѣщичьи мызы и шляхетскія околицы, въ которыхъ произведены мятежниками неистовства и допущено водвореніе жандармовъ вѣшателей; тѣ же селенія, которыя наиболѣе участвовали въ мятежѣ, по надлежащемъ изслѣдованіи, переселять въ сибирскія губерніи; лицъ, которыя составляли бродячія... шайки, при взятіи судить на мѣстѣ военнымъ судомъ и тутъ же разстрѣливать; самыя же селенія облагать огромными контрибуціями и на 10—15 верстъ весь околотокъ, допускавшій пребываніе повстанцевъ и не донесшій о нихъ» («Р. Ст.», т. XXXVI, 417). Крестьянскимъ обществамъ дозволялось изъ числа шляхты, однодворцевъ, разночинцевъ и помѣщичьей прислуги, не только виновныхъ въ сношеніи съ повстанцами, но и «заподозрѣнныхъ» въ томъ задерживать и передавать военнымъ командамъ (*Цыловъ*, «Сборникъ распоряженій гр. Муравьева», 381—2).

5 августа 1863 полковникъ Цеге фонъ - Мантейфель, стоявшій съ отрядомъ въ Бѣлостокѣ, получилъ отъ Муравьева предписаніе по телеграфу: «деревню Яворовку, въ 12 верстахъ отъ Бѣлостока, сжечь; мѣсто, гдѣ она стояла, вспахать, а жителей увести въ Бѣлостокъ». Деревня по удаленіи изъ домовъ жителей была сожжена, но распашка земли признана исполнителями воли Муравьева невозможною; жители были сосланы на границы Туркестанскаго края («Русск. Ст.», 1883 г., XXXVIII, 227).

Въ шляхетской околицѣ Ибяны (въ Ковенскомъ уѣздѣ) были замучены и повѣшены 6 русскихъ отставныхъ солдатъ (служившихъ батраками у шляхтичей), вслѣдствіе предписанія воеводы повстанцевъ. Муравьевъ предписалъ отправить туда военный отрядъ, арестовать всѣхъ «крестьянъ - шляхтичей», имущество ихъ продать, а околицу Ибяны сжечь. Жителямъ данъ былъ только двухчасовой срокъ, чтобы вынести изъ домовъ, что успѣютъ, но всѣ мужчины скрылись въ лѣса, и налицо оказалось не болѣе 15 женщинъ съ малолѣтними дѣтьми. Селеніе было сожжено. Даже производившій, по приказанію Муравьева, это сожженіе называетъ его «беззаконіемъ». На мѣстѣ прежней шляхетской околицы были водворены русскіе, семьи которыхъ пострадали отъ польскаго возстанія («Истор. Вѣстн.», 1883, № 11, стр. 356—360 [1]).

Когда оказалось, что два старообрядца, проживавшіе въ одномъ селеніи Вилькомірскаго уѣзда, были повѣшены въ ближайшемъ лѣсу, и мѣстные жители не могли объяснить, какъ это слу-

---

[1]) Третья уничтоженная околица, въ Гродненскомъ уѣздѣ, была населена шляхтичами Щуками, которые въ 1863 г. были отправлены въ Сибирь на поселеніе; другая околица, которую постигла такая же судьба, была населена Сергейчиками («Р. Ст.», 1883, т. XXXVII, стр. 623, т. XL, стр. 600). Въ Гродненской губ. были уничтожены еще околицы Дзика и Штукины (Limanowski Historya powstania narodu polskiego 1863 i 1864 R. Lwów, 1909, стр. 363). Генералъ Манюкинъ сжегъ мѣстечко Семятичи («Былое», 1907 г., № 2, стр. 220).

чилось, то 17 семействъ жмудинъ были выселены въ Саратовскую губернію, при чемъ имъ было дозволено взять съ собою движимое имущество, а земли ихъ были назначены къ раздачѣ русскимъ («Ист. Вѣстн.», 1883, № 11, стр. 356).

Муравьевъ настаивалъ, чтобы высылаемыхъ на жительство поляковъ не размѣщали по городамъ Россіи, а отправляли въ сѣверныя части Архангельской, Олонецкой, Вятской и Тобольской губерній, въ Туруханскій край (Енисейской губ.) и Якутскую область и чтобы сосланныхъ въ каторжную работу, и даже лишь съ лишеніемъ особыхъ правъ на жительство, не возвращали въ Западный край. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ отвѣчалъ ему, что не находитъ возможнымъ «всякую высылку обращать въ безсрочную и безвозвратную ссылку» и что Туруханскій край и сѣверныя части Архангельской и Тобольской губерній «не представляютъ условій, необходимыхъ для простой осѣдлости значительнаго числа поселенцевъ» и потому, «не говоря даже объ общихъ требованіяхъ человѣчества», колоніи эти «будутъ постояннымъ бременемъ для правительства». Тѣмъ не менѣе, Западный Комитетъ, согласившись съ мыслью Муравьева, что всѣ политическіе преступники неисправимы, призналъ необходимымъ удаленіе навсегда изъ мѣстности, гдѣ произошло возстаніе, высылаемыхъ какъ въ судебномъ, такъ и въ административномъ порядкѣ и назначеніе для поселеній болѣе виновныхъ изъ высылаемыхъ Якутскаго и Туруханскаго края и сѣверныхъ частей Архангельской и Тобольской губ.; государь утвердилъ это постановленіе комитета 5 марта 1864 г. («Русск. Стар.», 1883, т. XXXVIII, 193—204, 459—463). Въ запискѣ, поданной государю 14 мая 1864 г., Муравьевъ настаивалъ, чтобы наиболѣе вреднымъ административно ссыльнымъ не дозволялось возвращаться на родину ранѣе, какъ чрезъ 15 лѣтъ («Русск. Арх.», 1885 г., кн. 5, стр. 194).

Наиболѣе необходимымъ считалъ Муравьевъ для подрыва польскаго вліянія въ Западномъ краѣ экономическое разореніе поляковъ и для этого обложилъ польскихъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ тяжелыми контрибуціями (см. объ этомъ ниже въ письмахъ Муравьева и въ примѣчаніяхъ къ нимъ). Онъ добивался также того, чтобы конфискованныя и секвестрованныя имѣнія не могли быть продаваемы полякамъ, и мысль эта была осуществлена правительствомъ при преемникѣ Муравьева, ген.-губернаторѣ Кауфманѣ.

Кромѣ указанныхъ мѣръ и устройства быта крестьянъ (о чемъ рѣчь будетъ ниже), система Муравьева въ другихъ отношеніяхъ видна изъ записки, представленной имъ государю 14 мая 1864 г. Она была разсмотрѣна въ комитетѣ министровъ, и были приняты и утверждены государемъ его предложенія относительно увеличенія содержанія православнаго духовенства, упраздненія римско-католическихъ монастырей, прикосновенныхъ къ возстанію, запрещенія учреждать новые филіальные костелы и возобновлять существующіе, а также вступать въ монашество безъ разрѣшенія главнаго начальника края, опредѣленія ксендзовъ не иначе, какъ съ согласія губернатора [1]), уничтоженія польскаго языка во

---

[1]) Въ своемъ отчетѣ по двухлѣтнему управленію Сѣверо-западнымъ краемъ Муравьевъ старался увѣрить государя, что «католическая вѣра того края— не вѣра, а политическая ересь» («Русск. Стар.», 1902 г., № 6, стр. 503).

всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, устройства возможно большаго числа русскихъ народныхъ школъ, увеличенія на 50% содержанія русскимъ чиновникамъ, прибывающимъ въ Западный край, и возможно большаго ограниченія назначенія на должности въ немъ лицъ польскаго происхожденія, прекращенія употребленія польскаго языка во всѣхъ официальныхъ и служебныхъ отношеніяхъ. Муравьевъ добивался также, чтобы въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ допускалось обученіе поляковъ въ размѣрѣ не болѣе 10% всего числа учащихся въ нихъ, и мѣра эта была принята въ качествѣ временной («Русск. Арх.», 1885, № 6, стр. 186 — 197, «Русск. Стар.», 1883 г., т. XXXVII, стр. 136 — 138, 301, т. XL, стр. 627, 1884 г., № 6, стр. 573—584, 1902 г., № 6, стр. 499 — 500).

Окончательно покидая Сѣверо-западный край, Муравьевъ убѣждалъ государя сохранить въ немъ военное положеніе и продолжать контрибуціонные сборы съ польскихъ помѣщиковъ, такъ какъ эти помѣщики, шляхта и ксендзы не достойны никакой милости» («Русск. Стар.», 1902 г., № 6, стр. 510).

Дѣятельность Муравьева въ Западномъ краѣ встрѣтила весьма различную оцѣнку въ разныхъ слояхъ русскаго общества. Московскій митрополитъ Филаретъ прислалъ ему икону архистратига Михаила при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда» («Русск. Стар.», 1882 г., т. XXXVI, 405). Ко дню своихъ именинъ, 8 ноября 1863, Муравьевъ получилъ изъ Петербурга адресъ съ 79 подписями, гдѣ выражалось сочувствіе его дѣятельности «на сохраненіе спокойствія, чести и единства отечества», и икону съ надписью изъ письма митр. московскаго — «Твое имя—побѣда», Въ числѣ подписавшихся, на ряду съ лицами изъ официальнаго міра, какъ гр. Д. Н. Блудовъ, А. Зеленой, гр. Муравьевъ-Амурскій, И. Деляновъ, И. Корниловъ, Д. А. Милютинъ, мы находимъ и имя К. Кавелина, находившагося прежде въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми видными польскими дѣятелями, какъ, напр., съ Іосафатомъ Огрызкой («Русск. Арх.», 1897 г., № 11, стр. 394) [1]. Очевидно, нужно было немало гражданскаго мужества, чтобы отказаться подписать адресъ «людоѣду», какъ это сдѣлалъ петер. генер.-губернат. Суворовъ. Московскій англійскій клубъ на обѣдѣ 8 іюля 1863 г. привѣтствовалъ Муравьева сочувственною телеграммою, получались сочувственные телеграммы и адреса и изъ другихъ мѣстъ Россіи («Русск. Стар.», 1883, т. 40, стр. 405). Въ печати главнымъ и весьма восторженнымъ хвалителемъ мѣръ Муравьева былъ Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Отрицательное же отношеніе къ политикѣ главнаго начальника Сѣверо-западнаго края, весьма распространенное въ наиболѣе прогрессивныхъ слояхъ общества, могло лишь очень робко выражаться въ печати, и, тѣмъ не менѣе, Муравьевъ, при представленіи государю въ маѣ 1864 г., доложилъ о необходимости «обратить вниманіе на польскую пропаганду, распространяемую газетою «Голосъ», издаваемою самымъ неблагонадежнымъ полякомъ (sic!) Краевскимъ. Газета эта, «по словамъ Муравьева, есть органъ польскихъ революціонеровъ (sic!) и чрезвычайно вредна въ краѣ»

---

[1]) О мнѣніяхъ Кавелина по польскому вопросу вообще и въ частности о нашемъ господствѣ въ Литвѣ см. воспоминанія Спасовича въ «Собр. соч. К. Д. Кавелина», Спб. 1898 г., т. II, стр. XIV—XV, XXV—XXVII.

(«Русск. Арх.», 1897 г., № 11, стр. 392). А Катковъ доносилъ на «Петербургскія Вѣдомости» редакціи В. Ѳ. Корша, что они мирволятъ полякамъ. Вполнѣ свободно порицать Муравьева можно было только въ заграничной печати, и въ «Колоколѣ» Герценъ выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ патріотической оргіи восхваленій Муравьева: «Слишкомъ много ужаса и позора!—писалъ онъ.— Кровь пьянитъ *ихъ*..., *они* глумятся, *они* обругиваютъ идущихъ на смерть; они оскорбляютъ трупы и пятнаютъ вдовъ и женъ падшихъ и сражающихся—и все это русскіе, грамотные, *воспитанные*, пишущіе въ журналахъ... Въ нашей литературѣ ничего подобнаго не было.—Все скверное въ русской натурѣ, все искаженное рабствомъ и помѣщичествомъ, служебной дерзостью и безправіемъ, палкой и шпіонствомъ,—все всплыло наружу... Тостъ Муравьеву—историческое событіе. Въ пущее время разгара французской революціи мы не помнимъ, чтобы въ Парижѣ пили за Карье или Фуше, ни даже, чтобъ дѣлали оваціи литературнымъ помощникамъ Фукье Тенвиля, журнальнымъ... «поставщикамъ гильотины»... Можетъ наша рѣчь,—заканчивалъ Герценъ свою статью,—иной разъ, какъ угрызеніе совѣсти, помѣшаетъ пирующимъ между кулебякой Каткову и кубкомъ Муравьеву! («Колоколъ», 1863, 1 августа, № 168). Насколько правъ былъ Герценъ въ своемъ протестѣ, видно изъ того, что даже немало либеральничавшій славянофилъ А. И. Кошелевъ писалъ Погодину въ 1863 г.: «А Муравьевъ хватъ: вѣшаетъ да разстрѣливаетъ! Дай Богъ ему здоровья» (*Барсуковъ*, XX, 186). Нужно замѣтить, впрочемъ, что на ряду съ сочувственными телеграммами и адресами Муравьевъ, по его собственному свидѣтельству, получалъ почти ежедневно ругательныя письма «изъ всѣхъ странъ Европы и на всѣхъ языкахъ»; присылали ему и карикатуры, изображеніе висѣлицъ, эшафотовъ («Р. С.», т. XXXVI, 625). Сохранилось изображеніе его у столба, увѣнчаннаго двумя нагайками надъ кучею скелетовъ, съ изображеніемъ по бокамъ висѣлицъ и пылающихъ домовъ. (Снимокъ см. Grabiec «Rok 1863», Pozn, 1913, стр. 382 [1]). Немало угрозъ получалъ Муравьевъ, былъ и замыселъ на его жизнь, но онъ былъ очень остороженъ: «во дворецъ генералъ-губернатора не могла пробраться ни одна подозрительная личность; дворцовый садъ, гдѣ онъ часто гулялъ, былъ окруженъ высокою стѣною и цѣпью часовыхъ». Муравьевъ «почти никуда не ѣздилъ, развѣ къ обѣднѣ, въ соборъ и къ митрополиту, извѣстному Іосифу Сѣмашко; ѣздилъ же онъ въ маленькой каретѣ, при чемъ «казаки скакали вплотную къ окнамъ, и карета неслась съ такою быстротою, что подступиться не было возможности» («Истор. Вѣстн.», 1892, № 12, стр. 625, 1884 г., т. XV, 543).

Въ дѣятельности Муравьева въ сѣверо-западной Россіи очень много сторонъ, глубоко возмущающихъ нравственное чувство; но въ крестьянскомъ дѣлѣ его рѣшительность и замѣчательная энергія принесли чрезвычайно много пользы сельскому населенію Сѣверо-западнаго края.

Въ своихъ запискахъ Муравьевъ говоритъ: «Манифестъ 19 февраля 1861 г. и прекращеніе крѣпостного права, по слабости и

---

[1]) Шаржированный портретъ Муравьева былъ напечатанъ въ Illustrated Times 2 янв., 1864 г. Ср. по поводу этого портрета замѣтку въ «Колоколѣ» (очевидно, Герцена), 1864 г., 15 янв., стр. 1460.

безпечности начальства, не былъ даже введенъ въ дѣйствіе [1]). Крестьяне еще въ началѣ 1863 г. во многихъ мѣстахъ отправляли барщинную повинность или платили неимовѣрные оброки тамъ, гдѣ была прекращена барщина. Мировые посредники были всѣ избраны изъ мѣстныхъ помѣщиковъ... Положеніе 19 февраля было превратно истолковано крестьянамъ, при составленіи же уставныхъ грамотъ отняты у нихъ лучшія земли и обложены высокими оброками, далеко превосходящими ихъ средства». Крестьянъ, которые не платили этихъ оброковъ, «подвергали строгимъ наказаніямъ, заключали въ тюрьмы, и... мѣстное начальство, по ходатайству тѣхъ мировыхъ посредниковъ и помѣщиковъ посылало войско для усмиренія мнимыхъ крестьянскихъ бунтовъ» («Русск. Стар.», т. 36, стр. 409—410).

Хотя, вѣроятно, не всѣ мировые посредники-поляки руководились только классовыми и националистическими интересами, но все же свидѣтельство Муравьева о тяжеломъ положеніи бывшихъ крестьянъ и послѣ паденія крѣпостного права подтверждается и другими источниками [2]). «По положенію 19 февраля,—разсказываетъ мировой посредникъ Захарьинъ,—крестьяне Могилевской губ. должны были быть надѣлены землею въ количествѣ $4^1/_2$ дес. на душу удобной земли. Но польскіе мировые посредники, при введеніи уставныхъ грамотъ, отводили иногда крестьянамъ, во-первыхъ, вмѣсто указанной въ законѣ десятины..., мѣстный моргъ, который былъ много меньше десятины; а во-вторыхъ, подъ видомъ удобной земли, у крестьянъ въ надѣлѣ, при повѣркѣ, оказывалась всяческая земля —и удобная, состоящая изъ пашни и луговъ, и совершенно никуда негодная и ничего нестоящая земля — изъ овраговъ, дорогъ, болотъ и песчаныхъ или каменистыхъ участковъ и клочковъ, которые немыслимо было удобрять, а слѣдовательно, и что-либо сѣять на нихъ. Между тѣмъ крестьяне по уставной грамотѣ обязывались платить полный 9-рублевый оброкъ за эти свои, наполовину неудобные, надѣлы... Самое количество душъ въ селеніяхъ показано было по уставнымъ грамотамъ въ преувеличенномъ числѣ, съ тѣмъ, конечно, расчетомъ, чтобы получать большій оброкъ, а впослѣдствіи—бóльшую выкупную ссуду. Отъ этого недоимки на крестьянахъ образовались «весьма значительныя» [3]).

Такое печальное положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Сѣверо-западномъ краѣ заставило еще предшественника Муравьева, ген.-губ. Назимова, хлопотать о прекращеніи временно-обязанныхъ отношеній между ними и помѣщиками, но до польскаго возстанія 1863 г. ходатайства его не увѣнчивались успѣхомъ. Когда же въ Сѣверо-западномъ краѣ появились первыя вооруженныя банды, указомъ 1 марта 1863 было повелѣно съ 1 мая прекратить

---

1) Въ отчетѣ государю за время своего управленія Сѣверо-западнымъ краемъ Муравьевъ выражается такъ: «сельское населеніе» не знало даже всѣхъ своихъ правъ, «дарованныхъ Положеніемъ 19 февраля». «Русск. Стар.», 1902 г., № 6, стр. 495.

2) Вороновъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: въ уставныхъ грамотахъ, составленныхъ польскими мировыми посредниками, былъ допущенъ полнѣйшій произволъ: крестьяне надѣлялись худшими землями, лугами и пастбищами, а выгоны за плату; лѣсами же почти не были надѣляемы, развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ». «Воспоминанія Н. И. Воронова по Западному краю», стр. 187.

3) *И. Н. Захарьинъ.* «Воспоминанія о Бѣлоруссіи». «Истор. Вѣстн.», 1884 г., т. 16, стр. 68; перепечатано въ книгѣ «Тѣни прошлаго», 1885 г., стр. 257.

«обязательныя отношенія» крестьянъ къ помѣщикамъ въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской и учредить повѣрочныя комиссіи для разсмотрѣнія состоявшихся между помѣщиками и крестьянами сдѣлокъ.

Проявить энергію въ крестьянскомъ дѣлѣ въ Западномъ краѣ русское правительство было вынуждено не только началомъ польскаго возстанія, но и тѣмъ, что декретомъ польскаго революціоннаго правительства отъ $^{10}/_{22}$ янв. 1863 г. вся земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ и за которую они отбывали барщину или платили оброкъ, была объявлена собственностью крестьянъ безъ какихъ бы то ни было платежей въ пользу прежнихъ землевладѣльцевъ, помѣщикамъ же обѣщано вознагражденіе изъ національныхъ фондовъ. Другимъ декретомъ того же дня халупникамъ (chałupa—хижина, хата), огородникамъ, коморникамъ, батракамъ и вообще всѣмъ, снискивающимъ себѣ пропитаніе однимъ личнымъ трудомъ, которые пойдутъ на войну съ русскимъ правительствомъ, было обѣщано, а въ случаѣ смерти ихъ—женамъ и дѣтямъ, по окончаніи войны по 3 морга земли изъ государственныхъ имуществъ [1]). 9 марта было издано подтвержденіе этого декрета съ подробнымъ наставленіемъ, какъ приводить его въ исполненіе. 31 марта и 2 іюня были изданы новыя подтвержденія, обращенныя, главнымъ образомъ, къ помѣщикамъ съ угрозами немедленнагѳ наказанія въ случаѣ ослушанія [2]). 31 марта была обнародована и «Золотая грамота до сельскаго народа» [3]).

Послѣ того, какъ польское революціонное правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы всѣ поляки оставили русскую государственную службу, большая часть мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ предводителей дворянства и нѣкоторые изъ польскихъ чиновниковъ въ началѣ мая 1863 г., еще при Назимовѣ, прислали просьбы объ увольненіи ихъ отъ службы. Муравьевъ приказалъ отстранить отъ должностей всѣхъ просившихъ объ увольненіи, а мировыя учрежденія въ четырехъ литовскихъ губерніяхъ закрыть и затѣмъ сдѣлать вызовъ русскихъ людей на службу въ Сѣверо-западный край. Съ августа 1863 г. въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ возстаніе было подавлено, онъ постепенно назначалъ русскихъ мировыхъ посредниковъ и членовъ повѣрочныхъ комиссій, такъ что къ концу года въ большей части уѣздовъ были русскіе дѣятели по крестьянскому дѣлу. «Скоро можно было убѣдиться,—говоритъ Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что утвержденіе уставныхъ грамотъ въ томъ видѣ, какъ они были составлены, послужило бы къ вящшему разоренію крестьянъ и къ возбужденію» ихъ «противъ правительства... Я рѣшился воспользоваться моментомъ, съ одной стороны, боязни правительства нашего отъ распространившагося мятежа, съ другой — устрашенія самихъ владѣльцевъ сильными мѣрами противу него, и въ августѣ 1863 г. издалъ инструкцію для дѣй-

---

[1]) «Wydawnictwo materyatów do historyi potwstania 1863 — 1864. Tom wstępny. Lwów, 1888, стр. 33—35. Были и помѣщики (напр., въ Августовской губ.), подарившіе крестьянамъ землю, подъ условіемъ биться вмѣстѣ съ ними за отчизну. «Русск. Стар.», 1903 г., № 2, стр. 298.

[2]) *А. Корниловъ*. «Судьба крестьянской реформы въ царствѣ Польскомъ», въ его «Очеркахъ по исторіи общест. движенія и крест. дѣла въ Россіи», Спб., 1905, стр. 375.

[3]) Снимокъ съ нея (на русск. и польск. языкѣ), см. Grabiec «Rok», 1863, Pozn., 1913, стр. 343. «Грамота сельскому народу» Подоліи, Волыни и Украйны, см. «Wydawnictwo materyałów», стр. 36—39.

ствія повѣрочныхъ комиссій, предоставивъ имъ право передѣлывать уставныя грамоты, составленныя въ противность закону, возвращать крестьянамъ отобранныя отъ нихъ въ послѣднее время (съ 1857 г.) земли, обезпечивать обезземеленныхъ крестьянъ и батраковъ, назначать имъ безобидные покосы и выгоны, не лишать ихъ права пользоваться общимъ съ владѣльцемъ топливомъ и пастбищемъ скота, при чемъ приказано было опредѣлить оцѣнки оброковъ сообразно дѣйствительной цѣнности участковъ, отнюдь не стѣсняясь прежними высокими платежами... Ходъ крестьянской реформы въ краѣ, столь успѣшный по своимъ послѣдствіямъ и служащій краеугольнымъ камнемъ къ водворенію въ немъ русской народности,— продолжаетъ Муравьевъ,—былъ поводомъ большихъ обвиненій» противъ него. Министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ (кн. Вас. Андр. Долгоруковъ) и многія другія высшія лица представляли государю, что главные дѣятели на мѣстахъ по крестьянскому дѣлу суть люди вредные, преданные системѣ соціалистовъ и разрушающіе всякій общественный порядокъ [1]). Обвиненіе это еще болѣе поддерживалось польскою шляхтою и нѣмецкими баронами, которые увидѣли, что имъ нельзя продолжать систему тяжелаго угнетенія крестьянъ и отнимать у нихъ тѣ угодья, которыми поселяне многіе годы пользовались, и лишать ихъ всѣхъ средствъ къ существованію» («Русск. Стар.», т. 36, стр. 409 — 411, 426 — 7, т. 37, стр. 143, ср. 1902 г., № 6, стр. 495—498, 501).

Такъ, Муравьевъ, въ началѣ подготовки крестьянской реформы въ Россіи, въ 1857 г., провозглашавшій, что освобожденія не будетъ, а затѣмъ употреблявшій всѣ усилія, чтобы ухудшить условія освобожденія, здѣсь въ Сѣверо-западномъ краѣ, по политическимъ соображеніямъ, сдѣлался ревностнымъ защитникомъ интересовъ крестьянъ. Свидѣтельство самого Муравьева объ его аграрной политикѣ въ Сѣверо-западномъ краѣ можно было бы подтвердить свидѣтельствомъ многихъ лицъ, служившихъ подъ его начальствомъ. По словамъ Бутовскаго, членамъ повѣрочныхъ комиссій и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, а также и мировымъ посредникамъ «даны были инструкціи дѣлать возможно дешевую оцѣнку землямъ, отводимымъ крестьянамъ въ надѣлъ»... «И дѣйствительно новые мировые посредники и повѣрочныя комиссіи, просматривая уставныя грамоты, не стѣснялись увеличивать надѣлъ и сбавлять цѣну землѣ» («Истор. Вѣстн.», 1883 г., № 10, стр. 99, № 11, стр. 349). Крестьяне или ихъ семьи, лишившіяся своихъ участковъ въ промежутокъ времени отъ введенія инвентарей до 1857 г., имѣли право на полученіе 3 десят. надѣла, жалобы же крестьянъ на отобраніе у цѣлыхъ селеній земель, бывшихъ въ ихъ пользованіи въ 1857 г. за повинность, должны были разсматриваться и рѣшаться мировыми посредниками. Вольные люди, переведенные въ это сословіе изъ бывшихъ крѣпостныхъ или временно-обязанныхъ послѣ 20 ноября 1857 г., были сравнены съ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, во всѣхъ правахъ, въ томъ числѣ по земельному

[1]) Въ аудіенціи, данной Муравьеву 24 марта 1865 г., государь принялъ его очень сухо и въ словахъ, «несвойственныхъ» даже его обыкновенной деликатности въ обращеніи, между прочимъ, упрекалъ Муравьева за то, что «въ числѣ мировыхъ посредниковъ много соціалистовъ». «Русск. Стар.», 1883 г., т. 37, стр. 153. Обвиняли мир. посредниковъ въ соціализмѣ газета «Вѣсть» Скарятина и петербургскіе противники Муравьева. *Захарьинъ.* «Тѣни прошлаго», Спб., 1885 г., стр. 269—270.

устройству, если сами не пожелаютъ причислиться въ другое званіе (Цыловъ, 38, 78—80, 92—96 [1]).

О соціализмѣ мировыхъ посредниковъ имп. Александръ II заговорилъ, быть-можетъ, и подъ вліяніемъ не только петербургскихъ враговъ аграрной системы Муравьева: на западѣ нашлись люди, заподозрившіе его самого въ соціализмѣ. Въ Англіи въ палатѣ лордовъ, лордъ Элленборо сказалъ: «Россійскій императоръ первый революціонеръ въ Европѣ: онъ становится во главѣ освобожденія крестьянъ противъ ихъ прежнихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности» («Колоколъ», 1863 г., № 168, 1 авг., стр. 1388).

Самымъ лучшимъ показателемъ результатовъ аграрной системы Муравьева въ Сѣверо-западномъ краѣ являются статистическія данныя. Извѣстный покойный публицистъ, С. Н. Южаковъ, сдѣлалъ попытку сравнить результаты аграрной реформы въ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ краяхъ и пришелъ въ выводу, что «въ Юго - западномъ краѣ крестьянское землевладѣніе расширено вдвое больше..., а платежи понижены въ полтора раза больше, нежели въ генералъ-губернаторствѣ Муравьева» [2]). Замѣтка эта основана на данныхъ извѣстнаго «Военно-статистическаго сборника», редактированнаго генараломъ Обручевымъ. Но новѣйшее, болѣе точное изслѣдованіе этого вопроса, произведенное Д. И. Рихтеромъ [3]) относительно пяти сѣверо-западныхъ губерній на основаніи 91,2% выкупныхъ сдѣлокъ, показываетъ, что крестьянское землевладѣніе послѣ реформы увеличилось сравнительно съ дореформеннымъ землевладѣніемъ въ губерніяхъ Гродненской на 12%, Виленской — 16%, Витебской (4 такъ называемыхъ инфляндскихъ уѣзда) 17%, Ковенской 19% и Минской 41%, а въ среднемъ выводѣ по этимъ 5 губерніямъ на 24%. Въ юго-западныхъ же губерніяхъ пореформенное крестьянское землевладѣніе сравнительно съ дореформеннымъ землепользованіемъ по изслѣдованію Д. И. Рихтера увеличилось въ Волынской губ. на 15%, Подольской 18% и Кіевской 21%, а въ среднемъ выводѣ по 3 губерніямъ на 18%.

Указами 1 марта и 2 нояб. 1863 г. выкупъ въ Западномъ краѣ въ отличіе отъ остальной Россіи былъ сдѣланъ обязательнымъ, а 28 апрѣля 1865 г. выкупные платежи понижены на 20%, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 15% оброка [4]). Въ среднемъ выводѣ въ 3 названныхъ губерніяхъ Юго-западнаго края платежи были понижены на 48%, а въ 5 сѣверо-западныхъ губерніяхъ на 64,5% [5]).

---

[1]) Изъ казенныхъ земель надѣлялись крестьяне и отставные солдаты (см. описаніе производства такого надѣленія по жеребію въ «Ист. Вѣстн.», 1883 г., № 11, стр. 341— 343). Огородники (крестьяне, пользующіеся только одною усадьбою) и бобыли, или кутники, не имѣвшіе полевыхъ надѣловъ, получали надѣлы изъ казенныхъ земель, отбираемыхъ у шляхты, однодворцевъ и другихъ разночинцевъ, водворенныхъ въ казенныхъ имѣніяхъ, въ случаѣ участія этихъ лицъ въ возстаніи (*Цыловъ*, 246—247, 379—380).

[2]) «Крестьянское дѣло въ Сѣверо-западномъ краѣ при генералѣ Муравьевѣ». «Вѣстн. Евр.», 1883 г., № 9, стр. 378 (замѣтка подписана только буквами С. Н.—иниціалами имени и отчества С. Н. Южакова, но мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ ея авторъ). Срав. ст. *В. Анисимова* «Надѣлы» въ «Велик. реформѣ», подъ ред. Дживелегова, Мельгунова и Пичеты, т. II, 95—96.

[3]) «Вѣстникъ Финансовъ», 1900 г., № 39.

[4]) С. (П. А. Соколовскій). «Крестьяне въ Сѣверо-западномъ краѣ». «Устои», 1882, кн. I, стр. 97—99.

[5]) Кн. *Д. И. Шаховской*. «Выкупные платежи». «Великая реформа», т. VI, 113.

Если, слѣдовательно, разница въ размѣрѣ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія между Сѣверо-западнымъ и Юго-западнымъ краями не велика, то пониженіе выкупныхъ платежей въ первомъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ во второмъ. Это составляетъ несомнѣнную заслугу Муравьева [1]), и хотя и не обѣляетъ его отъ всѣхъ звѣрствъ, имъ совершенныхъ, но все же показываетъ, какъ хорошо понималъ онъ, что прочнаго успокоенія края, удержанія крестьянъ отъ принятія участія въ возстаніи можно было достигнуть не бѣлымъ терроромъ, а рядомъ положительныхъ мѣръ для поднятія благосостоянія крестьянъ. Насколько ниже его усмирители и успокоители послѣдняго времени, которые на ряду съ тѣми же средствами жестокихъ казней, но въ большемъ размѣрѣ, не сумѣли придумать ничего, кромѣ разрушенія общиннаго землевладѣнія, приводящаго быстрыми шагами къ пролетаризаціи населенія! Эта пролетаризація, въ концѣ-концовъ, создаетъ, конечно, не успокоеніе.

В. С.

12-го мая 1863 года, С.-Петербургъ.

Прошу васъ, любезнѣйшій другъ Александръ Алексѣевичъ, вскрыть прилагаемое при семъ письмо и передать женѣ и дѣтямъ моимъ въ случаѣ моей смерти. Убѣдительно прошу васъ сдѣлать все возможное, чтобы обезпечить (въ случаѣ моей смерти) мою жену. Государь обѣщалъ мнѣ это.

Надѣюсь, что Его Величество не оставитъ моей жены.—Напомните это Государю и устройте все.

Вотъ моя послѣдняя къ вамъ дружеская просьба; на васъ вполнѣ надѣюсь. Ежели бы можно было оставить ей пожизненно получаемые мною изъ удѣловъ 8.000 рублей и предоставить ей мою аренду.

Умоляю васъ, сдѣлайте, что можно будетъ. Не забудьте искренно, дружески вамъ преданнаго Михаила Муравьева.

Еще разъ умоляю васъ не оставить жены и доложить объ этомъ въ свое время Государю.

М. Муравьевъ.

Я надѣюсь, что Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ [2]) не откажетъ въ назначеніи женѣ упомянутыхъ 8.000 р.; попросите Графа отъ меня. Я увѣренъ въ его обязательности и искреннемъ ко мнѣ расположеніи. Убѣдительно прошу его въ этомъ не отказать.

М. Муравьевъ.

Вильно, 17-го мая, 6 ч. утра 1863 г.

Сегодня третій день, какъ я здѣсь, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ. Работаю день и ночь и едва успѣваю собрать нѣкоторыя свѣдѣнія и средства для начатія какого-либо дѣйствія.

---

[1]) Въ отдѣльныхъ случаяхъ могли быть совершены несправедливости относительно помѣщиковъ (ср. «Былое», 1907 г., № 1, стр. 63), но въ общемъ выводѣ по всѣмъ губерніямъ Западной Россіи цѣнность крестьянскихъ надѣловъ по выкупу все же была нѣсколько выше цѣнности ихъ по продажнымъ цѣнамъ 1854—58 гг. и равнялась ей по цѣнамъ 1863—72 гг.; помѣщики же остальной Россіи получили за свои земли плату, значительно превосходящую ихъ дѣйствительную стоимость: въ черноземной полосѣ на 56%, въ нечерноземной 121% сравнительно съ цѣнами земли 1854—58 гг. (Ал. Лосицкій. «Выкупная операція». СПБ. 1903 г., стр. 16—18. *Ред.*

[2]) Министръ двора Адлербергъ.

Положеніе дѣлъ не хороши, потому что все оставалось безъ управленія. Вильно наполнено помѣщиками мятежниками, живущими здѣсь только для содѣйствія мятежу. Ни полиціи, ни полицмейстера нѣтъ; который былъ, тотъ уже дней десять какъ отпущенъ въ отпускъ; я объ немъ не сожалѣю, ибо онъ былъ дрянцо, но теперь не слѣдовало его отпускать. Канцелярія не существуетъ, потому что ей довѣрять нельзя, и я долженъ формировать новую, а между тѣмъ надобно дѣйствовать. Высшее здѣшнее духовенство и въ особенности епископъ Красинскій покровительствуютъ мятежу, не говоря уже о ксендзахъ и вообще о монастыряхъ. На-дняхъ я за нихъ серьезно возьмусь, не оставлю и епископа. Объ одномъ ксендзѣ приговоръ уже мною утвержденъ, и на-дняхъ будетъ разстрѣлянъ, потому что здѣсь нѣтъ человѣка, который бы могъ его повѣсить; дурное же исполненіе подобной казни было бы очень неблагопріятно [1]). Надобно будетъ требовать для сего на будущее время палача изъ Варшавы.

Въ губерніяхъ Виленской и Ковенской никакого управленія нѣтъ; вездѣ мятежныя шайки. Привыкли на все смотрѣть равнодушно и довольствуются только удержаніемъ городовъ и нѣкоторыхъ становыхъ квартиръ. Теперь очень трудно выйти изъ этого постыднаго положенія безъ временнаго усиленія частей войскъ. Я стараюсь всѣ эти дни собрать нѣсколько ротъ изъ разныхъ мѣстъ и скоро начну очищать отъ мятежниковъ уѣзды Виленской губерніи съ водвореніемъ въ оныхъ строгаго воинскаго управленія. Не знаю, какой будетъ успѣхъ, но, конечно, будетъ нѣкоторая польза. Въ двухъ подвижныхъ колоннахъ буду имѣть до двадцати ротъ. Щастливъ, что могъ собрать на первый разъ и это число войскъ.

Духъ въ войскахъ отличный. Начальство и солдаты такъ и рвутся, чтобы идти въ дѣло, имъ надоѣло бездѣйствіе. Если бы Государь прислалъ намъ сюда, хотя на время, до сформированія резервовъ, два или даже одинъ боевой полкъ, то много бы улучшилось дѣло, и скоро бы очистили Виленскую губернію отъ мятежныхъ шаекъ, что крайне необходимо сдѣлать скорѣе; ибо они усиливаются и правильно формируются. Прошу васъ доложить объ этомъ Государю. Безъ временнаго пособія войсками для сказанной цѣли я не могу быть здѣсь полезенъ.

Надобно, чтобы военный министръ оставилъ свои не совсѣмъ практическіе взгляды и приказалъ бы озаботиться о скорѣйшемъ снабженіи формирующихся войскъ всѣмъ нужнымъ. Стыдно, что по сію пору нѣтъ офицеровъ въ формирующихся войскахъ; неужели нельзя ихъ имѣть въ Россіи. Въ 1854 и 1855 годахъ армія была въ шесть разъ болѣе, и нашли офицеровъ, потому что объ нихъ заботились; конечно, много изъ нихъ было и не хорошихъ, но было, однакоже, на одну треть и благонадежныхъ; теперь же нужно ихъ гораздо меньше. Я писалъ уже объ этомъ военному министру; ожидаю отвѣта отъ него. Я принялъ на себя страшное бремя управленія краемъ и командованіе войскомъ

---

[1]) 22 мая былъ разстрѣлянъ ксендзъ Ишора за оглашеніе манифеста жонда народоваго отъ 22 янв. 1863 г. О дарованіи ему жизни пріѣзжалъ просить виленскій православный епископъ Іосифъ Сѣмашко, но Муравьевъ рѣзко отвѣчалъ ему: «никакихъ послабленій попамъ—въ особенности попамъ!—не будетъ». *Н. Бергъ*. «Гр. М. Н. Муравьевъ», «Русск. Стар.», 1883 г., № 4, стр. 228. Описаніе казни «Русск. Стар.», 1883 г., № 10, стр. 196, 1902 г., № 12, стр. 478.

въ надеждѣ на дѣятельное содѣйствіе въ Петербургѣ; Государь мнѣ это обѣщалъ; но мои требованія еще не исполнены. Пожалуйста, скажите это военному министру; пора намъ приняться за дѣло дружно, какъ слѣдуетъ. Поляки дѣйствуютъ при меньшихъ средствахъ съ большимъ умѣніемъ и энергіею; у нихъ войска формируются въ лѣсахъ скоро и хорошо, а мы мямлимъ, ибо еще у многихъ и амуниціи нѣтъ. Право, это стыдно. Черезъ нѣсколько дней я напишу объ своемъ штабѣ и помощникѣ. Повидимости надобно будетъ ихъ замѣнить другими. Они рѣшительно ничего не знаютъ и ни о чемъ не заботятся. Я вынужденъ лично собирать обо всемъ свѣдѣнія и работать съ отдѣльными начальниками войска.

Въ отношеніи сихъ послѣднихъ я ими остаюсь доволенъ, ибо много усердія и готовности выполнять приказанія начальства; они сами чувствуютъ, что имъ нужно дать направленіе соотвѣтственно настоящимъ обстоятельствамъ. У начальника же штаба ничего нѣтъ въ головѣ, кромѣ претензіи на ученость, а объ краѣ и какъ его устроить онъ мало думаетъ. Но кого назначить на его мѣсто я самъ не знаю, буду всматриваться и тогда напишу. Помощника надобно будетъ непремѣнно замѣнить другимъ [1]). Надняхъ ожидаю сюда Манюкина и съ нимъ переговорю. Къ сожалѣнію, Манюкинъ, какъ говорятъ, уже недѣли три какъ просится въ отпускъ; это меня крайне затруднитъ. Не придумаете ли вы мнѣ надежнаго и боевого офицера въ начальники Штаба, напишите, кого бы можно было съ пользой для дѣла назначить въ начальники Штаба. Самому же безъ дѣятельныхъ и дѣльныхъ помощниковъ трудно дѣйствовать.

Мнѣ здѣсь теперь много помогаютъ генералы Лошкаревъ [2]) и Соболевскій [3]): первый по устройству гражданскаго управленія, а второй по военному. Безъ нихъ я былъ бы въ безвыходномъ положеніи. Здѣсь еще есть человѣкъ болѣе нежели пустой: это жандармскій генералъ Гильдебрандтъ. Онъ по сію пору не можетъ переварить укрощенія крестьянскаго мятежа въ Динабургскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ,—тамъ у него есть родные и друзья. Онъ рѣшился даже мнѣ объ этомъ говорить въ день общаго представленія чиновниковъ; конечно, я его заставилъ молчать. Онъ теперь уже самъ чувствуетъ, что со мною служить не можетъ, и вчера просилъ, чтобы его уволить; я на это съ радостью согласился и буду просить князя Василія Андреевича [4]) его скорѣе взять отсюда и не пускать даже въ этотъ край и къ своимъ родственникамъ до прекращенія мятежа даже и въ Витебскую губернію,—онъ здѣсь и тамъ одинаково вреденъ [5]). Скажите это князю Долгорукову и попросите его скорѣе избавить этотъ край отъ

---

[1]) Начальникъ штаба—Циммерманъ. Помощникъ командующаго войсками округа г.-а. Фроловъ, нѣкогда любимецъ кн. Паскевича, оставался въ этой должности до янв. 1864 г., когда замѣненъ былъ г.-а. Крыжановскимъ, а самъ назначенъ сенаторомъ. «Русск. Стар.», 1883 г., № 12, стр. 573; 1904 г., № 2, стр. 329. *Ред.*

[2]) Ген.-лейт. Н. Г. Лошкаревъ, директоръ Константиновскаго межевого института въ Москвѣ, былъ командированъ министерствомъ юстиціи въ распоряженіе Муравьева и былъ у него правителемъ канцеляріи. *Ред.*

[3]) Предсѣдатель одной слѣдственной комиссіи; составилъ инструкцію для устройства сельскихъ карауловъ. *Ред.*

[4]) Шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ. *Ред.*

[5]) Нѣсколько подробнѣе говоритъ Муравьевъ о Гильдебрандтѣ въ своихъ запискахъ. «Русск. Стар.». 1882 г., № 11, стр. 391—392, 403. *Ред.*

генерала Гильдебрандта. Я предпишу Длотовскому [1]), чтобы онъ не допускалъ его входить въ сношенія съ Рѣжицкими и Динабургскими помѣщиками: онъ ихъ своими возгласами возбуждаетъ противъ правительства.

18-го мая.

Завтра 19-го мая выступаютъ отсюда и изъ Динабурга двѣ подвижныя колонны для очищенія Виленскаго, Свенцянскаго, Ново-Александровскаго и части Вилькомирскаго уѣздовъ отъ мятежныхъ шаекъ, а третья колонна для очищенія части Виленскаго и Трокскаго уѣздовъ. Надѣюсь этими экспедиціями крѣпко потревожить мятежниковъ и вслѣдъ за симъ водворить въ краѣ строгое управленіе. Посмотримъ, какой будетъ успѣхъ?

Здѣсь носится слухъ, будто бы присылаютъ 1-ую Гвардейскую на смѣну 2-ой; я вчера писалъ военному министру, какъ это теперь будетъ вредно для дѣла, ибо надобно много времени, чтобы пріучить новое войско къ здѣшней мѣстности и войнѣ. Это можно будетъ сдѣлать, когда немного поуправимся съ мятежниками; теперь же это совершенно парализируетъ всякое дѣйствіе и начатыя движенія. Пожалуйста, доложите объ семъ Государю, вѣроятно, князь Василій Андреевичъ не откажетъ мнѣ въ своемъ по этому предмету содѣйствіи.

Попросите Военнаго Министра прислать въ мое распоряженіе нѣсколько надежныхъ штабъ-офицеровъ, чтобы поручить имъ начальство въ уѣздахъ: это совершенно необходимо. Нельзя ли вамъ пригласить сюда въ Полицмейстеры бывшаго московскаго Беринга; онъ былъ бы здѣсь полезенъ; попросите А. Львов. Потапова съ нимъ списаться, но ежели можно поскорѣе. Въ Ковнѣ губернаторъ плохой; надобно будетъ его замѣнить другимъ. Я думаю, что генералъ Синельниковъ могъ бы хотя временно быть туда назначенъ Военнымъ Губернаторомъ; напишите, какъ вы объ этомъ думаете и согласится ли онъ или не имѣете ли вы въ виду другого.

Съ Божіею помощью я надѣюсь, что управлюсь съ краемъ, но нужны люди, способные для дѣла; пожалуйста присылайте сюда поболѣе чиновниковъ для разныхъ полицейскихъ мѣстъ въ города и уѣзды и въ особенности въ исправники.—Попросите объ этомъ же отъ меня П. А. Валуева, но только чтобы скорѣе ихъ присылалъ.

Сегодня 18-го мая я получилъ ваше письмо, любезный Александръ Алексѣевичъ, благодарю васъ очень за сообщенныя свѣдѣнія. Въ вашемъ же дружескомъ участіи совершенно увѣренъ.

Я въ такихъ постоянныхъ хлопотахъ, что, право, писать некогда, вамъ же написалъ много, чтобы душу отвести. И. Д. вамъ лично все перескажетъ, прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, увѣренъ въ вашей дружбѣ. Я здѣсь не унываю, но глубоко грущу. Одно меня поддерживаетъ, что я исполняю свой долгъ передъ Россіею.

Прощайте, дружески васъ обнимаю, душевно вамъ преданный

Вильно 18-го мая
1863-го года.

М. Муравьевъ.

---

[1]) Г.-лейт. Длотовскій, служившій въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, былъ командированъ по представленію министра Зеленаго для прекращенія волненій въ Динабургскомъ уѣздѣ, Витебской губ., съ предоставленіемъ ему права военнаго начальника той мѣстности. Муравьевъ присоединилъ къ району его дѣйствій и нѣкоторые другіе уѣзды, «Русск. Стар.», 1879 г., т. XXV, 516—517; 1882 г., т. XXXVI, 391—2, 401, 403. *Ред.*

25-го мая 1863 года, Вильно.

Очень благодарю Васъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, за письмо Ваше отъ 22-го мая. Я не могу еще сказать ничего положительнаго, до какой степени удастся мнѣ подавить мятежъ, но думаю, что мятежники должны будутъ нѣсколько смириться предъ принимаемыми энергическими мѣрами.

Очень прискорбно быть вынужденнымъ прибѣгать къ смертной казни нѣкоторыхъ виновныхъ, но сдѣлать надобно, ибо нужны теперь примѣры. Въ Вильнѣ я разстрѣлялъ 2-хъ ксендзовъ [1]) и одного дворянина [2]), въ Минскѣ одного артиллерійскаго офицера, бывшаго въ мятежѣ, и послалъ къ исполненію смертнаго приговора въ Ковно надъ однимъ помѣщикомъ; на нѣкоторое время этого, думаю, будетъ достаточно; но придется скоро еще исполнить около десяти приговоровъ, посмотрю, какое вліяніе произведутъ эти казни, кажется, что замѣчается здѣсь уныніе.

Въ уѣздахъ мятежныхъ шаекъ еще много, но ихъ давно бы слѣдовало истребить или не допускать до формированія, теперь же очень трудно находить ихъ въ лѣсахъ; буду стараться ихъ уничтожать и ввести строгое военно-гражданское управленіе въ уѣздахъ. Прилагаю при семъ экземпляръ инструкціи для военныхъ начальниковъ [3]), также и публикацію о причинѣ разстрѣлянія ксендза. Теперь пишу епископу, чтобы онъ далъ отъ себя циркулярное предписаніе ксендзамъ не содѣйствовать мятежу [4]). Не знаю, какой будетъ отвѣтъ; въ случаѣ, что онъ этого не исполнитъ, то я его отправлю на житье въ Петрозаводскъ или Вятку: нужно и высшему духовенству дать хорошій урокъ, ибо онъ тайно содѣйствуетъ мятежникамъ. На-дняхъ я сообщаю Валуеву раскладку на помѣщичьи имѣнія для пополненія издержекъ казны. Эти мѣры необходимы, чтобы дворянство, которое почти все въ мятежѣ, почувствовало всю тягость имъ самимъ возбужденныхъ смутъ въ губерніи. Я прошу Валуева испросить на это Высочайшее соизволеніе во. . . . . [5]). Раскладку уже у меня дѣлаютъ, и деньги скоро взыщемъ. Эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что секвестра на всѣ имѣнія наложить невозможно, ибо почти всѣ помѣщики участвуютъ въ мятежѣ, а единовременный сборъ 10% съ чистаго дохода взыскать можно немедленно, и въ случаѣ надобности можно будетъ его повторить; такъ дѣлаетъ и революціонный комитетъ, которому помѣщики охотно платятъ, а я ихъ заставлю заплатить и казнѣ для покрытія всѣхъ расходовъ по мятежу.

Я тоже и въ Вильнѣ облагаю дома помѣщиковъ сборомъ по оцѣнкѣ, ибо отъ мятежныхъ дѣйствій ихъ прочіе обыватели города несутъ большіе тягости и расходы.

---

1) Ишору и Земацкаго. *Ред.*

2) Лясковскаго. *Ред.*

3) Дана 24 мая. См. «Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева по усмиренію Польскаго мятежа въ сѣверо-зап. губерніяхъ 1863—4 г.». Состав. *Н. Цыловъ.* Вильна. 1866 г., стр. 101—109. *Ред.*

4) Письмо это см. въ «Сборникѣ» Цылова, стр. 31—32. *Ред.*

5) Два слова въ оригиналѣ не разобраны.

Въ Витебскѣ [1]), Могилевѣ и прилегающей къ ней части Минской губерній сельскіе караулы устраиваются успѣшно [2]). Въ Динабургскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ раскольники предложили на свой счетъ сформировать сотню казаковъ [3]); и надѣюсь тоже сдѣлать въ Свенцянскомъ и Ново-Александровскомъ уѣздахъ; въ семъ послѣднемъ уѣздѣ постараюсь я вооружить населеніе *кальвинистовъ*, которые намъ охотно содѣйствуютъ.

Сельскіе же караулы въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ еще идутъ плохо; крестьяне преданы правительству, но напуганы неистовствами, свершаемыми надъ ними мятежниками; наши же войска жили болѣе въ городахъ, а уѣзды большею частью оставались безъ военнаго и гражданскаго управленія. Одними частными экспедиціями нельзя возстановить порядка въ уѣздахъ: для сего необходимо постоянное движеніе въ оныхъ небольшихъ отрядовъ изъ войскъ, квартирующихъ въ городахъ, и безъ составленія блистательныхъ реляцій надобно подражать мятежникамъ, которые при малыхъ силахъ вездѣ страшны ибо, безпрестанно всюду показываются и наводятъ страхъ на сельское населеніе; мы также должны безпрестанно двигаться въ уѣздахъ, и прекращая мятежныя приготовленія, и истребляя едва начинающіяся шайки, оградить жителей отъ разбоя и неистовства мятежниковъ; однимъ этимъ можемъ мы вновь возстановить довѣріе обывателей къ Правительству. Я теперь начинаю вводить эту систему дѣйствія; не знаю, какой будетъ успѣхъ. Кажется, что войска теперь будутъ довольны. Когда возвратятъ тѣ отряды, которые въ Царствѣ Польскомъ, и пришлютъ третьи баталіоны, тогда можно будетъ отпустить и гренадеръ, за присылку которыхъ очень благодаренъ; они теперь очень полезны.

По вашему желанію я поручилъ князю Шаховскому послать въ Горки благонадежнаго штабъ-офицера, чтобы произвести слѣдствіе [4]); но всего лучше, ежели вы поручите оное Половцеву и со стороны военнаго министерства можетъ будетъ только депутатъ въ родѣ помощника для изслѣдованія. Прошу васъ поручить слѣдствіе Половцеву и меня только увѣдомьте по телеграфу, я тогда тотчасъ же дамъ знать по телеграфу объ этомъ Яшвилю, чтобы послалъ въ распоряженіе его для слѣдствія надежнаго штабъ-офицера. Надобно Горки хорошенько перебрать, тамъ, кажется, много блохъ.

Я такъ усталъ, что, право, болѣе писать не могу; ложусь во 2-омъ часу ночи и встаю въ 6-омъ; цѣлый день въ работѣ, и едва успѣваю, ибо все управленіе до конца разрушено; надобно слѣдственнымъ порядкомъ до всего доискиваться и все вновь созидать.

---

[1]) Ген. Длотовскій циркуляромъ 2 мая 1863 г. предписалъ: составленная изъ крестьянъ сельская стража «при появленіи мятежниковъ обязана тотчасъ же нападать на нихъ, вооружаясь, чѣмъ попало: дубинами, колами и т. п., когда же появятся значительныя шайки, то сельская стража нѣсколькихъ селеній можетъ собираться вмѣстѣ въ одну партію и стараться всѣми мѣрами захватывать въ плѣнъ и уничтожать мятежниковъ». Учреждены были и конные разъѣзды, посылаемые ежедневно отъ одного селенія къ другому. *Цыловъ*, 345—6. *Ред.*

[2]) Инструкцію сельскимъ начальникамъ для сформированія сельскихъ вооруженныхъ карауловъ см. *Цыловъ*, 164—167. *Ред.*

[3]) Въ казакахъ мы крайне нуждаемся, попросите Милютина ускорить по возможности ихъ прибытіе сюда. *Примѣч. Муравьева.*

[4]) Ср. «Русск. Стар.», 1882 г., № 11, стр. 422; *С. Кулеша*, «Горыгорецкая катастрофа», «Русск. Ст.», 1883 г., т. 39; *Захарьинъ*, «Тѣни прошлаго», 234—250. *Ред.*

Валуева поблагодарите отъ меня за письмо и его стараніе удовлетворить мои требованія, на-дняхъ ему буду писать.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, дружески васъ обнимаю и благодарю.

Искренно, душевно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

P. S. Я нѣсколько приговоровъ утвердилъ объ отсылкѣ дворянъ въ Вятскую губернію и сѣверные уѣзды Костромской для водворенія ихъ въ волостяхъ казенныхъ крестьянъ подъ ихъ надзоръ.

Надобно бы сдѣлать поболѣе подобныхъ примѣровъ. Я васъ увѣдомлю официально, когда они туда пошлются [1]).

30-го мая 1863 г., Вильно.

Давно я вамъ не писалъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, причина тому недосугъ, и при томъ я хотѣлъ выждать нѣсколько болѣе положительныхъ свѣдѣній о ходѣ дѣла.

Кажется, что первые результаты принятыхъ мѣръ были довольно удовлетворительны; поляки значительно упали духомъ. Даже носится слухъ, что хотятъ просить помилованія, но этому я еще не вѣрю. На-дняхъ я пошлю общее воззваніе къ сельскимъ обывателямъ [2]), и особое прочимъ сословіямъ; необходимо дѣйствовать на нихъ морально. Посмотрю, какой это произведетъ эффектъ.

Въ Вильнѣ все пріутихло, начали даже менѣе носить траура.

Сегодня, ради праздника Божія тѣла, была огромная процессія по всему городу, я нарочно не воспретилъ ее; хотѣлъ видѣть, до какой степени жители Вильны смирились. Десятокъ тысячъ всякаго народа покрывали площадь и улицы, и все было

---

[1]) Къ этому письму были приложены 1) «Инструкція для устройства военно-гражданскаго управленія въ уѣздахъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерній». Она напечатана въ книгѣ *Н. Цылова* «Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ 1863—64». Вильна, 1866 г., стр. 102—109 и 2) «Публикація о причинахъ разстрѣлянія ксендза Станислава Ишоры», напеч. въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», 1863 г., 25 мая, № 56. *Ред.*

[2]) Въ этомъ воззваніи къ сельскимъ обывателямъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губ. (отъ 2 іюня 1863 г.), между прочимъ, сказано: «Сотни бывшихъ вашихъ помѣщиковъ и ксендзовъ, участвовавшихъ въ мятежѣ,... содержатся въ крѣпостяхъ и острогахъ; надъ многими изъ нихъ уже приведены въ исполненіе смертные приговоры Военнаго Суда; та же участь ожидаетъ и другихъ главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ бунта; на имѣнія ихъ наложенъ секвестръ, и доходы съ оныхъ взяты въ казну. Поселянамъ объявлялось: государь, «прекративъ всѣ обязательныя отношенія ваши съ бывшими вашими помѣщиками и оставивъ въ неприкосновенномъ владѣніи вашемъ земли, на которыхъ вы издавна поселены, даетъ вамъ средства немедленно, съ помощью пособія отъ казны, сдѣлаться полными собственниками слѣдующаго вамъ по закону надѣла, который и будетъ утвержденъ за вами повѣрочными комиссіями». Крестьянамъ и бывшимъ дворовымъ людямъ объявлялось еще: «вы не обязаны уже вашимъ прежнимъ помѣщикамъ никакими повинностями; вы совершенно освобождены отъ ихъ зависимости, и если еще и теперь нѣкоторые помѣщики польскаго происхожденія, пользуясь настоящими смутами въ краѣ, заставляютъ отбывать барщину или облагаютъ въ свою пользу платежами, то это есть злоупотребленіе, о прекращеніи котораго строго предписано всѣмъ Военнымъ Начальникамъ». Наконецъ крестьяне призывались къ немедленному устройству изъ своей среды вооруженныхъ сельскихъ карауловъ по указанію и распоряженію военнаго начальства. *Цыловъ, 228—231.* *Ред.*

такъ чинно и покойно, какъ рѣдко бываетъ въ Петербургѣ; ни малѣйшей не было манифестацiи, и духовенство было очень покорно. На первый разъ и это хорошiй знакъ.

Въ уѣздахъ бродятъ еще повсюду небольшiя мятежныя шайки и скрываются въ лѣсахъ, откуда онѣ показываются для грабежа мирныхъ поселянъ. Ихъ теперь очень трудно отыскать, но гдѣ только попадаются, то ихъ войска уничтожаютъ, т.-е. онѣ разсыпаются и опять черезъ нѣкоторое время формируются. Этому нельзя положить иначе преграды, какъ устройствомъ строгаго военнаго управленiя въ уѣздахъ и примѣрной немедленной казни виновныхъ. Я распорядился уже о введенiи такого управленiя въ уѣздахъ; вы имѣете данную мною для сего инструкцiю; тамъ, гдѣ она исполняется, мятежныя банды исчезаютъ, а въ особенности гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ учреждены обывательскiе караулы. Но главная трудность— имѣть дѣятельныхъ военныхъ начальниковъ. Въ войскахъ недостатка нѣтъ, но въ людяхъ, которые бы умѣли ими на мѣстахъ распоряжаться. Пять ротъ въ уѣздѣ при хорошемъ военномъ начальникѣ болѣе сдѣлаютъ, нежели 10 при плохомъ. Здѣсь была привычка все просить поболѣе войскъ, и когда ихъ давали, то уѣздные начальники оставались сидѣть съ ними спокойно въ городахъ, а уѣзды оставались въ рукахъ у мятежниковъ; потомъ посылаютъ большiя экспедицiи и пишутъ реляцiи. Еще разъ повторяю, нужны надежные штабъ-офицеры, чтобы начальствовать въ уѣздахъ и безпрестанно въ оныхъ двигаться съ войсками, не давая мятежникамъ формироваться и забирая подъ аресты всѣхъ помѣщиковъ и ксендзовъ, которые помогаютъ мятежникамъ; симъ только способомъ можно ободрить сельское населенiе, которое намъ предано, но устрашено злодѣянiями, совершаемыми надъ ними мятежниками, а потому съ робостью рѣшается на формированiе сельской стражи.

Военный министръ мало заботится о присылкѣ надежныхъ штабъ-офицеровъ и даже сердился, что употребилъ 4-хъ, которые были проѣздомъ въ Динабургъ и состояли при провiантскомъ управленiи. При такомъ направленiи изъ Петербурга дѣло не пойдетъ. Скажите Милютину, что я ихъ не отпущу отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они теперь употреблены Длотовскимъ въ уѣздахъ, покуда онъ не пришлетъ другихъ благонадежныхъ взамѣнъ ихъ. Онъ, повидимому, любитъ только писать, а не дѣло дѣлать.

Скажите ему, что эти штабъ-офицеры взяты Длотовскимъ по крайней необходимости и съ согласiя ихъ непосредственнаго начальства, которое не находило въ томъ препятствiя, а потому Длотовскiй правъ, при томъ онъ это сдѣлалъ съ моего разрѣшенiя.

Обращаюсь къ личному составу моего штаба; я всматривался двѣ недѣли въ образъ дѣйствiй онаго и нахожу, что Цимерманъ вовсе негодится для этого дѣла; онъ человѣкъ больной и апатичный или, лучше сказать, равнодушный къ дѣлу,—словомъ, онъ здѣсь совершенно безполезенъ.

Прошу васъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, устроить такъ, чтобы мнѣ скорѣе назначили на мѣсто Цимермана другого: Криденера или Казнакова, но первый, по вѣроятности, будетъ лучше. Впрочемъ, здѣсь нуженъ только человѣкъ неглупый и заботливый, ибо большихъ военныхъ соображенiй не нужно. Прошу васъ, похлопочите, чтобы мнѣ скорѣе сюда назначили того или другого. Предоставляю вамъ сдѣлать выборъ и потому Милютину не пишу. Дайте мнѣ знать объ результатахъ по телеграфу. Въ Ковно я просилъ

Валуева назначить Энгельгардта, онъ по всему кажется, что будетъ хорошъ; Дена я опасаюсь: онъ слишкомъ суетливъ и сумасброденъ въ отдаленности отъ главнаго управленія. Генерала Дена я съ удовольствіемъ бы назначилъ въ Вильно на мѣсто Галлера, которому здѣсь оставаться нельзя; онъ пользуется слишкомъ дурной славой. Ежели Денъ будетъ согласенъ принять это мѣсто, то дайте мнѣ знать по телеграфу и скажите Валуеву.

Помощникъ мой Фроловъ очень плохъ, но я въ немъ теперь и не нуждаюсь, а потому объ этомъ послѣ будетъ рѣчь, когда увижу Милютина и Мейделя, которые на-дняхъ у меня будутъ для общаго совѣщанія. Въ Ковнѣ плохъ старикъ Полевой; онъ не умѣетъ взяться за дѣло. Теперь нужно болѣе дѣятельнаго и энергичнаго человѣка; не найдете ли вы возможнымъ прислать на его мѣсто другого. Я думаю, что былъ бы хорошъ Лазаревъ; но надобно только, чтобы скорѣе пріѣхалъ.

Лѣсные офицеры здѣшнихъ лѣсничествъ всѣ въ мятежѣ, отчасти и лѣсная стража; когда они мнѣ попадутся, то и съ ними будетъ скорая расправа.

Теперь мятежники наиболѣе сосредоточиваются на границахъ Гродненской, Минской и Виленской губер.; посылаю туда отрядъ, также и въ Самогитію, гдѣ есть значительныя шайки въ уѣздахъ Игуменскомъ и Бобруйскомъ, онѣ дѣлаютъ неистовства; ихъ преслѣдуетъ войско.

На-дняхъ одинъ изъ очень богатыхъ помѣщиковъ Игуменскаго уѣзда, Свѣнторжецкій, командуя шайкою, въ своемъ собственномъ имѣньѣ повѣсилъ православнаго священика на воротахъ его дома за то, что онъ снялъ мятежную прокламацію. Я приказалъ, въ примѣръ другимъ, привести подъ арестъ въ Минскъ все его семейство, ежели его не найдутъ, секвестровать имѣнье его, продать немедленно всю движимость и уничтожить до тла всю мызу его. Нѣтъ другихъ средствъ устрашить подобныхъ злодѣевъ. Прошу васъ доложить объ этомъ Государю.

Мѣра секвестра крайне неудобна на практикѣ, ибо надобно теперь брать въ управленіе почти всѣ имѣнія; я писалъ Валуеву о скорѣйшемъ разрѣшеніи обложить всѣхъ помѣщиковъ контрибуціею, но еще не имѣю разрѣшенія; пожалуйста, похлопочите, чтобы скорѣе утвердили эту мѣру. Всѣ помѣщики очень этого боятся, ибо тогда не въ состояніи будутъ платить деньги мятежному правительству и будутъ разорены, а это-то и нужно. Поляка надобно смирить страхомъ и копейкою, тогда онъ будетъ покоренъ и ниже травы. Я надѣюсь ихъ скоро привести въ это положеніе, тогда и мятежъ укротится, лишь бы сосѣдъ мой въ Царствѣ Польскомъ [1]) не путалъ дѣла. Тамъ все скверно идетъ. Теперь я прикажу сдѣлать нѣсколько примѣровъ казней въ уѣздахъ для устрашенія тамъ мятежныхъ помѣщиковъ; въ Вильнѣ уже страха довольно, и всѣ очень присмирѣли. Надѣюсь, что скоро дѣла пойдутъ нѣсколько лучше, ибо основательное впечатлѣніе уже отчасти произведено; лишь бы не трогали у меня войскъ и не перемѣняли бы оныхъ до времени, когда я скажу, что можно. Теперь же рѣшительно это

---

[1]) Намѣстникомъ Царства Польскаго 27 мая 1862 г. былъ назначенъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ, который покинулъ Варшаву въ концѣ октября 1863 г.; ему былъ подчиненъ начальникъ гражданскаго управленія и вице-предсѣдатель Госуд. Совѣта маркизъ Вѣлепольскій. *Ред.*

невозможно. Еще прошу прислать мнѣ человѣкъ 16 надежныхъ шгабъ-офицеровъ для начальствованія въ уѣздахъ; ибо при пересылкѣ войскъ я не могу оставить уѣздъ безъ военныхъ начальниковъ, которые имѣли бы уже навыкъ дѣла.

Теперь главное состоитъ въ томъ, чтобы учредить хорошее управленіе въ уѣздахъ и устраивать по возможности сельскую стражу [1]).

Я очень доволенъ здѣсь Кидошенковымъ: онъ одинъ повелъ дѣло хорошо, уже въ Виленскомъ уѣздѣ стража устроена. Вездѣ раскольники образуютъ конные и пѣшіе отряды; они очень полезны. Въ Вильнѣ такъ упали духомъ, что начали уже много носить цвѣтнаго платья вмѣсто траура. Съ 1-го іюня будетъ наложенъ за трауръ большой штрафъ. Я надѣюсь, что поляки скоро забудутъ прежнія свои глупыя продѣлки. Потрудитесь все это сообщить Валуеву и довести до свѣдѣнія Государя то, что найдете нужнымъ. Право, некогда писать офиціальныхъ отчетовъ, надобно поболѣе дѣла сдѣлать, тогда донесу офиціально и Государю о положеніи края. Одно могу сказать, что очень трудно вдругъ перемѣнить систему дѣйствій и пріучить къ тому мѣстныхъ начальниковъ, нужно на это немало времени. Еще разъ убѣдительно прошу Васъ, устройте скорѣйшее назначеніе начальника штаба и дайте знать мнѣ по телеграфу.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, искренно, душевно васъ обнимаю, душевно преданный Вамъ

Михаилъ Муравьевъ.

P. S. Перескажите содержаніе этого письма Пелагеѣ Васильевнѣ [2]), чтобы ей нѣсколько успокоиться насчетъ положенія здѣшняго края.

12-го іюня 1863 года, Вильно.

Много благодаренъ вамъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, за письма ваши отъ 6-го и 8-го іюня. Я телеграфировалъ уже военному министру объ командированіи ко мнѣ пяти штабъ-офицеровъ, указанныхъ въ вашемъ спискѣ. Напрасно онъ претендуетъ на меня, что будто бы я отмѣняю его распоряженія, этого никогда не было.

Я остановилъ исполненіе нелѣпаго распоряженія Артиллерійскаго Департамента, который по обыкновенному циркулярному порядку, наравнѣ съ прочими войсками, находящимися внутри Россіи, не велѣлъ отпускать патроновъ для ученія стрѣльбѣ въ резервные полки на рекрутъ и безсрочно отпускныхъ, въ составъ оныхъ входящихъ, тогда какъ три четверти тѣхъ полковъ только что начинаетъ учиться стрѣльбѣ. Это глупое распоряженіе Департамента было сдѣлано изъ мозговъ Баранцова, а не распоряженіемъ

---

[1]) «Во всѣхъ уѣздахъ была учреждаема постепенно,—говоритъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ,—сельская вооруженная стража подъ начальствомъ благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ, ее формировавшихъ. Стража эта доходила въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 1.000 и 2.000 человѣкъ». Польскіе помѣщики были обложены на содержаніе ея особымъ сборомъ; каждый стражникъ получалъ въ сутки 10 коп. деньгами, кромѣ продовольствія; въ сложности, содержаніе стражи обошлось польскому дворянству шести Сѣверо-западныхъ губерній болѣе 800.000 р. Дворянство также заплатило за всѣ убытки, которые учинены мятежниками, какъ въ казенномъ, такъ и въ частномъ имуществѣ, т.-е. священниковъ, крестьянъ и т. п.»—все это сверхъ 10% сбора съ чистаго дохода. «Русск. Стар.», 1882 г., № 11, стр. 431. О сельской стражѣ ср. въ воспоминаніяхъ Бутковскаго. «Истор. Вѣстн.», 1883 г., № 10, стр. 84—86, 92, 92, 93, № 11, 330, 332, 348.

[2]) Жена М. Н. Муравьева, дочь В. П. Шереметева. *Ред.*

министра, а потому, пріостановивъ оное, я написалъ объ этомъ Милютину. Военному министру слѣдовало не дозволять Департаментамъ и всѣмъ дѣлать во ввѣренномъ мнѣ краѣ и войскахъ такія распоряженія безъ предварительнаго моего согласія.

Я ему теперь объ этомъ пишу въ отвѣтъ на его ко мнѣ письмо. Онъ очень придирчивъ, и при томъ неправильно.

Дѣла здѣсь, повидимому, хороши, поляки и даже ксендзы упали духомъ, крестьянскій элементъ беретъ верхъ и, видимо, за насъ, даже и католики. Сельскіе караулы уже и въ Виленской губерніи учреждены и ловятъ мятежниковъ; можно надѣяться, что скоро прекратится или, по крайней мѣрѣ, очень ослабѣетъ мятежъ. Дворянство уже помышляетъ просить о помилованіи. Ему теперь крѣпко плохо приходится. Оно отъ жиру бѣсилось, а теперь много его спало и еще убавится отъ контрибуціи.

Притомъ караулы крестьянскіе держатъ ихъ въ осадномъ положеніи, они ихъ начали бояться. Сдѣланное мною объявленіе крестьянамъ довершило упадокъ духа помѣщиковъ, которые всѣ болѣе или менѣе участвовали или содѣйствовали мятежу. Теперь революціонная партія не можетъ уже склонять крестьянъ разными обѣщаніями, также и помѣщики, ибо въ сдѣланномъ мною объявленіи все разъяснено, и крестьяне перестали уже имъ вѣрить. Надѣюсь, что съ содѣйствіемъ сельскаго элемента, который теперь, видимо, уже за насъ и начинаетъ ободряться, скоро справлюсь здѣсь съ мятежниками. Теперь все дѣло въ томъ, чтобы отучить войско отъ пустыхъ экспедицій, и чтобы уѣздные военные начальники взялись за точное исполненіе преподанной инструкціи о поддержаніи сельскаго населенія безпрестаннымъ регулярнымъ движеніемъ войскъ въ уѣздахъ и уничтоженіемъ мятежныхъ приготовленій. Тамъ, гдѣ это сдѣлано, видимо, уже прекратился мятежъ. Такимъ образомъ во всей Виленской губерніи, съ содѣйствіемъ сельскихъ карауловъ, все утихло.

Въ Гродненской губерніи надѣюсь, что также скоро справлюсь. Тамъ вся неурядица происходила отъ разъединенія военной и гражданской власти. Манюкинъ большой охотникъ до экспедицій и реляцій. Но теперь я этому скоро положу конецъ и введу правильное управленіе въ уѣздахъ. Штабъ генерала Манюкина теперь же перевожу изъ Бѣлостока въ Гродно; такимъ образомъ совокупно съ графомъ Бобринскимъ [1]) дѣла пойдутъ правильнѣй, и онъ займется организованіемъ уѣздовъ и сельской стражи.

Теперь самое трудное для меня дѣло есть завоеваніе и устройство Ковенской губерніи. Я послалъ туда генерала Энгельгардта съ войскомъ и устроилъ еще нѣсколько сельскихъ отрядовъ: губернія эта уже 4 мѣсяца какъ наполнена мятежными шайками, которыя водворились тамъ, какъ дома, и никто ихъ не тревожилъ. Надѣюсь, что скоро до нихъ доберусь; войско уже на мѣстахъ, и на-дняхъ будутъ дѣйствовать.

Съ уничтоженіемъ этихъ шаекъ въ сѣверныхъ частяхъ Вилькомирскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ, можно будетъ приступить къ водворенію въ оныхъ порядка и военной и гражданской администра-

---

1) Гродненскій губернаторъ гр. Вл. А. Бобринскій, флигель-адъютантъ, полковникъ, впослѣдствіи (1868—71 г.) министръ путей сообщенія. По польскимъ свѣдѣніямъ, онъ не сочувствовалъ системѣ Муравьева и потому подалъ въ отставку. Limanowski. Historya powstania narodu polskiego 1863 i 1864 r. Lwów. 1909, стр. 365; ср. бар. *А. И. Дельвигъ* «Мои воспоминанія». М. 1913, III, 240.

ціи и учрежденію сельскихъ карауловъ. Я все это поручилъ Энгельгардту, который соединяетъ въ себѣ гражданское и военное начальство.

Въ Минской губерніи надѣюсь также, что скоро водворится порядокъ; князь Яшвиль и Заболоцкій отправились уже, чтобы очистить отъ мятежныхъ скопищъ Игуменскій и Борисовскій уѣзды, въ Витебской же и Могилевской все утихло.

Вотъ вкратцѣ какое положеніе края. Если бы не сосѣдство Царства Польскаго и самое слабое и во всѣхъ отношеніяхъ вредное въономъ для правительства способъ управленія (sic), то можно бы надѣяться скоро здѣсь все покончить.

Войскъ здѣсь теперь довольно, а въ особенности когда возвратятъ тѣ части, которыя отсюда взяты въ Царство Польское. Вопросъ не въ войскахъ, а въ людяхъ, способныхъ командовать отдѣльными частями, оттого нужны хорошіе военные уѣздные начальники. Теперь вездѣ учреждается военное управленіе и сельская стража; съ устройствомъ сего и мятежъ прекратится. Лучшій тому примѣръ Виленская губернія, въ которой уже почти нѣтъ мятежнаго движенія. Надѣюсь, что и въ Гродненской и Минской губерніяхъ скоро до того же достигну.

Траура уже нѣтъ въ Вильнѣ, всѣ дамы ходятъ въ цвѣтныхъ платьяхъ, тоже и въ Ковнѣ. Приказалъ объ исполненіи сего и въ прочихъ губернскихъ городахъ ввѣреннаго мнѣ края. Стыдно, что въ Петербургѣ польки еще носятъ трауръ.

Третьяго дня я отправилъ отсюда чрезъ Псковъ, Невель и далѣе въ Вятку здѣшняго епископа Красинскаго, онъ былъ тайный руководитель мятежа [1]).

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ. Я писалъ Милютину о назначеніи Горемыкина вмѣсто генерала Савина. Объ Денѣ я еще нѣсколько повремену; я буду очень радъ, ежели въ мое распоряженіе пришлютъ капитана Дарагана, попросите объ этомъ Милютина.

Въ Могилевъ я телеграфировалъ, чтобы Половцевъ ѣхалъ въ Горки и открылъ бы тамъ комиссію, какъ было предписано, и имѣю уже отвѣтъ, что онъ туда отправленъ. Еще разъ прощайте, отъ всей души дружески васъ обнимаю и благодарю васъ за всѣ ваши хлопоты

Искренно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

Письмо къ А. А. Зеленому Э. Длотовскаго.

14 іюня 1863 года крп. Динабургъ.

Милостивый государь

Александръ Алексѣевичъ,

Простите меня великодушно, что такъ долго не писалъ къ Вашему Высокопревосходительству, безпрерывныя занятія мои отъ 18—19 часовъ въ сутки такъ истомляютъ меня, что при всемъ искренномъ желаніи я съ большимъ

---

[1]) Объ отношеніи Муравьева къ епископу Красинскому и его высылкѣ см. въ «Запискахъ» Муравьева «Русск. Стар.», 1882 г., № 11, стр. 402, 406—7, 1883, № 1, стр. 146, въ «Виленскихъ очеркахъ» (Мосолова) «Русск. Стар»., 1883 г., № 193, 194, 198—200 и въ «Воспомин. о гр. М. Н. Муравьевѣ» кн. Н. Иметинскаго. «Истор. Вѣстн.», 1892 г., № 12, стр. 617—618. *Ред.*

трудомъ могъ выбрать свободное время, чтобы описать Вамъ все у насъ происходящее. — Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ я нашелъ Витебскую губернію въ совершенной анархіи, помѣщики поголовно возстали противъ правительства, формировали шайки въ лѣсахъ, нападавшія на казенные транспорты и почты; крестьяне, въ полномъ возстаніи, грабили и жгли помѣщичьи имѣнія, оставили полевыя работы и бродили разъяренными толпами по всѣмъ направленіямъ губерніи; полицейской власти не существовало, исправники и становые прятались отъ крестьянъ и ничего не дѣлали; Динабургская крѣпость въ неимовѣрномъ безпорядкѣ, безъ начальства, населенная преимущественно поляками, состоящими на службѣ и частными жителями; ворота отперты для всѣхъ, на площади жиды и торговки,—однимъ словомъ, крѣпость внутри имѣла видъ польскаго мѣстечка; резервные полки въ кадровомъ составѣ, имѣя по 400 чел. вооруженныхъ старыхъ солдатъ, по 1600 человѣкъ необмундированныхъ и неодѣтыхъ, безсрочныхъ и рекрутъ. Вотъ краткій очеркъ главнѣйшихъ предметовъ, которые предстояло привести въ порядокъ.

Въ настоящее время Витебская губ. такъ спокойна, что по ней можно ѣздить безопасно безъ всякаго конвоя и днемъ, и ночью, несмотря на то, что ее покрываютъ повсемѣстно большіе лѣса. Шайки мятежниковъ истреблены совершенно и не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сегодня разобьютъ шайку, а черезъ нѣсколько дней она собирается снова; у меня разбиты три шайки: одна центральная и двѣ вспомогательныя, начальники шаекъ убиты, а остальные почти всѣ переловлены и вновь формироваться не могутъ. Военно-полицейское управленіе устроено во всѣхъ уѣздахъ и введенъ такой порядокъ, котораго никогда въ губерніи не существовало. Помѣщики такъ притихли, что не смѣютъ вредить не только дѣломъ, но и словомъ. Крестьяне обратились къ своимъ полевымъ занятіямъ, всѣ свои поля обсѣяли и съ полною готовностью устроили сельскіе вооруженные караулы, составляющіе такую строгую полицію, которую можно только сравнить съ лагерною цѣпью въ военное время, такъ что никто не можетъ ни пройти, ни проѣхать незамѣченнымъ. Крѣпость приведена въ должный порядокъ, никто не смѣетъ ни войти, ни выйти безъ билета, разводы производятся ежедневно съ барабаннымъ боемъ и музыкой, а прежде было запрещено бить въ барабанъ, чтобы не безпокоить начальство; большая часть поляковъ изгнаны изъ крѣпости. Войска съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе улучшаются, несмотря на безпрерывныя командировки въ Виленскую и Ковенскую губерніи, также въ Минскую и Могилевскую, потому что сосѣдніе уѣзды этихъ губерній подчинены моему охраненію.

Изъ государственныхъ крестьянъ старообрядцевъ Динабургскаго и Рѣжицкаго уѣздовъ сформирована сотня казаковъ отличная, въ особенности Рѣжицкая полусотня, которую формировалъ Мессарошъ, дѣльный, умный и чрезвычайно усердный чиновникъ. Для командованія сотней назначенъ сотникъ Донского полка, а для обученія новобранцевъ 10 расторопныхъ донскихъ казаковъ. Сотня вооружена пиками и саблями, они собрались только 8 дней, и ее всякій день обучаютъ казачьему строю въ полѣ; сегодня я смотрѣлъ ее и удивлялся, что въ такое короткое время мужички поняли казачью службу; я пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно шагомъ и рысью, къ удивленію порядочно равнялись; умѣютъ строиться по три направо и налѣво и потомъ въ отдѣленія, построились также и повзводно въ колонну. Въ заключеніе проскакали маршъ-маршемъ облавой молодцами, сами просятъ пустить ихъ въ дѣло, но, къ сожалѣнію, не могу исполнить ихъ желанія, потому что шаекъ близко нѣтъ.

Хотя Аудиторіатскій Д-тъ и назначилъ ко мнѣ аудитора, но я самъ научился составлять выписки изъ военно-судныхъ дѣлъ и потомъ писать заклю-

ченія и конфирмаціи и каждую ночь рѣшалъ по одному дѣлу; а у насъ въ крѣпости до 300 подсудимыхъ, слѣдовательно, практика большая.

По заключенію слѣдственной комиссіи до 60-ти помѣщичьихъ имѣній подлежитъ секвестру; для описи имѣній и передачи въ вѣдѣніе палаты государственныхъ имуществъ командированы губернаторомъ чиновники, которымъ не совсѣмъ довѣряю, а потому для наблюденія за секвестромъ имѣній, къ общему неудовольствію губернскаго начальства, назначилъ честнѣйшаго и добросовѣстнаго Шамаева, который исполняетъ это порученіе съ большимъ усердіемъ. Управленіе имѣніями я предложилъ палатѣ государственныхъ имуществъ поручить тѣмъ чиновникамъ, которые присланы въ мое распоряженіе отъ Вашего Высокопревосходительства; всѣ они люди честные и, какъ мнѣ кажется, на нихъ можно положиться. Изъ изложеннаго мною весьма краткаго очерка моихъ занятій Вы изволите видѣть, что сдѣлано уже многое, и что требуется много самыхъ усиленныхъ трудовъ къ приведенію всего начатаго къ надлежащему устройству. Чтобы оправдать Высокое довѣріе ко мнѣ Государя и Вашу обо мнѣ рекомендацію Его Величеству, я не смѣю и подумать тяготиться моими трудными и часто весьма тягостными обязанностями, въ особенности при рѣшеніи участи подсудимыхъ. Ознакомясь съ этимъ краемъ, я убѣжденъ, что однѣ только строгія мѣры могутъ образумить польское населеніе, здѣсь живущее. Всѣ поляки дерзки до тѣхъ поръ, пока обращаются съ ними мягко и кротко, но при малѣйшей строгости унижаются до подлости, этому я вижу примѣры ежедневно. Вникая внимательно въ причины величайшей ненависти къ русскимъ, которой въ прежнія времена никогда въ этомъ краѣ не было, я убѣдился, что все это работа ксендзовъ, они довели до фанатизма женщинъ, а сіи послѣднія увлекаютъ мужей, братьевъ и сыновей. Настоящее возмущеніе нельзя считать возмущеніемъ политическимъ, оно болѣе религіозное, и я увѣренъ, что всѣ дѣйствія тайнаго революціоннаго комитета происходятъ въ монастыряхъ и костелахъ подъ вліяніемъ ксендзовъ. Они изобрѣтаютъ всѣ средневѣковыя кары, и все злое дѣлается ими; истребить ихъ трудно, а между тѣмъ для общаго блага необходимо. Трудно повѣрить, какое сильное вліяніе имѣютъ ксендзы на женщинъ; меня увѣряли за достовѣрное, что молодыя барышни имѣютъ любовныя связи съ ксендзами, матери семействъ тоже и для прикрытія своихъ частыхъ сношеній исповѣдываются еженедѣльно.

Михаилъ Николаевичъ принялъ мѣры серьезныя, жаль только, что много времени упущено, и въ Литвѣ мятежи пустили слишкомъ глубокіе корни; но, при настойчивости принятыхъ мѣръ, можно надѣяться, что и тамъ должный порядокъ будетъ скоро водворенъ.

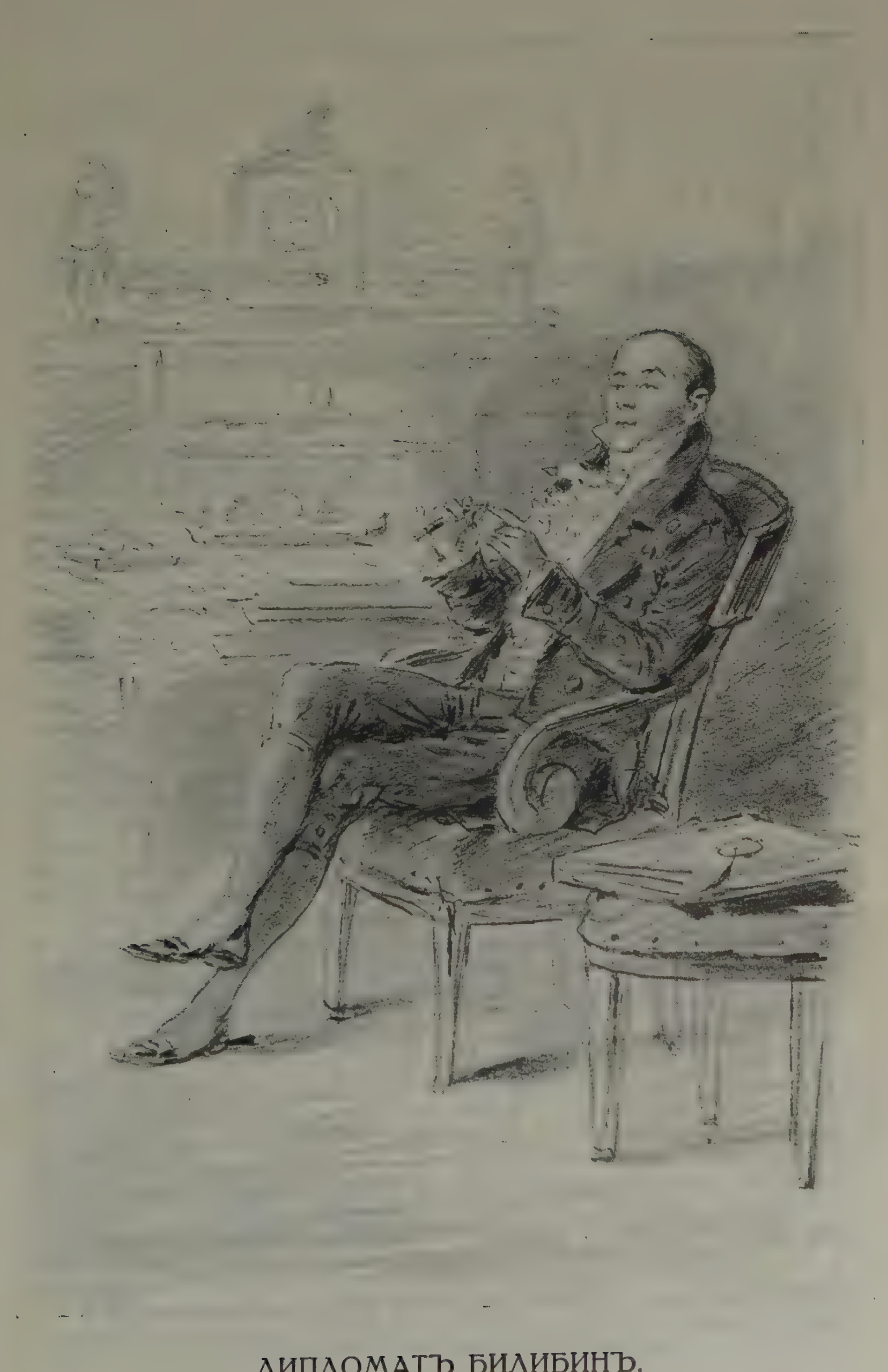
Если бы можно было замѣнить всѣхъ чиновниковъ земской полиціи изъ поляковъ русскими, то эта мѣра много облегчила бы наши общіе труды къ водворенію порядка. Нельзя не удивляться, что всѣ рѣшительно должности даже въ русскихъ уѣздахъ Витебской губерніи заняты поляками.

Въ Динабургской крѣпости большая часть чиновниковъ поляки, инженеры, комиссаріатскіе чиновники поляки; въ Полоцкѣ инженеры путей сообщенія, завѣдывающіе судоходствомъ по Двинѣ, поляки. Какъ будто нарочно все это устроено, чтобы дать болѣе возможности распространяться мятежу.

Ожидая съ величайшимъ нетерпѣніемъ той радостной для меня вѣсти, когда мнѣ позволено будетъ возвратиться снова подъ начальство Вашего Высокопревосходительства, поистинѣ самое для меня пріятное, съ чувствомъ истиннаго уваженія и самый искренней душевной преданности имѣю есть пребыть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Э. Длотовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДИПЛОМАТЪ БИЛИБИНЪ.
(Рис. Башилова).

Изъ переписки Михаила Сергѣевича Башилова съ Л. Н. Толстымъ.

(По поводу иллюстраціи «Войны и мира»).

«Война и миръ» полна художественныхъ картинъ и типовъ. Но для художника-иллюстратора это едва ли не труднѣйшее произведеніе. Образы, написанные перомъ, такъ ярки, такъ опредѣленны, такъ сильно запечатлѣваются въ читателѣ, что иллюстрація, во-первыхъ, мало можетъ дополнить, а во-вторыхъ, рѣдкая изъ нихъ удовлетворитъ тому, можно сказать, циклу понятій, чувствъ, которыя вызваны въ читателѣ геніально начертаннымъ словеснымъ образомъ.

Тѣмъ болѣе интересно познакомиться съ попыткой иллюстрировать «Войну и миръ» художникомъ, заслужившимъ одобренія самаго строгаго цѣнителя такого рода произведеній, автора «Войны и мира», Л. Н—ча Толстого [1]).

«Война и миръ», какъ извѣстно, начала печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1865 и 66 году подъ названіемъ «1805 годъ». Эта часть романа кончалась описаніемъ Шенграбенскаго сраженія.

Л. Н—чъ продолжалъ писать романъ, но рѣшилъ не печатать его больше въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а издать сразу цѣлымъ отдѣльнымъ изданіемъ. И это первое отдѣльное, полное изданіе «Войны и мира» началось въ 1868 году и окончилось въ 1869 г. Оно названо было вторымъ изданіемъ, такъ какъ первымъ считалось вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ изъ оттисковъ «Русскаго Вѣстника» «1805 годъ».

Вотъ это-то первое полное изданіе «Войны и мира» Л. Н—чъ и хотѣлъ издать съ иллюстраціями. За исполненіемъ ихъ онъ обратился къ художнику Михаилу Сергѣевичу Башилову, бывшему тогда инспекторомъ «Школы живописи и ваянія» въ Москвѣ.

Съ Михайломъ Сергѣевичемъ Башиловымъ Л. Н—чъ былъ знакомъ давно. М. С. приходился сродни Софьи Андреевнѣ. Мать М. С., Софья Михайловна, была родной сестрой Александра Михайловича Исленева, дѣда С. А-ны, со стороны матери. По поводу иллюстрированія «Войны и мира» между Л. Н—чемъ и Мих. Серг. возникла большая переписка. Мы заимствуемъ изъ нея наиболѣе характерныя письма Л. Н—ча. Къ сожалѣнію, писемъ Мих. Серг. нѣтъ въ нашемъ распоряженіи; но по отвѣтнымъ письмамъ Л. Н—ча видны ихъ дружескія отношенія.

Работа иллюстрированія происходила въ концѣ 1866 и въ началѣ 1867 года. Вотъ первое изъ сохранившихся писемъ:

---

[1]) Въ слѣдующей книгѣ «Гол. Мин.» будетъ помѣщена особая статья К. С. Кузьминскаго, посвященная спеціально иллюстрированнымъ изданіямъ «Войны и мира». Статья будетъ снабжена соотвѣтствующими снимками. *Ред.*

«Любезный Михаилъ Сергѣевичъ.

Получилъ ваше письмо и рисунки. Старый князь очень хорошъ особенно тамъ, гдѣ они съ сыномъ. Это именно то, что я желалъ, но кн. Андрей очень не нравится мнѣ. Онъ великъ ростомъ, черты крупны и грубы, непріятное кислое выраженіе рта и потомъ вся поза и костюмъ не представительны. Онъ долженъ со снисходительной и размягченной улыбкой слушать отца. По случаю этой картинки я много думалъ о предшествовавшихъ и послѣдующихъ и спѣшу вамъ сообщить свои мысли.

Графа Ростова и Марью Дмитріевну въ Данилѣ Купорѣ нельзя ли смягчить, убавивъ карикатурности и подбавивъ нѣжности и доброты.

Въ поцѣлуѣ нельзя ли Наташѣ придать типъ Танечки Берсъ [1]). Ея есть 13-лѣтній портретъ, а Бориса сдѣлать не такъ raide. Pier'у вообще дать покрупнѣе черты. Изъ того, что вы хотите сдѣлать во 2-ой части, я вычеркнулъ бы только кн. Андрея съ Билибинымъ, замѣнивъ это портретомъ одного Билибина, стригущаго или подпиливающаго себѣ ногти.

Вообще я бы просилъ васъ дѣлать эти рисунки и гравировать ихъ какъ можно скорѣе съ тѣмъ, чтобы, какъ только вы кончите ихъ, я бы могъ вамъ присылать текстъ для слѣдующихъ.

Теперь я вполнѣ увѣренъ, что весь романъ будетъ конченъ къ будущей осени; и вы знаете, что успѣхъ распродажи зависитъ отъ того, чтобы онъ вышелъ къ началу зимы, т.-е. въ ноябрѣ, au plus tard.

Рисунковъ должно быть всѣхъ, по крайней мѣрѣ, два раза столько, сколько есть теперь, включая и тѣ, которые вы назначили для 2-й части, т.-е. minimum рисунковъ 65.

Можете ли вы и граверы успѣть ихъ сдѣлать къ ноябрю? Пожалуйста, напишите. Это conditio sine qua non. Деньги какъ граверамъ, такъ и вамъ я распоряжусь, чтобы были выданы вамъ Андр. Евстафьевичемъ [2]) до Рождества. На счетъ уплаты я бы просилъ сдѣлать мнѣ кредитъ по 10 р. съ рисунка до выхода книги. Можно ли это, напишите мнѣ.

Съ граверами тоже надо было условиться опредѣленно, какую часть платы они могутъ подождать за мной до выхода книги — половину, или хоть 3-ю часть. Будьте такъ добры, отвѣтьте мнѣ на всѣ эти вопросы.

Пожалуйста, присылайте мнѣ свои рисунки въ самомъ черномъ видѣ, я чувствую, что могу быть полезенъ вамъ своими замѣчаніями. Я все-таки всѣхъ ихъ знаю ближе васъ, и иногда пустое замѣчаніе наведетъ васъ на мысль. А я буду писать по случаю вашихъ черновыхъ рисунковъ все, что придется, а вы уже выберете, что вамъ нужно.

Я чувствую, что безсовѣстно говорить вамъ теперь о типѣ Наташи, когда у васъ уже сдѣланъ прелестный рисунокъ; но само собой разумѣется, что вы можете оставить мои слова безъ вниманія. Но я увѣренъ, что вы, какъ художникъ, посмотрѣвъ Танинъ дагеротипъ 12-ти лѣтъ, потомъ ея карточку въ бѣлой рубашкѣ

---

[1]) Впослѣдствіи Т. А. Кузьминская.
[2]) Андр. Евстаф. Берсъ, отецъ Софьи Андреевны.

16-ти лѣтъ и потомъ ея большой портретъ прошлаго года, не упустите воспользоваться этимъ типомъ и его переходами, особенно близко подходящимъ къ моему типу.

Прощайте, любезный Михаилъ Сергѣевичъ, съ безпокойствомъ жду вашего отвѣта. Душевно кланяюсь Марьѣ Ивановнѣ и цѣлую вашихъ дѣтей».

Л. Толстой.

8 декабря, 1866 г.

Мих. Сергѣевичъ, конечно, внимательно прислушивался и широко пользовался совѣтами Льва Николаевича. Слѣдуя его указаніямъ, онъ рисуетъ портретъ Билибина, подпиливающаго себѣ ногти, и дѣлаетъ другія измѣненія и исправленія въ рисункахъ. И всѣ эти опыты, черновики и передѣлки были посланы Льву Николаевичу, и они вызвали съ его стороны внимательную и строгую оцѣнку съ дальнѣйшими указаніями. Все это мы находимъ въ письмѣ Л. Н—ча отъ 28 февраля 1867 года. Онъ пишетъ такъ:

«Вотъ мои замѣчанія на присланные вами черновые рисунки, любезный Михаилъ Сергѣевичъ.

1) Кутузовъ, Долоховъ—прекрасно, но Долохову нельзя ли придать больше молодцеватости, солдатской выправки, выше плечи — грудь впередъ.

2) Ростовъ съ Телянинымъ — прекрасно, но чѣмъ пріятнѣе и красивѣе, миловиднѣе будетъ Ростовъ, тѣмъ лучше.

3) Билибинъ — chef d'oeuvre.

4) Импер. Францъ—прелесть, но кн. Андрей немного слишкомъ affecté. Впрочемъ, онъ и такъ хорошъ. Ежели вамъ подъ карандашъ не попадетъ лучше выраженія, то не портите.

5) На мосту — все очень хорошо, кромѣ Денисова (впередъ прошу извинить, ежели, я вру), но онъ саблю держитъ очень нехорошо и ужъ это навѣрное, что сидитъ дурно и ноги согнуты и длинны, колѣни назадъ, нога вытянута, почти уперта въ стремя и ж . . . подобрана.

6) Тушинъ и артиллеристы очень хороши, хотя я Тушина и воображалъ молодымъ, но у васъ прекрасно выражена въ немъ почтенная комичность. Багратіонъ совсѣмъ не хорошъ. Черты должны быть грубѣе гораздо, потомъ не шапка, а *картузъ* со смушками— это историческій костюмъ. Бурка всегда носится на боку такъ, что прорѣха надъ правымъ плечомъ. Посадка его какъ грузина, должна быть не принужденная, немножко на боку съ неупертыми въ стремена ногами. Лошадь попроще и поспокойнѣе. Впрочемъ, это послѣднее о лошади я не знаю; но то, что я говорю о немъ, на этомъ я настаиваю.

7) Костеръ — прелесть всѣ три фигуры.

Рукопись переписывается для васъ, часть, равная почти той, которая напечатана и на-дняхъ вамъ пришлю. Такъ какъ, вѣроятно, теперь вы рисуете на деревѣ, то вы не будете имѣть задержки нисколько.

Гравированіе картинки урока математики превосходно, остальныя хуже.

На всѣ ваши предположенія о времени печатанія и мѣстѣ я совершенно согласенъ. Только мнѣ кажется не мѣшало бы выпустить раньше.

Прощайте, дружески жму руки вамъ и вашей женѣ, которой прошу передать поцѣлуй отъ моей».

Весь вашъ гр. *Л. Толстой.*

28 февраля, 1867 г.

Михаилъ Сергѣевичъ продолжалъ работать надъ рисунками, а Левъ Николаевичъ надъ своимъ романомъ, дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями. Рисунки, одобренные Л. Н—чемъ, передавались граверу Рихау, и тотъ рѣзалъ ихъ на деревѣ.

Въ апрѣлѣ Л. Н—чъ пишетъ М. С. Башилову:

«Только собрался писать вамъ съ вопросами о нашемъ дѣлѣ, любезный Михаилъ Сергѣевичъ, когда получилъ ваше письмо и сейчасъ, по объявленію, рисунки.

1) Анна Михайловна, просящая за сына кн. Василья — превосходно — она — онъ прелестны. Helène — нельзя ли сдѣлать погрудастѣе (пластичная красота формъ—ея характерная черта). Вообще желаю только, чтобы этотъ рисунокъ былъ также хорошъ на деревѣ, какъ онъ есть теперь.

2) Пари. Пьеръ нехорошъ, но Анатоль прекрасенъ и

3) Пьеръ. Лицо его хорошо (только бы во лбу ему придать побольше склонности къ философствованію — морщинку или шишки надъ бровями), но тѣло его мелко — пошире и потучнѣе и покрупнѣе его бы надо.

4) Вечеръ у Шереръ. Группа хороша. Но кн. Андрей великъ ростомъ и недостаточно презрительно-лѣнивъ и граціозно-развалившійся.

5) Портретъ кн. Василья — прелесть.

6) Портретъ княгини Волконской — idem. Этотъ портретъ необычайно хорошъ. Вы не можете себѣ представить наслажденія, которое онъ мнѣ доставилъ. Не знаю, нужно ли сдѣлать его меньше размѣромъ, но миніатюрнѣе надо сдѣлать ея члены, т.-е. ея bras длиненъ, но впрочемъ, онъ такъ хорошъ, что страшно трогать.

7) Портретъ Ипполита, котораго вы ошибочно назвали Анатолемъ — прекрасенъ, но нельзя ли, поднявъ его верхнюю губу и больше задравъ его ногу, сдѣлать его болѣе идіотомъ и карикатурнѣе.

Портретъ Пьера я думаю не сдѣлать ли лежащимъ на диванѣ и читающимъ книгу, или разсѣянно задумчиво глядящимъ впередъ черезъ очки, оторвавшись отъ книги, облокотившись на одну руку, а другую засунувъ между ногъ. Даже, навѣрно, это будетъ лучше, чѣмъ стоячимъ, впрочемъ, вы лучше знаете.

Выборъ сценъ и портретовъ я весь одабриваю, исключая Ипполита (котораго вы называете ошибочно Анатолемъ), но вы такъ хорошо сдѣлали, что его надо оставить.

Вообще я не нарадуюсь нашему предпріятію. Ради Бога не откладывайте своего намѣренія выставить ваши рисунки. Ежели только Рихау не испортитъ, то это будутъ мастерскія и замѣчательныя вещи. Я съ той же почтой пишу А. Е. о деньгахъ; надѣюсь, однако, что Рихау уже получилъ ихъ. Да еще: Анатоль въ сценѣ *пари* очень хорошъ, но нельзя ли покрупнѣе и тоже погрудастѣе. Онъ будетъ въ будущемъ играть важную роль красиваго чувственнаго и грубаго жеребца. Вы, какъ видно изъ присланнаго вами, въ хорошемъ духѣ работать. И я тоже не ошибся, говоря

вамъ, что я чувствую себя очень беременнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я изъ Москвы, я кончилъ цѣлую новую часть, равную той, которую я читалъ вамъ, т.-е. кончилъ то, что я и намѣренъ былъ печатать осенью, но дѣло пошло такъ хорошо, что я пишу дальше и льщу себя надеждой написать къ осени еще такія 3 части, т.-е. кончить 12-й годъ и цѣлый отдѣлъ романа. Ежели бы мечтанія мои сбылись, то я просилъ бы васъ еще сдѣлать 30 рисунковъ. И я бы издалъ огромный романъ въ 30 печ. листовъ съ 30 рисунками въ октябрѣ и 30 листовъ съ 30 рис. къ новому году. Однако только боюсь и трепещу, чтобы какое-нибудь обстоятельство не помѣшало вамъ докончить это дѣло. Помогай вамъ Богъ — Фебъ и дай вамъ здоровья и для васъ, и для вашей семьи, и для меня».

Къ этому письму Л. Н—чъ дѣлаетъ еще такую приписку:

«Пересмотрѣлъ еще всѣ рисунки и не могъ оторваться отъ нихъ. Они необыкновенно хороши, особенно портреты и сцена кн. Вас. съ А. М. Перечелъ свое письмо, и боюсь, что вамъ покажется, что дѣлаю придирчивыя и не идущія къ дѣлу замѣчанія. Смотрите на нихъ какъ бы ихъ и не было и напишите мнѣ, могутъ ли вамъ быть годны такого рода замѣчанія или только мѣшаютъ вамъ. Въ первомъ случаѣ я смѣло буду писать вамъ, что придетъ въ голову. Но во всякомъ случаѣ я скажу, что ожидалъ отъ васъ большаго, но то, что вы сдѣлали, превзошло мои ожиданія».

Интересно небольшое письмо, въ которомъ Л. Н—чъ разсуждаетъ о томъ, были ли у военныхъ описываемаго времени напудренные парики. Письмо это показываетъ, съ какой внимательностью относился Л. Н—чъ въ своемъ писанiи даже къ мелкимъ внѣшнимъ историческимъ подробностямъ. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ:

«Въ самомъ началѣ моего писанія 1805 года, я гдѣ-то нашелъ, что пудра была снята въ началѣ царствованія Александра и на этомъ основанiи такъ и писалъ; потомъ такъ же, какъ и вамъ, мнѣ встрѣчались доказательства, что въ 5-мъ году она была. Я такъ и не зналъ какъ быть и рѣшилъ, какъ въ извѣстномъ анекдотѣ чиновника съ начальникомъ, не знавшимъ, нужна или не нужна запятая и рѣшившимся поставить маленькую. Я поставилъ *маленькую*, т.-е. избѣгалъ говорить о формѣ; вамъ же нельзя обойтись *маленькой*, нужно рѣшиться.

Рѣшайтесь же вы сами. Какъ вамъ пріятнѣе и ловчѣе. Въ пользу того, чтобы рисовать въ пудрѣ, говоритъ то обстоятельство, что ежели есть положительныя доказательства, что была пудра въ 5-й г., то я въ новомъ изданiи исправлю и намекну о пудрѣ и формѣ. Даже навѣрно надо рисовать въ пудрѣ и исторически вѣрной формѣ, к-ой я постараюсь быть вѣрнымъ въ новомъ изданiи.

Ожидаю ваши рисунки и того подстрекающаго чувства, к-ое они вызываютъ во мнѣ, а то лѣтомъ моя работа стала. Какъ ваша работа — картина? Дай вамъ Богъ успѣха и довольства въ трудѣ — это лучшее счастье».

И вотъ всему этому дѣлу, столь широко задуманному и столь блестяще выполненному, не суждено было все-таки осуществиться. Граверъ Рихау отлично дѣлалъ свое дѣло и рѣзанныя доски передавались въ типографію Риса для отпечатанія. Было уже заготовлено около 30 рисунковъ и сдѣлало около 20 деревянныхъ клише. Въ типографiи Риса случился пожаръ и всѣ, или почти всѣ, клише сгорѣли. Быть-можетъ, это стихiйное препятствiе заставило Л. Н—ча измѣнить свое намѣренiе. Быть-можетъ, съ теченiемъ вре-

мени, измѣнился взглядъ Л. Н—ча на цѣнность иллюстрацій. По утвержденію нѣкоторыхъ, близкихъ Льву Николаевичу лицъ, это послѣднее предположеніе также имѣетъ цѣну.

Такъ или иначе, но работа иллюстрированія остановилась. А работа писанія романа затянулась и разрослась, такъ что романъ, вмѣсто предполагавшихся 60 листовъ, занялъ около ста листовъ, въ 6 томахъ (во второмъ изданіи).

Изъ рисунковъ М. С. Башилова сохранились 23 рисунка, отданныхъ семьей покойнаго М. С. на сохраненіе въ Толстовскій музей въ Москвѣ, гдѣ они и развѣшаны.

Всѣ иллюстраціи М. С. Башилова сдѣланы обыкновеннымъ карандашомъ; они отличаются тщательнымъ и вѣрнымъ рисункомъ и глубокой продуманностью сюжета и типовъ, на нихъ лежитъ отпечатокъ старинной школы.

Къ настоящей статьѣ прилагаются пять образцовъ, особенно отмѣченныхъ Львомъ Николаевичемъ рисунковъ: 1) княгиня Лиза Болконская, 2) княгиня Анна Михайловна, просящая за сына кн. Василья, 3) Пьеръ, развалившійся на диванѣ, 4) графъ И. А. Ростовъ и Марья Дмитріевна, танцующіе «Данилу Купора», 5) Билибинъ, подпиливающій ногти. Нѣсколько рисунковъ сохранились еще въ архивѣ Л. Н—ча, находящемся въ Историческомъ музеѣ.

Повидимому, отъ пожара уцѣлѣло пять досокъ, такъ какъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «Войны и мира» появилась странная книга Рѣскина, подъ названіемъ «Война и миръ», изданная въ томъ же форматѣ и содержащая въ себѣ изложеніе содержанія «Войны и мира», съ довольно большими цитатами изъ нея; къ этой книгѣ были приложены четыре рисунка, рѣзанные на деревѣ Рихау, а именно: 1) сцена, изображающая пари Долохова, 2) сцена смерти графа Безухова, 3) сцена на мосту черезъ Энсъ, 4) салонъ Анны Павловны Шереръ.

Дружескія отношенія Л. Н—ча и Мих. Сергѣевича, тѣмъ не менѣе, продолжались, но не надолго. Въ 1870 году Мих. Серг. заболѣваетъ чахоткой. Осенью того же года его отправляютъ по совѣту врачей въ Тироль, гдѣ онъ вскорѣ и умираетъ, 50 лѣтъ отроду.

Было бы крайне желательно хорошо издать всѣ оставшіеся рисунки М. С. къ «Войнѣ и миру» въ видѣ альбома съ соотвѣтствующимъ текстомъ и съ замѣчаніями Л. Н—ча, а также всю ихъ переписку. Мы надѣемся, что нашъ краткій очеркъ возбудитъ къ этому интересъ и, быть-можетъ, приблизится время осуществленія этого плана.

П. Бирюковъ.

Изъ прошлаго польско-еврейскихъ отношеній.

Среди матеріаловъ по исторіи польскаго возстанія 1863 г., хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, находятся, между прочимъ, двѣ прокламаціи къ евреямъ отъ польскихъ революціонныхъ организацій, руководившихъ національнымъ движеніемъ 1863 г. Текстъ этихъ прокламацій, любопытный самъ по себѣ, особенно интересенъ сейчасъ въ виду нынѣшнихъ отношеній крайне обостренныхъ между поляками и евреями.

Первую изъ этихъ прокламацій, исходящую отъ Центральнаго Національнаго Комитета (Centralny Komitet Narodowy), организаціи, руководившей подготовкой возстанія, мы приводимъ цѣликомъ:

Къ братьямъ Ветхаго завѣта.

«Вѣка тому назадъ, когда религіозный фанатизмъ свирѣпствовалъ во всей Европѣ, когда средневѣковыя учрежденія презрительно выбросили васъ за предѣлы общества и когда во всѣхъ странахъ костры для васъ воздвигали, одна только Польша, гостепріимная и человѣческая, широко раскрыла передъ вами двери и прижала къ материнскому лону.

«И установилось между нами общеніе, и вы заняли мѣсто въ польской общественности, и не было у насъ примѣра, чтобы, не говоря уже о вѣрѣ вашей, обычаи ваши и нравы подвергались гоненію.

«И насталъ, наконецъ, моментъ, когда вы сами признали Польшу родиной своей, а мы добровольно по сердечному убѣжденію признали васъ родными братьями своими, на что еще ни одинъ народъ не рѣшился.

«И съ тѣхъ поръ никто не можетъ отрицать, что вы вмѣстѣ съ нами являетесь дѣтьми одной матери, дѣтьми родины-Польши.

«Только лишь врагъ нашъ, задумавшій гибель этой Польши, только врагъ этотъ, который господство свое у насъ основалъ на лжи, обманахъ, раздорѣ и расколѣ, только онъ еще проводитъ грань между вами и другими.

«Врагъ этотъ въ своихъ петербургскихъ комитетахъ судитъ о евреяхъ, какъ о паріяхъ индусскихъ, какъ зачумленнымъ запрещаетъ имъ осѣдлость въ Московскихъ областяхъ, а въ Литвѣ и на Руси (въ Западномъ краѣ) путемъ правовыхъ ограниченій отлучаетъ евреевъ отъ общества.

«А здѣсь, въ Царствѣ Польскомъ, вопреки явной воли народа, не считаясь съ нею, врагъ нашъ издаетъ особые для васъ законы, исполненные разныхъ ограниченій для васъ, тогда какъ мы вольной волей и отъ искренняго сердца въ общемъ братскомъ объятіи уже давно разрѣшили этотъ такъ называемый еврейскій вопросъ. И кознями своими онъ вводитъ въ заблужденіе легковѣрныхъ изъ васъ,

стараясь среди васъ пріобрѣсти сторонниковъ и лживо доказываетъ, что тѣми правами, которыми вы пользуетесь, вы ему обязаны.

«Братья Ветхаго завѣта, мы вѣримъ, что вы — поляки и польскимъ сердцемъ оцѣните политику чужой силы, поработившей Польшу. И въ качествѣ поляковъ соединяйтесь съ нами въ общій союзъ, приложите вашъ трудъ къ дѣлу освобожденія общей нашей родины, никогда не забывая, что только въ цѣльной, свободной и независимой Польшѣ исчезнетъ необходимость издавать особые для васъ законы».

Варшава, 9-го сентября 1862 г.

Центральный Національный Комитетъ.

Второе воззваніе, исходящее отъ «Національнаго Правительства» («Rvząd Narodowy»), напечатанное на двухъ языкахъ (польскомъ и еврейскомъ жаргонѣ), усѣянное библейскими текстами, мы приводимъ съ сокращеніями:

Національное правительство къ братьямъ полякамъ Моисеева закона.

Миръ, миръ, далекому и близкому.
(Исаія пророкъ, LVII, 19).
Развѣ не одинъ Отецъ у насъ всѣхъ?
Развѣ не одинъ Богъ сотворилъ насъ?..
(Малах. пр., II, 10).

«Сравните, братья, обычаи Польши во времена благоденствія ея съ обычаями Москвы и вы сумѣете отличить дневной свѣтъ отъ мрака ночи. Съ тѣхъ поръ, какъ Польша приняла васъ въ лоно свое, она не выгнала васъ ни изъ одного мѣста; Москва лишь стала перебрасывать васъ изъ одного угла въ другой. Въ Польшѣ не было преслѣдованія и ложнаго обвиненія въ употребленіи человѣческой крови, изъ-за которой во многихъ мѣстахъ Европы отцы ваши изъ года въ годъ подвергались гоненіямъ, наоборотъ, короли польскіе сами выступали на вашу защиту и даже суровыя кары установили для тѣхъ, кто осмѣлился бы бросить на васъ это ложное подозрѣніе, а между тѣмъ даже въ наше время воскресаетъ это обвиненіе въ Россіи. . . . .

«Проснитесь, братья израильтяне, жители Царства Польскаго, Литвы и Руси, поднимитесь на гласъ, призывающій: «Вѣдь вы — народъ, отъ вѣка борящійся до послѣдней капли крови за свободу». На свободѣ и вольности основаны святыя книги Моисея, которыя свѣтятъ всѣмъ народамъ. Пророкомъ ясно написано: «И вы возвѣстите освобожденіе на землѣ всѣмъ ея обитателямъ» (кн. Левит. XXV, 10). . . . .

«И свершится, когда съ помощью Божьей освободимъ страну отъ московской неволи и сбросимъ съ себя гнетущее насъ ярмо: мы сообща будемъ наслаждаться миромъ, будемъ пользоваться плодами богатой земли нашей; вы и дѣти ваши пользоваться будете всѣми гражданскими правами безъ ограниченій и изъятій, ибо Народное правительство не будетъ спрашивать о вѣрѣ и происхожденіи, но только мѣстѣ рожденія! Полякъ ли? И о Польшѣ говорить будутъ: «Онъ здѣсь родился... радость всѣмъ живущимъ здѣсь» (Псалмы LXXXVI, 5 — 7).

Какимъ рѣзкимъ контрастомъ является тонъ этихъ прокламацій современнымъ призывамъ къ бойкоту евреевъ въ Царствѣ Польскомъ, современнымъ націоналистическимъ лозунгамъ польскихъ реальныхъ политиковъ. Въ прокламаціяхъ ярко сказался романтическій и идеалистическій патріотизмъ 63 г., очень далекій отъ современнаго меркантильнаго національзма. Поколѣніе польской интеллигенціи, поднявшее въ 60-хъ годахъ знамя національнаго движенія, было воспитано на романтическомъ идеализмѣ Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго, патріотизмъ которыхъ сочетался съ мечтами о братствѣ народовъ, которые дѣло освобожденія польскаго народа связывали съ общечеловѣческой свободой, видѣли въ будущей воскресшей Польшѣ царство свободы, равенства и братства, «градъ Божій», «Новый Іерусалимъ». Цитаты изъ Библіи, примѣненіе кь Польшѣ пророчествъ, относящихся къ Сіону, не кажутся странными тому, кто знакомъ съ идеями польскаго мессіанизма, на которыхъ выросли польскіе романтики-патріоты 1863 г. Нѣтъ ничего страннаго и въ этомъ терминѣ: «Поляки Моисеева закона»: это было общепринятое выраженіе, употребляемое также охотно поляками, какъ и евреями. Симпатіи къ евреямъ стали одной изъ яркихъ традицій польской интеллигенціи, онѣ пережили крушеніе политическаго романтизма и мессіанистическихъ грезъ польскихъ патріотовъ и сочетались съ реалистическимъ міросозерцаніемъ поколѣнія, выступившаго на сцену послѣ 63 года. Элиза Ожешко, Б. Прусъ, Марія Конопницкая, Ал. Свентоховскій—представители этого поколѣнія, стоявшаго подъ знаменемъ позитивизма, были такими же горячими и убѣжденными защитниками евреевъ, какъ и представитель стараго поколѣнія романтикъ Крашевскій. Антисемитизмъ считался признакомъ некультурности, застарѣлымъ предразсудкомъ, и вспышка антисемитизма, охватившая польское общество въ послѣдніе два года, является разрывомъ съ долголѣтней традиціей польской интеллигенціи. Антисемитское движеніе въ Польшѣ настолько сильно, что захватило и ветерана передовой польской мысли Свентоховскаго, когда-то писавшаго въ защиту евреевъ такіе яркіе разсказы, какъ «Хава Рубинъ», а теперь проповѣдующій вмѣстѣ съ другими необходимость «полонизаціи польскихъ городовъ», т.-е. другими словами вытѣсненія евреевъ. Глашатаямъ этихъ лозунговъ, современнымъ вождямъ польскаго національнаго движенія, слѣдовало бы вспомнить, какъ ровно 50 лѣтъ тому назадъ, въ моментъ наибольшаго подъема патріотическаго настроенія отъ имени польскаго народа обѣщано было, что въ Польшѣ не будутъ спрашивать о вѣрѣ и происхожденіи, но только, гдѣ родился: «полякъ ли?» За всѣми родившимися на польской землѣ было признано равное право на существованіе. Всѣ ограниченія, установленныя для евреевъ, объявлялись противнымъ волѣ народа. Теперь народъ, помимо законодательства, въ которомъ онъ не участвуетъ, призывается путемъ бойкота еврейской торговли создать новыя ограниченія для евреевъ тамъ, гдѣ, говоря словами патріотовъ польскихъ 63 г., не было примѣра даже въ средніе вѣка, чтобы вѣра и обычаи евреевъ подвергались гоненію.

Л. Козловскій.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Воспоминанія Г. Н. Потанина.

Въ томской газетѣ «Сибирск. Жизнь» печатаются воспоминанія нашего извѣстнаго ученаго этнографа и путешественника Г. Н. Потанина. Воспоминанія доведены почти до ареста и процесса «сибирскихъ сепаратистовъ», какъ извѣстно разгромившаго «сибирскій кружокъ», къ которому принадлежали Ядринцевъ, Потанинъ, Шашковъ, Колосовъ и др. Воспоминанія, главнымъ образомъ, посвящены выясненію вопроса, какъ постепенно слагались еще въ 50-хъ гг. областническія тенденціи, а впослѣдствіи вылилось въ болѣе опредѣленныя формы само областничество.

Г. Н. начинаетъ свои воспоминанія съ ранняго дѣтства, говоритъ объ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался, даетъ характеристику своему однокашнику не безызвѣстному киргизу Чокану Валиханову. Уже въ корпусѣ начали слагаться склонности будущаго путешественника и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Чокана Валиханова. много работавшаго и изучавшаго исторію Востока.

Въ 1852 г. Г. Н. окончилъ курсъ въ корпусѣ и былъ назначенъ по своему желанію на южную линію казачьихъ постовъ.

«Я,—пишетъ Г. Н.,—былъ казачій офицеръ, а казаки—это были крѣпостные государства. Всѣ они были обязаны служить въ военной службѣ опредѣленный длинный срокъ, какъ простые казаки, такъ и офицеры. Казачій офицеръ долженъ былъ въ то время служить безсмѣнно 25 лѣтъ; положеніе ихъ было жалкое, жалованье они получали скудное; тогда какъ пѣхотный офицеръ, вышедшій изъ того же кадетскаго корпуса, получалъ жалованья 250 руб. въ годъ, казачій офицеръ получалъ только 72 руб., при этомъ ему не полагалось ни квартирныхъ, ни отопленія, ни фуражныхъ; а по окончаніи службы — никакой пенсіи. Казачій офицеръ до 25-лѣтняго срока не имѣлъ права отказаться отъ службы и не могъ перемѣнить родъ службы; онъ долженъ былъ служить 25 лѣтъ только въ своемъ войскѣ, т.-е. сибирскій казакъ только въ сибирскомъ войскѣ, оренбургскій—только въ оренбургскомъ—и такъ далѣе».

При такихъ условіяхъ трудно было осуществиться мечтаніямъ Потанина объ университетѣ, а также о заманчивыхъ планахъ системати-

ческихъ путешествій въ Китай и др. азіатскія страны. Выйти изъ казачьяго сословія можно было только по болѣзни, дѣлающей человѣка неспособнымъ къ военной службѣ. Въ Заилейскомъ краѣ Г. Н. познакомился съ П. П. Семеновымъ, путешествовавшимъ въ Тянь-Шань. Это знакомство еще болѣе утвердило Г. Н. въ томъ, что онъ долженъ поступить въ университетъ. Обстоятельства благопріятствовали; онъ поссорился съ полковымъ командиромъ, и Г. Н. вызвали въ Омскъ въ войсковое управленіе.

Здѣсь онъ близко сошелся съ казачьими офицерами, бурятомъ Пирожковымъ, Чукрѣевымъ, здѣсь же жилъ и Чоканъ Валихановъ. Въ Омскѣ слагается или точнѣе намѣчается областническое міросозерцаніе сибирскихъ патріотовъ. Немалое вліяніе на это міросозерцаніе оказали труды Словцова и сохранившіяся письма Ершова, автора «Конька-Горбунка». Статьи Березина въ «Отечеств. Зап.» о колоніяхъ, «о ссылкѣ и ссыльныхъ колоніяхъ» въ «Современникѣ», журналы «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» также имѣли вліяніе на молодежь. Но болѣе всего на молодыхъ офицеровъ оказалъ вліяніе кружокъ Екатерины Ивановны Капустиной, родной сестры извѣстнаго химика Д. И. Менделѣева. Въ домѣ Капустиныхъ собиралась вся интеллигенція Омска, политическіе ссыльные, а также пріѣзжіе ученые.

«Въ Омскѣ я,—говоритъ Г. Н.,—прожилъ два духовныхъ перелома. Во-первыхъ, послѣ свиданія съ петрашевцемъ Дуровымъ, съ которымъ меня познакомилъ Чоканъ, я перемѣнилъ свои политическія убѣжденія; до этой встрѣчи я благоговѣлъ передъ императоромъ Николаемъ I, въ которомъ видѣлъ второго Петра Великаго и поборника прогресса и европейскихъ идей о политической свободѣ; послѣ свиданія съ Дуровымъ я сдѣлался петрашевцемъ. Объ этомъ переворотѣ въ моихъ убѣжденіяхъ я разсказалъ въ своей статьѣ «Дуровъ», помѣщенной въ сборникѣ «На славномъ посту», изданномъ въ честь Н. К. Михайловскаго. Другой переломъ произошелъ въ области моихъ плановъ о будущемъ. Какъ я уже говорилъ раньше, я считалъ свой выходъ изъ казачьяго сословія безнадежнымъ: я мирился съ мыслью остаться навсегда казачьимъ офицеромъ, но пріѣздъ П. П. Семенова подалъ мнѣ надежду на возможность попасть въ университетъ».

Знакомство съ дѣятельностью сибирской администраціи, съ властью генералъ-губернатора Гасфорда, отличавшагося «феноменальнымъ затменіемъ ума», охладило казачій патріотизмъ Г. Н. и онъ превратился въ сибирскаго патріота. П. П. Семеновъ помогъ ему достать докторское свидѣтельство, чему немало содѣйствовалъ либеральный атаманъ ген. Кринскій, одобрявшій мысль Г. Н. объ университетѣ. «Съ благословенія генерала войсковый докторъ Войткевичъ,—говоритъ Г. Н.,—придумалъ мнѣ грыжу, въ которомъ боку, я теперь не помню, будто бы мѣшающую мнѣ ѣздить верхомъ. Докторъ, вручая мнѣ свидѣтельство, нѣсколько разъ повторилъ: «Смотрите же, не забудьте, въ которомъ боку у васъ грыжа».

Въ воспоминаніяхъ о жизни въ Омскѣ Г. Н. останавливается и на борьбѣ губерн. Арцимовича съ тобольской администраціей, съ ея взяточничествомъ, съ ген.-губерн. Гасфордомъ, даетъ яркую характеристику послѣднему, говоритъ о другѣ Чернышевскаго Лобадовскомъ и мн. др. фактахъ..

Въ Петербургѣ Г. Н. поступилъ на естественный факультетъ. Къ этому же времени въ Петербургъ прибылъ и Ядринцевъ, характеристикѣ котораго въ юношескіе годы Г. Н. отводитъ много мѣста. Потанинъ, Ядринцевъ, Шешуковъ, Щукинъ, Сидоровъ, Шашковъ, бр. Черемшан-

скіе положили ядро «Сибирскому кружку» и стали по Петербургу искать сибиряковъ. Скоро къ нимъ присоединились впослѣдствіи извѣстный беллетристъ-народникъ Н. И. Наумовъ, офицеръ Усовъ, Куклинъ, И. А. Худяковъ (каракозовецъ) и мн. др. Г. Н. даетъ многимъ изъ этихъ лицъ характеристику и останавливается на условіяхъ жизни «Сибирскаго кружка». Вспоминаетъ онъ, при какихъ условіяхъ Ядринцевъ началъ печататься въ «Искрѣ» и какое впечатлѣніе производили его статьи на сибирскую молодежь.

«Въ нашей маленькой компаніи Ядринцевъ былъ самый прирожденный журналистъ. Я почувствовалъ, что онъ пойдетъ во главѣ сибирскаго движенія, которымъ уже вѣяло въ воздухѣ, и что мнѣ предстоитъ сдѣлаться только его помощникомъ». Ядринцевъ былъ не только журналистъ, а явился и руководителемъ и главнымъ вдохновителемъ «сибирскаго областничества».

«Сначала мы съ Ядринцевымъ шли ровно, однимъ темпомъ; можетъ-быть, даже я, какъ болѣе опытный, старшій годами, былъ нѣсколько впереди; онъ въ своихъ воспоминаніяхъ называлъ меня своимъ учителемъ, но вскорѣ жизнь разлучила насъ, я сталъ путешествовать, и все бремя сибирской публицистики легло исключительно на его плечи.

«Ядринцевъ въ исторіи сибирскаго самосознанія составляетъ эпоху. До него были сибирскіе патріоты, какъ, напримѣръ: Словцовъ, Мордвиновъ, Ершовъ, Вагинъ, Загоскинъ и др., но это былъ не сибирскій патріотизмъ, а сибирскій партикуляризмъ. Очень интересенъ былъ Ершовъ, о молодыхъ годахъ котораго мы знаемъ изъ его біографіи, написанной его другомъ, Яблочковымъ. Это былъ яркій патріотъ. Вдохновленностью сибирскими темами онъ очень напоминалъ Ядринцева, но ему не было суждено сыграть такую же общественную роль для Сибири, и это потому, что у Ядринцева было то, чего у его предшественниковъ не было.

«Главное отличіе Ядринцева отъ предшественниковъ-патріотовъ заключается въ томъ, что онъ импонировалъ не правительству, а русскому обществу; онъ противопоставлялъ не интересы русскаго общества интересамъ правительства, а интересы сибирскаго общества интересамъ общества Европейской Россіи, интересы колоніи—интересамъ метрополіи».

Лекціи Костомарова, статьи Щапова, выступленія русскихъ администраторовъ Герсеванова, Мейендорфа противъ затратъ на Сибирь, работы иностранныхъ писателей о колоніяхъ поставили передъ сибирской молодежью вопросъ, что такое въ самомъ дѣлѣ Сибирь,—колонія или провинція?

По этому поводу Г. Н. вспоминаетъ публичныя засѣданія въ политико-экономическомъ комитетѣ при Географическомъ обществѣ. Засѣданіе было посвящено колоніальной политикѣ. Мейендорфъ высказался противъ затратъ государства на нужды Сибири; мало того, онъ хотѣлъ бы, чтобы правительство препятствовало насажденію въ ней гражданственности. Онъ предупреждалъ, что, если населеніе Сибири возрастетъ и получитъ просвѣщеніе, то оно раздѣлитъ общую судьбу съ земледѣльческими колоніями другихъ государствъ, т.-е. отпадетъ отъ Россіи и объявитъ свой край независимымъ. На это академикъ Бэръ, «сѣверный Гумбольдтъ», какъ его звали въ ученомъ мірѣ, возразилъ, что отдѣленіе колоніи отъ метрополіи вполнѣ естественный актъ, который не долженъ смущать государственныхъ людей; что въ этомъ отдѣленіи для метрополіи никакого вреда не заключается, что исторія знаетъ много подобныхъ случаевъ отпаденія колоніи, и что метрополія отъ этого не только не проигрываетъ, но процвѣтаетъ лучше прежняго. Великій князь Константинъ Николаевичъ, предсѣдатель Географическаго общества, поспѣ-

шилъ сгладить впечатлѣніе отъ откровеннаго заявленія академика Бэра и сказалъ приблизительно слѣдующее: «Сибирь не колонія, и выселеніе русскихъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь есть только разселеніе русскаго племени въ предѣлахъ своего государства».

Колонія или провинція—Сибирь,—этотъ вопросъ сталъ передъ сибирской молодежью начала шестидесятыхъ годовъ?

«Тогда же мы,—говоритъ Потанинъ,—поняли, что интересы Сибири противопоставлены интересамъ Москвы, но такъ какъ мы были соціалисты, то никогда не приходили къ мысли о таможенной линіи между Сибирью и Европейской Россіей, или, вѣрнѣе сказать, никогда не лелѣяли такую идею. Она проскользнула въ печать помимо нашего содѣйствія и, вѣроятно, обязана своимъ появленіемъ проснувшимся инстинктамъ сибирской буржуазіи.

«Къ отъѣзду нашему изъ Петербурга главные мѣстные сибирскіе вопросы были уже намѣчены: т.-е.: 1) ссылка въ Сибирь, 2) экономическое иго Москвы надъ Сибирью и 3) отливъ учащейся молодежи изъ Сибири къ столицѣ. Мы сознавали, что надъ Сибирью тяготѣетъ три зла: деморализація ея населенія, какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ слояхъ, вносимая въ край ссылаемыми соціальными отбросами Европейской Россіи; подчиненность сибирскихъ экономическихъ интересовъ интересамъ московскаго мануфактурнаго района и отсутствіе мѣстной интеллигенціи, могущей встать на защиту интересовъ обездоленной родины».

Конечно, не былъ забытъ и вопросъ о сибирскихъ инородцахъ, потому что о немъ напоминали намъ наши товарищи изъ инородцевъ, киргизъ Чоканъ Валихановъ и бурятъ Ип. Пирожковъ.

Въ 1862 г. Потанинъ съ Усовымъ выѣхали въ Сибирь, куда вскорѣ прибыли Ядринцевъ, Шашковъ и др. участники «Сибирскаго кружка».

«Счастливое было тогда время,—вспоминаетъ Г. Н.,—то была весна русской жизни, въ родѣ такъ называемой весны «Святополка Мірскаго», но лучше ея. Та старая весна вспоминается съ болѣе пріятнымъ чувствомъ, чѣмъ позднѣйшая; дѣло въ томъ, что весна шестидесятыхъ годовъ была обвѣяна надеждами. Тогда реформы слѣдовали одна за другой; одна реформа опубликована, а въ печати уже намѣчается другая, а за ней и третья, и четвертая; цѣлая перспектива реформъ. И общество было увѣрено, что эти обѣщанія не обманъ, потому что, дѣйствительно, реформы слѣдовали за реформами. Общество было настроено празднично, и даже голосъ оппозиціи, въ лицѣ Герцена, звучалъ довѣріемъ и оптимизмомъ. Въ 1905 году была объявлена «реформа», а не «реформы», дана конституція, и все-таки будущее представляется сѣрымъ, а настоящее самыми скучными буднями. Обществу предоставлено ожидать реформъ, которыя долженъ ему дать русскій парламентъ, но когда это будетъ, совершенно неизвѣстно.

«Весна шестидесятыхъ годовъ была настоящая весна; то была пасхальная недѣля. Царскія врата раскрыты настежь, пѣніе клиросовъ ликующее, лица молящихся веселыя.

«Летучія мыши, которыя боятся свѣта, скрылись, и такъ глубоко запрятались въ щели, что даже, близко проходя мимо ихъ логовищъ, не слышишь ихъ специфическаго противнаго запаха. Въ воздухѣ чисто и благоуханно, на душѣ отрадно, и прежде всего отрадно потому, что въ ней затихли враждебныя чувства къ политическимъ противникамъ.

«Затихла обязательная для честнаго гражданина злоба противъ «тупой морды, стоящей поперекъ прогресса», которая такъ бѣсила Щедрина».

На этомъ сравненіи двухъ великихъ эпохъ пока и прерываются воспоминанія Г. Н. Потанина. Въ послѣдующихъ главахъ маститый писа-

тель дастъ картину развитія сибирскаго областничества и остановится на мало извѣстномъ процессѣ сибирскихъ сепаратистовъ. Но и изъ напечатанныхъ воспоминаній видно, что сибирское областничество намѣчалось еще въ началѣ прошлаго столѣтія Словцовымъ и Ершовымъ и начало выливаться въ опредѣленныя формы на рубежѣ 60-хъ гг.

И. Поповъ.

Статьи въ текущихъ журналахъ.

I. По всеобщей исторіи.

Карсавинъ, Л. «Мистика и ея значеніе въ религіозности средневѣковья». *(Вѣстн. Е., № 8).* **Н. Жихаревъ.** Трагедія Равальяка—убійцы Генриха IV. *(Соврем., № 8).* **Гольдсмитъ, М.** «Очеркъ исторіи международнаго общества рабочихъ». *(Современ., № 7).*

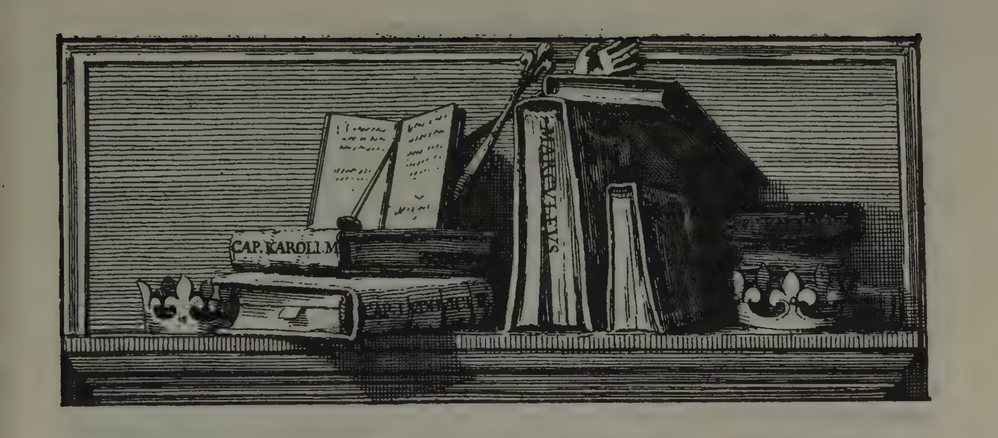
II. По русской исторіи.

Б—рій, И. «Аракчеевъ—влюбленный». Изъ архива Н. О. Котятбицкаго. *(Рус. Арх., № 6).* **Попруженко, М. Г.** «Дневникъ О. М. Бодянскаго». *(Ист. Вѣстн., № 8).* Письмо К. Д. Кавелина къ Н. А. Елагину 1874. *(Рус. Арх., № 8).* **Шишмановъ, И. Д.** «Конституціонная записка гр. П. П. Шувалова». (Къ исторіи русскаго освободительнаго движенія въ 80-хъ гг. XIX ст.). *(Вѣстн. Евр., № 8).* **Геккеръ, Н.** «Наша юность». (Воспоминанія и характеристики 80-хъ гг.) *(Завѣт., № 7).* **Короленко, Вл.** «О судѣ, защитѣ и о печати». (По поводу книги «За человѣка» Е. И. Козьмининой). *(Русск. Бог., № 8).* **А. Хатченко.** Ю. Ю. Цвѣтковскій, какъ общественный дѣятель. Одинъ изъ основателей украинской «Громады» въ 60 гг. *(Укр. Ж., № 7—8).*

III. По исторіи литературы.

Переселенковъ, С. А. «Литературная дѣятельность Я. И. Ростовцева». *(Педагог. Сборн., № 8).* **Евгеньевъ, В.** «Цензурныя мытарства Н. А. Некрасова». *(Русск. Бог., № 8).* **Его же.** «Н. А. Некрасовъ въ роли редактора-издателя «Современника». По неизданнымъ воспоминаніямъ и письмамъ. *(Соврем., № 7).* **Его же.** Гимназическіе годы Н. А. Некрасова *(Рѣчь, № 235).* **Бирюковъ, П.** «Художественныя произведенія Л. Н. Толстого, какъ отраженія его міровоззрѣнія». *(Сѣв. Зап., № 8).* **Долининъ, А.** «Отрѣшенный». Къ исторіи творчества Ѳ. Сологуба *(Завѣт., № 7).* **Данько, М.** Отъ реализма къ символизму. Разсказы и повѣсти М. Яцкова (*Укр. Ж.*, № 8). **А. Луначарскій.** Молодая французская поэзія. По поводу труда Альфонда Сете. *(Совр., № 8).*

Критика и библіографія.

Викторскій, С. И. Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе. Москва. 1912. VIII+387 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Какъ показываетъ заглавіе книги, ея авторъ выбралъ темой своей работы вопросъ, не разъ привлекавшій къ себѣ вниманіе русскихъ изслѣдователей и при томъ спеціалистовъ по исторіи русскаго права—профессоровъ Н. П. Загоскина (Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. 1892), Н. Д. Сергѣевскаго (Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка), А. Н. Филиппова (О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою). Несомнѣнно, что все наиболѣе существенное и важное въ исторіи смертной казни въ Россіи было выяснено названными учеными и поэтому новому изслѣдователю оставалось лишь сосредоточить свое вниманіе на подробностяхъ историческаго развитія этого наказанія и согласиться или разойтись со своими предшественниками въ оцѣнкѣ различныхъ историческихъ моментовъ. Если принять во вниманіе, что методъ изслѣдованія г-на Викторскаго не отличается отъ проведеннаго въ названныхъ нами работахъ, то придется признать, что автору оставалось слишкомъ мало возможности для произнесенія того «новаго, хотя бы и самого незначительнаго слова», которое несетъ за собою для изслѣдователя, по собственному же признанію С. И. Викторскаго, нравственное удовлетвореніе. Еще незавиднѣе было положеніе автора при изслѣдованіи современнаго состоянія смертной казни въ Россіи. Его опередилъ здѣсь проф. Малиновскій со своею интересною работою—«Кровавая месть и смертныя казни». И, кромѣ того, на тему о современномъ состояніи смертной казни въ Россіи было такъ много и такъ единодушно высказано въ русской печати, что сказать «новое слово» здѣсь было еще труднѣе, нежели въ историческомъ очеркѣ. Все это заставляетъ признать выборъ темы неудачнымъ.

Все содержаніе книги распадается на 8 раздѣловъ, изъ которыхъ первые семь излагаютъ исторію смертной казни, а послѣдній — ея современное состояніе. Авторъ раздѣляетъ исторію смертной казни на семь періодовъ: до Уложенія 1649 г. (1 — 57 стр.), послѣ его изданія до Петра I-го (58 — 113 стр.), при Петрѣ (113 — 192 стр.), при его преемникахъ до Елизаветы (193 — 215 стр.), при Елизаветѣ (215 — 232 стр.), при ея преемникахъ до издан. Улож. 1845 г. (233 — 277 стр.), отъ

1845 г. до конца царствованія Александра III (277 — 326 стр.) и современное состояніе (326 — 365 стр.). Три послѣднихъ главы VIII раздѣла знакомятъ читателя съ отношеніемъ общества къ наказанію смертью и даютъ оцѣнку этого средства борьбы съ преступностью (365 — 387 стр.). Эти три послѣднія главы находятся внѣ прямой связи съ предшествующимъ изложеніемъ: авторъ сходитъ съ исторической почвы и превращается въ уголовнаго политика. Говоря объ отношеніи къ смертной казни общества, онъ интересуется лишь современными намъ днями; всего на двухъ страницахъ онъ говоритъ о богатѣйшемъ матеріалѣ въ видѣ протестовъ различныхъ собраній, митинговъ и пр. и на 6 стр. о положеніи вопроса въ новыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ было бы вполнѣ умѣстно и важно прослѣдить отношеніе различныхъ слоевъ населенія въ Россіи къ смертной казни также и въ другія намѣченныя авторомъ эпохи.

Что касается превращенія историка въ уголовнаго политика, то оно было бы вполнѣ понятно и допустимо, если бы авторъ давалъ оцѣнку наказанія смертью, пользуясь своимъ предшествующимъ изложеніемъ исторіи этого наказанія. Однако мы этого здѣсь не видимъ: г. Викторскій ограничивается повтореніемъ извѣстныхъ возраженій и доводовъ о несоизмѣримости и недѣлимости, невозстановимости этого наказанія, о противорѣчіи его народному правосознанію, ученію Христа и пр.

Методъ автора — историко-догматическій. Въ хронологической послѣдовательности онъ излагаетъ узаконенія, относящіяся къ смертной казни, давая иногда общія краткія характеристики разсматриваемой эпохи (преимущественно по Ключевскому, см. у Викторскаго ссылки на Ключевскаго на стр. 9, 13, 58, 60, 194 и мн. др.). Только при изложеніи эпохи кровавой мести С. И. Викторскій дѣлаетъ отступленіе въ пользу историко-сравнительнаго метода, но, къ сожалѣнію, эти экскурсіи въ область сравнительнаго правовѣдѣнія настолько незначительны и робки, что мы затруднились бы признать за ними положительное значеніе. Думается, что слишкомъ громко звучитъ указаніе самого автора, что «краткія замѣчанія» изложены имъ «на основаніи цѣлаго ряда изслѣдованій какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ ученыхъ» (8 стр.). Въ дѣйствительности же авторомъ указано всего четыре работы на нѣмецкомъ языкѣ, одинъ французскій авторъ безъ обозначенія его труда и переводная брошюра Черри «Развитіе карательной власти» (СПБ. 1907). Новѣйшія важныя и интересныя работы проф. Колера обойдены молчаніемъ. Никакихъ другихъ указаній на книги и статьи иностранныхъ ученыхъ въ трудѣ С. И. Викторскаго не имѣется. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ссылается на работы русскихъ авторовъ онъ очень часто ограничивается указаніемъ автора и его работы безъ обозначенія страницы (см. примѣчанія стр. 1, 2, 3, 8, 9, 10 и т. д.).

Не всегда можно согласиться съ авторомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отстаиваетъ въ полемикѣ съ другими свое особое мнѣніе. Такъ, напримѣръ, онъ оспариваетъ утвержденіе проф. І. Малиновскаго, что между смертною казнью и кровавою местью существуетъ генетическая связь для всѣхъ государствъ и народовъ и что черезъ періодъ смертной казни долженъ пройти каждый народъ такъ же, какъ онъ долженъ пройти черезъ эпоху кровавой мести. Г. Викторскій, возражая противъ этого мнѣнія, считаетъ, что оно можетъ быть принято только въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано порожденіе смертной казни инстинктомъ человѣка. Не понятно, почему это требуется? Казалось бы, что справедливость мнѣнія проф. Малиновскаго съ полнымъ успѣхомъ

можетъ быть доказана съ помощью сравнительно историческаго метода и указаніемъ на примѣненіе смертныхъ казней въ эпохи, близкія къ кровавой мести у всѣхъ народовъ. Нисколько не обосновывается мнѣніе г. Викторскаго утвержденіемъ, что «когда высшая власть въ государствѣ законодательствуетъ не одна, а съ участіемъ земства, народа, то не можетъ проявиться въ ея борьбѣ съ преступниками настолько мстительнаго чувства, какъ у частнаго мстителя или главы государства, управляющаго страною единолично» (8 стр.) Авторъ какъ будто забылъ казни, напримѣръ, рабовъ въ періодъ республиканскаго Рима: классовая рознь питала и питаетъ институтъ смертной казни при всякихъ видахъ правленія, и только торжество соціализма должно привести къ полной побѣдѣ надъ этимъ видомъ борьбы съ преступностью.

Мы также должны признать бездоказательнымъ и спорнымъ утвержденіе автора, что «кровавая месть вела къ обузданію правонарушителей» (стр. 3).

Авторъ (примѣчаніе на 20 стр.) не согласенъ съ Сергѣевичемъ, полагавшимъ, что перечень мстителей по Русской Правдѣ былъ лишь примѣрнымъ. Г. Викторскій считаетъ его, наоборотъ, исчерпывающимъ. Онъ такимъ образомъ расходится также и съ проф. Богдановскимъ, который полагалъ, что характеръ эпохи Русской Правды открывалъ *широкую* область дѣйствія мести. Г. Викторскій не приводитъ особыхъ соображеній въ доказательство своего мнѣнія и ограничивается указаніемъ на опредѣленность текста статьи, которая, однако, возбудила сомнѣніе проф. Богдановскаго и Сергѣевича.

Въ трудѣ С. И. Викторскаго мы встрѣчаемъ и такія положенія, которыя представляются намъ недоказанными. Казалось бы, что представленіе доказательствъ ихъ правильности было бы не лишнимъ. Такъ, говоря о смертной казни по Уставной Двинской грамотѣ, авторъ полагаетъ, что примѣненіе этого наказанія «къ виновнымъ именно въ повторныхъ кражахъ, къ лихимъ людямъ, а не къ инымъ преступникамъ имѣло, кажется, еще одно печальное послѣдствіе: оно способствовало постепенному примиренію населенія со смертной казнью, до того времени противной его правосознанію» (стр. 25). Но изъ предшествующаго изложенія не видно, чтобы авторъ доказалъ противность смертной казни тогдашнему народному правосознанію; точно такъ же въ послѣдующемъ своемъ изложеніи онъ не приводитъ фактовъ, которые показали бы, что указанное имъ печальное послѣдствіе, дѣйствительно, имѣло мѣсто.

Внѣ всякаго сомнѣнія неправильно исключеніе авторомъ смертныхъ казней при Іоаннѣ Грозномъ изъ историческаго очерка смертной казни въ Россіи только на томъ основаніи, что онѣ были «проявленіемъ болѣзненнаго состоянія неограниченнаго государя»: если онѣ не основывались на обычномъ или писанномъ правѣ, то тѣснѣйшая связь ихъ съ институтомъ разсматриваемаго наказанія отъ этого нисколько не утрачивается. Очень подробно и тщательно выясняетъ авторъ случаи примѣненія смертной казни по Улож. царя Алексѣя Мих. (стр. 109 и сл.), а также и по Воинскимъ Артикуламъ и, въ противоположность проф. А. Н. Филипову, полагаетъ, что статьи Петровскаго Воинскаго Устава не могли примѣняться въ общеуголовныхъ судахъ. Здѣсь онъ стремится подкрѣпить свое мнѣніе рядомъ разсужденій (см. 134 стр. и слѣд.).

Заканчивая отдѣлъ о смертной казни при Николаѣ I, авторъ говоритъ (стр. 277), что у него нѣтъ свѣдѣній, были ли случаи казни за карантинныя преступленія. Нѣкоторыя свѣдѣнія по этому вопросу имѣются. Указомъ 1827 г. на имя управляющаго Новороссіей и Бессара-

біей графа Палена предписывалось наказывать за карантинныя преступленія шпицрутенами, назначая ихъ въ важнѣйшихъ случаяхъ до 12.000 ударовъ. А. Г. Тимоѳеевъ (Исторія тѣлесн. наказ. въ русск. правѣ. 1904 г. 286 стр.), ссылающійся на вышеприведенный указъ, приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующую любопытную резолюцію императора Николая I на докладѣ ему о смертномъ приговорѣ двумъ евреямъ за карантинныя преступленія: «виновныхъ прогнать сквозь 1.000 человѣкъ 12 разъ. Слава Богу смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить».

При описаніи современнаго состоянія смертной казни въ Россіи авторъ удѣляетъ вниманіе политическому моменту и всегда подчеркиваетъ отрицательное значеніе начавшейся реакціи.

Въ своихъ заключительныхъ словахъ г. Викторскій рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ наказанія смертью.

Если книга С. И. Викторскаго и не вноситъ чего-либо существенно новаго въ литературу о смертной казни, то, несомнѣнно, она является наиболѣе подробнымъ трудомъ по исторіи этого наказанія въ Россіи.

Мих. Гернетъ.

В. Ключевскій. Исторія сословій въ Россіи. Курсъ, читанный въ Московскомъ университетѣ въ 1886 г. М. 1913. XVII+251 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Передъ нами только что изданный университетскій курсъ знаменитаго историка, читанный имъ единственный разъ 27 лѣтъ назадъ и никогда болѣе не повторенный. Видя этотъ курсъ опубликованнымъ теперь послѣ смерти В. О. Ключевскаго, невольно ставишь себѣ цѣлый рядъ вопросовъ.

Курсъ изданъ по записи слушателя. Въ какой степени на его редакціи замѣтно яркое и своеобразное перо его автора? Въ какомъ отношеніи находится этотъ курсъ къ работамъ Ключевскаго, изданнымъ имъ самимъ при жизни, къ его общему курсу русской исторіи, къ «Боярской Думѣ», къ другимъ спеціальнымъ его изслѣдованіямъ?

Пролежавъ болѣе четверти вѣка среди бумагъ покойнаго и изданный безъ его участія, не заключаетъ ли этотъ курсъ чего-либо такого, чего В. О. Ключевскій, при его крайне щепетильномъ отношеніи къ своимъ работамъ, не призналъ бы возможнымъ издать безъ измѣненій? 27 лѣтъ—большой срокъ для нашей исторической литературы и курсъ, не пересмотрѣнный кореннымъ образомъ самимъ авторомъ, можетъ въ иныхъ мѣстахъ носить черты устарѣлости. На первый вопросъ получается обстоятельный и вполнѣ успокоительный отвѣтъ. Въ очень интересномъ особенно для характеристики ученой работы В. О. предисловіи слушатель, записывавшій и издавшій курсъ для студентовъ, А. И. Юшковъ, впослѣдствіи самъ историкъ и археографъ, разсказываетъ, съ какой великой тщательностью В. О. Ключевскій относился къ окончательной редакціи курса, и какъ нерѣдко онъ существеннымъ образомъ мѣнялъ и совершенствовалъ свое изложеніе.

Огромное количество редакціонныхъ измѣненій, внесенныхъ профессоромъ при просмотрѣ первоначальной студенческой записи, составляютъ приложеніе къ курсу (стр. 215—251) и наглядно подтверждаютъ слова А. И. Юшкова. Да, наконецъ, всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомится со стилемъ и манерой изложенія покойнаго историка, сейчасъ же признаетъ въ «Исторіи сословій» подлинное произведеніе этого великаго художника слова и мысли. Для того, кто читалъ общій «Курсъ русской исторіи» и «Боярскую Думу» и тѣ изслѣдованія В. О. Ключев-

скаго, которыя теперь изданы въ отдѣльномъ томѣ «очерковъ и изслѣдованія, «Исторія сословій» не даетъ почти ничего новаго. Фактическія свѣдѣнія, сообщаемыя въ новоизданномъ курсѣ, почти всѣ встрѣчаются въ другихъ трудахъ Ключевскаго; но это не отнимаетъ у «исторіи сословій» ни интереса ни значенія. Курсъ строго соотвѣтствуетъ своему названію; здѣсь сосредоточено въ систематическомъ порядкѣ только то, что дѣйствительно относится къ исторіи сословныхъ группъ. Съ внѣшней стороны «исторія сословій» является образцомъ университетскаго курса по своей стройности, логической послѣдовательности изложенія и систематичности плана. Пропедевтическая часть, содержащая всесторонній юридическій и соціологическій анализъ понятія «сословія» сопровождается указаніемъ литературы (тогдашней) предмета; за ней слѣдуетъ фактическая часть, изъ которой трудно что-либо выкинуть; трудно къ ней что-нибудь и прибавить. Исторію русскихъ сословій Ключевскій дѣлитъ на четыре періода, обусловливаемые подвижностью и измѣнчивостью сословнаго дѣленія въ Россіи. По памятинкамъ XI и XII вв. «мы видимъ,—говоритъ Ключевскій (стр. 34—35),—что общество дѣлилось на двѣ рѣзко разграниченныя и неравныя половины, при чемъ основаніемъ дѣленія служило завоеваніе или вооруженное давленіе. Разсматривая составъ общества въ удѣльные вѣка, встрѣчаемъ другое основаніе, которымъ служилъ хозяйственный договоръ свободнаго лица съ удѣльнымъ княземъ. Въ періодъ когда созидалось Московское государство (XVI и XVII в.), основаніемъ сословнаго дѣленія служило различіе государственнаго тягла, разверстаннаго между классами общества и ихъ хозяйственнымъ положеніемъ. Наконецъ, въ XVIII в. сословное дѣленіе перешло на новое основаніе, которымъ служило различіе правъ, распредѣленныхъ между сословіями по ихъ политическому значенію». Въ предѣлахъ намѣченныхъ періодовъ Ключевскій рисуетъ жизнь русскихъ сословій отъ княжихъ мужей и служилыхъ людей до холоповъ, отмѣчая въ первомъ періодѣ большое умиротворяющее значеніе церкви, а во второмъ вотчинное начало, лежавшее въ основѣ всего гражданскаго порядка удѣльнаго времени. Особенно подробно разработанъ третій періодъ, къ сожалѣнію, на петровской эпохѣ изложеніе останавливается, и четвертый періодъ, который заканчивается, по мнѣнію автора, Екатерининской грамотой 1785 г., остался незаконченнымъ.

Нелегко дать утвердительный отвѣтъ на послѣдній изъ поставленныхъ выше вопросовъ. Мы не знаемъ, хотѣлъ ли покойный В. О. Ключевскій опубликовать этотъ курсъ, во всякомъ случаѣ эта задача не была у него на ближайшей очереди и самъ онъ не измѣнилъ ничего изъ того, что было имъ читано въ 1886 году.

Тѣмъ, кто издаетъ посмертное наслѣдіе, оставленное крупнымъ дѣятелемъ науки или литературы, приходится, конечно, отказаться отъ всякой мысли что-либо измѣнить въ издаваемомъ произведеніи; такимъ образомъ легко можетъ случиться, что въ печати появится нѣчто такое, съ чѣмъ не былъ бы согласенъ самъ покойный авторъ; это обстоятельство знаетъ и издатель, а между тѣмъ безвыходное положеніе заставляетъ его все-таки печатать сомнительныя мѣста: въ этомъ главное затрудненіе и важнѣйшая опасность всякаго «посмертнаго изданія». Не свободна отъ такихъ чертъ и «Исторія сословія». Можно было бы привести нѣсколько примѣровъ; я ограничусь однимъ: если бы В. О. Ключевскій самъ приготовилъ для изданія курсъ «Исторія сословій», онъ едва ли бы оставилъ безъ всякаго измѣненія стр. 206—208, гдѣ говорится о положеніи дворянства при Петрѣ Великомъ, о ландратахъ и

о земскихъ комиссарахъ: онъ бы непремѣнно согласовалъ это мѣсто съ появившимися уже послѣ 1886 года трудами П. Н. Милюкова и М. М. Богословскаго, какъ онъ согласовалъ съ этими трудами соотвѣтственныя мѣста IV тома общаго курса.

Въ теперешнемъ же изложеніи нельзя не признать отмѣченныхъ страницъ устарѣвшими. Думается все же, что интересующіеся русской исторіей и почитатели покойнаго историка должны быть благодарны его наслѣднику за изданіе его спеціальнаго университетскаго курса, ибо этотъ краткій, сжатый и строго научный общій очеркъ исторіи всѣхъ сословій въ Россіи остается доселѣ единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ; въ особенности же надо поблагодарить А. И. Юшкова, который съ такой любовью и тщательностью записалъ и сохранилъ слова В. О. Ключевскаго.

Ю. Готье.

И. И. Соневицкій. Очерки прошлаго. Спб. 1912. Ц. 65 коп.

При составленіи своихъ «Очерковъ» авторъ, по собственному признанію, «не пользовался ни печатными ни рукописными источниками, а описалъ лишь то, что ему сдѣлалось извѣстнымъ изъ офиціальныхъ источниковъ за время продолжительной государственной службы въ губерніяхъ Царства Польскаго». Методъ этотъ не можетъ быть одобренъ, во-первыхъ, потому, что офиціальные источники, на которые опирается авторъ, далеко не всегда заслуживаютъ довѣрія, что по нуждѣ и офиціальнымъ источникомъ перемѣна бываетъ; такъ, въ 1907 г., послѣ Высочайше утвержденнаго отрицательнаго постановленія совѣта министровъ отъ 6 марта 1906 г. по вопросу о выдѣленіи Холмщины, сѣдлецкій губернаторъ опредѣлилъ число жителей, говорящихъ въ Константиновскомъ уѣздѣ на малороссійскомъ языкѣ, въ 23.298 человѣкъ, а на польскомъ въ 42.315; т. обр. процентное соотношеніе между поляками и населеніемъ, пользующимся мѣстнымъ нарѣчіемъ, выражалось въ этомъ уѣздѣ пропорціей 53,1 : 29,2; въ 1909 г., когда въ правительственныхъ кругахъ измѣнился взглядъ на образованіе особой Холмской губерніи, тотъ же сѣдлецкій губернаторъ въ томъ же Константиновскомъ уѣздѣ насчиталъ поляковъ 22,4%, а русскихъ 62,3%, не поясняя, впрочемъ, причинъ, вызвавшихъ исчезновеніе въ теченіе двухъ лѣтъ 24.000 поляковъ и появленіе на ихъ мѣстѣ 26.000 великороссовъ и малороссовъ (Dymsza. Sprawa Chełmska, стр. 32 — 33). Во-вторыхъ, методъ г. Соневицкаго не можетъ быть одобренъ потому, что игнорированіе данныхъ, добытыхъ историческимъ, этнографическимъ и статистическимъ изученіемъ края, неизбѣжно приводитъ къ неправильнымъ утвержденіямъ и необоснованнымъ выводамъ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе прискорбно, что авторъ, хотя и привѣтствуетъ выдѣленіе Холмщины, но не лишенъ нѣкотораго безпристрастія и не всегда склоненъ скрывать отрицательныя стороны въ дѣятельности мѣстной администраціи.

Неправъ г. Соневицкій, признавая будущую Холмскую губернію «коренной русской землей». Лѣтописецъ Несторъ подъ 6489(981) годомъ записываетъ: Иде Володимеръ къ ляхамъ и взя грады *ихъ*, Перемышль, Червень и иные грады; послѣ этого Червенскіе города переходили отъ поляковъ къ мадьярамъ, отъ мадьяръ къ волынскимъ и галицкимъ князьямъ, но въ общей сложности во владѣніи послѣднихъ находились менѣе 200 лѣтъ; присоединенные къ польской коронѣ Казиміромъ Великимъ въ 1340 г., они оставались подъ властью Польши болѣе 600 лѣтъ. Что же касается т. наз. Подляшья, т.-е. предѣловъ теперешней Сѣдлецкой губерніи, то оно никогда не составляло части русской территоріи;

политически оно принадлежало то Польшѣ, то Литвѣ; культурно оно неизмѣнно тяготѣло къ Польшѣ; подляшская шляхта «была какъ бы передаточною инстанціею для воздѣйствія на литовско-русскую шляхту идеаловъ польскаго шляхетскаго строя» (Любавскій. Литовско-русскій сеймъ, стр. 535).

Невѣрно утвержденіе г. Соневицкаго относительно «религіознаго душехватства» и «истребленія всего русскаго» въ Холмской Руси «за *все* время польскаго владычества». Религіозная нетерпимость датируется лишь со времени упадка Рѣчи Посполитой, съ конца XVII и начала XVIII вв.; диссидентскій вопросъ особенно занимаетъ сеймующія сословія въ XVIII в.; до того же времени можные польскіе паны, Сапѣги, Радзивиллы, Замойскіе, Оссолинскіе, Тенчинскіе и мн. др., усердно воздвигали здѣсь православные храмы и надѣляли ихъ щедрыми пожертвованіями; въ половинѣ XVII в. въ Холмской епархіи насчитывалось 633 греко-восточныхъ святынь.

Неправильно мнѣніе г. Соневицкаго о силѣ латинской пропаганды въ Холмщинѣ и неосновательны его ссылки въ подтвержденіе этого мнѣнія на переходъ въ 1905 г. 180.000 уніатовъ въ католицизмъ. Переходъ этотъ, совершившійся стихійно, немедленно послѣ обнародованія указа о вѣротерпимости, являлся результатомъ скрытой приверженности перешедшихъ къ своей исконной католической религіи. Что же касается пропаганды, то она не могла имѣть мѣста вслѣдствіе бдительности какъ мѣстной администраціи, состоящей преимущественно изъ русскихъ лицъ (въ 1905 г. въ Люблинской губ. на 688 православныхъ чиновниковъ приходился лишь 191 католикъ, при чемъ католики занимали и занимаютъ исключительно низшія должности), такъ и мѣстнаго православнаго духовенства, численно преобладающаго во всѣхъ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ (въ 6-ти восточныхъ уѣздахъ Люблинской губ. къ 1 янв. 1906 г. приходился 1 православный священникъ на 1.252 прихожанина, а 1 ксендзъ на 4.401) и въ значительной степени сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ дѣло начальнаго школьнаго образованія (въ 1906 г. изъ общаго числа 584 начальныхъ учителей Любл. губ. было православныхъ 469, а католиковъ 115).

Въ заключеніе своихъ «Очерковъ» г. Соневицкій высказываетъ надежду, что «съ возникновеніемъ новой губерніи исторія злополучной Холмщины... можетъ дать только положительные результаты какъ въ національномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ». Мы не знаемъ, на чемъ г. Соневицкій основываетъ свои надежды, но намъ извѣстно, что по старому, поднятому вслѣдъ за подавленіемъ возстанія 1863 г. вопросу о выдѣленіи Холмщины, какъ средствѣ предотвращенія окатоличенія и полонизаціи мѣстнаго русскаго населенія, высказывались отрицательно и всѣ варшавскіе генералъ-губернаторы, за исключеніемъ пруссофила гр. Шувалова, и русскіе дѣятели самыхъ различныхъ направленій, какъ Милютинъ, Горемыкинъ, Н. В. Муравьевъ, Витте, Куропаткинъ, Дурново. Образованіе Холмской губерніи, оскорбительное для поляковъ, привыкшихъ считать р. Бугъ вѣковой, установленной въ 1795 г. Екатериною II границей между имперіей и Царствомъ Польскимъ, и не нужное для мѣстнаго русскаго населенія, интересы котораго и помимо этой мѣры обезпечены въ достаточной степени,—выгодно однимъ только нѣмцамъ, пріобрѣтающимъ земли въ тѣхъ со смѣшаннымъ населеніемъ мѣстностяхъ, которыя недоступны полякамъ за невозможностью пользоваться здѣсь ссудами крестьянскаго банка. Планомѣрно и упорно двигаясь на востокъ, нѣмецкіе колонисты лишаютъ Царство Польское того значенія естественной плотины, сдерживающей напоръ

нѣмецкихъ волнъ на русскую равнину, какое при другихъ условіяхъ оно могло бы имѣть и какое оно имѣть должно.

R.

Кн. Евгеній Трубецкой. Міровоззрѣніе Вл. С. Соловьева. Москва, 1913 г., т. I, XI+631 стр., т. II, 415 стр. Цѣна за оба тома 4 р.

Владиміръ Соловьевъ принадлежалъ къ тѣмъ немногочисленнымъ людямъ, которые какъ-то сразу умѣютъ приковывать къ себѣ вниманіе общества. Напримѣръ, его первыя болѣе крупныя работы, его магистерская диссертація «Кризисъ Западной Философіи» вызвали въ свое время оживленную полемику, хотя въ сущности это было, сравнительно, небольшое и плохо продуманное сочиненіе. Самъ кн. Е. Трубецкой, горячій поклонникъ и почитатель Соловьева, находитъ, что весь первый періодъ писательской дѣятельности Соловьева есть періодъ незрѣлый, что Соловьевъ тогда часто невѣрно понималъ цитируемыхъ имъ философовъ и безнадежно путался между различными авторитетами, на которыхъ онъ одновременно опирался, хотя бы они совершенно противорѣчили другъ другу. Если же взглянуть на дѣло не глазами личнаго друга и ученика, а глазами объективнаго наблюдателя, то, несомнѣнно, придется сказать, что «Кризисъ Западной Философіи» — просто ученическая работа. И, однако, несмотря на все это, стоитъ взять въ руки старые журналы и газеты, чтобы увидѣть, что эта диссертація Соловьева приковала къ себѣ вниманіе прессы, а покойный В. В. Лесевичъ, который жилъ тогда въ Петербургѣ и былъ на диспутѣ Соловьева, разсказывалъ намъ, что диссертація Соловьева долго была темой для бесѣдъ въ образованномъ обществѣ.

Конечно, то обстоятельство, что Соловьевъ сразу и безъ особеннаго труда занялъ такое положеніе среди высшихъ представителей культурнаго общества Россіи, отчасти объясняется и исключительно благопріятными семейными условіями и связями (извѣстно, что Вл. Соловьевъ — сынъ знаменитаго историка) и даже мистической красотой его наружности; но, понятно, все это были лишь «благопріятныя условія», а глубочайшее основаніе успѣха Соловьева лежало въ немъ самомъ.

Послѣ смерти Соловьева, въ 1900 г., А. Г. Горнфельдъ въ своей замѣткѣ о немъ примѣнилъ къ нему стихъ гр. Алексѣя Толстого: «Двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный», что было очень мѣтко сказано; и именно въ этомъ положеніи Соловьева мы видимъ главнѣйшую причину его успѣха, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнѣйшую его заслугу.

Когда страна отсталая усвояетъ цивилизацію странъ болѣе счастливыхъ, опередившихъ въ своемъ развитіи, то въ этой отсталой странѣ, среди ясно сознающихъ превосходство чужихъ странъ, возникаютъ двѣ различныя группы людей: одни, интеллектуалисты, живущіе умомъ и логикой, хотятъ сейчасъ же дать своей странѣ все то хорошее, что они видятъ въ передовыхъ странахъ; другіе, люди чувства, бываютъ неспособны къ такой быстрой перемѣнѣ своего міровоззрѣнія; а такъ какъ къ такимъ людямъ, болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому примѣнимъ стихъ Пушкина: «что пройдетъ, то будетъ мило», то въ ихъ глазахъ прошлое страны окутывается поэтической дымкой, и они соглашаются взять изъ другихъ странъ лишь то, что не противорѣчитъ этому милому прошлому.

Въ русской жизни борьба этихъ двухъ группъ выразилась борьбой западниковъ и славянофиловъ. Кто изъ нихъ правъ? Если мы приступимъ съ мѣриломъ логики, напр., къ писаньямъ Чернышевскаго (беру примѣръ самаго яркаго интеллектуалиста), то, конечно, они блистательно выдержатъ испытанія; но въ чемъ Чернышевскій былъ неправъ, такъ

это въ томъ, что онъ не принялъ въ соображеніе, что не умъ, а чувство движетъ массами. Писанія славянофиловъ весьма грѣшили по части логики, но ихъ методъ мышленія былъ методомъ мышленія массъ. Проповѣдь Чернышевскаго волновала почти только одну учащуюся молодежь, а проповѣдь славянофиловъ *могла быть* доступна и всей «Матушкѣ Москвѣ» и всей Россіи. И если, несмотря на все это, то направленіе, къ которому принадлежалъ Чернышевскій, все-таки сыграло гораздо большую роль, чѣмъ направленіе славянофиловъ, то это лишь потому, что въ то время въ Россіи единственной политически-активной группой была учащаяся молодежь.

Эволюція славянофильства, въ лицѣ Соловьева, была *показателемъ* того, что общеміровыя идеи мало-по-малу завладѣли умами сторонниковъ самобытности, которые, наконецъ, поняли, что та цивилизація, которую они считали специфически «западной», есть въ сущности общеміровая и, какъ таковая, обязательна не только для Россіи, но и для всѣхъ странъ, нежелающихъ погибнуть, конечно, мы говоримъ лишь объ искреннихъ и честныхъ самобытникахъ, а не о черносотенникахъ, прикрывающихся идеей самобытности. Славянофилъ Соловьевъ умѣлъ говорить языкомъ западниковъ и въ этомъ причина его быстраго успѣха. Въ «Кризисѣ Западной Философіи» Соловьевъ доказывалъ, что западная философія изжила свой вѣкъ, но это онъ доказывалъ такъ, какъ могъ бы доказать и любой западный философъ.

Это умѣніе «говорить на двухъ языкахъ» характерно для Соловьева. Князь Трубецкой, упомянувши о томъ, что въ своей мечтѣ о «вселенской теократіи» Соловьевъ надѣлялъ монарха неограниченнымъ самодержавіемъ, прибавляетъ слѣдующее: «Осенью 1891 г. мнѣ приходилось слышать отъ него иныя разсужденія: всѣ же цари и священники Бога Вышняго: поэтому всѣмъ надлежитъ участвовать, какъ въ священствѣ, такъ и въ царствѣ. Участіе общества въ *царскомъ дѣлѣ* онъ представлялъ себѣ въ видѣ народнаго представительства» (т. II, стр. 10). Этотъ эпизодъ весьма характеренъ для Соловьева. Съ точки зрѣнія логики и государственнаго права утвержденіе Соловьева уже потому одному не выдерживаетъ критики, что понятіе «царь» неразрывно связано съ понятіемъ «подданный», затѣмъ, нельзя теологическое понятіе «царь и священникъ Бога Вышняго» прилагать къ вопросу о конституціи государства, но такъ какъ не логика управляетъ жизнью общества, то нельзя отрицать и того, что подобное библейски-конституціонное утвержденіе могло найти внимательныхъ слушателей: вѣдь и Кромвель сдѣлалъ революцію съ Библіей въ рукахъ...

Человѣкъ, который соединялъ «всемірную теократію» съ конституціей и даже съ мечтой поставить генерала Драгомирова во главѣ революціоннаго движенія; который соединялъ славянофильство съ католицизмомъ (въ который онъ и перешелъ), — такой человѣкъ, конечно, былъ «двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный», но, съ другой стороны, въ обоихъ этихъ «стихахъ» именно потому его слово и звучало особеннымъ образомъ. Когда, напримѣръ, онъ произнесъ свою рѣчь, требующую, чтобы Александръ III не казнилъ людей, участвовавшихъ въ убійствѣ Александра II, то, конечно, и въ глазахъ общества, и въ глазахъ правительства, эта рѣчь получила особенное значеніе вслѣдствіе того, что ее произнесъ не радикалъ или либералъ, а сторонникъ православія и самодержавія.

Ко всему этому нужно прибавить, что произведенія Соловьева подкупали своею художественностью. Не будучи настолько одареннымъ, чтобы сдѣлаться настоящимъ поэтомъ, Соловьевъ все-таки былъ по-

вольно искуснымъ стихотворцемъ (славянофилы вообще были стихотворцами), а его прозаическія сочиненія отличались значительнымъ литературнымъ талантомъ. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, его философски-беллетристическія размышленія объ антихристѣ, чортѣ и т. п. предметахъ, если и были слабы, какъ философскія произведенія, то все-таки читались съ интересомъ, напоминавшимъ интересъ сказокъ Гофмана...

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о Соловьевѣ, а не о книгѣ кн. Трубецкого, и при этомъ мы говорили, главнымъ образомъ, объ общественной роли Соловьева, а не о его «философіи», хотя Соловьевъ извѣстенъ, какъ «философъ».

Но дѣло въ томъ, что, хотя кн. Трубецкой и говоритъ (т. I, стр. X) о «радикализмѣ» своей критики, однако этотъ «радикализмъ» не выводитъ все-таки его изъ сферы вліянія Соловьева. Кн. Трубецкой является вполнѣ и совершенно ученикомъ Соловьева,—ученикомъ, который осмѣливается критиковать различныя частныя мнѣнія учителя, но который ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что истина лежитъ на пути, избранномъ учителемъ. Самое важное отличіе кн. Трубецкого отъ Соловьева можно формулировать словами самого кн. Трубецкого: онъ говоритъ: «его идея» вселенской теократіи «всегда внушала мнѣ сильныя сомнѣнія» (т. 1, стр. IV). Но вѣдь и самъ Соловьевъ въ концѣ своей жизни не особенно вѣрилъ въ эту «теократію». Кн. Трубецкой выяснилъ, какъ мы уже объ этомъ упоминали, что первыя произведенія Соловьева были плохо продуманы, но вѣдь впослѣдствіи самъ Соловьевъ довольно презрительно отозвался объ этихъ своихъ трудахъ. Съ другой стороны, кн. Трубецкой даже и не пытался защитить методъ мышленія Соловьева противъ людей, стоящихъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Онъ молчаливо признаетъ правильность этого метода и самъ въ своей критикѣ имъ пользуется. Слѣдовательно, критика кн. Трубецкого, есть критика ученика, написанная для учениковъ. А что сочиненія Соловьева особенно нуждаются въ защитѣ отъ инакомыслящихъ, объ этомъ невольно проговаривается и самъ кн. Трубецкой, когда говоритъ: «у него (т.-е. у Соловьева) на каждомъ шагу встрѣчаются религіозныя утвержденія, не оправданныя и даже не провѣренныя какимъ-либо изслѣдованіемъ, а потому убѣдительныя только для того, кто *заранѣе* убѣжденъ въ истинности положительнаго христіанскаго вѣроученія» (т. I, стр. 271).

А такъ какъ эти строки пишутся не ученикомъ Соловьева и не для его учениковъ, то мы и оставимъ безъ разсмотрѣнія этотъ домашній споръ въ небольшой соловьевской семьѣ. Поступить такъ мы тѣмъ болѣе имѣемъ право, что многое изъ того, что мы скажемъ по существу касательно такъ называемой философіи Соловьева, будетъ относиться и къ его вѣрному ученику кн. Трубецкому.

Относительно «философіи» Соловьева мы начнемъ съ указанія на то, что если примѣнить къ ней современныя требованія, то окажется, что Соловьевъ, собственно, и не философъ, а богословъ. Мы уже видѣли, что самъ кн. Трубецкой признаетъ, что утвержденія Соловьева убѣдительны лишь для тѣхъ, кто *заранѣе* убѣжденъ въ истинахъ христіанскаго ученія. А вѣдь философія тогда только и родилась, когда, отрѣшившись отъ всякаго авторитета традицій, занялась *свободнымъ* изслѣдованіемъ вселенной. Приноровленіемъ же человѣческой мысли къ заранѣе признаннымъ догматамъ религіи занимаются не философы, а философствующіе богословы, называемые схоластиками.

«Философія» Соловьева занята подысканіемъ философскихъ терминовъ для выраженія ученій о св. Троицѣ, о Дѣвѣ Маріи и даже о Софіи Премудрости Божіей. Стоитъ прочесть, напримѣръ, хотя бы

такія строки: «Человѣчество, соединенное съ Богомъ въ св. Дѣвѣ, во Христѣ и въ церкви есть осуществленіе сущей Премудрости или абсолютной субстанціи Бога, сотворенная форма послѣдней, ея воплощеніе. Одно и то же «сѣмя жены» (т.-е. Премудрости) воспроизводится въ этихъ трехъ явленіяхъ — послѣдовательныхъ и вмѣстѣ пребывающихъ, отличныхъ другъ отъ друга и вмѣстѣ нераздѣльныхъ. Въ женственной своей личности оно именуется Маріей, въ мужественной личности Іисусомъ. Собственнымъ же именемъ Премудрости, или Софіи, обозначается ея всецѣлое и универсальное явленіе въ совершенной церкви будущаго— невѣстѣ божественнаго Слова» (т. I, стр. 353—4); стоитъ, повторяемъ, прочитать эти строки (а таковы всѣ писанія Соловьева), чтобы понять, что передъ вами не философъ, а богословъ-схоластикъ.

Относительно этой «философіи Соловьева» мы скажемъ то же, что сказалъ я относительно его общественной дѣятельности. Значеніе ея не въ ея положительныхъ достоинствахъ, а въ историческомъ моментѣ ея появленія. Великій народъ не можетъ сразу усвоить «послѣднія слова» культуры опередившихъ его націи: онъ долженъ сначала пройти подготовительный, такъ сказать, дѣтскій періодъ этой культуры. Произведенія людей этого дѣтскаго періода, конечно, будутъ лишены положительнаго значенія, но все-таки эта необходимая стадія развитія великаго народа. Кучка философствующихъ богослововъ, группирующихся теперь, главнымъ образомъ, вокругъ книгоиздательства «Путь», считаетъ представителями русской философіи Сковороду и Соловьева. Воистину, устами этихъ философскихъ младенцевъ истина глаголетъ! Соловьевъ и Сковорода— это, дѣйствительно, два одинаковыя явленія. Человѣку, знакомому съ современной философіей, конечно, нечему учиться ни у Сковороды ни у Соловьева; но когда настанетъ расцвѣтъ философіи въ Россіи, то благодаря имъ мы будемъ имѣть полную гамму философствованія: у насъ будетъ и самоучка-мудрецъ Сковорода, напоминающій собою тѣхъ досократовскихъ философовъ, которые ходили среди древнихъ грековъ, очаровывали ихъ своими мудрыми изреченіями; у насъ будетъ и представитель теологическаго фазиса философіи—средневѣковый схоластикъ Владиміръ Соловьевъ.

П. Мокіевскій.

I. Dresch. Le roman sociale en Allemagne (1850—1900). Paris. Alcan, 1913, XI + 398.

Въ послѣднее время вниманіе французскихъ изслѣдователей все чаще обращается къ изученію «соціальной» литературы. Въ особенности посчастливилось роману. Первый шагъ сдѣлалъ Cazamian, обслѣдовавшій соціальный романъ въ Англіи (Le roman social en Angleterre). За нимъ послѣдовалъ Brun съ книгой: Le roman social en France. Теперь передъ нами изслѣдованіе, разсматривающее тотъ же вопросъ въ рамкахъ нѣмецкой литературы. Книга Дреша Le roman social en Allemagne даетъ, собственно, больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. На фонѣ соціально-политической эволюціи Германіи второй половины XIX в. авторъ подробно разбираетъ произведенія Гуцкова, Фрейтага, Шпильгагена и Фонтане, знакомитъ съ ихъ политическими, соціальными и литературными взглядами, съ ихъ публицистической и критической дѣятельностью, съ отношеніемъ къ нимъ критики и публики и т. д. Словомъ, передъ читателемъ развертывается большая и интересная глава изъ исторіи нѣмецкой литературы второй половины XIX в. Въ предисловіи авторъ оговаривается, что обошелъ молчаніемъ младшее поколѣніе писателей, выросшихъ въ иной общественной обстановкѣ. Читатель можетъ объ этомъ

пожалѣть, возражать же у него нѣтъ основанія. Съ чѣмъ онъ, однако, не такъ легко примириться, такъ это съ отсутствіемъ указаній на предшественниковъ разбираемыхъ писателей. Упоминается часто о «Вильгельмѣ Мейстерѣ» Гете и ни слова объ «Эпигонахъ» Иммермана, представляющихъ, несомнѣнно, образецъ соціальнаго романа, какое бы значеніе мы ни вкладывали въ этотъ терминъ. Если книга Дреша даетъ, съ одной стороны, больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, то съ другой — она не совсѣмъ соотвѣтствуетъ заглавію. Что такое «соціальный романъ»? Отвѣты на этотъ вопросъ даются самые разнообразные. Для однихъ (Cazamian, Brun) подъ этимъ названіемъ подразумѣвается всякій романъ a thèse social. Другіе, напротивъ (Brunetière. H. de Balzac; Bartels. W. von Polenz), считаютъ отличительной чертой истиннаго соціальнаго романа какъ разъ отсутствіе тенденціи. Легко ли, однако, опредѣлить, гдѣ есть тенденція и гдѣ ея нѣтъ? Бартельсъ, напр., считаетъ Фрейтага безтенденціознымъ писателемъ, а Дрешъ очень хорошо показываетъ, что онъ былъ тенденціозенъ не менѣе Гуцкова и Шпильгагена. Дрешъ поэтому поступаетъ правильно, устраняя этотъ признакъ изъ своего опредѣленія соціальнаго романа, но самъ даетъ чрезмѣрно широкую формулу. Le roman sociale etudie les contemporains dans leur solidarité, mais il cherche parfois dans le passé les principes de cette solidarité (IV). Подъ такую формулу можно подвести любой бытовой, психологическій и историческій романъ. И въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ разбираемыхъ авторомъ романовъ являются «соціальными» лишь въ широкомъ смыслѣ изображенія общества. Что соціальнаго, напр., въ романѣ Гуцкова: Der Zauberer von Rom, изображающемъ нравы клерикальныхъ сферъ и протестующемъ противъ свѣтскаго господства папства, или въ романѣ Фрейтага: Die verlorene Handschrift, этой исторіи профессора, который женится на крестьянкѣ, попадаетъ ко двору и разочаровывается въ этой средѣ, чтобы найти счастье въ семейной жизни и преподавательской дѣятельности, или въ лучшихъ романахъ Фантане: L'Adultera, Frau Zenni Treibel, Effie Briest, трактующихъ исключительно вопросъ о бракѣ и любви и въ лучшемъ случаѣ относящихся къ категоріи «соціально-психологическихъ» (по опредѣленію Лампрехта: Zur jüngsten deutschen Vergangenheit I). Слѣдовало бы дать иное болѣе узкое и болѣе точное опредѣленіе термина «соціальный романъ» (романъ, изображающій съ той или иной точки зрѣнія вызванную экономической эволюціей борьбу классовъ — таковы, напр., романы, разсмотрѣнные въ книгѣ Казаміана) и тогда автору пришлось бы, съ одной стороны, обойти молчаніемъ многія изъ разсмотрѣнныхъ имъ произведеній, а съ другой— остановить свое вниманіе на такихъ романахъ не только конца XIX в., но и средины столѣтія (напр., Das Engelchen Пруца), которые онъ теперь обошелъ молчаніемъ въ своемъ изслѣдованіи. Если читатель не найдетъ такимъ образомъ въ книгѣ Дреша того, что будетъ въ ней искать, исходя изъ заглавія, то, какъ уже упомянуто, онъ найдетъ въ ней многое такое, чего онъ не искалъ, а именно, большую обстоятельно и интересно написанную главу изъ исторіи вообще нѣмецкаго романа второй половины XIX в.,—главу, болѣе подробно изложенную, чѣмъ это сдѣлано въ трудахъ о нѣмецкомъ романѣ нѣмецкихъ изслѣдователей Mielke, Schian, Keiter, Schmitt и др.

В. Фриче.

Ж. Мишле. Вѣдьма. Изд. «Современ. Проблемы». Подъ ред. В. Фриче. Стр. 373. Ц. 2 р.

Пятьдесятъ лѣтъ прошло со времени появленія этой замѣчательной книги (1862 г.) и все же она сохранила удивительную свѣжесть и

для нашего времени. Могучее сердце великаго историка-народника настолько проникнуто любовью и состраданіемъ къ задавленнымъ народнымъ массамъ среднихъ вѣковъ, что невольно ему въ унисонъ откликается и сердце читателя. При своей громадной эрудиціи Мишле, на основаніи сочиненій инквизиторовъ и протоколовъ судбищъ надъ несчастными одержимыми, сумѣлъ дать типическій образъ вѣдьмы въ средніе вѣка и въ новое время. Сочиненіе его поэтому естественно распадается на двѣ части или книги. Въ первой — съ неподражаемой яркостью изображена угнетаемая всѣми женщина средневѣковья, ищущая спасенія у князя тьмы. Вторая часть не отличается цѣлостностью и распадается на описанія процессовъ одержимыхъ въ XVII вѣкѣ. Послѣдніе даютъ возможность Ж. Мишле направить ядовитыя стрѣлы на лицемѣріе и нравственную порчу духовенства. Народникъ-историкъ сливается здѣсь съ деистомъ и мистикомъ. Горячимъ призывомъ къ восходящему послѣ тьмы солнцу кончается этотъ несравненный историко-психологическій этюдъ.

А. Васютинскій.

Вѣкъ Возрожденія. Историческія сцены графа Гобино. Переводъ съ французскаго Н. Горбова. М. 1913. Стр. 365. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Въ своей оригинальной книгѣ Гобино пытался изобразить, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ въ своемъ предисловіи (V—XIII), картину болѣе поздняго римскаго Возрожденія. Съ большою легкостью и прекраснымъ знаніемъ эпохи онъ набрасываетъ одну за другой рядъ коротенькихъ сценокъ, рисующихъ мысли, чувства и дѣйствія людей Возрожденія. Отъ пылкаго Савонаролы и рыцаря-короля Карла VIII до холоднаго, разсчетливаго императора германскаго Карла V предъ читателемъ проходитъ рядъ выдающихся политиковъ, мыслителей, государей, красавицъ, художниковъ. Діалоги смѣняются массовыми сценами, мирныя разсужденія объ искусствѣ — сценами ожесточенной борьбы и дикаго насилія. Особенное вниманіе удѣляетъ авторъ представителямъ искусства, но и то неравномѣрно. Любимый его герой — Микель-Анджело, который и является главной фигурой всей книги. Величаво проходитъ онъ предъ читателемъ отъ первыхъ молодыхъ опытовъ къ унылой старости. Около него лишь фонъ составляютъ другіе художники: болѣе другихъ занялся авторъ Рафаэлемъ, но обрисовалъ его односторонне и слащаво (Фарнарина, напримѣръ, исчезла безслѣдно). Зато вовсе не обращаетъ вниманія Гобино на Леонардо-да-Винчи, который обрисованъ лишь мимоходомъ—бѣгло и невѣрно. Остальные художники — корыстный Тиціанъ, скромный и искренній Корреджіо, жалкіе потомки великихъ творцовъ (мастерская Цуккеро) далеко невсегда соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности и часто довольно субъективно трактуются авторомъ. Иногда замѣчается большое гиперболизированіе фактовъ, напримѣръ, нѣмецкіе солдаты при взятіи Рима Георгомъ Фрундсбергомъ напоминаютъ скорѣе солдатъ тридцатилѣтней войны. Изъ писателей чрезмѣрно большое вниманіе удѣлено Макіавелли, другіе, какъ, напримѣръ, Аретино, обрисованы односторонне и иногда со всѣмъ ужасомъ благонамѣреннаго пуриста. Иногда авторъ увлекается историческими анекдотами и обобщаетъ ихъ (Левъ X). По при этихъ весьма понятныхъ въ беллетристическомъ произведеніи недостаткахъ, нельзя не выдвинуть и крупныхъ достоинствъ: прекрасное знаніе быта эпохи, иногда до мелкихъ деталей. Часто за маленькой сценкой, отдѣльной фразой чувствуется большая эрудиція. Все это дѣлаетъ книгу интересной и полезной для широкаго круга читателей, тѣмъ болѣе, что переводъ сдѣланъ очень тщательно.

А. Васютинскій.

Историко-Культурный Атласъ по Русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ, составленный Н. Д. Полонской, подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Изданіе В. С. Кульженко. Вып. I. Кіевъ.

По своему содержанію первый выпускъ «Историко-Культурнаго Атласа по русской исторіи» дѣлится на два отдѣла: 1) древности не славянскія и 2) древности славянскія. Текстъ сопровождается иллюстраціями, состоящими изъ 42 таблицъ снимковъ, приложенныхъ въ концѣ книги. Содержаніе *перваго* отдѣла распредѣляется по слѣдующимъ рубрикамъ: культура каменнаго (палеолиты и неолиты) и бронзоваго вѣка и, какъ переходное между ними, культура трипольская. Затѣмъ идутъ древности Кавказа, средней Азіи, греческія, скиѳскія, готскія, финскія, литовскія, волжскихъ болгаръ, хазарскія, кочевническія, Византіи и Херсонеса.—*Второй* отдѣлъ начинается древностями *полей погребенія*, въ которыхъ «нѣкоторые археологи» усматриваютъ первые признаки присутствія славянъ на территоріи нашей родины. Далѣе, послѣ общей характеристики славянскихъ древностей, содержаніе текста отдѣла распредѣляется по слѣдующей программѣ: древности курганскаго періода, города и укрѣпленія, жилища и домашняя утварь, посуда, одежда, украшенія, вооруженіе, средства передвиженія, орудія производства, монета, церкви Руси кіевской, владимиро-суздальской, Новгорода и Пскова, церковная утварь и письменность. Текстъ оканчивается библіографическимъ указателемъ, въ которомъ указываются, во-первыхъ, изданія, изъ которыхъ заимствуются рисунки и снимки прилагаемыхъ предметовъ, во-вторыхъ, литература каждаго вопроса. Библіографическимъ указателемъ авторъ какъ бы слагаетъ съ себя отвѣтственность за высказанныя въ Атласѣ мнѣнія, отсылая желающихъ не соглашаться и спорить къ тѣмъ спеціалистамъ, на авторитетѣ которыхъ онъ основываетъ свои сужденія. А не соглашаться и спорить, при современномъ состояніи археологіи, есть о чемъ. Оставляя въ сторонѣ вопросы частные, обратимъ вниманіе на то, что должно быть признано существеннымъ въ археологической наукѣ: имѣемъ въ виду распредѣленіе древностей по эпохамъ и народностямъ. Можно было бы привести массу фактовъ, свидѣтельствующихъ, какъ часто археологи при распредѣленіи древностей по эпохамъ дѣлаютъ промахи въ нѣсколько сотъ лѣтъ. Это объясняется тѣмъ, что разъ выработанный типъ предмета, разъ онъ признанъ цѣлесообразнымъ, надолго остается неизмѣннымъ. Пишущему эти строки приходилось, напримѣръ, вынимать изъ кургана огнива, форма которыхъ и по настоящее время сохранилась у мѣстныхъ крестьянъ. Грабари крестьяне припетскаго полѣсья подшучивали, что вынимаемые ими изъ кургановъ горшки изготовлены ихними гончарами. — Еще труднѣе распредѣленіе древностей по народностямъ. Дѣло въ томъ, что культурныхъ центровъ, изъ которыхъ народы Восточной Европы дѣлали заимствованіе, было немного. Изъ этихъ центровъ предметы производства, путемъ торговли, разносились по огромной территоріи, благодаря чему предметы одного и того же культурнаго типа попадали въ руки народовъ, существенно отличающихся по своему этнографическому характеру. При наличности этого факта осторожному археологу ничего не остается дѣлать, какъ древности каждой территоріи связывать съ именемъ того народа, который по историческимъ свѣдѣніямъ обиталъ въ этой мѣстности. Конечно, когда успѣхи науки подвинутся настолько, что она получитъ возможность детально разбираться въ вопросѣ, что у каждаго народа было своего собственнаго и что должно быть отнесено на счетъ заимствованія, тогда этому вопросу можно будетъ придать иную постановку. Во всякомъ случаѣ авторъ «Культурно-Историческаго Атласа», имѣю-

щаго научно-образовательное значеніе, поступить иначе не могъ; скажемъ больше: онъ не имѣлъ права, иначе ему пришлось бы внести въ свое изданіе массу субъективизма, совершенно неумѣстнаго въ подобныхъ изданіяхъ. При желаніи, автору Атласа на этотъ счетъ можно сдѣлать немало замѣчаній, но мы позволимъ себѣ лишь одно. Въ бытѣ русскихъ славянъ много было своеобразнаго, самобытнаго, тѣсно связаннаго съ ихъ образомъ жизни, чѣмъ они отличались отъ своихъ сосѣдей, кочевыхъ или полуосѣдлыхъ народовъ. Но этихъ особенностей, этого своеобразія слѣдуетъ искать не въ украшеніяхъ, которымъ отводится такое видное мѣсто въ Атласѣ и которыя въ большинствѣ случаевъ были заимствованы, а въ орудіяхъ производства и домашняго быта. Въ славяно-русскихъ курганахъ встрѣчаются такіе предметы, какъ насошники, серпы, поясные ножики и огнива съ кремнемъ, характерные для даннаго быта горшки и др. Всѣ эти предметы въ Атласѣ или совсѣмъ не встрѣчаются, или представлены слабо не въ характерныхъ экземплярахъ. Было кое-что своеобразное и въ украшеніяхъ, что, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы оттѣнить. Дѣлая это замѣчаніе, мы не забываемъ того, что археологія у насъ еще не вышла изъ состоянія науки любительской. Въ нашихъ даже научно организованныхъ музеяхъ древностей все еще на первое мѣсто выдвигаются предметы цѣнные или по матеріалу (золото, серебро, терракота) или по своей художественной отдѣлкѣ. Тоже въ значительной степени замѣтно и на нашихъ научныхъ изданіяхъ. Естественно поэтому, что въ Атласѣ не могло оказаться того, чего нѣтъ въ печатныхъ изданіяхъ и что въ древне-хранилищахъ помѣщается въ подвалахъ.

Но то, что заслуживаетъ вниманія въ Атласѣ и за что школа должна выразить глубокую признательность, это самый способъ изображенія древностей. Отбросивъ заманчивую мысль о художественномъ творчествѣ, въ которомъ всегда есть много фантазіи и произвола, авторъ далъ въ своихъ таблицахъ фотографическіе снимки дѣйствительныхъ предметовъ или точно исполненныхъ рисунковъ. Въ изданіи, имѣющемъ научно-образовательное значеніе, иная постановка невозможна. Изучая памятники быта, учащіеся должны имѣть дѣло съ дѣйствительными памятниками, а не съ фантазіей художника.

Сознательное, разумное изученіе нашей древнѣйшей исторіи рѣшительно невозможно безъ ознакомленія съ бытомъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ русское племя должно было совершать свои первые историческіе шаги, тѣмъ болѣе оно не возможно безъ ознакомленія съ бытомъ самихъ славяно-руссовъ. А между тѣмъ для серьезнаго ознакомленія съ этимъ бытомъ въ нашей учебной литературѣ не было ничего, или почти ничего. Первый выпускъ настоящаго Атласа полагаетъ начало восполненія этого большого пробѣла, и намъ остается пожелать, чтобы хорошее начало вызвало соотвѣтствующее продолженіе. Во всякомъ случаѣ мы убѣждены, что «Культурно-Историческій Атласъ» г. Полонской сдѣлается насущною потребностью школы и настольною книгою каждаго преподавателя русской исторіи и не потому только, что его нечѣмъ замѣнить, а и потому, что онъ составленъ умѣло, послѣ добросовѣстнаго изученія предмета, и по возможности свободенъ отъ слѣдовъ того лукаваго мудрствованія, которыхъ, къ сожалѣнію, еще такъ много въ археологіи

Проф. В. Завитневичъ.

Еврейская старина. Вып. I и II. 1913 г.

Трехмѣсячникъ, издаваемый въ Петербургѣ еврейскимъ историко-этнографическимъ обществомъ, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія со

стороны лицъ, интересующихся исторіей. Въ первыхъ двухъ выпускахъ за нынѣшній годъ мы находимъ любопытныя статьи и матеріалы: напр., очеркъ г. Козьмина «Прошлое и настоящее сибирскихъ сектантовъ-субботниковъ», «Очерки по исторіи еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи» (1885 — 1897) г. Фрумкина, статьи г. Геккера «Евреи въ польскихъ городахъ во второй половинѣ XVIII вѣка», г. Коробкова «Еврейская рекрутчина въ царствованіе Николая I» (въ послѣдней статьѣ авторъ собралъ многочисленныя свѣдѣнія изъ Полнаго Собранія Законовъ и много бытового мемуарнаго матеріала). Здѣсь же помѣщены воспоминанія г. Кауфмана «За много лѣтъ. Отрывки воспоминаній стараго журналиста», обильные бытовыми чертами: одесскій погромъ 1871 г., петербургскіе профессора юдофобы въ 70 гг.—политико - экономъ Вреденъ, химикъ Менделѣевъ, свѣдѣнія о цензурѣ и т. д. Какъ перечисленное, такъ и другое, помѣщенное въ указанныхъ двухъ выпускахъ, часто далеко выходятъ за узкіе предѣлы чисто «еврейской старины». Это просто матеріалы по русской исторіи.

С. М.

«Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи». № 48—49. Симферополь. 1912 и 1913 г.

Статьи обоихъ выпусковъ «Трудовъ Таврической Комиссіи» распадаются на три группы: статьи историческія мѣстнаго характера, историческія статьи характера общаго и статьи археологическія, имѣющія тоже по преимуществу мѣстный характеръ. Въ ряду статей перваго рода вниманіе читателя останавливаетъ работа предсѣдателя комиссіи Арс. И. Маркевича «Къ столѣтію Отечественной войны. Таврическая губернія въ связи съ эпохой 1806—1814 годовъ» (№ 49). Въ этой статьѣ авторъ широко использовалъ мѣстный архивный матеріалъ—дѣла архива канцеляріи таврическаго губернатора и таврическаго губернскаго правленія. Широкое пользованіе этимъ матеріаломъ дало автору возможность, на основаніи донесеній мѣстныхъ властей, нарисовать яркую и детальную картину настроенія общественныхъ группъ населенія Таврической области и выяснить ихъ отношеніе къ требовавшимся отъ нихъ жертвамъ. Работа даетъ рядъ очень любопытныхъ чертъ въ настроеніи общества эпохи Отечественной войны, и многія изъ ея страницъ прочтутся съ интересомъ не только спеціалистами. На основаніи мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ написаны и двѣ статьи г. Сергѣева «Ногайцы на Молочныхъ водахъ» (1790—1832 г.) (№ 48) и «Уходъ таврическихъ ногайцевъ въ Турцію въ 1860 г.» (№ 49). Среди старыхъ дѣлъ архива городской управы гор. Ногайска автору удалось розыскать остатки архива канцеляріи пристава ногайскихъ ордъ, въ которыхъ оказалось очень много документовъ, позволившихъ автору детально ознакомиться съ экономическимъ и правовымъ положеніемъ этого народа во время пребыванія его на Молочныхъ водахъ. Въ своей статьѣ авторъ подробно останавливается и на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя должны были пріучить ногайцевъ къ осѣдлой жизни и къ «упражненію въ земледѣліи». Эти мѣропріятія не достигли своей цѣли: основанныя на характерномъ для администраціи недовѣріи къ инородческому населенію и на полномъ незнаніи желаній и стремленій самихъ ногайцевъ, они служили источникомъ постоянныхъ недоразумѣній и, вѣроятнѣе всего, вызвали уходъ этого народа въ Турцію. Другія статьи мѣстнаго характера представляютъ интересъ преимущественно для спеціалистовъ и любителей мѣстной исторіи. Таковы статьи въ № 48 «Краткій очеркъ жизни и дѣятельности д-ра Ѳ. К. Міальгаузена» А. Гидалевича; «Могила баронессы Крюденеръ

въ Крыму» Л. Колли; «Къ біографіи графини де Ламотъ Валуа-Гоше» А. Маркевича; въ № 49 — «Одинъ изъ русскихъ плѣнниковъ въ Крыму, св. Варсонофій, епископъ тверской, просвѣтитель Казанскаго края» П. В. Маслова; «О двухъ грамотахъ турецкаго султана Абдулъ-Гамида 1-го» (изъ коллекціи рукописей Тавр. Уч. Арх. Ком.) С. М. Шапшала.

Среди статей, посвященныхъ вопросамъ археологіи, на первомъ мѣстѣ нужно поставить статьи И. Махова «Амфорныя ручки Херсонеса Таврическаго съ именами астиномовъ» (№ 48) и «Амфорныя ручки о. Ѳазоса, съ оттиснутыми на нихъ именами астиномовъ и эмблемами, найденныя въ Херсонесѣ». Изученіе ручекъ отъ амфоръ съ именами астиномовъ даетъ въ руки изслѣдователя богатый матеріалъ для установленія торговыхъ связей Херсонеса съ другими греческими колоніями и островами, и та большая работа эпиграфическаго характера, которую произвелъ авторъ, не пропадетъ для историка. Авторъ самъ не дѣлаетъ въ своихъ статьяхъ какихъ-либо выводовъ общаго характера, но его статьи могутъ послужить прекраснымъ матеріаломъ для таковыхъ. Другія статьи археологическаго характера посвящены изученію мѣстныхъ памятниковъ древности. Надо еще отмѣтить, что Таврическая Архивная Комиссія 24-го января 1912 года праздновала 25-лѣтіе своего существованія и въ № 48 «Извѣстій» помѣщенъ отчетъ объ этомъ празднованіи, въ которомъ въ рѣчи предсѣдателя Комиссіи А. И. Маркевича мы находимъ полный и обстоятельный обзоръ дѣятельности ея за истекшее 25-лѣтіе. Внѣшность изданія вполнѣ удовлетворительна, а таблицы съ рисунками къ археологическимъ статьямъ дѣлаютъ честь изданію.

А. Гнѣвушевъ.

Изъ текущей литературы.

Новая книга по исторіи царствованія императора Николая I.

(Theodor Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, Band III. Berlin. 1913).

Вышелъ третій томъ «Исторіи Россіи при императорѣ Николаѣ I» Теодора Шимана. Онъ обнимаетъ время отъ 1830 до 1840 г. включительно. По разнымъ причинамъ этотъ томъ представляетъ для насъ еще большій интересъ, нежели два предшествовавшіе. Во-первыхъ, здѣсь Шиманъ продвигается въ своемъ изложеніи уже далѣе того момента, до котораго успѣлъ довести свою работу Шильдеръ, а вѣдь кромѣ сочиненія Шильдера мы вообще не имѣли до сихъ поръ связнаго обзора царствованія Николая I, если не считать старой книги Лакруа, совершенно не удовлетворяющей современнымъ требованіямъ. Во-вторыхъ, десятилѣтіе, обслѣдованное въ III томѣ сочиненія Шимана, имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи царствованія Николая I: то были годы, въ теченіе которыхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ іюльской революціи и польскаго возстанія окончательно оформились и закрѣпились основныя черты политической системы Николая I. Третій томъ сочиненій Шимана состоитъ изъ 12 главъ. Въ первой главѣ излагаются дипломатическіе шаги, предпринятые Николаемъ I въ виду іюльскаго переворота во Франціи и послѣдовавшей затѣмъ бельгійской революціи. Слѣдующія четыре главы посвящены польскому возстанію и тѣмъ послѣдствіямъ, которыя вытекли изъ него во внѣшней и внутренней политикѣ Россіи. Въ шестой главѣ разсказаны исторія введенія въ Польшѣ

органическаго статута 1832 г. и вмѣшательство Россіи въ борьбу египетскаго паши Мехмета Али съ турецкимъ султаномъ, кончая заключеніемъ Ункіаръ-Скелесскаго договора. Въ дальнѣйшихъ четырехъ главахъ находимъ изложеніе послѣдовательной консолидаціи сближенія Россіи, Австріи и Пруссіи подъ знакомъ охранительной политики въ противовѣсъ революціонной Франціи и рука объ руку съ ней идущей Англіи; здѣсь же, въ связи съ очеркомъ русско-англійскихъ треній, дается обзоръ отношеній Россіи къ Персіи и Афганистану и военной борьбы на Кавказѣ. Предпослѣдняя глава посвящена «восточному кризису», приведшему къ смѣнѣ Ункіяръ-Скелесскаго русско-турецкаго договора общеевропейскимъ соглашеніемъ 1840 г., которое Николай I былъ склоненъ разсматривать, какъ крупный успѣхъ своей дипломатіи, предполагая, что ему удалось вбить разъединительный клинъ въ англо-французскую близость и обезпечить общеевропейское признаніе за принципомъ недоступности проливовъ для западно-европейскихъ державъ. Послѣдняя глава содержитъ краткій очеркъ нѣкоторыхъ внутреннихъ событій русской жизни на исходѣ третьяго десятилѣтія XIX в. и заканчивается разсказомъ о смерти Фридриха-Вильгельма III въ бытность въ Берлинѣ Николая Павловича. Таковы общія рамки изложенія Шимана.

При составленіи этого тома Шиманъ использовалъ немалое количество свѣжаго архивнаго матеріала. Цѣнныя данныя извлечены имъ изъ петербургскихъ архивовъ. Такъ, онъ пользовался документами изъ собственной Его Величества библіотеки (неизданные мемуары Кисилева, дневникъ императрицы Александры Ѳеодоровны, донесенія Бенкендорфа, переписка Николая I съ гр. Орловымъ и проч.), изъ архива государственнаго совѣта (длинная серія собственноручныхъ резолюцій Николая I на донесеніяхъ дипломатическихъ агентовъ), государственнаго архива (отчетъ Нессельроде за 1833 г.), петербургскаго архива генеральнаго штаба, архива военнаго министерства; столь же обильны извлеченія ихъ архивовъ берлинскихъ, напр., архива генеральнаго штаба (очень важное донесеніе одного полковника, въ которомъ излагаются наблюденія надъ состояніемъ русскихъ войскъ во время Калишскихъ маневровъ 1835 г.), семейнаго архива въ Шарлоттенбургѣ (переписка Николая Павловича и Александры Ѳеодоровны съ членами прусской королевской фамиліи).—Извлеченія изъ всѣхъ этихъ любопытнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ, разсыпанныя по всей книгѣ, придаютъ изложенію особенно живой и острый интересъ. Обширныя выдержки изъ тѣхъ же матеріаловъ помѣщены въ приложеніяхъ.

Конечно, сочиненіе Шимана, вопреки его заглавію, не является, въ сущности говоря, исторіей Россіи въ царствованіе Николая I. Взглядъ нѣмецкаго историка рѣдко проникаетъ далѣе Петербурга, въ глубь страны. Внутренняя жизнь Россіи остается за предѣлами его историческаго кругозора. Въ этомъ отношеніи онъ почти ограничивается упоминаніемъ о важнѣйшихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и узаконеніяхъ и время отъ времени приводитъ краткія указанія на господствовавшія въ обществѣ настроенія лишь постольку, поскольку это ему необходимо для обозначенія того, въ какой мѣрѣ императоръ Николай Павловичъ былъ далекъ отъ истины въ своихъ розовыхъ представленіяхъ о силѣ и могуществѣ Россіи и всеобщемъ довольствѣ подвластнаго ему населенія. Шиманъ приводитъ различныя цитаты изъ дневника Никитенко и записокъ Лебедева, чтобы показать читателю оборотную сторону того офиціальнаго, «фасаднаго» благоденствія Россіи, которымъ Николай Павловичъ любилъ тѣшить свое воображеніе. Но этими краткими ссылками на упомянутые мемуары почти и ограничивается все то, что даетъ Ши-

манъ читателю по исторіи внутренней жизни Россіи за изучаемое имъ время. Въ остальномъ вниманіе историка сосредоточено на двухъ предметахъ: на внѣшней политикѣ Россіи въ царствованіе Николая Павловича и на личности самаго императора, на развитіи его характера, на его политическихъ воззрѣніяхъ, на его отношеніи къ различнымъ вопросамъ русской и общеевропейской жизни.

Думаемъ, что Шиманъ поступилъ правильно, ограничивъ свою задачу указанными рамками. Изображеніе внутренней исторіи Россіи превысило бы силы нѣмецкаго ученаго и, вѣроятно, обрекло бы его на многія серьезныя ошибки. И въ настоящемъ изложеніи Шимана очень чувствуется, какъ подъ нимъ исчезаетъ твердая почва, лишь только онъ касается подробностей изъ внутренней жизни русскаго общества. Напр., на стр. 263 Шиманъ сообщаетъ, что партія московскихъ славянофиловъ пользовалась симпатіями Николая Павловича, — ошибка, очевидная для всякаго освѣдомленнаго русскаго читателя. Не болѣе удачна попытка Шимана опредѣлить литературное значеніе Пушкина. По его мнѣнію, слава Пушкина слишкомъ преувеличена, Пушкинъ вовсе не отличался геніальностью, въ лирическихъ произведеніяхъ его нѣтъ глубины чувства и мысли, а его драматическія творенія совершенно посредственны! (стр. 323). Вотъ сужденія, доказывающія только одно: какъ опасно инымъ ученымъ историкамъ вступать на поприще литературно-художественной критики.

Эти примѣры заставляютъ порадоваться тому, что Шиманъ за немногими исключеніями въ общемъ держался лишь тѣхъ явленій и вопросовъ, значеніе которыхъ было ему доступно. И въ этихъ областяхъ его изложеніе интересно и содержательно.

Особенно надлежитъ подчеркнуть взглядъ Шимана на личность императора Николая Павловича, проходящій чрезъ всю книгу и значительно отступающій отъ того стереотипнаго образа, который сталъ обычнымъ въ русской исторіографіи. Обыкновенно этого государя изображаютъ увѣреннымъ въ своей силѣ, настойчивымъ въ проведеніи своихъ рѣшеній, не допускающимъ сомнѣнія въ томъ, что все и всѣ разъ навсегда распростерты передъ внушительностью его власти. Факты, сгруппированные Шиманомъ, показываютъ, однако, что постояннымъ мотивомъ дѣйствій Николая Павловича было не спокойное сознаніе своей силы, а какъ разъ, наоборотъ, чувство страха за ея непрочность. Тридцать лѣтъ политики страха — такъ можно было бы охарактеризовать правленіе Николая I. Онъ любилъ являться грознымъ и всесильнымъ, онъ любилъ вызывать чувство трепета въ своемъ присутствіи. Но самая эта любовь къ внѣшнимъ инсценировкамъ своего могущества показываетъ, что у него не было настоящей увѣренности въ своей силѣ, вѣдь такая увѣренность выражается въ спокойствіи и дѣлаетъ ненужнымъ постоянныя пробы своего воздѣйствія на подчиненныхъ; между тѣмъ Николай I чрезвычайно любилъ удостовѣряться въ томъ, что его боятся и это потому, что онъ самъ постоянно боялся ослабленія своего могущества. Его стремленія къ проявленію своей силы отличались обыкновенно той судорожной торопливостью, источникъ которой всегда коренится въ чувствѣ страха. Императрица Александра Ѳеодоровна записала въ своемъ дневникѣ, что въ день полученія первыхъ извѣстій о началѣ польскаго возстанія, она нашла императора «совершенно блѣднымъ, съ измѣнившимся лицомъ». Правда, тутъ была налицо дѣйствительная опасность. Но Николай Павловичъ съ такой же легкостью отдавался чувству страха и передъ призраками. Мысль о томъ, что въ странѣ безостановочно зрѣютъ силы, враждебныя его власти, не покидала его никогда и всецѣло

овладѣвала его душой при малѣйшемъ къ тому поводѣ. Когда въ 1838 г. выгорѣлъ Зимній дворецъ, императоръ былъ охваченъ какимъ-то мистическимъ страхомъ; онъ боялся, что пожаръ дворца вызоветъ неблагопріятныя настроенія въ народѣ (письмо императрицы Александры Ѳеодоровны къ брату 27/15 іюня 1838 г.). Въ доказательство безстрашія Николая Павловича нерѣдко приводятъ его появленіе на Сѣнной площади во время холерныхъ безпорядковъ въ Петербургѣ съ грозной рѣчью къ толпѣ. Шиманъ справедливо указываетъ на то, что императоръ появился на Сѣнной площади въ такой обстановкѣ, которая совершенно исключала всякую опасность для него, а между тѣмъ содержаніе его рѣчи отнюдь не свидѣтельствуетъ о его самообладаніи: онъ совсѣмъ забылъ сказать что-либо о холерѣ, за то нѣсколько разъ повторилъ, что никого не боится ни мятежниковъ, ни поляковъ, ни французовъ. Толпа заключила отсюда, что государь считаетъ поляковъ и французовъ виновниками распространенія холеры и это обстоятельство вмѣсто умиротворенія безпорядковъ еще болѣе обострило ихъ. Только тотъ любитъ говорить о своемъ безстрашіи, кто испытываетъ боязнь. И Николай Павловичъ на самомъ дѣлѣ боялся не только людей, но и писанной бумаги. Послѣ взятія Варшавы войсками Паскевича, офицеры прежде всего получили приказаніе розыскивать по Варшавѣ и предавать уничтоженію экземпляры проекта конституціи, составленнаго Новосильцевымъ по порученію императора Александра. Какое безпокойство внушали эти листки Николаю Павловичу, видно изъ словъ, написанныхъ имъ Паскевичу: «изъ 100 молодыхъ людей 90 прочтутъ этотъ проектъ и ничего не поймутъ, но 10 замѣтятъ его, обсудятъ и не забудутъ; это безпокоитъ меня болѣе всего». Какъ согласить эту постоянную боязнь передъ силой оппозиціонныхъ стремленій съ частыми увѣреніями Николая Павловича въ томъ, что Россія наслаждается существующимъ порядкомъ и недоступна для революціонныхъ тревогъ? Согласить это противорѣчіе нельзя ничѣмъ кромѣ предположенія, что такими увѣреніями Николай Павловичъ стремился только успокоить самаго себя, убаюкать, насколько возможно, никогда не покидавшія его опасенія. Не потому ли онъ такъ любилъ грандіозные военные смотры и парады? При видѣ методическихъ движеній вооруженныхъ массъ, при громѣ барабановъ, шелестѣ знаменъ и отсутствіи непріятеля ему начинало казаться на нѣкоторое время, что его страхи разсѣиваются. Въ 1837 г. состоялся грандіозный смотръ войскъ въ Вознесенскѣ въ присутствіи представителей иностранныхъ державъ. Нѣмецкій дипломатическій агентъ Либерманъ, описывая этотъ смотръ, сообщаетъ, что государь во время церемоніальнаго марша несмѣтныхъ полковъ поднялъ къ небу полные слезъ глаза и сказалъ: «Боже, благодарю Тебя за то, что ты сдѣлалъ меня такимъ могущественнымъ». Увы, внушительное военное представленіе кончалось и снова червь страха начиналъ точить душу императора. И желѣзный гнетъ, наложенный Николаемъ Павловичемъ на литературныя и всякія иныя проявленія общественной жизни, выражалъ собою не что иное, какъ все тотъ же страхъ за крѣпость своей власти, все ту же смутную увѣренность въ томъ, что страна можетъ по первому призыву обнаружить свое недовольство существующимъ положеніемъ.

Тотъ же мотивъ, по мнѣнію Шимана, лежалъ въ основѣ и внѣшней политикѣ Николая Павловича. Общимъ мѣстомъ русской исторіографіи стало утвержденіе, что въ области внѣшней политики Николай Павловичъ руководился прежде всего отвлеченными принципами легитимизма и охраненія «стараго порядка». Шиманъ настаиваетъ на томъ, что въ основѣ этого охранительнаго направленія дипломатической дѣятельности

Николая Павловича лежало не теоретически-отвлеченное служеніе идеѣ, а практическій расчетъ, внушаемый все той же боязнью за устойчивость стараго порядка въ Россіи. Его постоянное стремленіе заключалось, во-первыхъ, въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Пруссіи и Австріи надежный барьеръ, который бы загораживалъ Россію отъ революціонныхъ вихрей, зарождающихся на крайнемъ западѣ Европы, и, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы предотвратить усиленіе Турціи; потому-то онъ и поддерживалъ турецкаго султана противъ египетскаго паши; обыкновенно указываютъ на то, что Николай Павловичъ ополчился на Махмеда-Али, какъ на мятежника, осмѣлившагося возстать на *легитимную* власть султана. Шиманъ подчеркиваетъ другую сторону дѣла: Николай I опасался, что Махмедъ-Али при успѣхѣ своихъ плановъ явится гораздо болѣе сильнымъ и потому болѣе опаснымъ сосѣдомъ Россіи, нежели султанъ Махмутъ. Ссылка на принципы служила тутъ лишь прикрытіемъ политики самосохраненія. Такъ было и при выступленіяхъ Николая Павловича противъ «гидры общеевропейской революціи», и такъ какъ въ этихъ случаяхъ страхъ Николая Павловича бывалъ особенно силенъ, то и его выступленія на поприще охранительной международной политики большею частью получали характеръ судорожныхъ порывовъ, обличавшихъ отсутствіе самообладанія и нерѣдко пугавшихъ его союзниковъ болѣе, нежели его враговъ. Ошибочно думать, что при этомъ Николай Павловичъ обнаруживалъ желѣзную настойчивость. И эта черта, нерѣдко приписываемая Николаю Павловичу, не подтверждается фактами. «Императоръ Николай I,—говоритъ Шиманъ,—при необходимости принять какое-нибудь важное рѣшеніе, въ первую минуту всегда выступалъ съ самымъ опредѣленнымъ и самымъ отважнымъ мнѣніемъ, но столь же быстро обнаруживалъ малодушіе, если только успѣхъ не давался ему въ руки. Это объяснялось его нервозностью, которую онъ въ обыденной жизни умѣлъ прикрывать маской непоколебимой силы воли, но эта сила воли совершенно покидала его, лишь только онъ чувствовалъ колебаніе почвы подъ ногами» (стр. 5).

Для людей, привыкшихъ къ трафаретнымъ изображеніямъ характера Николая Павловича, эти слова Шимана могутъ показаться неожиданными. Но въ разбираемой книгѣ читатель найдетъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ ихъ справедливость.

Заключимъ: если III томъ сочиненія Шимана не дастъ читателю ничего существеннаго по внутренней исторіи Россіи, зато для характеристики личности Николая Павловича онъ представитъ немало важныхъ матеріаловъ, разсѣивающихъ тотъ ореолъ богатырства, которымъ личность Николая Павловича окружалась такъ усердно въ прежнихъ сочиненіяхъ.

А. Кизеветтеръ.

Драгомановъ объ украинскомъ вопросѣ.

(Михайло Драгомановъ. Чудацькі думки про українську національну справу. Київ. 1913. Видавниче Товариство «Криниця». Ц. 60 коп.).

Мысли чудака объ украинскомъ національномъ вопросѣ—такъ въ переводѣ на русскій языкъ слѣдуетъ назвать одну изъ наиболѣе яркихъ и зрѣлыхъ работъ выдающагося украинско-русскаго политическаго дѣятеля, написанную имъ на украинскомъ языкѣ и потому мало кому изъ русскихъ читателей извѣстную. Да и не только русскимъ читателямъ. Украинскій массовой читатель точно такъ же имѣетъ возможность впервые

ознакомиться съ трудомъ своего идеолога, такъ какъ первыя два изданія появились въ печати за границей—первое на страницахъ радикальнаго «Народа» въ 1891 году, второе было издано въ Галиціи идейнымъ послѣдователемъ Драгоманова украинскимъ писателемъ и ученымъ Ив. Франкомъ въ 1892 г.—и потому не были доступны для широкаго обращенія. Впрочемъ, «Чудацькі думки», какъ библіографическая рѣдкость, къ тому же нелегальная, пользовались большою популярностью среди украинцевъ, и авторъ настоящихъ строкъ живо помнитъ тотъ подъемъ и одушевленіе, какія вызывало чтеніе этой книги въ кружкахъ украинской молодежи въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. «Чудацькі думки» вмѣстѣ съ другими трудами Драгоманова по украинскому національному вопросу, какъ, напр., «Историческая Польша и великорусская демократія», «Листи на Ваддніпрянську Украіну», «Вільна Спілка», цѣлый рядъ статей по тому же вопросу, напечатанныхъ въ женевской «Громадѣ» и др., служили въ то время самымъ цѣннымъ и едва ли не единственнымъ образовательнымъ матеріаломъ по этому вопросу. По поводу взглядовъ, высказанныхъ въ «Чудацькіх думках», происходили жаркіе дебаты и горячіе споры. Со времени смерти Драгоманова украинская политическая мысль пошла кое въ чемъ дальше, окрѣпла, развилась, но многое, высказанное имъ, остается и до нашихъ дней полнымъ глубокаго смысла и не потерявшимъ своего значенія. Вотъ почему надо привѣтствовать появленіе въ украинской печати названнаго труда украинскаго политическаго мыслителя, продолжающаго оставаться мало извѣстнымъ для украинскаго общества несмотря на крупныя услуги, оказанныя имъ въ дѣлѣ національно-политическаго формированія сознанія послѣдняго. Несомнѣнно, что труды Драгоманова, ставъ достояніемъ родного ему общества, окажутъ вліяніе на развитіе его политическаго самосознанія и будутъ содѣйствовать установленію нормальныхъ отношеній между русскими и украинцами, такъ какъ вопросъ объ этихъ отношеніяхъ получилъ широкое и всестороннее освѣщеніе въ упомянутыхъ трудахъ. Нашелъ онъ свое отраженіе и въ «Чудацькіх думках».

Взгляды, высказанные Драгомановымъ въ этой книгѣ, были новы для украинскаго общества и шли до извѣстной степени въ разрѣзъ съ установившимися положеніями украинскаго національнаго катехизиса — отсюда объясненіе названія книги, долженствующаго закрѣпить въ самомъ заголовкѣ нѣсколько необычное содержаніе ея. Основная мысль книги — борьба противъ національной исключительности, культивировавшейся въ украинскомъ обществѣ, и выясненіе вопроса о культурныхъ позаимствованіяхъ изъ русской культуры въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго политическаго и культурнаго развитія украинцевъ. Тонъ книги полемическій: авторъ выступаетъ противъ органа украинскихъ националистовъ «Правда», который, проповѣдуя идеи національнаго самоопредѣленія, отрицательно относился къ русской культурѣ вообще, къ русской литературѣ, какъ наиболѣе яркому проявленію послѣдней, въ частности, и, вселяя въ украинцевъ предубѣжденность противъ нея, въ то же время усиленно пропагандировалъ культъ собственныхъ національныхъ «святынь». Будучи органомъ съ ярко выраженной націоналистической окраской, «Правда» въ политическомъ отношеніи отличалась умѣренностью, защищала лойяльность и такъ называемую «угоду» между украинцами и поляками, вѣрнѣе правительственными кругами ихъ въ Галиціи, выступала противъ соціалистическихъ и радикальныхъ лозунговъ и враждебно относилась къ Драгоманову, видя въ немъ главнаго защитника ихъ и дискредитируя его передъ украинскимъ обществомъ обвиненіями въ «объединительствѣ» и «обрусительствѣ». Выступивъ по частному по-

воду съ полемикой противъ «Правды», Драгомановъ воспользовался этимъ, чтобы придать ей принципіальный характеръ и общественный интересъ: онъ исключилъ изъ нея, насколько это было возможно, личные моменты, вскрылъ шаткость позиціи, занимаемой въ національномъ вопросѣ противникомъ, и далъ яркую критику современнаго ему украинства съ его невысокимъ уровнемъ политическаго развитія, культурной отсталостью, оппортунизмомъ и отсутствіемъ ясныхъ цѣлей національной политики. Въ противовѣсъ этому Драгомановъ вводитъ читателя въ кругъ космополитическихъ идей и интересовъ общечеловѣческаго развитія, выводя изъ нихъ и на нихъ же обосновывая естественность, жизненность и право развитія отдѣльныхъ національностей, въ томъ числѣ и украинской. Пользуясь при этомъ умѣло сравнительнымъ методомъ, онъ дѣлаетъ экскурсы въ исторію національныхъ движеній, устанавливая созвучные моменты въ нихъ съ украинскимъ движеніемъ, приводитъ много фактовъ и историческихъ иллюстрацій, долженствующихъ убѣдить украинцевъ, что «сама по себѣ идея національности не можетъ привести людей къ волѣ и правдѣ», что «идея человѣчества выше идеи націи», что послѣдняя можетъ даже стать «причиной насилія надъ людьми» и что только глубокое проникновеніе идеями космополитизма въ состояніи облагородить національныя стремленія отдѣльныхъ народностей, сообщивъ этимъ стремленіямъ моральныя и соціальныя черты, пріемлемыя и обязательныя для каждаго культурнаго человѣка. Драгомановъ въ различныхъ частяхъ своей книги неоднократно возвращается къ этой мысли, дополняя и развивая ее и иллюстрируя на примѣрахъ противорѣчіе, наблюдаемое между этой идеей и современной ему украинской идеологіей. Написанныя популярнымъ языкомъ эти страницы книги Драгоманова читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ, обнаруживая въ авторѣ ихъ большія познанія въ вопросѣ; этотъ интересъ повышается тамъ, гдѣ авторъ выступаетъ страстнымъ полемистомъ, обезоруживая противника неотразимыми аргументами эрудиціи, стройности и научной обоснованности защищаемыхъ взглядовъ. Если для украинскаго читателя «Чудацькі думки» представляютъ цѣнность по существу развиваемыхъ въ нихъ мыслей, то для русскаго читателя небезынтересными будутъ тѣ страницы этого труда Драгоманова, гдѣ послѣдній касается вопроса объ отношеніяхъ украинцевъ къ русскимъ и къ русской культурѣ. Здѣсь не лишнимъ будетъ привести нѣсколько иллюстрацій.

«Правда», возставая противъ увлеченія русской литературой на Западѣ, высказывала мысль, что литература эта «не соотвѣтствуетъ европейскому духу», ибо вмѣсто того, чтобы писать о радостяхъ жизни... русскіе пишутъ о несчастныхъ, покоренныхъ»... «это люди — не нашего духа, не нашей даже крови, а азіатской желтой, проникнутой цѣликомъ не нашей вѣрой, а буддистской» (стр. 10—11). Вскрывая неосновательность критерія, къ которому прибѣгла «Правда» при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, Драгомановъ беретъ подъ свою защиту русскую литературу, усматривая въ чертахъ ея, осуждаемыхъ «Правдой», цѣнныя качества. По его мнѣнію, нелишенному своеобразія, «русской литературой иностранцы интересуются, главнымъ образомъ, потому, что она наиболѣе космополитична по замысламъ и идеямъ, тогда какъ формы, въ которыя облечены эти идеи, равно какъ и тѣ темы, которыхъ касается эта литература, сами по себѣ сообщаютъ ей индивидуальный національный отпечатокъ» (25 стр.). Признавая огромное значеніе за русской литературой, Драгомановъ высказываетъ мысль, что и украинская литература, для того, «чтобы стать интересной, должна итти такимъ же путемъ, т.-е. освѣщать по-своему тѣ жизненные вопросы, которыми волнуются теперь культур-

ные народы». Развивая далѣе высказанное, Драгомановъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «украинская литература до тѣхъ поръ не станетъ на крѣпкія ноги, пока украинскіе писатели не будутъ заимствовать созданныя всѣмъ міромъ культурныя мысли и чувства непосредственно изъ Западной Европы, а не черезъ Петербургъ и Москву» (стр. 33). Указывая на необразованность украинцевъ, на слабую распространенность среди нихъ знанія европейскихъ языковъ, Драгомановъ ставитъ вопросъ: «Придумайте, какимъ должно быть развитіе этого общества (т.-е. украинскаго. *С.П.*), если оно взбунтуется и противъ русской литературы»? (Ibid).

Конечно, Драгомановъ былъ слишкомъ образованнымъ человѣкомъ и обладалъ въ достаточной степени научнымъ тактомъ, чтобы въ рѣзкой оцѣнкѣ современнаго ему украинства въ культурномъ отношеніи могъ ограничиться однимъ лишь констатированіемъ факта, не давъ соотвѣтствующаго если не оправданія, то объясненія его. Но и останавливаясь на историческихъ причинахъ, выясняющихъ печальное явленіе украинской дѣйствительности, онъ, тѣмъ не менѣе, значительную долю вины за него перекладываетъ на самихъ же украинцевъ, укоряя ихъ — нѣсколько преувеличенно — въ бездѣятельности, малой подвижности, отсутствіи активной инціативы и широкихъ общественно-научныхъ интересовъ. Онъ называетъ «лицемѣріемъ» со стороны «украинолюбства, занимающагося москаленененавистничествомъ», возбужденіе предубѣжденія противъ русской литературы, ибо лучшее, что написано изъ области украиновѣдѣнія, написано на русскомъ языкѣ, тогда какъ и логика и интересы развитія родной культуры требовали того, чтобы украинскій языкъ скорѣе сталъ органомъ и орудіемъ высшаго научнаго знанія, чтобы на немъ создана была украинская наука и журналистика. Этотъ упрекъ, сдѣланный Драгомановымъ украинскимъ ученымъ, писавшимъ свои труды по украиновѣдѣнію на русскомъ языкѣ, станетъ для насъ болѣе понятенъ, если мы вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ воспользовался украинскимъ языкомъ, какъ языкомъ науки и журнальной публицистики, и въ этомъ отношеніи встрѣтилъ незначительную поддержку со стороны другихъ украинскихъ ученыхъ. Усматривая упадокъ культурнаго уровня украинцевъ въ художественной литературѣ и научныхъ трудахъ по вопросамъ украиновѣдѣнія, Драгомановъ останавливается болѣе внимательно на оцѣнкѣ наиболѣе замѣтныхъ литературныхъ и научныхъ явленій въ украинствѣ, подвергая при этомъ разбору беллетристическія произведенія Мирного, Негуля-Левицкаго, Кониссказо и научные труды такихъ украинско-русскихъ ученыхъ, какъ Потебня, Костомаровъ, Сумцовъ, В. Антоновичъ, Житецкій, Дашкевичъ и Кулишъ. Если не со всѣмъ въ этой оцѣнкѣ можно согласиться, если порой Драгомановъ здѣсь сгущаетъ краски и не всегда сохраняетъ научную объективность, то все же, выступая въ роли критика культурно-научнаго багажа современнаго ему украинства, онъ обнаруживаетъ большой критическій умъ и широту научныхъ интересовъ, вполнѣ стоящихъ на уровнѣ европейскаго знанія, и рѣдкую эрудицію. Общій выводъ, къ которому при этомъ приходитъ Драгомановъ, это — необходимость обновленія украинства при помощи непосредственнаго общенія съ европейской наукой, литературой и политикой (стр. 56), при чемъ для данной стадіи его ближайшій для этого путь все же лежитъ «черезъ Москву и Петербургъ»: «не думая проповѣдовать «смерть украинской литературы», а желая добра ей,— я считаю теперь необходимымъ выступить противъ тѣхъ, кто отрицаетъ русскую литературу, какъ что-то ненужное, и тѣмъ самымъ отрицаетъ наиболѣе доступный для нашего общества колодецъ, гдѣ все-таки течетъ живая

вода, и хочетъ обречь это общество на исключительное пользованіе затхлой водой, — а то и прямо мертвой, которую торжественно называютъ «патріотической», украинской наукой, беллетристикой и т. д.» (58 стр.).

Значительный интересъ представляетъ для читателя IV глава «Чудацькіх думок», посвященная историческому выясненію обрусенія на Украинѣ. Драгомановъ для выясненія вопроса привлекъ аналогіи изъ исторіи государственно-національнаго централизма старыхъ и среднихъ вѣковъ, латинской централизаціи въ римской церкви и такихъ же стремленій изъ практики восточныхъ церквей, прослѣдивъ при этомъ развитіе этой идеи въ новые вѣка вплоть до послѣреволюціонной Франціи и Германіи. Драгомановъ не безъ основанія отмѣчаетъ, что «французскіе республиканцы-якобинцы создали логичную, сознательную систему, основанную на прогрессивныхъ аргументахъ, и расширили предшествовавшія имъ мѣры французскихъ королей, «до офранцуживанія окраинъ». Они естественные отцы новѣйшаго государственно-національнаго централизма, всякихъ германизацій, мадъяризацій, обрусенія и т. д. (стр. 103). Убѣжденный въ томъ, что обрусеніе не есть система и что въ немъ неповинны прогрессивные круги русскаго общества, Драгомановъ посвящаетъ спеціальную (V) главу своей книги выясненію вопроса о необходимости для украинцевъ совмѣстной борьбы противъ политико-административной централизаціи въ Россіи, указывая какъ на союзниковъ на либеральные слои русскаго общества, въ частности на земскіе. Къ сожалѣнію, мысли, высказанныя Драгомановымъ въ этой главѣ, недостаточно развиты и обоснованы, а позднѣйшая, близкая къ намъ уже современность доказала и ошибочность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Придавая слишкомъ большое значеніе русскому либерализму, Драгомановъ ошибся въ расчетѣ на него: если онъ думалъ, что по снятіи цензурныхъ оковъ съ украинскаго слова и наступленіи въ Россію политическихъ свободъ «въ какія - нибудь 5 — 10 лѣтъ одною только силою педагогическихъ аргументовъ народныя школы у насъ станутъ національными», то событія, свидѣтелями которыхъ мы были нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, говорятъ нѣсколько иное: поддержка либераловъ въ украинскомъ вопросѣ оказалась далеко не единодушной, при чемъ нѣкоторая часть не только не признала политическихъ правъ за украинцами, но даже повела борьбу противъ нихъ, а вопросъ объ украинской народной школѣ поставила подъ сомнѣніе даже съ точки зрѣнія интересовъ педагогики.

Ярко и сильно написана глава объ украинскихъ «національныхъ святошахъ», противъ которыхъ рѣзко возстаетъ Драгомановъ, усматривая въ нихъ опасность для развитія здороваго національнаго самосознанія. Исходя изъ основной мысли, что «національность есть только почва, форма и способъ», онъ убѣдительно доказываетъ необходимость пересмотра укоренившихся въ украинскомъ обществѣ взглядовъ на языкъ, обычаи и національныя отличія, какъ на нѣчто, достойное консервированія и преклоненія. «Языкъ — не святыня, не господинъ человѣка или народа, а слуга его. Литература должна нести въ массы народа просвѣщеніе при помощи наиболѣе доступныхъ способовъ» (стр. 152).

«Чудацькі думки» были высказаны и развиты Драгомановымъ еще въ 1891 году. Какъ отмѣчено было уже выше, онѣ шли въ разрѣзъ съ тѣми взглядами по національному вопросу, которые преобладали среди украинцевъ. Но при всей своей необычности и — для того времени — парадоксальности онѣ отличались такою здоровою свѣжестью, научною обоснованностью и подкупающею искренностью сквозящаго въ

нихъ чувства любви къ родному народу, что идейные противники Драгоманова, поднимавшіе даже вопросъ, объ исключеніи его изъ украинской семьи какъ «объединителя и обрусителя» (стр. 27) не могли не считаться съ ними и до извѣстной степени не усваивать ихъ. Такова сила подлиннаго знанія и неподкупнаго чувства. Указанная черта остается за трудомъ Драгоманова въ значительной части его и теперь, когда онъ впервые появляется въ печати на территоріи Россійской Украины. Правда, издательство допустило пропуски и многоточія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя казались ему криминальными. Но и въ нѣсколько истерзанномъ видѣ «Чудацькі думки» все же даютъ возможность ознакомиться съ лучшимъ публицистическимъ произведеніемъ Драгоманова на украинскомъ языкѣ. Въ большую вину издательству надо поставить нѣкоторую неряшливость изданія, проявившуюся въ массѣ опечатокъ и корректурныхъ ошибокъ. Отсутствуютъ также признаки редакторской работы: нѣтъ ни объясненій именъ, ни примѣчаній, хотя потребность въ таковыхъ ощутительна для читателя.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы вслѣдъ за «Чудацькими думками» появились въ печати и другіе труды Драгоманова, написанные по-украински. Къ стыду украинцевъ слѣдуетъ отнести это невниманіе къ памяти и научно-публицистическому наслѣдію своего крупнѣйшаго идеолога: многое изъ написаннаго имъ по украинскому національному вопросу является въ настоящее время библіографической рѣдкостью и настоятельно требуетъ воспроизведенія путемъ переизданія въ Россійской Украинѣ. Чѣмъ скорѣе это будетъ выполнено, тѣмъ лучше въ интересахъ развитія политической мысли на Украинѣ, такъ какъ наслѣдіе Драгоманова не потеряло своего значенія и до сихъ поръ, и пущенное въ обращеніе среди широкой читающей публики, способствовало бы достойному увѣковѣченію памяти творца его, оказавшаго крупныя услуги какъ русскому, такъ украинскому обществу въ пробужденіи среди нихъ интересовъ къ вопросамъ политической жизни.

С. Петлюра.

Архивъ Стасюлевича.

(*М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ.* Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. V. Съ двумя портретами. С.-Пб. 1913 г. Стр. VIII+525. Ц. 3 р.) Новый томъ богатаго архива Стасюлевича открывается письмами къ нему М. Е. Салтыкова. Первое письмо предназначалось для печати и было написано авторомъ «Исторіи одного города» въ 1871 г. въ разъясненіе точки зрѣнія его на это произведеніе. «Не «историческую», а совершенно обыкновенную сатиру имѣлъ я въ виду,— пишетъ Салтыковъ, — сатиру, направленную противъ тѣхъ характеристическихъ чертъ русской жизни, которыя дѣлаютъ ее не совсѣмъ удобною. Черты эти суть: благодушіе, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающаяся, съ одной стороны, въ непрерывномъ мордобитіи, съ другой—въ стрѣльбѣ по воробьямъ, легкомысліе, доведенное до способности не краснѣя лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Въ практическомъ примѣненіи эти свойства производятъ результаты, по моему мнѣнію, весьма дурные, а именно, необезпеченность жизни, произволъ, непредусмотрительность, недостатокъ вѣры въ будущее и т. п... Явленія эти существовали не только въ XVIII вѣкѣ, но существуютъ и теперь, и вотъ единственная причина, почему я нашелъ возможнымъ привлечь XVIII вѣкъ»... Письмо, нѣсколько раздраженнаго тона, характерно для Салтыкова и любопытно

для опредѣленія истинныхъ свойствъ его своеобразнаго ворчливаго юмора. Первыя письма Салтыкова лично къ Стасюлевичу — большей частью коротенькія дѣловыя записки. Болѣе оживленною, съ нерѣдкими замѣчаніями Салтыкова о литературно-общественныхъ дѣлахъ, переписка становится со второй половины 1884 г., когда по закрытіи «Отечественныхъ Записокъ» онъ сталъ печататься въ «Вѣстникѣ Европы». «Теперь можно потрясать собственность, семейство, государство,—все, что угодно, исключая Каткова. А честь потрясать даже благонамѣренно» (17), читаемъ, напр., въ письмѣ начала 1885 г. Въ этомъ же письмѣ Салтыковъ рекомендовалъ вниманію «Вѣстн. Европы» рядъ сотрудниковъ «Отеч. Зап.», остававшихся не у дѣлъ, особенно Гаршина: «пишетъ не много, но хорошо». Письма изобилуютъ упоминаніями, иногда не безъ мрачнаго юмора, о тяжкихъ припадкахъ, которыми страдалъ Салтыковъ. Каждая вещь, которую онъ пишетъ теперь, кажется ему послѣдней, и «разъ я не работаю — кому я нуженъ?» (38). Свой послѣдній шедевръ «Пошехонскую старину» онъ пишетъ среди невыносимыхъ страданій и съ сомнѣніемъ, не угасъ ли и талантъ его. Послѣ писемъ дана автобіографія Салтыкова, съ нѣкоторыми отличіями отъ автобіографіи, извѣстной по книгѣ К. Арсеньева о Салтыковѣ.

Слѣдующимъ корифеемъ литературы, которому отведено мѣсто въ этомъ томѣ, является Некрасовъ. Даны: большое письмо Некрасова 1874 г., по поводу сборника въ пользу голодавшихъ самарцевъ, и двѣ записки, и затѣмъ идетъ довольно обширная переписка, по поводу изданія стихотвореній Некрасова, съ сестрой поэта, сотрудникомъ изданія С. И. Пономаревымъ (письма важны для будущихъ редакторовъ сочиненій Некрасова) и другими лицами. — Неизмѣннымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы» была Хвощинская-Заіончковская; всего напечатано въ V томѣ 58 ея писемъ, имѣющихъ болѣе или менѣе существенное значеніе для исторіи ея произведеній, попадаются также кое-какіе отклики на вопросы общественно-литературной жизни, такъ она очень волнуется вліяніемъ и дѣятельностью Каткова и привѣтствуетъ полемику съ нимъ «Вѣстника Европы». — Письма Глѣба Успенскаго относятся (кромѣ первой записки о «Книжкѣ чековъ», не принятой въ «Вѣстникъ Европы») къ 1884 году, когда Успенскій, по закрытіи «Отеч. Зап.», велъ переговоры о сотрудничествѣ въ «Вѣстникѣ Европы». Стасюлевичъ выдалъ ему авансомъ 450 руб., но сотрудничество не состоялось. Въ письмѣ отъ 7 ноября, одномъ изъ типическихъ сокрушенныхъ писемъ Успенскаго, разсказано о тяжелыхъ тревогахъ, пережитыхъ имъ въ этомъ году, когда было арестовано множество близкихъ ему людей. Въ письмѣ отъ 22 дек. находимъ важное для исторіи творчества писателя указаніе: Успенскій въ «Вѣстникѣ Европы» хотѣлъ начать «работы въ совершенно новомъ родѣ, безъ всякаго народничества: я по этой части сдѣлалъ все, что мнѣ было можно сдѣлать и пришлось бы переливать изъ пустого въ порожнее». Въ «Вѣстникъ Европы» предназначался извѣстный разсказъ «Выпрямила», но Успенскій подъ давленіемъ долговъ и связей съ Москвой и «Русской Мыслью» такъ и не сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», о чемъ «редакція очень сожалѣла», по замѣчанію г. Лемке. Изъ бытописателей народа дана еще переписка съ Левитовымъ и Нефедовымъ. Имѣются еще письма романиста Г. Данилевскаго и А. И. Эртеля.

Изъ поэтовъ, въ пятомъ томѣ дано мѣсто, кромѣ писемъ Некрасова, А. Н. Плещееву и забытому поэту шестидесятыхъ годовъ, рано погибшему И. И. Гольцъ-Миллеру. Писемъ послѣдняго, впрочемъ, немного, но довольно много мѣста отведено разнообразной перепискѣ о немъ и матеріаламъ для его біографіи. Жертва гоненій за политическій

образъ мыслей, поэтъ, котораго оцѣнилъ первымъ Некрасовъ, Гольцъ-Миллеръ замѣчателенъ своей судьбою, въ нѣкоторыхъ деталяхъ едва вѣроятною: напр., о немъ состоялось особое Высочайшее повелѣніе о предоставленіи ему права на поступленіе въ государственную службу, о снятіи съ него полицейскаго надзора, и все-таки его продолжали подвергать этому надзору и высылать изъ города въ городъ, и одинъ разъ выслали за покушеніе на самоубійство.

Видное мѣсто въ книгѣ занимаетъ переписка Стасюлевича съ Владиміромъ Соловьевымъ, также извѣстнымъ въ качествѣ сотрудника «Вѣстника Европы». Письма Соловьева полны живого интереса и необыкновенно легки и остроумны. Они пересыпаны множествомъ веселыхъ стихотворныхъ выходокъ и шутокъ, частью и сейчасъ не вполнѣ цензурныхъ, философа, мастера на пародіи и летучую шпильку. Всего дано 92 письма, поясняющихъ обстоятельство появленія въ «Вѣстникѣ Европы» статей Соловьева, и нѣсколько неизданныхъ стихотвореній. Изъ послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе «Кумiръ Небукаднецара», посвященное К. П. Побѣдоносцеву, на сюжетъ, вдохновившій когда-то и Хомякова, о превращеніи гонителя слова и правды въ травояднаго скота.

Нѣсколько записокъ Льва Толстого не представляютъ особаго интереса. Въ пятый томъ вошли также многочисленныя письма публицистовъ М. П. Драгоманова, А. А. Головачева, М. К. Цебриковой, Мехелина, В. М. Соболевскаго, Г. Б. Іоллоса; всѣ болѣе или менѣе отражаютъ живые вопросы русской общественно-политической жизни въ разное время. — Въ итогѣ пятый томъ весьма разнообразенъ по содержанію и не менѣе первыхъ четырехъ интересенъ по множеству затронутыхъ моментовъ, темъ, именъ и событій нашей литературы и общественности. Многихъ корреспондентовъ Стасюлевича, представленныхъ въ этомъ томѣ однимъ-двумя письмами, мы и не упоминаемъ. — Шестой томъ этого изданія, выполняемаго съ достойнымъ благодарности неутомимымъ упорствомъ, выйдетъ въ декабрѣ и будетъ отведенъ перепискѣ Стасюлевича съ А. Н. Пыпинымъ.

Ч. Вѣтринскій.

Письмо въ редакцію.

Въ іюньской книжкѣ «Голоса Минувшаго», господинъ Н. Чайковскій, въ рецензіи на книгу В. Богучарскаго «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», высказываетъ нѣсколько соображеній о томъ, «какъ не слѣдуетъ писать исторію». Считая соображенія такого рода особенно умѣстными на страницахъ историческаго журнала, я хочу съ своей стороны привести примѣръ, довольно убѣдительно показывающій, что исторія въ самомъ дѣлѣ не всегда пишется такъ, какъ слѣдовало бы ее писать.

Господинъ Н. Чайковскій недоволенъ, между прочимъ, тѣмъ, что В. Богучарскій сближаетъ народничество семидесятыхъ годовъ со славянофильствомъ [1]). Приведя противъ этой «мысли» нѣсколько возраженій, которыхъ я не могу разсматривать здѣсь со сторонъ ихъ убѣдительности, онъ неожиданно (по крайней мѣрѣ, для меня) прибавляетъ:

---

[1]) Н. В. Чайковскій возражаетъ противъ мысли В. Я. Богучарскаго, что идейные корни и источники настроенія западниковъ 70-хъ гг. лежали въ славянофильствѣ. Редакція «Голоса Минувшаго» тоже считаетъ это мнѣніе В. Я. Богучарскаго неправильнымъ. *Ред.*

«Наконецъ эта парадоксальная мысль о сближеніи народничества со славянофильствомъ далеко не нова: она уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ была вполнѣ использована нашими соціалъ-демократами «Искровскаго» толка. Г. Плехановъ выпустилъ тогда за границей брошюру «Русскіе нигилисты и анархисты» (цитирую на память), въ которой всѣ народники окрещены въ бакунисты, а самъ Бакунинъ причисленъ къ славянофиламъ. Эта брошюра была переведена соц.-демократами на всѣ языки и сыграла роль высокаго барьера, который намъ, русскимъ соціалистамъ народническаго типа, приходилось брать въ теченіе долгаго времени и съ большими трудами съ боя,—насъ отказывались признавать соціалистами, пока событія не выяснили истинную природу вещей» (251 стр.).

Я вполнѣ раздѣляю «парадоксальную мысль» В. Богучарскаго о томъ, что наше народничество состояло въ тѣсномъ идейномъ родствѣ со славянофильствомъ, и что оно породнилось съ нимъ, между прочимъ, черезъ посредство Бакунина. Но я никогда не издавалъ ни за границей, ни въ Россіи брошюры «Русскіе нигилисты и анархисты». Само собой понятно, что не существующая брошюра не могла быть «переведена соц.-демократами на всѣ языки». Правда, весной 1894 года я по порученію Центральнаго Комитета германской соціалъ-демократической партіи написалъ брошюру «Анархизмъ и соціализмъ». *Эта* брошюра, дѣйствительно, была переведена едва ли не на всѣ языки Западной Европы. Возможно, что она своимъ содержаніемъ и причинила какую-нибудь непріятность г. Чайковскому. Мнѣ хорошо извѣстно, напримѣръ, что анархисты всѣхъ странъ очень недовольны ею. Л. Г. Дейчъ, посѣтивши въ началѣ девятисотыхъ годовъ Сандвичевы острова, привезъ мнѣ извѣстіе, что меня терпѣть не могутъ анархисты даже этой отдаленной отъ насъ мѣстности. Признаюсь, меня не очень огорчило это извѣстіе. Но дѣло здѣсь не въ томъ. Во всякомъ случаѣ моя брошюра «Анархизмъ и соціализмъ» была написана на тему, ни мало не похожую на ту, на которую указываетъ цитируемое на память г. Чайковскимъ названіе: «Русскіе нигилисты и анархисты». Брошюра эта въ 1906 г. появилась, наконецъ, и въ русскомъ переводѣ. Благодаря этому даже не знающій иностранныхъ языковъ русскій читатель легко можетъ убѣдиться въ томъ, что г. Чайковскій пишетъ исторію не такъ, какъ слѣдовало бы писать ее. Разбирая взгляды различныхъ теоретиковъ анархизма, я касаюсь въ названной брошюрѣ только двухъ русскихъ писателей: во-первыхъ, М. А. Бакунина, во-вторыхъ, П. А. Кропоткина. Но этихъ двухъ писателей я касаюсь исключительно только, какъ теоретиковъ анархизма и притомъ анархизма не спеціально русскаго, а международнаго. О такъ называемомъ русскомъ нигилизмѣ въ моей брошюрѣ нѣтъ и рѣчи.

Противники нашего освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ звали нигилистами, между прочимъ, и такихъ людей, какъ Н. Г. Чернышевскій и Н. А. Добролюбовъ. Мнѣ въ голову никогда не приходило ставить такихъ людей за одну скобку съ теоретиками анархизма. Въ 1894 г. вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ переводъ моихъ,—напечатанныхъ первоначально въ заграничномъ русскомъ «трехмѣсячникѣ» «Соціалъ-демократъ»,—статей о Чернышевскомъ. Я никогда не слыхалъ и, конечно, никогда не услышу, чтобы кто-нибудь изъ моихъ нѣмецкихъ читателей, ознакомившись съ содержаніемъ этой книги, отказался признать нашего «великаго нигилиста» соціалистомъ. Въ настоящее время работа моя о Чернышевскомъ существуетъ и въ русскомъ (значительно дополненномъ) изданіи. Русскому читателю вполнѣ достаточно будетъ бѣгло перелистать ее, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало удовле-

творяетъ г. Чайковскій своему собственному идеалу историка. Г. Чайковскій утверждаетъ, что нельзя писать исторію «по однимъ писаннымъ и печатнымъ даннымъ», но самъ-то онъ, какъ видно, не всегда знакомится даже и съ этими данными.

Г. Плехановъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Веснинъ. «Вани-Вятчане». Разсказъ бабушки. 1835 г. Редакція Н. И. Блинова. Изд. С. Дорватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 20 к.

Винклеръ, Г., проф. «Вавилонская культура въ ея отношеніи къ культурному развитію человѣчества». Пер. съ нѣм. А. И. Певзнера; подъ ред. Н. М. Никольскаго. Изд. «Фаросъ». Ц. 80 к.

Гриммъ, Г. «Микель-Анджело Буонаротти». Т. I. Пер. В. Малахіевой-Мировичъ. Изд-во «Грядущій День». Цѣна не обозначена.

Дурново, О. Д. «Такъ говорилъ Христосъ». 2-е изд. автора. Ц. 3 р.

Купріяновъ, Л. «Организація западно-европейскихъ рабочихъ». Скл. у Дорватовскаго и Чарушникова. Ц. 1 р. 25 к.

Липаевъ, Ив. «А. Н. Скрябинъ». Изд. музык. маг. М. Ф. Тидеманъ. Ц. 60 к.

Малининъ, Д. И. «Изъ исторіи крѣпостныхъ отношеній въ Калужской губ. въ XIX в.». Цѣна не обозначена.

Малининъ, Д. И. «Мелочи изъ Калужской старины». Цѣна не обозначена.

Малининъ, Д. И. «Начало театра въ Калугѣ». Изъ исторіи калужскаго театра въ XVIII в. Цѣна не обозначена.

Мелиховъ, В. А. «Очеркъ воспитанія и обученія въ древнемъ Римѣ». Ч. I. «Римское воспитаніе во времена республики». Ц. 75 к.

«Московскій Университетъ и С.-Петербургскій Учебный Округъ въ 1812 году». Документы Архива Мин. Нар. Просвѣщенія, собранные и изданные подъ редакціей **Н. Военскаго.** Изд. М. Н. Пр. Цѣна не обозначена.

Островская, М. «Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вв.». Ц. 3 р.

«Отчетъ Общества Библіотековѣдѣнія за пятый годъ его существованія». (1912 г.).

Новыя книги.

Андреевскій, Э. С. «Записки изъ архива К. Э. Андреевскаго». Т. I.

Берингъ, М. «Вѣхи руской литературы».

Гернесъ, М. «Культура доисторическаго прошлаго». Ч. I. «Каменный вѣкъ».

«Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ».

Дюшенъ, Л. «Исторія древней церкви». Т. II.

Ивановскій, Н. И. «Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола». Ч. I. «Исторія раскола».

Игнатовъ, С. С. «Э. Т. А. Гоффманъ. Личность и творчество».

Ктитаревъ, Я. «Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ».

Лукомскіе, В. К., Г. К. «Кострома». Историческій очеркъ и описаніе памятниковъ художественной старины.

Михайловскій, Г. «Историческая геологія». Вып. I., ч. I и II.

Энгельгардтъ, Н. «Исторія русской литературы XIX стол.».

Михаэлисъ, Ад. «Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ». Перев. съ нѣм. В. К. Мальмберга.

Морозовъ, А. В. «Каталогъ моего собранія русскихъ гравированныхъ портретовъ». Т. III. М.—П.

Никольскій, Н. М. «Древній Вавилонъ». Очерки по исторіи культуры Сумера, Вавилона и Ассура».

Проселковъ, В. «Исторія человѣческой культуры». Т. I. Первобытная культура. Востокъ. Греція и Римъ.

Собраніе сочиненій **Александра Ник. Веселовскаго.** Изданіе Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н. Т. II, вып. I.

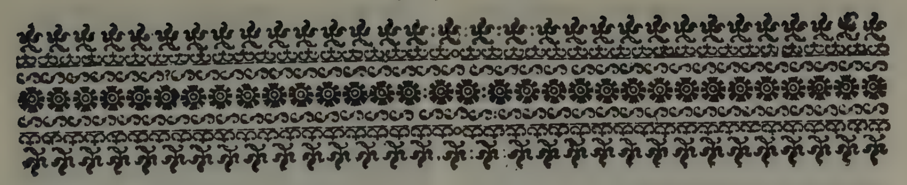
Фарфоровскій, С. В. «Источники русской исторіи». Т. II.

Филипповичъ, С. «Развитіе идей экономической политики въ XIX ст.»

Флетчеръ, Банистеръ, проф. «Исторія архитектуры». Вып. II. Средневѣковая архитектура.

Шамуринъ, Ю. «Ростовъ Великій».

ХРОНИКА.

† Августъ Бебель.

Въ Цюрихскомъ крематоріи сожгли останки одного изъ величайшихъ гражданъ современной Германіи, Августа Бебеля—политика, оставившаго глубокую борозду въ современномъ рабочемъ движеніи.

Какъ организаторъ и агитаторъ Бебель можетъ быть сравниваемъ только съ Лассалемъ. Всѣ остальные прямые вожди нѣмецкихъ рабочихъ, даже Либкнехтъ, не были такими крупными величинами. И, быть-можетъ, именно сопоставленіе съ Лассалемъ способно выявить душу Бебеля лучше, чѣмъ что-нибудь другое.

Лассаль былъ диктаторомъ и не признавалъ другого положенія для себя въ созданномъ имъ Общенѣмецкомъ рабочемъ союзѣ. Его авторитарная душа гнула все передъ собою, на все хотѣла положить отпечатокъ своей личности. Лассаль не терпѣлъ вмѣшательства, не выносилъ рядомъ съ собой другой власти, такой, которая черпала свою силу и свои полномочія не отъ него самого. Бебель былъ полной его противоположностью. Онъ хотѣлъ оставаться демократомъ и въ томъ положеніи, въ какое выдвинули его—его таланты. Для него были, дѣйствительно, товарищами всѣ тѣ, кого судьба бросала въ пролетарскую армію. Лассаль, несомнѣнно, любилъ рабочихъ, любилъ страстно и готовъ былъ все отдать для нихъ,—свободу, жизнь; но онъ любилъ ихъ больше головою. Его аристократическая душа, его буржуазныя привычки нечувствительно воздвигали между нимъ и трудящимся людомъ какую-то трудно уловимую преграду. Бебель былъ весь въ своей любви къ рабочимъ. Самъ дитя народа, онъ понималъ и чувствовалъ всѣми нервами всѣ ихъ страданія. Не было ничего въ рабочей психикѣ, что было бы незнакомо и

Авг. Бебель.

чуждо его душѣ. И ничто не поднимало въ немъ такой неукротимой бури негодованія, какъ холодно-презрительное отношеніе къ горестямъ трудящихся.

Бебель не сразу сдѣлался соціалистомъ. Молодость онъ провелъ въ рабочихъ кружкахъ, организованныхъ буржуазіей, и даже когда Лассаль создалъ свой Союзъ, Бебель не вошелъ въ него. Юный токарь не любилъ

ничего рѣшать второпяхъ, подъ вліяніемъ минуты. Онъ долженъ былъ все обдумать спокойно, не торопясь. Зато, когда Либкехтъ завербовалъ его въ кружокъ коммунистовъ—ядро будущей «эйзенахской» организаціи, Бебель отдался новымъ идеаламъ безповоротно и сразу выросъ до положенія равноправнаго съ своимъ учителемъ рабочаго вождя.

Что создало ему это положеніе? Обыкновенно говорятъ: краснорѣчіе; то пламенное, сокрушающее краснорѣчіе, которое въ рейхстагѣ заставляло притихать самыхъ заядлыхъ скептиковъ, прогоняло насмѣшливую улыбку съ упитанныхъ гладко выбритыхъ юнкерскихъ физіономій и едва сдерживавшихся, заставляло министровъ грызть губы, чтобы сдержать гримасу отчаянія. Конечно, краснорѣчіе у Бебеля было незаурядное. Но, думается, не однимъ краснорѣчіемъ объясняется положеніе его въ партіи.

Бебель былъ совѣстью нѣмецкой соціалъ-демократіи. Она шла иногда, особенно въ періодъ ревизіонистской смуты, противъ Бебеля, но шла такъ, какъ порядочный человѣкъ идетъ противъ совѣсти: опустивъ глаза и съ краскою на лицѣ. Таскала суровая необходимость жизни. И все-таки въ моментъ самаго высокаго подъема ревизіонистской волны, когда разсудокъ заставлялъ нѣмецкихъ рабочихъ соглашаться съ Фольмаромъ и Ауэромъ, авторитетъ сѣдого вождя остался неприкосновеннымъ, какъ святыня.

Когда онъ изливалъ свои бурныя, яростныя порою, филиппики на съѣздахъ партій, ему старались отвѣчать мягко, почти нѣжно, какъ дѣти отвѣчаютъ на упреки любимаго отца. Когда онъ бросался въ самую кипень борьбы, его бережно на рукахъ выносили оттуда, щадя его душу.

Все-таки подъ конецъ жизни Бебелю пришлось много страдать. Свой юношескій идейный энтузіазмъ онъ донесъ, не расплескавъ до бѣлыхъ волосъ, и не былъ способенъ понять, какъ другіе способны въ чемъ-нибудь уклоняться отъ Коммунистическаго Манифеста и Эрфуртской программы.

А такихъ становится много, такъ много, что призракъ раскола нависалъ не разъ надъ партіей. И если кому-нибудь партія обязана тѣмъ, что не разорвалось пополамъ ея старое знамя въ тяжелые дни Ганноверскаго съѣзда 1899 года, то, конечно, прежде всего Бебелю, который силою своего нравственнаго авторитета обломалъ острые углы непримиримыхъ противорѣчій. Съ тѣхъ поръ онъ былъ настороже. Онъ не далъ партіи пасть духомъ послѣ разгрома 1907 года и сорганизовалъ ее вновь къ побѣдѣ 1912 года. Пока былъ Бебель въ главѣ ея, партія росла и развертывалась, безъ излишнихъ дрязгъ, безъ ненужныхъ тактическихъ скачковъ, спокойно въ сознаніи своей силы, съ вѣрою въ будущее.

Бебель былъ цѣликомъ поглощенъ работою для нѣмецкой соціалъ-демократіи. Но онъ никогда не упускалъ изъ виду роста международнаго соціализма. Возрожденіе Интернаціонала въ тѣхъ новыхъ формахъ, въ которыхъ оно совершилось на нашихъ глазахъ,—одно изъ тѣхъ дѣлъ, которому Бебель отдавалъ свои силы и свой досугъ. Намъ, русскимъ, быть-можетъ, особенно интересно, что онъ слѣдилъ и за ростомъ рабочаго движенія въ Россіи. Г. В. Плехановъ разсказывалъ сотруднику «Русск. Слова», какими путями вліялъ Бебель на русское рабочее движеніе. «Вѣроятно,—говорилъ Плехановъ,—онъ вліялъ, какъ человѣкъ, имѣющій огромное имя, огромное значеніе въ международномъ рабочемъ движеніи. Поучительны, между прочимъ, его отношенія къ русскимъ товарищамъ. Онъ и тутъ былъ врагомъ революціонной фразы. Онъ поздравилъ меня съ побѣдой, когда соціалъ-демократы отказались отъ бойкота выборовъ въ Государственную Думу. Точно такъ же онъ жестоко порицалъ всѣ наши расколы и раздоры. Вотъ иллюстрація. На штутгартскомъ между-народномъ конгрессѣ одинъ большевикъ, подойдя къ Бебелю, сказалъ:

— Товарищъ Бебель, вы насъ не любите?

— Почему вы такъ думаете? — отвѣтилъ тотъ.—Вы, большевики, пере-

живаете рядъ болѣзней, но, выздоровѣвъ, вы будете gute Parteigenossen».

Этимъ стариковскимъ добродушнымъ тономъ, подъ которымъ всегда таилось глубокое убѣжденіе, Бебель умѣлъ учить молодыхъ, удерживать черезчуръ пылкихъ, подталкивать неувѣренныхъ. У него это дѣлалось легко и какъ-то само собою. Но то, что онъ дѣлалъ,—самое трудное въ жизни такого большого коллектива, какимъ является нѣмецкая соціалъ-демократія. Чтобы успѣшно выполнять ту задачу, которую выполнилъ Бебель, нужно имѣть его моральный авторитетъ. У кого онъ есть изъ эпигоновъ?

И вообще, кто замѣнитъ Бебеля нѣмецкимъ рабочимъ?

А. Дживелеговъ.

† Камиллъ Лемонннье.

Тридцать лѣтъ назадъ, въ 1883 году, кружокъ бельгійской литературной молодежи, воодушевленной желаніемъ служить родной словесности, отстаивать ея право на существованіе, обогащать новыми произведеніями различные ея отдѣлы, чествовалъ банкетомъ своего старшаго, уже составившаго себѣ извѣстное имя собрата по перу, Камилла Лемонnье. Этотъ банкетъ, сопровождавшійся рѣчами, былъ своего рода событіемъ въ бельгійскомъ литературномъ мірѣ, такъ какъ содѣйствовалъ сплоченію новыхъ писателей, выясненію ихъ задачъ и идеаловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣнилъ заслуги того, кто какъ бы расчистилъ дорогу для новаго поколѣнія, пріучилъ его любить родную словесность и не далѣе, какъ во время этого банкета, обратился къ молодежи съ совѣтами, дружескими указаніями и ободряющимъ призывомъ къ дальнѣйшей работѣ. Прошло еще 20 лѣтъ и въ 1903 году, и въ Бельгіи, и въ Парижѣ, единодушно и весьма внушительно ознаменовано было появленіе 50-таго тома сочиненій Лемонnье, при чемъ даровитый писатель могъ воочію убѣдиться въ томъ, какой слѣдъ оставила къ тому времени его неутомимая и разносторонняя дѣятельность; въ различныхъ органахъ печати появились статьи ему посвященныя; устраивались спеціальныя засѣданія и публичныя лекціи; былъ опять организованъ банкетъ, въ которомъ приняло участіе уже много новыхъ дѣятелей, желавшихъ выразить свое сочувствіе и уваженіе блестящему представителю, теперь уже пустившей болѣе глубокіе корни національной литературы; въ театрахъ ставились его пьесы (передѣланныя изъ романовъ) «Un mâle» и «Le mort»; было выпущено національное изданіе его классическаго труда «La Belgique», обнимающаго всѣ отрасли бельгійской жизни и творчества.

И вотъ теперь, по прошествіи еще 10-ти лѣтъ, грустная вѣсть о кончинѣ Камилла Лемонnье снова заставила бельгійскую публику и прессу отмѣтить съ благодарностью то, чѣмъ былъ для своей родины почившій писатель, вспомнить его, какъ человѣка, литератора и общественнаго дѣятеля, бросить взглядъ на всю эту колоссальную дѣятельность, на эти шестьдесятъ томовъ, которые не всѣ одинаково удачны, но среди которыхъ есть столько яркихъ, смѣлыхъ и своеобразныхъ вещей. Стоитъ познакомиться хотя бы съ частью безчисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ отголосковъ кончины Лемонnье, чтобы убѣдиться въ томъ, что это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, національный трауръ, что тяжесть понесенной утраты была, дѣйствительно, глубоко прочувствована всею мыслящею частью общества. Такъ, и похороны автора «Happe-chair» носили характеръ внушительной манифестаціи сочувствія и уваженія, представляли собою нѣчто совершенно исключительное, небывалое, что надолго останется въ памяти всѣхъ участниковъ и очевидцевъ... Соратникъ и сподвижникъ Лемонnье, тоже одинъ изъ литераторовъ старшаго поколѣнія, Эдмонъ Пикаръ, авторъ «Psyké» и «Ambidextre», долженъ былъ говорить надгробную рѣчь отъ имени бельгійскихъ писателей, но онъ былъ такъ потрясенъ и взволнованъ, что не могъ исполнить свое намѣреніе, и вмѣсто него выступилъ извѣстный романистъ

Жоржъ Экоутъ. Въ настоящее время образовался особый комитетъ, съ цѣлью увѣковѣчить въ той или другой формѣ память Лемоннье; въ составъ его входятъ не только бельгійцы, но и французы, англичане, австрійцы, русскіе. Что касается въ частности французовъ, то нельзя не отмѣтить, что въ Парижѣ съ давнихъ поръ цѣнили и уважали автора «Un mâle», и, когда разнеслась вѣсть объ его кончинѣ, французская пресса, въ лицѣ самыхъ разнообразныхъ органовъ, очень единодушно и опредѣленно реагировала на печальное событіе, сочувственно характеризуя того, кто былъ желаннымъ гостемъ ея въ кругу парижскихъ литераторовъ и относился съ живымъ интересомъ къ Франціи и ея творчеству, не переставая въ то же время работать прежде всего на благо *родной* словесности.

Лемоннье былъ какъ бы живою лѣтописью новаго періода бельгійской литературы. Когда онъ выступилъ съ первыми своими произведеніями, этой литературы, въ точномъ смыслѣ слова, еще не существовало, такъ какъ были только отдѣльные писатели, дѣйствовавшіе на свой страхъ, почти не поддерживаемые окружающимъ обществомъ, а умеръ онъ въ такую пору, когда положеніе дѣлъ уже измѣнилось, иные писатели достигли даже общеевропейской извѣстности, развилась пресса, опредѣлились извѣстныя теченія и группы! Лемоннье, который въ пору существованія кружка «Молодой Бельгіи» былъ вдохновителемъ молодежи, продолжалъ и въ старости относиться съ благожелательнымъ интересомъ къ молодымъ писателямъ, въ иныхъ отношеніяхъ далеко отошедшимъ отъ него, отличался доступностью, охотно соглашался поддержать своимъ сотрудничествомъ вновь возникавшіе органы печати. А впрочемъ, можно ли говорить о *старости*, разъ идетъ рѣчь объ авторѣ «Адама и Евы»? Онъ самъ не любилъ, чтобы его выставляли какимъ-то патріархомъ, титуловали Несторомъ бельгійскихъ писателей. Ничего старческаго, дышащаго усталостью и охлажденіемъ, не чувствовалось и въ болѣе позднихъ его вещахъ. Всѣ, кто зналъ его ближе, говорилъ объ его несокрушимой молодости и бодрости духа, способности восторгаться, негодовать, увлекать своимъ краснорѣчіемъ,—объ его вѣрѣ въ жизнь и человѣка, смѣлыхъ и оригинальныхъ планахъ, исключавшихъ возможность застоя, пессимизма или мучительнаго самоанализа. Онъ умеръ на 70-мъ году жизни, но онъ былъ моложе и радостнѣе духомъ многихъ изъ своихъ собратьевъ по перу, выступившихъ гораздо позже, принадлежавшихъ къ новому поколѣнію; въ этой молодости духа и состояла одна изъ причинъ того обаянія, которымъ окружено было въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ его имя, въ глазахъ литературныхъ дѣятелей различныхъ оттѣнковъ. Черезъ всѣ его произведенія красною нитью проходитъ любовь къ жизни, природѣ, людямъ, вѣра въ человѣка, въ то, что даже подъ грубою оболочкою и среди самой неприглядной дѣйствительности скрываются иногда благородные задатки, здоровыя, неиспорченныя натуры, примѣры незамѣтнаго героизма, сильнаго чувства и честнаго выполненія своего долга, въ высшемъ смыслѣ этого слова.

Его называли часто натуралистомъ, и онъ, дѣйствительно, былъ одно время многимъ обязанъ вліянію Эмиля Золя и его единомышленниковъ, какъ впослѣдствіи не остался совсѣмъ незатронутымъ и воздѣйствіемъ символизма, въ иныхъ отношеніяхъ ему чуждаго; но его натурализмъ былъ совершенно особаго рода, изображая отрицательныя, даже отталкивающія явленія жизни, Лемоннье не предавался, однако, мизантропіи и пессимизму, не хотѣлъ умышленно сгущать краски, не утрачивалъ столь характерной для него вѣры въ лучшіе задатки человѣческой натуры, которые должны, рано или поздно, восторжествовать. По справедливому замѣчанію Жоржа Ранси, въ его творчествѣ не играли роли сомнѣніе, насмѣшка, отрицаніе, дышащая раздраженіемъ иронія, изсушающій анализъ; наоборотъ, у него такъ часто прорывались мотивы сострада-

нія, солидарности со всѣмъ живущимъ, любви къ правдѣ и красотѣ, вмѣстѣ съ желаніемъ увидѣть міръ очищеннымъ и преобразившимся, стряхнувшимъ съ себя налетъ лицемѣрія, угнетенія и злобы! Трижды пришлось ему садиться на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ порнографіи и развращающемъ вліяніи его романовъ на читателей (одно изъ этихъ судебныхъ дѣлъ, разбиравшееся въ древнемъ Брюгге, отразилось потомъ въ его романѣ «Les deux consciences»); но, если вполнѣ понять настоящую точку зрѣнія автора, проповѣдывавшаго сближеніе съ природою, возвращеніе къ первобытной простотѣ и чистотѣ, отрицаніе аскетической морали, какое-то жизнерадостное, красочное, ничѣмъ не возмутимое «язычество» на новый ладъ, мы должны будемъ, даже если не согласимся съ основными идеями автора, убѣдиться въ томъ, какъ далекъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ отъ всякой порнографіи, хотя въ его произведеніяхъ попадаются нерѣдко слишкомъ откровенныя сцены, все называется своимъ именемъ, затрагиваются вопросы и ситуаціи, которые принято считать «щекотливыми». Мы поймемъ, что съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ, называя свое творчество «строго нравственнымъ», сливая въ своихъ произведеніяхъ анализъ сильной, здоровой, свободной отъ ложнаго стыда страсти съ яркими картинами природы, которую онъ всегда любилъ до самозабвенія.

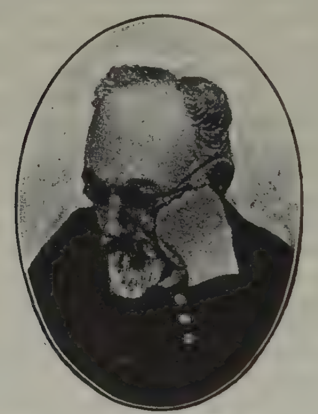
Литературное наслѣдіе Камилла Лемонье не только велико, но и замѣчательно разнообразно. Онъ могъ писать романы, близкіе къ натуралистическому теченію, и рядомъ съ этимъ задушевные непритязательные разсказы для дѣтей или о дѣтяхъ. Въ отдѣльныхъ своихъ произведеніяхъ онъ изображалъ бытъ крестьянъ, рабочихъ, буржуазіи, аристократіи, военнаго класса; убѣжденный реалистъ, знатокъ неприкрашенной дѣйствительности, онъ могъ создавать иногда нѣчто въ родѣ поэмъ въ прозѣ, приближаться къ чисто эпическому складу изложенія или обнаруживать неподдѣльный лиризмъ, невольно подкупающій и захватывающій читателя. Если изъ шестидесяти томовъ его сочиненій выдѣлить хотя бы 10 — 15 самыхъ лучшихъ его вещей, то и этого будетъ достаточно, чтобы спасти его имя отъ забвенія, обезпечить ему почетное мѣсто въ лѣтописяхъ бельгійской словесности. Такія произведенія, какъ «Un mâle», «Le mort», «Happe-chair», «Adam et Eve», «Les deux consciences», «Le petit homme de Dieu», «La chanson du carillon» и нѣк. др., всегда будутъ напоминать о сильномъ и яркомъ талантѣ, какимъ обладалъ Лемонье, писавшій въ то же время и критическія статьи, разбиравшій произведенія искусства, анализировавшій творчество Курбе, Конст. Мёнье, Стевенса, Фелис. Ропса, читавшій публичныя лекціи, составившій такой монументальный трудъ, какъ «La Belgique». Горячая любовь къ литературѣ вообще и бельгійской — въ частности, несокрушимая энергія, сильный и своеобразный талантъ, постоянное стремленіе охранить свою независимость, выражавшееся въ отрицательномъ отношеніи къ наградамъ, отличіямъ, покровительству свыше, живой интересъ къ запросамъ и начинаніямъ молодежи, — вотъ отличительныя черты этого замѣчательнаго человѣка, который работалъ въ теченіе полувѣка на пользу родной словесности, не зная усталости и не идя на компромиссы.

Ю. Веселовскій.

† Александръ Яблоновскій.

$^{9}/_{22}$ августа с. г. скончался въ Одессѣ на 85-томъ году жизни видный польскій историкъ, предсѣдатель Варшавскаго Ученаго Общества, Александръ Яблоновскій. По окончаніи Дрогичинскаго уѣзднаго училища и Бѣлостокской гимназіи онъ поступилъ на историко - филологическій факультетъ Кіевскаго университета, гдѣ изучалъ славистику, языкъ и исторію Украйны. Здѣсь онъ сблизился съ товарищами по университетскимъ занятіямъ, представителями южныхъ славянскихъ народностей, сербами, болгарами и др. Для пополненія знаній

онъ переѣхалъ изъ Кіева въ Дерптъ, затѣмъ въ частыхъ научныхъ экскурсіяхъ по Украйнѣ, Волыни и Подоліи собиралъ живой этнографическій и археологическій матеріалъ, работалъ въ семейныхъ библіотекахъ и архивахъ. Пять лѣтъ спустя уѣхалъ въ Берлинъ, Лондонъ, Парижъ и Вѣну для спеціальныхъ занятій по востоку и славистикѣ. Возвратившись оттуда,

А. Яблоновскій.

Яблоновскій возобновилъ научныя странствованія по Балканскому полуострову и азіатскому востоку. Эти занятія были прерваны двумя годами ссылки въ Киренскъ, Иркутской губ.

Продолжительная научная подготовка оказала самое благопріятное вліяніе на законченность его плодотворной творческой дѣятельности, которая почти цѣликомъ была посвящена изслѣдованію внутренней исторіи Руси и вообще юго-восточныхъ провинцій Рѣчи Посполитой. Уже въ 1875 году Яблоновскій вмѣстѣ съ проф. А. Павинскимъ предпринялъ изданіе многотомныхъ, историческихъ источниковъ (Zròdeł dziejowych) — важнѣйшаго архивнаго матеріала для внутренней исторіи Руси и Польши. Между прочимъ, тамъ изданы: «Волынь въ XVI вѣкѣ», Подолія, Украйна, Кіевъ, Брацлавъ, Червонная Русь, Украинская торговля въ XVI вѣкѣ и мн. др. Кромѣ этихъ источниковъ и многочисленныхъ статей и сочиненій, разбросанныхъ по многимъ журналамъ и изданіямъ, какъ Ateneum, Kwartalnik Historyczny, Słownik Gieograficzny и мн. др., написалъ по предложенію краковской академіи наукъ «Исторію Руси», затѣмъ капитальный трудъ: «Кіевско-могилевская академія, историческій очеркъ на фонѣ общаго развитія западной культуры», а въ самое послѣднее время «Атласъ русскихъ провинцій Рѣчи Посполитой», демонстрированный имъ на послѣднемъ международномъ конгрессѣ историковъ въ Лондонѣ въ апрѣлѣ с. г.

Сознавая крупныя заслуги польскаго ученаго, Императорское Русское Географическое Общество въ 1880 году обратилось къ нему за совѣтомъ по вопросу программы научной экскурсіи, снаряженной въ Болгарію, а многія ученыя общества избрали его своимъ членомъ, между прочимъ, Лондонское Королевское Историко-Географическое общество—своимъ почетнымъ и Кіевское Историческое Общество лѣтописца Нестора—дѣйствительнымъ членомъ.

Б. Ставэно.

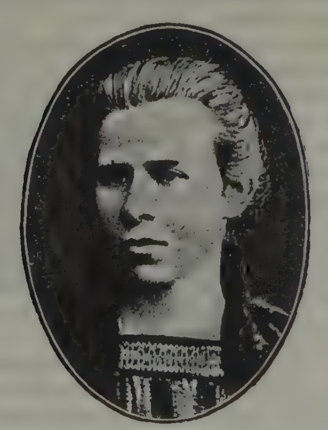
† Станиславъ Мендельсонъ.

13/26 іюля скончался въ Варшавѣ видный польскій журналистъ и общественный дѣятель Станиславъ Мендельсонъ. Сынъ богатаго варшавскаго банкира, уже въ университетѣ примкнувшій къ радикальнымъ кружкамъ, затѣмъ заарестованный и бѣжавшій за границу, Мендельсонъ является создателемъ польской соціалистической партіи и, въ теченіе ряда лѣтъ, признаннымъ главой ея; онъ основалъ въ Лондонѣ польскія соціалистическія изданія «Przedświt» и «Walka klas» и выступалъ на международныхъ съѣздахъ въ качествѣ представителя польскихъ соціалистовъ. Въ 1893 г. въ воззрѣніяхъ Мендельсона наступилъ крутой переломъ. Онъ порвалъ съ соціалистическими доктринами, работалъ одно время въ Англіи на адвокатскомъ поприщѣ, а затѣмъ перебрался въ Галицію. Прекрасный стилистъ, рѣдкій эрудитъ, человѣкъ высокообразованный, но нервный и крайне впечатлительный, съ широкими запросами

неугомонной, искавшей активной дѣятельности, натуры, Мендельсонъ переходилъ въ Галиціи изъ лагеря въ лагерь, отъ радикальнаго «Kuryera Lwowskiego» черезъ «Dziennik Polski» до консервативнаго «Czas'a». Изъ Галиціи онъ переѣхалъ въ Варшаву, работалъ здѣсь въ газетѣ «Слово», но, не сойдясь съ руководителями газеты во взглядахъ на еврейскій вопросъ, опять эмигрировалъ и снова возвратился на родину. Теперь онъ встрѣтился въ Варшавѣ съ крайне обостренными польско-еврейскими отношеніями, примкнулъ къ еврейскимъ націоналистамъ и сталъ во главѣ «Przegladu Codziennego», но вскорѣ умеръ отъ разрыва сердца. (Dziennik Poznański).

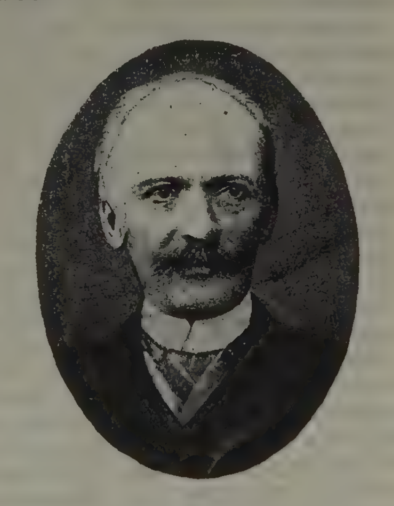
† Леся Украинка.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ скончалась талантливая украинская поэтесса, извѣстная подъ псевдонимомъ Леся Украинка. Леся Украинка (настоящая фамилія ея Косачъ, а по мужу Квитка) происходитъ изъ очень интеллигентной украинской семьи: она племянница Драгоманова и дочь украинской писательницы, извѣстной подъ

Л. Косачъ.

именемъ Олена Пчілка. Въ своемъ творчествѣ она и является выразителемъ думъ и настроеній украинской интеллигенціи; стихи ея, далекіе отъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ, которой даже носящіе латинскія заглавія, вводятъ насъ въ міръ украинскаго интеллигентнаго патріота. Умерла Леся Украинка еще молодой, на 41 году жизни.

В. Г. Авсѣенко.

(† 30 іюля).

30 іюля въ Петербургѣ на 71-мъ году своей жизни умеръ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ литераторовъ, Василій Григорьевичъ Авсѣенко.

Происходя изъ дворянской семьи, Авсѣенко родился 5 янв. 1842 г., учился сначала въ первой петербургской гимназіи, куда поступилъ въ 1852 г., а затѣмъ въ первой кіевской. По окончаніи историко-филологическаго факультета кіевскаго университета (1859—1862), предполагалъ посвятить себя научнымъ занятіямъ, избравъ своей спеціальностью всеобщую исторію. Работа «Итальянскій походъ Карла VIII и его послѣдствія для Франціи», написанная pro venia legendi, дала ему право читать лекціи въ кіевскомъ университетѣ (1863—1866); плодомъ его научныхъ занятій было еще нѣсколько историческихъ статей, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «От. Запискахъ» (гл. обр., въ 1863 г.).

Университетскимъ преподавателемъ Авсѣенко пробылъ, однако, недолго. Свою неудачу онъ самъ объяснялъ

враждебнымъ къ нему отношеніемъ со стороны профессуры и студенчества. Дѣло въ томъ, что 1863 годъ (особенно въ связи съ польскимъ возстаніемъ) раздѣлилъ тогдашнее русское общество на рѣзко враждующіе лагери. Авсѣенко примкнулъ къ реакціонерамъ, выступилъ защитникомъ узкаго національнзма и въ этомъ направленіи дѣятельно сотрудничалъ въ консервативномъ «Кіевлянинѣ» В. Я. Шульгина (1864—1866). Это создавало ему враждебное положеніе въ университетской коллегіи, и Авсѣенко догадался покончить съ своей профессурой. Охранительными тенденціями проникнута и дальнѣйшая, довольно кипучая литературная дѣятельность Авсѣенка, вплоть до второй половины 90-хъ годовъ.

Писать Авсѣенко началъ еще гимназистомъ. Нѣкоторыя его юношескія стихотворенія попали въ печать — въ «Модный Магазинъ» Софьи Мей—и подписаны псевдонимомъ «В. Порошиловъ», которымъ онъ пользовался и впослѣдствіи. Со второй половины 60-хъ годовъ Авсѣенко работаетъ въ «Р. Вѣстникѣ» Каткова, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Зарѣ» (Кашпирева), въ «Русскомъ Мірѣ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Гражданинѣ» и пр., и беретъ на себя неблагодарную задачу въ роли критика, публициста и беллетриста бороться съ прогрессивными теченіями 60-хъ и 70-хъ годовъ (въ частности съ народниками), хотя и жизнь великосвѣтскихъ верховъ нашла въ немъ своего неблагосклоннаго сатирика. Къ этому времени относятся повѣсти Авсѣенка: «Буря» (1865; первая по времени) и «Тронутые» (1866), романы: «Млечный путь» (1875 — 1876), «Скрежетъ зубовный» (1878), «Злой духъ» и т. д. Съ 1883 по 1896 г. Авсѣенко руководилъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями».

Съ началомъ новаго столѣтія Авсѣенко эволюціонируетъ влѣво, и его произведенія стали появляться въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Мысли» («Андрей Мологинъ», «Молодо — зелено», «Карьера Вязигина», «Офелія», «Блажь» и пр); но особенно много печатался онъ въ «Нивѣ».

Обладая несомнѣннымъ, хотя и не сильнымъ дарованіемъ, Авсѣенко былъ весьма плодовитымъ писателемъ (собраніе его сочиненій въ изданіи Маркса занимаетъ 12 томовъ), но разсчитывать на прочную память потомства ему трудно, тѣмъ болѣе, что и современный читатель довольно холодно относился къ его литературному творчеству.

„Золотой Домъ“ Нерона.

Древніе писатели говорятъ о дворцѣ Нерона въ самыхъ гиперболическихъ выраженіяхъ; это былъ, по ихъ словамъ, даже не дворецъ, а цѣлая загородная вилла съ садами и лугами, съ большимъ прудомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи Флавіи воздвигли Колизей; нѣчто въ родѣ грандіозныхъ сооруженій виллы Адріана, около Тиволи. Колоссальныя постройки заняли все пространство между Палатиномъ и Эсквилиномъ, продолженіе котораго составилъ Золотой Домъ Нерона. При тѣснотѣ, которая вообще чувствовалась въ Римѣ той эпохи, это мѣсто было еще однимъ изъ наиболѣе застроенныхъ благодаря своему центральному положенію около Форума. Расчистить его принцепсу помогъ пожаръ 64 г.

Былъ ли Неронъ поджигателемъ, какъ утверждаютъ римскіе историки, или пожаръ былъ слѣдствіемъ несчастной случайности — во всякомъ случаѣ императоръ широко использовалъ его послѣдствія: на пространствѣ, очищенномъ огнемъ отъ частныхъ домовъ, придворные архитекторы Северъ и Целеръ воздвигли дворецъ, обширностью и великолѣпіемъ превосходящій всѣ дворцы предшественниковъ Нерона — его Золотой Домъ.

Послѣ смерти Нерона преемники его всячески старались стереть въ народной памяти самое воспоминаніе о ненавистномъ тиранѣ; статуи его разбивали, постройки разрушали. Но *разрушить* такое колоссальное зданіе, какъ Золотой Домъ, римскіе инженеры не сумѣли, несмотря на все свое искусство. Они прибѣгли къ другому пріему (обычному въ то время): зда-

ніе засыпали землею. Землею наполнили комнаты до потолковъ, землею завалили сады и внутренніе дворики. Со стороны фасада замуровали окна и двери. Засыпали и замуровали съ такою поспѣшностью, что не вывезли даже цѣнныхъ произведеній искусства (тутъ впослѣдствіи была найдена группа Лаокоона).

И, наконецъ, передъ засыпаннымъ дворцомъ, загораживая его, выросли роскошныя сооруженія термъ Траяна.

Погребеніемъ подъ землею Золотого Дома не кончилась его исторія. Въ римскомъ искусствѣ долго жилъ тотъ стиль декоративной живописи, который такъ совершенно представленъ во дворцѣ Нерона. Вліяніе его отразилось и на зарождающемся христіанскомъ искусствѣ въ живописи катакомбъ. Въ средніе вѣка забываютъ о существованіи этихъ развалинъ, какъ забываютъ объ искусствѣ древняго Рима. Но съ началомъ Возрожденія пробуждается интересъ къ древности. Археологи, художники, коллекціонеры, любители и торговцы древностями ищутъ и находятъ вездѣ, гдѣ возможно, остатки древняго Рима. Въ теченіе столѣтій старыя стѣны дома дали большія трещины, земля, наполняющая зданіе, осѣла, оставила подъ потолками узкія щели (около метра шириною). Черезъ эти-то трещины, по этимъ щелямъ проползали любители старины; запасшись свѣчами и провизіей, они проникали далеко въ глубь постройки. Въ тѣхъ частяхъ зданія, которыя только сейчасъ откапываютъ, находятъ немало надписей, сдѣланныхъ ихъ рукою. Древнѣйшія относятся къ XIV в., гораздо большее число къ XV и позднѣйшимъ эпохамъ. Сохранился, между прочимъ, автографъ Джіованни да Удино — ученика Рафаэля. Самъ Рафаэль тоже не разъ забирался сюда въ послѣдніе годы жизни, когда такъ сильно интересовался древнимъ Римомъ, воскресить который было его мечтою. Живымъ памятникомъ подземныхъ экскурсій великаго художника стала живопись лоджій Ватикана; не только по духу своему она является вѣрнымъ отраженіемъ живописи Золотого Дома,— отдѣльные мотивы заимствованы цѣликомъ, перенесены безъ измѣненія изъ дворца Нерона во дворецъ намѣстника Петра.

Тотъ стиль «гротескъ», который сдѣлался излюбленнымъ декоративнымъ стилемъ Возрожденія, въ значительной степени обязанъ своимъ происхожденіемъ образцамъ стѣнной живописи, найденнымъ художниками на потолкахъ и по стѣнамъ Золотого Дома, вынесеннымъ изъ подземныхъ щелей («гротовъ») на свѣтъ Божій. Интересъ къ этимъ художественнымъ остаткамъ не угасъ и позднѣе; въ XVIII в. были сдѣланы даже рисунки потолка самой обширной изъ залъ дворца,— сдѣланы, правда, съ большой примѣсью фантазіи и въ общемъ довольно грубо. Доступъ къ оригиналамъ оставался попрежнему затруднительнымъ. Современнымъ археологамъ приходилось пробираться по тѣмъ же щелямъ, по которымъ 400 лѣтъ тому назадъ пробирались ученики Рафаэля вмѣстѣ съ учителемъ. Громадность зданія составляла при этомъ всегда большое затрудненіе: трудно оріентироваться въ темныхъ низкихъ ходахъ, которые переплетаясь тянутся почти до церкви Марія Маджоре, начинаясь отъ via Labiana; приходится дѣлать мѣтки на поворотахъ, чтобы не заблудиться, не погибнуть отъ голода въ безконечномъ лабиринтѣ.

Та часть фасада, которую сейчасъ уже можно осматривать, составляетъ правое крыло его. Она раскопана уже 100 лѣтъ тому назадъ. Это рядъ парадныхъ покоевъ въ 10 метровъ высоты; чередуются залы, повернутыя на сѣверъ и на югъ; однѣ выходили на обширную площадь дворцовыхъ парковъ, другія—во внутренніе перистили и сады.

Сбоку сохранился рядъ небольшихъ помѣщеній хозяйственнаго назначенія; тутъ были, видимо, и жилища рабовъ. Позади парадныхъ комнатъ тянется, прорѣзывая зданіе по длинѣ фасада, широкій коридоръ тоже въ 10 метровъ высоты. Въ этой части мало что уцѣлѣло отъ внутренней отдѣлки

зданія: позолоченныя лѣпныя украшенія всѣ отбиты, только бѣлыя пятна на мѣстѣ ихъ показываютъ легкія очертанія рельефовъ изъ штука. Выступающая на стѣнахъ сырость полуподземныхъ темныхъ помѣщеній даетъ толстый слой зеленоватой плѣсени; и подъ плѣсенью пропадаетъ вся роскошь декоративной живописи. Д-ру Веге, работавшему и въ этой части зданія, удалось въ нѣсколькихъ комнатахъ очистить стѣны: изъ-подъ налетовъ плѣсени выступили яркими красками написанные «гротески», но выступили не надолго — года черезъ два послѣ чистки они опять исчезаютъ подъ растущими зелеными пятнами. Кое-что изъ очищеннаго можно видѣть, однако, и сейчасъ. Незабываемое впечатлѣніе производитъ хорошо сохранившаяся декорація одной комнаты, вся выдержанная въ красныхъ тонахъ. Въ другихъ преобладаетъ желтый цвѣтъ, часто встрѣчаются бѣлые орнаменты на черномъ фонѣ, особенно элегантные. Поражаешься красотою линій, воздушностью рисунка, богатствомъ фантазіи и стильностью цѣлаго. Изъ-подъ плѣсени выступаетъ то легкій трельяжъ, то воздушная арка фантастической постройки; на гирляндахъ цвѣтовъ качаются птицы и животныя, они же въ стилизованномъ видѣ разнообразятъ орнаментъ. У Фабулія, декоратора Нерона, было много вкуса, тонкости и чувства мѣры.

Когда смотришь на эти изящныя тонкія детали, такъ любовно отдѣланныя, — смотришь и съ трудомъ различаешь многое въ слабомъ свѣтѣ электрическихъ лампочекъ, невольно задаешься вопросомъ объ освѣщеніи зданія. Тамъ, гдѣ декорація стѣнъ облупилась вмѣстѣ съ грунтомъ, можно простымъ глазомъ видѣть, какія широкія двери, какія большія окна надъ ними давали свѣтъ помѣщеніямъ, расположеннымъ вдоль фасада. Такія же окна и двери соединяли отдѣльныя комнаты. Всѣ эти отверстія тщательно замурованы, но кладка камня здѣсь другая, рѣзко отличающаяся отъ кладки первоначальной постройки. Если судить по величинѣ этихъ дверей и оконъ, надо предположить, что комнаты дворца были достаточно освѣщены; такія же большія двери съ такими же окнами надъ ними продѣланы между отдѣльными комнатами.

Много свѣта и много воздуха.

Изъ земли, отъ которой освободили зданіе съ этой стороны, выросъ довольно большой холмъ. Руководитель предпринятыхъ теперь раскопокъ, археологъ докторъ Веге началъ съ того, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работалъ на свой страхъ, ползалъ по подземнымъ ходамъ, пугая ящерицъ, пауковъ и змѣй — теперешнихъ обитателей императорскаго дворца—и дѣлалъ возможно точныя фотографіи наиболѣе сохранившихся фресокъ. Послѣ того, какъ осенью прошлаго года онъ представилъ на археологическомъ конгрессѣ результаты своихъ трудовъ, итальянское правительство согласилось начать раскопки и завѣдующимъ работой назначило доктора Веге.

Работа ведется не съ той стороны, съ которой 100 лѣтъ тому назадъ отрытъ былъ правый уголъ фасада дворца: въ надеждѣ наиболѣе интересныя вещи найти тамъ, куда меньше могли проникнуть любители, докторъ Веге началъ работу со стороны via Mессеnate, тамъ, гдѣ расположены на задворкахъ домовъ ряды огородовъ и гдѣ должно было находиться лѣвое крыло фасада. Очень скоро по той же щели подъ потолкомъ онъ добрался до коридора прямого и широкаго, какъ извѣстный уже коридоръ въ правой части зданія. Несомнѣнно, тѣ же художники по желтоватому фону какъ тамъ, такъ и здѣсь создавали свой легкій фантастическій рисунокъ. Здѣсь его гораздо лучше можно разглядѣть, пока не удалена изъ этой части зданія земля. Вблизи открывается то, что пропадаетъ на высотѣ 10 метровъ при недостаточномъ освѣщеніи. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ всеистребляющей и скрывающей зелено-бѣлой плѣсени. Каждый шагъ, который проползаешь подъ давящимъ сводомъ потолка, вознаграждается; фантазія декоратора неистощима: нигдѣ нѣтъ повторенія,

разнообразіе мотивовъ совершенно безгранично. И это даже въ коридорѣ, имѣвшемъ наполовину служебное значеніе.

Щель здѣсь уже расширена настолько, что мѣстами можно даже выпрямиться. Всего труднѣе проникать въ отдѣльныя комнаты: приходится спускаться по крутому склону, который образуетъ земля, загибаясь вмѣстѣ со сводомъ; дверьми служатъ пока тѣ окна, которыя существуютъ почти надъ каждою дверью, согнувшись вдвое пролѣзаешь въ нихъ, чтобы сейчасъ же ползкомъ карабкаться на такой же крутой, въ темнотѣ кажущійся неприступнымъ склонъ. Такимъ путемъ наше маленькое общество пробралось въ главную залу дворца, самую большую, лежащую на серединѣ длины фасада, въ ту самую, въ которую всего больше стремились художники, несовершенныя воспроизведенія потолка которой (Мире, Hollanda) хорошо извѣстны. Какъ во всѣхъ залахъ Нероновскаго дворца (коридоръ и хозяйственныя помѣщенія были только расписаны фресками), такъ и тутъ прелесть декораціи составляетъ сочетаніе лѣпныхъ украшеній съ живописью. Выпуклая штукатурка (сильно пострадавшая отъ времени и отъ рукъ любителей) дѣлитъ потолокъ залы на симметрично расположенныя неровныя дѣленія. Въ глубинѣ ихъ, какъ въ рамѣ, можно разглядѣть картины на миѳологическіе сюжеты, жизнерадостныя легкія фигуры людей и животныхъ. Иногда несложныя сцены. Весь этотъ міръ кажется странно знакомымъ послѣ лоджій Рафаэля. Впрочемъ, отъ большинства картинъ остались только тѣни, едва уловимые силуэты.

Едва ли не больше интереса представляетъ другая комната; на нее д-ръ Веге наткнулся въ самомъ началѣ раскопокъ. Она совсѣмъ освобождена отъ земли; мы ходили тутъ по деревянному помосту, устроенному подъ потолкомъ. Это комната сравнительно небольшая, квадратная. Въ ней и лѣпка и живопись сохранились неповрежденными. Только позолота облупилась на выпуклыхъ частяхъ: кусочки ея рабочіе находили въ землѣ, наполнявшей комнату. Здѣсь найдена первая въ домѣ Нерона сравнительно большая (метра $1^1/_2$) картина — прощаніе Гектора съ Андромахою. Лучше всего сохранилась фигура Гектора въ шлемѣ (довольно хорошо переданъ блескъ металла), латахъ и красномъ плащѣ. Гекторъ дѣлаетъ движеніе уйти, Андромаха хочетъ остановить его: вся фигура ея выражаетъ это стремленіе. Это — работа хорошаго римскаго мастера.

Все вниманіе художника сосредоточено на двухъ фигурахъ—Гектора и Андромахи. Силуэтъ служанки, сопровождающей Андромаху, только поверхностно намѣченъ. Схематично обозначены ворота Трои, около которыхъ разыгрывается дѣйствіе. Какъ всегда въ греко-римскомъ искусствѣ главное и единственное, что привлекаетъ художника — человѣкъ съ его переживаніями. Можно предположить, что передъ нами копія одного изъ знаменитыхъ въ римскомъ обществѣ произведеній греческой кисти. Строгость стиля заставляетъ думать объ оригиналѣ до-эллинистической эпохи. Тутъ нѣтъ и слѣда александрійскаго вліянія, которое сильно чувствуется въ мотивахъ картинъ главной залы и особенно въ легкой трактовкѣ этихъ мотивовъ. Новыя раскопки все больше выясняютъ общій характеръ дворца Нерона. Сейчасъ уже можно признать за установленный фактъ необыкновенную длину фасада. Такого фасада нѣтъ ни у одного изъ дворцовъ римскихъ императоровъ. Его можно сравнить — и такое сравненіе невольно напрашивается — развѣ съ фасадомъ Версальскаго дворца.

Впечатлѣніе граціозности цѣлаго получается даже сейчасъ, когда большая часть зданія еще наполнена землею, когда воспринимаешь его площадь, но не высоту.

На лѣвомъ крылѣ фасада докторъ Веге нашелъ, между прочимъ, комнату, какъ бы постороннюю въ общемъ комплексѣ. Она расположена подъ угломъ къ остальному зданію. Когда археологи впервые проникли въ нее и начали очищать потолокъ и стѣны,

имъ на головы сверху обрушился комъ земли съ росшимъ на немъ качаномъ капусты; благодаря такой счастливой случайности комната теперь освѣщена черезъ собственный имплювіумъ. Расположеніе ея по отношенію къ другимъ показалось настолько интереснымъ, что рѣшено было въ одномъ мѣстѣ разобрать стѣну. И тутъ оказалось опять нѣчто неожиданное: помѣщеніе со сводомъ въ формѣ купола. Какъ повсюду въ Золотомъ Домѣ, земля и здѣсь осѣла, оставляя узкій проходъ между каменнымъ куполомъ и внутреннимъ землянымъ; чтобы итти по этому проходу, приходится всѣмъ корпусомъ изогнуться на бокъ. — Что это за покои? Возможно, что тутъ (подъ куполомъ) былъ при Неронѣ маленькій «домовый» храмъ, возможно и другое. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ дальнѣйшія раскопки. Д-ръ Веге надѣется закончить ихъ черезъ четыре года, такъ что туристы 1917 года смогутъ уже осматривать всѣ комнаты вдоль фасада дворца Нерона. Ту же его часть, которая идетъ въ глубину города въ сторону Маріи Маджоре не такъ легко будетъ изслѣдовать, потому что здѣсь надъ домомъ Нерона выросъ кварталъ современнаго города.

О внѣшнемъ видѣ фасада говорить не приходится: его сейчасъ не существуетъ; мѣсто, гдѣ онъ погребенъ, кажется естественнымъ продолженіемъ Эсквилинскаго холма. Остатки стѣнъ и потолковъ, которые мѣстами еще видны здѣсь уцѣлѣли, отъ термъ Траяна.

Но величину зданія чувствуешь, когда обходишь вокругъ него, чтобы добраться до вновь начатыхъ раскопокъ. Публика сюда пока не допускается. Только любезности доктора Веге, показавшаго намъ новыя работы, мы обязаны знакомствомъ съ лѣвымъ крыломъ Золотого Дома.

В. Степанова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 годъ.

ВЫШЕЛЪ № 9 (сентябрь) ЖУРНАЛА

Русское Богатство,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи: **А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, Ѳ. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова и А. Е. Рѣдько.**

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Муть. Повѣсть. (Окончаніе). *В. І. Дмитріевой.* **2. Біологическіе эскизы.** Эскизъ второй. „Душа“ низшихъ организмовъ. *В. Лункевича.* **3. Комета Галлея.** Семидневный романъ. *А. Дермана.* **4. Изъ жизни современнаго крестьянскаго міра.** (Въ волостныхъ старшинахъ). *С. Матвѣева.* **5. Изъ цикла „городъ“.** 1. Три камня. 2. На улицѣ. 3. Вечеромъ. 4. Тоска. 5. Бредъ. Стихотвореніе *Александра Рубакина.* **6. Кумиры.** Романъ *Уильяма Локка.* Переводъ съ англійскаго *З. Н. Журавской.* (Окончаніе). **7. Очерки соціальной исторіи Малороссіи.** 2. Формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. *В. Мякотина.* **8. Изъ Англіи.** *Діонео.* **9. Августъ Бебель.** *В. Майскаго.* **10 Французскій націонализмъ.** *Е. Сталинскаго.* **11. Обозрѣніе иностранной жизни.** *Н. С. Русанова.* **12. На очередныя темы.** *А. Пѣшехонова.* **13. Письмо П. Ф. Якубовича. 14. Новыя книги поступившія въ редакцію. 15. Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“. 16. Отъ комитета юбилейнаго чествованія „Русскихъ Вѣдомостей“. 17. Объявленія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ **9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к., на 4 мѣс.—**3** р., на 1 мѣс.— **75** к. Безъ доставки: на годъ—**8** р., на 6 мѣс.—**4** р. **Съ наложеннымъ платежомъ** отдѣльная книжка 1 р. 10 к. За границу: на годъ—12 р., на 6 мѣс.—**6** р., на 1 мѣс.—1 р. Адресъ конторы журнала: С.-Петербургъ, *Баскова, 9;* въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы: *Никитскій бульваръ, д. 19;* въ Одессѣ: въ книжн. магазин. „Одесскія Новости“, Дерибасовская, 20; въ магаз. „Трудъ“, Дерибасовская, 25; въ Баку: въ книжн. торговлѣ „Сотрудникъ“. Подписка отъ книжныхъ магазиновъ принимается только на цѣлый годъ и дѣлается уступка 40 к. съ экземпляра.

Продолжается подписка на 1913 годъ.

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“.

Журналъ, издаваемый

Русскимъ Библіографическимъ Обществомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Статьи и др. работы по вопросамъ теоретической и прикладной библіографіи: изслѣдованія изъ области библіографіи, библіотековѣдѣнія, библіофилии и книжнаго дѣла, указатели по отдѣльнымъ отраслямъ жизни и знанія, критико-библіографическіе обзоры, рецензіи.

Хроника и varia: библіографическая жизнь въ Россіи и за границей, выдающіеся факты изъ жизни обществъ и учрежденій, преслѣдующихъ задачи изученія книги, разныя замѣтки на библіографическія темы, отвѣты на вопросы читателей и пр.

Объявленія.

СРОКИ ВЫХОДА: журналъ выходитъ 4 раза въ годъ (приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ) размѣромъ не менѣе 3 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **3** руб., на $^1/_2$ г.—**1** руб. **50** коп.; отд. №—**75** коп. За границу—**4** руб.

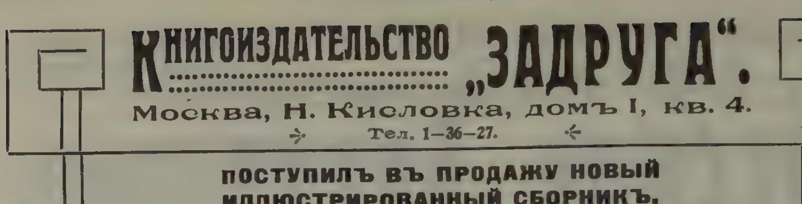
ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ: 1 страница—16 руб., $^1/_2$—8 р., $^1/_4$—4 руб., $^1/_8$—2 руб., $^1/_{16}$—1 руб., строка петита въ 1 колоннѣ (стр. 2 кол.)—20 коп.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: Москва, Моховая, 11 (Старое зд. Унив.). Библіографическое Общество. Отдѣленіе: Большая Никитская, 10, книжный магазинъ «Наука».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи, отдѣленіи конторы (кн. маг. **«Наука»**) и во всѣхъ столичныхъ и большихъ провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Переписка по дѣламъ редакціи (присылка статей etc.) должна быть направляема въ Библіогр. О-во или по адресу редактора журнала: Большой Палашевскій, 2, кв. 7. Личные переговоры — по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 ч. веч. въ помѣщеніи Библіографическаго Общества, въ остальные дни—по предварительному соглашенію.

Редакторъ **Б. С. БОДНАРСКІЙ.**

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

(Арестъ снятъ).

ВОЙНА И МИРЪ

Памяти Л. Толстого

Сборникъ

M.CM.XII.

Книгоиздательства

ЗАДРУГА.

Ц. **3** р. **50** коп.

Содержан е вышедшихъ книгъ „Голоса Минувшаго“:

№ 1. (Январь).

№ 2. (Февраль).

№ 3. (Мартъ).

№ 4. (Апрѣль).

IV. Критика и библіографія.

V. Обзоръ журналовъ:

С. П. Мельгуновъ. 1) „Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ". 2) Н. Л. Бродскій. „Новое о Пушкинѣ". 3) И. В. Лучицкій. „О феодализмѣ при Людовикѣ XVI". 4) А. М. Васютинскій. „Дж. Мадзини на защитѣ римской республики 1849 г. Новый варіантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганѣ".

VI. Рисунки:

Портреты (дуплексъ): Гольдони; Н. А. Спѣшнева и В. М. Максимова. Картина И. Е. Рѣпина. „Арестъ" (въ краскахъ). Заставки изъ изданій Струйскаго XVIII в.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы".

№ 5. (Май).

I. Статьи:

И. И. Шрейдеръ. Джузеппе Мадзини о національномъ вопросѣ. R. „Валеріанъ Лукасинскій".

Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

В. М. Максимовъ. Автобіографическія замѣтки (продолженіе).

И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминанія (оконч.).

Н. М. Іорданскій. Изъ недавняго прошлаго.

Проф. І. А. Артоболевскій. Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ.

Н. Н. Степаненко. Воспоминанія о Засодимскомъ. Автобіографическая замѣтка П. В. Засодимскаго. Сообщ. Ч. Вѣтринскій.

III. Матеріалы:

С. П. Мельгуновъ. Московскій университетъ въ 1894 г. (по поводу записокъ проф. Боголѣпова).

Черткова, А. К. Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно-православной литературой (по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ о немъ).

Письма. В. О. Ключевскаго.

Гершензонъ, М. О. О способахъ распространенія „Колокола".

(Письмо неизвѣстнаго къ А. И. Герцену). Гр. В. Н. Панинъ о Герценѣ.

IV. Обзоръ журналовъ:

1) Н. Л. Бродскій. Новое о Гаршинѣ.

2) А. М. Васютинскій и А. К. Дживелеговъ. М-ль Сталь, вел. кн. Екатерина Павловна и Наполеонъ.

V. Критика и библіографія.

VI. Рисунки.

Портретъ В. Лукасинскаго. Картины Максимова.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы".

№ 6. (Іюнь).

I. Статьи:

К. Н. Успенскій. Юстиніанъ и крупное землевладѣніе сенатской знати.

В. А. Филипповъ. Факты и легенды въ біографіи Ѳ. Г. Волкова.

В. И. Семевскій. М. В. Е ташевичъ-Петрашевскій.

Е. Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI. Переводъ съ франц. Е. П. Чапѣевой.

В. М. Хижняковъ. Изъ разсказовъ бабушки.

В. М. Максимовъ. Автобіографическія записки.

III. Матеріалы:

Казанскій заговоръ 1863 г. Эпизодъ изъ польскаго возстанія. Сообщ. А. Ершовъ.

Письмо фонъ-Тиле по поводу проекта „Уставной грамоты" Новосильцева. Съ пред. И. С. Рябинина.

IV. Обзоръ журналовъ:

Н. П. Сидоровъ. Ломоносовъ, Новиковъ, Радищевъ.

V. Критика и библіографія:

Новый трудъ по экономической исторіи Россіи. М. Н. Покровскаго.

VI. Некрологъ:

В. М. Соболевскій, — А. Н. Максимова, И. П. Бѣлоконскаго.

VII. Рисунки:

Портретъ В. М. Соболевскаго. Джабадари Максимова. Празднества въ Версалѣ (изданіе конца XVII в.).

VIII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы".

№ 7. (Іюль).

№ 8. (Августъ).

Въ отдѣльной продажѣ

книга журнала 1 руб.
